

Панова Вера Федоровна & amp; Вахтин Юрий Борисович

Жизнь Мухаммеда

Вера Фёдоровна Панова, Юрий Борисович Вахтин

"Жизнь Мухаммеда"

Оглавление

Вместо предисловия

ВСТУПЛЕНИЕ

Глава 1. ОСТРОВ АРАБОВ

Глава 2. МЕККА

Глава 3. ДЕТСТВО ПРОРОКА

Глава 4. ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ

Глава 5. ХАДИДЖА

Глава 6. СЕМЬЯ

Глава 7. ПОДГОТОВКА К ПРОРОЧЕСКОЙ МИССИИ

Глава 8. ПЕРВОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Глава 9. ТАЙНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Глава 10. "ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ!"

Глава 11. ОТ МИРА К ВРАЖДЕ

Глава 12. ГОНЕНИЯ

Глава 13. БОЙКОТ

Глава 14. ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

Глава 15. ПОСЛЕ ОТМЕНЫ БОЙКОТА

Глава 16. ХИДЖРА

Глава 17. АНСАРЫ И МУХАДЖИРЫ

Глава 18. ВОЙНА

Глава 19. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ

Глава 20. РЕФОРМЫ

Глава 21. ОСАДА МЕДИНЫ

Глава 22. ПОСЛЕДНЯЯ УСТУПКА ЯЗЫЧЕСТВУ

Глава 23. ПАДЕНИЕ МЕККИ

Глава 24. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Глава 25. "Я ВЫБРАЛ СМЕРТЬ..."

Послесловие

Вместо предисловия

Работу над книгой об основоположнике ислама - пророке Мухаммеде Вера Федоровна Панова начала в 1967 году, вскоре после выхода в свет ее исторических повестей "Лики на заре".

"В настоящее время я собираю материалы и делаю наброски к книге "Жизнь Магомета", ~ писала она в конце 1967 года Ю Н Короткову, главному редактору серии "Жизнь замечательных людей" издательства "Молодая гвардия" - Жизнь этого человека была очень яркой и протекала в обстановке, мало знакомой широкому читателю, а ее воздействие на последующие поколения огромно. Как Вы помните, жизнь этого человека собирался описать Л Н Толстой. Мне кажется, что подобная книга насыщенная информацией о событиях, понятиях и нравах этой эпохи, знакомящая с сущностью ислама в момент его возникновения и его связями с другими религиями - должна получиться не только интересной, но и полезной Я рассчитываю, что мне удастся совместить мою атеистическую позицию как автора с полным уважением и тактом по отношению к личности Магомета и убеждениям его последователей и сделать книгу так, что она не оскорбит чувств мусульман (как наших соотечественников, так и за рубежом)

Я очень бы хотела узнать Ваше мнение о возможности издания этой книги в ЖЗЛ и опубликования некоторых глав из нее в альманахе "Прометей"..

Реакция на это письмо была положительной, и в соответствии с заключенным вскоре договором рукопись должна была быть представлена к 1 января 1969 года, однако в конце 1968 года В Ф Пановой пришлось обратиться к Ю. Н. Короткову с просьбой пролонгировать договор.

"Я переоценила свои теперешние физические возможности, когда обещала представить "Жизнь Мухаммеда" (традиционное для нашей литературы имя Магомет очень скоро было заменено по настояниям арабистов как устаревшее на Мухаммед. - Ю. В.) к 1 января 1969 года Кроме того, недавно мне удалось достать еще одну книгу Монтомери Уотта. Знакомство с этой книгой обязывает меня сделать ряд уточнений в моей рукописи. Тем не менее на днях я Вам вышлю первые пять листов. Надеюсь, Вы найдете в них хотя бы некоторые свидетельства о том, что интересное дело, которое мы с Вами начали, стоит того, чтобы его завершить. Лично я работаю над этим материалом с большим увлечением..."

Рукопись была сдана в издательство в начале 1970 года. Одновременно был подготовлен сокращенный вариант для журнала "Дружба народов" и анонсирован на 1971 год.

Публикация в обоих вариантах, получивших одобрительные отзывы арабистов, встретила обычные для тех лет трудности, которые так и не были преодолены, несмотря на исключительно доброжелательное отношение к книге и в редакции ЖЗЛ, и в "Дружбе народов".

В начале работы над книгой я подбирал и систематизировал необходимые для Веры

Федоровны обширные материалы по истории ислама, опубликованные на английском языке, консультировался с востоковедами. Однако вскоре мое участие в работе переросло чисто секретарские рамки, и с 1969 года я стал соавтором этого труда.

То, что книга готовилась для серии ЖЗЛ, обусловило ее жанр - все факты, приведенные в ней, строго "документированы", их считают достоверными многие крупные отечественные и зарубежные исламоведы. Коран цитируется в переводе И. Ю. Крачковского (издание 1963 года). Использовались также переводы фрагментов Корана, встречающиеся в работах В. С. Соловьева, В. В. Бартольда и других авторов. Поступки и высказывания пророка Мухаммеда в обыденной жизни, являющиеся образцом и руководством для каждого мусульманина в решении всех жизненных проблем, дошедшие до нас в виде хадисов (изустно передававшихся рассказов непосредственных участников и очевидцев событий, впоследствии записанных), без каких-либо искажений взяты из тех изданий, которые признаны заслуживающими уважения у ортодоксальных приверженцев ислама. Использовались и другие источники, в частности капитальный труд Ибн Исхака, составившего в VIII веке полную биографию пророка, дошедшую до нас в переработке Ибн Хишама, жившего в IX веке (в английском переводе, сопровождаемом подробным научным комментарием).

Многие вопросы, касающиеся жизни и деятельности пророка Мухаммеда, до сих пор остаются дискуссионными, и авторы не считали себя обязанными при их освещении строго следовать какой-либо из исламоведческих школ. Вместе с тем в традициях отечественной культуры (В. С. Соловьев, В. В. Бартольд) авторы рассматривали ислам как самостоятельную монотеистическую религию, ничуть не менее развитую, нежели, скажем, христианство.

Как человек разрушает в себе традиционные представления о добре и зле, о справедливости и несправедливости? Какими путями происходит его отказ от еще недавно неоспоримых истин? Как потом от безбрежного нигилизма он переходит в повседневной реальности к новым идеалам, которым суждено со временем превратиться в новые догмы? Какую роль при этом играют его рассудок, интуиция, познавательная и творческая сила воображения? Подобные вопросы, возникавшие, конечно, в ходе работы над "Жизнью Мухаммеда", представлялись авторам актуальными и в нашу эпоху, когда их решение для очень многих людей связано не только с религиозными верованиями.

...Работа закончена 20 лет тому назад. В. Ф. Панова ушла из жизни в 1973 году. Готовя рукопись к печати, я старался ограничиться лишь самыми необходимыми изменениями - ознакомление с изданным в 1989 году капитальным трудом О. Г. Большакова "История Халифата. I. Ислам в Аравии (570-633)" позволило уточнить датировку некоторых событий, ряд исправлений в рукопись внесены в связи с критическими замечаниями рецензентов. Заинтересованный читатель сможет познакомиться с кораническими текстами и по второму изданию перевода И. Ю. Крачковского, осуществленному в 1986 году.

Даже в разгар "атеистического вандализма" никто всерьез не требовал, чтобы слово "Аллах" писали со строчной буквы, хотя писать слово "Бог" с прописной буквы было строго запрещено. Слова "Аллах" и "Бог" являются фактически синонимами. Скажем ли мы "Во имя Аллаха милостивого, милосердного", или "Во имя Бога милостивого, милосердного" - суть нашего обращения не изменится. Я рад, что в настоящем издании просьба автора писать слово "Бог" с прописной буквы удовлетворена.

Ю. Б. Вахтин*

* Юрий Борисович Вахтин - сын В. Ф. Пановой. - Ред.

Вступление

Давно или недавно жил Магомет? Далеко ли от нас его родина? Мы отправляемся на тысячи

километров к югу, переплываем Черное море, пересекаем Турцию и Сирию и попадаем в Саудовскую Аравию. Но разве это родина пророка? Нет, она еще дальше - она лежит в прошлом, на расстоянии в полторы тысячи лет. Там была сцена, на которой разыгрывалась его жизнь. О ней мы знаем далеко не все... Нам трудно понять смысл и значение того, что рассказывают его современники, - ведь двигаясь все дальше на юг и на юг, мы незаметно для себя пересекли границу нашей цивилизации, а двигаясь в глубь веков, покинули привычные для нашего времени формы общественной жизни. Мы попадаем в мир, где повседневная жизнь людей наполнена религиозными представлениями, а неверие в бога или богов считается свидетельством очевидной глупости, нарочитого безумного бахвальства и опасной склонности к сверхъестественному злодейству.

Но полно, так ли далек от нас мир Магомета? Не пугаем ли мы себя этими различиями, не берем ли неподобающе мелкий масштаб, чтобы преувеличить их и исподволь возвеличить себя и свое время? Не за тысячи километров от нас и не за полторы тысячи лет до нас, а рядом с нами, практически здесь, только что, сейчас, сию минуту началась и окончилась жизнь Магомета. Стоит ли удивляться, что человек не претерпел за это время никаких существенных биологических или психологических изменений, остался по своей природе (конечно, не по своему воспитанию, образованию и общественному опыту) тем же самым? Удивляться этому, может быть, и стоит, но это - научный факт, дорогой читатель... Да, да, мы с вами не отличаемся ни духовными, ни физическими возможностями от людей того времени. Поэтому во имя правильного отношения к историческому прошлому и к его общечеловеческому значению давайте не забывать, что, в сущности, в известном смысле родина пророка Магомета-наша планета Земля, время его жизни-эпоха, вполне доступная нашему обозрению, а стало быть, и он сам, и окружавшие его люди - почти что наши современники. И рассказ о его жизни не труднее и не легче, чем о жизни любого другого выдающегося человека...

Великого пророка звали Мухаммед - "Магомет" пришло к нам из французского языка. Пора переучиваться. Мухаммед, Мухаммед, Мухаммед - с ударением на втором слоге; постепенно это имя станет звучать привычно для нас.

Глава 1

Остров арабов

Остров арабов

Его обитатели

Племенной строй кочевников

Семья и клан

Священный закон гостеприимства

Кровная месть

Воины и поэты

Положение женщины в племени

Племенные боги

Письменность и литература

В широком смысле слова родина Мухаммеда - огромный Аравийский полуостров, по территории равный четверти у Европы. Арабы называли его Островом арабов, так как вокруг

него всюду плещется вода - Красное море, Индийский океан, Персидский залив, Мертвое море, реки Евфрат и Иордан.

Аравия... Горы, плоскогорья, засушливые степи, полупустыни, пустыни...

С северо-запада на юго-восток вдоль Красного моря на полторы тысячи километров тянутся горы Хиджаза, от которых к северу и востоку отходят невысокие хребты. К морю эти горы круто обрываются. Узкую низменную прибрежную полосу, знойную и безводную, называют Тихамой. К долине Евфрата и Персидскому заливу горы Хиджаза спускаются полого - это огромное плоскогорье Неджд, здесь раскинулись каменистые степи и полупустыни с редкими оазисами. Дальше к северу и востоку лежат пустыни - Сирийская, которая простирается от берегов Евфрата, Нефуд и Дахна. Красные пески этих пустынь лишь в зимние месяцы, в период дождей, покрываются растительностью; летом они выгорают, и люди покидают их.

На юге Аравийского полуострова, вдоль побережья Индийского океана, влаги выпадает побольше. Здесь районы древней земледельческой цивилизации Йемен, Хадрамаут, Оман.

Самые древние обитатели Аравийского полуострова были земледельцами, кочевого скотоводства, по-видимому, не знали и поэтому населяли только южные районы Аравии и оазисы центральной части полуострова.

В степях, полупустынях и пустынях люди стали жить постоянно только после того, как появилось кочевое скотоводство. Какие народы его "изобрели"? Когда и где это произошло? На все эти вопросы ответить невозможно. Ясно лишь, что оно возникло много позже земледелия. Оно требовало не столько физического напряжения, сколько высокого искусства, и было гораздо плодотворнее (производительнее) земледелия. Это давало силу кочевникам, на протяжении истории они часто покоряли земледельческие народы.

Прасемитические племена, от которых ведут свое происхождение арабы (это наименование можно перевести приблизительно как "бродяга" или "кочевник"), пришли на Аравийский полуостров, по-видимому, уже как кочевники. Они двигались вместе со стадами овец и коз, способных большую часть своей потребности в воде удовлетворять за счет свежего корма; с ними были верблюды, которые не только сами могут длительное время обходиться без воды, но и дают молоко - оно заменяет кочевникам воду в тех местах, где нет ни источников пресной воды, ни колодцев. "Не будь у них верблюдов, - замечает французский арабист Анри Ламменс, - половина кочевников погибла бы от жажды".

Вторгшиеся кочевники не только заняли девственные просторы степей и пустынь, но в конце концов покорили древние земледельческие племена и смешались с ними.

Когда семиты разделились на арабскую и еврейскую ветви, неизвестно. По арабским средневековым преданиям, в основном совпадающим с библейскими, предки семитов длительное время жили в Двуречье, где основали древнейшие цивилизации. Отсюда часть их двинулась на северо-запад, а часть - с правого берега реки Евфрат - в Аравию. Первые переселившиеся на полуостров племена, смешавшиеся с аборигенами, - от них остались только легенды - получили название "потерянных арабов", так как их уничтожил бог за грехи, либо они растворились среди более поздних колонистов. Этими колонистами были тринадцать сыновей Кахтана - библейского Иоктана, родного дяди ветхозаветного Ибрахима (Авраама), - которые из страны Хеттов за полторы-две тысячи лет до новой эры спустились к югу, вдоль Иордана и Мертвого моря, и расселились по Аравийскому полуострову. Потомков Кахтана называют "истинными арабами"; они дали начало группе южноарабских племен (йеменитов).

Северные племена считают "натурализовавшимися арабами" - их легендарный предок - Исмаил, сын Ибрахима от рабыни - египтянки Хаджар (библейская Агарь), стало быть, двоюродный внук того же Кахтана, родоначальника йеменитов. Но на полуостров

переселялись и другие родственники Ибрахима потомки брата его Нахора, сыновья Ибрахима от Кетуры и потомки Исава, внука Ибрахима.

Начало же еврейским племенам семитов было положено Исхаком (Исааком), сыном Ибрахима от Сарры, братом, хотя и не единоутробным, Исмаила.

Что в этих преданиях правда, а что - вымысел? Очевидно, как и во всяком эпосе, правдоподобный вымысел тесно переплетается в них с художественно и религиозно переосмысленными историческими фактами; племена и народы персонифицируются; существенное становится продолжительным по времени, а места труднодоступные - лежащими на краю света; люди и события часто группируются по законам художественного творчества, призванного выявить внутренний смысл исторических процессов. Как бы то ни было, различие между южными племенами, потомками Кахтана, и северными, потомками Исмаила, сохранилось до нашего времени, а тесное родство арабских и еврейских племен не вызывает сомнений.

Остров арабов во все времена лежал в центре цивилизованного мира. Древний Египет и Вавилон, страна Хеттов и Палестина, эллинские государства и Персидская держава - все это было рядом, во всех этих странах арабы бывали и как купцы с товарами, и как воины-наемники или союзники враждующих государств. Вторгались они в соседние страны и с целью грабежа. И в Аравию вторгались иноземные армии, подчиняли своему влиянию окраинные районы, но в центре полуострова удержаться не могли. Юг Аравии, Йемен и Хадрамаут в первых веках нашей эры попадал в зависимость то от Эфиопии, союзницы Византии, то от Персии.

На севере Византия и Персия вели между собой непрекращающиеся войны, в которые вовлекали и арабов. Для Византии и Персии нужен был мир с соседними арабскими племенами, а не уничтожение их: уничтожить их или изгнать значило открыть свои границы для набегов племен Центральной Аравии, которые легко могли бы уходить с награбленной добычей в недоступные степи и пустыни.

Племена Центральной Аравии сохраняли полную независимость от кого бы то ни было. Они кочевали со стадами одnogорбых верблюдов, овец и коз по степям и пустыням; в оазисах выращивали финиковую пальму, сеяли ячмень и пшеницу.

Аравийский полуостров во все времена пересекали важные торговые пути через Южную и Западную Аравию шла торговля Дальнего Востока и Средиземноморья, - особенно оживлявшиеся, когда войны прерывали сухопутный Великий шелковый путь. Водный путь по Красному морю использовался мало, и Западная Аравия являлась узлом сухопутных дорог между Индией, Ираном, Эфиопией, Сирией и Палестиной. Караваны перевозили благовония и ткани из Южной Аравии; золотой песок, слоновую кость и рабов из Африки; оружие, зерно и растительные масла из Сирии; шелк из Китая;

жемчуг с побережья Персидского залива. Вдоль караванных дорог возникли поселения со складами товаров, которые нужно было охранять, и постоянными дворами, здесь же велась местная торговля и селились ремесленники. Кочевники снабжали караваны верблюдами и проводниками, вооруженной охраной. Они взимали с них налоги за проход по своей территории. Продавали торговцам шерсть, кожи и скот. Переселялись в города и поселки, становились торговцами. Поэтому кочевые племена в той или иной степени были заинтересованы, чтобы торговля шла бесперебойно и желательна по их территории.

У кочевников веками и тысячелетиями сохранялся почти без изменений племенной строй. Племена делились на семьи и группы семей-кланы (роды). Глава самого многочисленного и могущественного клана являлся обычно и главой племени - шейхом. Власть шейха основывалась на его авторитете, а все сколько-нибудь существенные вопросы решал он

совместно со старейшинами племени. Шейх ведал сношениями с другими племенами и предводительствовал на войне, за что получал четвертую часть добычи. Он принимал гостей - законы гостеприимства были священны. Арабы, как и все другие кочевые народы, славилась своим гостеприимством. На гостя не распространялся закон кровной мести, смертельный враг, успевший прикоснуться к шатру, мог чувствовать себя в полной безопасности - он гость. Для него резали последнего барана и последнего верблюда - величайший позор плохо принять гостя! Гость свидетельство известности и мудрости хозяина; гость - это источник вестей, осведомленность о том, что делается в мире, знания, нужные для мудрых и дальновидных решений. Человек, который много знает, - уважаемый в племени человек, к мнению его стоит прислушаться. Умный человек обратит полученные сведения на пользу племени, да и себя не забудет. В общем, для кочевника был смысл соблюдать священный долг гостеприимства.

Другой священный долг племени - долг кровной мести. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь - если не соблюдается этот закон, ни один человек не может себя чувствовать в безопасности даже у себя дома. Поэтому и при нападениях на чужие караваны, и при грабеже скота старались по возможности крови не проливать. Ловко, быстро и бескровно совершить разбойный налет вот это настоящее молодечество и удасть, достойная восхищения!

В племени каждый мужчина - воин. Только силой оружия племя удерживало за собой пастбища и колодцы, оберегало стада, женщин и детей. Конечно, заключали и договоры о вечном мире и дружбе - и исполняли их, пока сохранялось примерное равенство сил. Объединялись в союзы; нередко пытались упрочить союз родственными связями. Ослабевшие племена сливались друг с другом, входили в состав более сильных племен - название их часто навсегда исчезало из памяти людей.

Происходило и дробление - усилившиеся кланы или группы родственных кланов обособлялись в самостоятельное племя, нередко получая при этом название по своему общему предку, к имени которого прибавляли слово "бану" сыны. Бану-Асад - сыны Асада - конечно, это племя включало не только прямых потомков реального или легендарного Асада, но и всех, кто был принят в состав племени, присоединился к нему.

Полноправный член племени был полностью свободен в том смысле, что никто, даже шейх или глава его собственного клана, не мог ему ничего приказать. Он никому не платил налогов, и даже сама мысль об этом должна была казаться ему странной и оскорбительной - налоги платят побежденные, как выкуп за свою жизнь и плату за свою трусость, а он свободен и готов защищать свою свободу с оружием в руках, кстати это оружие он всегда носил при себе; и все обязаны знать, что он никому не уступает в храбрости и не побоится сразиться с любым прославленным богатырем. Он был волен молиться любым богам и идти любым путем; даже во время войны он мог оставаться дома - не было ни полиции, ни армии, которые могли бы принудить его силой отправиться на войну или делать какую-нибудь работу. Короче говоря, его личная свобода не была ограничена ничем... кроме полной зависимости от своего племени. Если племя изгоняло его, он сразу же лишался вообще всех прав - становился хали, человеком вне закона. Закон был племенной, никаких общечеловеческих законов не было и быть не могло, так как не было той силы, которая стояла бы над всеми людьми и могла бы по своему произволу лишать человека жизни или брать его под защиту. Хали можно было обобрать, искалечить, продать в рабство, убить - все, что угодно. Он был ничей - всякий, кто "нашел" его или "подобрал", становился его владельцем.

Так, в условиях полной свободы и столь же полной зависимости от племени или от клана протекала жизнь араба-кочевника, его бытие, то самое бытие, которое определяет сознание.

За века и тысячелетия выработался нравственный кодекс, в основе которого были личная свобода и племенной гуманизм.

Согласно этому кодексу, идеальный араб должен быть благородным, бесстрашным в бою с врагами, непреклонным в выполнении долга кровной мести, верным слову, гостеприимным, щедрым, великодушным, почтительным к старшим; он должен невозмутимо переносить удары судьбы; не заискивать перед сильными и защищать слабых; заботиться о своей чести и чести своего племени;

ради чести своего племени он должен быть готов на любой подвиг, на любое самопожертвование. К этим идеалам должен был стремиться араб, если хотел завоевать уважение своих соплеменников, они же внушались и детям. Пожалуй, если поставить вместо слова "племя" слово "родина", то все перечисленные добродетели и сейчас не потеряли своей ценности.

Араб был связан узами близкого или отдаленного родства практически со всеми членами своего племени, и степень родства представляла для него большой интерес. Близкие родственники - потенциальные союзники;

на близких родственников в первую очередь падала обязанность кровной мести; степень родства определяла наследование имущества. Но наследовали не только имущество - по представлениям арабов, наследовали и благородство, и позор; считалось, что происхождение от благородного человека обеспечивает большие возможности для формирования благородного характера, чем происхождение от человека бесчестного и низкого. Поэтому арабы относились к своей родословной с той же серьезностью, что и к родословной своих верблюдов; нередко они точно помнили имена шести - восьми поколений своих реальных предков.

У всех кочевых народов женщина не считается равноценной мужчине. Ее роль в хозяйственной жизни кочевников очень невелика - домашнее хозяйство утомительно, но несложно; скотоводство - мужская обязанность почти исключительно; домашних ремесел, требующих женского труда, практически нет. Наконец, ее военная ценность равна нулю. Как мать и воспитательница детей, она полезна племени, однако степень этой несомненной полезности зависит от многих привходящих обстоятельств. Когда кочевое племя десятилетиями и веками занимает одну и ту же территорию, численность племени не может расти без ущерба для его благополучия. Чтобы расширить площадь своих пастбищ, племени нужны прежде всего мужчины-воины, а не женщины. Будут воины, будет и земля и богатство; будет богатство - будут и женщины для увеличения численности племени; свои и чужие, купленные или захваченные у врагов - в конце концов, это не столь уж существенно. По всем этим причинам ценность женщины, с точки зрения племени, была невелика, и женщина находилась в подчиненном положении. До замужества ее судьбой распоряжался отец; после замужества - муж; если муж умирал - она переходила к его ближайшим наследникам. Муж имел право развестись с неугодной ему женой - без всякого повода с ее стороны; при этом нередко и приданое, полученное за женой, оставалось его собственностью. Он мог иметь неограниченное число жен и неограниченное число наложниц. Рождение дочерей считалось немилостью судьбы. В некоторых племенах новорожденных девочек иногда убивали - закапывали живыми в землю. Этот жестокий обычай поддерживался не столько религиозными представлениями кочевников, сколько нищетой и часто повторяющимся голодом. Но такая картина положения женщины в доисламской Аравии, пожалуй, чересчур мрачна. В любом обществе закон не определяет полностью взаимоотношения реальных людей, тем более семейные отношения. И в арабском фольклоре, как и в фольклоре других народов, мы встречаем знакомый персонаж жены-злодейки, всячески тиранящей своего безропотного мужа.

Неограниченное многоженство допускалось, но большинство кочевников имело одну жену - не по соображениям высокого порядка, а из-за бедности. Впрочем, этих соображений "высокого порядка" просто не существовало многоженство было естественным проявлением если не богатства, то, во всяком случае, прочного достатка, и в глазах кочевников участь жен

в полигамной семье была завидной - ведь им и их детям меньше, чем другим, угрожала голодная смерть. Следует помнить, что даже представление об индивидуальной любви в современном ее понимании, как любви в значительной степени, если не преимущественно, духовной, практически отсутствовало - и не только у арабских племен.

Юридически бесправное положение женщины в семье мужа в реальной жизни чаще всего не было столь уж бесправным - ведь благополучие ее не было безразличным для ее родственников - мужчин, и это так или иначе приходилось учитывать. И наверное, стоило трижды подумать, прежде чем удалить жену, не совершившую серьезного проступка, а тем более удалить, удержав ее приданое, и тем самым не только порвать дружеские отношения, установленные с ее родом посредством брака, но и возбудить к себе неприязненное отношение, а то и вражду. Положение женщины и в семье, и в племени резко улучшалось после рождения сыновей, будущих работников и воинов, - уже с самой колыбели они защищали интересы матери.

Наконец, у многих арабских племен сохранились и некоторые остатки матриархата - родство по женской линии считалось более существенным при наследовании имущества, чем родство по мужской линии, женщина нередко обладала таким же правом развода, как и мужчина, который при заключении брака поселялся в ее доме. Овдовев, женщина не становилась собственностью родственников покойного мужа - она наследовала часть его имущества и могла вернуться к своим родичам. Следует добавить, что женщины у арабов-бедуинов не закрывали лица и не вели жизнь затворниц - этого от них не требовали ни религия, ни обычай. В большинстве племен обычай строго требовал от женщины целомудрия в добрачный период и верности мужу после брака - большая свобода, носящая характер пережитков полиандрии (многомужества), была уже редким исключением.

Применение рабского труда не играло в хозяйстве кочевников важной роли. Рабы, и купленные и захваченные на войне, использовались преимущественно в домашнем хозяйстве; дети рабыни считались законными и свободными, наследовали часть имущества своего отца и становились полноправными членами племени. Сыном араба-кочевника и чернокожей рабыни из Эфиопии был знаменитый арабский поэт Антара, прославившийся не только поэтическим талантом, но и своей богатырской силой и неустрашимостью, своего рода арабский Илья Муромец, герой бесчисленных приключенческих романов арабского средневековья.

При племенной жизни главное "божество" - само племя; поэтому боги и религиозные представления занимали сравнительно небольшое место в жизни кочевников. Арабы считали, что богов существует много. Чаще всего боги "жили" на определенной территории, во всяком случае их могущество в пределах своих владений проявлялось с наибольшей полнотой. Поэтому, в частности, каждое племя предпочитало иметь дело со своими собственными богами, за что и получало их покровительство. Кроме того, наличие собственных богов укрепляло единство племени и усиливало племенной патриотизм.

Боги отличались по своей природе и от человека, и от окружающих его вещей. Но, сделав изображение бога или богини, можно было заставить их постоянно пребывать внутри или вблизи своего изображения, особенно если совершать нужные обряды. Около символа божества (идола) или в местах, избранных божеством - часто это были источники, роци или причудливой формы скалы, - человек имел наиболее благоприятные условия для общения с ним.

В Южной Аравии было особенно много богов, родственных богам Древнего Вавилона. Эти боги на небесах избрали местом своего постоянного пребывания Солнце, Луну, планеты и неподвижные звезды, от которых часто и получали свои первоначальные имена. Луна считалась божеством мужского пола, а Солнце женского.

Среди северных арабских племен очень сильно было распространено почитание бетиллов ("бейт-ил" - "жилище Бога") - вертикально поставленных камней, в которых изображение часто позволяло угадать существо, напоминающее человека. Небольшие бетиловы перевозили на верблюдах - вместе с племенем. Крупные каменные монолиты причудливой формы, созданные ветровой эрозией, одиноко стояли в степи на своих постоянных местах и сильно действовали на воображение своим загадочным видом и необъяснимостью появления вдали от скал и гор.

Религиозные обряды отправляло все племя и с помощью богов пытались улаживать свои дела. Отдельный человек выступал перед Богом прежде всего как представитель своего племени; именно то, что он являлся частью племени, давало ему право тревожить богов своими делами и позволяло надеяться на благоприятные результаты адресованных богам прошений; его личные заслуги и нравственные качества имели в какой-то степени второстепенное значение.

Идолопоклонство и многобожие не мешали, однако, существовать и представлениям о верховном Боге; в отличие от богов и богинь, у которых были имена, это высшее божество не имело собственного имени или его имя было слишком священным и запретным для произнесения вслух-его называли просто Богом (Аллахом) или словами, обозначающими его качества, - "всевышний", "милосердный", "владыка людей", "господь" и т. д. Были ли остальные боги и богини "представителями" этого единого Бога, его сыновьями и дочерьми, или они существовали самостоятельно - неясно. Во всяком случае, именно многочисленные боги и богини были окружены реальным почитанием; возможно, верховного Бога почитать было бессмысленно - как владыка всего сущего, он вряд ли мог быть заинтересован делами того или иного племени, а тем более отдельного человека - делами, чаще всего не только незначительными, но и направленными против других племен и людей. С другой стороны, идея единого Бога несовместима с племенным патриотизмом, так как такая идея предполагает равенство всех людей и племен, тогда как было очевидно для всякого, что люди, не принадлежащие к его собственному племени, - чужие и к ним нужно относиться совершенно иначе, чем к соплеменникам.

Верховного Бога почитали всерьез лишь отдельные люди, которые получили название ханифов. Они отвергали идолопоклонство и, по-видимому, верили в индивидуальное бессмертие человека, то есть в загробную жизнь. Содержание загробной жизни - будет ли она хорошей или плохой - зависит от личного поведения человека, а не от судьбы его племени или клана. Поэтому ханифы стремились к добродетельной жизни, за что и пользовались определенным уважением соплеменников.

Арабы торговали и воевали с окружающими их народами и хорошо знали религии этих народов - и иудаизм, и христианство, и зороастризм. Представители всех этих вероисповеданий жили в оазисах и городах, религиозной нетерпимости не существовало, никаких препятствий миссионерская деятельность не встречала. И однако, эти хорошо разработанные религиозные системы не оказали практически никакого влияния на верования кочевых племен - очевидно, племенной строй был несовместим с ними. Лишь в тех случаях, когда строй частично или полностью разрушался и появлялось неравенство и государственная власть, наблюдалось успешное распространение этих религий среди арабов.

Последователи маздеизма и пророка Заратуштры, населявшие прилегающий к Персидскому заливу Бахрейн, верили, что в мире идет непрекращающаяся борьба света с тьмой, добра со злом, правды с ложью и обязанность человека сражаться на стороне света, добра и правды для их окончательного торжества на земле.

Солнце было символом Света, Правды и Добра, так же как и заботливо поддерживаемый Вечный огонь, спущенный на землю с солнца, - во мраке ночи он помогал людям бороться с

силами Зла, окрыленными закатом солнца.

Христиан всех сект и течений арабы называли насара. Насара веками жили на севере и юге Аравии - в Гассанидском и Лахмидском княжествах, в Набатее и Йемене. Арабы Гассанидского княжества, выходцы из Йемена, кочевали по Финикии, Палестине и Южной Сирии, за охрану границ и набеги на Персию получали от византийских императоров щедрые подарки.

Набатая, прилегающая к Мертвому морю и Синайскому полуострову, в 106 году новой эры была обращена императором Трояном в римскую провинцию с громким названием "Аравия", а впоследствии вошла в состав Византии.

Столицей Лахмидского княжества, также населенного выходцами из Йемена, была Хира, расположенная на правом берегу Евфрата, недалеко от Древнего Вавилона. Лахмиды совершали походы на гассанидов и воевали с Византией на стороне Персии.

Южная часть Аравийского полуострова издавна была тесно связана с Грецией, Римом, а затем с Византией и Эфиопией. Еще до новой эры в княжествах Йемена чеканились монеты с изображением совы - герба города Афины, а позже - с изображением римских императоров, хотя правители этих княжеств были не вассалами, а всего лишь "друзьями Рима". Сюда христианство проникло в III-IV веках. Населенный насара Неджран, расположенный в Северном Йемене, еще в VI веке новой эры управлялся своим епископом и одно время был вольным городом.

Еще более древними были связи с Палестиной; в Йемене находилось Сабейское царство, известное по библейской легенде о путешествии царицы Савской к Соломону. В Древнем Йемене иудаизм играл, наравне с христианством, важную роль, а законодательство больше походило на еврейское, чем на вавилонское. Последователей иудаизма арабы называли яхуди. В VI веке новой эры язычники и яхуди в Йемене пользовались поддержкой со стороны Персии, вытеснившей к 570 году эфиопов.

Из великих религиозных учений, пожалуй, только буддизм был мало знаком арабам. Известно, что царь Ашока в III веке до новой эры посылал миссионеров для распространения буддизма в Сирию и Южную Аравию, однако никаких следов успешной проповеди буддизма не сохранилось.

Все эти чужеземные религии, повторяем, пускали ростки преимущественно в городах и оазисах, где люди жили земледелием, ремеслом и торговлей, где находил полезное применение рабский труд, где племенной строй разрушался и непримиримый антагонизм порождал различные формы государственной власти. Кочевники же, бедуины (бедуины - люди бадии, "пустыни", в противоположность оседлым жителям-людям хадара), стойко придерживались своих языческих верований.

Письменность у арабов возникла в Южной Аравии примерно за тысячу лет до новой эры. Самые древние надписи были сделаны на диалектах южноарабских племен, однако в основу общеарабского литературного языка легли диалекты северных племен, письменность которых сложилась на основе арамейского алфавита, литература существовала, по-видимому, исключительно в виде поэзии, причем уже в первые века нашей эры поэзии чрезвычайно высокоразвитой, с богатым языком и разнообразными метрами. Стихи и поэмы выдающихся поэтов были распространены по всему полуострову, их заучивали наизусть, меткие цитаты использовали в разговорной речи, они становились пословицами.

Поэты воспевали добродетели араба - гордого, сильного и храброго, верного племени, никому не подчиненного, воспевали упоение битвой и охотой. Наряду с традиционным восхвалением своего племени мы встречаем в стихах и пейзаж, и любовную лирику, овеянную грустью неизбежного увядания женской красоты и мимолетности любви, и

философское раздумье о жизни, с ее одинаковым для всех концом, и описание верных друзей поэта - его лошади и верблюда, кстати описание не менее подробное и любовное, чем описание женской красоты. Религиозные мотивы в целом редки в поэзии арабов, похождения богов и богинь их не занимали. Это была целиком светская поэзия, и хотя намеки на существование единого невидимого Бога и загробной жизни в ней встречаются, преобладает насмешливое отношение к религии - не то чтобы поэт был атеистом, но он хотел показать, что не боится ни смерти, ни богов, ни дьявола.

Арабская поэзия того времени сохранялась главным образом в изустной передаче.

Стихи и поэмы арабов были прекрасны - поэтический талант считался одним из высших достоинств человека, родством с поэтом гордились, поэт был желанным гостем любого племени и лицом неприкосновенным. Считали всерьез, что поэты одержимы демонами, что и позволяет им создавать их волшебные стихи, обладающие необъяснимой силой воздействия на человеческие сердца.

Так же высоко ценили арабы и красноречие, умение пользоваться словом. Удивительно, как на фоне уже по тому времени примитивного социального строя - при почти полном отсутствии заметных успехов в материальном производстве - арабы смогли создать богатейший литературный язык и достичь огромных успехов в поэзии. Культура слова, несомненно, свидетельствует, что арабы уже в первых веках нашей эры были, если так можно выразиться, потенциальными носителями высокой цивилизации - цивилизации, которой лишь бесплодность степей и пустынь до поры до времени мешала реализоваться в социальных, материальных и духовных областях.

Как создавалась эта цивилизация - можно лишь гадать. Вероятно, тысячелетние контакты едва ли не со всеми культурами и религиями Евразии не прошли для арабов бесследно, хотя и не изменили внешних форм тех сторон их жизни, которые были продиктованы суровыми условиями степей и пустынь. Эти условия держали арабов-кочевников на грани нищеты и голода, но они же не позволяли могущественным соседям завоевать Аравию, не давали возникнуть на ее территории сильному государству, которое на костях миллионов рабов и подневольных создало бы шедевры высокой культуры для немногих.

Но кочевое хозяйство, не создававшее материальных излишков, которые можно было или стоило отнять, на протяжении многих веков защищало арабов от социального порабощения, и так как это было хозяйство с очень высокой производительностью труда, они пользовались не только личной свободой, но и обильным досугом, необходимым для умственной и духовной жизни. Да и сам

труд араба-кочевника, впрочем как и араба-купца, не был монотонно-однообразным и скорее требовал от него искусства и сообразительности, чем физического напряжения. Возможно, поэтому уже в первые века новой эры араб, нищий и неграмотный, интеллектуально превосходил среднего подданного соседних могучих империй, не говоря уже о его безусловном превосходстве в военном искусстве.

Некоторые ученые полагают, что в IV-VI веках нашей эры климат Аравии стал несколько влажнее, что привело к росту населения, переселениям и столкновениям племен, расширению оазисов и росту городов. Возможно, все это способствовало тому, что разложение племенного строя (разложение, следы которого можно обнаружить и за тысячу лет до новой эры и которое при иных условиях могло бы продолжаться еще тысячу лет) резко ускорило именно в VI-VII веках, что создало в городах условия социального кризиса. Очевидно, что кризис родового строя в специфических условиях Аравии, в эпоху, когда в соседних странах уже разрушался или был разрушен рабовладельческий строй, не мог не привести к несколько иным историческим последствиям, чем подобные же кризисы в других странах и в другие эпохи.

Глава 2

Мекка

Ее святыни: храм Кааба, источник Замзам

Черный камень Каабы

Курайш и племя курайшитов

Абд аль-Мутталиб

Расчистка священного источника

Клятва Абд аль-Мутталиба

Прорицательницы

Отмена человеческих жертвоприношении

Женитьба Абдаллаха - будущего отца пророка

Торговая конкуренция

Поход йеменцев против Мекки в "год Слона"

В первых веках нашей эры в районах Центральной Аравии появилась своя "столица" - город Мекка, расположенный километрах в семидесяти от побережья Красного моря, на границе гористого Хиджаза и знойной Тихамы, - будущее место рождения Мухаммеда.

Область Мекки крайне засушлива и совершенно непригодна для земледелия. Не славилась она и скотоводством - в ее окрестностях, покрытых скудной растительностью, с трудом могли отыскать для себя корм лишь небольшие стада верблюдов, овец и коз.

Но для торгового поселения место было хорошее - относительно безопасное, защищенное горами и пустынями. Отсюда шли удобные караванные пути в Южную Аравию, Иран, Сирию, к побережью Средиземного моря. Главное же - в самой Мекке и поблизости от нее находились святыни, почитаемые многими арабскими племенами, благодаря этим святыням вся округа признавалась священной территорией. Со всех концов Аравии стекались сюда паломники, торговля с которыми вполне могла прокормить небольшой городок.

Важнейшей святыней Мекки был "дом Бога" - храм, который из-за своей кубической формы получил у арабов название Кааба, и расположенный рядом с ним источник Замзам.

Когда Мекканская долина стала почитаться как священная земля, историки не знают.

По арабским преданиям, появление в этих пустынных местах обильного водой источника обязано чуду, сотворенному Богом ради праотца Ибрахима и сына его Исмаила, легендарного родоначальника североарабских племен. По возвращении Ибрахима из Египта в Палестину жена его Сарра, которая была неплодна, не надеясь иметь детей, предложила в жены Ибрахиму свою рабыню Хаджар, подаренную ей египетским фараоном. Хаджар, родившая вскоре Исмаила, возгордилась и стала с презрением относиться к Сарре, что было не очень-то хорошо с ее стороны. Когда же престарелая Сарра по воле Бога родила Исаака, к вражде матерей вскоре присоединились ссоры сыновей. Сарра горько жаловалась Ибрахиму и требовала прогнать Хаджар с ее сыном. Ибрахиму, очень любившему Исмаила, трудно было решиться на это; но Бог приказал ему подчиниться требованиям Сарры, и он отвел Хаджар с Исмаилом в Аравию, на самим Богом указанное место и оставил их там. Вскоре

запас воды у них кончился. Напрасно Хаджар металась в поисках источника или колодца (по преданию, это послужило прототипом одного из обрядов мекканского паломничества - сай) - ни малейшего следа воды не было заметно среди безжизненных холмов и раскаленных скал, и мучительная смерть от жажды казалась неизбежной. Отчаявшись, Хаджар удалилась на некоторое расстояние от Исмаила, чтобы не видеть его предсмертных страданий, облегчить которые она была бессильна, а оставленный ею Исмаил заплакал и стал ударять ногою о землю. И - о, чудо! - на этом месте забил источник пресной воды! Хаджар, бросившаяся к сыну (она думала, что на Исмаила напали дикие звери), увидела, что они спасены, - она напоила Исмаила и напилась сама, а чудесный источник оградила землей и камнями из боязни потерять воду. Такова легенда о происхождении источника Замзам.

Кстати, в этой легенде нашла отражение та высокая и подчас решающая роль, которую играли женщины в племенной жизни у предков древних семитов. Требование Сарры, продиктованное заботой о собственном сыне-Исхаке (библейский Исаак), родившемся после Исмаила, и ревностью к Хаджар, лишь спустя некоторое время получает божественную санкцию - этот приказ, полученный от Бога, собственно, и оправдывает Ибрахима в глазах его потомков, прочно усвоивших патриархальный уклад жизни, настолько прочно, что они стали считать его существовавшим от века.

Как бы то ни было, кому из детей выселяться, отделяться, покидать отчий дом, нужно было решать, и решала его Сарра, занимавшая самое высокое положение среди женщин племени, и ей был вынужден подчиниться Ибрахим, сердце которого обливалось кровью при одной мысли об удалении своего первенца. Отделение сыновей Ибрахима, рожденных от Кетуры, уже не было для него, судя по легендам, столь мучительно и болезненно, так как с ним оставался Исхак. Кстати, и Исхаку пришлось подчиниться власти своей жены Ревекки, когда встал аналогичный вопрос - кому из детей его оставаться на обжитой земле, а кому - выселиться. На этот раз никакого мотива ревности быть не могло - оба сына, Иаков и Исав, были ее собственными детьми, более того - близнецами. Ревекка (по совету Бога, конечно) обманула Исхака. И опять выбор пал на "младшего", родившегося на несколько минут позднее Иакова, а Исав должен был удалиться в пустыню, и его потомки также пополнили ряды древних арабов.

Утешая Ибрахима, боявшегося, что его сын погибнет в пустыне, Бог обещал ему, что Исмаил не только не погибнет, но станет родоначальником могучего народа, а потомки его будут многочисленными, как песок морской; народа воинственного, так что "рука их будет на всех"; правда, другие народы, эти "все", не будут покорно переносить воинственность потомков Исмаила, и, как выразился бог, также и "рука всех будет на него". Об этом пророчестве пришлось вспомнить народам, почитавшим Библию как священное писание, в эпоху арабских завоеваний...

Вскоре Хаджар и Исмаил повстречались с племенами джурхумитов, пришедших в эти места из Йемена со стадами овец и верблюдов в поисках воды, и присоединились к ним.

Как сложилась дальнейшая судьба Хаджар - легенды умалчивают. Известно лишь, что, когда она умерла, Исмаил похоронил ее близ того места, где расположен храм Кааба.

Еще при жизни Хаджар Ибрахим, навещавший изредка Исмаила (для этого ему приходилось совершать немалое путешествие, так как сам он жил в Сирии), наставлял своего сына как в вопросах религиозных, так и в житейских.

В одно из таких посещений Ибрахим не застал своего изгнанного первенца, навстречу ему из шатра Исмаила, вокруг которого из стволов низкорослой пальмы был устроен загон для скота, вышла незнакомая женщина - она назвалась женой Исмаила и объяснила Ибрахиму, которого она до этого не видела, что Исмаил ушел на охоту. Она не предложила гостю войти в дом и не оказала ему никакого уважения. В ответ на расспросы Ибрахима об их жизни

женщина стала жаловаться ему, совершенно незнакомому ей человеку, на бедность. Выслушав ее жалобы, Ибрахим сказал:

- Когда вернется твой муж, опиши ему меня и передай, чтобы он переменял порог своего шатра. - После чего попрощался и уехал.

Когда Исмаил вернулся домой и выслушал рассказ о незнакомом госте и его ответе, он сразу понял, что приезжал Ибрахим, что отец не одобряет его брака и рекомендует ему развестись. Исмаил вернул жену ее родственникам и женился вторично на дочери джурхумита Мадада, вождя этого племени.

В следующий раз, когда Ибрахим вновь посетил сына, Исмаила опять не было дома, но на этот раз Ибрахиму был оказан совсем другой прием. Новая жена сына приветливо пригласила его в дом, а так как Ибрахим не мог воспользоваться ее приглашением (пока была жива Хаджар, ревнивая Сарра разрешала ему навещать Исмаила только при условии, что он обещает не сходить со своего коня), она вышла к нему, почтительно омыла ему бороду и предложила отведать всего, что было в доме, - молока, вареного мяса и фиников, хлеба, к сожалению, у них нет. В ответ на его расспросы она не стала позорить своего мужа жалобами на плохую жизнь - все это понравилось Ибрахиму, и, уезжая, он попросил передать Исмаилу, что теперь у его шатра хороший порог. И действительно, эта жена, которая продемонстрировала в назидание потомкам, как должна вести себя арабская женщина по отношению к гостю и мужу, оказалась удачной - она родила Исмаилу 12 сыновей, ставших родоначальниками североарабских племен.

После смерти Хаджар отец Исмаила стал подолгу, иногда по нескольку лет, гостить в окрестностях Мекки. В одно из его посещений (по велению Аллаха) и был построен храм Кааба на том самом месте близ источника Замзам, где некогда находился храм Адама - первый храм на земле. Это место было указано ангелом Джibriлом (архангелом Гавриилом), который помогал Ибрахиму и Исмаилу при строительстве и объяснял, каким должен быть храм, угодный Богу. От него же, очевидно, Ибрахим и Исмаил узнали, что храм, который они строят, точная копия того храма, в котором молился Адам. По арабским легендам, после грехопадения Адам и Хавва (Ева) были не только изгнаны из рая, но и разлучены-Адам попал на остров Шри-Ланку (Цейлон), а Хавва-на побережье Красного моря недалеко от Мекки - в те места, где расположен ныне порт Джидда. (Кстати, на окраине Джидды и сейчас показывают могилу праматери Хаввы.) Они встретились только через двести лет - как раз в районе Мекки; гора Арафат, где они впервые познали друг друга после столь продолжительной разлуки, почитается мусульманами как одна из святынь.

Адам очень страдал, что он лишился не только рая, но и храма, в котором привык молиться в раю. В конце концов Бог смилостивился, и копия храма была спущена на землю. По смерти Адама этот нерукотворный храм был унесен обратно на небо. После этого Каабу строили Сиф (сын Адама), Нух (Ной) и его сын Сим, восстановивший ее после потопа.

Чтобы Каабу было легче строить, ангел Джibriл принес Ибрахиму плоский камень, который мог висеть в воздухе и служить в качестве строительных лесов;

этот камень (Макам Ибрахим) до сих пор находится в Каабе, и верующие отчетливо видят на нем отпечатки ног своего праотца. Когда храм был почти готов, Ибрахиму понадобился заметный камень, чтобы обозначить на стене место, с которого следует начинать ритуальное обхождение вокруг Каабы. Дело в том, что в раю ангелы и Адам, наученные самим Богом, совершали семикратное обхождение вокруг храма, и Ибрахим хотел, чтобы и на земле богослужение происходило правильно. Тут-то ангел Джibriл и принес ему знаменитый Черный камень, который был вделан в северо-восточный угол здания, - этот камень первоначально был ослепительной белизны, но затем быстро почернел от прикосновений грешников. Камень имел неземное происхождение, еще во времена Адама он упал с неба -

по одной из версий, это был ангел-хранитель Адама, обращенный в камень после того, как он допустил грехопадение своего подопечного. Действительная природа Черного камня до сих пор неизвестна многие ученые считают его очень крупным метеоритом, но не исключено, что это крупный кусок неизвестной вулканической породы: каменистая Аравия изобилует потухшими вулканами, и во многих местах мощные потоки лавы залегают на самой поверхности.

От старшего сына Исмаила заведование Каабой перешло к южноарабскому племени джурхумитов, пользовавшихся поддержкой вавилонян. В III веке нашей эры их вытеснили Бану Хузаа - также южноарабское племя; покидая Мекку, джурхумиты разрушили Каабу и засыпали источник Замзам. Хузаиты восстановили Каабу. Аднан, один из потомков Исмаила, женился на дочери вождя хузаитов и поселился в Мекке. Праправнук этого исмаилита Фир, по прозвищу Курайш, стал родоначальником нового племени - курайшитов. Курайшиты, жившие как в самой Мекке, так и в ее окрестностях, постепенно усилились настолько, что через двести лет потомок Фира в седьмом колене Кусай выгнал наполовину истребленное эпидемией чумы племя хузаитов из Мекки. Согласно арабским источникам, курайшиты полностью овладели и городом и храмом около 440-450 года, то есть меньше, чем за 150 лет до рождения Мухаммеда. Собственно, с этого времени, так или иначе, начинается действительная, а не легендарная история Мекки - пусть неполная и отрывочная, противоречивая и искаженная, но история.

Что же касается легенд об источнике Замзам и Каабе, часто отличающихся друг от друга в деталях и противоречащих друг другу, то записаны они были уже после возникновения ислама, а у некоторых южных племен Аравии еще в VII-VIII веках бытовало представление

о Каабе как храме, в котором первоначально поклонялись планете Сатурн.

Кусай, под предводительством которого курайшиты полностью овладели Меккой и установили свой контроль над значительными районами Хиджаза, прапрадед Мухаммеда. Влияние и богатство Кусая были так велики, что его нередко называли "князем курайшитов", хотя он являлся всего лишь могущественным шейхом (предводителем) сильного и процветающего племени. Предания приписывают ему решающее участие во всех важнейших изменениях, которые при его жизни произошли в Мекке.

Прежде всего он предложил срубить рощу, которая окружала Каабу, и использовать полученную таким путем древесину на строительство города. Его предложение вызвало замешательство курайшитов, которые почитали эту рощу священной и не решались рубить деревья. Тогда Кусай, не отличавшийся, по-видимому, особой религиозностью, сам взял в руки топор и собственноручно срубил первое дерево на глазах у собравшихся курайшитов. Так как после этого святотатства он остался цел и невредим, курайшиты последовали его примеру и полностью вырубили рощу. В результате большая часть пространства вокруг храма была вскоре застроена большими каменными домами самых знатных курайшитов - некоторые дома были высотой в два-три этажа. Оставлена была только небольшая площадь за пределами ограды самого храма для совершения необходимых религиозных церемоний.

Какому бы богу ни была первоначально посвящена Кааба и кем бы ни была она основана, но в V веке новой эры в ней самой, вокруг нее и на ее стенах уже стояли многочисленные идолы. Когда они появились впервые - неизвестно, да и не столь существенно. Предания сохранили имена ряда людей, которые привозили и устанавливали в Каабе отдельных идолов, но эти имена, даже если они подлинны, ничего нам не говорят. Важно другое - курайшиты не только не препятствовали вселению "чужих" богов в Каабу, но, как это некогда делали римские императоры, всячески поощряли его, стремясь еще больше усилить роль своего храма и своего города как религиозного центра возможно большей части Аравии.

Среди потомков Кусая, умершего в 480 году, наиболее известен его внук Хашим, прадед

Мухаммеда. Подобно Кусая, он считался главой Мекки, и при нем стали ежегодно снаряжать два специальных каравана за продовольствием для Мекки - зимой в Йемен и летом в Сирию. Кроме того, он первым начал практиковать в Мекке раздачу еды беднейшим курайшитам, правда неизвестно, ежедневно или лишь по определенным дням. Неизвестно также, осуществлялась ли эта благотворительность за счет города или на средства самых богатых курайшитов.

Хашим умер в Газе, на берегу Средиземного моря, во время одной из своих поездок в Сирию, оставив после себя малолетнего сына Шейбу, который свое детство провел в Ясрибе, откуда была родом его мать. В Мекку его привез Мутталиб, младший брат Хашима, когда Шейба был уже юношей. Мекканцы приняли светловолосого Шейбу за раба Мутталиба, из-за чего он якобы и получил прозвище Абд аль-Мутталиб - "раб аль-Мут-талиба"; так и называли Шейбу до конца его дней.

Вскоре не стало и братьев Хашима, из которых только Абд Шамс скончался в Мекке; Мутталиб умер в Йемене, а Науфал - в Ираке; подобно Хашиму, эти основатели могущественных кланов курайшитов вели неутомимую и полную превратностей жизнь купцов-путешественников, и смерть нередко застигала их вдали от родного города.

После смерти Мутталиба, последовавшей около 520 года, Абд аль-Мутталиб оказался старейшиной племени. При нем основные должности в Мекке продолжали оставаться в руках членов семейства Кусая, являвшихся к тому времени главами значительных кланов. В их руках находились ключи от Каабы (их пришлось завести ввиду попыток разграбить накопленные в храме сокровища), надзор за колодцами, судопроизводство, "иностранное дело", хранение священного знамени, с которым курайшиты отправлялись на войну, взимание налога в пользу бедных, председательство в собрании старейшин, право созывать собрания, управление общественными финансами и хранения гадательных стрел - таковы десять основных должностей, существовавших в Мекке.

Абд аль-Мутталиб - дед Мухаммеда, и уже по одной этой причине его богатство и величие вполне могли быть сильно приукрашены потомками, которые лет через двести после его смерти сочли необходимым записать и тем самым увековечить рассказы о нем. Эти рассказы приписывают именно Абд аль-Мутталибу восстановление колодца Замзам, который был засыпан еще джурхумитами, одновременно разрушившими и Каабу, когда за несколько столетий до описываемых событий они были вынуждены покинуть Мекку под натиском племени Бану Хузаа. Храм вскоре восстановили, а источник откапывать не стали - вероятно, жителей в Мекке в тот период было немного, а паломничество либо сильно сократилось в результате царивших в городе и его окрестностях беспорядков, либо вообще было еще незначительным. Во всяком случае, город прекрасно обходился без источника Замзам, и постепенно даже места, на котором он был расположен, уже никто в точности не знал. Поэтому, когда население Мекки увеличилось, а приток паломников сильно возрос, потребовалось небольшое чудо, чтобы восстановить источник. Такое чудо и случилось с Абд аль-Мутталибом.

По свидетельству Али, внука Абд аль-Мутталиба и одного из первых халифов, дед его так рассказывал об этой истории.

Как-то он лег спать в ограде храма (вспомним, что он был хранителем ключей от Каабы, сторожем), и ночью во сне ему явился дух в человеческом облике. Дух приказал:

- Выкопай Тибу!

- Но что такое Тиба? - спросил Абд аль-Мутталиб. На это дух ничего не ответил и удалился.

На следующую ночь Абд аль-Мутталиб по совету курайшитов, которым он рассказал о видении, опять лег спать на том же самом месте. История повторилась, только на этот раз

явившийся дух приказал выкопать Барру - что это такое, Абд аль-Мутталибу было также непонятно. На третью ночь дух явился снова и приказал выкопать Замзам - любопытно, что и это название ни о чем не говорило Абд аль-Мутталибу; очевидно, о некогда существовавшем колодце курайшиты имели весьма смутное представление. Но на этот раз дух, хотя и в туманной форме, в которую у всех народов принято облекать заклинания и предсказания, все же дал некоторые объяснения - речь шла о воде, которая должна утолять жажду пилигримов, и о месте в ограде храма, где течет кровь, кишат муравьи и гнездятся вороны.

Полученных сведениях оказалось Абд аль-Мутталибу достаточно - он направился на следующий же день к тому месту, на котором обычно производилось заклинание жертвенных животных и где среди куч навоза и гниющих останков в изобилии водились и муравьи и вороны. Здесь же стояли идолы Асаф и Найла - по свидетельству Аиши, жены Мухаммеда, она от самого пророка слышала, что это были мужчина и женщина, которые некогда избрали храм Каабу местом любовного свидания, за что и были превращены Аллахом в камни. Кстати, любовные свидания в храмах некоторых богинь и богов были широко распространены в древности и носили характер религиозного обряда, не имевшего, по понятиям древних, ничего общего с развратом. Возможно, подобные культы встречались и в Древней Аравии.

Интересно, что Ибн Исхак, арабский историк, живший в VIII веке, несомненно благочестивый мусульманин, сообщая мнение пророка Мухаммеда о происхождении идолов Асафа и Найлы, счел все-таки нужным оговориться, что один Бог, собственно, знает, откуда эти идолы появились в ограде храма и почему им поклонялись.

Абд аль-Мутталиб и его сын, в то время единственный, начали кирками копать яму между Асафом и Найлой и сразу же наткнулись на камни, которыми был выложен колодец. Окруженные толпой любопытных курайшитов, кое-кто из которых протестовал против святотатственных раскопок вблизи храма, они за несколько дней полностью расчистили источник Замзам. На дне его Абд аль-Мутталиб нашел золотые изображения двух газелей и несколько мечей и кольчуг, сделанных сирийскими мастерами.

Увидев находки, курайшиты тотчас же объявили, что это общественная собственность, которую следует немедленно поделить, против чего Абд аль-Мутталиб энергично протестовал. Его возражения ни к чему не привели, и в конце концов было решено поделить найденные вещи по указанию наиболее беспристрастного судьи - Бога. Абд аль-Мутталиб сделал шесть одинаковых гадательных стрел, две из которых были выкрашены в желтую краску (вытащивший их получал золотых газелей), две - в черную (мечи и кольчугу) и две - в белую (тот, на чью долю приходились эти стрелы, не получал ничего). Эти стрелы вложили в руки Хубала - самого крупного и самого, по-видимому, почитаемого идола Каабы, которого некогда привезли из Сирии и установили в самом центре храма. Хубал был сделан из агата в виде сидящего человека (в котором некоторые арабские историки видят Ибрахима) с гадательными стрелами в руке - гадание на стрелах являлось одной из его главных специальностей.

В жеребьевке принимали участие Кааба, Абд аль-Мутталиб и курайшиты. Гадатель, которому предварительно завязали глаза, первым вытащил стрелы, предназначенные для храма, - ими оказались обе желтые стрелы, и золотые газели стали собственностью Каабы. Абд аль-Мутталибу достались черные стрелы, и он получил мечи и доспехи, а курайшитам - белые стрелы, следовательно, им не досталось ничего.

Абд аль-Мутталиб прибил золотых газелей, а также мечи к дверям Каабы. Эти золотые газели, по словам легенд, были первыми золотыми украшениями, появившимися в храме.

Покончив с злополучными газелями, стали решать вопрос об источнике Замзам, который оказался гораздо обильнее, чем другие источники, расположенные в Мекке и ее окрестностях, и давал воду лучшего качества. Кроме того, Замзам находился так близко от храма, что

неизбежно должен был сделаться священным. В конце концов, после ряда злключений и чудесных знамений, курайшиты согласились оставить Замзам под управлением Абд аль-Мутталиба - конечно, ни о каком праве собственности его на этот источник не могло быть и речи - племенные законы продолжали действовать в Мекке, и в ней вообще не существовало в это время ни одного крупного колодца, кем бы он ни был выкопан, который бы считался частной собственностью. Однако и распоряжение Замзамом как общественной собственностью обеспечивало Абд аль-Мутталибу не только почетное положение, но и небольшой постоянный доход.

История с источником Замзам любопытна тем, что она дает довольно точную и достаточно полную картину взаимоотношений главы города, каковым в то время был Абд аль-Мутталиб, с остальными его жителями. Глава города, собственно, не обладал никакой реальной

властью и не мог по своему усмотрению вынести решение, хоть сколько-нибудь противоречащее интересам мекканцев. Он находился почти на положении шейха кочевого арабского племени, чья власть целиком зависела от богатства и могущества его собственного клана и от того уважения, которым он пользовался в племени благодаря своим личным нравственным качествам. Пост главы города позволял оказывать большое влияние на формирование общественного мнения и извлекать некоторые материальные выгоды - и только.

Вторая распространенная легенда об Абд аль-Мутталибе делает его и его сына Абдаллаха, будущего отца пророка Мухаммеда, героями событий, которые привели к прекращению человеческих жертвоприношении у курайшитов и родственных им арабских племен. Согласно этой легенде, у Абд аль-Мутталиба очень долго не было сыновей, что, с точки зрения араба, почти полностью лишало смысла всю его жизнь и сводило на нет все достигнутые им успехи богатство, почет, уважение соплеменников. Впрочем, история с источником Замзам наглядно показала, как действительно трудно было ему, имея только одного сына, отстаивать свои права перед соплеменниками и как мало курайшиты считались с ним, несмотря на то что он был зажиточен, занимал пост главы города и находился в расцвете сил. В старости же ему грозила полная беззащитность и унижительная зависимость. Абд аль-Мутталиб, как и другие арабы его времени, хорошо понимал, что пол ребенка определяет судьба, рок, над которым ни один человек не властен. Моральный кодекс предписывал ему мужественно и хладнокровно переносить подобные удары судьбы, не унижая себя бесполезными жалобами и малодушным унынием. Абд аль-Мутталиб так себя, очевидно, и вел, что не мешало ему горячо молить богов о рождении сыновей. Так как эти молитвы не помогали и его жены продолжали рожать ему исключительно девочек, он прибег к последнему средству - публично поклялся, что если у него будет десять сыновей, то одного из них он принесет в жертву.

Вскоре же судьба сделалась к нему благосклонной, и у него стали рождаться сыновья, причем эти сыновья не только появлялись на свет, но и благополучно переносили многочисленные детские болезни, сеявшие смерть среди новорожденных, что тоже можно было приписать прямому вмешательству небес. Поэтому, когда у Абд аль-Мутталиба подросло двенадцать сыновей, он не осмелился нарушить клятву, хорошо понимая, что богам ничего не стоит "забрать" всех сыновей обратно в любую минуту.

Сыновья, выслушав его решение исполнить обещание, данное богам, выразили полную готовность подчиниться отцовской воле, как то и подобало сделать примерным сыновьям. Абд аль-Мутталиб приказал каждому сыну сделать гадательную стрелу и написать на ней свое имя. Потом все отправились к Хубалу, чтобы гадатель вытащил одну из стрел. Жребий пал на Абдаллаха, самого младшего и самого любимого сына (само имя которого - "Абд аллаха" "раб Бога", - вероятно, немало способствовало формированию легенды). Но и это не остановило благочестивого Абд аль-Мутталиба (негоже было бы деду пророка быть клятвопреступником!), и, вынув нож, он повел Абдаллаха к идолам Исафа и Найлы, на место, отведенное для жертвоприношений.

Тут уж мекканцы, до сих пор молча наблюдавшие за развитием событий, не выдержали и стали всячески отговаривать Абд аль-Мутталиба (больше они сделать ничего не могли - сын был его, и он волен был делать с ним все, что угодно, ни у кого не спрашивая и ни перед кем не отчитываясь; убей он хоть всех своих сыновей, он не понес бы никакой кары, кроме общественного осуждения). Особенно волновали курайшитов возможные вредные последствия поступка Абд аль-Мутталиба для процветания их благородного племени, если обычай приносить в жертву сыновей станет модным. Наиболее энергично возражал против разумности подобного жертвоприношения некто аль-Мугира, принадлежавший к тому же племени, что и Фатима, мать Абдаллаха, и, очевидно, ее родственник. Он предложил, в частности, выяснить, не согласятся ли боги на замену Абдаллаха еще более ценной искупительной жертвой. Курайшиты в свою очередь посоветовали обратиться к знаменитой прорицательнице, жившей в Хиджазе, в окрестностях Ясриба, в нескольких сотнях километров к северу от Мекки.

Это был действительно выход из создавшегося трагического положения если бы боги предпочли получить нечто более, с их точки зрения, стоящее, чем Абдаллах, Абд аль-Мутталиб смог бы спасти любимого сына, не совершая при этом никакого святотатства. Поэтому он охотно отложил намеченное жертвоприношение и, оседлав верблюдов, немедленно отправился вместе с Абдаллахом к прорицательнице.

Прорицательница подробно расспросила их обо всем и пообещала помочь, как только ее посетит дух. Прорицательницы-профессионалки овладевали искусством вселять в себя духов по своему желанию и заставляли их отвечать на заданные вопросы. Иногда для этого использовались различные одурманивающие напитки, но чаще всего они доводили себя до состояния одержимости быстрыми ритмическими телодвижениями, своего рода исступленной пляской, нередко кончающейся судорогами, пеной у рта и нечленораздельным воем. В таком состоянии транса они начинали выкрикивать свои прорицания саджи, рифмованные стихи с резкими диссонансами и загадочным смыслом, производившие благодаря первоклассному исполнению сильное впечатление на окружающих. Известность и славу приобретали, несомненно, прорицательницы неглупые, обладающие богатым жизненным опытом, проницательные и наделенные интуицией.

Последние качества были особенно нужны прорицательницам, когда к ним обращались не за предсказаниями будущего, а по вопросам более житейским и конкретным. В этих случаях не требовалось публичных прорицаний в форме загадочного и действующего на воображение саджа - нужен был точный и недвусмысленный совет, как поступить правильно, в соответствии с волей богов или бога. Именно с таким вопросом Абд аль-Мутталиб обратился к прорицательнице.

Поэтому прорицательница в экстаз не впадала, а уже на следующий день позвала их к себе и сообщила, что слово снизошло на нее и ей нужно лишь уточнить - какая цена крови принята у курайшитов? Абд аль-Мутталиб ответил, что цена крови (штраф за неумышленное убийство, прекращающий кровную месть) у племени курайшитов - десять верблюдов. Эту-то цену, ответила ему прорицательница, и нужно предложить богам вместо Абдаллаха; если боги откажутся, следует увеличивать число верблюдов до тех пор, пока боги не примут заменительной жертвы.

Вернувшись в Мекку, Абд аль-Мутталиб так и поступил. Перед Хубалом поставили его сына Абдаллаха, а в ограду храма привели десять верблюдов и стали метать стрелы. Девять раз подряд жребий падал на Абдаллаха, девять раз пришлось пригонять новых верблюдов, и только когда число их достигло ста, божество признало их равноценной заменой человеческого жертвоприношения.

Чтобы не ошибиться, Абд аль-Мутталиб еще дважды бросил жребий, и оба раза стрела указала на верблюдов:

сомнений больше не оставалось. Так был спасен любимый сын Абд аль-Мутталиба к огромной его радости и к немалой радости мекканцев, вполне заслуживших за проявленную ими гуманность участия в том пире, который должен был развернуться после принесения в жертву целого табуна этих легендарных верблюдов.

Легенда эта, которую записали и сохранили для нас первые биографы пророка Мухаммеда, свидетельствует, что принцип "око за око, кровь за кровь, смерть за смерть" не всегда выполнялся неукоснительно и буквально, что в случае непреднамеренного убийства кровную месть можно было предотвратить, уплатив очень крупный штраф.

Повышение цены крови с десяти верблюдов до ста и отмена человеческих жертвоприношений ко времени рождения Мухаммеда уже так прочно вошли в быт, что, собственно, не нуждались в божественном авторитете. Но когда-то столь крупная реформа "уголовного кодекса" должна была произойти, причем произойти в условиях, когда еще не было той власти, которая могла бы не только менять законы и, опираясь на силу принуждения, обеспечить их внедрение в практику, но и заставлять людей считать новые законы справедливыми, а старые несправедливыми и ужасными. Преступить закон и изменить закон - почти одно и то же, и даже короли, менявшие законы, нередко и обоснованно казались народу преступниками. В условиях же племенной жизни апелляция к божественной воле была почти неизбежным и едва ли не самым разумным выходом, когда большинство людей начинало ощущать, что какой-либо древний закон устарел и возникла настоятельная потребность изменить его, но так, чтобы не подорвать при этом идею священности закона.

Примерно в 569 году Абд аль-Мутталиб женил своего спасенного сына на Амине, девушке из благородной, но небогатой курайшитской семьи. Свадьба состоялась в доме родителей Амины, куда Абдаллах потом и переселился. Легенды приписывают Абдаллаху небывалое совершенство, пленявшее слабый пол настолько, что в ночь его свадьбы двести девушек умерли от разрыва сердца. По одному из преданий, некая женщина, встретив его на улице, пообещала ему столько верблюдов, сколько было за него принесено в жертву, если он на ней женится, но Абдаллах деликатно отклонил ее предложение, сославшись на то, что жену ему выберет отец, а против отцовской воли он не пойдет. Эта женщина была поражена тем светом, который излучало лицо Абдаллаха, погасшим на следующий же день после его женитьбы на Амине. Правда, по другому преданию, дело обстояло иначе - Абдаллах встретил эту женщину на улице, когда он только что кончил какие-то работы в доме своего отца и был весь перепачкан глиной, и сам сделал ей предложение. Женщина не только отвергла его, но и осыпала его насмешками за неопрятный вид. Немало не огорченный, Абдаллах вымылся, приделся и отправился с отцом сватать Амину.

Предания об обстоятельствах брака Абдаллаха и Амины интересны не только тем, что они содержат некоторые живые штрихи реальной жизни мекканцев. В этих легендах, цель которых - возможно больше прославить родителей пророка, подчеркиваются исключительные личные достоинства Абдаллаха и Амины - их красота, благородство происхождения и добродетель (сказавшаяся даже на именах: Абдаллах, как уже говорилось, - "раб божий", а Амина означает "верная"). Но богатство в те времена было предметом гордости, а о нем-то как раз и не упоминается. По-видимому, ни Абдаллах, ни Амина не были, по понятиям мекканцев, людьми состоятельными.

От этого брака вскоре и появился на свет Мухаммед. Арабские историки считают, что он родился в "год Слона", что соответствует 570 году по нашему летосчислению. Этот год ознаменовался важными событиями, чуть не сокрушившими могущество курайшитов. Дело в том, что процветание Мекки зависело не только от храма Каабы и выгодного местоположения, но и от военной силы курайшитов и союзных с ними кочевых племен. Именно военная сила позволяла курайшитам не только принимать участие в выгодной торговле, но и не допускать или резко ограничивать торговлю своих конкурентов из Йемена. В

результате для йеменских торговцев постепенно все больше закрывался прямой доступ к рынкам Средиземноморского побережья, Сирии и Персии, все дороги к которым либо проходили через саму Мекку, либо в непосредственной от нее близости и по территории союзных курайшитам кочевых племен. Волей-неволей им приходилось продавать свои товары курайшитам, в руки которых попадала основная прибыль от последующей распродажи. Поэтому йеменцы были кровно заинтересованы в захвате Мекки.

Примерно в 569-570 годах и состоялся поход йеменцев против Мекки под предводительством Абрахи, правителя Саны. Утверждают, что Абраха намеревался разрушить Каабу, увезти ее святыни и сделать свою столицу религиозным центром большей части Аравии. В походе принимали участие эфиопские войска, которые вели с собой боевого слона - животное, дотоле невиданное в Аравии. Этот слон, поразивший воображение арабов и подробно описанный арабскими поэтами, и явился причиной того, что год похода йеменцев и эфиопов против Мекки получил название "год Слона".

Силы Абрахи были настолько велики, что курайшиты не отважились защищать Мекку и при приближении его к городу, захватив женщин и детей, ушли в окрестные горы. Казалось, Мекку ничто не могло спасти. Но тут свершилось чудо - над войсками Абрахи появилась туча маленьких птичек, которые сбрасывали на них мелкие камни, оставлявшие на теле людей болезненные раны. Люди массами гибли мучительной смертью, мысль о захвате беззащитной Мекки была оставлена, и огромное войско поспешно повернуло обратно. Разразившиеся вскоре проливные дожди смыли остатки армии Абрахи прямо в Красное море. По единогласному мнению историков, это чудо было не что иное, как вспыхнувшая в войсках абиссинцев эпидемия оспы, первое проявление которой на Аравийском полуострове отмечено примерно в это время. Следует также учитывать, что как раз в 570 году в Йемене был высажен крупный персидский десант, быстро разгромивший войска Эфиопии и ее местных союзников и на несколько десятилетий утвердивший господство Персии в Южной Аравии. Как бы то ни было, Мекка спаслась от, казалось, неминуемой гибели, что было единодушно приписано курайшитами божественному вмешательству и послужило еще большему прославлению святыни города - храма Каабы.

Во время описываемых событий в Мекке шло ожесточенное соперничество между различными кланами и группами кланов курайшитов за участие в наиболее выгодных торговых операциях. И хотя в целом мекканцы больше всего были заинтересованы в независимости и от Персии, и от Византии с ее союзницей Эфиопией, отдельные кланы нередко готовы были пожертвовать ради своих собственных интересов нейтралитетом Мекки и получить помощь от одного из враждующих гигантов. Так, например, Абд аль-Мутталиб, дед пророка Мухаммеда, безуспешно пытался заручиться поддержкой Абрахи в своей борьбе против группы кланов, во главе которых стояли его двоюродные братья, сыновья Абд Шамса, яркий пример неизбежного разрушения идиллических племенных отношений при переходе от кочевой жизни к жизни в крупном торговом городе.

Глава 3

Детство пророка

Раннее сиротство

Охранительные амулеты арабов

Разлука с матерью и жизнь с кочевниками

Джинны и гули

Явление ангелов Мухаммеду

Возвращение в Мекку

Смерть Амины

Абд аль-Мутталиб становится воспитателем Мухаммеда

Кааба, идолы, религиозные церемонии

Публичные разоблачения в долине Мина

Смерть Абд аль-Мутталиба

рабские историки считают, что будущий пророк родился 29 августа 570 года в доме своей матери, расположенном на окраине Мекки, метрах в четырехстах от храма Каабы; примерно через сто лет этот дом был перестроен и превращен в мечеть. На седьмой день после его рождения Абд аль-Мутталиб устроил, согласно обычаю, пир, на который созвал наиболее знатных курайшитов. Здесь было торжественно, для всеобщего сведения объявлено имя новорожденного - Мухаммед, а гости вежливо восхитились прекрасным младенцем, пожелали ему всяческого благополучия и выразили убеждение, что в будущем он станет утешением и опорой своих близких и гордостью всего племени курайшитов.

Его отец Абдаллах не присутствовал на этом пиру - он находился в это время в Сирии; он умер на обратном пути в Мекку, через два месяца после рождения Мухаммеда, так и не повидав сына. По другой версии, смерть Абдаллаха наступила незадолго до рождения Мухаммеда, и, стало быть, будущий пророк осиротел еще в утробе матери. Наследство, оставленное Абдаллахом, состояло из пяти верблюдов, нескольких овец и рабыни-абиссинки Баракат.

До весны мальчик находился на попечении матери, которая нежно заботилась о нем и оберегала от всяческих несчастий. Особенно боялись арабские женщины дурного глаза и злых духов, напускавших на детей порчу и тяжелые, нередко смертельные, болезни, которые не удавалось вылечить никакими лекарствами. От злых духов и дурного глаза общепризнанным средством были талисманы и амулеты; в частности, новорожденным привешивали на шею амулет в виде особой плоской раковины с побережья Красного моря, который носили до возмужалости - лет в шестнадцать этот амулет снимали и на шею юноши вешали более соответствующий его возрасту амулет - меч. Маленькие дети, не обученные приличным манерам, часто разгуливали по улицам Мекки, посасывая эти плоские раковины-амулеты.

Хорошо защищал детей от волшебства, дурного глаза и джиннов (духов) зуб лисицы или кошки (особенно от джиннов женского пола), а также пятка зайца потому что зайцы не из тех животных, на которых ездят джинны.

Два раза в год - весной и осенью - в Мекку приходили женщины окрестных кочевых племен брать детей на воспитание. Удушливый зной Мекки, пыль, грязь и тучи мух губительно действовали на маленьких детей, и у мекканцев, обладавших средним достатком, существовал обычай отдавать новорожденных в семьи кочевников.

Когда гонимые засухой и голодом женщины племени Бану Саад прибыли в Мекку за воспитанниками, никто из них не хотел брать себе маленького Мухаммеда, боясь, что за сироту будут платить и мало, и нерегулярно, а в случае, например, нового замужества его матери и вообще не заплатят. Наконец одна из женщин, по имени Халима, на долю которой не досталось никакого другого младенца, стыдясь своих более удачливых товарок и не желая возвращаться с пустыми руками, с разрешения сопровождавшего ее мужа все-таки рискнула взять сироту. Так Мухаммед в шестимесячном возрасте расстался со своей юной матерью и примерно на четыре года попал к кочевникам Бану Саад, которые пасли свои стада в горных

долинах, километрах за двести к юго-востоку от Мекки и сравнительно недалеко от процветающего оазиса Таиф, где, кстати сказать, богатые курайшиты владели и земельными участками, и домами и куда они нередко отправляли свои семьи на самый жаркий и тяжелый период года.

Мухаммед жил с Халимой, своей кормилицей, ее мужем аль-Харисом, их двумя дочерьми и своим молочным братом обычной жизнью мальчика из кочевого племени. Дела у его приемных родителей, получавших какое-то вознаграждение за воспитание Мухаммеда, пошли лучше, и они не голодали.

Весной, после обильных зимних дождей, степь на несколько месяцев покрывалась цветами и травами, местами высотой в рост человека. В это время благоденствовали и люди и животные. Но уже в начале лета степь выгорала, и Бану Саад откочевывали к подножию окружавших долину гор, где пробивающиеся из-под земли источники позволяли выдерживать почти шестимесячный засушливый период. Здесь дольше сохранялись травы, а когда и их стравливал скот, животных подкармливали свежими побегами кустарников и деревьев, покрывавших склоны гор, или стручками акаций, которые сбивали с дерева длинными палками. В сентябре в южной части небосклона начинала всходить пылающая звезда Сухайль (Канопус), возвещающая скорое окончание жары и приближение сезона осенне-зимних дождей.

В степи жили дрофы, зайцы и газели, на которых кочевники охотились, а также шакалы и волки, от которых нужно было оберегать стада; львы в этом районе Аравии в ту эпоху уже не водились. В горах обитали каменные козлы и дикий осел - животное буйное и неукротимое, и сравнение человека с диким ослом имело у арабов такое же значение, как сравнение с ярым туром у славян.

На голых вершинах гор, в недоступных для человека местах гнездились орлы и коршуны, которых кочевники умели ловить, приручать и использовать на охоте. В зимние месяцы вершины самых высоких гор одевались на несколько дней шапками снега, ослепительно сверкающего на фоне голубого неба.

Семья, в которую был отдан Мухаммед, круглый год жила в шатре, покрытом черным войлоком из шерсти коз. Его устанавливали с помощью десятка легких длинных деревянных кольев, заостренные концы которых втыкали в землю. Прочные веревки, которыми шатер привязывали к вбитым вокруг него кольшкам, придавали ему достаточную устойчивость даже при сильном ветре. Вокруг шатра выкапывали неглубокую канавку, чтобы в период дождей вода, скатывающаяся по его стенкам, не затекала внутрь. Шатер войлочным пологом делили на две половины - женскую, где находились и дети, и мужскую. Пол устилали войлочными кошами, которые служили одновременно и постелями. В центре находилось углубление для очага, дым от которого уходил через отверстие в потолке или просачивался наружу сквозь щели; топили сухим верблюжьим пометом и хворостом, который рубили на склонах гор.

В непогоду за стенами шатра укрывались не только люди, но и скот.

Когда степь покрывалась сочной зеленью, лагеря кочевников насчитывали десятки шатров, и скот пасли совместно. В засушливый период приходилось рассеиваться по степи и небольшим горным долинам, и нередко месяцами отдельные семьи жили на расстоянии многих километров друг от друга.

Главной пищей арабов Бану Саад, с которыми жил Мухаммед, как и других кочевников, являлось верблюжье и козье молоко, свежее и кислое, и всевозможные изделия из него - от простокваши до сыра и масла. "Хлебом" для них служили финики, которые покупали и выменивали у жителей оазисов; мясо ели не чаще одного раза в неделю. Хлеб и крупы, в связи с их дороговизной, в бедных семьях почти не употребляли.

Детей заботливые матери кормили грудью два-три года, что и позволяло им успешно развиваться при таком не совсем благоприятном рационе, в условиях периодических недоедании, а то и голода. Вырастали они крепкими, худощавыми, выносливыми, с хорошей осанкой, которая придавала кочевникам горделивый вид, резко отличавший их от жителей земледельческих оазисов и городов; этих склонных к полноте земледельцев, ремесленников и торговцев кочевники искренне презирали.

Кроме людей и животных долину, в которой кочевало племя Бану Саад, населяли многочисленные джинны и гули - духи мужского и женского пола. Народная фантазия рисовала их в виде человекоподобных существ, нередко огромных, хитрых, злобных и отвратительных тварей, способных причинить всевозможное зло. Когда Сулайман с помощью своего волшебного перстня изловил и заставил принять видимый облик одного из гулей, перед ним предстало существо женского пола высотой в двадцать метров, к бесчисленным соскам которого присосались человекоподобные детеныши. Эта гульша занималась тем, что по ночам мучила детей, заставляя их кричать от боли и страха. Вообще вся эта нечисть смелела ночью и в темноте, а днем до поры до времени пряталась и становилась почти неопасной. Рассказы о джиннах и гулях, в существовании которых были убеждены все взрослые, несомненно, должны были производить сильное впечатление на наделенного воображением ребенка; Мухаммед до конца своих дней боялся темноты и спешил зажечь свет, заходя в темную комнату.

О жизни Мухаммеда в семье Халимы легенды почти ничего не сообщают. Судя по тому, что Мухаммед всегда тепло вспоминал о Халиме, ему было хорошо в этой семье и его никто не обижал.

Лишь одна легенда рассказывает о событии, которое приключилось примерно на четвертом году пребывания Мухаммеда в племени Бану Саад, притом событии, послужившем причиной его возвращения в Мекку.

...Это произошло в полдень, при ярком солнечном свете. Халима с мужем была внутри шатра, занимаясь домашними делами, а Мухаммед и его молочный брат невядалеке играли и присматривали за ягнятами. Внезапно к мальчикам подошли двое незнакомых мужчин в белом одеянии (это были ангелы, но дети, естественно, об этом не догадывались). Один из незнакомцев держал в руках золотой таз, наполненный ослепительно белым снегом.

Они положили Мухаммеда на спину и, раскрыв грудную клетку, вынули его сердце. Из сердца ангелы извлекли каплю черного цвета и отбросили ее прочь; затем они вычистили сердце и внутренности ребенка снегом и, вложив сердце на место, удалились. Молочный брат Мухаммеда с криком бросился в шатер и рассказал обо всем родителям. Испуганная Халима и ее муж выбежали и увидели Мухаммеда, который стоял целый и невредимый, но с мертвенно бледным лицом. На расспросы Халимы он рассказал то же самое, что сообщил им его молочный брат. Это событие так напугало Халиму, что она уговорила своего мужа немедленно возратить ребенка его матери. Халима, очевидно, боялась, как бы с Мухаммедом не случился удар.

Это единственная легенда, о которой Мухаммед впоследствии якобы сам неоднократно рассказывал, считая, что ангелы по указанию самого бога полностью очистили его от скверны греха. Мертвенно-бледное лицо ребенка, испуг Халимы и ее решение немедленно отвезти Мухаммеда к его родным - все это заставляет предполагать, что в основе легенды лежит действительное происшествие - рассказ мальчика о пережитом им видении.

Как бы то ни было, Халима, сопровождаемая мужем, немедленно отвезла Мухаммеда в Мекку, где он сначала потерялся в толпе в верхней части города, но затем его нашли и благополучно отвели к деду, Абд аль-Мутталибу. Халима, вручая ребенка, ничего не рассказала Абд аль-Мутталибу, по-видимому, мальчик тоже молчал, странное происшествие

с ангелами было забыто на много лет.

Так окончилось пребывание Мухаммеда среди племени Бану Саад, позволившее ему впоследствии с гордостью говорить: "Я больше араб, чем кто-либо из вас: я курайшит и меня вскормило племя Бану Саад".

Мекка, которую фактически впервые увидел Мухаммед, действительно представляла в то время город, и в ней немудрено было потеряться маленькому ребенку. Она вытянулась почти на три километра, заполнила всю узкую мекканскую долину и начинала взбираться на окружающие холмы. В нижней, северной части города, где ширина долины достигала примерно километра, располагалась Кааба и жила большая часть мекканцев. В этом месте долину перерезала невысокая каменная стена, скорее ограда, способная помешать кочевникам совершить внезапный набег на город; через широкий проем в стене выходила караванная дорога, которая сразу же разветвлялась. Почти прямо на север лежал Ясриб; на запад дорога вела в Джидду, через которую в Мекку доставляли товары по морю из Эфиопии; от этой дороги вдоль побережья Красного моря начинался главный караванный путь в Палестину, Дамаск и к портам Средиземного моря, протянувшийся на полторы тысячи километров. На северо-восток сворачивали караваны, отправляющиеся к берегам Евфрата.

Из верхней части города, где мекканская долина сужалась, выходила основная дорога на юг - в оазис Тайф, в Йемен и Хадрамаут. По этой дороге и привезли Мухаммеда в Мекку Халима и ее муж.

Первоначально главные кланы курайшитов занимали в городе отдельные кварталы, тесно окружавшие Каабу. Но к концу VI века наименее состоятельные члены размножившихся кланов начали беспорядочно заселять окраину. На окраинах селился и пришлый люд, добившийся покровительства какого-либо клана - без такого покровительства жизнь в Мекке была совершенно невозможна, так как люди, не защищенные договором о союзе или покровительстве, были вне закона.

Сами курайшиты занимались почти исключительно торговлей, причем наибольшие доходы давала та, что велась с Йеменом, Сирией, Палестиной и Ираком, и ее-то и стремились захватить в свои руки самые богатые семьи. Интересы торговли и требования конкуренции привели к созданию сложной системы союзов, при основании которых степень родства играла все меньшую и меньшую роль.

Неудачники, устранные от участия в наиболее крупных и выгодных торговых предприятиях, нанимались на службу к своим более богатым родственникам или перебивались мелкой торговлей с окружающими Мекку племенами и паломниками, перепродажей и мелким ремеслом, удовлетворяющим повседневные нужды самого города, и лишь изредка снаряжали небольшие караваны. Крупных ремесленных производств, изделия которых вывозились бы в другие страны, в Мекке, по-видимому, не было совсем. В преданиях упоминается лишь площадь портных, расположенная в нижней части города. Ремеслами занимались преимущественно не коренные жители Мекки, а инородцы, селившиеся в ее пригородах. Среди них встречались представители самых разных национальностей и вероисповеданий - арабы-язычники и арабы-христиане, греки, персы-зороастрийцы, евреи. Кроме того, у курайшитов было немало рабов-эфиопов, живших как в самой Мекке, так и в небольшой деревушке, расположенной на расстоянии двухдневного перехода к югу от города. Инородцы были мелким людом, клиентами или рабами богатых курайшитских семей, и в общественной жизни города не играли заметной роли.

Дома в городе были преимущественно одноэтажные, глинобитные, реже из скрепленных известью камней, которые добывались тут же на окраинах Мекки, с плоскими крышами и маленькими, забранными деревянными решетками окошками, которые выходили не на улицу, а во двор. Двух- и трехэтажные дома с окнами на улицу возвышались лишь вокруг

центральной площади, через которую мимо Каабы проходила караванная дорога, пересекавшая весь город с севера на юг, главная улица Мекки; нижние этажи занимали обычно мастерские, лавки и торговые склады.

Комнаты в домах были очень маленькие и чаще всего не сообщающиеся друг с другом, так что дверь из каждой комнаты вела прямо во двор, обнесенный глинобитной стеной. Здесь проводили большую часть времени обитатели дома, здесь же были расположены хозяйственные постройки - тоже глинобитные. Лишь изредка при доме имелся крохотный сад из нескольких плодовых деревьев и крохотный огород, где выращивались овощи, которые приходилось регулярно поливать, доставая воду из глубоких, небогатых водой колодцев, так как большую часть года не выпадало ни капли дождя, а солнце палило так, что днем в тени температура достигала иногда 45-50 градусов. От этой жары люди спешили укрыться в домах, в которых было тем прохладнее, чем меньше в них проникало света, и в полуденные часы жизнь в городе замирала.

Улицы были немощеными, и большую часть года город утопал в пыли. В зимние месяцы на город часто обрушивались ливни, и тогда мутные потоки воды мчались по улицам Мекки, оставляя после себя на много дней непролазную грязь. По-видимому, жители города истребили большую часть растительности, которая покрывала некогда окрестные холмы и горы, поэтому при сильных ливнях вода смывала верхние слои почвы, и потоки грязи вливались в город, вызывая иногда серьезные наводнения. От подобных наводнений периодически страдала и Кааба.

Мухаммед после возвращения в Мекку два-три года жил вместе со своей матерью Аминой и рабыней Баракат. Когда ему было примерно шесть лет, мать поехала вместе с ним в оазис Ясриб в гости к своим родственникам. На обратном пути в Мекку она умерла и была похоронена близ дороги, неподалеку от поселка Абва.

Мухаммеда, оставшегося круглым сиротой, передали Абд аль-Мутталибу, который в качестве главы клана Хашим взял на себя заботу о его дальнейшем воспитании. Это воспитание сводилось к тому, что по распоряжению Абд аль-Мутталиба кто-то из его большой семьи должен был следить, чтобы ребенок не оставался голодным и беспризорным. В остальном Мухаммед был предоставлен самому себе, его никто не обижал, но никто им особенно и не интересовался.

Только один человек относился к Мухаммеду с теплотой и вниманием - сам Абд аль-Мутталиб, который к этому времени был уже глубоким стариком. Большую часть дня он проводил близ храма, хранителем ключей от которого он являлся. Там же, под открытым небом, прямо у ограды Каабы, стояло его ложе, на котором он днем сидел, а ночью спал. Мухаммед, как любимый внук, пользовался привилегией сидеть на этой кровати вместе с дедом - честь, которой были лишены остальные внуки и правнуки Абд аль-Мутталиба.

Дружба и продолжительное общение Мухаммеда с Абд аль-Мутталибом неизбежно делали ребенка свидетелем всех религиозных церемоний, совершавшихся около храма Кааба, смысл которых ему нетрудно было узнать от своего деда.

В то время Кааба представляла собой сложенное из грубо отесанных камней здание кубической формы высотой двенадцать - пятнадцать метров. Внутри храма, на его стенах и поблизости от него стояли различной величины идолы, число которых достигало трехсот шестидесяти, то есть примерно равнялось числу дней лунного года. Идолы, установленные в честь различных богов, почитавшихся арабскими племенами, представляли собой главным образом стилизованные фигуры людей, но встречались и изображения животных, и просто продолговатой формы камни. Один из таких камней, знаменитый Черный камень, был вделан в северо-восточную стену храма на высоте полутора метров и пользовался всеобщим почитанием.

От идолов Каабы сохранились только их названия, и большей частью даже неизвестно, в честь каких богов их установили, какие племена их почитали и какими свойствами их наделяли.

В центре Каабы стоял (или сидел) Хубал, которого некоторые считают главным идиолом храма, то ли Ибрахимом, то ли самим Аллахом; он был привезен из Сирии якобы потому, что обладал способностью вызывать дождь. Как уже упоминалось, около Хубала металы гадательные стрелы. Идолы аль-Лат, аль-Манат и аль-Узза олицетворяли божества женского пола, и их нередко называли "дочерьми Бога". На них были навешаны серьги, кольца и другие украшения, и возможно, что они были одеты в дорогие платья. Поэтому нарядных женщин арабские поэты часто сравнивали в своих стихотворениях с идолами. Кроме того, богиню аль-Уззу почитали в образе священной акации, а богиню аль-Манат - в виде большого камня. Вадд, Сава, Ягус, Яук и Наср также были в числе весьма уважаемых идолов, и историки-мусульмане утверждали, что этим идолам поклонялись еще до Всемирного потопа. Вадд, олицетворявший небо, был изображен в виде мужчины, Сава - в виде женщины, Ягус - льва, Яук - лошади, Наср - коршуна. Почиталось и божество в виде большого деревянного голубя.

Имелась в Каабе якобы и статуя женщины с ребенком на руках, то ли Афродиты с младенцем Адонисом, то ли девы Марии с младенцем Христом. К дверям Каабы были прибиты золотые газели (кстати, козленок символизировал многих богов древности, в том числе и Адониса) и рога барана. В целом ученые предполагают, что в Каабе в описываемый период преобладало звездочитание и большинство идолов было первоначально связано с культурами луны, планет и неподвижных звезд.

Идолам молились стоя, сопровождая молитву поясными и земными поклонами; при земных поклонах, согнувшись, касались земли кончиками пальцев - это называлось пасть ниц, упасть на свое лицо.

Перед идолами сжигали благовония, им приносили подарки, украшали их. Лица и руки идолов нередко обмывали благовонной водой, иногда медом (что привлекало мух), кровью жертвенных животных или красным соком растения саккура, символизировавшим кровь. Именами идолов клялись, что придавало клятвам большую надежность, так как нарушивший их рисковал навлечь на себя гнев оскорбленного божества. Клятвы часто скрепляли кровью жертвенных животных и человеческой - на руках наносили неглубокие раны, кровь из которых капала к подножию идола или на жертвенные камни, обменивались кровью, нанося ее на ранки друг друга, погружали руки в сосуды с кровью жертвенных животных.

В ограде храма, над специальными жертвенными камнями, закалывали верблюдов, быков, овец и коз, при этом громко произносили имя того бога, которому предназначалась жертва. На жертвенные камни лилась кровь, в которой, по представлениям арабов, заключалась душа животных (поэтому кровь нельзя было употреблять в пищу), а мясо жертвенных животных делили и съедали.

Очевидно, были и такие арабы, которые почитали главным образом сам храм Каабу, видя в нем "дом Бога", и молились в нем этому верховному Богу Аллаху. Как передает иранский историк Шахрастани, живший в XII веке, некоторые из них, обращаясь к этому Богу с молитвой, восклицали: "Боже! Я готов на служение тебе, готов на служение тебе, готов на служение тебе! Нет товарища у тебя, кроме того товарища, над которым ты властвуешь и которого ты царь!" Каабе приносили дары. Перед входом в храм снимали обувь. Стены мазали кровью жертвенных животных, к ним прикасались при клятвах, вешали на них красивые материи - храм старались так же одеть, как и статуи дочерей Бога. Вокруг Каабы совершали семикратные обхождения, прикасаясь каждый раз к Черному камню, вделанному в ее стену.

Но особенно большое значение придавалось совместным религиозным церемониям, приуроченным к трем священным месяцам, когда в Мекку стекались представители всех арабских племен, почитавших Каабу и другие святыни города.

Лунный год короче солнечного на одиннадцать дней, поэтому священные месяцы приходились на разные сезоны года, в том числе и на такие, когда совершение хаджа (хаджжа) - путешествия к святыням - было очень трудновыполнимо из-за страшного зноя и отсутствия воды и корма для скота. Говорят, что именно поэтому лет на пять - десять до рождения Мухаммеда курайшиты, заинтересованные в привлечении паломников-хаджиев (хадж арабы совершали и к другим святыням, конкурировавшим с Меккой), стали исправлять календарь, вставляя раз в десять лет три дополнительных месяца, что приводило в соответствие лунный и солнечный годы. Это нововведение не все одобряли, хотя большинство арабов охотно подчинилось переходу к новому календарю.

С началом священных месяцев, которые стали приурочиваться к зимнему периоду, все враждебные действия объявлялись незаконными и с разных концов Аравийского полуострова начинали двигаться к Мекке паломники (хаджи). Они гнали жертвенных животных, на шею которым вешали отличительные знаки, служившие одновременно и украшениями, - кусочки окрашенной коры, кожаные ожерелья и т. п. Вступив на землю священного мекканского округа, многие паломники приносили свою первую жертву богам - полностью сбрасывали волосы на голове; арабы носили длинные волосы и считали их украшением мужчины, поэтому, какой бы религиозный смысл ни придавался ими обрядовому бритью головы, это прежде всего была именно жертва, добровольный отказ человека от некоторой ценности, действие, сознательно идущее вразрез с его эгоистическими желаниями. Хаджи не довольствовались этим и на время совершения паломничества накладывали на себя ряд ограничений - пост той или иной продолжительности, отказ от наиболее вкусной пищи (например, от масла и творога), а также чаще и продолжительнее молились Богу (или богам). Все это сочеталось со стремлением к добродетельной жизни в период хаджа, включая подавление вспышек гнева и злобы. Впрочем, таких добровольных обязательств могло и не быть совсем, что не умаляло ценности хаджа, как перенесения ряда трудностей в угоду богам.

Во время хаджа несколько не было предосудительно заниматься делами, и паломничество сопровождалось оживленной торговлей, заключением политических соглашений и брачных союзов.

Основные религиозные церемонии во время хаджа продолжались всего три дня в самой Мекке и ее окрестностях.

В первый день производилось сопровождаемое громкими молитвенными обращениями к Богу заклание части жертвенных животных в ограде Каабы - по словам арабских историков, не только жертвенные камни, но и все пространство вокруг храма бывало залито кровью. Здесь же животных свеживали и делили часть мяса предназначалась для бедняков. Хаджи пили воду из священного колодца Замзам, и некоторые совершали омовения его водой.

После этого начиналась церемония семикратного обхождения вокруг Каабы, имитировавшая, как думают некоторые исследователи, движение семи известных в то время планет Солнечной системы. По какой-то причине, однако, Каабу обходили против движения планет. Заканчивая очередной круг, хаджи целовали Черный камень "или просто прикасались к нему, то ли принимая в себя некоторую частицу божественных сил, то ли очищаясь подобными прикосновениями от греховности и нечистоты.

Обход Каабы проходил бурно. Паломники оглушительно свистели, засунув пальцы в рот, хлопали в ладоши, громко выкрикивали слова молитв и славословий в честь Бога, а по отдельным дошедшим до нас свидетельствам, распевали также религиозные гимны.

Жрецов при Каабе не было, и ритуала обхождения, обязательного для всех, также не существовало, чем и объясняется очевидная противоречивость дошедших до нас сведений, так как не может человек одновременно свистеть, засунув пальцы в рот, хлопать в ладоши и петь гимны. Похоже, что и отдельные племена, и отдельные люди придерживались своих представлений о том, при помощи каких действий семикратное обхождение вокруг Каабы приносит наибольшую пользу.

Например, ко времени жизни Мухаммеда стали совершать обхождение и ряд других церемоний хаджа в сакральной одежде - ихраме, который по окончании паломничества должен был сниматься и уничтожаться. Одновременно распространился обычай совершать семикратные обходы вокруг Каабы в совершенно обнаженном виде. Мужчины совершали такие обходы днем, а женщины чаще всего в ночное время.

После церемонии вокруг Каабы толпы паломников устремлялись к возвышавшимся недалеко от храма холмам ас-Сафа и аль-Марва, на вершинах которых стояли идолы Исаф и Найла, и семь раз пробегали между этими холмами.

В тот же или на следующий день хаджи шли к священной горе Арафат, расположенной в шести часах ходьбы к востоку от Мекки, от нее - в долину Муздалифа, а затем в долину Мина, где совершалось главное жертвоприношение; все это занимало три дня.

В долине Мина стояли семь идолов - четырехугольных камней, вокруг которых нужно было обойти. Кроме того, в идолов бросали камни. У подножия священных гор и в долине Мина стояли, по-видимому, и другие идолы.

В долине Мина происходила также еще одна важная церемония, хотя и не религиозная. Здесь можно было публично, при всем народе, вынести порицание человеку, совершившему вероломный поступок, нарушившему клятву или обещание. Для этого на расположенной рядом горе зажигался костер, и собравшиеся паломники с интересом выслушивали сообщение, что тот-то или такая-то клятвопреступники, не заслуживающие ни уважения, ни доверия, о чем быстро становилось известно по всей Аравии. Этим средством информации мог воспользоваться любой из паломников, будь то мужчина или женщина. Надо полагать, что в желающих выслушать очередные сенсационные разоблачения недостатка не было, особенно если к поруганию прикладывал руку поэт-профессионал, облакавший сообщения в звучные стихи, хорошо запоминавшиеся на многие годы.

Для большинства паломников долина Мина была конечным пунктом хаджа; особенно же благочестивые на следующее утро, как только лучи солнца падали на вершину горы Сабир, покидали долину Мина и возвращались в Мекку, где, вновь совершив обходы вокруг Каабы и поклонившись еще раз Черному камню, заканчивали церемонию хаджа и могли с чистой совестью целиком отдаться делам и развлечениям на открывавшихся вскоре в окрестностях Мекки шумных ярмарках.

Следует отметить, что религиозные обряды, несомненным свидетелем которых Мухаммед являлся, не могли, по-видимому, подавлять своим авторитетом сознание ребенка, так как они были крайне разнообразны и индивидуальны. Он видел, что люди молятся по-разному и разными словами; признают одних богов, установленных в Каабе, и не признают других. Одни считают правильным совершать обходы вокруг Каабы в обычной одежде, другие шьют для этого специальный ихрам, а третьи единственно правильным признают обхождения в обнаженном виде. Сторонники разных богов и разных обрядов невольно подрывали авторитет друг друга и мешали созданию религиозной системы, которая могла бы иметь всеобщее значение. Более того, многообразие уменьшало и саму религиозность, толкало некоторых склонных к духовным поискам людей к скептицизму, а то и к полному отрицанию святости не только идолов, установленных в Каабе, но и самой Каабы. Предания упоминают об одном мекканце, который проповедовал свое учение о едином невидимом боге,

прислонившись к Каабе, - по понятиям арабов, знак высшей неучтивости и презрения к храму; впрочем, за такое из ряда вон выходящее поведение дерзкого осквернителя святыни в конце концов выгнали из города.

Близкое знакомство с Каабой могло пробудить у Мухаммеда ранний интерес к религиозным вопросам, но не могло привить такую систему представлений, которая бы исключала дальнейшие поиски.

В возрасте восьми лет Мухаммед пережил крупное горе - умер его дед и опекун Абд аль-Мутталиб, который незадолго до этого в качестве представителя Мекки совершил важную дипломатическую поездку в Сану, столицу Йемена, для налаживания отношений с новыми властителями Южной Аравии - ставленниками персов. Перед смертью, приводя в порядок все свои дела, он вызвал к себе старшего сына Абу Талиба и поручил ему, в частности, как будущему главе клана Хашим, заботиться о Мухаммеде. Согласно преданиям, он призвал также дочерей Сафийю, Барру, Атику, Умм Хаким, Умайму и Арву и попросил их исполнить в его присутствии те похоронные славословия, которые они сочинили по случаю его предстоящей смерти.

Сафийя в таких словах оплакивала своего отца:

"Мне не заснуть от воплей плакальщиц по человеку, достигшему венца своего жизненного пути!

Слезы мои текут, как жемчужины, - плачу я по благородному, не ведавшему жалкого слабоволия, чья добродетель очевидна всем!

О, благородный Шейба, исполненный достоинства, мой добрый отец, наследник всех добродетелей, правдивый дома, не слабавольный, стоящий твердо и уверенно!

Могучий, внушающий страх, из тех благородных, чья доброта и благоволение подобны дождю в пору, когда у верблюда иссякает молоко.

Благородным был твой дед, лишенный даже пятнышка позора, превосходящий всех людей, зависимых или свободных, великодушный, знатный, величественный и могучий, как лев!

О, если бы людей могла обессмертить древняя слава (увы, бессмертие недостижимо!), мой славнейший и знатнейший отец заставил бы свою последнюю ночь длиться вечно".

Барра назвала Абд аль-Мутталиба "удачливым, прекрасноликим, щедро расточающим дары, славой превосходящим свой народ" и закончила свою элегию скорбным восклицанием:

"Смерть пришла к нему и нет ему пощады!

Перемена, судьба и рок настигли его!"

"Шейба, достохвальный, удачливый, надежный, непоколебимый! - восклицала Атика. - Острый меч на войне, разящий своих врагов! Отходчивый, щедрый, верный, отважный, чистый и добрый!

Его дом гордо утвердился в высокой чести, вознесся к славе, недоступной другим!"

"Плачь по наилучшему из людей, ездивших когда-либо верхом, твоему доброму отцу, источнику свежей воды!" - рыдала Умм Хаким.

"Щедрый к своей семье, прекрасноликий, желанный как дождь в годину засухи! Лев, когда заговорят копыта, женщины его дома смотрят на него с гордостью! Глава кинанитов (родственного курайшитами племени), возлагающих на него свои надежды, когда черные дни

несут бедствие, их прибежище, когда бушует война, в тревоге и ужасном горе!"

Умайма в элегии назвала своего отца "давшим паломникам воду, защитником доброго имени; собиравшим странников под своим кровом, когда небо проливалось дождем".

Наконец, последняя дочь, Арва, сложила в честь Абд аль-Мутталиба стихи, в которых упоминаются самые первые родоначальники курайшитов - Фир (Курайш) и его отец Малик.

"Мои глаза плачут обильными слезами по благородному добродетельному отцу.

Почтенному уроженцу мекканской долины, с благородными помыслами и целями.

Прекрасный Шейба, добрый отец, не имевший себе равных, длиннорукий, стройный, высокий!

Со светлым ликом, тонкой талией, прекрасный, исполненный добродетели!

Прибежище Малика, весна Фира! Слава, честь, достоинство принадлежали ему и последнее слово, когда принималось решение!

Он был герой, благородный, свободолюбивый и смелый, когда должна была литься кровь; когда воины так пугались смерти, что сердца большинства из них становились как воздух; впереди шел тогда он со сверкающим мечом, путеводная звезда всех взоров!"

У дочерей Абд аль-Мутталиба были все основания искренне скорбеть о его кончине - по понятиям того времени, он был прекрасным отцом, и он, конечно, позаботился пристроить своих любимых дочерей в лучшие, наиболее богатые и влиятельные семьи Мекки. Их мужьями были достойные представители кланов Абд Шамс, Макзум, Асад, Абд ад-Дар, прямые потомки прославленного Курайша.

Элегии, которые, согласно преданию, сложили дочери Абд аль-Мутталиба, интересны не только тем, что благородные арабские женщины должны были уметь в случае необходимости выражать свои чувства стихами, но и тем, за какие именно качества, по представлению арабов, следовало прославлять человека. На первом месте, несомненно, стоит то, что мы могли бы назвать личной честью человека, которая одновременно является честью рода и племени (благородное происхождение). Совершенно не упоминается ни религиозность, ни богобоязненность, в элегиях не упоминается ни Бог, ни боги. Вместо непогрешимости - благородство, отсутствие даже пятен позора. Затем идут достоинства общественные, идеальный человек - надежная опора и защита семьи, рода и племени. Всегда он должен быть на первом месте, не довольствоваться вторыми ролями, не быть таким, как все, а обязательно самым благородным, самым храбрым, самым добрым, самым щедрым. В наше время в сходных ситуациях уже не принято таким образом расхваливать людей - хотя надгробные речи наполнены подчас столь же преувеличенными похвалами в адрес покойного, однако никогда не говорят "самый умный", "самый талантливый" и даже "самый добрый" - всегда добавляют "один из" (один из самых талантливых, один из наиболее много сделавших). Арабов не зря называли аристократами пустыни они очень высоко ценили свою личную честь и не видели особенного достоинства в том, чтобы быть "одним из".

Абд аль-Мутталиб, даже если легенды сильно преувеличивают число его дочерей и сыновей, имел большую семью и был главой крупного клана Хашим. Он являлся одним из старейшин города и близким родственником старейшин других курайшитских кланов. Поэтому ему были устроены торжественные похороны, с соблюдением всех принятых у курайшитов обрядов.

Женщины его дома, которые при жизни Абд аль-Мутталиба гордились им (если верить словам элегий) и чью репутацию он так успешно защищал, в знак траура сняли все

украшения, смыли белила и румяна и, облачившись в синие, выкрашенные индиго платья, огласили весь квартал воплями и славословиями в честь покойного. При этом они раздирали на себе одежды, испуленно били себя по щекам и груди, покрывали лица и руки царапинами. Некоторые из них окрасили в синий, траурный цвет лица, кисти рук и ступни ног. Мужчины посыпали головы прахом и также облачились в траурные одежды.

Сыновья омыли Абд аль-Мутталиба и завернули его в погребальный саван. Были наняты лучшие плакальщицы Мекки; разделившись на две группы в синих, траурных платьях, с лицами, покрытыми следами крови и красного сока дерева саккуры, они начали несмолкаемый плач-диалог над телом покойного, сопровождаемый профессионально осторожными, но эффектными самоистязаниями. Зрелище было ужасное, вопли и рыдания рвали душу; делалось все, чтобы подчеркнуть трагедию смерти, усугубить, насколько возможно, горе близких, вызвать у зрителей и слушателей ответные произвольные слезы и рыдания. И профессиональные вопленицы в конце концов овладевали аудиторией, к их плачу вскоре присоединялись не только родственницы покойного, но даже совсем посторонние женщины, которые рыдали не над усопшим, а над собственной судьбой, оплакивали неизбежную смерть свою и своих близких. Тот, кто когда-нибудь слушал, как голоса в наших деревнях над телом покойника, знает, какое тяжелое чувство безысходной тоски, отчаяния и боли охватывает при этом впечатлительных людей, особенно детей. По-видимому, языческий похоронный обряд арабов всегда производил на Мухаммеда мучительное и болезненное впечатление; во всяком случае, в свое время он строго запретит и профессиональных воплениц и самоистязания над телом покойного...

...Тело Абд аль-Мутталиба положили на похоронные носилки, и процессия двинулась через весь город туда, где за городской чертой, близ дороги, была уже выкопана глубокая могила, в боковой стенке которой сделали специальную нишу высотой около метра. В эту нишу поместили покойника, положив вместе с ним меч, лук и стрелы, после чего могилу засыпали и устроили над ней невысокий холмик из земли. Над могилой разбили специально принесенную глиняную посуду. Рядом с ней вбили кол, к которому привязали верблюдицу, заставив ее предварительно опуститься на колени. Голову верблюдицы повернули назад и закрепили при помощи уздечки;

в таком положении ее оставили умирать над могилой от голода и жажды. Могилу полили водой, чтобы на ней росла трава, и помолились о том, чтобы дожди чаще орошали могилу.

Так Абд аль-Мутталиб получил для своей загробной жизни все необходимое - оружие, посуду и верблюдицу. Его глубокую могилу с нишей не могли разрыть шакалы;

он не был придавлен землей и мог сесть в своей нише, если бы ангелы опустились к нему и захотели с ним побеседовать. Впрочем, мы не знаем, какие представления о загробном мире были у арабов-язычников. Подобные могилы с нишей впоследствии были узаконены исламом, который и распространил идею об ангелах, с которыми неучтиво разговаривать лежа. Но сам обряд погребения свидетельствует, что какие-то верования о загробной жизни бытовали среди арабов и в доисламские времена.

Похороны Абд аль-Мутталиба были завершены обильной тризной, в которой приняли участие не только члены клана Хашим, но и вожди всех остальных ведущих кланов Мекки, а для Мухаммеда начался новый период жизни под покровительством Абу Талиба.

Глава 4

Отрочество и юность

Абу Талиб - дядя и новый опекун Мухаммеда

Как бог учил Мухаммеда благопристойности

Путешествие в Сирию

Предания пустыни

Встреча с монахом Багирой

Война Фиджар и участие в ней Мухаммеда

Конфедерация добродетельных

Мухаммед начинает самостоятельную жизнь

Какая разница между святыми и пророками

Абу Талиб, новый глава многочисленных "сынов Хашима", хотя и унаследовал почетную и не лишнюю выгоды должность распределителя налога в пользу неимущих паломников (заведование священным колодезем Замзам перешло к его брату Аббасу), никакой религиозностью, достойной быть отмеченной в преданиях, не отличался. Он вел энергичную деловую жизнь, типичную для довольно крупного торговца того времени, которому много времени приходится проводить в деловых поездках и нередко самому возглавлять караваны. Клан представлял собой и нечто похожее на акционерное общество, и "сыны Хашима" принимали иногда посильное доленое участие в торговых операциях Абу Талиба, во всяком случае наиболее зажиточные.

Абу Талибу приходилось много времени уделять и общественным обязанностям, связанным с его положением главы клана. Эта "должность" не просто перешла к нему по наследству - старший сын Абд аль-Мутталиба должен был зарабатывать уважение большинства хашимитов, а для этого требовались определенные личные достоинства, в первую очередь рассудительность, уравновешенность, доброжелательное отношение к членам своего клана, готовность защищать их интересы и беспристрастно участвовать в разрешении споров и тяжб, возникающих внутри клана. Наконец, нужно было пользоваться достаточным авторитетом в глазах влиятельных мекканцев. Пост главы клана требовал от него и достойного поведения в личной, семейной жизни, и 'уважения к освященным временем обычаям курайшитов. Абу Талиб в глазах своих соплеменников и был человеком не только состоятельным, но и почтенным и добропорядочным.

Свои обязанности опекуна восьмилетнего Мухаммеда, приходившегося ему племянником, Абу Талиб выполнял вполне добросовестно. Конечно, и речи не было о том, чтобы учить Мухаммеда читать и писать - большинство курайшитов было неграмотными, обучение стоило дорого, и грамоте учили тех, кому она могла существенно пригодиться в дальнейшем. Мухаммед, сирота и фактически неимущий, несомненно, не относился к числу тех мальчиков, которых стоило обучать грамоте; это было очевидно не только для его опекуна, но и для самого Мухаммеда - в будущем ни ему, ни его соратникам и в голову не приходило упрекнуть Абу Талиба за то, что вверенный его опеке племянник не получил никакого образования.

Обучение Мухаммеда, как и большинства его сверстников, сводилось к играм и посильному участию в занятиях взрослых. Мальчики играли преимущественно в войну, и к таким играм взрослые относились с полным уважением, снабжая детей игрушечными луками, копьями и мечами, так как это были не только игры, но и необходимая для каждого мужчины военная подготовка, обучение трудному и сложному ратному делу.

Утверждают, что во время одной из детских игр Бог проявил свою заботу о том, чтобы будущий пророк уже в детстве вел себя пристойно. Мухаммед и другие мальчишки строили из камней крепость или дворец. Камни они переносили в своих джуббах - халатах из тонкой ткани с узкими рукавами, - которые они снимали. Так же поступил и Мухаммед, и интересная игра шла своим чередом, как вдруг кто-то невидимый отвесил ему весьма

чувствительный шлепок и приказал: "Надень джуббу!" Мухаммед тотчас послушался и, приведя в порядок одежду, стал таскать камни на спине, в то время как его сверстники, нимало не смущаясь, продолжали щеголять нагишом.

Участие в занятиях взрослых позволяло Мухаммеду постепенно научиться всем тонкостям торговли: умению обращаться с товарами, взвешивать их и измерять, упаковывать и хранить, различать их качество и ценность по признакам, которые кажутся незаметными или несущественными человеку несведущему. Торговые занятия требовали также искусного обращения с животными, в основном верблюдами, от заботливого и умелого ухода за которыми часто зависел не только успех торговых экспедиций, но и сама жизнь купца.

Мекка не была захолустьем. Прибытие и отправление караванов, кочевники, стекавшиеся в священные месяцы огромными толпами, шумные ярмарки, на которых публично состязались поэты, - все это делало жизнь в городе яркой и оживленной. Дети и подростки не были изолированы от взрослых. Соблюдая требуемые обычаями скромность и уважение к старшим, Мухаммед мог присутствовать и при обсуждении важнейших общественных дел, и при спорах на религиозные и моральные темы, и при рассказах о торговых путешествиях, о приключениях в далеких странах, о преданиях старины и обычаях разных племен и народов.

В отличие от нашего времени и нашей цивилизации, взрослые меньше стыдились некоторых сторон своей жизни, в том числе и интимной, и перечень вопросов, "не предназначенных для детских ушей", был в ту эпоху значительно короче. В результате переход от детства к юности, а затем к жизни взрослого человека не сопровождался таким количеством разочарований, конфликтов и душевных потрясений, как в наше время, совершался более гладко и естественней. Поэтому можно смело утверждать, что, живя общей жизнью со взрослыми, ребенок действительно получал полное "образование", становился всесторонне подготовленным к дальнейшей самостоятельности.

Отсутствие по-настоящему близких и любящих его людей должно было рано приучить Мухаммеда к сдержанности в проявлении своих чувств, способствовать ранней изоляции его внутреннего мира, вырабатывать привычку оставаться наедине со своими мечтами, мыслями и наблюдениями.

Впрочем, и буквально наедине с самим собой Мухаммеду приходилось бывать часто - лет с девяти-десяти он считался уже достаточно взрослым, чтобы пасти скот не только в ближайших окрестностях Мекки, но и на удаленных от города пастбищах. Там он нередко проводил несколько дней в полном одиночестве, присматривая за верблюдами, овцами и козами, и, по-видимому, одиночество не очень тяготило его. Насколько это было благотворным для его духовного развития, сказать трудно, но сам Мухаммед, который впоследствии говорил, что "все пророки в детстве пасли стада", очевидно, усматривал какую-то связь между пастушескими обязанностями и даром пророчества.

Если Мухаммед и был довольно замкнутым подростком, его никак нельзя было назвать угрюмым. Очень быстро он завоевал симпатию Абу Талиба, который, как некогда Абд аль-Мутталиб, полюбил его, стал относиться к своему племяннику с большим вниманием и теплотой, чем это требовалось от него просто как от опекуна и главы всех хашимитов. Очевидно, уже в детские годы Мухаммед был наделен способностью привлекать к себе симпатии людей, с которыми его близко сталкивала судьба, вызывать в окружающих довольно благожелательное и уважительное к себе отношение. Сперва это была его кормилица Халима, затем дед Абд аль-Мутталиб и, наконец, его дядя Абу Талиб.

Несмотря на эти счастливые свойства характера, отрочество и юность Мухаммеда не были столь уж радостными и светлыми. Неизбежная невнимательность и равнодушие окружающих, раннее осознание своего положения бедного родственника, которому и в будущем не на кого надеяться, не только требовали от него сложного искусства не уронить в таких условиях

своего достоинства, но и больно ранили самолюбие, оставляли в душе много горечи. Сам Мухаммед о своем детстве и юности говорил впоследствии просто и предельно лаконично:

"Я был сиротой".

В возрасте двенадцати лет Мухаммед, если верить преданиям, совершил свое первое длительное путешествие. Абу Талиб снарядил очередной караван для отправки в Сирию. Мухаммед страстно мечтал о подобной поездке, но не решался просить об этом. В самый последний момент, однако, когда Абу Талиб собирался уже сесть в седло, мальчик не выдержал и стал так горячо упрашивать своего опекуна взять его с собой, что Абу Талиб наконец сжалился и, несмотря на то что Мухаммед был еще мал для длительной и опасной поездки, разрешил ему сопровождать караван. Конечно, Мухаммед ехал не пассажиром, а помощником, обязанным выполнять посильную для своих лет работу.

Путь каравана шел на северо-запад, мимо Ясриба и Табука в Южную Сирию. Мухаммеду и его спутникам предстояло перевалить через горные цепи Хиджаза, пересечь степи и каменистые полупустыни плоскогорья Недж и, дойдя до границ Палестины, свернуть на север, к Дамаску. Здесь они на несколько дней попадали в пределы песчаной Сирийской пустыни.

Караваны верблюдов движутся медленно, примерно со скоростью пешехода, покрывая за час четыре-пять километров. Днем, в период невыносимого полуденного зноя, приходилось делать на несколько часов привал. Много времени отнимало поение животных: вокруг сравнительно редких колодцев и источников обычно нельзя было найти ни клочка травы, и на ночь останавливались вдали от колодцев, там, где верблюды могут не только отдохнуть, но и попить.

По-видимому, дорога в один конец - протяженностью почти в полторы тысячи километров - занимала около двух месяцев, а все путешествие, с учетом остановки в Сирии, продолжалось почти полгода.

За время этого долгого путешествия от колодца к колодцу, от оазиса к оазису, по долинам пересыхающих в летнее время горных потоков и речек, через территории многих кочевых племен перед Мухаммедом медленно проплывали разнообразные ландшафты его родины - Аравии. Какими бы ни казались чужеземцу эти выжженные палящим солнцем каменистые степи и полупустыни с редкой и скудной растительностью, эти мрачные горы, лишь местами покрытые кустарником, - для арабов родные края были прекрасными. Даже в наши дни богатые аравийские шейхи, живущие в городском комфорте, возвращаются иногда под конец своей жизни в родные горы и степи, прекраснее которых для них, очевидно, нет ничего на земле...

Степи и горы, лежавшие на пути каравана, были свидетелями и участниками подлинных и легендарных событий глубокой древности. Красные жилы гранита, выступающие на склонах диких гор, не просто причудливое чередование кристаллических пород - это кровь Авеля, убитого своим братом, проступила сквозь землю, чтобы, окаменев, вечно напоминать о первом на земле неслыханном злодеянии.

Мрачные, безжизненные долины были населены не только племенами джинов и гулей - в некоторых из них некогда происходили ужасные события, и даже днем, при ярком свете солнца, такие места внушали суеверный страх, как нехорошие, опасные для человека, проклятые навечно. Об одной из таких долин, лежащих на пути каравана, Мухаммед впоследствии упомянул в Коране. В ней некогда жило племя "потерянных" арабов - гигантского роста самудиты, впавшие в грубое и отвратительное идолопоклонство. К ним был послан пророк Салих, чтобы обратить их на путь истинный. Самудиты потребовали от него чуда в качестве подтверждения пророческой миссии и всемогущества того Бога, от имени

которого он пророчествует, причем чуда по своему заказу: пусть-де из горы выйдет беременная верблюдица и тут же разрешится от бремени. По горячей молитве Салиха Бог сотворил это чудо, и на глазах у самудитов гора разверзлась, и из нее вышла требуемая верблюдица, родившая вскоре верблюжонка. Но и чудо не убедило нечестивых самудитов, и только некоторые из них уверовали в единого Бога, проповедуемого Салихом. С этими уверовавшими пророк удалился, оставив самудитам верблюдицу и предупредив их, что, если они причинят животному вред, их постигнет небесная кара. А верблюдица была не простая - если она наклонялась, чтобы напиться, то уже не отрывалась от воды, пока не исчерпывала источник до дна; но с этим недостатком самудиты еще могли мириться, так как она молока давала столько, что его хватало на все племя. Хуже было то, что ее боялись другие верблюды и убегали с пастбища при ее приближении, из-за чего скоро у самудитов начались недоразумения с соседними племенами. Тогда самудиты решили убить ее, уповав на то, что от божьего гнева их спасут пещеры, в которых они обитали. Убив верблюдицу, когда та вернулась с пастбища, они тотчас забрались в свои пещеры, где, чувствуя себя в полной безопасности, беспечно позажигали огни. Но Бог судил иначе - небо и земля содрогнулись от страшного грохота, и к утру все самудиты были найдены мертвыми, племя было уничтожено полностью, а место, где они жили и совершили святотатство, навеки проклято. Только входы в пещеры самудитов до сих пор чернеют на склонах гор - правда, по свидетельству очевидцев, пещеры эти небольшие и гиганты в них поместиться не могли, но это уже детали...

Много интересного и полезного можно услышать во время долгих привалов, при свете костра, который приятно согревает - ночи в пустынях холодные.

Хорошо ехать на верблюде тому, кто привык к такому способу передвижения. Нужно только научиться немного покачиваться в такт равномерному шагу верблюда и привыкнуть к этой непрерывной качке. Со спины верблюда видно далеко, в сухом, прозрачном воздухе все предметы имеют четкие очертания, находящиеся на горизонте горы кажутся совсем рядом. Покачивание верблюда не вгоняет в сон, сидя на верблюде, хорошо думать, читать стихи, петь.

В Южной Сирии, куда прибыл караван Абу Талиба, как-то незаметно кончалась Аравия и начиналась Византия, которая для арабов того времени продолжала оставаться страной ромеев, Римом - крушение Западной Римской империи под натиском варваров было для них несущественным, а различия между греками и собственно римлянами - второстепенными. В соседних с ними странах все оставалось по-прежнему - в этих районах со времен Александра Македонского преобладала греческая культура, и перенесение столицы из Рима в Константинополь (в котором, заметим, арабы бывали) ничего не меняло.

В Византии к концу VI века уже прочно и окончательно победило христианство греческого (православного) толка, и государство не терпело в своих пределах ни язычников, ни еретиков. Исключение составляли только пограничные районы, где военные соображения часто заставляли мириться и с теми и с другими. Южная Сирия и была таким пограничным районом, где спокойно проживали не только арабы-монофизиты и арабы-язычники вассального Гассанидского княжества, но и великое множество всевозможных сектантов. Обстоятельство немаловажное, так как, согласно преданиям, именно в эту поездку произошел первый контакт Мухаммеда с христианством. И когда-то вопросу, с кем же встречался Мухаммед - истинными последователями Христа или с людьми, сугубо заблуждавшимися, чудовищно извратившими святую веру, придавалось очень большое значение. Ах, если бы Мухаммед вовремя познакомился с учением святой равноапостольской церкви, вздыхали иные христианские писатели, как знать, может, было бы на земле одной религией меньше и одним христианским святым больше! Сейчас этот вопрос не является столь актуальным; очевидно, что если Мухаммед и был знаком с православием, то только как с одним из вариантов учения христиан, с учением, принятым одной из распространенных сект. Кроме того, с основами христианского учения можно было познакомиться, не покидая

Мекку, а богословских тонкостей, едва ли очень интересных и существенных для "неспециалистов", не знало и большинство христиан.

То, чего не увидишь в Мекке, - это культ, обрядовая сторона христианства, величественные храмы и торжественные богослужения, лики святых, глядящие огромными очами с икон греческого письма, стройные церковные хоры, причудливые и роскошные облачения высших сановников церкви и аскетизм монахов, замкнувшихся в праведной жизни за стенами монастырей. Согласно легенде, с одним из таких монахов встретились Абу Талиб и его спутники неподалеку от города Басры.

Здесь Абу Талиб обычно останавливался для послеполуденного отдыха у стен монастыря, в одной из келий которого жил монах Багира. Багира, неоднократно видевший Абу Талиба, никогда с ним прежде не заговаривал. Поэтому Абу Талиб был очень удивлен, когда на этот раз, как только караван сделал привал, Багира вежливо пригласил всех в свою келью - отдохнуть и разделить с ним трапезу.

"Я приготовил еду для вас, о люди племени Курайш, и хочу, чтобы вы пришли ко мне все, знатные и незнатные, свободные и зависимые", - сказал Багира.

Абу Талиб и его спутники, оставив Мухаммеда под деревом присматривать за поклажей (они посчитали его слишком юным для такой чести), отправились в гости к монаху. Но Багиру, собственно, интересовал только Мухаммед - из таинственных и мудрых книг, которыми обладали христиане, он знал о скором появлении нового великого посланника Бога и, что самое важное, знал точные его приметы. Еще когда караван приближался к монастырю, Багира из окна своей кельи увидел, что над ним движется небольшое облако, которое бросает тень на одного Мухаммеда. Когда караван остановился под деревом, произошло чудо облако тоже остановилось над Мухаммедом, а ветви дерева сплелись над ним, чтобы тень была гуще. По этим знамениям Багира понял, что перед ним будущий посланник Бога.

Ни на ком из пришедших к нему курайшитов он не увидел знаков божественной избранности и добился, чтобы позвали Мухаммеда.

Когда трапеза закончилась, он осторожно стал расспрашивать Мухаммеда о его жизни, в том числе о содержании его снов, и еще больше укрепился во мнении, что перед ним будущий пророк.

Далее Багира самым подробнейшим образом осмотрел Мухаммеда и обнаружил, что описание, данное в таинственных книгах, полностью совпадает с внешним видом стоящего перед ним подростка. Особенно убедительно выглядела "печать пророчества", поставленная на Мухаммеде с самого рождения, - это было крупное, величиной с грецкий орех. родимое пятно на спине, между лопатками. Когда же Багира узнал, что Мухаммед сирота, что тоже было предсказано, у него не осталось ни малейших сомнений в его божественной избранности. Он наказал Абу Талибу скорее увезти племянника, которому предопределено великое будущее, обратно в Мекку и тщательно оберегать его.

Абу Талиб послушался Багиру и быстро отвез Мухаммеда в Мекку, естественно закончив сперва все свои торговые дела в Сирии.

Между прочим, впервые упомянутая в этой легенде "печать пророчества" действительно существовала, и Мухаммед не только охотно ее показывал любопытным, но и сам искренне верил, что это не просто большое родимое пятно, а таинственный знак, своего рода тавро, которым Бог, верховный пастырь, пометил его, подобно тому как арабы метят свой скот.

В остальном эта легенда интересна главным образом тем, что в ее основе мог лежать реальный факт контакта Абу Талиба и его спутников с каким-либо христианским проповедником, "ловцом душ человеческих", для которого подросток-язычник являлся самым

перспективным объектом проповеди, не рассчитанной на немедленный успех. Эта легенда, несомненно, предназначена для арабов, так как ссылка на таинственные, полные глубочайшей мудрости книги христиан, в которых содержится подробное предсказание будущего, для самих христиан звучала неубедительно - христиане чаще были склонны наделять подобными книгами восточных мудрецов, обладателей неведомых христианскому миру тайных познаний. Не случайно к колыбели Христа первыми поклониться приходят с далекого Востока волхвы, которым тоже были известны чудесные знамения и которые после этого навсегда исчезли в глубинах своей неведомой родины.

Продолжительное и увлекательное путешествие, безусловно, должно было обогатить любого двенадцатилетнего подростка огромным количеством ярких и навсегда запоминающихся впечатлений. В данном же случае путешествие совершил отнюдь не "любой" подросток, а Мухаммед, вся последующая жизнь которого показала, что он с детства был исключительно и своеобразно одаренным человеком, способным тщательно и причудливо перерабатывать и использовать в своем творчестве все знания и впечатления, которые ему, человеку неграмотному, удавалось получить каким-либо путем. Обыденная и ничем не примечательная поездка приобрела важное значение только потому, что в ней участвовал не кто-нибудь, а Мухаммед. Не надо забывать, что это Мухаммед на спине мерно идущего верблюда пересек горы Хиджаза, плоскогорье Неджда и пески Сирийской пустыни, Мухаммед слушал легенды, которые рассказывали на привалах, Мухаммед видел разнообразную пеструю жизнь встречавшихся на пути оазисов, Мухаммед побывал на окраинах самой высокоцивилизованной страны того времени - Византии. И только поэтому утомительная и скучная, в общем, торговая поездка Абу Талиба превратилась в чудесное и исторически значительное событие. Впрочем, эта поездка имела и важное, но сугубо прозаическое значение для Мухаммеда - он получил ценный урок вождения караванов, что ему очень пригодится в дальнейшем.

Мухаммеду было лет пятнадцать, когда закончилась война Фиджар, которую арабские историки называли нечестивой войной, так как она качалась в священные месяцы. Зачинщиком выступило племя кинана, верный союзник курайшитов. Кинаниты напали на караван, который из Йемена, находившегося под контролем Персии, направлялся в обход Мекки к берегам Евфрата; охраняли караван люди из племени Кайс Айлан. Как только кинаниты разгромили караван по дороге в Таиф, курайшиты тотчас же выступили к ним на помощь. Решающая битва с кайситами и их союзниками произошла близ Таифа.

Мухаммед ничем не прославился в бою, он был простым оруженосцем своих дядек, собирал и подавал им стрелы. Но это было, безусловно, важное событие в его жизни - он видел настоящую крупную битву, участвовал в ней, наблюдал, как разные люди ведут себя в минуту опасности и перед лицом смерти, усваивал на практике этику и мораль войны, когда убийство "чужих" становится героическим и похвальным поступком, а захват их имущества - благородным подвигом.

Арабы не умели и не любили сражаться в строю, для этого им не хватало прежде всего дисциплины. Поэтому сражение превращалось, по существу, в совокупность отдельных единоборств; к концу битвы обычно хорошо было известно, кто кого убил, кто кого ранил, кто проявил смелость и сообразительность, а кто нерешительность и трусость. Такая манера вести бой позволяла безошибочно судить о личной воинской доблести каждого араба.

Участие в войне, как и участие в отдельном сражении, было делом добровольным, но не пожелавший идти на войну араб рисковал покрыть свое имя несмываемым позором, если у него не было на то уважительных (в глазах соплеменников) причин. Только достаточно богатые сражались верхом - у большинства не было средств содержать лошадей; всадники получали в два-три раза большую долю добычи, чем пешие воины. Предводителю полагалась четверть всего захваченного. Отличившиеся воины также имели право на большую часть добычи, чем те, кто сражался плохо. Вообще, дележ редко обходился без

споров, и часто еще в разгаре сражения отдельные воины прекращали бой и устремлялись за трофеями, если им казалось, что победа уже обеспечена; иногда это кончалось сокрушительным разгромом увлекшихся мародерством победителей.

Бой, в котором участвовал Мухаммед, близко затрагивал интересы всех мекканцев, которые дружно отправились на войну вместе со своими союзниками и сражались упорно. Кайситы были достойными воинами, и к середине дня казалось, что победа склоняется на их сторону. Однако к вечеру мекканцы все-таки одолели своих врагов и нанесли им решительное поражение. Трофеи поделили, пленных отпустили за выкуп, а с побежденными вскоре подписали соглашение, по которому йеменцам путь через земли племени Кайс Айлан был закрыт, а кайситы становились союзниками Мекки, монополизировавшей в результате войны Фиджар торговлю с Ираком.

Победа в войне Фиджар не помешала дальнейшему обострению отношений внутри самой Мекки, где примерно в это же время наиболее зажиточные кланы сумели запретить приход в город йеменских караванов. Тем курайшитам, кто не имел достаточно средств, чтобы вести самостоятельную торговлю с Йеменом, эта мера была крайне невыгодна, так как лишала их возможности покупать йеменские товары в самой Мекке и перепродавать их дальше. В числе пострадавших оказался и клан Хашим, к которому принадлежал Мухаммед. Перед лицом подобной эгоистической политики богатых семей, все меньше считавшихся с племенной солидарностью, более бедные кланы решили объединиться и заключили договор о конфедерации, которая получила название Конфедерация Фудул - Конфедерация Добродетельных. В нее вступали кланы Хашим, аль-Мутталиб (потомки двоюродного деда Мухаммеда), Зухра, Тайм, аль-Харис и Асад, которые поклялись совместно давать отпор любому, будь он мекканец или иногородний, кто совершит враждебные действия против членов союза. По словам Мухаммеда, он был свидетелем того, как в доме Абдаллаха, сына Джудана, был подписан этот исторический для Мекки договор, который соблюдался в течение многих десятилетий и сыграл немаловажную роль в жизни самого пророка. Мухаммед считал договор о создании Конфедерации Добродетельных прекрасным примером справедливости и солидарности и говорил, что он не променял бы его на любое число прекрасных верблюдов и, даже будучи пророком, охотно подписал бы его.

Примерно к двадцати годам Мухаммед начал совершенно самостоятельную жизнь, без формальной опеки со стороны Абу Талиба. К этому времени обстоятельства, не зависящие от самого Мухаммеда, полностью определили его род занятия - он был человеком, сведущим в торговле, умел водить караваны, но не имел достаточно средств, чтобы вести самостоятельные торговые операции. Поэтому он вынужден был наниматься к более зажиточным торговцам в качестве приказчика, проводника караванов или торгового агента. По словам арабских историков, Мухаммед отличался прекрасным характером, честностью и добросовестностью, был добрым соседом и вообще всяческим образцом совершенства. Впрочем, его профессия действительно требовала от человека и ума, и сообразительности, и честности, и верности своему слову, и безукоризненной заботы о вверяемых под его ответственность товарах, а раз дела Мухаммеда шли хорошо, значит, люди ему доверяли, и у нас нет основания не верить тому, что он был в глазах мекканцев человеком безукоризненной репутации, вполне справедливо заслужившим прозвище Правдивый, которым якобы наградили его курайшиты.

О духовной жизни Мухаммеда в этот период мы не знаем фактически ничего. По его собственным словам, он вел жизнь добропорядочную и целомудренную и Бог сохранял его от всех грехов и пороков идолопоклонства. Впрочем, божественное вмешательство потребовалось всего дважды за весь период юности Мухаммеда. О первом эпизоде Мухаммед якобы рассказывал так.

Однажды он пас скот на холмах, окружавших Мекку, вместе с одним юношей-курайшитом, когда у него возникло желание провести ночь в городе, подобно тому "как поступали другие

молодые люди". Юноша согласился присмотреть за его скотом, и Мухаммед отправился в Мекку, руководимый подобным греховным желанием. "Когда я дошел до первого дома, - рассказывал Мухаммед, - я услышал звуки тамбуринов, и мне сказали, что здесь только что сыграли свадьбу. Я сел, чтобы понаблюдать (за дальнейшим течением праздника, во время которого подвыпившие женщины не всегда вели себя целомудренно), но Бог оглушил меня, и я сразу уснул, и спал, пока меня не разбудило солнце. Я вернулся к своему товарищу и в ответ на его вопросы рассказал, что со мной произошло".

Тем же способом Бог пресек и вторую попытку юноши пуститься в легкомысленные приключения, после чего, по свидетельству Мухаммеда, у него никогда больше не возникали греховные побуждения.

Почему легенды не приписывают Мухаммеду тех дьявольских искушений, героическая борьба с которыми украшает жизнь многих христианских святых? Наиболее естественное объяснение сводится, по-видимому, к тому, что особых искушений просто не было, а Мухаммед, как человек правдивый и искренний, не собирался заниматься приписыванием себе несуществующих подвигов. Его авторитет мог быть достаточным, чтобы и у других пропало желание фантазировать на эти темы. Следует также иметь в виду, что существует глубокое различие между святыми и пророками. Святые становятся святыми, совершая разнообразные подвиги веры, и чем глубже первоначальная пропасть греха, в которой они находились, тем больше их заслуги, тем более достойны они уважения и почитания. Пророки же, по широко распространенному у семитических народов представлению, чаще всего просто избираются за какие-то присущие им от рождения достоинства Богом, который и проявляет активную заботу о чистоте своих избранников. Святым может стать в принципе любой человек, а пророческий дар - это свойство, от человеческой воли не зависящее.

Мухаммед должен был вступать в жизнь с твердым убеждением, что, хотя он не менее благороден по своему происхождению, чем самые знатные курайшиты, и обладает большими, чем они, нравственными достоинствами, "путь наверх" ему фактически закрыт навсегда - в Мекке уже давно восторжествовали нравы торгового города, где влияние и уважение определялись прежде всего богатством, а не честью и благородством. Для бедных закрывалась дорога к выгодным предприятиям, и Мухаммед, унаследовавший ничтожное имущество, мог "выбиться в люди" только благодаря счастливой случайности.

Глава 5

Хадиджа

Мекканские богоискатели - ханифы

Почему потребовалась новая религия

Влияние иудаизма и христианства

Шансы на избранничество

Зовы

Ночные молитвы Мухаммеда

Посты

Нравственная чистота Мухаммеда

Предложение богатой вдовы Хадиджи

Второе путешествие в Сирию

Свадьба Мухаммеда

Мухаммеду шел двадцать пятый год. Четыре года самостоятельной жизни внешне ничего не изменили в его судьбе - он все так же пас стада, нанимался погонщиком верблюдов, выполнял торговые поручения. Репутация человека честного и дельного за ним упрочилась, и к его услугам охотно прибегали не только его дядья и другие хашимиты, но и зажиточные торговцы из других кланов. Свои собственные небольшие средства, доставшиеся ему по наследству, Мухаммед тоже пускал в оборот, но прибыль была ничтожной и состояние его не увеличивалось. Никаких шансов разбогатеть у него не было.

Во внутреннем его мире протекали в эти годы скрытые от посторонних взглядов сложные перемены; они привели к усилению и углублению того интереса к религиозным проблемам, который обнаруживался у Мухаммеда и раньше.

Повышенный интерес к религиозным вопросам был вообще характерен для жизни "священного города", куда со всех концов Аравии стекались паломники. На рубеже V и VI веков этот интерес принял четкие формы богоискательства, и предания сохранили для нас имена многих мекканцев, посвятивших себя критике существующих культов и созданию новых религиозных концепций. Такой сдвиг умонастроений не был случайным - город переживал тяжелый общественный кризис.

Племенные законы продолжали действовать неукоснительно, но соблюдались они все более формально, дух племенной солидарности улетучивался, законы утратили абсолютный авторитет и уже не почитались священными. В жизни все больше руководствовались принципом:

"Кто богат, тот и силен, кто силен, - тот и прав". Те, кто были богаты, считали, что все идет как надо, все правильно и все справедливо. Они ссылались на традиционный фатализм арабов-кочевников - ведь и в кочевом племени одни были бедны, а другие богаты, одному повезло, а другому нет. Ничего не поделаешь - рок, судьба, да и боги, между прочим, знают, кого наделять богатством, а кого оставлять ни с чем. По этой логике, так или иначе, выходило, что богатые одновременно и самые достойные жители Мекки, которых нужно всячески уважать и которым нужно добровольно подчиняться.

Большинство же мекканцев, оттесненное богачами от участия в выгодной торговле, чувствовало, что происходит что-то не то, что настали какие-то смутные и несправедливые времена. При кочевой жизни судьба щедро сеяла несправедливость - один рождался здоровым и сильным, другой хилым и слабым; одному везло - смерть щадила его домочадцев и его скот, а на другого сыпались несчастья. И само племя переживало превратности судьбы: засуха, падеж скота и голод сменялись годами процветания и достатка, поражения - удачными набегами, приносящими богатую добычу. Но земля была общей, и несправедливости судьбы не переходили из рода в род, из поколения в поколение. Всегда оставалась у человека надежда, что завтра та же судьба улыбнется ему, что его личные усилия плюс удача круто изменят все к лучшему. И действительно, кочевая жизнь изобиловала примерами резких и внезапных поворотов судьбы, что не только оправдывало фатализм, но и питало чувство уверенности, что путь вверх - к славе, богатству и власти - открыт для каждого.

Не то было в Мекке. Город жил торговлей, и торговля была тем "пастбищем", которым владело номинально все племя курайшитов. И это-то "пастбище" богатые семьи постепенно захватывали в свои руки, сгоняли с него более слабых соплеменников, заставляли их служить себе. Не судьба и рок не позволяли человеку подняться от бедности к богатству, занять достойное место в обществе, а алчные и богатые Абд Шамсы, Науфалы и Махзумы: крепко взяли они все дела в свои руки, так крепко, что, как бы ни поворачивалась фортуна, богачи останутся богачами, а бедняки бедняками.

Перемены, вызванные стремительным переходом от традиционного племенного строя к ярко выраженному классовому обществу, порождали в сердцах большинства мекканцев чувства уныния и отчаяния. Для людей, мыслящих старыми понятиями, жизнь становилась просто непереносимой - унылой, бессмысленной, унижительной и нелепой. Так или иначе, нужно было выработать такое миропонимание, которое позволяло бы человеку и в условиях социальной несправедливости ощущать ценность и осмысленность жизни, вернуло бы ему утраченное чувство радости жизни.

Само собой разумеется, что в VI веке нашей эры новая идеология могла быть только религиозной. Созданием ее и занимались богоискатели, которых арабы называли ханифами.

Мухаммед относился с большим уважением к исканиям ханифов, в учениях которых древние арабские легенды и культы причудливо и произвольно переплетались с идеями единого Бога и личного бессмертия человека, близкими иудаизму и христианству. Рассудок подсказывал бесчисленное множество различных решений, всевозможные сочетания религиозных идей и понятий, которые казались равно справедливыми и одинаково вероятными. Очевидно, посредством одних только логических рассуждений найти истину было невозможно.

Для религиозных поисков издревле существовал другой путь - путь самоуглубления, погружения во внутренний мир, управления своими эмоциями и мыслями. Чем больше преодолевал человек свою животную и эгоистическую природу, чем больше он приближался к миру сверхчувственному, тем быстрее этот сверхчувственный мир сам приходил к нему на помощь, и постепенно или сразу, как бы вдруг, открывались все истины, все знание. А вместе с этим абсолютным знанием человек, между прочим, приобретал неопишное могущество и власть над землей и небом, над людьми и духами, такую власть, что даже, казалось бы, непреложные законы действительности, в которой он жил, начинали зависеть от его воли, и по его слову останавливалось солнце, двигались горы, камни превращались в золото, джинны и гули подчинялись любому его приказанию. И люди, те самые люди, которые дотоле относились к будущему избраннику с пренебрежением, которые кичились своей силой, умом и богатством, начинали благоговеть перед ним, любить его и страшиться.

Слава на земле и счастливое бессмертие на небесах - вот награда тому, кто добьется любви Бога. Так пророк Муса (Моисей) из сироты и подкидыша, из пастуха-заики превратился в пророка всемогущего Бога, посрамил египетского фараона с его бесчисленным войском и стал духовным пастырем и вождем своего народа. Он протягивал руку - и воды Красного моря расступались перед ним, он ударял в землю посохом - и в пустыне начинал бить источник пресной воды, и люди его племени, умиравшие от жажды и усомнившиеся в его могуществе, вновь склонялись перед ним, вновь прославляли его.

А пророку Сулайману (Соломону) Бог ниспослал невиданную на земле мудрость, рассказы о которой сохранились до сего дня. И сделал его царем над его народом, и дал ему баснословное богатство, и самых красивых женщин, и славу. Милостью Бога Сулайман понимал язык зверей и птиц, и даже джинны служили ему беспрекословно.

Ближе всех по времени из прославленных пророков жил Иса, (Иисус) посланный проповедовать любовь, милосердие и истинную веру. Как только не преследовали его люди, как только не насмехались над ним! Но Бог посрамил гонителей и насмешников, и когда нечестивцы задумали распять Ису на кресте, не позволил его мучить и казнить, а вырвал его из их рук и живым перенес на небо.

Много чудесного совершали пророки по воле богов и всегда, всегда торжествовали над своими врагами и гонителями! Разве можно их сравнивать с колдунами и гадателями, которые служат духам, а не богам? Много ли они могут? Напустить на какого-нибудь человека болезнь и смерть, предсказать будущее, истолковать значение сна - на большее их демоны не способны.

Заманчиво заслужить милость небес, стать избранником богов - от одной мысли об этом дух захватывает! Сотни лет уже прошли со времени последнего пророка, и много сведущих и мудрых людей считают, что скоро появится новый посланник. Насара ждут, что сам Иисус спустится с неба и установит на земле царство справедливости и счастья. Яхуди ждут мессию - избавителя своего народа от притеснений. И некоторые ханифы допускают, что придет новый пророк, через которого Бог снова пошлет людям точное знание истинной и неискаженной веры - потому что, как ни стараются, не могут ханифы решить, что такое человек, зачем живет он на земле, как он должен жить, как поклоняться богам, чтобы заслужить счастье на земле и вечную жизнь на небе.

Ну не смешно ли ему, Мухаммеду, погонщику верблюдов и пастуху, задумываться о подобных вещах? Кто он такой, чтобы боги захотели говорить с ним? Хотя, если подумать хорошенько да сопоставить кое-какие обстоятельства, получается не так уж смешно и нелепо...

Как-никак он один из самых знатных курайшитов - прямой потомок Кусая, а курайшиты - это уж всякий знает! - самое благородное племя. Насара и яхуди называют и курайшитов и кочевников агарянами, потомками Исмаила и Ибрахима. Про его отца, Абдаллаха, рассказывают, что боги признали его угодной для себя жертвой, а потом остановили занесенную над ним руку и взяли себе другую жертву. Все случилось прямо как некогда с Ибрахимом и Исмаилом - сперва Бог приказал Ибрахиму заклать Исмаила, а потом заменил Исмаила бараном. Но ведь решение принести Исмаила в жертву было уже принято, Ибрахим имел твердое намерение выполнить его, так что в определенном и высшем смысле жертвоприношение все же состоялось. Поэтому и говорят: "...принесенный в жертву Исмаил". Получается, что он, Мухаммед, сын двух людей, принесенных в жертву Богу, - Исмаила и Абдаллаха. Случайно ли это?

Его сиротство... Пророк Муса тоже был сиротой, подкидышем, чужие люди его вырастили. Пророка Исмаила Бог приказал отцу в пустыню изгнать. А у Исы вообще не было отца - его родила непорочная дева Марйам, Бог своим словом зародил жизнь в ее утробе, не хотел, значит, чтобы у его избранника был отец. Выходит, что пророкам как бы и не полагается иметь отцов, чем-то они мешают. И его, Мухаммеда, сироту, боги не оставили на произвол судьбы - не погиб он, не захирел.

А в детстве, когда у Халимы жил, те двое в белом... Он и сейчас помнит, как лежал на спине, и это чувство страшного холода внутри, на сердце. Хорошая Халима тогда ужасно перепугалась, заметалась, не знала, то ли его от солнечного удара лечить, то ли заклинания против злых духов выкрикивать. Ну, насчет солнечного удара - это неправда - он бы просто сознание потерял, не видел бы так ясно тех двоих, в белом. Хотя жара была редкая... Появились и исчезли. Может, и злые духи, спорить против этого не приходилось, такое часто с людьми случается.

Ведь и потом бывало. Нет, видеть он больше никого не видел, а вот голос слышал - ясно и отчетливо. "Мухаммед!" - оглянешься - ни души кругом, тишина. Даже страшно делается - кто зовет, что хочет сказать? Почему не продолжает? Может, он недостаточно чист?

Молится он часто, любит молиться, особенно по ночам - легче сосредоточиться, целиком уйти в молитву. Проведя часть ночи в молитве иногда для этого ходил в Каабу, - утром просыпался бодрым, совершенно выспавшимся, с хорошим настроением. Но на вопросы, как нужно молиться, когда, кому, какими словами, сколько раз в день, ответа не было, а стало быть, не было и уверенности, что делаешь именно то, что нужно.

Подобно ханифам соблюдал традиционные посты - три раза в год, в течение сорока, девяти и семи дней от зари до зари не принимал ни крошки пищи, ни глотка воды. Особенно трудно не пить в жару целый день - жажда мучает невыносимо, даже голова начинает кружиться. Зато

пересилишь себя - приходит награда:

гордое чувство исполненного долга, чистоты. Иногда сам себе назначал пост - на три дня, на пять дней. Пробовал Мухаммед не есть ни днем, ни ночью несколько суток, как делали некоторые отшельники-насара, но почувствовал, что богам такой пост неугоден - после него слабость, плохое настроение, и работать во время такого поста невозможно.

Мухаммед в эти годы отличался деятельным характером, он не был мечтателем, настроение у него, как правило, было бодрое. Но иногда, правда очень редко, нападала на него вдруг, без всякого повода, глубокая тоска. Тогда, захватив с собой небольшой запас пищи и воды, уходил он в безлюдные окрестности Мекки и там проводил несколько дней в полном уединении молился, размышлял, вслушивался в себя, часами бесцельно бродил по пустыне, выжженным солнцем холмам или неподвижно сидел, погруженный в свои думы. И в конце концов тоска проходила, и он возвращался в Мекку - жизнерадостный, приветливый, энергичный, спокойный - такой, каким привыкли его видеть всегда.

От ханифов перенял Мухаммед и практику религиозных омовений - нельзя являться перед лицом Бога, становиться на молитву грязным и нечистым - это неуважение к всевышнему, грош цена такой молитве.

Идея чистоты особенно полюбилась Мухаммеду. Уже в молодости он отличался крайней опрятностью - одет чисто, сам аккуратно зашивал и штопал свой плащ. Его длинные каштановые волосы, спадавшие на плечи, были всегда аккуратно причесаны, так же как молодая волнистая борода и густые усы. Вообще, за волосами Мухаммед ухаживал особенно тщательно, не только всегда держал их в чистоте и порядке, но и смазывал благовониями - миррой, розовой водой, настойками благоухающих трав.

Внешняя чистота и опрятность нравились Мухаммеду не только сами по себе, стремление к чистоте носило отчетливо религиозный оттенок, распространялось им, как и другими ханифами, и на нравственность. Поставил себе цель по возможности всегда говорить правду. Избегал пить вино, никогда не играл в азартные игры. Не ходил любоваться плясками знаменитых мекканских куртизанок - греческих и персидских рабынь и местных уроженок, великих искусниц петь и играть на лютне, белокожих, не опаленных солнцем пустыни красавиц с насурмленными бровями и выкрашенными в черный цвет деснами, никогда даже нога его не ступала на порог этих мекканских гетер.

Увлечение Мухаммеда ханифством, естественно, отдалило его от сверстников, и друзей у него не было. Зато люди старшего поколения относились к нему с уважением: молодость молодостью, но не так уж приятно видеть, как твои сыновья пьют, ночи напролет проводят за азартными играми, тратят деньги на продажных развратниц. Тем более что ханифство Мухаммеда несколько не было вызывающим, никого не оскорбляло. Он строго и с полным благоговением выполнял все религиозные обряды курайшитов - приносил положенные жертвы, с молитвами обходил вокруг Каабы, прикасаясь к Черному камню, совершал семикратный бег между холмами ас-Сафай и аль-Марвай, поражал камнями идолов в долине Мина. Все эти традиционные обряды совершал он публично, на глазах у всех и вместе со всеми, размышления же о религии, молитвы, искания Мухаммеда никому известны не были - о них он даже ни с кем не говорил. Да и вообще в этот период вопросы веры не были главным или наиболее существенным интересом его внутренней жизни, это был скорее второстепенный мотив, одно из увлечений, не более.

В 595 году на Мухаммеда, как на способного торгового агента, обратила внимание богатая мекканская негоциантка Хадиджа - вдова, пережившая двух мужей, женщина почтенная и всеми уважаемая. Торговлю она вела с помощью приказчиков, которые получали не твердо установленную плату, а определенную долю прибыли. Хадиджа через своего раба Майсура предложила Мухаммеду отвезти ее товары в Сирию, продать их там и, закупив греческие и

персидские изделия, доставить их обратно в Мекку. Посоветовавшись с Абу Талибом, Мухаммед принял предложение Хадиджи и второй раз за свою жизнь отправился с небольшим караваном в Сирию, примерно по той же дороге, по которой он ездил подростком. Но сейчас на нем лежала ответственность за судьбу торговой экспедиции - впрочем, Хадиджа послала вместе с ним и своего верного и преданного раба Майсура, человека опытного, способного помочь дельным советом, да заодно и присмотреть за новым приказчиком.

Мухаммед и его спутники (кроме Майсура караван сопровождало пять - семь погонщиков верблюдов) выступили из Мекки при полном вооружении, с мечами, копьями и луками, - кругом царил мир, у курайшитов со всеми племенами, по территории которых проходил путь в Сирию, существовали договоры о союзе и охране караванов, но полную безопасность это, конечно, не обеспечивало.

До Сирии добрались без всяких приключений. Остановился Мухаммед, как и в прошлый раз, не доходя Дамаска, на самой границе Византии - права торговать беспошлинно по всей империи ромеев у курайшитов не было. Не спеша осмотрелся, у надежных людей разведаль про цены в Дамаске, Петре, Пальмире и в Газе, что на берегу Средиземного моря, и в самом Константинополе, богатейшем городе мира, столице. Отблагодарив надежных людей подарками, не торопясь стал торговать. Так пекся о выгоде, как будто свое кровное добро продавал, а не Хадиджи, и за все сумел взять хорошую цену. На вырученные деньги также не спеша и с толком накупил Мухаммед ромейских товаров, которые хорошо идут на мекканских ярмарках: отличного качества ножи и мечи, пестрые красивые ткани, медную посуду, бусы, серьги, кольца, ручные и ножные браслеты - из позолоченной бронзы, из цветного стекла, но сделанные с полным пониманием вкусов арабских женщин; здесь эти безделушки были дешевы, а дома, в оазисах и пустынях, ценились. Теперь - скорее обратно в Мекку, все довести в сохранности, за все отчитаться.

За месяц, проведенный в Сирии, на многое Мухаммед насмотрелся, немало узнал нового и про страну ромеев, и про ее верования. По-гречески говорить он не умел, на базарах обходился несколькими десятками греческих и сирийских слов, а больше жестами и восклицаниями - для торговых операций этого вполне хватало, но на отвлеченные темы на таком языке не разговоришься. Выручали арабы, жившие здесь испокон веков, язычники и насара, знали они про ромеев все досконально.

Страна ромеев - богатая страна. Уже на юге Сирии кончалась бесконечная пустыня и начинала земля зеленеть лугами и пастбищами, ухоженными полями и прекрасными садами, обильно напоенная влагой, густо заселенная. А дальше к северу вообще никаких пустынь нет, сплошной зеленый ковер, рай для животных и людей, не надо рыть глубоких колодцев, беречь каждую каплю воды - в течение всего года падают с неба дожди, текут непересыхающие реки. И замечательный порядок кругом - из конца в конец страны может идти купец со своими товарами почти безоружный, дороги безопасны, шайки разбойников редкость, а у жителей городов и сел и в мыслях нет промышлять грабежом или убийством, это для них грех, случись такое с кем, его же соседи и родственники побегут доносить на него властям, еще и ловить помогут.

По всей огромной стране, населенной разноязычными народами, один закон, потому что у всех людей - одна вера, близкая ханифам вера в единого Бога, вечного и вездесущего, творца мира и звезд, и солнца, и луны, и человека, Бога-судью, видящего все поступки и помыслы человека, каждый его шаг, этот Бог после смерти человека, в вечной загробной жизни воздаст каждому по заслугам - праведных наградит вечным блаженством в раю, злых и порочных отправит на вечные мучения в ад. И вера эта не просто унаследована от глубокой древности, а поведена людям самим Богом через пророков, чтобы никто не мог усомниться в ее истинности. Слова Бога, его приказы и повеления тщательно собраны и записаны, чтобы ни злой умысел, ни плохая память, ни небрежность не могли исказить их. Не могли-то не могли, а все-таки выходит, что изрядно уже исказили насара, эти люди писания, свою веру.

Даже о последнем из пророков, Иисусе, каждый рассказывает по-своему, и при этом все ссылаются на священные книги, друг друга обвиняют в подделках и искажениях.

Все сходились на том, что родила Иисуса непорочная дева Мария по слову Бога. Все соглашались, что Иисус был пророком, но дальше шла путаница. Не могли договориться о том, кто был Иисус - сам Бог, принявший человеческий облик, сын Бога, богочеловек или человеко-бог? Погиб он на кресте или был взят живым на небо? И сколько же богов все-таки признают насара? Начинают свой символ веры словами: "Верую во единого Бога...", а потом тут же оказывается, что веруют и в Бога-отца, и в Бога-сына, и в святого духа, и в деву Марию. Целое семейство богов, оказывается, на небесах. И Бог, всемогущий и милосердный, оставляет своего посланника без всякой помощи, позволяет мучить и истязать его, спокойно смотрит на то, как предадут его позорной смерти на кресте! Тот самый Бог, который говорил: "Иди, не бойся, я с тобой, ни один волос не упадет с твоей головы без моей воли..."

Отталкивающее впечатление производили на Мухаммеда и ненависть насара к человеческому телу, нелепая идея умерщвления плоти как похвального и богоугодного деяния. Получалось так, что Бог, наделивший человека потребностью есть, пить, любить, все это не то не одобряет, не то запрещает. И почему Богу нравится, если человек предстает перед ним на молитве грязным, нечесаным, вонючим?

В этом отношении вера яхуди правильнее, чище, у яхуди действительно Бог единый, возвышенно-духовный, без всяких троиц, сыновей Бога и божеств женского пола, вроде девы Марии. И тоже вера их - прямо от Бога, через пророков, они тоже люди писания. Кстати, насара - и они этого не отрицают, почитают мудрые книги яхуди как священные, божественные.

Вера для Мухаммеда воплощалась в укладе жизни, а жизнь ромеев производила на него отталкивающее впечатление. Насквозь были пропитаны ромеи рабской психологией, уже и не понимают, что значит быть свободным, чувствовать себя человеком. На три четверти лишённые чести, наполовину утратившие человеческое достоинство. Ходят ссутулясь, вечно куда-то бессмысленно и озабоченно торопятся, лица измученные. Готовы пресмыкаться перед сильными и издеваться над слабыми. Нет ни спокойствия, ни уверенности в себе. Вместо гордости - кичливость. Сами себя не уважают - чувствуют, что не за что. Любые налоги будут платить, любые унижения глотать, только бы позволили им жить. Самый нищий, грязный и неграмотный бедуйин по сравнению с ними - шейх.

На войну идут по приказу, из-под палки, а сражаются неплохо, потому что своих начальников боятся больше, чем врага, да за деньги. А по своей воле никто воевать не пойдет - останутся сидеть по домам, сдадутся без боя. Не будь регулярных войск, с десятком бедуйинов можно захватить любое село, а с сотней - любой город, пусть там живет хоть десять тысяч мужчин, способных носить оружие. Да, богата и могущественна страна ромеев, а все держится на волоске: ударить посильнее - и рухнет...

Не к арабам посылались пророки яхуди и насары, не на арабском языке проповедовали они - все это чужое.

Конечно, и в Сирии, и по дороге не обошлось без чудес - но чудес каких-то неинтересных и незначительных - все больше различные варианты на тему об ангелах, бросающих тень на Мухаммеда, но так деликатно, что сам Мухаммед этого не замечал, а окружающие видели все - и тень и ангелов. Видели, но почему-то молчали, даже Мухаммеду постеснялись сказать.

В Мекку возвратились благополучно.

Мухаммед во всем отчитался Хадидже, передал ей все привезенные товары. Хадиджа их быстро распродала, и оказалось, что полученная прибыль намного превышает обычную.

Мухаммеду заплатила Хадиджа щедро и справедливо, вдвое больше договоренной суммы, и с тех пор стала охотно давать ему торговые поручения.

Хадиджа, которой, согласно традиции, было сорок лет, как уже говорилось, была богата, богатство ей досталось от второго мужа, умершего незадолго до описываемых событий. Была она женщиной умной и решительной, и ни родственникам мужа, ни отцу, зарившимся на ее имущество, распорядиться им не позволила. И своей судьбой тоже. Очевидно, положение женщин в торговой Мекке не было столь уж бесправным. Во всяком случае, не всех и не всегда. Как уж у нее это получалось - неизвестно, но Хадиджа никому собой помыкать не давала.

Мухаммед произвел на Хадиджу самое хорошее впечатление - и своим умом, и характером, и безукоризненной честностью. Ее раб Майсур, сопровождавший Мухаммеда в Сирию, отзывался о нем с большим уважением. Ее племянник Чузима, близко знавший Мухаммеда, считал его человеком, верным своему слову.

Сорок лет - не старость, а Мухаммед был молод и красив. Хадиджа полюбила его. Хадидже нужно было замуж - не только для того, чтобы устроить свою семью, иметь дом. Нужен ей был и заступник, защитник ее самой и ее богатства - главным образом не от чужих людей, а от собственных родственников. То, что Мухаммед беден, ее не смущало - вполне достаточно, что богата она, Хадиджа. В некотором отношении это было даже к лучшему - и после замужества Хадиджа не собиралась терять свою независимость, твердо намеревалась не допустить в своем доме ни других жен, ни наложниц. В ее годы это довольно сложно, но если муж беден, то все решается почти само собой - у него просто не будет средств, чтобы обзаводиться другими женщинами.

Однако все эти мотивы - второстепенные, может быть даже и не мотивы, а лишь побочные житейские обстоятельства, в целом благоприятные. Главное же Хадиджа полюбила Мухаммеда, что, учитывая все его достоинства, никого не удивило.

Удивился лишь сам Мухаммед, когда посланный Хадиджей раб Майсур завел с ним разговор о браке.

- Почему бы тебе не жениться, Мухаммед? - спросил Майсур.

- У меня нет средств, - ответил Мухаммед с полной искренностью: именно по этой причине Абу Талиб отказался выдать за него свою дочь Фахиту.

- Так. Ну а если бы тебе сделала предложение богатая женщина, да к тому же красивая и знатная?

- Кто же это? - спросил Мухаммед, понимая, что вопрос Майсура не праздный.

- Хадиджа.

- Не может быть! - с сомнением в голосе воскликнул Мухаммед, одновременно и пораженный и обрадованный. Очевидно, на такой счастливый поворот судьбы он не рассчитывал.

Майсур тотчас же передал Хадидже, с какой радостью Мухаммед отнесся к ее предложению. Тогда Хадиджа позвала Мухаммеда к себе в дом и сказала:

- Сын моего дяди! Мы - родственники; ты правдив, у тебя хороший характер, тебя уважают. Я хотела бы видеть такого человека, как ты, своим мужем. Было бы хорошо, если бы мы поженились.

Когда Мухаммед говорил Майсуру, что он не женится из-за отсутствия средств, это вовсе не означало, что он совершенный бедняк, за которого не выдадут ни одной порядочной девушки,

или что он не сможет прокормить семью. Богатство и бедность - понятия относительные. На брак с женщиной из зажиточной мекканской семьи рассчитывать он действительно не мог, но среди менее обеспеченных курайшиток найти себе жену Мухаммеду было нетрудно. Кроме того, за сверстников Мухаммеда, обладавших таким же, как и он, достатком, охотно отдавали своих дочерей кочевники - они жили в такой нищете, что для них Мухаммед сам являлся богачом. Однако ни на брак с обедневшей курайшиткой, ни на брак с бедуинкой Мухаммед пойти не мог. Подобная женитьба окончательно и бесповоротно закрыла бы перед Мухаммедом путь к успеху и богатству, отказываться от которых он, очевидно, не намеревался.

Хадиджа была богата, и именно поэтому Мухаммед, ни минуты не колеблясь, с радостью принял ее предложение. Женитьба на ней нисколько не уязвляла и его чести - Хадиджа пользовалась хорошей репутацией и отличалась не менее благородным происхождением, чем Мухаммед, - она была дочерью Хувайлида, прямого потомка прославленного Курайша в девятом колене, и ее мать Фатима происходила от Курайша; и ее бабушка со стороны матери тоже происходила от того же Курайша - большее курайшитство, а стало быть, и благородство даже трудно себе представить.

Вопрос о браке был решен, оставалось лишь выполнить традиционные формальности.

Мухаммед сообщил о предложении Хадиджи своим дядьям Абу Талибу и трем другим оставшимся к тому времени в живых сыновьям Абд аль-Мутталиба - Хамзе, Аббасу и Абд аль-Уззе. Все они полностью одобрили выбор Мухаммеда, от души порадовались свалившемуся на него счастью, и Хамза отправился вместе с Мухаммедом к Хувайлиду просить руки Хадиджи.

Хувайлид ни за что бы не согласился на этот брак, в результате которого богатство Хадиджи навсегда уплывало из его семьи, если бы от его согласия что-либо зависело. Но Хадиджа уже уведомила его, что ее решение окончательно и бесповоротно, никакие его уговоры и просьбы не помогли, и Хувайлиду оставалось только разыграть роль доброго отца. Утешением ему служило лишь то, что выбор Хадиджи мог бы быть и хуже - что ни говори, в родстве с хашимитами не было ничего зазорного.

Хамзу и Мухаммеда отец Хадиджи встретил со всей полагающейся вежливостью, внимательно выслушал просьбу Хамзы и благосклонно дал свое согласие. Потом Хувайлид и Хамза пришли к соглашению о приданом - Хувайлид щедро выделил в приданое своей дочери все то имущество, которым та фактически владела; хашимиты давали за Мухаммеда двадцать укийа золота примерную стоимость двадцати верблюдов. Итак, в полном соответствии с патриархальными традициями всемогущие главы семей решили участь молодых: молодые - Мухаммед и Хадиджа - безропотно подчинились их воле.

Свадьбу сыграли в доме Хадиджи, гостей - главным образом бесчисленных родственников Мухаммеда и Хадиджи - не скупясь угощали вином, мясом, фруктами и сладостями. У ворот дома зарезали верблюда и мясо его роздали бедным. Музыканты играли на тамбуринах, рабыни Хадиджи веселили гостей темпераментными танцами.

Среди родственников Мухаммеда самым почетным был, конечно, Абу Талиб, умный и сдержанный глава хашимитов, тонкий дипломат, но, увы, не очень удачливый купец. В своей речи он осыпал похвалами Мухаммеда и Хадиджу, пожелал им счастья и обильного потомства: да, и обильного потомства, хотя невесте было уже сорок лет - на свадьбах такие детали замечать не полагается. Пожелание обильного потомства было сделано в традиционной форме - "с сыновьями, но без дочерей";

рождение дочерей если не трагедия, то все-таки большая неприятность, хорошим людям такого не пожелаешь.

Вторым по своему влиянию среди родственников Мухаммеда был надменный и самоуверенный Абд аль-Узза, самый богатый среди хашимитов. Рядом с ним возвышался Хамза - знаменитый на всю Мекку силач, неустрашимый воин, ярый идолопоклонник и большой любитель выпить. Аббас, четвертый и самый молодой дядя Мухаммеда, был всего лишь на два года старше своего племянника, что не мешало ему пользоваться всеобщей известностью как в самой Мекке, так и далеко за ее пределами - он унаследовал от Абд аль-Мутталиба надзор за колодцем Замзам и снабжением паломников водой - каким путем удавалось курайшитам извлекать доход из этой почетной должности - если учесть, что воду давали бесплатно, - никому сейчас неясно, и, однако, точно известно, что это безобидное занятие давало небольшую, но постоянную прибыль.

На почетном месте среди гостей сидела кормилица Халима - и она приехала из далеких саадитских степей полюбоваться своим молочным сыном и порадоваться его счастью. Мухаммед щедро одарил ее - домой со свадьбы Халима вернулась с сорока овцами, подарком не только очень богатым, но и полностью отвечающим потребностям ее семьи.

Самым интересным лицом из родственников Хадиджи, присутствовавших на свадьбе, был ее двоюродный брат Варака - бобыль и богоискатель-ханиф, чуть ли не постоянно живший в ее доме.

В прошлом Варака немало поскитался по белу свету, побывал и в Византии, и в Персии, и в Йемене. Он умел читать и писать и слыл знатоком различных религиозных систем. Мухаммед, с его определенным интересом к религиозным проблемам, Вараке очень понравился, и он, пожалуй единственный среди родственников Хадиджи, сразу и безоговорочно одобрил ее выбор. Рассказывают, что на свадьбе именно он, а не отец Хадиджи произнес положенную застольную речь.

Если люди почтенные и доброжелательные полностью одобряли заключенный брачный союз, то среди завистливых и легкомысленных нашлось немало насмешников и циников, исподтишка отпускаявших шуточки в адрес двадцатипятилетнего жениха и сорокалетней невесты, которая в буквальном, а не переносном смысле годилась ему в матери - арабские девушки выходили замуж очень рано, и в десять - двенадцать лет их уже считали невестами. Особенно должны были злословить сверстники Мухаммеда, почитатели поэзии, из которых, отметим, почти каждый не задумываясь поступил бы точно так же, как он, хотя поэтическим идеалам состоявшаяся свадьба вопиюще противоречила.

В жизни любили и почитали богатство так, как может его почитать и любить только купец, вынужденный изо дня в день, из года в год покупать, продавать и обменивать товар с единственной целью получить хоть ничтожную прибыль; купец, знающий, обязанный знать цену каждой вещи, для которого богатство, и только богатство, - защита от всех превратностей судьбы, а то и от голодной смерти - ибо нет у него ни земли, ни скота, ни ремесла, которые могут его прокормить. А поэты презирали деньги и утверждали, что богатое наследство лучше всего истратить на пиры с друзьями и любовь красивых женщин - все равно молодость отцветет, жизнь пройдет, а над могилами расточителя и скряги насыплют одинаковые холмики земли, имена их равно уйдут из памяти потомков, канут в вечность.

В жизни женились по расчету, а поэты воспевали любовь свободную, огненно-чувственную, непереносимые муки любви и исступление страсти. Собственно, чувственную любовь они только и знали, а накал страсти служил для них единственным мериллом любви. Герои чахли и умирали от неутоленной страсти, бледнели и падали без чувств от одного взгляда на обожаемое существо. Впрочем, и у чувственной любви был свой предел - его достигли мужчины одного из легендарных племен - неразделенную любовь они еще могли какое-то время выносить, но от разделенной любви умирали тотчас же. Объектами такой поэтической любви-страсти были юные прекрасные девы, с огромными, как у газелей, глазами, и не менее прекрасные цветущие молодые женщины. Любовь к этим красавицам и любовь с этими

красавицами арабские поэты воспевали неустанно и вдохновенно. А любовь к сорокалетним вдовам не воспевали, как-то их это не вдохновляло, даже если вдовы были богаты. Мухаммед неплохо знал арабскую поэзию, но не был ее особенным поклонником. Поэтов же определенно не любил, с годами все больше и больше. Сознал ли Мухаммед свою собственную поэтическую одаренность - неизвестно.

Глава 6

Семья

Торговые неудачи Мухаммеда

Его любовь к Хадидже

Их отношения

Дети

Замужество дочерей

Перестройка Каабы

Засуха и голод

Мухаммед принимает в свою семью маленького Али

Помощь Мухаммеда Халиме

Усыновление Зайда

Возврат к религиозным исканиям

Женитьба на Хадидже - этот внезапный поворот в судьбе Мухаммеда - имела также неожиданные, непредусмотренные и едва ли предсказуемые последствия.

Капитал Хадиджи не позволил Мухаммеду развернуться, стать крупным торговцем. Не пришлось Мухаммеду снаряжать караваны в Сирию и Йемен, к берегам Персидского залива и Средиземного моря, своими глазами увидеть жизнь экзотических стран и народов.

Мухаммед делил участь других хашимитов, да и не только хашимитов, которых верхушка мекканских богачей в конце концов заставила понять, что экспортно-импортные операции, единственные для курайшитов по-настоящему прибыльные, прекрасно обойдутся без них. Добились этого мекканские магнаты постепенно и бескровно, и контроль над транзитной торговлей был довольно простой - иноземных купцов в Мекку не допускали, все товары покупали на местах через своих постоянных торговых агентов, доставляли товары крупными партиями, экономя на перевозке и полностью покрывая потребности рынка. Временным и нечувствительным для себя снижением цен они могли спокойно разорить любого "чужака", вздумавшего с ними конкурировать.

Удачная поездка Мухаммеда в Сирию с товарами Хадиджи была рискованной вылазкой, счастливо сошедшей ему с рук, почти авантюрой, системой подобные экспедиции стать не могли, и Мухаммед вынужден был полностью от них отказаться.

Оставалась торговля всем, что может подвернуться в самой Мекке и на ярмарках - в Укказе, близ Таифа, и в долине Мина, - приуроченных к священным месяцам. Своей лавки у Мухаммеда не было. Ему приходилось большую часть дня толкаться на городском базаре в надежде с некоторой выгодой для себя что-нибудь купить, продать или обменять - чаще всего

именно обменять: зерно на партию фиников, растительное масло - на шерсть. Финики и шерсть, в свою очередь, шли на обмен и продажу, отчего в конце концов могла получиться некоторая прибыль, а могло и ничего не получиться. Такая торговля требовала беспредельного терпения, немалого ума и смекалки, хорошего знания людской психологии и отличной памяти. К середине дня из-за невыносимой жары деловая жизнь в Мекке замирала, а вечером вновь оживлялась на несколько часов. Нередки были дни и даже недели, когда торговля практически приостанавливалась - тогда можно с чистой совестью и не ходить на базар, так как заранее известно, что ничего нового в Мекку не привезли и никакие новые покупатели в ней не появились. А свои, мекканцы, прекрасно знали дорогу к дому Мухаммеда, случись у них потребность что-нибудь у него купить, занять или обменять.

Сколоченные за год довольно солидные партии товара Мухаммед вез на ярмарки - приезжавшие кочевники запасались всем необходимым надолго, покупали и для себя и для соплеменников, оставшихся дома. На ярмарках торговцы неплохо зарабатывали, только, к сожалению, ярмарки бывали редко три-четыре в год, не больше: Мухаммед был одним из самых настойчивых и трудолюбивых курайшитов, но сколько он ни старался, состояние его и Хадиджи не росло, торговая деятельность едва покрывала текущие расходы семьи. Уж слишком было их много, средних, мелких и мельчайших мекканских негодяев, - какие бы толпы паломников ни стекались в "священный город", разбогатеть на торговле с ними было невозможно, совершенно немыслимо.

Вряд ли Мухаммед ожидал, что его женитьба на Хадидже, не оправдавшая его надежды на настоящее богатство, может принести ему большую и высокую любовь. Однако случилось именно так. Мухаммед полюбил Хадиджу искренне и глубоко, на всю жизнь. Для него она стала самой прекрасной женщиной. Единственной и неповторимой. В этом смысле любовь Мухаммеда и Хадиджи вполне соответствовала тому поэтическому идеалу, который господствовал среди арабов. Но не только соответствовала. В их отношениях осуществилось и то, что было неизвестно и в какой-то степени чуждо гениальным арабским поэтам, красота и счастье гармоничного сочетания чувственной и духовной любви. Полное доверие друг к другу. Глубокое уважение. Искренность.

Отношения с Хадиджей, так счастливо сложившиеся, к вящему огорчению всех недоброжелателей и завистников, не были простым даром судьбы, случайным совпадением темпераментов и характеров. В большей мере они были сотворенными, активно созданными Мухаммедом и Хадиджей, главным образом Мухаммедом. Его недаром считали человеком надежным и верным - заключив брачный договор с Хадиджей, Мухаммед намеревался полностью выполнить взятые на себя обязательства. С его точки зрения, любовь к Хадидже являлась его непреложным нравственным долгом, так же как его нравственным долгом являлась забота о ее всестороннем благополучии.

Атмосфера полной искренности, так способствующая прочной дружбе и глубокому доверию, утвердилась в доме Мухаммеда также не случайно - Мухаммед был убежден, что человек всегда должен стремиться говорить правду и только правду, как бы его это ни пугало и как бы ему ни было это тяжело. Говорить правду означало не только не скрывать своих поступков, что сравнительно легко, но и не скрывать своих намерений, тайных и никому не видимых движений души. В этой связи интересно, что "намерениям" Мухаммед придавал едва ли не большее значение для оценки человека, чем его поступкам, делам, и утверждал в дальнейшем, что "действия людей будут судимы по намерениям" - положение, которое находится в противоречии с христианской этикой, согласно которой, по образному выражению, благими намерениями выстлана дорога в ад, и человека нужно судить не по словам, а исключительно по делам.

Мухаммед был неизменно верен Хадидже, что, очевидно, целиком отвечало не только его взглядам (он считал, что сладострастный взгляд, брошенный на женщину, которая не является женой, уже прелюбодеяние, грех), но немало способствовало миру и спокойствию в

его доме.

Уходя или уезжая надолго, Мухаммед всегда сообщал Хадидже, когда он вернется - если его не было вовремя, Хадиджа волновалась и отправляла своих служанок искать его по всему городу - к храму Кааба и на рынки, туда, где под открытым небом собирались степенные мекканцы обменяться новостями, посудачить о городских делах и политике, пофилософствовать на религиозные темы. К ее беспокойству не примешивались никакие уколы ревности - для них совершенно не было оснований, служанки не должны были звать Мухаммеда домой, Хадидже нужно было только убедиться, что с ним ничего не случилось, что он цел и невредим.

Неудивительно, что Хадиджа, нежно и преданно любившая Мухаммеда, очень скоро признала его полное нравственное и духовное превосходство. Она сумела не только окружить его вниманием и заботой, но и стать его верным другом самым близким, по существу, единственным другом, способным все понять, разделить радости и тревоги, поддержать и ободрить в трудную минуту. К религиозности Мухаммеда она относилась с искренним уважением, никто не мешал ему молиться и поститься так, как он считал нужным.

После женитьбы Мухаммед поселился в доме Хадиджи, который был расположен в северо-востоку от Каабы, в нижней части Мекки, ближе к окраине ее, чем к центру. Хадиджа и после замужества осталась полной хозяйкой всего своего имущества, что, впрочем, не вносило никакого разлада в ее отношения с Мухаммедом. Варака, двоюродный брат Хадиджи, ханиф-богоискатель, продолжал жить с ними на правах члена семьи, никому не мешая и ни во что не вмешиваясь, он был целиком поглощен своими религиозными заботами и проблемами. Две служанки-рабыни помогали Хадидже в хлопотах по хозяйству. Мухаммед держал в доме петуха - птицу, наделенную таинственной способностью приветствовать своим криком движение далеких звезд и каким-то образом оберегающую дом от зловещности ночной темноты, от тех несчастий, которые, по мнению Мухаммеда и других арабов, скрывает ночь. Кроме того, петухи видят ангелов и своим пением оповещают людей об их приближении. "Если вы слышите крик петуха, - советовал Мухаммед, - просите Бога о милости, потому что петух увидел какого-нибудь ангела, а если услышите крик осла - ищите у Бога защиты от зла, потому что осел увидел какого-нибудь дьявола".

При доме был "сад" - росло большое абрикосовое дерево, в тени которого стояла легкая беседка, в некотором роде роскошь в безводной и знойной Мекке, показатель зажиточности Хадиджи, одноэтажный глинобитный дом которой в остальном был ничем не примечателен.

Сорокалетняя Хадиджа вряд ли рассчитывала и в третьем браке испытать радость материнства. И тем не менее любовь и судьба сотворили с ней небольшое, но вполне реальное чудо - наградили ее на закате дней прямо-таки исключительной плодовитостью.

Первым, ко всеобщей радости, родился мальчик, которого называли аль-Касим, и казалось, пожелание, данное новобрачным на свадебном пиру, - "с сыновьями, но без дочерей", начинает сбываться. В связи с рождением сына мекканцы стали называть Мухаммеда новым именем - Абуль-Касимом, отцом Касима; такое прозвище было и почетнее и приятнее, чем простое имя, данное при рождении. Но радость была недолгой - года через два аль-Касим умер, повергнув Мухаммеда и Хадиджу в глубокое горе.

После аль-Касима Хадиджа родила четырех дочерей - Рукайю, Зайнаб, Умм Кульсум и Фатиму, а затем снова мальчика - его называли Абдаллах. в честь отца Мухаммеда, а может быть, и выражая этим именем благодарность судьбе. Однако и предусмотрительно выбранное имя не помогло - мальчик прожил еще меньше, чем аль-Касим, он жил так мало, что мекканцы не успели наградить Мухаммеда новым почетным прозвищем. Та же участь постигла и ат-Тахира, седьмого по счету ребенка и третьего сына Мухаммеда - он умер в младенчестве, своим рождением на короткое время вселил надежду в сердца Мухаммеда и

Хадиджи, а затем угас, оставив после себя тоску и горе на долгие годы. Мало сказать - на долгие годы - навеки, навсегда, ибо это был последний ребенок, которого родила Хадиджа, она была по-прежнему красивой, цветущей и здоровой, она по-прежнему пользовалась глубокой и чистосердечной любовью Мухаммеда, но ее время рожать и кормить детей грудью истекло.

Для Мухаммеда это означало, что надежда иметь сыновей не сбылась, сыновей у него не будет, почти наверняка уже никогда не будет. Вновь судьба обошлась с ним жестоко и несправедливо, да, несправедливо, ибо он ничем не заслужил такой немилости, такого несчастья и такого позора-не иметь сыновей. Он слишком любил Хадиджу, чтобы привести в дом еще одну жену или взять себе наложницу, у него и в мыслях не было так унижить и обидеть Хадиджу, он не хотел этого, да, пожалуй, и не мог. Все-таки дом, в котором он жил, был домом Хадиджи, и, рассуждая по совести, он не должен был распоряжаться в нем как единовластный хозяин, это было бы несправедливо, неправильно.

Не надо думать, что страдания Мухаммеда из-за отсутствия у него сыновей означали его нелюбовь или пренебрежение к родным дочерям, которые вполне благополучно подрастали в его доме. Дочерей он любил, относился к ним с нежностью и вниманием, охотно играл с ними и заботливо их воспитывал. Он сумел прочно и навсегда завоевать преданность дочерей, добился того, что они выросли духовно близкими ему людьми. Особенно это относится к самой младшей дочери Мухаммеда, названной Фатимой в честь его бабки, матери покойного отца и здравствующего Абу Талиба, и в честь матери Хадиджи - с ней любовью и дружбой он оставался связанным до конца своих дней.

Хадиджа была богата, Мухаммед пользовался прекрасной репутацией среди мекканцев, оба они отличались пресловутым благородством происхождения, и когда пришло время сперва Рукайе, а потом Зайнаб и Умм Кульсум уходить из-под родительского крова, никаких препятствий для их замужества не возникло. За ними дали богатое приданое и выдали их не за кого попало - ушли они в зажиточные, благородные и всеми уважаемые семьи. Рукайя и Умм Кульсум вышли замуж за сыновей Абд аль-Уззы, стало быть, своим мужьям они приходились двоюродными племянницами. К тому времени, когда дочери Мухаммеда подросли, Абд аль-Узза сильно преуспел в делах, он был едва ли не самым богатым среди хашимитов и недвусмысленно начинал претендовать на роль главы клана. Он был женат на сестре Абу Суфиана, влиятельнейшего человека в Мекке, главы клана Абд Шамс, в целом враждебного хашимитам и их союзникам по Конфедерации Добродетельных. Отметим, кстати, что деда Абу Суфиана звали Омейя - поэтому потомков его называли также Омейядами.

Зайнаб выдали замуж за племянника Хадиджи, преуспевающего в делах представителя клана Абд Шамс.

С Мухаммедом и Хадиджей осталась лишь самая младшая дочь - Фатима.

В 605 году, через десять лет после женитьбы Мухаммеда, в Мекке произошло важное событие - курайшиты решили перестроить Каабу, вернее не перестроить, а просто покрыть ее крышей. Но стены Каабы были непрочными, годы, наводнения и пожары (случалось, что ткани, которыми курайшиты "одевали ее", воспламенялись по чьей-либо неосторожности) серьезно расшатали каменную кладку - под тяжестью крыши она просто обрушилась бы. Поэтому ее волей-неволей нужно было предварительно разобрать, затем выстроить новые прочные стены и только потом приступить к возведению крыши. Необходимость предварительно разрушить храм сильно смущала курайшитов, из-за чего и весь проект ее перестройки из года в год откладывался, пока внешние обстоятельства не вынудили их наконец преодолеть свой благочестивый ужас. Каабу обокрали. Ворам не пришлось даже взламывать запертую дверь, они просто перелезли ночью через ее стену и спокойно унесли сокровища, подаренные храму богомольными хаджиями.

Ограбление Каабы всполошило всю Мекку, и вскоре усилиями добровольных детективов (напомним, что никакой полиции в городе не существовало) часть похищенных сокровищ обнаружили у некоего Дувейка. Дувейка судили и в соответствии с древним арабским законом отрубили ему кисть правой руки; кроме того, по совету прорицательницы, его, уже не как вора, а как осквернителя святыни, на десять лет изгнали из города.

Поговаривали, что в ограблении Каабы участвовали еще трое курайшитов, в том числе и дядя Мухаммеда Абу аль-Узза, но, если это и было правдой, улики против них не было, а не пойман - не вор: в глазах большинства мекканцев они остались людьми с незапятнанной репутацией.

По счастливому совпадению примерно в это же время недалеко от Джидды разбушевавшееся Красное море выбросило на берег византийский торговый корабль и превратило его в груды отличного строительного материала, который проживавший в Мекке плотник-египтянин брался с толком употребить на перестройку Каабы.

Последним препятствием являлась ядовитая змея, давно поселившаяся в Каабе и ставшая в некотором роде священной - днем она спокойно выползала погреться на ее стенах и по отношению к людям вела себя довольно вызывающе и даже агрессивно, однако никто не смел ее трогать. Эта змея внезапно пропала - по словам очевидцев, ее якобы унес прилетавший неведомо откуда коршун, возможно посланный самими богами в знак того, что намерение курайшитов обновить Каабу им угодно; так, во всяком случае в благоприятном для себя смысле, истолковали мекканцы исчезновение змеи, имевшей все шансы со временем занять почетное место в их пантеоне.

Чтобы никто не мог в будущем претендовать на исключительную роль в перестройке Каабы, ее решили строить сообща, всем миром, для чего каждому достаточно влиятельному клану после некоторых пререканий выделяли часть стены - интересно, что предания в перечне строителей Каабы не упоминают сынов Хашима, очевидно, к этому времени их роль в жизни Мекки еще больше упала и они вынуждены были примкнуть при строительстве к какому-нибудь более влиятельному клану.

Каабу разобрали до самого фундамента и из заранее заготовленных, грубо отесанных каменных блоков стали возводить ее стены в точно таком же виде, как они были до этого. Работа продвигалась мирно и благополучно, пока не наступила необходимость водворить священный Черный камень на его традиционное место; тут строители перессорились, каждый клан претендовал на эту честь и ни за что не соглашался уступить ее другим. Насколько вопрос был важным, с точки зрения мекканцев, свидетельствует поведение мужчин из кланов Абд ад-Дар и Ади - они принесли сосуд с кровью и на глазах у всех опустили в него свои руки, поклявшись скорее умереть, чем допустить установку Черного камня без их участия.

Дело явно зашло в тупик. Тогда самый старый курайшит, всеми уважаемый за свое исключительное долголетие, предложил довериться беспристрастности случая - обратиться за советом к первому человеку, который войдет в ограду храма. Как уже догадывается читатель, этим человеком оказался, конечно, Мухаммед - между прочим, еще одно свидетельство неучастия его в перестройке Каабы. Внимательно выслушав тяжущиеся стороны, Мухаммед в качестве третьей стороны предложил следующее решение проблемы - Черный камень положить на большой кусок материи и, взявшись за нее, сообща поднять на нужную высоту;

после этого он, Мухаммед, один поместит Черный камень на приготовленное для него место. Курайшиты согласились с этим исключительно мудрым решением принесли кусок материи, Мухаммед положил на него Черный камень, полномочные представители всех кланов, взявшись за его края, подняли священный камень, и опять-таки Мухаммед выполнил заключительную операцию - перенес его на стену. Таким образом, согласно преданиям,

Мухаммед сыграл самую почетную роль в перестройке Каабы. Хотя рассказу о Мухаммеде и Черном камне набожные биографы пророка придавали очень важное значение, нам эта история, должны сознаться, не внушает никакого доверия; и поскольку сам Мухаммед никогда о ней даже не упоминал, у нас есть все основания считать ее благочестивым вымыслом.

Во всяком случае, Каабу действительно перестроили и впервые за ее историю покрыли плоской крышей, на которой с большими удобствами разместились многочисленные идола, теснившиеся дотоле просто на стенах. С того времени прошло уже тринадцать веков, неоднократно священную Каабу разрушали землетрясения, наводнения, пожары и руки нечестивцев, но каждый раз ее восстанавливали почти в таком же виде; такой она остается и поныне строгий каменный куб с вкрапленным Черным камнем - камень треснул, его пришлось скрепить серебряным обручем.

Через несколько лет после обновления Каабы область Мекки и окрестные районы Хиджаза пострадали от сильнейшей засухи. Посевы в оазисах выгорели, скот кочевников не находил себе корма на скудных пастбищах, и в стране начался голод. К этому времени торговые операции Мухаммеда сократились уже до минимума, скота он не держал, все достояние его и Хадиджи хранилось в виде ценностей. Поэтому обрушившееся на страну несчастье не затронуло его семью, но мелкие мекканские торговцы пострадали очень сильно. В трудное положение попал и Абу Талиб, обремененный многочисленной семьей.

Мухаммед решил помочь Абу Талибу, взяв на воспитание кого-либо из его детей. Поступить так же он уговорил и Аббаса, "богатейшего среди хашимитов", единокровного брата Абу Талиба. Вместе они отправились к Абу Талибу с предложением облегчить его от бремени многочисленной семьи.

- Поступайте, как считаете нужным, - сказал им находившийся в безвыходном положении Абу Талиб, - только оставьте мне Акила.

Акила, старшего сына, ему оставили; Аббас увел к себе Джафара, второго сына Абу Талиба, а Мухаммед - самого младшего, семилетнего Али. Предполагалось, что это временная мера и, когда дела Абу Талиба поправятся, сыновья вернутся в его дом. Однако положение Абу Талиба так никогда и не улучшилось. Мухаммед не усыновил Али, но он полюбил маленького двоюродного брата как родного сына, а Али полюбил его больше, чем своего отца.

Голод поразил и племя Бану Саад, семья кормилицы Халимы в очередной раз оказалась на краю гибели, а дочь ее попала в рабство. Средства Хадиджи позволили Мухаммеду выкупить дочь Халимы из рабства и помочь всей ее семье благополучно пережить период засухи.

Примерно в это же время в доме Мухаммеда появился молодой араб-кочевник Зайд. Он попал в плен к союзникам курайшитов и то ли был куплен Хадиджей, то ли просто достался на ее долю при общем дележе добычи. Новый раб понравился Мухаммеду, и, заметив это, Хадиджа подарила ему Зайда.

Положение Зайда сразу же резко изменилось - Мухаммед стал относиться к нему не как к рабу, а как к домочадцу и родственнику и очень скоро сумел завоевать его любовь и преданность. Когда года через два в Мекку прибыл отец Зайда, чтобы выкупить его из рабства и увезти с собой, Мухаммед предоставил Зайду на выбор - уйти к родному племени без выкупа или остаться с ним, Мухаммедом. Зайд предпочел последнее и отказался уйти с отцом. Тогда растроганный Мухаммед освободил Зайда из рабства и официально, в присутствии трех свидетелей, усыновил его.

Али и Зайд в какой-то мере заменили Мухаммеду сыновей, которых судьбе не угодно было послать ему. И тот и другой вошли в дом с полного согласия верной Хадиджи и нисколько не нарушили гармонии, царившей в семье Мухаммеда.

Мухаммеду шел тридцать восьмой год. Надежды на богатство были давно оставлены, постепенно у него даже радикальным образом изменилось отношение к богатству, из блага оно превратилось в своего рода препятствие к нравственному совершенствованию, и он был уже близок к тому, чтобы чистосердечно воскликнуть:

- О, Господи! Удержи меня в бедности при жизни моей и позволь мне умереть бедняком...

Пока же в нем все больше укреплялась склонность к умеренному аскетизму как наиболее полезному для человека образу жизни - он считал, что "излишняя пища и питье умерщвляют сердце".

Занятия мелкой торговлей интересовали его все меньше и меньше, настоящей жизненной необходимости, учитывая состояние Хадиджи, в ней не было, она сохраняла лишь символическое и нравственное значение труда вообще. По убеждениям Мухаммеда, человек обязан трудиться, не пребывать в праздности, быть при деле.

Все, чего он достиг за эти годы, - хорошая семья, на редкость дружная и сплоченная. Но Хадиджа старилась, сыновей не было, дочери подрастали и уходили из дома. Через несколько лет уйдет и Фатима, уйдут и Али, и Зайд, к которым он искренне привязался.

Наступит срок и покинет его верная и любящая Хадиджа, навсегда покинет. Дом опустеет, ничего не останется ни от семьи, ни от дома. А потом придут старость и смерть, окончится и его, Мухаммеда, жизнь, прожитая умеренно и добродетельно, но существенно лишенная какого-либо глубокого смысла, высокой и вдохновляющей цели.

Исподволь и постепенно стал возвращаться Мухаммед к религиозным исканиям, прерванным женитьбой на Хадидже и семейными заботами, все больше проникаясь убеждением, что никто не сказал лучше и вернее поэта Лабиды: "Знаю, что все суета, кроме Бога".

На этот раз поворот к религии был окончательным, определившим всю его дальнейшую жизнь.

Глава 7

Подготовка к пророческой миссии

Жизнь в застывшем времени

Страх перед будущим

Поиски помощи в сверхчувственном мире

Сны Мухаммеда

Его припадки

Надежды и разочарования

Как Мухаммед готовился к общению с Богом

Идея самоочищения

Нравственные требования

Как и где он молился

Помощь верной Хадидже

Эпоха, в которую жил Мухаммед, отличалась от многих более поздних эпох одним очень важным обстоятельством - полным и не вызывающим ни у кого сомнений ощущением того, что весь мир, каким бы путем он ни возник, пребывал настолько неизменным, что даже намек на какое-нибудь поступательное движение невозможно было в нем уловить.

Вечными и неизменными были звезды и планеты, небеса, вся Вселенная вокруг Земли.

Неизменной была Земля, населенная одними и теми же растениями и животными, застывшая в своем однообразии. От века она была покрыта горами и долинами, лесами, степями и пустынями, морями и реками. В одних местах ее было холодно, в других - тепло. Реки могли высыхать и появляться вновь, менять свое русло. Степи - превращаться в пустыни, а пустыни - покрываться пышной растительностью. Моря могли затоплять часть суши и возвращаться в свои пределы. Но во всем этом человек не видел ни малейшего смысла, все это было топтанием на месте, случайной перестановкой одних и тех же готовых элементов. В конце концов число возможных комбинаций неизбежно должно было исчерпаться, после чего уже начиналось чистое повторение ранее существовавшего.

Неизменным был и человек. Он не имел истории. То, что одни племена и народы сменяли другие, возникали и приходили в упадок разные царства-государства, не было действительной историей, ничего при этом существенного не появлялось, ничего такие пертурбации в жизни людей не меняли. Конечно, изменения происходили, но они накапливались так медленно, что люди не замечали движения, и им казалось, что его нет совсем. С древнейших времен все было раз и навсегда изобретено - и земледелие, и скотоводство, и ремесла; казалось, что испокон веков люди пользовались теми же орудиями труда, такие же дома строили, таким же оружием воевали. Ничего нового изобрести и создать нельзя, можно лишь утратить какой-нибудь древний секрет ремесла, а потом его снова найти.

Жизнь в условиях застывшего, неподвижного времени нам даже трудно себе представить, настолько мы привыкли за несколько веков к идее прогресса, прониклись убеждением, что будущее обязательно решит все так называемые вечные вопросы и человек будет счастлив.

Люди, жившие в эпоху неподвижного времени, не возлагали на будущее никаких особых надежд, наоборот, в будущее они смотрели со страхом, так как по опыту своей жизни знали, что даже в ближайшем прошлом, в детстве, было лучше - ярче зеленела трава, мир как-то был интереснее и неожиданнее. Старики же определенно свидетельствовали, что в их прошлом было еще лучше и люди жили дольше, и молодежь была почтительнее, и справедливости было больше.

Новое и хорошее воспринимались как понятия взаимоисключающие. Хорошим могло быть только старое, и не просто старое, а древнее, полузабытое, легендарное. Поэтому все крупные реформаторы облекали новое в форму старого - даже спустя почти тысячу лет после описываемых событий протестанты выступали против католицизма под лозунгом возврата к первоначальной чистоте и простоте христианства, освобождения религии от тех искажений, которые привнесены в нее временем. Арабские ханифы поступали точно так же - они считали, что ищут ханифию, древнюю и почти забытую религию Ибрахима.

Науки и их методы были примитивны, а прогресс очевидным для всех образом отсутствовал - стало быть, и в будущем от наук ждать было нечего. Для людей, которые верили в существование Бога и по каким-то непонятным особенностям своей психики не могли смириться с идеей бессмысленности Вселенной и их собственной жизни, оставалась единственная возможность получить знание оттуда, свыше, из сверхчувственного мира, и, конечно, не с помощью разума и чувственного опыта, а используя методы, соответствующие этому сверхчувственному миру.

Задача не казалась неразрешимой и безнадежной именно из-за неподвижности времени и

совершенного отсутствия всякого намека на прогресс. Раз все пребывает в неизменном виде, - значит, могут быть открыты и основные принципы бытия, справедливые для всех веков и народов, принципы, которые определяют единственно возможное и наилучшее поведение отдельного человека, наилучшее устройство общества, сулящее самое близкое приближение к возможному на земле счастью.

...Мы предприняли это пространное отступление, чтобы показать, что в обращении Мухаммеда к религии была своя логика. У него были все основания считать, что поставленная им задача имеет единственно правильное решение, а избранные им методы безукоризненны.

О психологии религиозного творчества в настоящее время известно неизмеримо меньше, чем о психологии художественного или научного творчества, о которой мы практически ничего не знаем. Поэтому восстановить шаг за шагом весь путь, пройденный Мухаммедом при создании религиозной системы, невозможно. Очевидно лишь, что связь между усложнением социальной жизни в Мекке и потребностью в новой, более совершенной религии им не осознавалась, хотя атмосферу неудовлетворенности, глухого духовного брожения и ожидания перемен он не мог не чувствовать.

Мухаммед, вероятно, уже с ранних лет обладал одной способностью, впрочем не столь уж редко встречающейся среди людей, - способностью видеть исключительно яркие и конкретные сны. Сны, расцвеченные всеми красками реального мира, наполненные ясными и хорошо запоминающимися, хотя и загадочными по смыслу, разговорами и неизвестными персонажами, прикосновение к которым оставляло ощущение их не вызывающей сомнений материальности. Такие сны-галлюцинации Мухаммед помнил так же хорошо, как реальные события своей жизни, и неоднократно обсуждал их со своими близкими, в первую очередь, конечно, с Хадиджей и Варакой. Вместе с ними он пытался разобраться в содержании своих сновидений, так как был глубоко убежден, что в сновидениях всегда открывается человеку нечто весьма ценное и интересное и надо лишь уметь правильно истолковать их, чтобы докопаться до истины.

Через несколько лет после женитьбы на Хадидже с Мухаммедом начались странные явления, внешне напоминающие припадки, - вдруг и без всякой видимой причины тело его начинала бить дрожь, как при ознобе, лицо бледнело и покрывалось крупными каплями пота;

случались иногда и судороги. При этом сознания Мухаммед не терял, но часто чувствовал невыносимую тоску. Он ложился, с головой закутавшись в плащ, и просил, чтобы на некоторое время его оставили в покое. Сопровождались ли подобные явления слуховыми, зрительными или осязательными галлюцинациями - неизвестно. Сам он не любил касаться этой темы и запретил своим близким приставать к нему с расспросами. Все предложения встревоженной Хадиджи обратиться к врачам или заклинателям он категорически отклонял очевидно, он не считал подобные состояния результатом болезни и отнюдь не был уверен, что причиной их является одержимость злыми духами. Чем-то они были ему дороги, во всяком случае, он не собирался для избавления от приступов прибегать к посторонней помощи.

Странные сновидения и не менее странные приступы были для Мухаммеда чем-то вроде окна в сверхчувственный мир - окна, прикрытого лишь тонкой завесой. Временами ему казалось: еще одно небольшое усилие - и завеса падет, между ним, Мухаммедом, и сверхчувственным миром установится прямое сообщение, и тогда откроются все тайны бытия. Нужно только еще больше очистить себя от всякой скверны - в том числе и от злобы, зависти, страха, тяги к богатству, еще сосредоточеннее и чистосердечнее молиться, еще глубже уверовать в Бога и полюбить его. Это были минуты подъема и веры в себя. Они проходили, и Мухаммеда охватывало чувство мучительного сомнения и отчаяния, когда цель кажется абсолютно недостижимой и трудно избавиться от подозрения, что в сновидениях и во

время приступов он вступает в контакт не с миром добра и света, а с ужасным миром демонов. От таких мыслей его охватывала глубокая тоска, избавиться от которой помогали все те же средства - молитва, созерцание, пост.

К идее единого Бога Мухаммед пришел, по-видимому, очень рано - задолго до своей женитьбы. Не обязательно он должен был ее заимствовать из христианства, иудаизма или зороастризма. Десятки людей до него и десятки людей после него додумывались до этой идеи самостоятельно, путем философского анализа. В перечисленных религиях идея единого Бога была уже всесторонне разработана, и знакомство с ними позволяло Мухаммеду не начинать с азов, а сразу, минуя сложные, промежуточные ступени, приступить к самостоятельному доведению этой идеи до ее логического конца.

Сама по себе идея единого Бога не способна произвести в душе человека никаких глубоких и решающих перемен, если его не пронизывает ощущение полной конкретности и реальности Бога. По словам верующих, убеждение в полнейшей, не вызывающей никаких сомнений реальности бытия божия возникает вдруг, неожиданно, как некое озарение. Из людей, не только заслуживающих доверия, но и способных проанализировать и описать подобного рода озарения, можно сослаться на Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Оба были людьми, в той или иной степени испытывшими колебания от веры к совершенному неверию, почти атеизму, отнюдь не наивными и хорошо знавшими, какие сюрпризы и искажения реальности может подсунуть человеку его разыгравшееся и болезненное воображение. По свидетельству обоих, убеждение в реальном существовании Бога настигает человека (конечно, соответствующим образом воспитанного и настроенного) не в часы лихорадочной и напряженной работы ума, а в минуты свободного размышления, некоторой даже рассеянности и созерцательности. Озарение же, собственно, состоит в том, что человек внезапно, то есть совершенно неожиданно для самого себя, вдруг, казалось бы, без всякой причины и толчка извне, всем своим существом начинает чувствовать живое присутствие Бога в мире и в себе самом. От подобного чувства мир сразу же приобретает полноту и законченность, отсутствовавшую в нем ранее гармонию, становится прекрасным, иногда непереносимо прекрасным. От гармонии и красоты мира человека охватывает острое ощущение радости и счастья бытия и вместе с тем непоколебимая уверенность в своем личном духовном бессмертии.

В такие минуты критический голос рассудка умолкает и человеку кажется, что он не только ощущает бытие Бога как физическую реальность, но и совершенно отчетливо понимает, что иначе и быть не может, что мир без Бога верх нелепости и логического абсурда, что без Бога мир не просуществовал бы и мгновения. Однако озарение проходит, воспоминание о нем постепенно бледнеет, а разум, со всем его скепсисом, мощно вступает в свои права; и у подавляющего большинства испытывших подобные озарения людей скоро от полноты веры не остается и следа, они опускаются на обычный для нормального человека уровень умеренной религиозности, с постоянными колебаниями от веры к неверию.

Сходные ощущения счастья Ф. М. Достоевский испытывал, по его словам, и перед началом эпилептического припадка, который как бы являлся непосредственным результатом невозможности для рассудка хотя бы секундой дольше вынести это чрезмерное счастье. По-видимому, индийские йоги путем суровой многолетней тренировки тела и воли достигают способности без заметного вреда для своего здоровья не только произвольно вызывать в себе подобное психическое состояние, но и продлевать его в течение многих часов. Будучи объективными идеалистами, они считают, что в таком состоянии транса человек сливается с Абсолютом и приобретает его качества - всеведение, бессмертие, всемогущество, безграничность в пространстве и времени. Йоги предупреждают новичков, что попытки вызвать у себя состояние транса без достаточной закалки тела и духа могут кончиться помешательством.

Если в минуты озарения ощущение реальности бытия Бога одновременно наполняло

Мухаммеда чувством просветленного счастья и блаженства, его стремление всеми способами углубить и упрочить веру в Бога становится естественным и понятным. А что дело обстояло именно так, не может быть никакого сомнения, и когда Мухаммед говорил: "Больше всего на свете я любил женщин и благовония, но истинное наслаждение находил только в молитве", его слова следует понимать буквально, не обязательно видеть в этом признании попытку в завуалированной форме оправдать свою повышенную чувственность, которая, с точки зрения Мухаммеда, вовсе не являлась грехом, а потому ни в каком оправдании не нуждалась.

По словам Мухаммеда, Бог говорил:

- О, человек! Только следуй моим законам и сделаешься подобен мне; ты скажешь: "Да будет", и будет так...

Путь уподобления Богу - невероятно трудный путь, и человек вряд ли мог рассчитывать хоть немного приблизиться к Богу, если бы не помощь того же Бога, который сказал:

- Тому, кто творит доброе дело, я воздам вдесятеро - и более того, если пожелаю; и тому, кто творит злое, будет такое же возмездие, если я не прощу ему.

Кто приблизится ко мне на одну пядь, к тому я приближусь на один локоть, а кто приблизится на один локоть, к тому я приближусь на двенадцать локтей.

Кто пойдет ко мне шагом, к тому я побегу; и кто предстанет предо мною, исполненный греха, но верующий в меня, пред тем я предстану, исполненный готовности простить его.

Когда Мухаммед проникся твердым намерением прийти в соприкосновение с высшим, сверхчувственным миром, он использовал хорошо известные в его время приемы очищения - десятки и сотни раз проверенные, подробно разработанные, но требующие в каждом случае сугубо индивидуального и творческого применения. Очищение движений души, мыслей, слов и поступков: пост, молитва и созерцание, и, конечно, упорные размышления о Боге и его сущности - вот перечень основных методов, которые использовал Мухаммед.

Очищение от тех инстинктивных побуждений, которые рассудок Мухаммеда признавал противозаконными, а стало быть, и греховными, достигалось посредством строгой внутренней цензуры. Как только до его сознания доходило, что он начинает испытывать влечение к запрещенным вещам, он обрушивался на это греховное влечение, подвергал его нравственному осуждению, а объект влечения начинал рисовать в своем воображении так, чтобы подчеркнуть и утрировать все отрицательные, отталкивающие его стороны. Нравственное осуждение самого влечения и активная дискредитация его объекта во многих случаях позволяли ему в конце концов если не полностью заглушить в себе греховные порывы, то во всяком случае сильно их ослабить и сделать их более редкими. Так, еще в ранние годы он сумел побороть в себе всякую страсть к нарядам и украшениям;

любви же к благовониям преодолеть не смог, а потому признал ее простительной слабостью.

Вообще Мухаммед в обыденной жизни был рационалистом, он стремился и в требованиях, предъявляемых самому себе, избегать всякой крайности, определенно тяготел к умеренности. Объяснение своей умеренности он находил в убеждении, что "Бог никогда не возлагает на человека такую ношу, которую тот не мог бы снести", что Бог слишком милосерден, чтобы предъявлять к человеку чрезмерные требования. Этим он резко и с самого начала отличался от христианских проповедников, убежденных, что, чем сильнее подавляется "плоть", тем лучше.

Мухаммед осуждал излишества в еде и всякое чревоугодие, но одновременно осуждал и такие ограничения в еде, которые истощают либо ослабляют человека. Пища, по его

убеждению, должна быть умеренной, потому что это полезно для души и тела, для здоровья.

Вино, по наблюдениям Мухаммеда, приносит человеку и пользу и вред, но вреда, пожалуй, все-таки больше;

поэтому от употребления вина следует воздерживаться.

Чувственное влечение к женщине само по себе перед лицом Бога не есть грех; оно становится грехом, если направлено в неположенную, неразрешенную сторону. Тогда его нужно всячески подавить, памятуя о том, что прелюбодеяние - грех, мерзость и гадость, праведный человек должен испытывать к нему отвращение.

Столь же строгому контролю подвергал Мухаммед и возникающие у него намерения и мысли. Явно греховные он стремился немедленно подавить и решительно осудить. Но и безобидные на вид намерения и мысли следует проанализировать, ибо часто за ними скрываются отнюдь не столь уж чистые побуждения.

- Избегайте подмечать и осуждать в людях недостатки, особенно такие, какие есть в вас самих,- советовал Мухаммед, так как считал, что подобный критицизм основан на гордыне, на желании приукрасить себя и оправдать, и это очень плохо, так как "истинная скромность - источник всех добродетелей".

Имелось у Мухаммеда и лекарство, помогающее преодолевать чувство зависти.

- Когда вы видите человека, одаренного более вас богатством или красотой, - говорил он, - тогда подумайте о людях, одаренных менее вас.

Вообще же в своих желаниях человек должен руководствоваться старым, давно известным принципом:

желай брату своему того же, чего пожелал бы самому себе.

Мышление, считал Мухаммед, должно быть дисциплинированным, и разуму не следует заниматься бесполезными для дела веры или повседневной жизни вопросами, а потому "испытание искренности каждого верующего - оставлять без внимания все то, что находится вне его власти".

Вся Аравия издавна чтит поэзию и красноречие, и Мухаммед прекрасно понимал, какой огромной силой воздействия обладает слово. Очевидно, он хорошо знал и то, что каждое высказанное слово оставляет глубокий след в сознании говорящего, даже если оно произнесено невзначай или в шутку, а потому считал, что "чистота" не может быть достигнута, если человек не подвергает строгому и определенному контролю свою речь. Слово, произнесенное в присутствии других, есть уже собственно поступок, некоторое действие, так что наставления Мухаммеда, касающиеся правил, которых стремящийся к чистоте человек должен придерживаться в своей речи, относится, если можно так выразиться, столько же к "внутренней гигиене", сколько и к "гигиене поведения".

Основное требование - говорить истину, быть правдивым. Такие речи полезны и тому, кто их ведет, и тому, кто слушает. Быть правдивым не значит во всех случаях, в глаза или за глаза, "резать правду-матку": не всякая правда полезна, об ином следует и умолчать, особенно если правда касается других.

- Не злословь никого, - настаивал Мухаммед. - И если кто-нибудь станет злословить тебя и выставлять на вид пороки, которые он знает в тебе, не разоблачай пороков, какие ты знаешь в нем. Недостойно позорить чью-либо честь; недостойно проклинать кого-либо;

недостойно всякое пустословие.

Вообще необходимости избегать пустословия уделено в высказываниях, приписываемых Мухаммеду, очень большое место.

- Тот, у кого нет чистого сердца и языка, удерживающегося от пустословия, - заявлял он, - не может быть верующим.

- Лучше сидеть одному, чем со злым; но лучше сидеть с добрым, чем сидеть одному. И лучше говорить ищущему знание, чем сохранять молчание; но лучше молчать, чем вести пустой разговор.

- Побольше молчать и оставаться в добром расположении духа - что может быть лучше?

Повседневная жизнь давала Мухаммеду неиссякаемые возможности как тренировать способности проверять свои эмоции и мысли, так и знать степень достигнутого самообуздания. Насколько Мухаммед преуспел в умении подавлять вспышки гнева, чувство обиды и желание отомстить обидчику, мы не знаем. В дальнейшем он много раз выказывал редкое самообладание, вспышки гнева у него проходили очень быстро и бесследно, а врагов своих, обидчиков и оскорбителей, оказывавшихся в его власти, он умел полностью "простить" - по крайней мере, во всех случаях, когда считал это полезным.

Скромность Мухаммед считал средством обуздания гордыни и проявлением любви к ближнему. Насколько таким путем действительно можно обуздать гордыню - вопрос спорный. Недаром давно замечено, что самоуничижение бывает "паче гордости", ибо полная власть над собой и независимость своих эмоций от действий и слов окружающих людей неизбежно наполняет человека чувством силы и сознанием своего превосходства. Не обижаться, когда тебя оскорбляют, не испытывать унижения, когда тебя стремятся унизить, невозможно, если ты любишь или ненавидишь обидчика, если ты ценишь его как личность, если его мнение для тебя небезразлично. Поэтому воспитание скромности и смирения есть в то же время воспитание чувства полного безразличия к людям, а тем самым и предельной нравственной независимости от них, граничащей с презрением. Отсюда и "любовь к ближнему" чаще всего приобретает совершенно отчетливый абстрактный характер любви к человечеству в целом или какой-нибудь части этого человечества, ради которых с чистым сердцем можно пренебречь жизнями любого числа вполне реальных людей.

Что касается конкретной любви - не только чувственной, но и любви к детям, родственникам и друзьям, - то подобное чувство, по мнению Мухаммеда, приводит и к отрицательным последствиям, так как оно "делает людей глухими и слепыми", от любви же к "ближнему", очевидно, еще никто и никогда не ослеп.

Одно из интересных следствий нравственного безразличия к личностям окружающих - полная невозможность удовлетворить властолюбие и честолюбие, если они в достаточной степени развиты, в замкнутом кругу индивидов, так как нравственная ценность этих индивидов почитается ничтожной. Властолюбие становится неизбежно ненасытным, возникает потребность подчинить своей власти весь народ, весь человеческий род, весь мир.

По словам Мухаммеда, которые подкреплены свидетельствами его современников, он проводил в молитве треть или даже половину ночи - и это не считая того времени, которое отнимали у него дневные молитвы. Из этого можно заключить, что молился он не менее трех-четырёх часов ежедневно и что молитва была едва ли не главным средством того очищения и сближения со сверхчувственным, иллюзорным миром, к которому он стремился.

Указание Мухаммеда, что "молитва - это соединение верующего с Богом возвышением духа", и его же неоднократные свидетельства о высшем наслаждении, которое приносила ему молитва, означают, что после определенной, может быть, многолетней тренировки ему удалось вызывать в себе молитвами отчетливое ощущение реальности бытия Бога, которое сопровождалось острым субъективным чувством радости, счастья и гармонии. Это, так

сказать, та сторона "молитвенных упражнений", которая постоянно поддерживала в нем надежду на установление прямого контакта со сверхчувственным миром - со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но этим отнюдь не исчерпывалось значение молитвенных обращений к Богу. Главным оставалось все же именно "очистительное" значение молитв как мощного средства самовнушения и самогипноза, уникального способа воздействовать на те убеждения и представления, которые не основаны на логическом мышлении и опыте. Большею частью эти убеждения усваиваются человеком в самом раннем детстве как не подлежащие никакой критике категорические приказания взрослых. Ребенок, беззащитный в том смысле, что он не способен подвергнуть внушаемые ему формулы логическому анализу или просто сопоставить их с поведением взрослых людей, неизбежно воспринимает их на веру. А потом, когда он подрастет, зачастую уже бывает поздно - даже при желании его рассудок не всегда способен "вычеркнуть" или "переписать" заново прочно врезанные в подсознание моральные и нравственные аксиомы. И трудность здесь заключается как раз в том, что воспринятое на веру и воспринятое с участием рассудка хранятся в разных сферах сознания и хотя взаимодействуют друг с другом, однако никогда друг с другом не сливаются и не смешиваются.

Попытка только при помощи рассудка изменить привитое с детства представление была психологически совершенно достоверно проанализирована Достоевским в романе "Преступление и наказание". Родион Раскольников логически безукоризненно доказывал сам себе, что уничтожить старуху-процентщицу, мерзкое и отвратительное существо, кровопийцу, приносящую всем только зло и страдание, - хорошо. Коли же накопленные ею деньги употребить на светлое и благородное дело, на пользу всему человечеству, то последние сомнения должны исчезнуть, и убийство ее и ограбление с точки зрения разума становятся поистине героическим и самоотверженным поступком. И Родион Раскольников убил старуху-процентщицу. Убил и превратил свою жизнь в ад, так как нарушил принятую на веру с самого детства заповедь: "Не убий!" - и сразу же в глубинах его подсознания вспыхнул сигнал страшной опасности. Ежесекундной. Со всех сторон. Сигнал, требующий принять немедленно защитные меры. Никакие доводы рассудка не могли потушить этот сигнал, он заглушал все и делал жизнь невыносимой. Оставалось помешательство, или самоубийство, или спасение под защиту логически бессмысленной, возмутительной и ложной с точки зрения разума аксиомы, также принятой с самого детства на веру: "Вина искупается наказанием". Раскольников выбрал последнее и пошел доносить на себя, предпочитая жизнь на каторге тому, что даже нельзя и назвать жизнью. Поставленный им опыт изменения внутреннего нравственного закона с помощью чистого разума не удался.

В принципиально сходной ситуации находился и Мухаммед, когда его религиозные представления потребовали внесения крупных поправок в нравственную и моральную области. Многие заповеди, усвоенные с детства как священные и непреложные, нужно было полностью и бесследно стереть и вместо них вписать новые формулы и аксиомы, по возможности вписать столь же прочно и во всяком случае в ту же самую сферу сознания, где хранится информация, принятая на веру. Такую задачу можно было успешно решить только самовнушением - подкрепленным или даже не подкрепленным доводами рассудка. Практика настойчивого самовнушения осуществлялась Мухаммедом в форме молитвы - словесных обращений к воображаемому объекту, наделенному безграничной властью и могуществом.

Арабы-язычники, современники Мухаммеда, пользовались и готовыми, кем-то и когда-то созданными текстами молитв и молитвами-импровизациями, плодом собственного творчества. В таких молитвах могли встречаться отдельные удачные поэтические обороты и смысловые находки, но в целом они были непригодны для Мухаммеда из-за их резко выраженного языческого содержания. Более подходящими были известные Мухаммеду молитвы ханифов, обращенные преимущественно к верховному Богу и ставящие сходные цели "очищения". Опираясь на этот развитый у арабов жанр устного творчества, Мухаммед

постепенно выработал собственную систему молитв, наиболее отвечающую особенностям его психики и поэтическим вкусам. По своему содержанию все его молитвы - обращенные к Богу просьбы о помощи в достижении того, что он хотел достичь во что бы то ни стало.

- О, Господи! - молился Мухаммед. - Даруй мне любовь к Тебе; даруй мне любовь к тем, кого Ты любишь; сделай так, чтобы я мог исполнить дела, заслуживающие Твоей любви; сделай так, чтобы любовь была мне дороже меня самого, дороже семьи моей и богатства!

- О, Господи! Молю Тебя о твердости в вере и о готовности идти прямым путем, о помощи Твоей приобрести милость в глазах Твоих и подобающим образом чтить Тебя;

молю Тебя еще, чтобы Ты дал мне сердце невинное, отвращающееся от порока, и правдивый язык;

и молю Тебя еще, чтобы Ты дал мне то, что Ты признаешь добродетелью, оградив от того, что Ты признаешь пороком, и чтобы Ты простил мне те прегрешения, которые Ты знаешь.

Просьба, соединенная с верой в доброту, всемогущество и милосердие того, к кому она обращена, дает чувство уверенности. Поэтому слова молитвы, с которыми Мухаммед обращался к Богу, по своему воздействию на его собственную психику были формулами самовнушения: "Буду любить Бога! Буду совершать поступки, заслуживающие его любви! Сделаю свое сердце невинным, а язык правдивым! Буду избегать порока! Буду тверд в вере и приобрету милость в глазах Бога!"

Мухаммед считал важным, чтобы молитве предшествовало отчетливое намерение предстать лицом к лицу с Богом; чтобы тем же сознательным намерением было не просто умыться, а умыться положенным образом, и ни на минуту не забывая при этом о цели омовения, о предстоящей встрече с Богом "возвышением духа".

Для молитвы он выбирал место, достаточно уединенное, где ничто не мешает полностью сконцентрировать мысли на предмете молитвы, ничто не отвлекает.

У себя дома он чаще всего молился в пустой комнате, но и присутствие Хадиджи ему не мешало. Не было никакого алтаря, никакой иконы и никакого идола - Бог, которому он поклонялся, был невидим и не терпел проявлений идолопоклонства. Бог был вездесущ - поэтому не имело никакого значения, в какую сторону обращать лицо во время молитвы. Но когда он молился вблизи Каабы, то всегда стоял лицом к ней - это было обусловлено, по-видимому, всем: и усвоенной с детства привычкой, и благоговением перед святыней, "жилищем Бога", и соображениями удобства - легче сконцентрировать внимание, если стоишь лицом к стене, чем повернувшись лицом к окружающей Каабу площади со снующими по ней людьми. Идеи же, что во время молитвы нужно повернуться лицом в определенную сторону - в сторону ли Каабы, к востоку ли, - у Мухаммеда не было.

Еще перед началом молитвы Мухаммед выбирал в трех-четыре шагах от себя какой-нибудь предмет на земле. камень или простую неровность, и затем в продолжение всей молитвы не сводил с этого места глаз - это был чисто практический, лишенный какого-либо религиозного обоснования прием, помогающий концентрировать внимание на предмете молитвы и не отвлекаться, прием, широко используемый, как известно, и в настоящее время в практике внушения и самовнушения.

Мухаммед считал, что молиться надо не шепотом и тем более не про себя, а достаточно громким голосом. Этот прием также не обусловлен его религиозными представлениями: для всевидящего Бога душа человека - открытая книга, он читает в людских сердцах, и нелепо думать, что громкая молитва имеет больше шансов быть им услышанной, чем молитва, произнесенная мысленно. Дело опять-таки в самовнушении: громкая молитва позволяет не только контролировать, но и дает возможность усилить действенность внушения за счет

"искренней" интонации голоса, за счет правильно выбранной громкости голоса и его тембра, за счет сравнительно узкого диапазона звуковых частот.

Действенность внушения возрастает, если внушаемые словесные формулы имеют четкий однообразный ритм, и еще лучше, когда они рифмованы. Поэтому молитвы Мухаммеда, как и вообще большинство молитв, которыми пользуются последователи любой религии, - поэтические произведения, стихи или рифмованная проза, и об эстетической силе их воздействия не следует забывать. Для того чтобы создать хорошую молитву, нужен немалый талант, и не случайно, что во всех религиях распространены молитвы, авторы которых известны и почитаемы верующими. Мухаммед, выработавший для себя систему эффективных молитв, несомненно, проявил незаурядные литературные способности, определенную поэтическую одаренность, которой он обладал и наличие которой он впоследствии неоднократно и самым решительным образом отрицал.

Излюбленным местом молитв и размышлений Мухаммеда являлась расположенная в нескольких часах ходьбы от Мекки гора Хира - собственно, даже не гора, а пустынный каменистый холм, почти ничем не выделяющийся среди других холмов, окружавших город.

Район был пустынный и дикий и настолько бесплодный, что даже пастухи не гоняли туда свои стада и не нарушали уединенность Хиры. Не пролегали поблизости также караванные дороги и тропы, а стало быть, и случайные прохожие не могли помешать. С вершины Хиры Мекка была не видна, и шум города сюда не доносился. Во все стороны, куда ни кинешь взор, возвышались однообразные и довольно мрачные холмы с каменистыми вершинами и скалами, проступающими по склонам, окрашенные, в зависимости от освещения, в серые, черные или фиолетовые тона.

Сюда, захватив с собой мех с водой и немного еды, любил уходить Мухаммед на несколько дней, чтобы здесь в полном одиночестве "очищаться". Спал он, завернувшись в плащ, прямо на земле, а в непогоду укрывался в пещере, расположенной на склоне Хиры. Изредка его сопровождала верная Хадиджа. Здесь же он по многу часов молился: стоя, устремив взгляд в одну точку, многократно громким голосом повторяя одни и те же молитвенные формулы, через равные промежутки времени творя поясные земные поклоны.

На склонах Хиры часто занимался Мухаммед и созерцанием. Как помогает религиозному очищению простое созерцание, при котором человек освобождает или стремится освободить себя от всех теснящихся в голове мыслей, почти полностью подавляет всю рассудочную работу своего ума, каким путем оно укрепляет веру и повышает эффективность самовнушения, мы не знаем. Однако Мухаммед считал созерцание исключительно полезным и утверждал, что "час созерцания лучше, чем год благоговения".

На Хире в благочестивом подвижничестве проводил Мухаммед обыкновенно и весь месяц рамадан - традиционный месяц поста у курайшитов и большинства других арабских племен.

Из дня в день и из месяца в месяц практиковал Мухаммед все известные и доступные для него методы очищения, то чередуя эти занятия с повседневными делами, то удаляясь на гору Хира, чтобы всецело и без помех предаться размышлениям, молитвам и созерцанию. Надежда достичь поставленной цели то ярко вспыхивала в нем, то почти исчезала, и тогда его охватывала такая невыносимая тоска, что он не раз был близок к самоубийству. В минуты душевного кризиса к нему неизменно приходила на помощь Хадиджа, искренне увлеченная его поисками, сочувствующая им, любящая и верящая - прежде всего в него, Мухаммеда, в его чистоту и благородство, в его способность преодолеть все трудности.

И кризисы благополучно проходили, и опять Мухаммед методично и настойчиво продолжал очищать себя от всякой скверны.

Так прошел год, а затем второй - без видимого результата. Лишь в конце третьего года почти

непрерывных религиозных исканий его труды увенчались успехом и перед ним на мгновение приоткрылось окно в сверхчувственный мир.

Глава 8

Первое откровение

Великая ночь месяца рамадана

Некто является Мухаммеду

Сомнения Мухаммеда и вера Хадиджи

Как Хадиджа удостоверилась, что таинственный пришелец - ангел

Первые строки Корана

Представления Мухаммеда о едином Боге

Месяц рамадан 920 года эры Селевкидов, что соответствует 610 году принятого нами летосчисления, Мухаммед проводил, как обычно, в полюбившемся ему одиночестве на горе Хира, лишь изредка возвращаясь в Мекку, чтобы запастись водой и пищей.

День за днем и ночь за ночью проходили в молитвах, размышлениях и созерцании, не приносящих ничего нового и неожиданного, пока не наступила ночь 24-го числа месяца рамадана. Мухаммед спал в пещере на склоне горы Хира, когда к нему явился некто в человеческом облике.

- Он пришел ко мне, когда я спал, - рассказывал Мухаммед, - со сверкающим свитком, покрытым какими-то письменами.

- Читай! - услышал Мухаммед.

- Я не умею читать, - ответил он.

Явившийся опустил ему свиток на грудь, и Мухаммед почувствовал такую тяжесть, будто гора навалилась на него, не позволяя вздохнуть. Затем явившийся приподнял свиток и снова приказал:

- Читай!

- Я не умею читать! - повторил Мухаммед, скованный ужасом.

В ответ некто придавил его так, что Мухаммеду показалось, что наступает смерть, и в третий раз приказал:

- Читай!

- Что мне читать?

(- И говорил я это только с целью не допустить его до повторения чего-либо подобного тому, что он со мной проделал, - признавался Мухаммед впоследствии.)

И явившийся сказал:

Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил - сотворил человека из сгустка. Читай! И Господь твой щедрейший, который научил каламом, научил человека тому, чего он не знал.

Мухаммед покорно повторил эти слова, и пришелец удалился.

- Очнулся я от своего сна, - рассказывал Мухаммед, - и почувствовал, что все слышанное мною как будто написано в моем сердце.

...Много раз рассказывал Мухаммед об этом замечательном событии своей жизни и, конечно, не всегда рассказывал одними и теми же словами. И слушатели Мухаммеда, как ни старались, не могли совершенно точно, слово в слово воспроизвести слышанное ими. В результате, когда пришло время занести рассказ самого Мухаммеда на бумагу, записать и тем самым увековечить его для потомков, биографы великого пророка столкнулись со многими версиями - Айша передавала слова Мухаммеда так, а Убайда несколько иначе. Но все рассказы современников, отличающиеся некоторыми деталями и подробностями, совпадают в главном: не когда-нибудь, а именно в одну из ночей месяца рамадана 610 года сорокалетнему Мухаммеду на горе Хира впервые явился некто могучий и страшный и приказал ему читать неведомо кем написанный свиток, а когда Мухаммед отказался, сам прочел ему пять строк из этого свитка и приказал повторить их; и строки эти врезались в сердце Мухаммеда.

Повеление явившегося, которое мы переводим словом "Читай!", по-арабски имеет не такой однозначный смысл. Это одновременно и читай, и читай наизусть, и провозглашай, и даже говори, произноси. Приказание же, предполагающее грамотность того, к кому оно обращено, содержалось лишь в очень немногих рассказах, по-видимому самых ранних по времени. И эти рассказы заставляют некоторых ученых сомневаться, был ли Мухаммед неграмотным...

Таково было первое откровение, сошедшее на Мухаммеда с небес, и Мухаммед тем самым становился пророком, но сам он об этом еще не знал. Он был напуган и подавлен случившимся и, покинув свою пещеру, бросился домой, к верной Хадидже.

Хадиджа тоже находилась в беспокойстве, хотя и по другой причине: она еще с вечера ждала Мухаммеда домой, а он все не приходил. Она разослала на его поиски служанок, но те обошли весь город, побывали в самой верхней и отдаленной части Мекки, но нигде не нашли Мухаммеда и вернулись к Хадидже ни с чем.

Войдя к Хадидже, Мухаммед дрожа прижался к ней и воскликнул:

- Горе мне! Я поэт или одержимый! - и он рассказал ей обо всем.

И Хадиджа, как умела, стала утешать его. Нет, убеждала она Мухаммеда, он не поэт и не одержимый; совершенно немыслимо, чтобы им овладели злобные духи - эти демоны овладевают порочными, а он, Мухаммед, добр и справедлив к своей семье, он честен и правдив, он кормит бедняков и щедро раздает милостыню; если во всей Мекке есть хотя бы один праведник, так это он, Мухаммед; Хадиджа готова в этом поклясться перед Богом, в чьих руках находится ее душа.

Вскоре к обсуждению происшествия на горе Хира привлекли и Вараку, двоюродного брата Хадиджи.

Варака, трудившийся в это время над переводом Пятикнижия Моисеева на арабский язык, высказал убеждение, что на Мухаммеда снизошел тот самый Номос, который некогда являлся пророку Моисею, - некоторая духовная ипостась единого Бога, нечто вроде Святого Духа христианского вероучения.

Хадиджа и Варака приободрили Мухаммеда, но полностью его не убедили, и беспокойство продолжало владеть им. А вопрос ведь действительно был нешуточный:

кто же, собственно, явился к нему в пещере - Бог, какой-нибудь ангел, посланец Бога, или

дьявол? Объяснение случившегося, так сказать, естественными причинами, некоторым болезненным состоянием, своего рода галлюцинацией, Мухаммеду представлялось абсурдным.

Если Бог или его посланец, то это - победа, торжество, то, к чему Мухаммед стремился неуклонно все последние годы, то, чего он добивался практикой всестороннего очищения. Если же дьявол, то это - ужасное крушение всех надежд, полный провал многолетних упований. Самое же ужасное неведение. Принять посланца Бога за дьявола, а значит, и пренебречь всем увиденным и услышанным - погибельный и непростительный грех, обрекающий душу на вечные мучения в аду.

Принять дьявола за посланца Бога, молиться подсказанными дьяволом словами и идти по указанной им дороге - еще хуже: неминуемое наказание ждет тогда Мухаммеда в этой жизни и последующей за подобное служение дьяволу.

Дни и ночи не покидали Мухаммеда мучительная неуверенность и тревога.

Идея, что сам Бог явился ему в пещере, по зрелом размышлении, была им в конце концов отвергнута, как явно противоречащая сложившимся у Мухаммеда представлениям о природе и сущности Бога. Бог, вездесущий, бесконечный в пространстве и времени, был настолько велик и несоизмерим с человеком, что видеть его немыслимо. Ведь если Бога можно видеть, то можно и изобразить, и было бы отнюдь не предосудительно поклоняться такому изображению. От идеи, что Бога можно видеть, как ведущей к идолопоклонству, Мухаммед рано или поздно должен был отказаться.

Оставалось выбрать - ангел или дьявол, решить это нужно было во что бы то ни стало, и решить безотлагательно, ибо этот "он", "некто", посетивший Мухаммеда в пещере во время сна, отнюдь не собирался оставлять его в покое.

Он начал приходить по ночам прямо в комнату Мухаммеда и Хадиджи, правда выбирая такое время, когда Хадиджа спала. Мухаммед просыпался и со смешанным чувством страха и надежды смотрел на отчетливо видимую человеческую фигуру, молча стоящую у дверей. Сердце Мухаммеда бешено колотилось, и холодный пот выступал на его лице. Также молча, не проронив ни звука, некто покидал комнату, и природа этого странного гостя из потустороннего мира оставалась неразгаданной.

Хадиджу, которой Мухаммед, как всегда, обо всем рассказал, эти ночные визиты встревожили, и она уговорила Мухаммеда разбудить ее, когда ангел или посланец сатаны вновь пожалует в их комнату. Дело в том, что у мудрой Хадиджи созрел некий план, который мог не только разрешить в какой-то мере сомнения Мухаммеда о природе таинственного вестника, но и дать ответ на волнующий ее, Хадиджу, вопрос о том, что же, собственно, происходит с Мухаммедом. Не следует забывать, что эта достойная женщина, с полным основанием почитаемая как мать верующих, сама не обладала никакими сверхчувственными наклонностями и по заботливому простодушию еще много лет назад, когда у Мухаммеда появились первые необычные приступы, предлагала обратиться ему к врачам или заклинателям.

И вот, когда в следующий раз ночной гость вновь пришел в их спальню, Мухаммед тотчас разбудил Хадиджу.

- Он пришел, - сказал Мухаммед, - но сколько Хадиджа ни всматривалась в темноту, она никого не видела - для нее комната была пуста.

- Встань, - сказала Хадиджа, - и сядь около моего левого бедра. Мухаммед встал со своего ложа и сделал так, как просила Хадиджа.

- Видишь ли ты его? - спросила она.

- Он здесь, - ответил Мухаммед, глядя в темноту широко открытыми глазами.

- Тогда обойди вокруг постели и сядь у моего правого бедра, - попросила Хадиджа. - Ну как, ты все еще его видишь?

И так как Мухаммед опять ответил утвердительно, Хадиджа снова попросила его встать и устроиться по-другому; на этот раз она усадила его между колен. Но и это не помогло - Мухаммед все так же отчетливо видел стоящего в комнате человека, кто бы он ни был - ангел или сатана. Тогда незаметно для Мухаммеда, который продолжал сидеть, не спуская глаз с места, где находилась человеческая фигура, Хадиджа раскрылась.

- Видишь ли ты его? - в четвертый раз спросила она.

- Нет, - ответил Мухаммед, ибо таинственная фигура мгновенно и бесшумно исчезла.

- О, сын моего дяди, - воскликнула мудрая Хадиджа, - возрадуйся и успокойся! Слава Богу, он ангел, а не дьявол.

Действительно, для нее, Хадиджи, ангельская природа пришельца из потустороннего мира не вызывала больше сомнений - только для целомудренного ангела, этого дитя света, невозможно было оставаться в комнате после ее бесстыдного поступка. Дьявол бы и не подумал удалиться при виде ее наготы.

Для Мухаммеда, конечно, проблема так просто не решалась, и только через много месяцев путем молитвы и религиозных размышлений он пришел к тому же выводу, что и Хадиджа, - не дьявол, а ангел является ему в видениях, и слова, которые он произносит, есть слова самого Бога, обращенные лично к нему, Мухаммеду. Окончательно убедили его в этом последовавшие вскоре новые откровения, а также вестник из потустороннего мира, который не то три, не то четыре раза, в минуты самого крайнего отчаяния Мухаммеда, предстал перед ним в человеческом облике, чтобы произнести только одну неизменную фразу:

- Мухаммед! Ты - пророк Бога, а я - Джибрил!

И каждый раз Мухаммеда при виде Джибрила охватывал ужас: может быть, поэтому в дальнейшем откровения чаще всего не сопровождались видениями.

Пять коротких строк, продиктованных Мухаммеду на склоне Хиры в одну из ночей месяца рамадана (эта ночь в дальнейшем получила название Ночи Свершения, или Ночи Могущества), содержали важнейшие сведения о сущности Бога и его отношения к человеку.

Бог в них определен как всемогущий творец, ни на секунду не покидающий мир в своей творческой заботе - он созидает непрерывно и непрерывно являет чудесную, сверхъестественную способность творить сложное, совершенное и прекрасное. Как пример всемогущества Бога приведена его способность созидать самое сложное и совершенное существо на земле - человека. Также по его воле, предуказанным им способом, возникают ежесекундно на земле все растения и животные; мир сверхчувственный-пронизывает реальный мир, и только поэтому реальный мир может существовать, а следовательно, хочет того человек или нет, вся его жизнь протекает в Боге, даже если он мыслит себя вне зависимости от Бога, не подчиненным и неподвластным ему.

От Бога зависит не только, так сказать, биологическое существование человека. В откровении говорится, что щедрейший Бог научил человека тому, чего тот не знал, "каламом" - тростниковой палочкой для письма, которой пользовались арабы. Отсюда следует, что Бог является основным источником знания для человека и это знание нисходит к человеку в виде

"писания".

Легко видеть, что те самые идеи, из которых исходил Мухаммед с самого начала своих религиозных исканий и подвижничества, чудесным образом возвратились к нему. Для Мухаммеда это означало полное подтверждение правильности избранного им пути, почти полное (и, несомненно, чудесное) совпадение хода его мыслей и его интуиции с божественным промыслом. Это должно было вдохновлять Мухаммеда и наполнять чувством законной гордости, ощущением могущества, проистекающим из того, что его воля находится в согласии с волей Бога; и во всех случаях, когда его, Мухаммеда, воля совпадает с волей Бога, произнесенное им "Да будет!" одновременно является и произнесенным самим Богом, и никакая действительность не сможет устоять перед этим "Да будет!". Он скажет: "Да будет!" - и будет именно так. Но только в случае совпадения воли его и Бога.

Во время первого откровения Джибрил не зря явился спящему Мухаммеду с покрытым неведомыми письменами свитком, невыносимую тяжесть которого Мухаммед столь явно ощутил на своей груди. По-видимому, уже задолго до начала пророческой деятельности у Мухаммеда сложилось достаточно четкое представление о некоей божественной книге. Книге с большой буквы, Книге, хранящейся на небесах и содержащей самые сокровенные познания, необходимые человеку. Это - написанный самим Богом, всемогущим Аллахом, Коран, что в переводе означает "Чтение". Коран, предназначенный исключительно для арабов. Другие народы уже получили от Бога свои священные книги - их ниспослал Бог во множестве, последняя из них была поведена устами пророка Исы. Арабам же священная книга посылалась впервые, и чтобы облегчить ее понимание, она посылалась на чистом арабском языке, словами ясными, смысл которых доступен каждому, чье сердце не извращено.

В священную Ночь Свершения, или Ночь Могущества, именно отрывок из небесного Корана Джибрил сообщил Мухаммеду, и тем самым было положено начало Корану земному - точной копии небесного подлинника.

У Мухаммеда не было никаких сомнений, что лично он сам не имеет никакого отношения к авторству Корана. Сама форма сообщений из потустороннего мира убеждала его в этом. Во время первого откровения отрывок из Корана ему поведал ангел Джибрил, который и впоследствии нередко навещал его с той же целью - ведь общаться с пророками и сразу или по частям передавать им точный текст небесных книг, написанных самим Богом, было, так сказать, специальностью Джибрила чуть ли не с сотворения мира: как было совершенно точно установлено в дальнейшем, ангел Джибрил двенадцать раз являлся Адаму, четыре раза - Еноху, сорок два раза - Ибрахиму, четыреста раз - Мусе (Моисею), десять раз - Исе (Иисусу) и двадцать четыре тысячи раз - Мухаммеду. Впрочем, по одной из версий, во время первого откровения и в течение трех последующих Мухаммед непосредственно общался не с Джибрилом, а с другим ангелом - Исрафилом, Джибрил же стал являться ему позднее. Многие другие отрывки из Корана Мухаммед получил также во сне, но во сне, не сопровождавшемся какими-либо видениями. Мухаммед слышал только голос, который диктовал ему очередной отрывок, поражающий его мудростью и совершенством художественной формы; иногда при этом Мухаммед чувствовал, что кто-то кладет ему во сне руку на плечо - то ли ангел Джибрил, то ли сам всемогущий Аллах. Когда же он просыпался, все слышанное всплывало в его памяти и запоминалось так прочно, как будто слова были начертаны прямо в его сердце.

Во время бодрствования Мухаммед физически ощущал приближение откровения - все тело его начинало дрожать, лицо покрывалось крупными каплями холодного пота, голова тяжелела, сознание выключалось. Иногда во время такого приступа, по словам современников и очевидцев, он "ревел, как молодой верблюд". Нередко Мухаммед, чувствуя, что на него надвигается божественное вдохновение, предусмотрительно ложился на землю, с головой завернувшись в плащ.

Очень часто, однако, откровения никакими обмороками не сопровождались, в его поведении почти ничего не менялось, и только для внимательного наблюдателя со стороны становилось очевидно, что на Мухаммеда "находит". Сознание Мухаммед не терял и мог подробно описать свои переживания во время откровения. По его словам, приближение откровения возвещалось звоном в ушах, похожим на звон колокольчиков. Звон продолжался в течение всего откровения, и Мухаммед в это время не слышал никаких слов. Лишь когда звон прекращался, для него становилось понятным сообщение, переданное ангелом. Характерно, что и тогда, когда откровение не сопровождалось полной потерей сознания, сознание все же как бы устранялось, и Мухаммед не ощущал ни малейшей связи между деятельностью своего ума и содержанием откровений. Для Мухаммеда они являлись полной неожиданностью, и он готов был поклясться, что никогда даже не делал попыток сочинить что-либо подобное, что все отрывки из Корана он сам слышит впервые. В этом он был убежден совершенно искренне и убежден абсолютно: автор Корана - Бог, он, Мухаммед, - только лицо, пассивно воспринимающее слова Бога.

Нас не должна особенно смущать несколько необычная форма творческого процесса Мухаммеда, когда сочиненные им стихи выступают из глубин подсознания в готовом виде и поражают их творца своей неожиданностью и загадочностью происхождения. Людей, наделенных повышенной способностью к творчеству в какой-либо области, мы называем талантливыми или гениальными, просто при помощи этих слов подчеркивая разницу между способностью к творчеству и другими качествами человеческого рассудка - умом, памятью, эрудицией. Творческий процесс и сейчас остается настолько загадочным, что умные и глубоко эрудированные знатоки поэзии, которые прекрасно знают технику стихосложения, тонко чувствуют поэзию и уверенно берутся отличить плохие стихи от хороших и к тому же наделены редко встречающимся безошибочным знанием, о чем и как нужно писать, тем не менее, увы, сами, как правило, не способны написать хотя бы малюсенького приличного стишка; все, что они пишут, демонстрирует полное и абсолютное отсутствие поэтической одаренности, совершенное и, надо сказать, даже удивительное непонимание творческого процесса.

Справедливость требует отметить, что и безусловно талантливые люди в разных областях художественного и научного творчества, в том числе и те, кого мы по праву называем гениальными, тоже не знают, как это получается, что они могут, а другие не могут, в чем секрет подобной несправедливости, как превратить творчески бесплодного человека (конечно, бесплодного в определенной области, и только в ней) в человека одаренного. Очевидная неясность для сознания закономерностей творческого процесса наглядно проявляется даже в тех словах, которые мы употребляем, когда речь заходит о таланте и гениальности. Например, мы говорим о творческой одаренности, как будто человек не сам развил в себе определенные способности, а получил их в виде подарка, дара - кто-то наделил его талантом и гениальностью, а он, человек, лишь пассивно принял этот подарок судьбы, бережно сохранил его, и не только сохранил, но и развил, выпестовал, взлелеял, одним словом, не стал закапывать его в землю, растрчивать на пустяки.

В творчестве Мухаммеда разрыв между "сознающим себя сознанием" и подсознанием достиг предела. Он действительно не "сочинял" Коран, так же как мы не сочиняем свои сны. Но мы убеждены, что сны - творчество нашего собственного мозга, а Мухаммед, напротив, - что и сны посылаются оттуда, из потустороннего мира.

У Мухаммеда было четкое понятие единого Бога, Аллаха, причем более единого, если можно так выразиться, чем Бог христиан с его ипостасями, навеянными, видимо, греко-римской философией. Из этого представления о едином Боге Мухаммед последовательно изгонял любые черты какого-либо сходства с человеком и тем самым полностью очищал идею о едином Боге от всех и всяческих следов идолопоклонства. Мысль, что Бог сотворил человека по образу своему и подобию, была решительно отвергнута Мухаммедом, как несовместимая с истинной природой Бога и унижительная для божественного достоинства. На самом деле, по

убеждению Мухаммеда, Бог не имеет ничего общего с человеком; Бог, безграничный в пространстве и времени, также безграничен в своих творческих актах; он создал и бесчисленное множество миров, и бесчисленное множество наделенных разумом существ, одним и лишь одним из которых является человек. Отсюда всякие претензии человека на исключительное место в мироздании и на исключительное внимание со стороны Бога должны быть отклонены, как смехотворные.

Созданием бесчисленного множества миров и бесчисленного множества наделенных разумом существ Бог как бы порывал со своей унижительной зависимостью от человека, от того, как человек ведет себя, поклоняется ли ему или отвергает его. Связь человека с Богом становится односторонней человек зависит от Бога, а Бог нисколько не зависит от человека; своим поведением, своими поступками и словами человек не может оказать никакого влияния на Бога - ни рассердить Бога, ни обидеть, ни вызвать у Бога желания отомстить. Все человеческие черты, которыми наделили Бога иудаизм и христианство, да и другие монотеистические религии, были решительно отброшены, ничего похожего на Бога, ревнующего к поступкам и мыслям человека, у Мухаммеда найти нельзя.

Оставались лишь доброта, милосердие и справедливость Бога, как качества, изначально присущие божественной природе, что и позволяет человеку, следующему божественным предписаниям, заслужить сносную жизнь на земле и счастливое бессмертие на небесах. Представление о бессмертии на небесах, загробной жизни логически вытекало, между прочим, и из идеи божественного всемогущества, неуничтожимости того, что создал Бог.

Представление о всемогуществе неизбежно приводит к выводу об абсолютной свободе воли Бога, решительно ничем не ограниченной, в том числе не ограниченной никакими этическими нормами. В этом отношении Бог совершенно безнравствен, точнее, он выше всякой нравственности. Если бы различия между хорошо и плохо, между добром и злом можно было найти вне Бога, то это значило бы, что Бог недостаточно всемогущ, не обладает всей полнотой свободы и сам в некотором смысле подчинен какому-то высшему нравственному принципу а это уже очевидная нелепость. Отсюда неизбежный и закономерный отказ Мухаммеда обосновать различия между добром и злом какими-либо иными соображениями, кроме божественной воли. Хорошо то, что предписано Богом, плохо то, что запрещено Богом, и если завтра Бог переменит свое решение, хорошее тотчас же делается плохим и наоборот, ибо ничто не является само по себе хорошим или само по себе плохим. Вне Бога нет ни добра, ни зла, и всякий, кто думает иначе, вольно или невольно выходит за пределы веры в единого, а потому и абсолютно всемогущего Бога. Бог добр и милосерден не потому, что он должен, обязан быть непременно добрым и милосердным, доброта и милосердие просто его изначальные и произвольные свойства, вытекающие из отношения творца к сотворенному им миру; можно сказать, что Бог добр и милосерден только потому, что захотел быть именно таким, или потому, что только он один и есть единственное Добро и единственное Милосердие в мире.

В этом отношении Мухаммед, несомненно, пошел дальше иудаизма и христианства, в которых, как отголосок язычества, Богу приписываются не только вполне человеческие чувства, но и божественное всемогущество в заметной степени ограничивается необходимостью следовать определенной логике поведения, быть хоть сколько-нибудь последовательным. Тем самым проблема добра и зла получила у Мухаммеда радикальное и однозначное решение конечно, решение в рамках чистого монотеизма.

Бога нельзя было бы признать абсолютно всемогущим, если бы в мире происходили хоть какие-нибудь случайные, заранее им не предусмотренные события. Поэтому учение о предопределении является закономерным следствием всякого развитого монотеизма. Это учение, согласно которому все совершается с фатальной неизбежностью, находится в очевидном противоречии с нравственной ответственностью каждого отдельного человека. Действительно, если заранее предусмотрен не только каждый поступок, но и каждое тайное

движение души человека, если задолго до его появления на свет уже известны все мельчайшие события его жизни и все свойства его характера, то у человека нет ни малейшей возможности активного и произвольного выбора. Злодей не несет никакой ответственности за те злодеяния, которые ему суждено и предписано совершить в течение своей жизни, а добрые деяния праведника не могут рассматриваться как его заслуга, потому что опять-таки уже заранее было предусмотрено, что именно он, а не кто-нибудь другой столкнется в своей жизни с такими-то и такими-то обстоятельствами и в этих обстоятельствах будет вести себя так-то и так-то.

Разрешить это противоречие между всемогуществом Бога и свободой воли, а стало быть, и ответственностью за свои поступки каждого отдельного человека в рамках религии вообще невозможно, так как нельзя ни умалить божественное всемогущество, ни лишить человека полностью свободы воли. Поэтому и Мухаммед вместо строго последовательного решения проблемы (раз все совершается по воле Бога, человек лишен свободы выбора и ни за что не отвечает) дал решение, продиктованное исключительно практическими соображениями - хотя все совершается только по воле Бога и судьба каждого человека в самых мельчайших деталях predetermined миллионы лет тому назад, тем не менее человек отвечает за каждый свой поступок так, как если бы он обладал полной свободой воли.

Противоречие между абсолютным фатализмом и ответственностью человека за свое поведение является противоречием только с точки зрения атеиста или человека, не наделенного полнотой веры. Для верующего же между predetermined и свободой воли нет и не может быть никакого противоречия, так как Бог потому и всемогущ, что наделен полной свободой, в том числе и свободой от всякой логики, он не обязан быть непротиворечивым, и вообще само понятие "противоречие" к нему совершенно неприменимо. Всякие вопросы, типа "Почему?" и "Как же так?", абсолютно неуместны и абсурдны; для человека остается лишь вопрос: "Что же из этого следует?" - а следует то, что человек должен стремиться к добру и избегать зла, потому что такова воля Бога, и не забывать, что за каждый свой поступок и каждое движение души он будет судим по всей строгости, без всяких скидок на predetermined, так, как будто в любой жизненной ситуации от него, и только от него, зависит выбор поведения.

Всякая развитая религия представляет собой сложную систему взаимосвязанных идей и понятий, не говоря уже о такой ее важной стороне, как обрядность. В основе этой системы лежит понятие о Боге, и от того или иного понимания Бога зависят все остальные существенные стороны религии. Мухаммед подверг дальнейшей разработке идею единого Бога. Если христианство полностью порвало с представлением о племенной или национальной ограниченности Бога, сделало Бога всечеловеческим, интернациональным, то Мухаммед развил идею единого Бога до ее теоретического предела, за которым уже, собственно, кончается религия и начинается философия объективного идеализма; во всяком случае, никому после Мухаммеда не удалось разработать религиозную систему на основе еще более "высокого" представления о Боге, и можно думать, что подобная задача едва ли разрешима.

Откровение, полученное на горе Хира в одну из ночей месяца рамадана в 610 году, окончательно убедило Мухаммеда в правильности сложившихся у него религиозных представлений; он, если можно так выразиться, уверовал в их истинность так же, как в свою пророческую миссию. Естественно, что Мухаммед почти сразу же приступил к пропаганде созданной им религиозной системы.

Глава 9

Тайная проповедь

Обращение Хадиджи в ислам

Обращение Али и Зайда

Абу Талиб обещает Мухаммеду защиту

Кто были люди, пошедшие за Мухаммедом

Община верующих

Три года без откровений

Мучительные сомнения

Ангел является снова

О полученных на горе Хира откровениях Мухаммед никому, кроме Хадиджи и Вараки, не сообщил, и проповедь созданной им религиозной системы начал в глубокой тайне от посторонних, только среди близких, хорошо знакомых и надежных людей.

Самым близким ему человеком была, несомненно, Хадиджа, и нет ничего удивительного, что она первая приняла новую веру - ислам, что означает "предание себя Богу".

"И уверовала в него Хадиджа, дочь Хувайлида, и поверила в то, что снизошло к нему от Бога, и помогла ему в делах его..." Она была первой, единогласно свидетельствуют предания, кто уверовал в великого и славного Господа и в посланника его. Именно так: в Господа и посланника его, ибо в созданной Мухаммедом религиозной концепции исходно, с самого начала Бог и его посланник оказались неразрывными и нерасторжимыми: нельзя было уверовать в Бога и не верить, что Мухаммед является его пророком, посланником. В этом была логика - все сведения о Боге и о законах новой религии поступали только от Мухаммеда, и если отрицать, что Мухаммед - посланник Бога, новая вера превращалась в произвольный свод правил, ни для кого не обязательный.

Мухаммед не только получал откровения, но и был единственным человеком, наделенным способностью правильно их истолковывать - эта способность тоже исходила не из человеческой природы Мухаммеда, а была даром свыше; когда Мухаммед объяснял смысл божественных посланий, им руководил сам Бог, поэтому, в частности, туманные и загадочные, полные иносказаний и намеков стихи Корана Мухаммеду были совершенно ясны.

Итак, верная Хадиджа не только сразу же и чистосердечно уверовала в провозглашенного Мухаммедом Бога, но и уверовала, что он, Мухаммед, ее муж и отец ее дочерей, является посланником Бога, которому поручено распространить на земле чистую и неискаженную веру.

Вслед за Хадиджей почти тотчас же новую веру приняли Али, двоюродный брат и воспитанник Мухаммеда, и Зайд, вольноотпущенник и приемный сын Мухаммеда. Зайд в это время был уже взрослым человеком, Али же было всего десять - пятнадцать лет. По одной из версий, Али, увидев Мухаммеда и Хадиджу молящимися, спросил:

- Что вы делаете, Мухаммед?

- Это религия Бога, - ответил ему Мухаммед, - религия, которую Бог сам избрал для себя и посылал своих апостолов проповедовать ее. Я призываю тебя к Богу, единому, не имеющему никаких помощников; я призываю тебя поклониться этому Богу и отвергнуть аль-Лат и аль-Уззу.

- Я никогда не слышал раньше о такой вере, - сказал Али. - Я ничего не могу решить, пока не посоветуюсь с отцом.

- Не делай этого, - сказал Мухаммед, который не хотел, чтобы сведения о новой вере раньше времени просочились в город. - Если ты не принимаешь ислам, то сохрани весь наш разговор в тайне.

Али пообещал хранить молчание, но уже на следующую ночь Бог вложил ислам в его сердце, и Али стал верующим. Рано утром он пришел к Мухаммеду, чтобы узнать об обязанностях, которые накладывает на него новая вера.

- Свидетельствуй, что нет никакого бога, кроме Аллаха, - сказал ему Мухаммед, - единственного, без всяких помощников, отвергай аль-Лат и аль-Уззу и отрекись от всех богов, кроме Аллаха.

Али повторил этот символ новой веры, порвал с идолопоклонством и "предал себя Богу" - стал мусульманином, последователем истинной религии. Свой переход в новую веру он тщательно скрывал от всех непосвященных, в том числе от своего отца, Абу Талиба. Однако Абу Талиб в конце концов узнал об этом - рассказывают, что он просто случайно наткнулся на Мухаммеда и Али, когда они вместе громко молились среди безлюдных холмов, окружающих Мекку. На вопрос Абу Талиба, какому божеству они столь странным образом поклоняются, Мухаммед изложил ему суть новой религии, сообщил о своем пророческом даре и заклинал его принять новую веру. Глава хашимитов внимательно и довольно благосклонно выслушал Мухаммеда, но отречься от веры своих отцов и своего племени решительно отказался, хотя разрешил Али следовать за Мухаммедом и, стало быть, не видел в новом учении ничего порочного - вообще с идеей единого невидимого бога курайшиты были хорошо знакомы, поразить Абу Талиба подобная идея не могла, но то, что его племянник стал считать себя пророком, было довольно неожиданно, это было событие, чреватое многими серьезными осложнениями для всех хашимитов, и прежде всего для самого Мухаммеда, о чем Абу Талиб не мог не задуматься. Поэтому Абу Талиб счел уместным и своевременным заверить Мухаммеда, что пока он, Абу Талиб, является главой хашимитов, клан будет защищать Мухаммеда, что бы ни случилось.

После обращения Хадиджи, Али и Зайда из домашних Мухаммеда только Фатима и Варака оставались не охваченными новым учением. Но Фатиме было всего пять лет - возраст явно неподходящий для участия в религиозном движении. Что касается Вараки, то по своим убеждениям он был близок к какой-то из христианских сект, и стало быть, следовал повелениям Бога, поведенным людям через пророка Иисуса. Мухаммед же считал себя в этот период таким же пророком, как Иисус, но только посланным для обращения арабов-язычников. Для Мухаммеда Варака был "человеком писания", он уже стоял на правильном пути и в обращении не нуждался. У Мухаммеда и Вараки был один и тот же Бог, а то, что этот Бог приказал одним народам поклоняться себе так, а другим - несколько иначе, несколько не противоречило его природе. И последователи Мухаммеда, и насара, и яхуди, следуя по указанному Богом пути, полностью выполняют свой долг и тем самым заслужат награду на небесах. Исключение составляли лишь многобожники, погруженные во тьму невежества, которых нужно было во что бы то ни стало просветить, вывести на праведный путь, спасти.

Домашним Мухаммеда, пожалуй, было труднее, чем кому бы то ни было, поверить в его сверхъестественную способность общаться с Богом. Но, очевидно, обаяние личности Мухаммеда было огромно, его искренность и правдивость не вызывали ни малейшего сомнения, его нравственный и духовный авторитет был непреложным и для пожилой Хадиджи, и для юного Зайда, и для десятилетнего Али - все они без малейших колебаний уверовали в Мухаммеда, уверовали глубоко и на всю жизнь. Мухаммед обладал не только даром пророчества, его с полным правом можно назвать "ловцом душ человеческих", и в основе его способности духовно подчинять окружающих лежала в том числе и полная убежденность в собственной правоте, стопроцентная искренность - та редко встречающаяся полнота веры, игнорируя которую нельзя понять ни характер самого Мухаммеда, ни характер

развернутого им религиозного движения.

Обещание, полученное от Абу Талиба, давало Мухаммеду возможность в условиях сравнительной безопасности приступить к широкой религиозной пропаганде, вербовать себе сторонников среди представителей любых кланов, на которые подразделялось славное племя курайшитов.

Первым среди курайшитов новую веру принял Абу Бакр, видный представитель клана Тайм. Его имя, полученное при рождении, было Абдаллах, но этим именем никто не пользовался. В обиходе его чаще всего называли Атиком - что означает "породистый", - это прозвище дали Абу Бакру за красоту и благородное выражение лица. Рассказывают, что он был лучшим знатоком преданий и родословных, отличался прекрасным характером, умел вести приятную беседу и слыл не только очень опытным, но и безупречно честным купцом - он торговал одеждой. Абу Бакр стал активно пропагандировать новую веру среди своих многочисленных друзей и тех мекканцев, которые находились под его покровительством.

Вслед за Абу Бакром ислам принял тридцатилетний Осман ибн аль-Аффан из клана Абд Шамс, одного из двух самых влиятельных кланов Мекки. Осман приходился родственником Мухаммеду - его бабка по материнской линии была сестрой отца Мухаммеда. В своем клане Осман никакого более-менее видного положения не занимал.

Почти одновременно с Османом произошло обращение тридцатилетнего Аз-Зубайра, ничем не примечательного представителя клана Асад, родственника и Мухаммеда, и Хадиджи, а также тридцатилетнего Абд ар-Рахмана, влиятельного человека из клана Зухра, семнадцатилетнего Саада ибн Абу Ваккаса из того же клана и юного Тальхи ибн Убайд аллаха из клана Тайм - всех их привел к Мухаммеду энергичный Абу Бакр.

На первых порах пропаганда новой веры проводилась в глубокой тайне, для нее использовались родственные и дружеские связи, сложившиеся задолго до откровения. Распространение учения шло очень медленно, за три года Мухаммед приобрел около сорока - пятидесяти сторонников.

Подобные списки новообращенных, которые были составлены арабскими историками, показывают резкое преобладание среди первых мусульман людей сравнительно молодых, нередко из очень хороших и зажиточных семей, но лично не достигших серьезных успехов. Вольноотпущенники и рабы составляли незначительное меньшинство, чаще всего они принимали новую веру вместе со своими патронами и лишь очень редко - без их ведома. Женщин отдельно от мужей и отцов в религиозное движение не вовлекали - даже замужние дочери самого Мухаммеда оставались до поры до времени в стороне от ислама. За Мухаммедом последовали, в основном, такие же мелкие торговцы, как и он сам. Все они, по-видимому, чувствовали себя несправедливо обездоленными существовавшим в Мекке социальным строем, каждый из них по своим личным достоинствам был намного выше того положения, которое ему удалось достичь, и этот разрыв между внутренними возможностями личности и ее реальным местом в иерархии общества уже давно стал нестерпимым. Мухаммед был одним из них, и неудивительно, что, пройдя сложный и таинственный путь нравственного очищения, развив в себе дар пророчества, он в конце концов выступил с проповедью, на которую тотчас же и с энтузиазмом откликнулись люди одного с ним круга.

Чем же привлекала их идея единого Бога?

Многочисленные боги и богини олицетворяли унаследованное от древнейших времен разделение людей на изолированные группы - кланы (роды) и племена. Учение о едином Боге разом уничтожало основу такого деления, отвечало давно зародившейся идее общеарабского единства. Замена многобожия верой в единого Бога была выгодна всем, кого стесняли пережитки родового строя, кто рвался на более широкую арену жизненной борьбы.

Всякая вера в той или иной мере предполагает отказ человека от самостоятельного решения проблемы добра и зла. В монотеистических религиях это доведено до предела - человеку не остается никакой свободы выбора между разными представлениями о грехе и добродетели, он должен беспрекословно подчиниться однажды провозглашенным от имени Бога нравственным законам.

Люди, откликнувшиеся на призыв Мухаммеда к единобожию, одновременно навсегда отказывались от своего права самостоятельно, по своему разумению судить о добре и зле, они добровольно отрекались от свободы в пользу полного нравственного и духовного подчинения. Судя по всему, они отрекались от свободы с чувством огромного облегчения, потому что для них эта свобода уже давно была чистойшей фикцией, никакой возможности реализовать права личности у них не было и ничего, кроме мучений и глубокой неудовлетворенности, абстрактная свобода им не давала. Предложенное Мухаммедом решение проблемы добра и зла просто отражало фактическое положение, приводило в соответствие мир реальный и мир идеальный, давало удовлетворительное для того времени обоснование невозможности нравственной свободы.

Нравственные законы, провозглашавшиеся от имени единого всемогущего Бога, были обязательны для каждого, вне зависимости от его богатства, ума, таланта или каких-либо других особенностей. В этом отношении они были сугубо демократичны - свобода отнималась у всех без исключения. Справедливость торжествовала, мучительное и нестерпимое наличие нравственной свободы у ничтожного меньшинства должно было исчезнуть.

Арабы эпохи Мухаммеда в течение многих поколений были лишены не только нравственной свободы, они должны были уже свыкнуться с мыслью, что справедливость в жизни не торжествует и не может торжествовать; добродетель не вознаграждается или вознаграждается недостаточно и не всегда, а зло не наказывается. Всякое учение об установлении полностью справедливой жизни на земле должно было казаться утопией. Учение Мухаммеда о предопределении, о личной ответственности каждого человека перед Богом и бессмертной жизни за гробом, блаженной для добрых и праведных и невыносимо ужасной для злых и порочных, восстанавливало попорченную в реальной жизни идею справедливости, оправдывало несовершенство жизни, в какой-то степени успокаивало и утешало.

Из идеи единого Бога прямо вытекало положение о братстве людей: отозвавшиеся на проповедь Мухаммеда становились членами своеобразного религиозного братства, внутри которого отношения, основанные на любви, милосердии и справедливости, считались единственно совместимыми с действительной верой. Признание же единого Бога и отказ от идолопоклонства являлись лишь первым шагом, необходимой предпосылкой перехода к новой жизни, демонстрацией сознательного намерения перестроить себя для этой новой жизни.

Тайной проповедью своей религиозной системы Мухаммед пытался создать общину с автономной нравственностью и моралью, нечто вроде нового клана, призванного разрушить все существующие. Над этой общиной с самого начала маячила старинная и никогда не умиравшая в человечестве мечта о золотом веке родового строя, когда внутри рода господствовал дух коллективизма и взаимопомощи, когда не существовала еще трагическая оторванность людей друг от друга, когда понятия "мы" и "я" почти совпадали.

Для преодоления звериного индивидуализма Мухаммед от имени Бога и от своего собственного (на то он и был пророком и посланником Бога) обязал новообращенных практиковать те самые приемы всестороннего очищения, которые он в течение многих лет с успехом испытывал на себе. Молитва, пост, размышление о сущности Бога и ниспосланных им законов, которым должен подчиняться человек, активное претворение в жизнь идеалов

любви, милосердия и справедливости - вот примерный перечень тех обязанностей, которые налагал на себя добровольно всякий, вступивший на путь ислама, вот что скрывалось за простой клятвой новообращенного чтить всевышнего Бога и его посланника и отречься от идолопоклонства.

Мухаммед еще больше усилил действенность молитвы - этого радикального средства очищения, - введя в практику совместные, коллективные молитвенные обращения к Богу. Для таких совместных молений последователи Мухаммеда чуть ли не ежедневно тайно собирались в доме одного из своих братьев по вере. Прослушав предварительно короткую проповедь Мухаммеда, верующие приступали к молитве, которой также руководил сам Мухаммед. Мухаммед громко произносил короткий отрывок молитвы, и вслед за ним все собравшиеся хором повторяли его слова. Затем Мухаммед произносил следующий отрывок молитвы, и верующие опять хором повторяли его. В положенных местах Мухаммед творил поясные и земные поклоны, и по его примеру собравшиеся поступали также - при поясном поклоне они касались ладонями колен, а при земном опускались на колени, после чего лбами и ладонями касались земли; подражая Мухаммеду, они отводили локти немного в сторону, так, чтобы руки не были прижаты к туловищу.

В тесно застроенной Мекке нелегко было отыскать достаточно уединенный дом, в котором можно было молиться без всяких помех и не привлекая ничьего любопытства. Поэтому Мухаммед часто уводил по ночам своих последователей в безлюдные окрестности Мекки, чтобы здесь, под черным небом, пылающим южными звездами, часами целиком отдаваться молитве. Во время молитвы все поворачивались лицом в одну сторону, так, чтобы хорошо видеть и слышать стоящего впереди Мухаммеда. Женщины становились сзади - не потому, что их почитали существами низшими, а для того, чтобы их вид не отвлекал мужчин от молитвы.

Последователям Мухаммеда тонкости новой веры давались нелегко, даже обрядовая сторона таила в себе массу неожиданностей и опасных противоречий. Мухаммед никогда не отказывался объяснить в десятый и в сотый раз смысл каждого правила, предписанного Богом.

Мир Мухаммеда - населенный джиннами и ангелами, пронизанный постоянным незримым присутствием Бога - был гораздо сложнее нашего реального мира;

в объяснениях Мухаммеда смысла и пользы того или иного правила рациональное почти всегда соседствует с фантастическим, сказочным, но в основе его предписаний всегда лежит нечто первично-рациональное, правда рациональное, разумное в смысле религиозном - такое, что, по его собственным наблюдениям, полезно соблюдать в том числе и для лучшего постижения веры.

Так, Мухаммед настаивал, что очищение есть одно из условий веры, и требовал, чтобы верующие во время очищения, помимо всего прочего, не забыли промыть нос водой и вычистить зубы. Он считал, что чистить зубы лучше всего палочкой из дерева акации - мисуаком, так как мисуак обладает следующими полезными качествами: чистит рот, удовлетворяет Господа, радует ангелов, просветляет глаза, придает блеск зубам, укрепляет зубы и отгоняет зубную боль, способствует пищеварению, удаляет мокроту и усиливает действенность молитвы. После еды, по утверждению Мухаммеда, мисуак лучше двух служанок, и ангел Джибрил велел ему употреблять для очищения рта именно мисуак.

Промывать нос водой по утрам нужно и потому, что во время сна в носу поселяются духи.

Начинать день омовением и молитвой необходимо опять-таки из-за дьявола - во время сна он завязывает на затылке человека три узла, прибавляя при этом:

"Пусть будет для тебя долга ночь - спи же!" Когда, проснувшись, верующий вспомнит Бога -

развязывается один узел; когда он положенным образом вымоется - развязывается второй узел; а когда верующий помолится исчезает третий, и последний, узел, завязанный дьяволом. Тогда, объяснял Мухаммед, человек с самого утра будет в хорошем настроении и душа его будет спокойна; если человек этого не сделает, утром он будет смущен и подавлен.

Во время омовения, учил Мухаммед, не лезь грязной рукой в сосуд с водой - сперва вымой руки, а уже затем черпай ими воду из сосуда и поливай себя. Для омовения годится только чистая вода - однажды использованная вода сразу же становится нечистой, поэтому мыться в тазу все равно что мыться в собственной грязи. До сих пор бедуины, во многих отношениях, на наш взгляд, не столь уж чистоплотные, с удивлением и отвращением смотрят на "грязных европейцев", усвоивших странную привычку мыться в тазу или в ванне и наивно считающих себя чистыми после такого, с позволения сказать, купания.

Большинство предписаний о ритуальной чистоте не было выдумано Мухаммедом - они существовали у арабов задолго до его рождения, но соблюдались не повсеместно и без особого прилежания. Мухаммед лишь выбрал из существующих обычаев наиболее, с его точки зрения, целесообразные, упорядочил их и от имени Бога провозгласил строго обязательными для каждого верующего. В основе этих предписаний когда-то, несомненно, лежали интуитивно найденные полезные меры гигиены и санитарии, которым для прочности и незыблемости Мухаммед придал силу религиозных законов. Полное омовение тела после любого соприкосновения с нечистотой - после естественных отправлений человека, прикосновения к трупам, после общения с женами и т. д. - требование разумное, и соблюдение физической чистоты, несомненно, отражало характер и привычки самого Мухаммеда, который с юности отличался чистоплотностью. Но для Мухаммеда почти каждое действие неизбежно приобретало и глубокое магическое значение, способно было вызвать потрясения в сверхчувственном мире, нередко роковые для земной и загробной жизни человека. Поэтому не менее важно для верующего соблюдать и предписания, лишённые примитивно-рационального смысла, так как по силе своего конечного воздействия на реальный мир они могут быть еще более полезными.

Мухаммед, в отличие от многих других религиозных реформаторов, намеревался осуществить новый строй жизни, основанный на братской любви и справедливости, не за стенами монастыря, не разрывая естественных отношений между людьми, а сохраняя и семью, и собственность, и привычный род занятий. Он считал, что вера ниспослана в первую очередь для построения справедливой, а потому максимально счастливой жизни именно здесь, на земле.

Провозгласив символ новой веры: "Свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед - посланник Аллаха!" - каждый новообращенный тем самым клятвенно обещал изменить свою эгоистическую природу и строить отношения с другими верующими на основах братской любви, ибо, как настаивал Мухаммед, "после поклонения Богу самое лучшее дело - любить друг друга".

"Вы не войдете в царство Божье, - говорил Мухаммед последователям, - пока вы не будете иметь веры;

и вы не исполните веры до тех пор, пока не будете любить друг друга".

Справедливость и любовь прежде всего должны торжествовать в семье, причем семья, в соответствии со сложившимися у арабов идеалами, должна быть строго патриархальной. Глава семьи, муж, обязан любить жену (или жен) и заботиться о ее материальном и духовном благополучии; жена должна быть благочестивой и преданной своему мужу. Так же надлежит относиться и родителям ко всем своим детям - убийство новорожденных девочек Мухаммед осудил как страшный и непростительный грех; отметим, что его осуждение оказалось исключительно действенным, и этот ужасный обычай через несколько десятилетий был

совершенно забыт всеми арабскими племенами, в средние же века случаи убийства новорожденных среди мусульман встречались реже, чем среди христиан.

Дети, в том числе и взрослые, заботятся, почитают и подчиняются своим родителям; благочестивый сын даже мысленно не должен попрекнуть чем-нибудь своего отца или мать.

- К родителям - благодеяние, - повелевал Бог устами Мухаммеда. - Если достигнет у тебя старости один из них или оба, то не говори им - тьфу! и не кричи на них, а говори им слово благородное.

Рабство не отменялось, но Мухаммед провозгласил, что мусульманин не может быть рабом мусульманина. Если ты верующий и твой раб принял ислам, то ты должен немедленно и без всякого выкупа освободить своего брата. Но даже если раб не мусульманин, то и тогда отпустить его на волю - дело богоугодное и похвальное, потому что как-никак все люди - братья, в том числе и те из них, до которых пока, по их душевной слепоте и в соответствии с промыслом Бога, голос истинной веры еще не дошел. Сам Мухаммед первый подавал этому пример - он освободил не только Зайда, которого вслед за тем усыновил по всем правилам, но и еще нескольких рабов - все они стали впоследствии верными мусульманами и преданными его соратниками.

Так же поступали и другие, у которых было достаточное состояние, например Абу Бакр энергично содействовал обращению в истинную веру нескольких своих рабов, которых освободил без выкупа, как только они приняли ислам.

Отношения братской любви и справедливости должны были воцариться и между господами и их слугами.

- Ваши слуги - это ваши братья, которых Бог поставил под вашу власть, учил Мухаммед. - Всякий, кто является господином своего брата, должен давать ему есть то, что он ест сам, и одевать его так же, как он одевается сам. Не заставляйте ваших слуг делать непосильную работу, а если это случится помогите им. Отдавайте работнику плату его прежде, чем высохнет его пот.

Обычай кровной мести отменялся, и запрещалось убивать "всякую живую душу, которую Бог запретил убивать, если только не по праву". За убийство верующего - вечные мучения в аду, если только убийство не произошло случайно; тогда с убийцы следует взыскать цену крови. Самое же лучшее, учил Мухаммед, если вы простите убийцу, но и в справедливом отмщении нет греха просто в глазах Бога взыскивающий свое по праву ниже того, кто нашел в себе силы чистосердечно простить обидчику и оскорбителю.

Сгладить вопиющие различия между богатством и бедностью, трудно совместимые с братской любовью, призван был выдвинутый Мухаммедом принцип милостыни - тот не "очищает" себя, кто не проникнут постоянным стремлением помочь ближнему, сделать ему добро, и в первую очередь прийти к нему на помощь, если он беден. Поэтому каждый верующий должен постоянно творить милостыню, что для зажиточных означало в том числе отдавать часть своего имущества в пользу бедняков и неимущих, накормить голодного, напоить жаждущего. Когда после смерти верующий предстанет перед лицом Бога, объяснял Мухаммед, тот его спросит:

- Почему ты не накормил меня, когда я был голоден?

- Но как я мог накормить Тебя, владыку мира, Тебя, в чьей власти находится все?

- Такой-то, - скажет Бог, - был голоден, а ты не накормил его.

Тот, кто не творит милостыню, нарушает важнейшую заповедь Бога и поэтому не может быть

верующим, не может вступить в общину, создаваемую Мухаммедом.

Милостыня была обязательной, но размер ее оставался делом совести каждого верующего. Сам Мухаммед, не задумываясь, растрачивал и свое имущество, и имущество Хадиджи на помощь беднякам и выкуп рабов. Его последователи передавали деньги Мухаммеду, который и распределял их среди членов общины, а также творили милостыню сами, в тайне от других верующих.

Всеми средствами общины распоряжался, как уже говорилось, сам Мухаммед, честность и справедливость которого не вызывали ни у кого подозрений, никаких трений на этой почве среди верующих не возникало;

ничего из этих денег ни себе лично, ни своим близким и родственникам не брал, наоборот, без всякого сожаления расставался со своим богатством, так что в скором времени сам превратился из человека зажиточного в человека, по уровню жизни стоящего ниже большинства других членов общины.

Община, во главе которой стоял Мухаммед, была невелика, и очень богатые люди в нее не вошли. В ней с самого начала не было ни кричащей роскоши, ни крайней нищеты. В такой небольшой общине обязательная милостыня оказалась действенным средством временного сглаживания имущественных различий, угрожающих сплоченности и солидарности верующих. Мухаммед осудил всякую роскошь - в одежде, в еде и питье, верующие должны были избегать дорогих украшений, не пользоваться шелковыми материями, не заводить слишком много одежды, дорогой утвари. В общине господствовал дух умеренности, который Мухаммед поддерживал сознательно и настойчиво.

В Мекке, как и повсеместно, гордость богатством оборачивалась презрением не только к бедности, презрение переносилось и на личность бедняка. Неимущего презирали, к нему относились с полным пренебрежением, его мнение никого не интересовало, он был ничтожество, пария в обществе. Против такого проявления имущественного неравенства Мухаммед выступил наиболее решительно. Бедняк, лишенный греха гордыни и оберегаемый бедностью от греховных соблазнов мира, имеет больше шансов заслужить блаженство в будущей бессмертной жизни на небесах, в то время как большинство богачей будет неизбежно мучиться в аду - вот когда они позавидуют беднякам, вот когда поймут, что ниспосланное им в земной жизни богатство было лишь ловушкой, западней, поставленной Богом, испытанием, которого они не выдержали, возгордившись, вообразив, что богатство - их личная заслуга. Поэтому бедняк ближе к Богу, чем богач, и если человеку простительно гордиться, то гордиться нужно скорее бедностью, а не богатством. Бог любит людей, добывающих себе пропитание трудом, утверждал Мухаммед.

Мухаммед настойчиво добивался от своих последователей, чтобы в повседневном общении друг с другом они забыли об имущественном неравенстве, как будто его вовсе и не было; в общине верующих с бедности была снята печать позора, бедняки освобождались от нравственного унижения и могли рассчитывать на полное уважение к своей личности. Подвижничество в делах веры было гораздо важнее в общине, чем богатство, и Мухаммед первый являл тому пример - избранник Бога на глазах у всех быстро превращался в бедняка, нисколько этим не огорчаясь и никому не завидуя. Сам он относился к беднякам так же, как и к зажиточным членам общины. Его дом был всегда открыт для неимущих мусульман, с которыми он охотно беседовал и которых, когда наступало время трапезы, он не забывал пригласить к столу как дорогих гостей, а не как нищих, которым оказывает благодеяние. При этом Мухаммед не лицемерил и не делал над собой никакого усилия - для него, пророка и проповедника, бедняк и богач как личности представляли одинаковый интерес.

Творить милостыню обязаны были все верующие, а не только достаточно зажиточные, понятие милостыни Мухаммед расширил, понимая под этим практику добрых дел, поступков,

продиктованных любовью к ближнему. Доброе, ласковое слово к брату по вере, сочувствие в горе, любая помощь и услуга - все это милостыня. Только Бог, учил Мухаммед, может знать, какого рода милостыня представляет собой наибольшую заслугу. Человек, который поднял и отбросил с дороги колючую ветку, в глазах Бога, возможно, совершил более существенный акт милостыни, чем человек, пожертвовавший часть имущества, - ведь его поступок был продиктован бескорыстной любовью к ближним как созданиям Бога, он оберегал от опасности изранить ноги равно и злого, и доброго, и своего врага, и своего друга, и даже вовсе незнакомых ему людей. Поэтому у бедняка не меньше возможностей подавать милостыню, чем у богача, и в этом отношении они равны.

Когда человек из малого достатка, учил Мухаммед, приобретенного собственным трудом, оказывает посильную помощь другому, то это бывает самой угодной для Бога милостыней.

- Каждое доброе дело есть дело милосердия, - говорил Мухаммед, - и разве не доброе дело встретить брата своего с приветом и налить воды их меха своего в его кувшины? Рассудить двоих людей есть милосердие; и помочь человеку сесть в седло и поднять ему его мешок есть милосердие; и доброе слово, которое говорят в благодарность, и кроткий ответ вопрошающему есть милосердие; и удаление того, что причиняет неудобства людям, есть милосердие. Милостыня есть долг каждого верующего. Тот, кто не имеет для нее средств, пусть творит добрые дела и удерживается от зла, и это будет его милостыней.

- Милостыня - когда вы приветливо улыбаетесь брату своему; милосердие когда вы побуждаете к доблестным поступкам и удерживаете от незаконных дел;

милосердие - когда вы указываете дорогу людям, потерявшим ее, и когда вы помогаете слепому.

Осуждение богатства и роскоши, направленное против мекканских верхов, Мухаммед дополнил утверждением, что власть находится "в руках злых", что целиком отвечало чувствам его сторонников, лишенных существенного влияния на городские дела.

Каждый последователь Мухаммеда должен был отречься от язычества, и хотя в Мекке существовала веротерпимость, такое отречение от религии своего племени и своих предков не могло не сопровождаться конфликтами. В этих условиях Мухаммед провозгласил полную свободу совести - нет принуждения в вере, утверждал он, Бог сам знает, кого направить на истинный путь, а кого оставить в заблуждении; притеснение инакомыслящего - тяжкий грех в глазах Бога.

Община, созданная Мухаммедом, жила напряженной духовной жизнью, пытаясь путем перевоспитания и углубления веры в единого всемогущего Бога воплотить идеалы справедливости и братской любви. Обязательными для каждого верующего были лишь молитва и милостыня, остальные требования неписаного устава последователей Мухаммеда не были точно определены, и их выполнение никем не проверялось. Всеобщее рвение было настолько велико, что вскоре немногочисленных мусульман легко было узнать даже по их внешнему виду - от остальных мекканцев они отличались желтыми лицами и запавшими воспаленными глазами - следами добровольных многочасовых ночных молитв, строгой, нередко излишней умеренности в пище и неустанных трудов во имя веры, которые приходилось совмещать с повседневными, обычными деловыми занятиями. Все держалось на энтузиазме пророка и его спутников, на искреннем воодушевлении новообращенных.

Три года, по единогласному свидетельству арабских историков, продолжалась тайная, скрытая от глаз непосвященных, пропаганда Мухаммедом созданной им религии, три года потребовалось Мухаммеду на то, чтобы обратить на истинный путь примерно пятьдесят мекканцев, преимущественно курайшитов, укрепить их в новой вере, создать из них религиозную общину, прочно сцементированную взаимным побратимством и всецело

преданную лично ему, Мухаммеду, своему духовному главе, пророку и посланнику Бога.

Продолжалось ли в этот период общение Мухаммеда с Богом, нисходили ли на него новые откровения? Нет, категорически утверждают первые биографы пророка, Аллах не посылал Мухаммеду никаких новых отрывков из Корана, все это время, начиная с памятной ночи месяца рамадана 610 года и до 613 года, в течение трех лет, длился перерыв в откровениях.

К концу этого трехлетнего периода первоначальный подъем и энтузиазм сменились у Мухаммеда тяжелой депрессией. Гнетущая тоска и безнадежное отчаяние, сомнение в своей избранности и пророческой миссии мучительно преследовали его. Молитвы и посты, религиозные размышления и созерцание, поддержка преданной Хадиджи и многочисленных единомышленников, уверовавших в него как посланника Бога, не помогали, подавленное состояние не проходило, наоборот, депрессия становилась все глубже и невыносимее, все чаще и настойчивее возвращался Мухаммед к мысли о самоубийстве. Покинула ли в этот период Мухаммеда полнота веры? Полнота веры несовместима с отчаянием, именно поэтому грех уныния во всех религиях считается одним из самых тяжелых грехов, искренняя вера в принципе исключает такое душевное состояние, когда жизнь кажется непереносимой и безысходной. Очевидно, в минуты отчаяния Мухаммед терял не только веру в свою связь с Богом, в глубинах подсознания начинала колебаться вера и в самого Бога, и в загробную жизнь, в которой для неверных и самоубийц уготованы вечные муки в аду.

Глубокую тоску, охватившую Мухаммеда, объясняют обычно только тем, что в течение трех лет он ни разу не слышал голос Бога, ни разу не получал откровений, ни разу к нему не являлся ангел Джибрил; Мухаммед, естественно, чувствовал себя покинутым, брошенным на произвол судьбы, уверенность в своем пророческом даре, вдохновившая его на проповедь новой религии, заколебалась, временами он приходил к убеждению, что он не пророк, а стало быть, и все начатое им ошибочно и бессмысленно. Но, возможно, временная потеря пророческого дара являлась не единственной причиной сложного духовного кризиса, который переживал Мухаммед на исходе третьего года своей проповеднической деятельности. Несколько десятков новообращенных за три года - такой результат нельзя признать блестящим. Мухаммед не мог не видеть, что распространение новой веры идет недопустимо медленно, при таких темпах торжество истинной веры над идолопоклонством становилось сомнительным, все грандиозное предприятие грозило окончиться созданием жалкой секты. Не могло не смущать Мухаммеда и то обстоятельство, что среди его сторонников преобладали люди незначительные, не пользующиеся почти никаким весом в племени курайшитов, в то время как люди влиятельные, выделяющиеся своим умом, богатством или воинской доблестью, явно сторонились его. Очевидно, тайная проповедь исчерпала себя, Мухаммеду нужно было искать новые формы борьбы.

Вполне допустимо предположить, что накопленный за три года опыт показал Мухаммеду, что проповедуемую им религиозную систему нужно каким-то образом видоизменить, усовершенствовать, сделать приемлемой и привлекательной не только для тех, кто ходом своей внутренней жизни был самостоятельно подготовлен к принятию единобожия и разрыву с идолопоклонством, но и для тех (а они составляли подавляющее большинство мекканцев), кого издревле существовавший в Мекке культ богов вполне устраивал. Трехлетний перерыв в откровениях означал, что почти все, чему учил Мухаммед в этот период, нельзя рассматривать как непреложные и не подлежащие изменению божественные повеления; тем самым путь для усовершенствования и уточнения религиозной концепции оставался не только открытым, но и значительно облегченным. Своевременно ниспосланное откровение могло в нужный момент "узаконить" в глазах верующих (и самого Мухаммеда) всякое целесообразное изменение религиозной теории или религиозной практики, если того потребуют обстоятельства.

Духовный кризис, вызванный внутренними и внешними причинами, протекал у Мухаммеда исключительно тяжело. Как долго продолжалась депрессия, мы не знаем. Рассказывают, что

Мухаммед выглядел подавленным и угрюмым, постоянное общение с верующими стало угнетать его, он вновь полюбил одинокие прогулки в безлюдных и диких окрестностях Мекки. Неоднократно уходил из дома на рассвете с твердым намерением покончить с собой, бросившись в пропасть, но как только он поднимался на край пропасти, ему являлся Джибрил со словами: "Ты - пророк Бога", и тотчас мучительное беспокойство покидало Мухаммеда и к нему на время возвращалось самообладание.

Однажды, по словам Мухаммеда, когда он в полном одиночестве бродил в окрестностях Мекки, он увидел ангела - того самого ангела, который посещал его на горе Хира; ангел восседал на огромном троне между тучами и землей, и Мухаммеда при виде его охватил ужас. В страхе вернулся он к Хадидже и попросил укрыть его.

Закутавшись с головой в плащ, лежал Мухаммед в беседке, когда на него наконец вновь снизошло откровение, и он услышал голос, который мог быть, конечно, только голосом Всевышнего:

О завернувшийся!

Встань и увещевай!

И Господа твоего возвеличивай!

И одежды свои очисти!

И скверны беги!

И не оказывай милость, стремясь к большему!

И ради Господа твоего терпи!

Для Мухаммеда и его соратников это было не только концом тягостного перерыва в откровениях, восстановлением живой связи с Богом, подтверждением пророческой миссии Мухаммеда. Полученное откровение содержало прямое приказание начать публичную проповедь новой веры. До этого, по мнению некоторых мусульманских историков, в течение трех лет Мухаммед потому тайно распространял свое учение, что в первом (или в первых) откровении никакого повеления проповедовать веру, собственно, не содержалось. Теперь же Мухаммед получил приказание приступить к публичной проповеди.

Глава 10

"Глаголом жги сердца людей "

Первая проповедь с холма ас-Сафа

Неудача проповеди

Мухаммед обращается к хашимитам

Годы творческого подъема

Высокая поэзия Корана

Клятвы Бога

Мухаммед предвещает воскресение из мертвых и загробную жизнь

Описание ада и рая

Тайная проповедь Мухаммеда, собственно, не являлась ни для кого секретом. Совместные собрания и ночные молитвы в окрестностях города, постоянное общение верующих между собой не могли остаться незамеченными в маленькой, тесно застроенной Мекке.

Соплеменники Мухаммеда, несомненно, знали, что он и его сторонники то ли ханифствуют, то ли ударились в сабейство, но жизнь новой секты была окутана интригующим покровом таинственности, возбуждающим естественное любопытство, порождающим самые невероятные толки, подогревающим интерес к Мухаммеду и его деятельности. Тем самым трехлетняя тайная проповедь позволила Мухаммеду не только создать сплоченную общину, не только уточнить кое-какие детали созданной им религиозной системы, но и подготовить общественное мнение Мекки к своему выступлению в роли пророка и посланника Бога.

В вольном городе Мекке не было ни правителя, ни правительства как такового. Город представлял собой федерацию кланов, на которые раздробилось славное племя курайшитов. Порядок надежно поддерживался обычаем кровной мести, свои внутренние дела каждый клан решал самостоятельно, а общегородские вопросы обсуждали сообща главы всех кланов, встречавшиеся по мере надобности в Доме собраний, расположенном поблизости от Каабы. Но и каждый житель города имел право созвать своих сограждан - на деле к этому праву прибегали только тогда, когда возникала острая необходимость срочно оповестить весь город о каком-нибудь событии чрезвычайной важности, например о внезапном появлении в окрестностях города враждебно настроенных кочевников.

Этим правом и решил воспользоваться Мухаммед, чтобы собрать всех курайшитов на свою первую публичную проповедь.

Ранним утром, когда город еще только проснулся и жители не успели разбрестись по своим делам, Мухаммед поднялся на вершину невысокого холма ас-Сафа, расположенного почти в центре Мекки, и стал выкрикивать оттуда традиционный призыв к общему собранию.

- Сыны Абд аль-Мутталиба! Сыны Абд Манафа! Сыны Курайша! - кричал Мухаммед с вершины ас-Сафы так громко, что голос его в утренней тишине разносился по всему городу; он перечислил все кланы и вызвал полный переполох среди ничего не подозревающих мекканцев.

Поспешно выбегали курайшиты из своих домов и спешили на его призыв; некоторые захватывали с собой оружие и на ходу перепоясывались мечами. Вместе с мужчинами к холму ас-Сафа-направились и многие женщины, горя желанием поскорее узнать о грозящей городу опасности.

Лишь немногочисленные единоверцы Мухаммеда знали, что под видом чрезвычайного сообщения посланник Бога намерен перед всем племенем курайшитов произнести проповедь, и, наверное, они верили, что с помощью всемогущего Бога в этот исторический день произойдет чудо: закосневшие в невежестве и идолопоклонстве, сердца курайшитов очистятся, и они здесь же, у подножия холма ас-Сафа, предадут себя единому истинному Богу, станут мусульманами. Однако те из курайшитов, которым были хорошо известны религиозные увлечения Мухаммеда, увидев его на вершине ас-Сафы, прекрасно поняли, что никакая опасность городу не грозит и речь пойдет, по-видимому, о вещах не столь уж важных.

Впрочем, всеобщее внимание было велико, и собравшаяся огромная толпа стала внимать Мухаммеду в напряженном молчании.

Мухаммед говорил о едином Боге. Он называл его всемогущим, Аллахом это имя курайшиты хорошо знали, они даже почитали Аллаха наряду с другими богами, в некотором смысле и Кааба была домом в том числе и этого самого Аллаха, которому, кстати сказать, весьма полезно было молиться во время путешествий по морю, здесь же, на суше, особого проку от

Аллаха не было. Мухаммед называл своего единого Бога также рахманом, милосердным, - это слово было совершенно незнакомо курайшитам. "Что такое рахман?" - в недоумении спрашивали они друг друга. В целом то, что Мухаммед говорил о Боге, страшном суде и бессмертии в загробном мире, не было неожиданным, все это сильно напоминало местами учение сабиев, местами - учение христиан и иудеев. Курайшиты, широко, хотя и поверхностно знакомые с различными религиями, не усмотрели в словах Мухаммеда о Боге ничего нового и оригинального: Мухаммед ударился в сабейство - был почти единодушный вывод курайшитов.

Чисто теоретическая часть проповеди Мухаммеда показалась собравшимся малоинтересной. Внимание толпы стало рассеиваться уже после первых же его слов, то тут, то там стали раздаваться возмущенные голоса - мол, нечестно и неблагородно ради подобной болтовни созывать весь город, воспользовавшись сигналом тревоги. Когда же Мухаммед сообщил курайшитам, покрывая шум толпы, что он является не кем иным, как посланником и пророком всемогущего Аллаха, общее раздражение и негодование нашло наконец выход - на Мухаммеда посыпались насмешки, каждый наперебой изощрялся в остроумии, толпа стала свистеть и улюлюкать, голос Мухаммеда потонул в общем шуме.

Возмущение курайшитов, обманном путем собранных на проповедь, было вполне оправданным, и все же следует отметить, что взрыв народного негодования произошел не совсем стихийно. Богатые мекканские купцы, по-видимому, хорошо знали, что за невинной теоретической частью должна последовать часть, так сказать, практическая, отнюдь для них не безразличная - всеобщее равенство и братство всех людей, восхваление бедности и осуждение богатства, идущее от Бога требование освободить рабов, принявших новую веру, и творить милостыню - жертвовать значительную часть своего богатства в пользу бедняков. И богатые мекканские негоцианты сделали, конечно, все от них зависящее, чтобы сорвать проповедь Мухаммеда и натравить на него толпу, и так уже достаточно недоброжелательно настроенную по отношению к нему. Особенно усердствовал, по словам преданий, родной дядя Мухаммеда, надменный Абд аль-Узза: вместе со своей женой Ум Джамиль он первый под бурное одобрение толпы начал выкрикивать в адрес Мухаммеда насмешки и оскорбления. В ответ Мухаммед, лишенный возможности продолжать проповедь, также перешел к личным выпадам и угрозам, Абд аль-Уззе, в частности, он пообещал вечные и ужасные мучения в аду - его будут жечь на костре, а его любимая жена Ум Джамиль своими руками будет подкладывать в костер дрова. Из-за этого Абд аль-Уззу мусульмане прозвали Абу Лахабом ("Тот, кому уготовано место в аду"), и это прозвище утвердилось в истории.

Так, довольно-таки безобразно, окончилось историческое выступление Мухаммеда перед курайшитами. Никакого чуда не произошло, истина не проникла в черствые языческие сердца, с болью и возмущением расходились немногочисленные мусульмане, ставшие свидетелями унижения посланца Бога. и своей веры перед лицом идолопоклонников.

Как бы то ни было, публичной проповеди начало было положено, на немедленный успех сам Мухаммед вряд ли мог рассчитывать, хотя такого провала он, несомненно, не ожидал. И здравый смысл, и приказания, посылаемые Мухаммеду в откровениях, настоятельно требовали продолжать борьбу.

- Встань и увещивай! - требовал от Мухаммеда всемогущий, милосердный и грозный Бог. - Увещивай твою ближайшую родню. И склоняй свои крылья пред тем, кто следует за тобой из верующих. - Аллах накажет меня, если я ослушаюсь его приказаний, - объяснял Мухаммед тем из своих сторонников, которые пытались отговорить его от дальнейших попыток обратиться с проповедью к многолюдным собраниям курайшитов и советовали вернуться к испытанным методам пропаганды.

Курайшиты знали и любили ораторское искусство, в котором Мухаммед был дилетантом. Мухаммед, очевидно, понял, что он переоценил свои силы, когда дерзнул выступить с

проповедью под открытым небом, при ярком свете жаркого солнца, перед случайной и неподготовленной аудиторией. Поэтому от дальнейших выступлений перед огромными толпами соплеменников он отказался и решил следующую встречу с идолопоклонниками провести в более подходящих условиях. Вскоре он разослал приглашение влиятельным представителям своего клана. Обедневшие и утратившие прежнее влияние хашимиты, организаторы и вдохновители Конфедераций Добродетельных, уже давно находились в сильной оппозиции к мекканским верхам; и у Мухаммеда были основания рассчитывать, что ему удастся убедить их не только в превосходстве единобожия над язычеством, но и в целесообразности примкнуть к начатому им религиозному движению.

Около сорока хашимитов, все взрослые мужчины клана, откликнулись на приглашение Мухаммеда и пожаловали к нему в дом. Среди них были и дяди Мухаммеда - Абу Талиб, Аббас, Хамза, - и враждебно настроенный Абу Лахаб, один из виновников провала публичной проповеди.

Сперва гости и хозяин не говорили о делах, они обменивались традиционными приветствиями, взаимными пожеланиями мира и успеха. Потом был пир, во время которого прислуживал Али. Мухаммед потчевал собравшихся родственников бараниной. Когда гости наелись до отвала, так, что никто уже больше не в состоянии был есть, Али подал чашу с вином, и эту чашу наполняли до тех пор, пока все не были удовлетворены.

Только после такого щедрого угощения Мухаммед заговорил о деле, ради которого он собрал сородичей. Но и тут злобный и надменный Абу Лахаб помешал ему довести разговор до конца.

- Наш хозяин околдует нас, - сказал он якобы хашимитам, и по его сигналу все они поспешно простились и разошлись по домам.

Тогда Мухаммед вторично пригласил всех хашимитов к себе и опять обильно кормил и поил их. Опять блюдо с мясом наполнялось до тех пор, пока кто-нибудь еще мог есть, а кубок доливался, пока кто-нибудь изъявлял желание пить. Потом Мухаммед, на сей раз никем не перебиваемый, подробно разъяснил хашимитам и суть новой религии, открытой ему Богом, и свою собственную миссию как пророка и посланника Бога, а стало быть, первого, в глазах Бога, человека на земле, избранника, духовного главы всех, кто встанет на путь предания себя Богу, примет ислам. В глазах всевышнего и милосердного Бога те, кто последует за Мухаммедом, заслуживают всяческой награды не только в загробной жизни, но и здесь, на земле. С помощью всемогущего Аллаха победа истинной веры над жалким идолопоклонством обеспечена, а вместе с тем обеспечена и победа Мухаммеда и его соратников над всеми противниками, сколько бы их ни было, каким бы могуществом они ни обладали в настоящее время. Для него, Мухаммеда, хашимиты - самые близкие на земле люди, это просто удача и перст Божий, что именно из среды хашимитов избран пророк; если хашимиты последуют за ним, торжество и слава Мухаммеда и новой веры станут и их торжеством и славой.

Внимательно слушали хашимиты вдохновенную, дышащую полным убеждением и искренностью речь Мухаммеда. В божественные откровения, в то, что Мухаммед пророк, они не поверили. Но у Мухаммеда уже было несколько десятков последователей, и среди них мужчин почти столько же, сколько во всем клане хашимитов, а это была немалая сила. Движение, начатое Мухаммедом, явно было направлено против мекканских верхов, давних врагов большинства хашимитов и их союзников по Конфедерации Добродетельных, в этом отношении, каким бы провалом ни кончилось начинание Мухаммеда, особого вреда хашимитам оно не принесет. Но в том, что начинание Мухаммеда, несмотря на все его пророческое вдохновение и на временный успех среди людей незначительных, непременно окончится провалом, сомнений у хашимитов не было. И если они, хашимиты, примкнут в открытую к Мухаммеду, его неизбежное поражение обернется и для них окончательным

крахом.

- Бог повелел мне призвать вас на истинный путь, - закончил Мухаммед, по свидетельству преданий, свое обращение к хашимитам. - Кто же из вас последует за мной, кто станет моим братом, моим душеприказчиком и моим наследником?

Хашимиты ответили на призыв Мухаммеда полным молчанием, никто из них не захотел связать свою судьбу с судьбой начатого им религиозного движения. Тогда вперед выступил Али, самый младший среди присутствовавших, и, по его собственным словам, пылко воскликнул:

- О пророк Бога! Я буду твоим помощником! - а Мухаммед обнял его и, обращаясь к собравшимся, сказал:

- Вот мой брат, мой душеприказчик и мой наследник! Слушайте его и повинуйтесь ему!

Таким эпизодом закончилась якобы вторая встреча с хашимитами, вторая, заметим, и последняя, ибо, несмотря на всю любовь преданий к троекратному повторению важных событий, о третьей встрече Мухаммеда с хашимитами не упоминается. Уходя, гости посмеивались над Абу Талибом - не забыл ли он, что теперь ему следует повиноваться не только племяннику, но и малолетнему сыну?

Тем не менее встреча имела важные и благоприятные для Мухаммеда последствия - хашимиты убедились, что его проповедь не вредит их клану, и обещали не лишать Мухаммеда покровительства. Об этом ему вскоре сообщил Абу Талиб. Таким образом, Мухаммеду была обеспечена личная безопасность, он заручился косвенной, но чрезвычайно действенной и важной поддержкой своего клана и мог безбоязненно идти на риск обострения отношений со своими потенциальными противниками.

Впрочем, на первых порах открытая проповедь новой веры никакой опасной реакции со стороны курайшитов не вызывала - в Мекке господствовала широкая веротерпимость, и никому не возбранялось, в сущности, призывать в том числе и к единобожию. Мухаммед прославлял всемогущего и милосердного Аллаха и призывал курайшитов порвать с идолопоклонством; он "увещевал" их, как ему было приказано самим Богом, и напоминал им о вечных мучениях, которые ждут в загробной жизни всех идолопоклонников, всех, кто не повинуется божественным заповедям, требующим молиться, творить милостыню, относиться с братской любовью друг к другу, быть справедливым и очиститься от скверны греха, и признавать Мухаммеда пророком и посланником Бога, ибо "свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед посланник Аллаха". Материал для своих проповедей Мухаммед черпал из разных источников - из древних арабских преданий, из христианских апокрифических текстов, из ветхозаветных легенд, из персидских, близких к зороастризму, сказаний.

Но весь этот пестрый материал Мухаммед часто переосмысливал до неузнаваемости, он брал из него лишь то, что соответствовало и отвечало своеобразной религиозной системе, созданной им самим. Главную же основу проповедей Мухаммеда составляли послания самого Бога, получаемые им в откровениях, послания частые и поэтически вдохновенные.

Для самого Мухаммеда, как мы уже говорили, эти послания не являлись плодом его собственного творчества, он" Мухаммед, не имел к их созданию никакого отношения, это были отрывки небесной, написанной самим Богом книги - Корана. Поэтому в них все время говорит Бог, и только Бог, художественное и религиозное новаторство, которого не знали ни священные книги яхуди, ни писания насара. Все изложение ведется от лица Бога, и нигде, ни разу монолог Бога не прерывается словами Мухаммеда. Трудности, создаваемые подобным литературным приемом, были, конечно, громадными, зато верующие могли, что называется, из первых рук получить все сведения о Боге и его законах - неизвращенные, изложенные на

чистом арабском языке, ясные и понятные, как считал Мухаммед, для каждого, чьи ум и сердце не уклонялись безнадежно ко злу. Но над стихами Корана до сих пор ломают головы почтенные арабисты и не менее почтенные мусульманские богословы - увы, многие, очень многие места темны и непонятны, и были они темными и загадочными, допускающими различное толкование, по-видимому, уже тогда, в самый момент своего создания. Не стоит забывать, однако, что у поэзии свои законы, и там, где исламоведам и биографам пророка трудно докопаться до точного смысла коранических текстов, нередко ощущается наиболее мощный подъем поэтического вдохновения Мухаммеда.

В годы создания первых по времени сур Корана Мухаммед не обладал никакой властью, он никого не мог заставить поверить себе, он мог только убеждать, и этим страстным желанием убедить своих слушателей, в том числе и таких, которые к его словам относились враждебно, проникнуты в этот период и обращения Бога к людям. Чтобы заставить людей поверить себе, Бог постоянно клянется, вдохновенными и страшными клятвами подтверждает истинность своего бытия и основные положения новой веры.

Клятвы, пожалуй, представляют собой едва ли не самые поэтические места Корана, во всяком случае, они и в переводе сохраняют многие достоинства подлинника и позволяют нам понять, почему созданный Мухаммедом Коран заслуженно почитается как один из прекраснейших литературных памятников древности. Клятвы Бога, которыми часто начинаются отдельные суры, разнообразны.

Вот некоторые из них.

- Клянусь местом заката звезд! Клянусь тем, что вы видите, и тем, чего не видите! Клянусь Господом востоков и западов! Клянусь месяцем! И ночью, когда она повертывается, и зарей, когда она показывается! Нет, клянусь днем воскресения и клянусь душой порицающей! Клянусь посылаемым поочередно, и веющими сильно, и распространяющими бурно, и различающими твердо, и передающими напоминание, извинение или внушение! Клянусь движущимися обратно - текущими и скрывающимися, и ночью, когда она темнеет, и зарей, когда она дышит! Но нет, клянусь зарею, и ночью, и тем, что она собирает, и луной, когда она полнеет! Клянусь небом - обладателем башен, и днем обещанным, и свидетелем, и тем, о ком он свидетельствует! Клянусь небом, обладателем возврата. И землей, владелицей раскалывания. Клянусь зарею, и десятью ночами, и четом и нечетом, и ночью, когда она движется! Клянусь солнцем и его сиянием, и месяцем, когда он за ним следует, и днем, когда он его обнаруживает, и ночью, когда она его покрывает, и небом, и тем, что его построило, и землей, и тем, что ее распростерло, и всякой душой, и тем, что ее устроило и внушило ей распушенность ее и богобоязненность! Клянусь ночью, когда она покрывает, и днем, когда он засиял. Клянусь утром и ночью, когда она густеет! Клянусь мчащимися, задыхаясь, и выбивающимися искры, и нападающими на заре!

- Клянусь горой, и книгой, начертанной на свитке развернутом, и домом посещаемым, и кровлей вознесенной, и морем вздутым...

Такой клятвой начитает Бог суру, которая впоследствии получила название "Гора". Для современников Мухаммеда было, очевидно, понятно, чем клянется Бог:

"Гора", по всей вероятности, - это гора Синай, на вершине которой пророк Муса некогда получил от Бога откровения; "книга" - божественная небесная книга деяний людских либо сам Коран; "дом посещаемый" - Кааба; "вознесенная кровля" - скорее всего, горные вершины.

- Клянусь звездой, когда она закатывается! - восклицает Бог, и курайшиты в те далекие времена, несомненно, знали, что подразумевается под этой звездой; нам же остается гадать - что же это: Сириус? Венера? Но что бы ни понимал сам Мухаммед под закатывающейся звездой, этот поэтический образ, созданный почти полторы тысячи лет назад, продолжает

жить, может быть, именно потому, что он утратил ненужную конкретность: ведь для нас ни на Сириусе, ни на Венере не обитают никакие боги, а сами эти образы иначе используются в нашей поэтической символике.

Бог, по словам Мухаммеда, "един, вечен, нерождающий и нерожденный, не знающий себе равных"; он всемогущ и милосерден. "Поистине, мощь твоего Господа сильна! - увещевал сам Бог в суре "Башни". - Ведь Он начинает и возвращает. И Он - прощающ и любвеобилен, владыка трона, славный, совершитель того, что пожелает".

- Просят его те, кто в небесах и на земле, каждый день Он за делом.

- Аллах - податель надела, обладатель силы, мощный; ему принадлежит то, что на небесах, и то, что на земле. Господь обоих востоков и обоих западов, он сотворил человека из звучащей глины, и сотворил джиннов из чистого огня, и создал ангелов, и сделал их властителями огня. И всех ныне живущих людей создал всемогущий Аллах - из воды ничтожной, помещенной в прочном месте до известного срока, из капли семени, из воды изливающейся, которая выходит из хребта и грудных костей, создал в заботе, устроил и соразмерил. Я извел вас из земли и когда вы были зародышами в утробах ваших матерей - это ли не доказательство моего всемогущества, - спрашивал Бог, - вы творите или Мы творцы? Мы создали вас парами, и дали ночь для отдыха, и за добро всегда воздаем добром, почему же вам не поверить? И разве это не благодеяние и не милосердие? И на земле есть знамения для убежденных и в ваших душах. Разве вы не видите? Какое из благодеяний вашего Господа вы сочтете ложным?

- И небо Мы воздвигли руками, и солнце, и луну, ведь Мы - расширители. И землю Мы разостлали, и прекрасные устроили Мы! Из всякой вещи Мы устроили пару - может, вы задумаетесь! У Господа твоего конечный предел.

Это Он, который заставляет плакать и смеяться, который распределяет смерть и оживляет, обогащает и наделяет!

...Землю Он положил для тварей, на ней плоды, и пальмы, и злаки, и благоуханные травы. Он разъединил моря, готовые встретиться, и положил между ними преграды, через которые они не устремятся. Выходят из морей жемчуг и коралл, и бегут по ним корабли, высоко поднятые на море, как горы.

...Разве Мы не сделали землю вместилищем для живых и мертвых, и устроили на ней прочно стоящие, гордые, и напоили вас водой пресной? Разве Мы не сделали землю подстилкой и горы - опорами; и создали вас парами, и сделали ваш сон отдыхом, - ночь - покровом, а день - временем жизни; и построили над вами семь твердей, и сделали пылающий светильник, и низвели из выжимающих дождь воду обильную, чтобы произвести ею зерна и растения и сады густые?

Всякий, кто на земле, исчезнет, останется лишь лик Господа со славой и достоинством - какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

...Видите ли вы, что возделываете, - вы ли это сеете, или Мы сеем? Что стоит Нам обратить посевы ваши в сухой мусор? Видите ли вы воду, которую пьете, - разве вы ее низвели из облаков или Мы низводим? Ведь Мы могли сделать ее горькой, отчего же вы неблагодарны?

...Вы ли труднее для создания или небо? Он его построил, и воздвиг свод его, и омрачил ночь его, и вывел зарю; и землю после этого распротер, и вывел из нее воды и пастбища, и горы - Он утвердил их на пользу вам и вашим скотам. Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

...Пусть же посмотрит человек на свою пищу, как Мы пролили воду ливнем, потом рассекли

землю трещинами и взрастили на ней зерна, и виноград, и траву, и маслины, и пальмы, и сады густые, и фрукты, и растения - на пользу вам и вашим животным. Пусть посмотрит на верблюдов, как они созданы, и на небо, как оно возвышено, и на горы, как они водружены, и на землю, как она распростерта. Хвали же имя Господа твоего высочайшего!

Такими словами и образами воспевал Мухаммед своего всемогущего и милосердного Бога, обращаясь к курайшитам, погрязшим в идолопоклонстве. В задачу Мухаммеда вовсе не входило доказывать, что Бог есть. Каждый ребенок в Мекке, едва научившийся говорить, знал, что боги существуют, - весь вопрос заключался в том, один Бог или много, а если один - то какими свойствами он обладает. Описывая всемогущего Бога на все лады и с помощью доводов, действовавших на умы и чувства курайшитов, Мухаммед, по существу, косвенно опровергал многобожие - при таком всеильном Боге в мире просто не оставалось никакого места для других богов; если всем распоряжается один Бог, многочисленные боги курайшитов оказывались ни при чем; они - никчемные истуканы, от которых ровно ничего не зависит и которым не только греховно, но и совершенно бессмысленно поклоняться.

Боги курайшитов не давали людям бессмертия в потустороннем мире - если представления о бессмертии и бытовали среди арабов, то в самом неопределенном виде, и общим признанием они не пользовались. Идея же телесного воскресения была чужда арабам, в нее они не верили совершенно. Утверждая всемогущество Бога, Мухаммед не только ниспровергал идолопоклонство и многобожие, но и подготавливал своих слушателей к тому, чтобы они уверовали в телесное воскресение и последующее бессмертие в загробном мире.

- Разве можно сомневаться, - спрашивал Мухаммед, - что Бог при таком безмерном всемогуществе не способен собрать человеческих костей? Разве думает человек, что он оставлен без призора? Разве не был он каплей семени источника? Потом он был сгустком, и сотворил его Бог, и устроил, и сделал из него пару - мужчину и женщину; так разве Бог не может оживить мертвых? Пусть же посмотрит человек, из чего он создан, - поистине Бог в силах вернуть его в прежнее состояние, после того как он станет костями истлевающими. Воскресит в тот день, когда пожелает, только одно сотрясение и вот уже люди навеки бодрствующие.

Когда наступит воскресение из мертвых, Мухаммед никогда не говорил, так как Бог ему об этом не считал нужным сообщить. Но похоже, что в первые годы своей проповеди он нередко намекал, что этот страшный и великий день не за горами. Для тех же, кто воскреснет, время не будет ощущаться долгим, когда бы ни наступил день воскресения - в этот день они предстанут перед Богом так, как будто отлучились от жизни всего на один вечер или утро, обещал Мухаммед в своих сурах.

Да, день воскресения будет великим и ужасным днем, ибо он будет последним днем этого мира и этой жизни, днем страшного суда. Мухаммед в Коране не жалел поэтических красок, чтобы нарисовать картину фантастической катастрофы, которую переживет вся вселенная в день встречи божьих тварей со своим владыкой и творцом.

- В тот день небо заколеблется и горы придут в движение, и горе в тот день обвиняющим его (Мухаммеда) во лжи! Земля сотрясется сотрясением, и горы сокрушатся и станут рассыпаться прахом!

...В тот день дунут в трубу единым дуновением, и спасена будет земля, а горы раздроблены: небо расколется, и будет оно в тот день слабым. А по краям него ангелы, которые понесут трон Господа...

...В тот день небо будет как медь расплавленная, и горы будут, как шерсть.

...Он спрашивает, когда день воскресения. Вот когда ослепится взор, и затмится луна, и сольются солнце и луна, скажет человек в тот день: "Где бегство?" Так нет! Нет убежища!

Только к Господу твоему в тот день прибежище!..

...То, что вам обещано, готово случиться. И тогда звезды померкнут, и тогда небо расколется, и горы развеются... Горе в тот день обвиняющим во лжи! А считает день суда ложью лишь преступник грешный.

...В тот день - день разделения - подуют в трубу, и придете вы толпами. И небо откроется и станет вратами, и горы задвигаются и станут миражем.

...Когда солнце будет скручено, звезды осыплются, горы сдвинутся с мест, и десять месяцев беременные верблюдицы будут без присмотра; когда звери соберутся, и души соединятся, и моря перельются; когда зарытая живьем спросит, за какой грех она была убита, когда свитки развернутся, небо будет содрано, ад разожжен и рай приближен - узнает тогда душа, что она себе уготовила! Уготовила вперед и отложила!

...Сотрясется земля сотрясением великим, и извергнет земля то, что в ней, и опустеет, и скажет человек: "Что с нею?" - в тот день расскажет она, по велению Господа, свои вести. В тот день выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния; и кто сделал добра на вес пылинки - увидит его, и кто сделал зла на вес пылинки - увидит его... Вспомнит в тот день человек, но к чему ему воспоминание? Люди будут в тот день как разогнанные мотыльки. ...И не будет дано позволения, чтобы им оправдаться.

На суде, который совершит Бог в этот страшный день. оправдания будут не нужны - каждая душа будет видеть все, что она уготовила себе вперед и отложила, и будет обнаружено то, что в груди, самое скрытое и потаенное; и каждая душа будет знать, что Господь обо всем осведомлен. В полном одиночестве предстанет человек в день суда перед всевышним, и ни родные, ни друзья, ни племя не будут ему в тот день защитниками. И судить его будут не как курайшита, и не как араба или представителя какого-нибудь клана - все эти пережитки племенного и родового строя, несовместимые с единобожием, Мухаммед решительно убрал - в день суда предстанет человек в своем истинном виде - просто как личность, один на один & amp; Богом - ведь и на земле в первую очередь он связан с Богом, все же остальные его связи - второстепенные и опосредованные тем же Богом.

Каждый понесет только свою ношу, и каждому будет воздано воздаяние справедливо: грешники пойдут в ад, а праведники - в рай.

Но кого Бог сочтет грешником, а кого если и не праведником, то хотя бы заслуживающим милосердного отношения - ведь не надо забывать, что Господь полон всепрощения, любви и милосердия. Мухаммед не оставил без ответа этот важный вопрос, в своих поэтических сурах он нарисовал образ нечестивого грешника; и в противовес ему - образ человека богобоязненного, предавшего себя Богу, человека, который может смело рассчитывать на прощение и милосердие.

Грешники - это в первую очередь те, кто не уверовал в ясные знамения Бога, кто считает ложью день суда, кто обвиняет Мухаммеда, а тем самым Бога, во лжи. Этим грешникам нет прощения и нет спасения от ада. Отрицание Бога и страшного суда для них закономерно, ибо, влюбленные в жизнь ближнюю, в богатство, избалованные успехом, они возгордились и думают, что на них не найдется никакой управы даже в загробной жизни.

Не ведая страха перед загробной жизнью, они ведут себя отвратительно. По словам Мухаммеда, они грубы, препятствуют добру, не заботятся о том, чтобы накормить бедняка; они собирают и копят; когда их коснется зло - они печалются, а когда их коснется добро - становятся недоступными и надменными; они смеются над теми, кто уверовал, считая их заблудшими; они не почитают сироту, пожирают наследство едой настойчивой, любят богатство любовью упорной; они обвешивают и обмеривают - для себя взвешивают на всех весах тяжелых, а беднякам отвешивают на весах легких.

В день воскресения "выйдут (грешники) из гробниц поспешно, как будто они устремляются к жертвенникам, с потупленными взорами". Они - люди левой стороны, и в левую руку будет дана им книга, в которой записаны все их деяния.

"А они ведь лживо считали ложью Наши знамения, - говорится в одной из сур, в которой дается описание страшного суда, - но каждую вещь Мы сочли, записав - вкусите же, Мы не прибавим вам ничего, кроме наказания!" И тот, кому дана книга в левую руку, воскликнет: "О, если бы мне не дана была моя книга! И я бы не знал, каков мой расчет! О, если бы это было кончающим! Не избавило меня мое достояние. Погибла у меня моя власть!" И еще воскликнут они: "Мы не были среди молящихся, и не кормили мы бедняка, и мы погрязли с погрязшими, и мы объявили ложью день суда, пока не пришла к нам достоверность".

Ничто не сможет спасти этих закоренелых грешников, увлекавшихся страстью к умножению богатств, хулителей - поносителей истинной веры, собиравших богатство в надежде, что оно их увековечит. Горе им, горе! И паки горе им, горе! Не будет им позволено оправдываться, ибо это - день, когда не заговорят. Грешник хотел бы откупиться от наказания того дня своими сынами, и под ругой своей, и братом, и родом своим, который даст ему убежище, и всеми, кто на земле, - лишь бы его спасли. Так нет! Не будет ему спасения, и не найдется ему заступника. И не сможет он даже в этот день преклониться перед Господом - поздно!

Схватят его за длинную прядь волос, служившую ему при жизни знаком того, что он свободный, а не раб, - за этот почетный знак свободы схватят его, ибо он всегда был и всегда останется только рабом Бога, что бы он некогда о себе ни возомнил, схватят и низвергнут в ад. Или Бог скажет: "Возьмите его и свяжите! Потом в огне адском сожгите! Потом в цепь, длина которой семьдесят локтей, его поместите! Ведь он не верил в Аллаха великого, и не побуждал накормить бедняка. И нет для него сегодня здесь друга, и нет пищи, кроме помоев. Не ест ее никто, кроме грешников!"

...В тот день будут они ввергнуты в огонь геенны, тот самый огонь, который они считали ложью, - горите в нем! Терпите или не терпите-все равно для вас: вы только награждаетесь за то, что совершили.

...Грешники, владыки левой стороны, как постоянно называет их Мухаммед, будут мучиться в самуме и кипятке, в тени черного дыма, не прохладной и не благой. Они будут есть с дерева заккум, и наполнять его плодами животы, и пить за этим кипяток, как пьют истомленные жаждой. А дерево заккум, пояснил позднее Мухаммед, - это ведь дерево, которое выходит из корня геенны, плоды его точно головы дьяволов, а грешники едят их и наполняют ими животы.

И опять - огонь, искры которого разлетаются как желтые верблюдицы, и кипяток, не утоляющий жажды, и испепеляющий самум, и удушающая еда, и тень черного дыма, не спасающая от огня и не приносящая облегчения. Иногда в качестве питья для грешников добавляется гной - в этом аду грешники и пробудут века, не вкушая там ни прохлады, ни питья - и получают, как учил Мухаммед, воздаяние соответствующее.

В описании грешников Мухаммед в самых общих чертах набросал портрет тех, кого он и его сторонники считали своими главными противниками, характерно, что это богачи, притеснители сирот, поедающие наследства "едой настойчивой", вместо того чтобы поделиться богатством с бедняками, гордящиеся своей силой и властью на земле; они-то и не хотят верить в посланничество Мухаммеда, они-то и объявляют ложью день суда, их сердца глухи к проповеди истинной веры, и никакие знамения убедить их не могут. Богатым и влиятельным мекканцам, конечно, нетрудно было догадаться, против кого направлены эти Богом ниспосылаемые Мухаммеду стихи небесной книги.

В день суда, в день различения, предстанут перед Богом и люди правой стороны, для

которых уготован рай. Это, собственно, не праведники в точном смысле слова - безгрешных людей нет, просто они не совершили в своей жизни непрощительных грехов, а Аллах потому и называет себя милосердным и любвеобильным, что он готов простить прегрешения мелкие, совершенные по слабости человеческой, прегрешения, так сказать, непринципиальные.

Эти люди правой стороны - прежде всего верующие во всемогущего Бога и его посланника, и книга, в которой записаны все их деяния, будет дана им в правую руку - ведь они были творцами добро; была малая часть ночи, что они спали, и на заре они взывали о прощении, и в достоянии их была доля для просящего и лишенного. Они терпели решения своего Господа, прославляли его и утром, когда вставали, и ночью, и при обратном движении звезд. Они простирались перед Аллахом и поклонялись ему. И они не нарушали весов, устанавливали вес справедливо, то есть не обвешивали и не обмеривали, а торговали честно, - Мухаммед сам был торговцем и со своей проповедью обращался к торговцам, неудивительно, что и Бог высоко ценил купеческую честность и почитал ее как крупную заслугу, достойную того, чтобы учесть ее в день страшного суда.

Основные черты этого образа "людей правой стороны" неоднократно повторяются во многих сурах. Праведных людей Мухаммед называет молящимися, которые в своей молитве постоянны, верующими в день суда, страшась наказания своего Господа - ведь наказание Господа небезопасно; теми, которые соблюдают договоры и доверенное, которые прямо стоят со своими свидетельствами. Праведные не забывали очищать свою душу, они отпускали на свободу рабов, кормили в дни голода сироту из родственников или бедняка оскудневшего; они из тех, кто уверовал, и заповедал терпение, и заповедал милосердие. Стремления их различны, но они давали и страшились, и считали истиной прекраснейшее, и Бог облегчит их к легчайшему и удалит от них богобоязненных, приносивших свое достояние, чтобы очиститься, - пылающий, сводчатый огонь ада.

Награда праведным, предавшим себя Богу, - рай, ибо есть ли воздаяние за добро, кроме добра? Рай Мухаммед описал тогда в семи сурах, описал ярко и вдохновенно.

...Лица праведных в день суда благодные, своим стремлением довольные, в саду возвышенном. Не услышишь ты в нем болтовни. Там источник проточный, там седалища воздвигнуты, и чаши поставлены, и подушки разложены, и ковры разостланы...

...Поистине, ведь праведники в благоденствии на ложах созерцают! Ты узнаешь в их лицах блеск благоденствия. Поят их вином запечатанным, оставляющим после себя не тяжкое похмелье, а лишь аромат, и водой из специального источника, из которого пьют только приближенные, - таснима. ...Ведь для богобоязненных есть место спасения, и сады, и виноградники, и полногрудые сверстницы, и кубок полный. Не услышат они там ни болтовни, ни обвинений во лжи... А если он из приближенных, из владык правой руки, то покой, и аромат, и сад благодати, и "мир тебе!" от владык правой руки!

...Воистину, богобоязненные - среди садов и благодати, забавляясь тем, что дал им Господь. Ешьте и пейте во здравие за то, что совершили, возлежа на ложах, расставленных рядами. И Мы сочетаем их с черноглазыми, большеокими. Мы приведем к ним потомство их. И снабдим Мы их плодами и мясом из того, что пожелают. Они передают друг другу кубок - нет пустословия там и побуждения к греху. И обходят их юноши, подобные сокровенному жемчугу.

...А тому, кто боится Господа своего, - два сада густых.

В них два источника протекают. В них - всяких плодов два сорта. Опираются они на парчовые ложа, а сорвать плоды - близко. Там скромноокие, которых не касался до них ни человек, ни джинн, они - точно яхонт и жемчуг. Есть ли воздаяние за добро, кроме добра?

И помимо этих двух садов - еще два сада, темно-зеленые. В них два источника, бьющие

водой, и плоды, и пальмы, и гранаты. В них - добротные, прекрасные, черноокие, скрытые в шатрах, опирающиеся на зеленые подушки и прекрасные ковры... Благословенно имя Господа твоего, обладателя славы и почета!

...Владыки правой стороны, те, которые будут приближены, - в садах благодати; на ложах расшитых, облокотившись на них друг против друга: толпа первых и немного последних. Обходят их мальчики вечно юные с чашами, сосудами и кубками из источника текущего - от него не страдают головной болью и ослаблением, и с плодами, из тех, что они выберут, и с мясом птиц из тех, что пожелают. А черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому, в воздаяние за то, что они делали. Не услышат они там пустословия и укоров в грехе, а лишь слова: "Мир, мир!.." В тени протянутой, у воды текучей, среди плодов обильных, неистощаемых и незапретных и ковров разостланных. Мы ведь создали их творением и сделали их девственницами, мужа любящими, сверстницами, - для владык правой стороны.

Таким видел и воспевал Мухаммед рай - место торжества праведных, полного духовного блаженства и совершенной полноты чувственной жизни. Ведь воскресение, по представлениям Мухаммеда, есть реальное, телесное возвращение к вечной жизни, и вполне логично было оснастить эту реальную, а не чисто духовную и призрачную жизнь соответствующими, вытекающими из ее природы атрибутами. Впоследствии Мухаммед неоднократно возвращался к темам воскресения, страшного суда, ада и рая, вносил некоторые уточнения, добавлял новые детали, важные с точки зрения чисто богословской, часто высокопоэтические, но существенно не меняющие общей картины.

Христианские моралисты вот уже почти полторы тысячи лет яростно нападают на представления Мухаммеда - и воскресение, и страшный суд, и картины ада, в целом близкие христианскому вероучению, кажутся им вполне совместимыми с высокодуховной монотеистической религией, рай же Мухаммеда приводит их и поныне в праведное негодование. Не тенистые сады и источники, не изобилие плодов и всевозможных других кушаний смущают их, и даже не вино - все эти блага, отнюдь не духовные, поместили христиане и в свой рай. Целомудренные полногрудые небесные девы-гурии делают для них рай Мухаммеда оскорбительным и мерзким, явным свидетельством недостаточной чистоты и возвышенности веры мусульман. Под влиянием такой критики даже среди мусульманских писателей, стремящихся примирить несовместимые религиозные концепции - ислам и христианство, - иногда раздавались голоса, что, дескать, гурии и все прочее в раю Мухаммеда - чистая аллегория, иносказание, попытки для людей неразвитых сделать зримой и понятной картину чисто духовного блаженства. Нечто вроде кипящей смолы и раскаленных сковород, на которых будут поджаривать в христианском аду грешников, - ведь и они для просвещенного христианина наших дней лишь символ невыносимых духовных и нравственных страданий, а отнюдь не реальные орудия пыток.

Подобные рассуждения - явная натяжка. Все говорит за то, что и для Мухаммеда, и для его современников прекрасные гурии, населяющие рай, были такой же реальностью, как джинны и ангелы, и вовсе не какой-то аллегорией. И пробрались в рай эти сладостные небесные девы, родные сестры пери персидской мифологии, не случайно и не потому только, что Мухаммед, в отличие от основоположника христианства, никогда не скрывал своей любви к женской красоте. Религиозным представлениям Мухаммеда изначально была чужда ненависть к реальным проявлениям человеческой природы, ненависть, порожденная в христианстве отчаянием городских трущоб рабовладельческого мира. Дисциплина и самоограничение, готовность отречься от некоторых благ "ближней жизни" ради вечного блаженства в раю - это было, были и колебания в сторону то меньшего, то большего аскетизма, но ненависти и презрения к земной жизни у Мухаммеда не было никогда, как не было, по-видимому, и ожидания близкого конца света - день различения, день страшного суда грядет, но когда это произойдет - знает один Бог, и этот Бог требовал не отречения от жизни земной, а осмысленного ее переустройства в соответствии со своими божественными законами.

Подобное отношение к человеку не могло не сказаться и на представлениях о рае - туда перенесены все блага земной жизни, недоступные бедняку, все мечты человека эпохи Мухаммеда о ничем не омраченной радости. Черноокие гурии, хранимые в шатрах от жгучих лучей солнца подобно жемчужинам, не лишают рай Мухаммеда духовности, а тем более не делают его грубо-чувственным - Мухаммед недаром называет гурий "мужа любящими", они тоже часть несбыточной на земле мечты мечты об абсолютной взаимной любви, не омраченной сомнением и не оскверненной нравственными и физическими уродствами.

Но где же в раю место для праведных женщин, предавших себя Богу и уверовавших в то, что Мухаммед его посланник? Женщины в движении, начатом Мухаммедом, не играли существенной роли, не на них в первую очередь была рассчитана его проповедь, очевидно, поэтому в нарисованных им картинах рая о них ничего не говорится. Правда, правильнее было бы сказать "почти ничего", так как в одном месте Бог упоминает, что "Мы приведем их (мужчин) с потомством их", что можно понимать и расширительно, в смысле "с чадами и домочадцами", в число которых входят и женщины, отдельно от семьи и рода, по представлениям арабов, не существующие и существовать не могущие. Много лет спустя Бог уточнил картину рая, добавив, что не только с потомством, но и с женами, - возможно, что и жены самого Мухаммеда и жены его сподвижников немало потрудились над тем, чтобы картина рая стала более справедливой. Как они там уживались с гуриями и каким образом получалось для всех вечное блаженство - вопрос явно праздный, и не только праздный, но и продиктованный неверием во всемогущего Бога, эдакой попыткой протащить в рай с его высшими божественными законами примитивную человеческую психологию. Раз сказано будут блаженствовать, - значит, будут! Для Бога, творца вселенной, рая и ада, который может воскресить человека, право же, это задача пустяковая.

Что касается верной Хадиджи, то, по словам преданий, Мухаммеду было сообщено, что ей за добродетели Господь уготовил на небе прекрасный дом кассаб, дом из поллой жемчужины, в котором тишина и покой. Тишина и покой что может быть прекрасней?

Глава 11

От мира к вражде

Требования чудес

Споры с нечестивыми

Попытки подкупить Мухаммеда

Переговоры с Абу Талибом

Оскорбления, клевета, травля

Мухаммеду и его сторонникам закрывают доступ к Каабе

Первая кровь в исламе

Мухаммед переселяется в дом аль-Акрама

Проповедь Мухаммеда в первое время больше всего отвечала полученному им от Бога приказу "увещевать"; он призывал внять голосу Бога, и его не покидала надежда, что курайшиты одумаются.

- За союз курайшитов, - призывал Бог устами Мухаммеда, - союз их в путешествии зимой и летом... Пусть же они поклоняются Господу этого дома, который накормил их после голода и обезопасил после страха!

Бог и раньше любил курайшитов, это он обезопасил Мекку от угрозы завоевания йеменцами и эфиопами пятьдесят лет назад, к курайшитам он и сейчас питает особую, так сказать, симпатию, для них в первую очередь посылается Коран - книга на чистом арабском языке.

В другой суре прямо утверждается, что именно Аллах расправился с войсками Абрахи, подступившими к Мекке, - это он расстроил козни "владельцев слона" и послал на них птиц стаями - бросали в них птицы камни из обожженной глины, и сделал их Бог подобными "ниве со съеденными зернами". Старый, давно известный курайшитами сюжет переосмыслен - не боги Каабы спасли Мекку в "год Слона", поразив войска Абрахи моровой язвой, скорее всего черной оспой; нет, утверждает Мухаммед, это чудо совершил всемогущий Аллах, совершил ради курайшитов.

Несмотря на видимую любовь Бога к курайшитам, его милосердие и ясные знамения его всемогущества, курайшиты не вняли мирной проповеди Мухаммеда, более того, на увещания пророка и посланника Бога они ответили злостной контрпропагандой.

Всемогущество Аллаха курайшиты не признавали, всю систему доказательств, выдвинутую Мухаммедом, - сотворение Богом земли, человека и т.д. - они считали несерьезной. Вызывая Мухаммеда на публичные споры, курайшиты требовали от него более строгих доказательств, и излюбленным их приемом было просить Мухаммеда о чуде - пусть-де по молитве Мухаммеда Бог сотворит хоть небольшое чудо, ведь ему это ничего не стоит сделать, а они, курайшиты, тотчас же уверуют. Заодно они увидели бы и "достоинство Мухаммеда перед Богом". Попроси своего Бога, уговаривали они Мухаммеда, Бога, который, как ты уверяешь, когда-нибудь воскресит всех, воскресить сейчас хотя бы одного человека - например, Курайша, ведь он был старец правдивый, ему бы курайшиты поверили. Или отодвинь от города горы, которые со всех сторон теснят его, или выведи пресные источники, которые оросили бы безжизненные окрестности Мекки. Ты грозишь нам карами и в этой жизни, и в загробной попроси же Бога ускорить их. Вот мы смеемся и над ним, и над тобой, сделай же так, чтобы небо обрушилось на нас кусками! Попроси его устроить для тебя сады, дворцы и сокровища золотые и серебряные, чтобы он избавил тебя от той нужды, в которой мы тебя видим; ведь ты так же ходишь по рынкам и ищешь себе пропитание, как и мы. Вот бы мы и познали твое превосходство и степень твоего достоинства перед Богом!

Предания рассказывают, что всякий раз на требования чудес Мухаммед отвечал:

- Я не стану делать этого, и я не способен просить об этом Господа. Не с этим я послан к вам, но принес я вам от Господа то, с чем он послал меня, и я уже довел до вас то, с чем я послан к вам. Если вы это примете, то это будет для вас счастьем и в этом мире, и в загробном, а если откажетесь принять, то я по велению Господа буду терпеливо ждать, пока он положит суд между мною и вами.

Такой ответ прояснял позицию Мухаммеда, но курайшиты спрашивали не только о том, почему он, Мухаммед, не творит чудес и не молит Господа о чудесах. Они спрашивали, почему Бог сам не хочет подтвердить слова Мухаммеда чудесами, ни у кого не вызывающими сомнения; тогда, дескать, курайшиты тотчас бы уверовали во все - и в посланничество Мухаммеда, и в воскресение, и в ад, и в рай, а своих богов выбросили бы вон.

Требование чудес раздавалось не только из стана противников Мухаммеда ожиданием чудесных знамений были проникнуты и многие из его сторонников, уже уверовавших в единого Бога и в посланничество Мухаммеда. Уверениям Мухаммеда, что никаких чудес он творить не может - а об этом Мухаммед заявлял неоднократно, - они готовы были поверить, но для них позиция Бога в вопросе о чудесах оставалась непонятной.

Мухаммед на это отвечал так. Бог не творит чудес по своему милосердию он прекрасно знает, что и чудеса не заставят тех, кто упорно тяготеет ко злу и греху, чистосердечно

раскаяться в своих заблуждениях и уверовать. Пока идолопоклонники не верят Мухаммеду, они погибли не безнадежно, если они раскаются и уверуют, Бог простит их, страшное наказание ада их не коснется, даже если и не они сами, то хотя бы потомство их еще может отвратиться от греха и уверовать. Если же они не уверуют и после чудес, явленных Богом (а Бог твердо знает, что они не уверуют), то гибель их, и гибель ужасная, неизбежна - Богу просто ничего не останется, как уничтожить их полностью, вместе с чадами и домочадцами, стереть с лица земли за столь страшный грех прямого ослушания и неповиновения.

И примеры тому уже были в древности, утверждал Мухаммед. Так, были уничтожены самудиты из-за немногих "вышедших за пределы" - они не уверовали и после того, как Бог по молитве пророка Салиха сотворил требуемое ими чудо: вывел из горы волшебную верблюдицу, приказав им не трогать ее. Самудиты, которые "пробивали скалы в долинах", не только не уверовали, они сочли лжецом Салиха, отошли от приказания Господа и убили верблюдицу, "подрезали ее", и "постигла их поражающая в то время, как они смотрели на дело рук своих, и не могли они встать и не нашли себе помощников...". Истребил их Господь за их прегрешение, стер с лица земли. Назидательную историю уничтожения самудитов Мухаммед очень любил, возможно, потому, что ее хорошо знали арабы; в Коране он упоминает о самудитах двадцать шесть раз.

Так же как самудиты, утверждал Мухаммед в ранних мекканских сурах, увещевая курайшитов, вели себя и древние адиты - они не поверили в чудеса и сочли лжецом посланного к ним пророка Худа - Богу ничего не оставалось, как наказать их наказанием страшным - адиты были погублены ветром, шумным, буйным, губительным, который не оставляет ничего, над чем пройдет, не обратив его в прах. Бог дал ветру власть над ними на семь ночей и восемь дней, и повергнут был народ, словно стволы пальм опрокинутые, погибли полностью адиты.

Та же история повторилась, когда был послан пророк Муса (Моисей) фараон и египтяне не поверили ему и тогда, когда Бог по его просьбе разрешил ему продемонстрировать чудеса, на которых фараон настаивал так же, как теперь настаивают курайшиты. Чудеса были истолкованы фараоном как колдовство (заметим, что в колдовство курайшиты верили так же свято, как и легендарный фараон), за что и пришлось Богу наказать его мучениями мучительными, его самого и весь народ впридачу. Интересно, что среди чудес, которые Муса показывал фараону и его приближенным, кроме тех, о которых упоминается в Библии, было, по словам Мухаммеда, еще и такое: Муса вынул свою руку из-за пазухи, а она оказалась белой - для Мухаммеда и арабов пророк Муса был чернокожим, негром.

Всеми этими примерами Мухаммед доказывал, что требование чудес идет от лукавого, оно подсказано дьяволом, никаких чудес не нужно.

Для тех, чьи сердца не извращены, достаточно чудес, так сказать, повседневных, перечисленных им, когда он прославлял всемогущество и милосердие Бога и патетически спрашивал: "Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?" А людей с сердцами извращенными не убедит никакое чудо - и, надо сказать, он был прав. Чудо (и он, и его современники в чудеса верили почти поголовно) могло доказать все, что угодно, но только не то, что существует один Бог, Аллах, а не несколько богов, и что Мухаммед - его посланник. Ведь чудеса, как все были убеждены, творили и другие боги, и не только боги - прибегая к помощи дьявола и духов, тоже можно было творить чудеса. Так что чудо само по себе не являлось доказательством в споре между приверженцами разных богов, способность одного Бога творить чудеса не исключала, что другие боги тоже наделены этой способностью, с помощью чудес можно было лишь решить вопрос, чей Бог могущественней.

Психологически достоверен рассказ, согласно которому некто Абдаллах (сын Абу Омейн, сына Мугиры, сына Омара, сына Махзума - предания, как правило, очень точны в отношении родословных, что, к сожалению, не является доказательством истинности описываемых в них событий), двоюродный брат пророка по отцу (сын Атики, дочери Абд аль-Мутталиба),

потребовав от Мухаммеда целый ряд чудес, прибавил:

- Но клянусь десницей божьей, если ты даже и это сделаешь, то и тогда не думаю, чтобы я тебе поверил!

Курайшиты упрекали Мухаммеда и его сторонников за то, что они изменили вере отцов, древней вере своего племени. Однако вскоре, наряду с некоторыми другими персонажами Библии и арабских легенд, Мухаммед стал упоминать и Ибрахима - Ибрахим, утверждал Мухаммед, не только веровал в Аллаха, но и был пророком, таким же посланником Бога, как и он сам.

Ибрахим вместе со своим сыном Исмаилом основали Каабу, которой обязана своим существованием Мекка. Сама Кааба - храм единого всемогущего Бога, Аллаха, предки курайшитов совершенно незаконно притащили туда многочисленных идолов. Отсюда следовало, что первоначальной, древнейшей верой предков арабов, и в частности курайшитов, было не идолопоклонство, не вера в многочисленных богов, населивших Каабу, а тот самый ислам, который проповедует Мухаммед. Не Мухаммед и его последователи изменили вере отцов, они-то следуют тем же законам, которые были "в свитках Ибрахима и Мусы", нет, сами предки курайшитов извратили чистую истинную веру, а теперь их потомки, противники Мухаммеда, продолжают злостно упорствовать в заблуждении. Они требуют чудес и знамений в подтверждение того, чему их учит Мухаммед, а когда им говорят о повседневных чудесах и неоспоримых знамениях, они им не верят. Разве сам Коран - небесная книга, которую Бог по своему бесконечному милосердию посылает курайшитам, - не чудо?

- Поистине Мы ниспослали его в Ночь Могущества! - свидетельствовал сам Бог уже в ранних сурах Корана, подразумевая под словом "его" либо Коран, либо ангела, который спустился, чтобы сообщить Мухаммеду отрывок из Корана. - Это - Коран славный в скрижали хранимой! На Нас лежит собирание его и чтение, на Нас лежит его разъяснение. Поистине это ведь Коран благородный, Ниспослание от Господа миров, прикасаются к нему только очищенные.

Но противники Мухаммеда не верили и в божественный Коран.

- Сказки, - говорили нечестивые курайшиты в ответ на вдохновенные проповеди Мухаммеда; при этом сказками они называли все - и страшный суд, и истории с древними пророками, и рассказы о том, как ангелы спускаются к Мухаммеду, чтобы сообщить ему отрывки из небесного Корана.

- Сказки, - говорили курайшиты. - И мы даже знаем, кто тебе рассказывал многие из них. Это ведь Рахман из Ямамы - от него, а не от Аллаха наслышался ты про все эти истории!

- Это еще что! Вот послушайте, что я вам расскажу! - перебивал иногда Мухаммеда во время очередного религиозного диспута кто-нибудь из язычников;

и собравшимся обычно, если верить преданиям, преподносились рассказы из персидской мифологии, в которых были и боги, общающиеся с людьми, и небесные девы неопишуемой красоты, и конец света.

- Ложь! - заявляли самые прямолинейные и непримиримые противники Мухаммеда. - Ложь от начала до конца - не получал Мухаммед никаких откровений, не общался ни с ангелами, ни с Богом, ни с духами. Выдумал и про видение на горе Хира, и про приказание проповедовать истинную веру, все выдумал; и не так уж важно, что в рассказываемых им баснях сочинил он сам, а что - заимствовал.

- Ну зачем же так резко, - возражали им столь же непримиримые, но более дальновидные противники Мухаммеда, учитывавшие, что у Мухаммеда сложилась прочная репутация

безукоризненно честного человека, а щедрость в делах благотворительности, освобождения рабов и проповедь братской любви сделали его лицом популярным среди определенной части горожан. - Почему непременно выдумал? Бесноватым еще не то является! Просто Мухаммед больной человек, или одержимый, - поэтому он и сам верит тому, о чем рассказывает. И они позвали Мухаммеда к себе и сказали ему:

- То, что ты видишь, и то, о чем рассказываешь, - это наваждение от джиннов, которое тебя одолело. Мы хотим быть справедливыми и чувствовать себя правыми перед тобой. Согласись лечиться - мы не пожалеем денег, чтобы отыскать лекарство и исцелить тебя от болезни.

- Со мной не то, о чем вы говорите, - ответил им Мухаммед, совершенно убежденный в том, что откровения нисходят на него от Бога, и отклонил их предложение.

Прямую речь невозможно точно воспроизвести в изустном рассказе, поэтому собиратели хадисов - повествований о том, что говорил и как поступал Мухаммед в том или другом случае, - часто, приводя слова Мухаммеда и его оппонентов, добавляют: "Так или примерно так сказали курайшиты... Так или примерно так ответил им посланник божий". Следуя их похвальной манере, и нам, конечно, стоило бы добавить: так или примерно так протекали споры Мухаммеда с курайшитами-идолопоклонниками о богах и вере, споры, которые сейчас, через полторы тысячи лет, невозможно воспроизвести точно. Но ожесточенные споры, несомненно, были, их просто не могло не быть, а из стихов Корана, созданных в этот период, мы, по крайней мере, знаем, как относился сам Мухаммед к посыпавшимся на него обвинениям во лжи и одержимости. Вернее, какими словами Бог, по свидетельству Мухаммеда, говорил о своем посланнике, его противниках и существовании разгоревшегося спора.

- Терпи же решения Господа твоего! - призывал Аллах Мухаммеда в суре "Гора". - Ведь ты на Наших глазах. И восхваляй славу Господа твоего, когда ты встаешь! И ночью прославляй Его и при обратном движении звезд!

То, что курайшиты встречают проповедь Мухаммеда насмешками и издевательствами, ничуть не удивительно. Также поступали нечестивые народы и с другими посланниками Аллаха, которые были прежде, - и с Мусой, и с Лутой (Лотом), и с Нухом (Ноем), и с Салихом, и с Худом. Ведь и к тем, кто был до курайшитов, "не приходил посланник без того, чтобы они не сказали: "Колдун или одержимый!" Завешали ли они это одни другим? Нет, они народ, - вышедший за пределы! Отвернись же от них, и ты не будешь порицаем! Напоминай, ведь напоминание помогает верующим!"

- Напоминай же! Ведь ты по милости твоего Господа не прорицатель и не одержимый. Или скажут они: "Поэт, - поджидаем мы перемены судьбы над ним". Скажи: "Поджидайте, и я вместе с вами поджидаю!"...

...Или они скажут: "Измыслил Его он!" Нет, они не веруют! Пусть же они приведут подобный этому рассказ, если они говорят правду! Или они сотворены из ничего, или они сами - творцы? Или они сотворили небеса и землю? Нет, они не знают верно!.. Оставь же их, пока они не встретят своего дня, когда будут поражены грозой, - в тот день, когда не поможет им их коварство ни в чем и не найдут они помощи.

- Клянусь тем, что вы видите, и тем, чего не видите! Поистине, это-слова посланника благородного! Это не слова поэта. Мало вы веруете! И не слова прорицателя... Ниспослание от Господа миров. А если бы он изрек на Нас какие-нибудь речения, Мы взяли бы его за правую руку, а потом рассекли бы у него сердечную артерию, и не нашлось бы среди вас ни одного, кто бы удержал от него... Поистине, он (Коран) - напоминание богобоязненным! И ведь Мы хорошо знаем, что среди вас есть считающие его ложью...

- Но нет! Клянусь движущимися обратно, - текущими и скрывающимися, и ночью, когда она

темнеет, и зарей, когда она дышит!

Это - поистине, слово посланника благородного, обладающего силой у властителя трона, могучего, встречающего покорность и, кроме того, доверенного. И ваш товарищ не одержимый: он ведь видел Его на ясном горизонте... И это - не речь сатаны, побиваемого камнями. Куда же вы идете?

- Клянусь звездой, когда она закатывается! Не сбился с пути ваш товарищ и не заблудился. И говорит он не по пристрастию. Это - только откровение, которое ниспосылается. Научил его сильный мощью, обладатель могущества; вот Он стал прямо на высшем горизонте, потом приблизился и спустился, и был на расстоянии двух луков или ближе, и открыл Своему рабу то, что открыл. Сердце ему не солгало в том, что он видел. Разве вы станете спорить с ним о том, что он видит?

В последнем отрывке, взятом из суры "Звезда", именем Бога подтверждается не только истинность откровений Корана, но и истинность видения Мухаммеда, эпизода, когда посланник видел Его. Очень вероятно, что этот Он с большой буквы был первоначально для Мухаммеда самим Богом, Аллахом, и лишь затем, по прошествии какого-то не столь уж малого времени, превратился для Мухаммеда в ангела.

Приведенный отрывок из суры "Звезда", как и многие другие места Корана, автобиографичен. Встреча, когда "Он стал прямо на высшем горизонте, потом приблизился и опустился", по единогласному мнению, относится к видению в окрестностях горы Хиры. По словам преданий, Мухаммед, рассказывая об этом событии, подчеркивал, что фигура была человеческой, гигантской - ноги ее упирались в горизонт. Мухаммед был охвачен страхом, он не мог двинуться ни вперед, ни назад. Когда он отводил взгляд в сторону, к его ужасу, фигура перемещалась по небу, так что, куда бы он ни посмотрел, он продолжал ее видеть, как и прежде. Видение продолжалось долго, затем этот некто в человеческом облике постепенно исчез, и Мухаммед смог вернуться в Мекку к Хадидже; о том, что Он приблизился и опустился, в преданиях не упоминается.

...Известный арабист академик В. В. Бартольд поддерживал предположение, что в основе этого фантастического рассказа могло лежать вполне достоверное событие - Мухаммед мог видеть в облаках гигантски увеличенное собственное отражение, так называемое "Броккенское привидение" - явление, сравнительно часто наблюдающееся в Швейцарских Альпах, в районе горного массива Броккен, по имени которого оно и получило свое название. С подобным явлением сталкивались люди, в том числе и ученые, также и в других районах земного шара, но всегда в горах. Именно в горах, по словам Мухаммеда, явился перед ним Он в виде гигантской человеческой фигуры, упирающейся ногами в горизонт, и как в вогнутом зеркале перемещающийся вправо и влево, когда он поворачивал голову.

Олимп и Синай, Броккен и Хиры... Может быть, не случайно боги в человеческом облике так любят горы;

на равнинах же Египта, Двуречья и Индии человеческая фантазия наделяла богов чаще всего самым причудливым видом.

Подтверждения того, что Мухаммед не лгун, не поэт и не одержимый, нужны были не только ввиду разгоревшейся полемики с курайшитами-идолопоклонниками. В этот трудный в жизни Мухаммеда период уверенность в успехе, очевидно, не раз колебалась и в нем, и в его соратниках. Словами: "Ты - пророк" - Аллах вновь и вновь подтверждал Мухаммеду, что его единение с Богом не прекратилось, что он, стало быть, на правильном пути - на пути, ведущем к успеху, к победе над всеми своими врагами. Прямая поддержка со стороны Бога, напоминания, что Мухаммед не покинут на произвол судьбы, составляет главное содержание и некоторых других сур этого периода, в которых обвинения, выдвинутые против Мухаммеда,

прямо не упоминаются.

- Клянусь утром и ночью, когда она густеет! Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел. Ведь последнее для тебя - лучше, чем первое. Ведь даст тебе твой Господь, и ты будешь доволен. Разве не нашел тебя Он сиротой - и приютил? Не нашел тебя заблудшим - и направил на путь? И нашел тебя бедным и обогатил? И вот сироту ты не притесняй, и просящего не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай.

- Разве Мы не раскрыли тебе твою грудь? И не сняли с тебя твою ношу, которая тяготила твою спину? И возвысили твое поминание? Ведь, поистине, с тягостью легкость, - поистине, с тягостью легкость!

В этих автобиографических сурах мотив поддержки - не единственный. Явственно слышатся и упреки в адрес Мухаммеда - сколько для тебя уже сделано, и вот - опять ты пал духом, опять колеблешься, опять сомневаешься в божественном всемогуществе. Впрочем, милосердный, но справедливый Аллах при случае мог отчитать Мухаммеда и не заботясь о том, чтобы поддержать в нем уверенность в победе:

- Он нахмурился и отвернулся, что к нему подошел слепой, - говорится от лица Бога в суре "Нахмурился";

здесь Он - сам Мухаммед, и, согласно преданиям, речь идет о вполне конкретном слепом мекканце, Абдаллахе, сыне Умм Мактум, подошедшем попросить милостыню;

сцена эта, недостойная посланника, произошла на людях, и Бог, заботясь о чистоте его и славе, очевидно, не мог не вмешаться.

- А что дало тебе знать, - может быть, он очистится, или станет поминать увещание, и поможет ему воспоминание. А вот тот, кто богат, к нему ты поворачиваешься, хотя и не на тебе лежит, что он не очищается. А тот, кто приходит к тебе со тщанием и испытывает страх, - ты от него отвлекаешься.

Может быть, и не было никакого слепого Абдаллаха, сына Умм Мактум, многочисленные рассказчики о словах и поступках Мухаммеда не оставили без внимания буквально ни одной строчки Корана, и нельзя решить, реальное ли событие легло в основу того или иного коранического стиха или, наоборот, стих породил предание. Может быть, не реальный эпизод, а лишь чуткая совесть Мухаммеда вызвала к жизни приведенный отрывок из суры "Нахмурился". Впрочем, то же можно сказать и об автобиографической суре "Раскрытие", в которой упоминается, как Мухаммеду "раскрыли грудь" - вполне достаточный повод для создания легенды об ангелах, явившихся малолетнему Мухаммеду в бытность его у кормилицы Халимы, чтобы в прямом смысле раскрыть его грудь и очистить его сердце от греха;

на самом же деле речь в этой суре, возможно, идет лишь о нравственном очищении, о том пути самовоспитания, который прошел Мухаммед, готовя себя к пророческой деятельности.

В трудный для Мухаммеда период, когда вслед за его открытым выступлением с проповедью новой религии на него посыпались оскорбительные обвинения во лжи, колдовстве, одержимости и бессилии творить чудеса, не только Бог ниспосылаемыми откровениями пришел ему на помощь. "Спутники" пророка, предавшие себя Богу еще в дни тайного распространения ислама, не дрогнули под натиском насмешек и оскорблений и не покинули своего религиозного вождя. Утешала его и верная Хадиджа - когда, наслушавшись возражений и обвинений во лжи, он возвращался домой, она поддерживала и облегчала, "убеждала его в истине его и представляла ему ничтожными дела людей".

Несмотря на ожесточенную полемику Мухаммеда и его немногочисленных единоверцев с

курайшитами-идолопоклонниками, в течение первого года после начала публичной проповеди новой веры обстановка в Мекке оставалась мирной. Правда, Мухаммеда обвинили во лжи, его и его сторонников высмеивали. Но и мусульмане не оставались в долгу - весь привычный строй жизни язычников изображался мусульманами как сплошное погрязание в грехах, обличения и угрозы обильно расточались по адресу неверных, именно для них были предназначены унижительные и безысходные картины страшного суда и адских мучений. Таким образом, в этих незатухающих словесных поединках стороны пользовались примерно равным оружием, оскорбления были взаимными и довольно умеренными, и никто не мешал каждой из сторон считать себя побеждающей, нанеся противнику более чувствительные удары.

Помимо субъективных ощущений существовал, однако, независимый критерий того, как разворачивалась борьба, - скорость распространения веры, проповедуемой Мухаммедом, рост числа его сторонников.

За год число последователей Мухаммеда увеличилось приблизительно до сотни, то есть почти удвоилось. Такой рост недавно зародившейся секты можно при желании назвать либо бурным, либо недостаточно быстрым - в зависимости от точки зрения. Противники Мухаммеда, по-видимому, оценивали успех его проповеди как вполне умеренный, обострять обстановку в городе не стремились.

Всякому монотеизму изначально присуще непримиримо враждебное отношение к любым иным религиозным культам. Особенно враждебно монотеизму язычество, из которого он рождается и которое он призван уничтожить. Поэтому мирное отношение Мухаммеда и его сторонников к язычникам могло быть лишь временным тактическим приемом, но никак не политикой, рассчитанной на многие годы. Несмотря на быстрый рост числа своих приверженцев, Мухаммед довольно скоро осознал, что добрососедские отношения с язычниками себя не оправдывают. Успешная контрпропаганда мекканских верхов не оставляла сомнений, что в создавшихся условиях на близкое торжество новой веры рассчитывать не приходится. Обещанная Богом награда, которая ждет верующих не только в загробной жизни, но и в "ближней", земной, становилась весьма проблематичной. Ожидать, что при этом под знамя новой веры соберутся те, кто способен не только молиться и готовить себя к вечному блаженству на небесах, но и самоотверженно бороться за торжество новой эры, Мухаммед не мог. Мир с язычниками угрожал превратить общину мусульман в заурядную секту богоискателей, занятых исключительно вопросами личного спасения, повторяющих в более крупном масштабе путь ханифов - путь, как было очевидно, не ведущий к сокрушению язычества. Кстати, примкнувшие к Мухаммеду ханифы-богоискатели, исходя из прочно сложившихся у них представлений о нравственной и духовной чистоте, настаивали на суровейшем аскетизме и на полном отказе от политической борьбы, так что опасность утраты общиной мусульман присущего ее основателю наступательного духа была реальной.

Мирная обстановка, облегчавшая проповедь новой веры, что до поры до времени было выгодно Мухаммеду, вместе с тем облегчала и его противникам ведение среди мусульман пропаганды, которая расшатывала общину и подрывала непререкаемый авторитет ее главы. Язычники, по свидетельству преданий, помимо многих свойственных им гнусностей еще и постоянно "соблазняли" истинно верующих - естественно, что с этим постоянным "соблазном" было тем тяжелее бороться, чем свободнее осуществлялось общение мусульман и язычников. Мухаммеду так или иначе нужно было оградить своих последователей от опасностей тесного контакта с язычниками, предохранить их от "соблазна". Не случайно поэтому, что к концу первого года после начала открытой проповеди Мухаммед предпринял шаги, которые ни к чему, кроме вражды с курайшитами-идолопоклонниками, привести не могли.

От прославления единого истинного Бога, Аллаха, Мухаммед перешел к прямым нападкам на богов, которых почитали в храме Кааба. Вслед за ним и все мусульмане стали открыто

поносить богов, которым поклонялись курайшиты и союзные с ними племена. Помимо богов, существовавший в Мекке строй поддерживался традиционным культом действительных и легендарных предков, символов единства курайшитов, их племенной общности и вместе с тем символов разделения племени на кланы. Естественно, что размежевание с язычниками не могло быть достаточно полным, если бы культ предков оставался неприкосновенным, и Мухаммед стал хулить не только богов, но и предков курайшитов. Это было логично - прославленные предки курайшитов не веровали в Аллаха, после страшного суда, как гнусные грешники, они будут находиться в аду, а потому никакого уважения заслуживать не могут. Для того чтобы идеологическое размежевание с язычниками было полнее, Мухаммед пошел даже на такую крутую меру, как не знающий исключений запрет молиться за язычников:

если ты мусульманин, если ты действительно предал себя Богу, ты не имеешь права молиться даже за своего отца или свою мать, оставшихся или умерших в язычестве, - все они грешники в глазах Бога, причем грешники, для которых нет и не может быть прощения, а потому и молиться за них непростительный грех. Как бы ты ни любил свою мать, молиться за нее ты не имеешь права, если она не мусульманка, ибо твой долг перед Богом выше, чем долг перед отцом и матерью. Никакого нейтралитета быть не может: кто не с Богом - тот против Бога, кто не с нами - тот против нас!

Резкое изменение политики Мухаммеда вызвало в Мекке переполох. Прямые нападки на богов не только оскорбляли религиозные чувства язычников, но и таили в себе угрозу всеобщему благополучию. Храм Кааба с его многочисленными богами был религиозным центром всей Центральной Аравии, который курайшиты бережно хранили и поддерживали, чтобы каждое племя, посещающее мекканские ярмарки, нашло в нем своих почитаемых богов. Терпимость к осквернителям святыни могла плохо сказаться на торговле с кочевниками - торговле, которая служила главным и едва ли не единственным источником существования для большинства мекканцев.

Лидеры курайшитов хорошо понимали, что Мухаммед под видом религиозной общины создает новый "клан", обособленный от всех остальных и руководствующийся лишь своими законами. "Клан", рекрутирующий своих членов среди представителей всех остальных кланов и людей всех состояний - из хашимитов и абд-шамсов, из свободных и рабов, из богатых и бедняков. "Клан", который не намерен мирно ужиться со своими соседями, претендующий на исключительное положение, явно стремящийся уничтожить раз и навсегда все другие кланы Мекки.

Абу Джахль, Абу Суфиан и другие лидеры курайшитов ни минуты не сомневались в том, что от Бога никаких поручений Мухаммед не получал; все, что он говорил и делал, было продиктовано его собственными интересами и личными устремлениями, одержимый Мухаммед или он просто обманщик - для них было не столь важно. В действиях Мухаммеда они усматривали непомерное честолюбие и жажду власти. Они чувствовали, что Мухаммед для достижения своих целей не остановится ни перед чем, что, если его вовремя не обуздать, он заставит подчиниться себе всех в городе, станет неслышанным в истории владыкой, совмещающим всю полноту духовной и светской власти, по своему усмотрению творящим законы; владыкой, любой непредвиденный поступок которого будет освящен непререкаемым божественным авторитетом. Условия для появления в Мекке развитой государственной власти уже назрели, но форма, в которой эта государственная власть вырисовывалась в лице Мухаммеда, была чудовищной и совершенно неприемлемой для богатых мекканцев. Требование ничем не ограниченной милостыни в сочетании с выраженным аскетизмом начатого Мухаммедом движения и проповедью любви к беднякам означало фактически полное отсутствие гарантий неприкосновенности частной собственности. При таких условиях для подавляющего большинства богатых мекканцев о принятии ислама не могло быть и речи. Впрочем, об этом они и не помышляли, им казалось, что сила на их стороне, что победа над Мухаммедом является лишь вопросом времени и победу они могут одержать, не прибегая к крайним мерам. Собственно говоря, победа была

им не нужна, для них важно было лишь обезвредить Мухаммеда.

Первый шаг, который, согласно преданиям, предприняли отцы города, имел чисто пропагандистское значение - они решили вступить в переговоры с Мухаммедом, чтобы на глазах у всех курайшитов продемонстрировать свое миролюбие, заботу об общих интересах, бескорыстие и готовность пойти на уступки.

Знатные курайшиты, представители главных кланов Мекки, собрались для переговоров с Мухаммедом после заката солнца у задней стены Каабы. Когда Мухаммед пришел к ним, они заявили примерно следующее:

- Мухаммед, мы послали за тобой, чтобы переговорить. Ведь, ей-богу, мы не знаем ни одного человека среди арабов, который бы навлек на свое племя то, что навлекаешь ты. Ты бранишь предков, хулишь веру, поносишь богов и разъединяешь общину, - одним словом, ты делаешь все, чтобы испортить наши отношения. Если ты предпринял это дело лишь с тем, чтобы достичь богатства, то мы дадим тебе из наших имуществ столько, что ты станешь самым состоятельным из нас; если ты добиваешься почета - мы сделаем тебя господином над нами; если ты жаждешь царской власти, мы сделаем тебя царем над нами.

Все это была, конечно, лишь комедия, рассчитанная на публику, - никто царской власти Мухаммеду предлагать не собирался. Мухаммед на такого рода предложения, порочащие его, мог ответить только отказом - нет, ему ничего такого не надо, он хочет от них лишь одного: чтобы они признали всемогущего и милосердного Аллаха единым Богом, порвали с идолопоклонством;

нужно также, чтобы они перестали поедать имущества сирот и бедняков едой настойчивой, перестали любить богатство любовью упорной; чтобы они молились, очищали себя и творили милостыню по заветам братской любви. Для себя же лично он ничего не добивается. О том, что они должны были его, Мухаммеда, почитать как пророка и посланника Бога, можно было и не говорить - это подразумевалось, ибо нет веры в Аллаха, если нет веры, что Мухаммед его посланник.

Такого рода переговоры, если они действительно, как утверждают, происходили публично, ничего дать не могли - стороны делали друг другу заведомо неприемлемые предложения. Реальные переговоры курайшитов с Мухаммедом велись, по-видимому, без всяких свидетелей - это были, собственно, не переговоры, а зондирование почвы - курайшиты готовы были откупиться от Мухаммеда, открыть для него и его ближайших соратников доступ к выгодным торговым сделкам, поделиться с ним богатством и властью. Иными словами, курайшиты, почувствовавшие силу Мухаммеда, не прочь были подкупить его. Но подкупить Мухаммеда было невозможно, он был равнодушен к богатству, что делало его тем более опасным в глазах курайшитов.

Поняв, что договориться с Мухаммедом невозможно, курайшиты решили оказать давление на Абу Талиба. Делегация самых знатных курайшитов отправилась к Абу Талибу и потребовала, чтобы он, как глава хашимитов, унял своего племянника.

- Абу Талиб! - сказали курайшиты, среди которых были, конечно, и такие непримиримые противники Мухаммеда, как Абу Суфиан и Абу Джахль. - Твой племянник хулит наших богов, поносит нашу веру, порицает наших отцов. Он сеет в городе смуту, а ведь среди людей нет ни одного народа, у которого земля была бы теснее, воды меньше, а существование тяжелее, чем у нас. Мы с тобой - одной веры. Ты должен либо удержать его от нападков, либо не вмешиваться и дать нам возможность самим обуздать его.

"Не вмешиваться" значило снять с себя ответственность за Мухаммеда, исключить его из клана Хашим, сделать его человеком вне закона, человеком, которого любой может убить, не опасаясь кровной мести. Уйми своего племянника либо дай нам возможность самим его

унять, требовали курайшиты от Абу Талиба.

Абу Талиб ответил им "учливой речью" и вежливо отказал им: унять Мухаммеда он не может, лишить Мухаммеда покровительства клана он не хочет это крайняя мера, мера исключительно жестокая. Он не одобряет поведения Мухаммеда - ни в коем случае. Всем известно, что он не разделяет и взглядов Мухаммеда - племянник его, конечно, заблуждается, считая себя пророком, хотя заблуждается искренне, Абу Талиб не сомневается в его честности. Совершенно очевидно, что Мухаммед болен, одержим - как хотите. Но одержим, согласитесь, только в этом пункте - в остальном его поведение безукоризненно. Объявить человека больного вне закона - неслыханно жестокая мера, явно несправедливая. На это Абу Талиб согласиться никак не может. Он думает, что со временем все образуется, и Мухаммед будет вести себя сдержаннее.

Курайшиты ушли от Абу Талиба несколько не удовлетворенные его вежливым ответом, и в скором времени их депутация во главе с Абу Суфианом вновь пришла к нему с тем же требованием - либо хашимиты сами обуздают Мухаммеда, либо они не должны препятствовать проделать эту операцию другим, лишив Мухаммеда покровительства. На этот раз требование курайшитов сопровождалось недвусмысленной угрозой - если Абу Талиб не согласен ни обуздать Мухаммеда, ни выдать его курайшитам, увы, придется, к их глубокому сожалению, вступить в борьбу со всеми хашимитами, во всяком случае с теми из них, кто покровительствует Мухаммеду и не дает навести в Мекке порядок, от которого зависит благосостояние всего города.

Так или приблизительно так сказали курайшиты и удалились.

Абу Талиба вражда с наиболее влиятельными людьми в Мекке отнюдь не радовала. Среди хашимитов далеко не все были согласны с его политикой поддержки Мухаммеда - некоторые из трусости, другие, как Абу Лахаб, из вражды к Мухаммеду готовы были выдать его курайшитам, раз "обуздать" его своими силами казалось невозможным. Кроме того, Абу Талиб был беден, и, несмотря на свой почтенный возраст (он был самым старшим среди хашимитов) и всеобщее уважение, престиж его как главы клана с каждым годом падал.

Выслушав угрозы курайшитов, Абу Талиб послал за Мухаммедом и рассказал ему, какие требования выдвинули представители почти всех кланов города. Свое обращение к Мухаммеду он закончил, согласно преданиям, словами:

- Племянник! Пощади меня и самого себя! Не возлагай на меня ноши, которую я не в состоянии буду нести!

И подумал посланник божий, что Абу Талиб собирается лишить его помощи и выдать, что он уже не в силах защитить его, не в силах стоять за него.

- Дядя! - воскликнул Мухаммед. - Клянусь Господом, если бы они пообещали мне солнце и луну за отказ от начатого дела и вдобавок пригрозили смертью, если я не соглашусь, - и тогда бы я не отказался от начатого дела прежде, чем Бог дарует ему торжество!

Сказав это, Мухаммед заплакал, а потом поднялся и пошел прочь. Однако Абу Талиб, у которого и в мыслях не было выдать Мухаммеда или оставить без помощи, вернул его и сказал:

- Иди, племянник, и говори все, что считаешь нужным. Я, клянусь богами, не выдам тебя ни за что и никогда!

Враждебные действия, предпринятые курайшитами против Мухаммеда и его единомышленников, на первых порах были довольно умеренными. Мухаммеду и мусульманам стали постоянно препятствовать совершать молитвы вблизи Каабы в ней

проживали те самые боги, которых мусульмане поносили, и, естественно, появление мусульман вблизи храма казалось оскорблением святыни.

Мусульман, осмелившихся явиться к Каабе, курайшиты встречали потоком брани и насмешек. Молиться в таких условиях было немыслимо, и лишь немногие мусульмане упорно продолжали посещать Каабу, пожалуй, больше из принципа, назло ненавистным идолопоклонникам, чтобы продемонстрировать свою стойкость и преданность Аллаху.

Организованная мекканскими верхами травля Мухаммеда и его сподвижников отнюдь не ограничивалась площадью, окружавшей Каабу, священной территорией храма. На улицах, площадях и базарах Мекки мусульман и самого посланника божьего, Мухаммеда, преследовали насмешками и оскорблениями, всячески стараясь отравить им жизнь в городе, отделить от других курайшитов пропастью, изолировать их. Конечно, в этой кампании преследований участвовали далеко не все курайшиты и даже не большинство их. Застрельщиками выступали те, кто находился в зависимом положении от мекканских богачей.

Не допускаемые к Каабе мусульмане чаще, чем прежде, стали удаляться для совместных ночных молитв в окрестности Мекки. Но и там язычники не всегда оставляли их в покое. Однажды, когда мусульмане тайно собрались в одном из ущелий для молитвы, перед ними появилось несколько язычников. Они стали порицать и осуждать мусульман, в результате чего вспыхнула драка. Тогда мусульманин Саад, сын Абу Ваккаса, разгоряченный дракой, схватил валявшуюся поблизости челюсть верблюда и ударил ею одного из язычников, ранив его до крови. Это была первая кровь, пролитая за ислам.

Первая, но далеко не последняя; капля крови всего лишь свидетельство накала страстей и внутренней готовности к кровопролитию. Нет, не только кроткие и богобоязненные искатели спасения на небесах объединились вокруг Мухаммеда - многие среди них были готовы обнажить меч и мечом утвердить свое понимание добра и правды. Но пока, на исходе 613 года, об этом нельзя было даже мечтать - преобладающая сила была на стороне язычников.

Враждебные отношения с курайшитами определились. На мусульман надвигалась полоса гонений, которую во что бы то ни стало нужно было пережить. Мухаммед, вызвавший кризис в отношениях между мусульманами и язычниками, готов был продолжать борьбу в новых условиях.

Среди первых нескольких десятков последователей Мухаммеда был некто аль-Акрам, богатый молодой человек из клана Махзум. Благодаря своему состоянию он пользовался влиянием и независимостью - в том числе он мог не считаться с политикой собственного клана. Свой большой дом, расположенный в центре Мекки, неподалеку от холма ас-Сафа, он предоставил общине мусульман там часто происходили собрания верующих и совместные молитвы. В дом аль-Акрама и перебрался Мухаммед, когда отношение к нему курайшитов стало опасно враждебным, чтобы в этом надежном убежище (под постоянной охраной ближайших соратников) встретить те удары, которые готовились нанести ему курайшиты.

Переселение Мухаммеда в дом аль-Акрама произошло в самом начале 614 года; оно знаменовало конец недолгого периода мира с курайшитами и начало периода вражды.

Глава 12

Гонения

Продолжение травли

Абу Бакр защищает Мухаммеда от избиения

Как богатырь Хамза наказал Абуль-Хакама за оскорбление пророка

Козни дьявола

План разорения мусульман

Первая хиджра

Обращение Омара

В преданиях есть смутное указание, что Мухаммед выступил с проповедью тогда, когда на курайшитов обрушился очередной голод. Но голод миновал, начался период относительного благополучия, и интерес к религиозным вопросам упал. Это и позволяло отцам города развернуть широкую кампанию гонений против мусульман.

Как уже говорилось, эта кампания была начата словесными оскорблениями в адрес Мухаммеда. Абу Джахль, Абу Суфиан и другие лидеры курайшитов побуждали и поощряли людей безродных и лично от них зависящих преследовать Мухаммеда насмешками и оскорблениями.

- Смотрите! Вот идет внук Абд аль-Мутталиба! Вот идет внук Абд аль-Мутталиба, который знает все, что делается на небесах! - выкрикивали недруги Мухаммеда при его появлении на улице или базаре.

Более того - они называли его одержимым, обманщиком, поэтом, прорицателем, колдуном. Впрочем, звание "поэта" не упрочилось, по-видимому, за Мухаммедом - рассказывают, что один из самых яростных его противников, некто аль-Валид, сын аль-Мугиры, доказал курайшитами, как дважды два четыре, что Мухаммед никакой не поэт: вы ведь прекрасно знаете и размеры и рифмы, которые используются в поэзии, якобы сказал он, а ничего похожего нет в тех отрывках, которые Мухаммед преподносит от имени своего Бога, - значит, Мухаммед не поэт.

Кстати, мекканские поэты дружно приняли участие в травле Мухаммеда - их талантливые и остроумные сатиры и эпиграммы на новоявленного пророка и его фанатичных последователей пользовались среди арабов-язычников большой популярностью и, как полагают, существенно сдерживали распространение новой веры.

Преследуя Мухаммеда, вспомнили курайшиты и о том, что все его сыновья умерли во младенчестве, вспомнили для того, чтобы пустить в ход кличку Куцый и напомнить Мухаммеду о его унижении, о том, насколько ничтожен он в глазах богов.

От этих оскорблений, которые приходилось молча сносить, Мухаммед испытывал тем горшее унижение, что наносились они людьми, по понятиям курайшитов, "низкими", безродными, которые в иных условиях и помыслить бы не могли обратиться к нему, благородному хашимиту, без достаточного почтения. Иными словами, Мухаммеда в буквальном смысле слова бесчестили, то есть лишали чести, унаследованной от предков и завоеванной безукоризненно добродетельной сорокалетней жизнью, низводили до жалкого положения какого-нибудь клиента, пользующегося покровительством мелкого и слабого клана - клана, который либо не может, либо не считает нужным обеспечить ему полноценную защиту.

Дело не ограничивалось словами - рассказывают, что бывали случаи, когда в Мухаммеда и других мусульман, пришедших молиться к Каабе, бросали грязью, а соседи украдкой выливали помои и нечистоты у порога его дома.

По словам некоего Яхьи, сына Орви (который слышал об этом от своего отца, а тот в свою очередь от Абдаллаха, сына Амра, являвшегося очевидцем событий; записал же рассказ

Яхьи историк Ибн Исхак), самый драматический эпизод преследований Мухаммеда произошел близ Каабы. Знатные курайшиты собрались однажды "в заповедном месте" - между Каабой и северо-западной стороной ее ограды - и возбужденно обсуждали тот вред, который они терпят от Мухаммеда. В это время к Каабе приблизился Мухаммед и, поцеловав Черный камень, вделанный в ее стену, стал, как обычно, совершать положенные обходы. Когда он проходил мимо курайшитов, те стали говорить ему колкости - очевидец догадался об этом по выражению лица Мухаммеда, который не сказал курайшитам ни слова. То же повторилось и во время второго обхода вокруг Каабы. Когда в третий раз курайшиты стали приставать к Мухаммеду, тот остановился и сказал:

- Послушайте, о курайшиты! Клянусь тем, кто держит мою жизнь в своей руке, ведь я пришел к вам с жертвой!

Слова эти смутили толпу и устыдили, все наперебой стали говорить Мухаммеду "самые ласковые слова", и Мухаммеда отпустили с миром.

На следующий день курайшиты, собравшиеся на том же любимом "заповедном месте", стали попрекать друг друга - вспомните-де, сколько всего причинил нам Мухаммед, а когда он сказал нам неприятные вещи, мы отпустили его. Тут как раз опять появился Мухаммед. Курайшиты все до одного дружно бросились к нему, окружили и стали наперебой вспоминать его преступления - поношение богов, веры, предков и прочее. "Да, - сказал им Мухаммед, - все это я говорю!"

И тут, рассказывает очевидец, он увидел, как кто-то схватил Мухаммеда за ворот плаща.

Дело начинало принимать худой оборот. Но к курайшитам сразу же бросился сопровождавший Мухаммеда Абу Бакр, он заслонил пророка своим телом, причем плакал и кричал, обращаясь к курайшитам:

- Неужели вы способны убить человека только за то, что он говорит: "Аллах - мой господин"?

Тогда курайшиты оставили Мухаммеда в покое и дали ему беспрепятственно уйти. "Это было худшее со стороны курайшитов, чему я был свидетелем" - так каждый раз заканчивал рассказ очевидец Абдаллах, сын Амра.

По словам одной из дочерей Абу Бакра, отец вернулся домой в тот день с плешинками на подбородке - так сильно курайшиты потрепали его за бороду. А был Абу Бакр мужчина волосатый, отмечают историки, так что потасовка, надо думать, была серьезная.

Абу Бакра, по словам арабских историков, называли "совестью ислама". Ему суждено было пережить Мухаммеда. Он тоже целовал Черный камень, вделанный в стену Каабы, но при этом всегда говорил:

- Я знаю, что ты лишь камень. Но я видел, как посланник Бога целовал тебя, и только поэтому я тоже целую тебя.

Следующий исторический инцидент произошел у подножия холма ас-Сафа, неподалеку от дома аль-Акрама, в котором Мухаммед с началом гонений стал проводить большую часть времени.

Мухаммед был один, когда к нему подошел Абу Джахль (настоящее имя которого - Абуль-Хакам) и стал осыпать его оскорблениями, хуля его веру и унижая его дело. Мухаммед не отвечал ни слова, и, обругав его самым гнусным образом, Абу Джахль удалился и как ни в чем не бывало отправился к своим друзьям-язычникам, собравшимся и на сей раз в ограде Каабы.

На том бы дело и кончилось, если бы некая вольноотпущенница, стоя у своего дома, не слышала все оскорбления, произнесенные Абу Джахлем и молча выслушанные, так сказать проглоченные, Мухаммедом. А в это самое время дядя Мухаммеда, богатырь Хамза, возвратился в город после охоты - он был заядлый и искусный охотник и считался самым сильным среди курайшитов. Всякий раз, возвращаясь с охоты, он, как добрый язычник, не забывал совершить несколько обходов вокруг Каабы, а заодно и потолковать с теми курайшитами, которые там окажутся. Судя по преданиям, пространство вокруг Каабы, служившее своеобразным клубом для мекканцев, было довольно оживленным в любое время дня.

Когда Хамза, направляющийся к Каабе, проходил мимо вольноотпущенницы, та кинулась к нему со словами:

- Абу Омара! - так называли Хамзу в честь его сына. - Абу Омара! Если бы ты видел, что вынес сын твоего брата, Мухаммед, только что от Абуль-Хакама, сына Хашима! Он застал Мухаммеда сидящим здесь, оскорбил его так-то и так-то, потом обругал его так-то и так-то, а потом ушел от него, а Мухаммед не ответил ему ни слова!

Хамзу охватил гнев, и он стремительно кинулся на поиски Абу Джахля первым делом стоило посмотреть, нет ли его около Каабы. Там он его тотчас и нашел сидящим среди своих. Все еще пылая гневом, Хамза остановился над ним и ударом лука раскровянил ему голову.

- Будешь ты еще оскорблять его, раз я следую за ним и говорю то же, что и он! Верни мне удар, если можешь!

Несколько родственников Абу Джахля из клана Махзум тотчас поднялись, готовые броситься на Хамзу, но Абу Джахль сам остановил их, сказав:

- Оставьте Абу Омара в покое - ведь я, клянусь Богом, грубо оскорбил его племянника.

Своих слов, сказанных в минуту гнева, Хамза обратно не взял - с этого момента он стал считать себя мусульманином и слушаться приказаний посланника Аллаха, своего племянника Мухаммеда. В его лице Мухаммед приобрел надежную защиту. Мусульмане ликовали, а их враги приуныли и вынуждены были впредь удерживаться от слишком наглых выходов по отношению к пророку.

Надо сказать, что неустрашимый Хамза, не потерпевший, чтобы кто-либо безнаказанно оскорблял честь хашимита, несмотря на свою славу богатыря и искусного охотника, был едва ли не беднейшим среди близких родственников Мухаммеда. Он был до того беден, что даже жену ему пришлось брать не из благородных курайшитов, а из нищего и ничем не прославленного племени бедуинов, - можно сказать, что он просто катился на социальное дно Мекки. Всех этих Махзумов и Абд Шамсов он с детства терпеть не мог, и, очевидно, рано или поздно, вне зависимости от стычки с Абу Джахлем, он последовал бы за Мухаммедом. Уверовал Хамза истово и всю жизнь оставался непоколебимо твердым в вере.

Как видим, священный закон "Око - за око, зуб - за зуб, кровь - за кровь" продолжал действительно защищать Мухаммеда и его последователей. "Неужели ты думаешь, что хашимиты оставят тебя ходить по земле?" - таким вопросом сами идолопоклонники осаживали того, кто, возбужденный руганью в адрес Мухаммеда, начинал хотя бы на словах угрожать его жизни. И каждый знал, что покушением на жизнь Мухаммеда он подпишет себе смертный приговор сыны Хашима не оставят его разгуливать по земле, они не успокоятся, пока не смоят кровью тот позор, который ляжет в глазах всех арабов на их благородный клан из-за неотмщенного убийства родственника.

Рассказывают, что предводители курайшитов пытались даже "выменять" у хашимитов Мухаммеда. Они пришли якобы к Абу Талибу и предложили ему "отдать" Мухаммеда, а

взамен усыновить сына злейшего врага Мухаммеда, аль-Валида, при этом курайшиты подчеркивали, что сын аль-Валида - один из самых могучих и красивых курайшитов, так что никакого урона хашимиты не понесут. Человек за человека - это будет справедливо, уверяли курайшиты. Абу Талиб был, однако, иного мнения. "Вы даете мне своего сына, чтобы я кормил его для вас, а взамен хотите взять моего сына и убить? Клянусь Богом, этого никогда не будет!" - ответил он курайшителям.

Почтенный Абу Талиб, благородный предводитель хашимитов, слагал стихи и поэмы, что ему и полагалось делать по понятиям того времени. Подлинность дошедших до нас произведений Абу Талиба, конечно, легко может быть поставлена под сомнение, особенно когда дело касается конкретных лиц и событий, но общий дух и колорит эпохи они передают довольно ярко. Так вот, в одном из своих стихотворений, ничем не примечательных по художественным достоинствам и в сокровищницу арабской поэзии не попавших, Абу Талиб в традиционной манере воспел честь и славу родного клана хашимитов, среди которых, конечно, нужно искать самых знатных курайшитов. "Мы издревле не допускали обид, а когда при нас складывают презрительную морщину на щеках, мы ее выправляем", - гордо заявлял Абу Талиб, и в этих словах отразилось, что именно подразумевали арабы, когда говорили и думали о чести и бесчестии. Поэтому нужно согласиться, что насмешки и оскорбления, которым подвергался Мухаммед, хотя и не угрожали его жизни, были тем не менее чудовищными, из ряда вон выходящими, разнузданной травлей, попирающей все священные обычаи курайшитов. Мухаммед жил в атмосфере неслыханных унижений, от которых хашимиты были не в силах его защитить.

На угрозы и оскорбления Мухаммед не всегда отвечал гордым молчанием. Насмешки, угрозы и проклятия посылает и он в адрес своих врагов - и от своего имени, и от имени всемогущего Бога, потому что в этот период вражды и в откровениях, ниспосылаемых Мухаммеду, наряду с общими декларациями против грешников и идолопоклонников, начинают упоминаться вполне конкретные недруги посланника божьего, иногда прямо названные по именам.

- Пусть пропадут обе руки Абу Лахаба, а сам он пропал! - провозгласил Мухаммед. - Не помогло ему его богатство и то, что он приобрел. Будет он гореть в огне с пламенем и жена его - носильщица дров; на шее у нее - только веревка из пальмовых волокон.

Дядю Мухаммеда, единственного его врага среди хашимитов, звали, как мы уже говорили, Абд аль-Уззой;

Абу Лахаб - "Тот, кому уготовано пламя в аду" - уничижительная кличка, данная ему Мухаммедом. Под этой кличкой непримиримый противник пророка и вошел в историю. Жена его - не кто иная, как Умм Джамиль, сестра еще одного злейшего врага - Абу Суфиана. Ему тоже уделено место в Коране - полагают, что не только против мекканских богачей, но и лично против Абу Суфиана написана сура "Хулитель".

- Горе всякому хулителю - поносителю, который собрал богатство и приготовил его! Думает он, что богатство его увековечит. Так нет же! Будет ввергнут он в "сокрушилище"... огонь Аллаха воспламененный, который вздымается над сердцами!..

Такой же конец ждет и ненавистного Абу Джамля:

- Ведь он не веровал в геенну и не молился, а счел это ложью и отвернулся, затем отошел к своей семье, кичась. Горе тебе и горе! И паки горе тебе и горе!

- Видишь ли ты того, кто препятствует рабу моему (то есть Мухаммеду), когда он молится? Видишь, каков он, когда предается лжи и отворачивается?.. Разве не знает он, что Аллах видит? Так нет, если он не удержится, мы схватим его за хохол - хохол лживый, грешный!

И еще одному врагу Мухаммеда уделено место в сурах Корана, созданных в этот период, -

аль-Валиду, сыну Мугиры, одному из инициаторов гонений против мусульман.

- Оставь Меня и того, кого создал Я единым, - взывает Аллах к Мухаммеду, имея в виду аль-Валида, - и кому сделал богатство широкое, и сыновей здесь находящихся - и распростер ему гладко. Потом жадничает он, чтобы Я добавил. Так нет! Он пред нашими знаменами упорен. Я возложу на него "подъем". Ведь он задумал и рассчитал. И быть ему убиту! Как он рассчитал! И еще быть ему убиту! Как он рассчитал! Потом он посмотрел! Потом нахмурился и насупился, потом отвернулся и возвеличился и сказал: "Не иное это, как колдовство, что передается! Не иное это, как речь людская!" Сожгу Я его в сакаре! А что дает тебе знать, что такое сакара? Не оставляет он и не покидает - сжигатель кожи.

- Не повинуйся же всякому любителю клятв, презренному, хулителю, бродящему со сплетнями, препятствующему добру, врагу, грешнику, грубому и, сверх того, безродному; не смотри на то, что у него богатство и сыновья. Заклеймим мы его по хоботу!

- Пусть убиты будут лжецы, которые в пучине пребывают в безопасности. Это уже Аллах говорит о всех врагах Мухаммеда, вместе взятых. - Спрашивают они:

"Когда день суда?" В тот день, когда их будут испытывать у огня: "Вкусите наше испытание! Это то, с чем вы торопили!"

- Будьте тверды! Держитесь! - призывает Бог Мухаммеда и его соратников. - Всех ваших врагов я уничтожу!

Не смирить, не обратить их сердца на истинный путь, нет, именно истребить врагов обещает Аллах:

период мира кончился.

Рукайя, дочь Мухаммеда, уже несколько лет, как была замужем за сыном Абу Лахаба; теперь, когда отношения между семьями стали открыто враждебными, Рукайя, принявшая ислам, была с позором возвращена в дом своего отца. Впрочем, одиночество ее длилось недолго - Мухаммед выдал ее за Османа ибн аль-Аффана, который, если читатель помнит, был одним из самых первых курайшитов, принявших ислам, - пятым по счету уверовавшим в Аллаха и его посланника, сразу же после Хадиджи, Али, Зайда и Абу Бакра.

Где-то в этот период все обостряющейся вражды с курайшитами, между 614 и 615 годами, когда не одно преданное Аллаху сердце находилось в тоске и смятении, дрогнул и усомнился в правильности избранного им пути и сам великий посланник Бога, Мухаммед. Явлены ему были в откровении странные и ни на что не похожие стихи, с верой в единого Бога ни в коем случае не совместимые:

Видели ли вы аль-Лат, и аль-Уззу,

И аль-Манат - третью, иную?

Поистине, они - ангелы чтимые,

На чье заступничество должно уповать!

Богини аль-Лат, аль-Узза и аль-Манат помещались в пантеоне Каабы среди многих других богов и богинь, но пользовались особой любовью арабов. Были у этих богинь и особые, специальные храмы, в известной степени конкурирующие с Каабой. Богиню аль-Лат почитали в Таифе, храм аль-Уззы находился в местечке Нахла, близ Мекки, а храм аль-Манат - в Ясрибе. Считались эти богини дочерьми Бога, а то, что Мухаммед назвал их после этого откровения "ангелами", никого обмануть не могло. "Мухаммед признал курайшитских богов" - именно так поняли все, и мусульмане, и язычники, когда откровение было обнародовано.

Ликование было полным - наконец-то наступил конец вражды, мир и согласие воцарятся в племени курайшитов! И мусульмане, и язычники дружно пали ниц, когда Мухаммед прочел эти стихи, восхваляя Аллаха и любимых богинь, его дочерей. Особенно ликовали курайшиты, владевшие собственностью в цветущих оазисах Таифа и Ясриба, ради которых в первую очередь и пошел Мухаммед на уступки. Кстати, крупные владения в Таифе имел и родной дядя Мухаммеда, пребывающий в язычестве Аббас.

Очень скоро, однако, когда первые восторги улеглись, Мухаммед отчетливо понял, что произошла какая-то страшная ошибка. Начать с того, что дружбы с курайшитами все равно не получалось - большинство курайшитов совершенно не были заинтересованы в том, чтобы Мухаммед оказывал поддержку конкурирующим с Каабой храмам, эта уступка им ничего не сулила. Пожалуй, их отношение к Мухаммеду стало еще враждебнее - раньше он поносил богов, но зато Каабу признавал единственной святыней; теперь же он, продолжая отвергать большинство помещенных в Каабе богов, признал трех богинь, имеющих отдельные, расположенные вне Мекки храмы, покусился на исключительность чисто курайшитской святыни.

Предпринятый Мухаммедом шаг мог внести раскол в лагерь врагов-язычников, обеспечить для мусульман некое подобие мира; завоевать же курайшитов на сторону ислама - вряд ли.

В рамки созданной им самим концепции единого невидимого Бога эти богини, "дочери Бога", появившиеся под влиянием страстного желания достичь компромисса с курайшитами, совершенно не укладывались. Они разрушали все возведенное Мухаммедом здание, а его самого, великого и единственного посланника Бога, ставили на одну доску со служительницами аль-Лат, аль-Уззы и аль-Манат, выкрикивающими прорицания от имени этих богинь. Можно сказать, что Мухаммед изменил самому себе, стал оправдывать презрительное название "прорицатель", которым его травили враги.

Несколько недель длился мир между мусульманами и язычниками, и это было едва ли не самое тяжелое время для Мухаммеда, так как его ни на минуту не покидало ощущение, что он сделал чудовищно нелепый и непоправимый шаг. Проблема казалась неразрешимой - ведь он не мог ни изменить, ни объявить ошибочными слова, воспринятые от самого Бога.

Неразрешимая проблема, однако, разрешилась во время следующего откровения. Бог оказался ни при чем:

никогда подобные слова не были написаны в его небесной книге, и Мухаммеду он их не сообщил. Он говорил Мухаммеду диаметрально противоположное:

- Видели ли вы аль-Лат, и аль-Уззу, и аль-Манат - третью, иную? говорил Аллах. - Неужели у вас - мужчины, а у Него - женщины? Это тогда разделение обидное! Они - только имена, которыми вы сами назвали, - вы и родители ваши. Аллах не посылал с ними никакого знамения.

Вот что в действительности было сообщено Мухаммеду в откровении! Но когда Мухаммед, очнувшись после контакта с Богом, стал вспоминать слова, написанные у него в сердце, злобный и коварный враг рода человеческого, дьявол Иблис, забравшийся к нему под язык, заставил его произнести богопротивную фразу о чтимых ангелах, на чье заступничество можно якобы уповать! Причем Иблис всунул эту фразу, восхваляющую богинь, так ловко и складно, что Мухаммед ничего не заметил.

Таким образом, история с дочерьми Бога объяснилась очень просто Мухаммеда в буквальном смысле слова попутал бес. Впрочем, как разъяснил Аллах, Мухаммед не должен особенно казнить себя - не он первый:

Иблис проделывал то же самое со всеми другими пророками древности, ни один человек не

может полностью защитить себя от козней Иблиса, мощь дьявола не под силу одолеть человеку, даже пророку. В дальнейшем же от происков Иблиса Мухаммеда защитит сам Аллах, так что бояться нечего, и ни Мухаммед, ни мусульмане не должны на основании печального прецедента ставить под сомнение какие-либо из посылаемых откровений.

Для того чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что никаких "дочерей Бога" нет и быть не может, ни ныне, ни впредь, посланы были тотчас Мухаммеду обильные откровения, в которых на разные лады проводится мысль, что какое-либо примирение между исламом и язычеством невозможно. Этому Аллах посвятил даже специальную суру "Неверные", в которой учил Мухаммеда и всякого верующего:

- Скажи: "О вы неверные! Я не стану поклоняться тому, чему вы будете поклоняться,

и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться, и я не поклоняюсь тому, чему вы поклонялись, и вы не поклоняетесь тому, чему я буду поклоняться! У вас - ваша вера, а у меня - моя вера!" От обнародования стихов, отразивших колебания Мухаммеда и его желание пойти на компромисс с курайшитами, до их разоблачения прошло всего несколько недель, после чего вновь, и на этот раз окончательно, была провозглашена непримиримая борьба с язычеством.

Короткий период сомнительного мира кончился, и вновь вспыхнула вражда между мусульманами и язычниками.

Аль-Валид, Абу Джахль, Абу Суфиан и другие враги Мухаммеда не ограничились словесными нападениями на мусульман. Якобы по совету умного аль-Валида, в доме которого происходило одно из исторических собраний курайшитов, посвященное изысканию действенных методов борьбы с новой вредоносной сектой, был разработан план разорения мусульман. Курайшиты договорились оповещать всех кочевников, приходящих в Мекку за покупками, что Мухаммед и его последователи - богохульники и сеятели смуты, враги племени курайшитов и их союзников. Ничего покупать у них не надо, и ничего продавать им не следует. Объяснять все это надо было вежливо и по-хорошему, напирая главным образом на поношение богов и веры, но так, чтобы не оставалось сомнений, что ослушавшиеся совета совершат недружественный поступок по отношению к самым зажиточным мекканским купцам, хозяевам города. Что и будет со временем и при случае учтено.

В соответствии со своим планом курайшиты буквально блокировали город, они "залегли на всех тропах", ведущих в Мекку, и предостерегали кочевников от делового общения с последователями Мухаммеда. Насмешки и оскорбления, которые сыпались на мусульман в самом городе, на его улицах и базарах, а также пристальное внимание к тем, кто совершает с мусульманами торговые сделки, должны были, по замыслу врагов Мухаммеда, окончательно отбить покупателей у мусульман и тем самым разорить их.

Последователи Мухаммеда, преимущественно мелкие торговцы, не знали никаких ремесел. Только торговля, причем торговля на городских рынках и окрестных ярмарках, а не торговля караванная, позволяла им сводить концы с концами, торговля была их единственным средством к существованию. Создавая мусульманам исключительно неблагоприятные условия для торговли, курайшиты буквально наступали им на горло, ставили их в безвыходное положение. Если бы в начатой кампании участвовали все кланы курайшитов, Мухаммеду оставалось бы либо спасаться бегством, либо идти на уступки. Однако не все кланы курайшитов пожелали участвовать в затеянной кампании разорения мусульман - в первую очередь хашимиты и их давние союзники по Конфедерации Добродетельных. Старая неприязнь к мекканским верхам оказалась сильнее религиозных разногласий. На словах, а может быть, и в душе они были горячо преданы древним богам и верованиям, но проводить на деле политику, выгодную в первую очередь Абд Шамсам, Махзумам и другим главенствующим кланам, они не собирались, поэтому молча саботировали меры против

мусульман.

Рассказывают, что Абу Джахль, узнав, что кто-нибудь из торговцев принял ислам, неизменно восклицал:

- Погоди же, клянусь богом, мы еще увидим, как твои товары останутся нераспроданными, а сам ты разоришься!

Теперь угроза Абу Джахля начинала сбываться.

В этих трудных условиях сердца многих мусульман дрогнули - вера в Бога и в победу заколебалась. Некоторые, менее стойкие, были "соблазнены" увещания вернуться к почитанию древних курайшитских богов, подкрепленные безжалостными мерами насилия, звучали достаточно убедительно, и они начали покидать Мухаммеда.

Сам Мухаммед находился в безопасности, защищенный кланом хашимитов во главе с Абу Талибом. Однако помочь мусульманам, попавшим в беду, он не мог ничем. Безвыходность положения, в котором очутились многие его последователи, он понимал настолько хорошо, что не осуждал излишне строго даже тех немногих, кто был вынужден стать вероотступником, перейти в лагерь врагов. Во всяком случае, никаких проклятий по адресу "предателей" в сурах Корана, созданных в этот период, нет;

весь гнев направлен на гонителей, на тех, кто "соблазняет", а не на "соблазненных".

Опасность вероотступничества не была, однако, единственной, а может быть, и главной заботой, тревожащей Мухаммеда. Не менее опасной для общины мусульман была бы и непоколебимая стойкость разорвавшихся "братьев" - забота о содержании десятков нищих семей потянула бы на дно тех мусульман, которым благодаря поддержке родственников кое-как удавалось держаться на поверхности, нанесла бы непоправимый урон всей общине. Таким образом, попавших в беду мусульман нужно было во что бы то ни стало спасти, как ради их самих, так и ради всего начатого Мухаммедом дела.

Выход был только один - выселение туда, где можно было добыть себе пропитание и укрыться от "злобы" курайшитов. Мухаммед предложил тем, кто не мог рассчитывать на эффективную помощь родственников из числа язычников, идти в Эфиопию.

Мухаммед выбрал Эфиопию, очевидно, по многим причинам. Там был рынок, хорошо знакомый курайшитам, стало быть, там можно было торговать - ничего другого делать мусульмане не умели. Там господствовало христианство, то есть, с точки зрения Мухаммеда, вера в того же Аллаха, вера, конечно, устаревшая и искаженная, но все-таки вера в единого Бога, а не гнусное идолопоклонство. Опасность, что оставленные без присмотра мусульмане, вчерашние язычники, "соблазнятся" и отпадут от ислама, в Эфиопии была меньше, чем где бы то ни было.

Конечно, в Эфиопии торговали все те же курайшиты-язычники, враги, и сидели там прочно, пользовались покровительством негуса, заинтересованного в торговле с Аравией. Однако негус - христианин, и были все основания рассчитывать, что мусульман он в обиду не даст.

Рассчитывал ли Мухаммед, как некогда его дед Абд аль-Мутталиб, получить помощь из Эфиопии? Едва ли - слишком сильны были позиции Персии на юге Аравии, слишком заинтересованы были сами арабы в политике нейтралитета и дружбы с Персией, чтобы на это можно было надеяться.

Но, возможно, Мухаммед хотел со временем поставить под контроль мусульман всю торговлю на линии Эфиопия - Мекка и тем самым нанести болезненный удар по своим врагам.

Мухаммед выступил со своим предложением не как пророк Бога, откровений свыше он не получил, а как мудрый и дальновидный политик, признанный руководитель общины верующих. План Мухаммеда был единодушно одобрен, и уже в начале 615 года мусульмане потянулись в Эфиопию.

Первая небольшая группа - десять мужчин и четыре женщины, не считая малолетних детей, выступила во главе с Османом ибн аль-Аффаном. Его сопровождала жена Рукайя, дочь Мухаммеда. Этот отряд отправился из Мекки к побережью Красного моря. Там, в небольшом порту близ Джидды, они погрузились на корабль и отплыли в Эфиопию.

Вскоре тем же путем отплыла вторая группа мусульман - вместе с ней отправился и Джафар, сын Абу Талиба - двоюродный брат Мухаммеда, родной брат преданного пророку Али. Учитывая позицию хашимитов, следует признать, что никакой крайней необходимости бежать из Мекки у Джафара не было - ехал он, скорее всего, как эмиссар Мухаммеда, чтобы служить "глазом и ухом пророка". Ушел в Эфиопию и Осман ибн Махзун - ханиф, одним из первых принявший ислам, упорный сторонник крайнего аскетизма и полного неучастия в политической борьбе; с ним и близкими ему по духу мусульманами у Мухаммеда нередко возникали трения.

За сравнительно небольшой срок число выселившихся достигло восьмидесяти трех, не считая младенцев.

Это была первая хиджра - первое переселение мусульман. Произошло это событие в 615 году, через пять лет после начала проповеднической деятельности Мухаммеда.

В результате город покинули почти все, кто лишился поддержки своих кланов, все "отщепенцы" из кланов Махзум, Абд Шамс, Омейя, Науфал, Амир, Харис и другие. С Мухаммедом остались мусульмане из кланов Хашим, аль-Мутталиб, Зухра, Тайм и Ади. Остался также махзумит аль-Акрам, достаточно богатый, чтобы не считаться со своими родственниками, хозяин дома, в котором разместились штаб-квартира мусульманской общины. Не покинул Мекку и зависевший от Абд-Шамсов, врагов Мухаммеда, правоверный Абу Ахмад, старый слепой поэт - не было среди курайшитов человека, который поднял бы на него руку. Всем же остальным мусульманам, не принадлежавшим к перечисленным пяти кланам - давним союзникам по Конфедерации Добродетельных, пришлось из Мекки бежать.

В Эфиопии под благословенным правлением справедливого негуса (так его с признательностью величали мусульмане) беглецы действительно нашли приют, защиту и возможность заниматься привычным делом - торговлей. Каким-то путем удавалось им чувствительно вредить курайшитам-язычникам и помогать братьям по вере, не покинувшим Мекку. Скорее всего, при посредстве той же торговли из Мекки к ним, а от них в Мекку потекли партии товаров, подрывая монополию курайшитов и препятствуя их планам торговой блокадой задушить оставшихся в городе с Мухаммедом мусульман. Известно, что курайшиты были встревожены деятельностью единомышленников Мухаммеда в Эфиопии - они направили к негусу посольство во главе с талантливым дипломатом Амром ибн аль-Асом. Посольство, повезшее богатые подарки, должно было убедить выдать беглецов. Однако законы родового строя в Эфиопии не признавались - справедливое, с точки зрения курайшитов, требование "отдать" каждому клану сбежавших без разрешения родственников чиновники негуса отвергли, подарков не приняли, и посольство возвратилось в Мекку ни с чем. Для мусульман это явилось еще одним доказательством превосходства веры в единого Бога (даже такой несовершенной, с их точки зрения, как христианская) над гнусным язычеством: там справедливость и закон, в язычестве - беззаконие и произвол.

Хотя гонения на мусульман не привели к полному разгрому мусульманской общины, по Мухаммеду был нанесен жестокий удар - большей части его последователей пришлось бежать из Мекки, оставшихся теснили со всех сторон, они переживали самые черные дни,

многие из них падали духом, приходили в отчаяние. Можно себе представить поэтому, какая радость охватила мусульман, когда в разгар гонений, в разгар торжества нечестивых курайшитов племянник злейшего врага Мухаммеда - Абу Джахля - благородный Омар, сын Хаттаба, принял ислам.

Событие это действительно можно назвать историческим, ибо указанному Омару, сыну Хаттаба, суждено было сыграть выдающуюся роль и в истории ислама, и в истории арабских завоеваний. Сохранилось два подробных и совершенно различных рассказа о том, как произошло обращение Омара.

Согласно одному из них, Омар, сын Хаттаба, человек твердый и решительный, пребывая в языческой вере, нещадно преследовал мусульман - и оскорблял их, и творил насилие над ними. Однако и его черствое сердце дрогнуло, когда начался отъезд мусульман в Эфиопию. По словам родственницы его, Умм Абдаллаха, мусульманки, он подошел к ней, когда она собирала вещи, чтобы с семьей бежать из Мекки, и сказал:

- Так вы все-таки уезжаете, о мать Абдаллаха.

- Да, мы-таки выезжаем в страну божию, - отвечала Умм Абдаллаха. - Вы притесняете нас и обижаете - вот Аллах и посылает нам избавление.

- Да будет с вами Бог! - сказал на это Омар с такой нежностью, что она поразилась. Ушел Омар опечаленный, и у Умм Абдаллаха появилась надежда на обращение его, о чем она и сообщила своему мужу. Но муж, который уже совершенно отчаялся в Омаре из-за его жесточенности против ислама, со смехом сказал ей на это:

- Скорее осел Хаттаба станет мусульманином, чем Омар!

Омар действительно был еще весьма далек от ислама, настолько, что вскоре после бегства мусульман он препоясался своим мечом и отправился искать Мухаммеда и его единоверцев, про которых ему сказали, что они собрались в одном доме поблизости от ас-Сафы. Было их там человек сорок мужчин и женщин, но решительного Омара это не смущало.

- Куда это ты направляешься, Омар? - спросил его по дороге некто Нуайм, один из его дальних родственников, тайно исповедующий ислам.

- Я ищу Мухаммеда, - ответил Омар, - этого изменника, который посеял раздор среди курайшитов, который издевается над нашими обычаями, который оскорбляет нашу веру и наших богов! Я убью его!

- Ты сам себя ослепляешь, Омар! - сказал ему Нуайм. - Неужели ты считаешь, что хашимиты оставят тебя разгуливать по земле, если ты убьешь Мухаммеда? Не лучше ли тебе вернуться к своей семье и сперва привести в порядок собственные дела?

- А что случилось с моими домашними? Разве и среди них есть изменники? - удивился Омар.

- А твой зять Зайд? А твоя сестра Фатима, дочь Хаттаба? Оба они уже давно стали мусульманами и следуют за Мухаммедом, так что лучше возвратись и разберись сперва с ними.

Расвирепевший Омар немедленно направился к своей сестре Фатиме и ее мужу Зайду. У них в это время находился мусульманин Хаббаб со списком одной из сур Корана, которую он читал своим неграмотным друзьям. Заслышав шаги Омара, он прервал чтение и спрятался в чулан, а Фатима спрятала рукопись, сев на нее.

- Что это за бормотание я слышал? - спросил Омар, войдя в комнату.

- Ничего ты не слышал! - решительно ответили зять и сестра.

- Нет, клянусь богом, слышал! И мне сказали, что вы следуете за Мухаммедом! - закричал Омар и набросился на Зайда. Нужно отметить, что в патриархальной Мекке братья часто не любили мужей своих родных сестер, так как эти мужья, опираясь на древние обычаи, претендовали быть главными наследниками всего имущества, передававшегося по женской линии.

Фатима бросилась на помощь своему мужу - Омар отшвырнул ее и случайно поранил до крови. Тогда Фатима и Зайд сказали:

- Да, мы мусульмане, мы верим в Бога и его посланника - можешь делать с нами все, что угодно!

Когда Омар увидел кровь на лице своей сестры, он пожалел, что погорячился, оставил Зайда в покое и попросил дать ему рукопись, которую они читали до его прихода, - он только хочет посмотреть, что распространяет Мухаммед. Фатима заставила Омара поклясться, что он ничего не сделает со священным текстом, - он поклялся. Тогда Фатима сказала, что к рукописи может прикасаться только чистый, а он, Омар, - нечист "по язычеству своему". Омар умылся, и только тогда ему показали священный текст - это была якобы сура "Та ха", названная так по двум буквам, помещенным в ее начале, буквам, лишенным какого-либо смысла; но поскольку эти буквы помещены самим Аллахом, они являются неотъемлемой частью священного текста, и пропускать их благочестивый мусульманин не имеет права. Несет ли Мухаммед ответственность за эти загадочные буквы или их поставили с какой-то целью переписчики неясно.

"Не ниспослали Мы тебе Коран, чтобы ты был несчастен, а только как напоминание для того, кто боязлив", - прочел Омар и, пораженный, воскликнул:

- Как прекрасны и благородны эти слова! Когда прятавшийся Хаббаб услышал это, он вышел из своего укрытия и сказал:

- Омар! Клянусь Богом, я верю, что Бог, по молитве Пророка, отличит тебя, прошлой ночью я своими ушами слышал, как Пророк взывал: "Боже! Укрепи силы ислама Абу аль-Хакимом или Омаром, сыном Хаттаба!" К Богу же, Омар! К Богу!

- Веди меня к Мухаммеду! - восторженно закричал просветленный Омар. Веди меня к Мухаммеду, чтобы я сейчас же мог принять ислам!

Хаббаб объяснил, где искать Мухаммеда, и вот уже Омар, все еще препоясанный мечом, стучится в дом аль-Акрама и громко требует, чтобы его впустили.

- Это Омар, препоясанный мечом, - в страхе доложил один из спутников пророка.

- Впусти его, - сказал бесстрашный богатырь Хамза, находившийся тут же. - Если он пришел с мирными намерениями, мы встретим его хорошо; если он пришел как враг, мы его уьем же собственным мечом!

Мухаммед распорядился, чтобы Омара впустили. Когда Омар вошел в комнату, в которой находился Мухаммед, посланник Бога поднялся ему навстречу, схватил за воротник плаща и с силой притянул к себе:

- Что привело тебя, сын Хаттаба? Клянусь Богом ты не угомонишься, пока Всевышний не накажет тебя!

- О, Посланник! - сказал Омар. - Я пришел уверовать в Бога, его Посланника и во все, что ты получил от Бога!

Тут посланник так громко возблагодарил Аллаха, что все находившиеся в доме мусульмане сразу же поняли, что Омар принял ислам...

Второй рассказ о знаменательном обращении Омара на путь истинный ведется от лица самого героя этого исторического события.

"Я был далек от ислама, - рассказывал якобы сам Омар. - Я был пьяницей во времена невежества, я любил вино и изрядно попивал его. Обычно наша компания собиралась неподалеку от рынка аль-Хазвар. Однажды ночью отправился я туда в надежде застать своих собутыльников, но там никого не было. Тогда я решил, что неплохо было бы пойти к виноторговцу и достать у него чего-нибудь выпить. Пошел я к известному мне человеку, который торговал вином в Мекке, но не застал его дома и нигде не мог найти его. Тогда я решил, что неплохо было бы сходить к Каабе и обойти ее семь, а то и дважды семь раз.

Итак, пришел я к храму, намереваясь совершить обхождения, и вдруг вижу - посланник Бога стоит и молится. Когда он молился, он поворачивался лицом к Сирии, так что Кааба располагалась между ним и Сирией. Место же, где он обыкновенно молился, приходилось между восточным углом - углом Черного камня - и южным, йеменским. И тут я подумал: а ведь было бы неплохо подслушать, что говорит Мухаммед, когда он молится! Если бы я прямо подошел к нему, я бы испугнул его. Поэтому я подошел к Каабе со стороны "заповедного места", подлез под занавес и стал осторожно подкрадываться.

Тем временем посланник продолжал молиться на том же месте, читая Коран, а я остановился прямо перед ним, и между мной и посланником не было ничего, кроме покрывала Каабы.

Когда я стоял и слушал Коран, мое сердце смягчилось, я расплакался, и ислам проник в меня; но я все продолжал стоять на том же месте, пока посланник не окончил молитвы. Затем он удалился, а я последовал за ним.

Когда он направлялся от Каабы домой, то обычно проходил мимо дома, принадлежащего сыну Абу Хусейна, а затем пересекал дорогу, по которой паломники совершали свой бег между холмами ас-Сафа и аль-Марва. Потом он шел между дворами Аббаса и Ибн Азхара, затем мимо двора Ахнаса и входил в дом свой. Жилище его находилось в квартале ад-Дар ар-Рактаа, которым владел Муавия, сын Абу Суфиана.

Я продолжал следовать за Мухаммедом, пока он не оказался между дворами Аббаса и Ибн Азхара, и тут я стал нагонять его.

Посланник услышал мои шаги, оглянулся и узнал меня. Думая, что я преследую его со злым умыслом, он остановился и оттолкнул меня со словами: "Что привело тебя в такой час, сын Хаттаба?" Я отвечал, что пришел уверовать в Бога и его посланника и в то, что нисходит к посланнику от Бога. И возблагодарил посланник Аллаха, и сказал: "Бог направил тебя на путь истинный". Затем коснулся он рукой моей груди и помолился, чтобы я был стоек. Потом я расстался с ним, а он вошел в свой дом".

Стойкость в исламе, которую ему пожелал Мухаммед, Омар не замедлил проявить. Наутро он сообщил о своем обращении курайшиту, который слыл лучшим разносчиком новостей в Мекке, - тот накинул плащ и бросился к Каабе, где курайшиты уже восседали на месте своих обычных сборищ:

- Слушайте, курайшиты, сын Хаттаба совратился в сабейство!

- Он лжет! - сказал подошедший следом Омар. - Но я действительно стал мусульманином и свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - его слуга и посланник!

Тут курайшиты набросились на него, и произошла великая драка, длившаяся до самого

полудня. Омар, который один дрался против всех, наконец изнемог и опустился на землю. Курайшиты же столпились над ним.

И сказал им Омар, сын Хаттаба:

- Делайте со мной, что хотите! Но, клянусь Богом, будь нас сотни три, мы бы сразились с вами иначе! Тогда уж либо вы - нас, либо мы - вас!

И курайшиты убили бы Омара, если бы их не остановил Ас, сын Ваиля, напомнив им, что кроме Омара есть еще клан Ади, который никто не посмеет упрекнуть в пренебрежительном отношении к долгу кровной мести.

...В день своего обращения отправился неустрашимый Омар и к злейшему врагу мусульман Абу Джахлю, своему родному дяде.

- Добро пожаловать, почет и уважение племяннику! - такими словами встретил его Абу Джахль. - Что привело тебя?

- Я пришел уведомить тебя, что я уверовал в Бога и его посланника Мухаммеда и считаю истиной все, что он получает от Бога.

Абу Джахль, рассказывал Омар, захлопнул дверь перед его носом и сказал:

- Бог покроет бесчестьем и тебя, и принесенное тобой сообщение.

Обращение Омара явилось крупной победой Мухаммеда - до этого ни сам посланник, ни другие оставшиеся в Мекке мусульмане не осмеливались среди бела дня приходить молиться к Каабе. Омар, человек решительный, повел с курайшитами борьбу и боролся с ними до тех пор, пока не завоевал права приходить к Каабе, когда он пожелает, и беспрепятственно молиться там. Вслед за ним это право распространилось на остальных мусульман и самого Мухаммеда. Когда по одну сторону Мухаммеда шел богатырь Хамза, а по другую - Омар, у всякого пропадала охота оскорблять посланника Бога или насмехаться над ним.

Глава 13

Бойкот

Мухаммед научился управлять своим даром

Перелом в характере откровений

Абдаллах ибн Саад, секретарь Мухаммеда

Списки Корана

Образ жизни пророка

Отношения с верующими

Абу Джахль разрушает Конфедерацию Добродетельных - главную опору Мухаммеда.

Новое требование выдать пророка

Курайшиты объявляют хашимитам бойкот

Жизнь Мухаммеда под угрозой

Бегство части мусульман в Эфиопию, под защиту христианского правителя этой страны, почти совпало с окончанием пятилетия пророческой деятельности Мухаммеда. Да, уже прошло пять лет с тех пор, как на горе Хира Мухаммед получил первое послание от Аллаха, всемогущего, единственного, милостивого и милосердного.

Мухаммеду уже сорок пять лет - возраст, прямо сказать, не юношеский, с мечтательностью и восторгами малосовместимый. К пророческому дару Мухаммед привык - новые и новые откровения, откровения поэтические и вдохновенные, ниспосылаются ему Всевышним более или менее регулярно - мучительных сомнений в своей избранности, боязни оказаться покинутым на произвол судьбы давно нет, они остались в прошлом. Отношения Мухаммеда с Аллахом стали спокойными, в какой-то мере привычными, обыденными.

Пророк и его сподвижники глубоко и искренне убеждены, что стихи Корана - творчество самого Бога, о том, что Мухаммед "сочиняет" их, не может быть и речи. Только злобные курайшиты-язычники считают его автором Корана сердца их наглухо закрыты, божественная истина не может в них проникнуть. В их упрямстве Мухаммед тоже видит промысел Бога - тем более страшное наказание в этой жизни и загробной ждет ненавистных врагов.

С даром пророчества Мухаммед научился каким-то ему одному известным путем обращаться бережно, но властно. Откровения всегда нисходят на него в условиях, для этого подходящих - часто вслед за бурными душевными переживаниями, но никогда в момент самих переживаний. Если нужна собранность, трезвость мысли, действие - общение с Богом не отвлечет его, и он это прекрасно знает. Всему, как говорится, свое время.

Досадное происшествие с дочерьми Бога - лишь печальный эпизод, новые откровения прекрасно укладываются в систему его взглядов, не противоречат сказанному ранее, всегда злободневны, согласованы с причудливыми изменениями обстановки.

Ревел ли во время некоторых вдохновенных общений с Богом Мухаммед, "как молодой верблюд", или не ревел - не столь уж важно. Очевидно, что эпилепсией он не страдал, душевнобольным не был. Напрасно курайшиты называли его "одержимым" - он был хозяином своего Я даже тогда, когда терял сознание, погружаясь в транс. Одержим он был лишь верой - в Бога, в самого себя, в свой пророческий дар и в торжество начатого дела.

Быть пророком, конечно, не так просто. Община верующих властно требует новых и новых откровений. Атмосфера ожидания, тревоги и неуверенности, которая охватывает мусульман, когда откровения задерживаются, тяжело давит на Мухаммеда, угнетает его и мучает. И он торопит новое наитие, чтобы его сторонники получили без промедления столь нужные им стихи Корана - пусть всего несколько строк, но получили.

На время они успокаиваются, занятые изучением нового откровения, переписыванием его, выучиванием наизусть, проникновением в его загадочный, но чрезвычайно важный для них смысл.

В характере откровений Мухаммеду назревает перелом. Они все чаще ниспосылаются ему в форме ритмической прозы, с очень нечеткой рифмой.

Цикл поэтических сур Мухаммед завершил "Фатихой", сурой, которую много лет спустя поместили в начало Корана, как открывающую книгу. "Фатиха" завоевала популярность среди последователей Мухаммеда еще при его жизни, она стала чуть ли не самой распространенной молитвой:

Хвала Аллаху, Господу миров

милостивому, милосердному,

царю в день суда!

Тебе мы поклоняемся и просим помочь!

Веди нас по дороге прямой,

по дороге тех, которых ты облагодетельствовал,

не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Перед чтением какой-либо суры произносилась бас мала - стандартное восклицание, обращенное к Аллаху

- Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Впоследствии басмала стала рассматриваться как первый стих любой суры. Поэтому и "Фатиха", занимающая у мусульман еще более почетное место, чем "Отче наш" у православных христиан, в ее теперешнем виде начинается с басмалы. Напомним, что "Фатиха", Как и другие поэтические суры Корана, рифмована: все её строчки оканчиваются на одну и ту же рифму, закрепляющую ее четкий музыкальный ритм. По единогласному;

мнению, "Фатиха" - одна из самых поэтически совершенных сур Корана.

Обилие накопившихся священных посланий всемогущего Аллаха создавало для Мухаммеда немалые трудности. Опасность забыть, исказить или перепутать слова Аллаха была вполне реальна, и эта постоянная опасность немало тревожила Мухаммеда.

- Мы дадим прочесть тебе, и ты не забудешь, если не пожелает чего-нибудь Аллах, - утешал Мухаммеда Всевышний в одном из откровений, ведь, поистине, Он знает явное и то, что скрыто!

- Не шевели свой язык с этим, чтобы ускорить его Поистине, на Нас лежит собиание его и чтение. И когда Мы читаем его, то следуй за его чтением.

Иными словами, не волнуйся, Аллах сам позаботится о твоей памяти. Ты забудешь только то, что следует за быть, вычеркнуть навсегда. Не все, что ниспосылается предназначено на века - иное нужно будет забыть, это приказания Аллаха, справедливые только для определенного времени и для данных обстоятельств. Если кто-нибудь попрекнет тебя: "Разве ты не помнишь, что ты говорил раньше?" - не смущайся. Раз забыл, - значит, то, что говорилось раньше, отменено Богом, а не тобой. И тот, кто настаивает на устаревшем, отмененном, идет не только против тебя - дерзает идти наперекор Богу, впадает в непростительный грех, ему нет места среди правоверных.

Позднее Аллах пообещал отмененные стихи Корана заменить новыми, на этот раз правильными и непреходящими...

Проблема, вызванная обилием священных текстов, получила, как видим, всестороннее разрешение. Забудется - не страшно, значит, так тому и быть, забылось не случайно, а по воле Аллаха.

Обидно, конечно, если забудется или перепутается не устаревшее, а хорошее, вполне удавшееся, то, что выбрасывать из Корана жалко. А ведь как ни феноменальна память Мухаммеда, и такое может случиться - священные тексты множатся, в разных сурах содержатся близкие по смыслу места и словосочетания, в пределах сур - резкие тематические переходы. Во избежание путаницы пришлось Мухаммеду, который был неграмотным или недостаточно грамотным, прибегнуть к услугам секретаря. Для такой

работы нужен был Мухаммеду человек вполне надежный, безгранично преданный - должность секретаря посланника божьего, записывающего с его слов откровения, чрезвычайно ответственная должность. Ведь кое-что сразу после откровения Мухаммед может и не запомнить, так что первоначальный текст в некотором смысле все-таки является лишь черновиком, в него следует внести поправки, если Аллах оживит память Мухаммеда. В этих небольших доработках окончательного текста откровений - большой соблазн для секретаря легкомысленного, не обладающего полнотой веры в Аллаха и его посланника.

Чаще других пользовался Мухаммед для записи откровений услугами некоего Абдаллаха, сына Саада, молочного брата Османа ибн аль-Аффана. зятя Мухаммеда. Абдаллах ибн Саад сам был поэтом, он отличался безукоризненной грамотностью и превосходным чувством слова. По отношению к Мухаммеду держался почтительно, смотрел преданно, работал усердно, и Мухаммед ему полностью доверял. К сожалению, Абдаллах ибн Саад был честолюбив и к чужой славе несколько завистлив; кроме того, хотя он и стал мусульманином, но особого рвения в вопросах веры не проявлял, а аскетических наклонностей лишен был вовсе. Он продолжал водить дружбу с поэтами-язычниками и в их компании, за чашей вина, не прочь иногда был о своей работе у Мухаммеда выразиться несколько таинственно и загадочно, а то и лукаво. Ничего порочащего Мухаммеда он не рассказывал - тому бы тотчас обо всем донесли, но по его тону и выражению лица можно было догадаться, что себя он отнюдь не считает человеком, совершенно непричастным к творчеству Мухаммеда, простым исполнителем, писцом. Впоследствии оказалось, что Мухаммед превосходно разбиравшийся в людях, в своем секретаре ошибся, что попросту он пригрел змею у себя на груди.

В эти годы получил Мухаммед свыше и указание, как следует читать Коран. Оказывается, очень громко читать Коран ни к чему - Мухаммед и его последователи поступали так напрасно, Бог прекрасно слышит и молитвы, произнесенные не слишком громко, но внятно. Очень громкое чтение Корана лишь на руку язычникам - оно позволяет им передразнивать молящихся мусульман и подавать оскорбительные реплики; в таких условиях от молитвенного настроения, без которого никакой пользы от чтения Корана нет, вряд ли что-нибудь может остаться. Изменения в правилах чтения Корана вызваны были, как видим, в первую очередь враждебным поведением курайшитов, не упускавших случая помешать сторонникам Мухаммеда совершать молитвы.

За пять лет, прошедших от начала пророческой деятельности Мухаммеда, многое изменилось в образе его жизни. Появление секретаря, записывающего тексты божественных откровений, - не единственная перемена. Абиссинец Билаль, бывший раб, выкупленный и отпущенный на волю Абу Бакром, принял на себя заботу о пророке и посланнике божьем - он одновременно и брат Мухаммеда по вере, и слуга, и привратник, и телохранитель. Впрочем, заботы о Мухаммеду несложны - живет он по-прежнему предельно просто, одевается скромно, в грубый плащ, имеет одну перемену полотняного белья, никаких шелков и дорогих тканей себе не позволяет, носит чалму или наголовный четырехугольный платок, сапоги или сандалии, собственноручно чистит и чинит свою одежду, слуга ему для этого не нужен.

За своими густыми, спадающими на плечи волосами, за бородой и усами он также ухаживает сам, и ухаживает заботливо - пророк по-прежнему любит опрятность, бороду и усы он смачивает благовониями - единственная роскошь, которую он себе позволяет. Без помощи слуги совершает Мухаммед частичные и полные омовения.

Столь же проста и еда Мухаммеда: горсть фиников, ячменная лепешка, сыр, чашка молока, каша и фрукты - вот его пища изо дня в день. Вина Мухаммед не пьет, мясо подается не чаще раза в неделю.

Переселение Мухаммеда в дом аль-Акрама, случившееся в начале 614 года, не следует понимать буквально. У аль-Акрама, в самом центре Мекки, неподалеку от холма ас-Сафа, от которого паломники начинают свой благочестивый бег, Мухаммед проводит целые дни,

нередко он здесь же ночует, но это не его дом. Отсюда он возвращается туда, где живет Хадиджа, его дочь Фатима, племянник и воспитанник Али и приемный сын Зайд - здесь его настоящий и единственный дом, здесь его семья, здесь протекает его частная жизнь, протекает замкнуто, не на виду.

Хадидже уже за шестьдесят, но она по-прежнему для Мухаммеда и любимая жена, и самый близкий друг одновременно. Между ними полное согласие, трогательная и заботливая дружба. Хадиджа без колебаний следует за своим мужем-пророком навстречу тревогам и опасностям, она глубоко верит в него, утешает его в минуты поражений, радуется его успехам, заботится о нем. В вере она тверда, впрочем не проявляя никакого излишнего рвения и фанатизма от мусульманки этого не требуется. В дела мусульманской общины Хадиджа не вмешивается, политикой не занимается. Все ее бывшее "богатство" ушло на приданое дочерям, растрчено на дело веры. Со всеми братьями и сестрами по вере она равно приветлива и уважительна. Отношение мусульманской общины к ней почтительное и доброжелательное, можно с уверенностью сказать, что ее все любят - название "Мать верующих" она вполне заслуживает.

Ненависть, которую курайшиты питают к Мухаммеду, на Хадиджу не распространяется - она жена, ей и положено следовать за своим мужем, иначе, по понятиям язычников, она и не должна поступать. Никто ее не оскорбляет, ничто не угрожает ее жизни, и в этом отношении дни ее проходят мирно. Сфера ее забот - дом, семья.

Фатиме, младшей дочери Мухаммеда, уже десять лет, она ревностная и сознательная мусульманка. Ни красотой, ни особым умом Фатима не отличается, она несколько флегматична. Но для Мухаммеда она самая близкая и любимая из его дочерей.

Али, родной племянник пророка, пламенно предан Мухаммеду и исламу. Впрочем, не меньшей преданностью одушевлен и Зайд, приемный сын Мухаммеда. Между Зайдом и Али уже начинается соперничество за любовь и близость к посланцу Бога. Оба они - его единственные прямые наследники.

Если в семье Мухаммед живет уединенно, то в доме аль-Акрама, в штаб-квартире мусульманской общины, он на виду. Здесь, в большом зале, в котором, потеснившись, помещаются сорок - пятьдесят человек, постоянно окруженный единоверцами, проводит Мухаммед большую часть времени.

Дел у него много - он не только духовный, но и светский глава общины верующих. Светская власть перешла к нему сама собой: люди, предавшие себя Богу, поклялись руководствоваться ниспосылаемыми от Бога законами - только божественными законами, и никакими иными: другие законы, кроме одобренных Богом, для них просто не существуют. Только божественные законы - настоящие, которым следует подчиняться не за страх, а за совесть, без такого послушания не может быть счастья ни в ближней жизни, ни в загробной. Все остальные так называемые законы лишь измышления людей, в зависимости от обстоятельств им можно подчиняться или не подчиняться, но нравственной силы они не имеют. Мухаммед - пророк, от него поступают к людям распоряжения Аллаха, поэтому он же и законоучитель. Впрочем, деление на духовное и светское чисто условно: на самом деле поступков, не имеющих отношения к Богу и вере, - нет, вера должна охватывать все стороны человеческого бытия, все должно строиться на правилах, прямо или косвенно вытекающих из повелений Бога.

Поэтому иная власть, кроме власти духовного главы, для общины истинно верующих неприемлема, будущее общины мыслится без каких-либо существенных изменений ее уклада.

В большом зале дома аль-Акрама Мухаммед руководит коллективными молитвами

верующих. Время и продолжительность молитв еще не установлены. Руководить совместными молитвами мусульман - исключительное право Мухаммеда. Без него не бывает и совместных молитв, тогда каждый молится сам по себе.

Немало времени отнимает у Мухаммеда толкование Корана - в божественной книге для верующих много неясного и непонятного. Упоминания о событиях древности, описания страшного суда, ада и рая порой очень кратки, иногда это только намек, а верующие жадно интересуются подробностями, они хотят видеть полную картину, и Мухаммед в своих рассказах дорисовывает, дополняет Коран.

В общине верующих царит братская любовь, правдивость и искренность. Со всеми заботами и сомнениями верующие идут к Мухаммеду. Запретных тем почти нет - все одинаково существенно; и торговые дела, и сны, и душевные побуждения, и подробности интимной жизни выносятся на общий суд. О самом же сокровенном верующие беседуют с Мухаммедом с глаза на глаз. Он - посланник божий, секретов от него быть не может.

Нет ли греха в том, что я сделал, сказал, почувствовал, подумал, - вот главный вопрос, с которым обращаются к Мухаммеду. И Мухаммед должен решить, есть грех или нет, а если есть - то как его искупить, как очистить себя, чтобы в дальнейшем греховный поступок или низкое движение души не повторилось.

При оценках серьезности того или иного проступка Мухаммед чаще всего исходит из побуждений. Важно выяснить, какие побуждения лежали в основе греха, не гнездится ли в душе тяготение ко злу и беззаконию. Формальная же сторона дела интересует его меньше - случайные оплошности он вообще не склонен считать грехами.

Пропустил утреннюю молитву? Ну что же, надо было помолиться, когда вспомнил об этом. Нарушил пост? Нехорошо, конечно, придется тебе начинать его сначала. Приласкал жену в неположенное время? Очень плохо, это гадость и грех в глазах Бога, так поступают только гнусные язычники! Помолись, назначь себе пост во искупление греха, подай милостыню и впредь удерживай себя от таких мерзостей. Аллах же милостив, милосерден, он готов простить каждого, кто покаяться в грехе и тверд в вере.

Главное - это вера, если есть вера, непростительных грехов нет. Не можешь ежедневно выстаивать треть ночи на молитве? Жаль, конечно, дело это очень полезное и угодное Аллаху, но раз не можешь - что же, сократи продолжительность молитвы или молись через день, как тебе будет по силам. Вообще же чрезмерно не изнуряй себя, ничего хорошего в этом нет, Аллах не требует этого от человека.

В этом нет греха, и в этом тоже нет греха, приходилось постоянно повторять Мухаммеду, потому что верующие часто шли к нему с совершенной ерундой, особенно те, кто во что бы то ни стало хотел получить точные указания на каждый случай, который может произойти в жизни. Самое главное вера, неоднократно повторял Мухаммед, а не то, сколько ты молишься, постишься, сколько сотворил поясных и земных поклонов; вера и стремление к чистоте.

Быть особенно строгим со своими последователями Мухаммед и не мог ведь иной, если его прижать покрепче, пожалуй, может и не выдержать, скажет: "Салам! Мир тебе, Мухаммед!" - только его и видели, вернулся к почитанию старых и не столь требовательных богов, благо курайшиты-язычники готовы встретить вероотступников с распростертыми объятиями...

Искренность и правдивость мусульман друг с другом и с Мухаммедом сильно напоминает публичную и тайную исповедь: этот обычай исповедоваться никогда не был узаконен Мухаммедом, пожалуй, пророк никогда и не рассматривал исповедь как составную часть религиозной практики. Некоторые мусульмане определенно тяготели к этим регулярным самообнажениям и самобичеваниям, против чего Мухаммед не возражал. Большинство было, однако, против исповеди, чрезмерной и ненужной правдивости, против бесстыдного

обнажения собственных грехов, считая, что исповедь противоречит обязанностям верующего. "Не торопись разглашать то, что Аллах оставляет до времени скрытым", - с гневом говорил Абу Бакр одному из любителей каяться.

Во время конфиденциальных бесед с Мухаммедом верующие обсуждали с посланником Бога не только свои дела, но и слова и поступки других - важно было узнать, хорошо ли поступил, например, Омар, который третьего дня сделал то-то и то-то, можно ли, не впадая в грех, говорить так, как позволяет себе говорить Абу Бакр?

Правильно ли пришедший посоветоваться с Мухаммедом оценил их слова и поступки? Подобные вопросы Мухаммед выслушивал внимательно и благосклонно, а добровольных осведомителей не только не гнал от себя, но определенно даже поощрял - ему было важно знать, чем дышит каждый из его последователей, везде иметь свои "глаза и уши". Делалось все это, конечно, исключительно в интересах общего дела, во имя торжества истинной веры. Так или иначе, о положении дел в общине Мухаммед был прекрасно осведомлен.

Весть о появлении в Мекке проповедника новой веры, объявившего себя пророком и посланником единого всемогущего Бога, Аллаха, и о вспыхнувшей в связи с этим вражде в племени курайшитов быстро разнеслась по Центральной Аравии. Среди паломников и торговцев, посещавших Мекку, немало было и таких, которые собственными глазами хотели увидеть новоявленного пророка и из его уст услышать о той вере, которую он проповедует. Не повидав такой диковинки, появившейся в "столице", просто было неловко возвращаться домой, в родные оазисы и кочевья. Конечно, курайшиты, как могли, препятствовали встречам приезжих с Мухаммедом, но предотвратить их были не в силах.

Приезжих язычников Мухаммед принимал охотно, чаще всего в том же доме аль-Акрама. Гости постоянно заставляли Мухаммеда в окружении его "спутников" - большей частью это были окончательно разорившиеся мусульмане; торговать им было не на что, какую-нибудь поденную работу в Мекке было найти трудно, особенно для мусульманина, а потому они чуть не с утра до вечера пребывали вместе с пророком, составляя его свиту, всегда готовую услужить, а если надо, и защитить посланника. Кормились эти братья по вере вместе с Мухаммедом за счет той милостыни, которую Абу Бакр, аль-Акрам, Омар и другие зажиточные мусульмане продолжали регулярно вносить в кассу общины.

Гостей угощали щедро, не скупились, и все же обстановка, в которой они заставляли Мухаммеда, производила на них самое неблагоприятное впечатление. Бедность даже не главное - ее можно было понять и как нарочитую, продиктованную религиозными соображениями; что пророк ведет самый простой образ жизни, было всем известно. Но окружение... Сплошь ничтожные люди, ни одного лица, пользующегося известностью или уважением, одни какие-то неудачники. С первого взгляда было понятно, что ни богатством, ни властью, ни авторитетом в своем племени Мухаммед не пользуется...

Какое впечатление производит его "свита" на гостей, Мухаммед прекрасно знал, и это его огорчало. Говорят, когда знатные курайшиты "соблазнили" Мухаммеда признать своих богинь в качестве дочерей Бога, они среди прочего сулили ему, что будут "сидеть вокруг него" - тогда, дескать, любой пожаловавший к Мухаммеду шейх кочевого племени сразу же поймет, что пророк Бога - лицо значительное и важное.

Вслед за угощением начиналась неторопливая беседа - гости спрашивали, Мухаммед отвечал. Подробно рассказывал им о милосердном Аллахе, о явившихся ему, Мухаммеду, откровениях, цитировал наизусть Коран, разъясняя заповеди Бога. Гости внимательно слушали все это, вежливо благодарили, прощались и уходили. Никаких важных результатов подобные встречи не приносили - правда, росту известности Мухаммеда они все-таки способствовали.

Мухаммед с горечью убеждался, что на кочевников его проповедь не производит почти никакого впечатления, они совершенно чужды исламу, Коран для них - забавная сказка, не более. Языческие боги вполне устраивают их, никакой новой веры кочевники не ищут и не хотят.

Выходцы из оазисов казались менее безнадежными - ислам они принимать не собирались, но слушали с интересом, чувствовалось, что религиозные поиски для них - дело наболевшее, серьезное.

В целом же, повторяем, ощутимой пользы контакты Мухаммеда с иноплеменниками не давали, он лишь все больше убеждался, что Аравия не готова принять его учение в том виде, как оно есть. Только в самой Мекке у него достаточно сильные позиции, только здесь, несмотря на вражду курайшитов, есть реальные шансы на успех. Здесь, в Мекке, и надо было удержаться во что бы то ни стало.

В общине верующих к 616 году уже определились свои лидеры. Ближе всех к Мухаммеду стоит Абу Бакр. Он умен, грамотен, тверд в исламе, щедро творит милостыню - состояние его тает на глазах. Среди мусульман он пользуется заслуженным уважением, в общине на его стороне сильная партия. О конкуренции с Мухаммедом, конечно, не может быть и речи, но многие считают его самым авторитетным после пророка, готовым бескорыстно отстаивать общее дело. Кроме того, с Мухаммедом его связывает личная дружба - он первый советчик посланника Бога в трудную минуту, доверенное лицо и помощник. Лишь отсутствие родства с пророком роняет Абу Бакра в его собственных глазах и глазах верующих - что ни говори, они с Мухаммедом люди чужие: Мухаммед хашимит, он, Абу Бакр, - из клана Ади. Это, пожалуй, единственное уязвимое место Абу Бакра, предмет его потаенной горечи.

Вторая фигура после Абу Бакра - богатырь Хамза. Знатком ислама и тонким политиком его назвать нельзя, но он прямодушен, честен и непоколебимо предан Мухаммеду, готов не задумываясь отдать за него жизнь. Как воин он стоит едва ли не больше, чем добрая половина мусульман. Хамза - родной дядя Мухаммеда, это тоже не следует сбрасывать со счетов.

На глазах "растет" недавний прозелит, неустрашимый Омар, сын Хаттаба. Пока ему еще далеко до Абу Бакра и Хамзы, но авторитет его в общине верующих неуклонно повышается, а дружба с Мухаммедом крепнет. Среди мусульман у него много родственников. Абу Бакр, Хамза, Омар - ровесники Мухаммеда, это старшее поколение мусульман, люди между сорока и пятьюдесятью годами. Но растет и молодежь. Наиболее опасными конкурентами старшего поколения обещают стать в будущем Али и Зайд.

Остальных лидеров мусульманской общины - зятя посланника божьего Османа ибн аль-Аффана и бывшего ханифа Османа ибн Махаума - сейчас нет в Мекке; они отправились в Эфиопию, спасаясь от преследований курайшитов.

После бегства восьмидесяти трех мусульман в Эфиопию с Мухаммедом в Мекке осталось меньше сотни "спутников", единоверцев, сопутствующих пророку в его борьбе за правую веру. Из них несколько десятков вынуждены были хранить в глубокой тайне свою приверженность исламу из-за боязни крутых мер со стороны родственников, оставшихся в язычестве. Надо сказать, что родственники-язычники в этот период распоясались окончательно: старшие братья, отцы, деды и дядья по освященному традицией праву наводили порядок в своих семьях, нередко кулаками вразумляя провинившихся "детей", впавших вместе с Мухаммедом в "сабейство". От такой расправы со стороны родственников ничто не могло спасти мусульман - свои своих могли в принципе и убить, никому до этого дела не было, внутренние дела каждого клана никого не касались. Вразумление мусульман, позоривших честь семьи и клана, чаще всего производилось патриархально, без увечий и истязаний. Хуже приходилось рабам, вопреки воле хозяев примкнувшим к Мухаммеду, -

некоторым из них пришлось вынести серьезные испытания: их изо дня в день избивали, лишали пищи и воды, заставляли часами стоять на солнцепеке. Рассказывают, что одна мусульманка из клана Махзум, не выдержав истязаний, умерла. Некоторые, спасая жизнь, отрекались от веры в Аллаха и признавали традиционных курайшитских богов. Отречение под угрозой смерти, успокаивал Мухаммед малодушных, не является непростительным грехом, верность исламу до конца похвальна, но не обязательна. Более того, отрекшийся под угрозой смерти продолжает оставаться мусульманином. Таким образом, в период наиболее острых преследований можно было тайно исповедовать ислам и успешно скрывать принадлежность к общине мусульман, формально соблюдая языческие обряды.

Искоренить ислам с помощью жестоких мер "вразумления", впрочем применявшихся очень редко и почти исключительно по отношению к рабам, было невозможно. Торговая же блокада оставалась недостаточно эффективной, пока Мухаммед и его приверженцы опирались на поддержку Конфедерации Добродетельных.

Примерно в начале 616 года главой махзумитов, наиболее богатого и влиятельного клана Мекки, вместо престарелого и консервативно-умеренного аль-Валида стал энергичный и умный Абу Джахль, сторонник искоренения ислама любой ценой. Понимая, что Мухаммед неуязвим, пока за его спиной стоит оппозиционно настроенный к мекканским верхам сильный блок из пяти кланов, Абу Джахль приложил все усилия, чтобы ослабить и разрушить Конфедерацию Добродетельных. В сравнительно короткий срок Абу Джахлю и другим врагам Мухаммеда путем выгодных предложений о торговом партнерстве удалось склонить на свою сторону кланы Зухра, Тайм и Ади и создать коалицию, в которую впервые в истории Мекки вошли почти все кланы курайшитов. Коалиция была направлена главным образом против хашимитов, которые в результате дружбы с общиной мусульман, способной в случае чего выставить до пятидесяти воинов, опасно усилились.

Представительная депутация вскоре отправилась к Абу Талибу и вновь, на этот раз от имени всего племени курайшитов, потребовала либо усмирить, либо выдать Мухаммеда. При этом было твердо заявлено, что никаких проволочек курайшиты терпеть не намерены: если хашимиты не выдадут Мухаммеда, вражда их со всем племенем неизбежна.

Абу Талиб и другие "сыны Хашима" оказались в трудном положении. Выдать Мухаммеда означало потерять также и бесстрашного богатыря Хамзу, и сыновей Абу Талиба, и многих других сородичей - урон для клана непоправимый, дружба же с курайшитами, купленная подобной ценой, казалась весьма сомнительной.

С другой стороны, лишившись союзников, кроме общины мусульман и крошечного клана аль-Мутталиб, хашимиты в случае вражды со всем племенем рисковали подвергнуться полному разгрому.

Выбор был тяжелый, и тем не менее хашимиты снова отказались выдать Мухаммеда. Решающую роль при этом сыграл Абу Талиб, лично для которого дружба с курайшитами означала потерю двух сыновей Али и Джафара, племянника и родного брата, на что он ни при каких обстоятельствах согласиться не мог. Не будь Абу Талиба, хашимиты выдали бы Мухаммеда его врагам.

Санкции со стороны курайшитов последовали немедленно: за поддержку врагов и сеятелей смуты, богохульников и вероотступников всему клану Хашим был объявлен бойкот - это означало, что ни один человек в Мекке не имеет права вступать с хашимитами в какие-либо деловые отношения; брачные союзы между хашимитами и представителями всех других кланов также запрещались.

Бойкот хашимитов и единственного оставшегося у него союзника - слабого и малочисленного клана аль-Мутталиб - был торжественно провозглашен в конце 616 года. Текст принятого

решения курайшиты прикрепили к стене Каабы - для всеобщего сведения, чтобы не только мекканцы, но и все приходящие в город знали, что клан Хашим из племени исключен. По замыслу врагов Мухаммеда, эта мера должна была нанести такой ущерб торговле хашимитов, которого они не выдержат. В конце концов под угрозой неизбежного разорения хашимиты откажутся поддерживать Мухаммеда, и тому не останется иного выхода, как бежать из Мекки.

Не заточить в темницу, не убить, а во что бы то ни стало изгнать Мухаммеда из Мекки - вот та цель, которую преследовали курайшиты.

Бежать Мухаммеду было совершенно некуда - разве что спастись в Эфиопию или Византию, поставив крест на своей пророческой миссии. На успех проповеди в этих странах он, конечно, рассчитывать не мог, и не только потому, что никаким языком, кроме арабского, не владел. В странах восторжествовавшего христианства государственная власть с пророками не церемонилась, и буде какой объявлялся, его, как лжепророка, немедленно казнили или на всю жизнь сажали в тюрьму, чтобы он зря не смущал народ. И справедливейший эфиопский негус, давший приют бежавшим из Мекки мусульманам, по отношению к своим собственным подданным поступал точно так же. В пределах же Аравии не было ни одного племени, хоть сколько-нибудь сочувствовавшего исламу и готового предоставить убежище посланнику Бога.

Курайшиты не собирались убивать Мухаммеда, и все же период личной безопасности для него миновал - силы коалиции, враждебной хашимитам, были так велики, что никто не мог поручиться за дальнейшее. В истории арабских племен случаи жестокой расправы с беспечным противником, положившимся на мирные уверения, были хорошо известны. Коварное нападение из-за угла, ночной налет с последующей кровавой резней и обращением в рабство всех уцелевших и сдавшихся на милость победителей расценивались как похвальное проявление военной хитрости, нисколько не пятнающее честь победителей. С такой же жестокостью нередко решались споры и между родственниками.

От возможности внезапного нападения следовало застраховаться. и Мухаммед сразу же после провозглашения бойкота перебирается в "замок" Абу Талиба - укрепленный квартал хашимитов, расположенный в узкой долине на восточной окраине Мекки. Вместе с ним за прочной стеной из сырцового кирпича, перегородившей долину, укрылись и другие мусульмане со своими семьями. О том, что все они вооружены, можно было бы и не упоминать - каждый свободный араб умел владеть оружием и хоть какое-нибудь оружие было у каждого. Союзники мусульман - хашимиты - также покинули свои дома, рассеянные по всему городу, и собрались в "замке" Абу Талиба. Здесь, в случае необходимости, они могли выдержать даже продолжительную осаду.

Когда Мухаммед поднимался на стену, он видел перед собой каменистый, выжженный солнцем пустырь. За ним начинался город, он сбегал на дно мекканской долины, разливался вправо и влево, карабкался на противоположный склон. Серый куб священного храма вздымался в центре города, на плоской крыше храма темнели каменные идолы - торжествующие, ненавистные, незыблемые.

Его загнали на самую окраину города, который был для него его родиной. Сразу за его спиной, там, где по утрам над невысокими горами вставало солнце, начиналась уже собственно Аравия - тоже родина, но без священного города как бы не существующая, лишенная одухотворенности и смысла. Бойкот поставил Мухаммеда на границу между Меккой и Аравией - границу условную и зыбкую, пролегшую через душу и сознание. Прочь, в Аравию, гнали Мухаммеда курайшиты, выполняя предусмотренную для них Аллахом роль, необходимую для правильного течения истории. Мухаммед же был готов сделать все, чтобы не дать вышвырнуть себя из Мекки, во что бы то ни стало вернуться в священный город. Во что бы то ни стало, но, конечно, не любой ценой: ислам, созданный им в творческих муках, -

это ведь тоже была родина, еще более дорогая, чем Мекка и Аравия.

Глава 14

Тяжёлые годы

Нужда

Сомнения верующих

Вероотступничество

Новые суры

Их стилистическое новаторство

Новая тактика борьбы

Иблис и его власть над грешниками

Высказывания Мухаммеда о других пророках

Мысль о выселении как о способе разрешения конфликта с язычниками

Прекращение бойкота

Для хашимитов и Мухаммеда наступило тяжелое время. Горожане ничего не покупали у них и ничего им не продавали. Так же поступали и многие кочевники, связанные с курайшитами договорами о союзе и покровительстве. Это не только подрывало торговлю хашимитов;

временами они оставались совершенно без всякой пищи, и замок Абу Талиба оглашался криком голодных детей. У них были деньги, а в Мекке имелось достаточно продовольствия, но из-за бойкота они ничего не могли купить.

Выручали их родственники, сыновья хашимиток, выданных замуж за представителей других кланов. Так, сын Атики, дочери славного Абд аль-Мутталиба, несколько раз тайком пробирался в квартал хашимитов, приводя с собой верблюда, нагруженного продовольствием. Делал это он по ночам, страшась мести курайшитов, боясь поставить себя и своих близких под удар бойкота. Бойкот проводился всерьез, и, надо думать, курайшиты в конце концов заставили бы Абу Талиба капитулировать и изгнали бы Мухаммеда, если бы они могли добиться полного единодушия в своих рядах. Задача эта, однако, для язычников была невыполнима. Священные месяцы всеобщего мира, во время которых запрещалась даже кровная месть, приносили с собой не только полную безопасность хашимитам и Мухаммеду, но и давали им возможность поторговать с паломниками на ярмарках в окрестностях Мекки. Для Мухаммеда священные месяцы были временем активной проповеди своего учения среди кочевников и жителей оазисов, собиравшихся на ярмарки.

Бойкот не мешал хашимитам вести караванную торговлю, и им удалось снарядить два или три каравана в Сирию. Все это, вместе взятое, - помощь родственников и друзей, торговля на ярмарках в месяцы священного перемирия и посылка небольших караванов, - позволяло хашимитам выдерживать бойкот, и они упорно отказывались выдать Мухаммеда.

С началом бойкота для Мухаммеда началась жизнь, стесненная и бедная внешними событиями. Приток новообращенных почти прекратился, часть недостаточно стойких мусульман "соблазнилась" и вернулась к почитанию языческих богов.

В этих условиях усилия Мухаммеда были направлены на сохранение общины.

Последователей Мухаммеда в Мекке насчитывалось около сотни - считая и тех, кто в разное время вернулся из Эфиопии. По свидетельству арабских историков, из Эфиопии в Мекку возвратились тридцать три мусульманина, в том числе и зять Мухаммеда Осман ибн аль-Аффан с дочерью пророка Рукайей, и проповедник крайнего религиозного аскетизма, бывший ханиф, Осман ибн Махзун. Каждый мусульманин, чтобы вернуться в Мекку, заручался покровительством кого-либо из язычников - чаще всего своих близких родственников. Патрон-язычник приводил своего клиента-мусульманина к Каабе и здесь во всеуслышание троекратно объявлял, что отныне такой-то находится под его покровительством. С этой минуты соглашение приобретало силу закона, и всякий, нанесящий ущерб клиенту, знал, что он будет иметь дело с патроном. Любопытно, что покровительство нередко оказывали мусульманам самые злейшие враги Мухаммеда, и в их числе престарелый аль-Валид-аль-Мугира - он взял под защиту Усмана ибн Махзуна.

Мухаммед разрешил Абу Бакру покинуть Мекку, но тот смог остаться в городе после того, как получил покровительство одного из шейхов.

Новый натиск курайшитов поставил перед общиной мусульман и Мухаммедом, как пророком и посланником всемогущего Бога, исключительно трудные проблемы. Воздаяние в загробной жизни с самого начала было не самым главным в учении Мухаммеда. По логике религиозного мышления и по духу проповедей Мухаммеда неизбежно следовало, что праведные, предавшие себя истинному Богу, получают воздаяние уже здесь, на земле, в то время как гнусные идолопоклонники и многобожники будут посрамлены. Выходило же нечто совсем несообразное: праведные терпели одно поражение за другим, жизнь их с каждым годом становилась все труднее, надежды восторжествовать над язычниками становились все призрачнее и несбыточнее. Когда же приток новообращенных прекратился и численность мусульман из-за измены слабодушных стала чуть ли не сокращаться, вопрос о правильности избранного пути достиг небывалой остроты. Действительно ли Мухаммед посланник Аллаха? Правильно ли истолкованы им повеления милосердного? Не допущены ли какие-нибудь роковые ошибки, из-за которых вместо торжества и победы жизнь обрушивается на верующих одно испытание за другим? В чем причины явного неуспеха проповеди, в чем смысл торжества курайшитов? Чего следует ожидать от будущего?

На все эти вопросы Мухаммед дает ответы в новых и новых сурах Корана. Действительность изменилась, и нет ничего удивительного, что характер посланий всемогущего Аллаха тоже изменился. Поэтическое вдохновение и образная сжатость первых откровений сменяется в этот период спокойным повествованием в рахманских, учительских сурах и подробным анализом дискуссии с многобожниками в так называемых пророческих сурах. Каждая строка, заканчивающаяся рифмой, настолько удлиняется, что суры перестают восприниматься как чисто поэтические произведения. Суры, созданные Мухаммедом в годы бойкота, представляют собой рифмованную прозу; размерность соблюдается, так что эта проза не только рифмованная, но и ритмическая.

Объем созданного в эти годы Мухаммедом огромен. За шесть лет с момента объявления бойкота Мухаммед завершил около сорока рахманских и пророческих сур.

Некоторые из них содержали более двухсот стихов. Каждый стих нередко представляет собой самостоятельное целое, законченный отрывок.

Тот, кто будет читать рахманские и пророческие суры Корана подряд, рассчитывая найти в них обилие нового и неожиданного материала, неизбежно разочаруется. В них почти нет ничего принципиально нового для концепции ислама по сравнению с тем, что было изложено Мухаммедом в предыдущих, поэтических сурах. Вновь и вновь подтверждается от имени Бога пророческая миссия Мухаммеда, вновь и вновь осуждается многобожие. Есть только два пути. Покорность Богу и его посланнику - воскресение - страшный суд - вечное блаженство в раю; это путь праведных. Многобожие, неверие Мухаммеду, неверие в божественный Коран -

адские мучения в аду после воскресения и суда;

это путь заблуждающихся. Третьего не дано, никаких компромиссов быть не может.

Разногласия между Мухаммедом и курайшитами по основному вопросу - о природе и сущности Бога - отразились в этих сурах очень отчетливо. Мусульмане признают только Аллаха, Бог наш един, утверждают они. Курайшиты, во всяком случае те из них, с которыми Мухаммед считает целесообразным вести полемику, оказывается, вовсе не отрицают существования Аллаха, но они придают ему "сообщников" - под видом дочерей Бога, его помощников, нечестивые курайшиты протаскивают многобожие, отвергают тезис Мухаммеда, что Бог един. Таким образом, в это время ожесточенной полемики верховную роль Аллаха признают все - и язычники и мусульмане, суть расхождений - в "сотоварищах" Аллаха.

Бог не рожден и не рождает, настаивает Мухаммед, все, что он творит, он творит своим словом. Достаточно Аллаху сказать: "Буди!" - и задуманное им оказывается сотворенным. Поэтому ни дочерей, ни сыновей у Аллаха нет и быть не может, всякий, кто утверждает противное, - мерзкий язычник, для которого уготована геенна. По этой же причине не правы те из насара, кто считает "сыном божьим" пророка Ису, рожденного непорочной девой Марьям по воле Аллаха.

Нет у Аллаха и "сообщников", "сотоварищей", помощников, наделенных отдельной от него волей, - у всевышнего и милосердного есть только рабы, действующие в соответствии с волей своего господина.

С пафосом и страстностью многократно подчеркивается в сурах, что напрасно многобожники надеются получить от почитаемых ими богов помощь в день страшного суда - не выйдет! В геенну огненную будут безжалостно низвергнуты и они сами, и те, кого они почитали как сотоварищей Аллаха... А в одном из преданий рассказывается про язычника, который хвалился перед мусульманином, что в раю он будет награжден еще с большей щедростью, чем последователи Мухаммеда.

Пожалуй, получается несколько странная полемика с идолопоклонниками! Они признают Аллаха, хотя и с "сообщниками", они допускают ад и рай, а следовательно, и воскресение, и страшный суд... Неужто язычники так много заимствовали из учения Мухаммеда? Похоже, что весь спор о сотоварищах Аллаха ведет Мухаммед не с курайшитами-идолопоклонниками, а с... мусульманами. В общине, под давлением преследований со стороны курайшитов, образовалось, по-видимому, течение, готовое на компромисс, ищущее соглашения и примирения с идолопоклонниками. Это те самые безымянные мусульмане, которые еще недавно подбили самого Мухаммеда на признание дочерей Бога. Вместе с частью язычников они усвоили эклектическую смесь ислама и идолопоклонства. Мухаммед же отверг всякие компромиссы и неустанно повторяет в своих сурах, что Бог един и никаких "сотоварищей" у него нет.

Решительно осудил Мухаммед от имени всемогущего Аллаха и людей, которые ночи напролет проводят в рассуждениях о Боге - рассуждают, по убеждению Мухаммеда, без всяких на то оснований, ибо сведения о Боге можно получить только через откровения, а откровения ниспосылаются только ему, Мухаммеду. Кто же эти люди, мудрствующие лукаво? Вряд ли Мухаммеда могли заботить богоискательские занятия врагов-язычников. Нет, скорее всего, и эти упреки адресованы мусульманам, вернее тем из них, которые, подрывая авторитет посланника Бога, пытались дойти до истины своим умом, принимали одни откровения Корана и отвергали другие. Не рассуждать о Боге, а верить - вот категорическое требование Мухаммеда, необходимое для поддержания монолитного единства в общине верующих.

Любители рассуждений, так же как и те, кто придает Богу "соучастников", - гнусные язычники,

им нет места среди истинно верующих.

Осудив любые попытки примирения с курайшитами ценой уступок в области религиозной доктрины, Мухаммед в годы бойкота счел целесообразным несколько видоизменить тактику борьбы. Прежде всего, в одном из откровений Аллах запретил мусульманам хулить курайшитских богов - это-де приводит только к тому, что побуждает курайшитов поносить Аллаха. Таким путем Мухаммед устранил одну из причин преследования мусульман - публичные оскорбления курайшитских идолов. Кроме того, были умерены и нападки на идолопоклонников, сделаны попытки вернуться к мирным взаимоотношениям на принципах: "У вас своя вера, у нас своя вера". Такой поворот в тактике борьбы был вынужденным, ибо мусульмане были поставлены бойкотом в очень трудное положение. Отказ от вражды с язычниками, по-видимому, противоречил чаяниям наиболее решительной и экстремистски настроенной части мусульман, почему и потребовал серьезного обоснования в Коране.

В откровениях Мухаммеду настойчиво и многократно было разъяснено, что вопросы веры, как и все другие вопросы, целиком находятся в ведении Аллаха. Кого захочет, Аллах направит на истинный путь, кого захочет - оставит язычником, чтобы тем сильнее наказать его в загробной жизни. Язычники, которых ждут вечные мучения в аду, заслуживают скорее не ненависти, а жалости. Не надо завидовать их богатству в земной, дольней жизни - Аллах нарочно награждает их, чтобы тем мучительнее была для них последующая жизнь. Не надо огорчаться, когда они насмеются над Мухаммедом и мусульманами, когда они поворачиваются спиной к посланнику божьему - и это предусмотрено, предопределено: Аллах специально повесил завесу между ними и Мухаммедом, сделав их слепыми и глухими к проповеди истинного учения. Им суждено погибнуть за свои грехи, а потому они и не должны уверовать, ведь всякий уверовавший спасется и будет награжден вечным блаженством в раю.

- Скажи, - учил Аллах Мухаммеда, - "Истина - от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует". Мы приготовили несправедливым огонь, навес которого окружит их; а если они воззовут о помощи, им помогут водой, подобной расплавленному металлу, которая опалает лица. Скверно питье и плохо убежище!

- Скажи: "Каждый поступает по своему произволу, но Господь ваш вполне знает того, кто идет по прямой стезе".

- Мы не посылали тебя заступником за них...

- Когда ты читаешь Коран, Мы делаем между тобой и теми, которые не веруют в последнюю жизнь, завесу сокровенную.

И мы положили на сердца их покровы, чтобы они не понимали его, а в уши их - глухоту.

И когда ты поминаешь своего Господа в Коране единым, они поворачиваются вспять из отвращения.

Мы лучше знаем, к чему они прислушиваются, когда слушают тебя, и когда они - тайная беседа...

- Не напрягай своих очей, чтобы видеть, чем наслаждаться даем Мы некоторым семействам из них;

не огорчайся из-за них, и прикрывай крылом своим верующих. И скажи: "Поистине, я ведь только явный увещеватель".

Подобно тому, что ниспослали Мы на отделившихся, и с этих, которые этот Коран разложили на части, со всех них Мы, клянусь Господом твоим, потребуем отчета в том, что сделали они.

Открыто возвести о том, что поведано тебе, и удались от многобожников.

Мы защитим тебя от этих насмешников, от этих, которые вместе с Богом ставят еще других богов. Скоро и они будут знающими!

Знаем, что сердце твое стесняется тем, что говорят они.

Но возсылай хвалу Господу твоему и будь с поклоняющимися.

И служи Господу твоему, покуда не наступит для тебя верно известное.

- И если ты их призовешь к прямому пути, то тогда они никогда не найдут дороги. А Господь твой... если бы Он схватил их за то, что они приобрели, то ускорил бы Он для них наказание. Но у них есть определенный срок, и никогда они не найдут помимо Него убежища.

Вообще, на загробное воздаяние Мухаммед делает особенный упор в эти годы, что, конечно, не случайно:

положение мусульман стало настолько плачевным, что лозунг о награде в земной жизни потерял значительную долю своей убедительности. Не богатство и обильное потомство уготовил Бог для верующих, а нечто неизмеримо лучшее вечное райское блаженство.

Как прямое требование мира с язычниками получил Мухаммед в откровениях приказание: "Отвернись же от них, и ты не будешь порицаем!" - что означало не только "оставь их в покое", но и чистосердечно прости их за все: за неверие, за насмешки, за приверженность к идолам. Этот коранический стих настолько очевидным для современников Мухаммеда образом запрещал враждебные действия против язычников, что для его отмены пришлось ниспосылать специальное откровение, когда по прошествии ряда лет ситуация вновь изменилась и опять борьба с язычниками стала неизбежной.

Пока же вражда с язычниками была запрещена. "Мир вам!" - следовало говорить язычникам и, не вступая с ними в полемику, идти своим путем.

Да, идти своим путем, ибо на данном этапе борьбы требование непрерывно "увещевать" закоренелых язычников было Аллахом снято как бессмысленное и ничего не дающее.

Категорическое требование не придавать Аллаху "сотоварищей" Мухаммед обосновал не только тем, что Бог един, а стало быть, подобная практика ошибочна, оскорбительна и противозаконна. Под видом "сообщников", "помощников", "дочерей Бога" и прочего окружались почитанием вполне конкретные языческие боги, а они для Мухаммеда не были простыми истуканами, неодушевленными предметами, от которых человеку ни холодно ни жарко, хотя Мухаммед нередко именно так о них и отзывался. Как ни странно, Мухаммед сам верил в реальность языческих богов, которые были для него проявлением дьявольского, сатанинского начала на земле.

Персонифицированное зло в виде дьявола - Иблиса - существовало не всегда, оно возникло тотчас после сотворения человека. Аллах сотворил из гончарной глины первого человека, Адама, уже после того, как были сотворены гении из огня знойного.

"...И вот сказал Господь твой ангелам: "Я сотворю человека из звучащей, из глины, облеченной в форму. А когда Я его выровняю и вдуну от Моего духа, то падите, ему поклоняясь".

И поклонились ангелы все полностью,

кроме Иблиса, он отказался быть с поклонившимися.

Сказал Он: "О Иблис! Что с тобой, что ты не вместе с поклоняющимися?"

Сказал он: "Я не стану кланяться человеку, которого Ты создал из звучащей, из глины, облеченной в форму".

Сказал Он: "Уходи же отсюда! Ведь ты - побиваемый камнями. И, поистине, над тобой - проклятие до дня суда!"

Сказал он: "Господи мой! Отсрочь мне до дня, когда они будут воскрешены".

Сказал Он: "Поистине, ты - из тех, кому будет отсрочено до назначенного времени".

Сказал он: "Господи мой! За то, что Ты сбил меня, я украшу им то, что на земле, и собью их всех,

кроме рабов Твоих из них, чистых".

Сказал Он: "Это - путь для Меня прямой.

Поистине, рабы Мои - нет для тебя над ними власти, кроме тех из заблудшихся, кто последовал за тобой,

и поистине, геенна - место, им назначенное всем!.."

Иблиса погубило неповиновение, причиной которого была его гордыня. Гордыня и непокорность - вот ненавистные символы язычества; обуздать человека, заставить его смирить свою гордыню, сделать его послушным - одна из основных целей ислама, как и любой монотеистической религии. Чисто теоретически это покорность только Богу, но ведь в реальной жизни между Богом и человеком всегда стоят люди, присвоившие себе право истолковывать божественные заповеди. Поэтому покорность Богу оборачивается одновременно покорностью власти имущим - та гражданская добродетель, без которой не могло существовать ни одно развитое государство.

Вернемся, однако, к Иблису, этому носителю зла на земле, власть которого простирается только над теми, кто уже перестал быть искренним рабом Аллаха: именно их "сбивает" Иблис окончательно, используя в качестве своего оружия соблазны и прелести дольней, земной жизни, и обрекает на муки в геенне огненной, в которой они будут вечно страдать, не живя, и не умирая. Прощение для неисправимых грешников не предусмотрено, и их запоздалое раскаяние им не поможет.

Первыми, кого обольстил Иблис, были Адам и Ева - он научил их вкусить плодов от древа вечности и владычества, которого Аллах запретил им касаться. Впрочем, после изгнания из рая Адам был прощен Богом, он стал первым великим пророком, и потомки его не наследовали никакого греха, ибо каждая душа несет только собственную ношу, и никто не отвечает перед Аллахом за грехи другого.

Что касается Иблиса, то он продолжает пребывать в мире до дня суда и сбивать с пути истинного всех, кроме полных рабов Бога - даже Мухаммеда он чуть не сбил, подсунув ему стихи о поклонении дочерям Бога. Богатство и обильное потомство - главные козыри Иблиса, из-за них люди и губят свои души; идолопоклонство - один из самых распространенных приемов этого врага рода человеческого, который он использует, чтобы отвратить людей от почитания Аллаха. Сами идолы, которых нечестивые курайшиты и непоследовательные мусульмане придавали в "сообщники" Аллаху, "одной породы" с Иблисом. Они не бесчувственные чурбаны - они живые и наделены определенным могуществом, но это могущество от дьявола. Они обманывают тех, кто им поклоняется, помогая приобретать

богатство и потомство, всевозможные радости земного бытия, они прекрасно знают, что уготовано и им самим, и язычникам после дня страшного суда. В этот день они отрекутся от своих почитателей, предадут их, и вместе с ними низвергнуты будут в ад - да, все курайшитские боги и богини будут тоже гореть в аду с Иблисом и грешниками из людей. Вина их перед Аллахом четко указана Мухаммедом - прекрасно зная, что они не боги, а рабы божьи, творения милостивого, они тем не менее требовали от людей поклонения себе, по-видимому, на такой путь их привела, как и Иблиса, непомерная гордыня.

- Иблис - сеятель вражды и смуты, - утверждал Мухаммед, настойчиво проповедуя в этот период мир, выгодный мусульманам, - Аллах же требует мира.

- Разве ты не видишь, что Мы посылаем на неверных дьяволов, чтобы они, возмущая их, были их возмутителями? Поэтому не торопись действовать против них; Мы сосчитаем время для них верным счетом.

А боги, взятые курайшитами в качестве "подкрепителей", а также для вящей славы, "откажутся от их служения и будут их противниками".

Добро в лице Аллаха и Зло в лице Иблиса и его воинства будут сосуществовать на земле до дня страшного суда. Искоренения зла на земле не предусмотрено творцом всего сущего - Иблис, языческие боги и гнусные грешники будут брошены в ад в тот самый день и час, когда земная жизнь прекратится. Основная идея зороастризма перешла в ислам - вечная, до скончания веков борьба Добра и Зла, без которых сама жизнь невозможна, и обязанность праведных сражаться на стороне Добра.

Враги-язычники для Мухаммеда и мусульман были не только людьми, не желающими поклоняться Аллаху;

нет, они активные поборники зла, служители дьявола. Их боги и богини, избравшие путь противодействия Аллаху, вызывали у мусульман ненависть и некоторый суеверный страх, а вовсе не безразличие. Естественно, что и поклонники дьявола, нечестивые курайшиты, ничего, кроме ненависти, не заслуживали. Приказание Мухаммеда не оскорблять курайшитских богов, данное от имени Аллаха, так же как и требование воздерживаться от враждебных по отношению к язычникам действий, было вызвано только неблагоприятным для мусульман стечением обстоятельств.

В этот тяжелый для ислама период Мухаммед не сделал никаких теоретических уступок, напротив, проповедуя мирное сосуществование с язычниками, он одновременно в своих откровениях все больше и больше углублял принципиальную пропасть, отделяющую последователей единого истинного Бога от гнусных многобожников, и обосновывал необходимость вечной и непримиримой войны с язычниками и язычеством.

Наиболее дальновидные вожди курайшитов хорошо понимали, какую цену имеет это вынужденное миролюбие Мухаммеда, но на многих рядовых язычников призывы отказаться от вражды на почве веры производили благоприятное впечатление и склоняли их к убеждению, что введенный бойкот является неоправданно жестокой мерой борьбы.

В рахманских и пророческих сурах Мухаммед постоянно обращался к теме пророков, которых Аллах посылал в прежние времена проповедовать истинную веру. По убеждению Мухаммеда не было ни одного народа, которому бы милосердный Бог не указал истинный путь спасения, позволяющий заслужить райское блаженство на небесах. В этом отношении адские мучения язычников справедливы - никто из них не сможет сказать в свое оправдание, что он верил ложно по неведению.

Любимые пророки Мухаммеда, о которых он говорил наиболее подробно, естественно, те, которые выступали с проповедью в чисто языческой среде, то есть оказывались вместе со

своими последователями в той же самой ситуации, что и Мухаммед с мусульманами. Исключением, пожалуй, является только строитель "отдаленной мечети" в Иерусалиме Сулайман (Соломон), история которого была, по-видимому, хорошо знакома и любима арабами еще в доисламские времена; Мухаммеда она привлекала не только занимательностью сказочного сюжета - богатство, мудрость и власть Соломона служили назидательным примером безграничной милости и любви Аллаха к истинно верующим, праведникам. Одновременно рассказы о Соломоне как бы подчеркивали, что истинная вера, проповедуемая Мухаммедом, принципиально совместима с любыми законными, не противоречащими приказам Аллаха жизненными удовольствиями. Нечестивому и греховному богатству курайшитов-язычников, которым суждены вечные мучения в аду, противопоставлял Мухаммед праведное богатство, одобренное Богом, богатство, которое нисколько не мешает человеку попасть в рай, а мерзкой власти курайшитов - власть царя-пророка, законную, ниспосланную Богом.

Остальные пророки Ветхого и Нового заветов, которые обращались с проповедью к народу, уже проникнутому верой в Аллаха, почти не интересуют Мухаммеда, поэтому и об Иисусе в Коране упоминается довольно бегло.

Ибрахим, Лут, Муса, Нух и, конечно, Салех и Худ, из чисто арабского эпоса, - вот те пророки, о которых чаще всего Аллах рассказывал Мухаммеду в откровениях.

В повествовании об этих пророках рассматривается один и тот же сюжет.

Озаренные и одушевленные верой в единого Бога, Аллаха, они решительно порывают с идолопоклонством и обращаются с проповедью ислама к язычникам. Этим они возбуждают ненависть и преследования со стороны идолопоклонников, в уста которых вкладываются все аргументы курайшитов о святости веры отцов. Их оскорбляют, над ними насмеваются, называя обманщиками и колдунами, одержимыми и бесноватыми, властолюбцами, людьми, движимыми корыстными интересами, - короче говоря, к ним относятся так же, как и к Мухаммеду. Аллах, однако, не оставляет своих посланников без помощи и не дает язычникам восторжествовать над ними. Впрочем, и пророкам не удается победить язычников - вместе с уверовавшими они покидают родину и уходят. Уходит Ибрахим с немногими родственниками, уходит Лут со своей семьей (кроме старой жены - ей суждено было быть с оставшимися) из нечестивого города, от народа, окончательно "вышедшего за пределы", уходит Муса из Египта во главе вернувшегося к единобожию Израиля, удаляется Нух в ковчег, построенный по приказанию Бога. А язычников Аллах поражает разными карами, вплоть до полного истребления.

Уходом, выселением, а не победой неизменно заканчивается конфликт пророков с язычниками, и не уверовавшие, а сам всемогущий Аллах карает ненавистников и преследователей пророков.

Очень знаменателен этот финал полюбившихся Мухаммеду рассказов о пророках древности - выселение из родных мест, оставление ради веры и родных и близких, и домов, и возделанной земли. Всеми силами борется Мухаммед, чтобы остаться в Мекке, устоять против курайшитов, которые хотят изгнать его из родного города, но в сурах, обращенных к мусульманам, он уже предугадывает, поэтизирует, оправдывает божественным провидением совершенно иной выход - удаление из Мекки вместе со своими последователями...

Вместе с тем в этих повторяющихся отрывках об изгнании пророков древности содержится недвусмысленная угроза в адрес курайшитов и подтверждается стремление Мухаммеда остаться в Мекке.

- И близки они были к тому, чтобы соблазнить тебя от того, что Мы внушили тебе, чтобы ты измыслил на Нас другое, - говорится в суре "Перенес ночью". - А тогда они взяли бы тебя

своим другом.

И если бы Мы тебя не подкрепили, - ты был близок склониться к ним хотя бы немного.

Тогда Мы дали бы тебе вкусить вдвойне и в жизни и в смерти. Потом ты не найдешь против Нас помощника.

И они готовы были поднять тебя с земли, чтобы вывести из нее; и тогда пробыли бы они после тебя лишь немного.

Многие детали в рассказах о древних пророках интересны тем, что в них воспроизводятся реальные перипетии взаимоотношений Мухаммеда со своими противниками, точнее, то, как он воспринимал и считал нужным представить эти взаимоотношения, так как несомненно, что его враги изложили бы существо спора совершенно по-другому.

Пожалуй, наиболее примечательны рассказы Мухаммеда о Нухе, строителе ковчега, в котором он и спасся, как известно, во время всемирного потопа.

Нух "призывал народ день и ночь", но его проповедь только усугубляла их отступление от истинной веры. Он "призывал их открыто: то возвещал им всенародно, то беседовал с ними в уединении". Но соплеменники лишь насмеялись над ним, грозили побить его камнями. Они отрицали самую мысль о воскресении, гордо заявляя, что "есть только наша ближайшая жизнь; мы умираем и живем, и не будем мы воскрешены". Они отказывались оставить своих богов - Бадда, Саву, Ягуса, Яука и Насра.

Нуха они обвиняли в том, что он "домогался первенства над ними", и попрекали тем, что среди его сторонников много "самых низких" людей. При этом соплеменники Нуха под "низкими" подразумевали не рабов, бедняков или незнатных людей, а именно людей с запятнанной репутацией. Самое интересное, что Нух не отрицает, что за ним последовали "низкие" люди. Он оправдывается лишь тем, что у него нет знания о том, что делали они прежде; их отчет только Господу, а он "не будет прогонять тех, которые уверовали".

По-видимому, и среди последователей Мухаммеда были люди с весьма сомнительной, с точки зрения арабов, репутацией. Их прошлое, по мнению Мухаммеда, полностью искупалось верой в Аллаха и чистосердечным раскаянием, и мусульмане предавали это прошлое забвению. Язычники же не считали, что человек, совершивший бесчестные поступки, может очиститься молитвой и верой. Возможно, что часть мусульман также возражала против того, что Мухаммед принимает в общину всех без разбора, руководствуясь только одним критерием верой в Аллаха и посланника, и именно этим обусловлено странное приказание, полученное Мухаммедом от милосердного Аллаха в этот период:

- Не отгоняй тех, которые взывают к Господу их утром и вечером, стремясь к лику Его! Не на тебе расчет с ними ни в чем, и не на них твой расчет ни в чем, чтобы тебе их прогонять и оказаться из неправедных.

Загадочное приказание!

Ясно, что речь идет о верующих, и этих верующих Аллах велит считать мусульманами и не прогонять, несмотря на то... Вот именно: несмотря на что? На их прошлое? На разногласия с Мухаммедом по каким-либо второстепенным вопросам теории и тактики? На их имущественное положение?

Религиозные комментаторы Корана видят в этом стихе намек на богатых и бедных мекканцев, и если они правы, Мухаммеду было приказано открыть доступ в общину верующих богатым. Но богатым никогда не чинились препятствия на пути к исламу - наоборот, обращение человека влиятельного и состоятельного всегда рассматривалось

мусульманами как крупная победа дела веры. Единственное, что могло серьезно затруднять богатым обращение на путь истины, так это требование неограниченной милостыни, выдвинутое Мухаммедом с первых же дней активной проповеди. И действительно, примерно в то же время, в которое было ниспослано и обнародовано приказание "Не прогоняй", позиция Мухаммеда в вопросе о милостыне резко и принципиально меняется.

- И давай родственнику должное ему, и бедняку, и путнику и не расточай безрассудно, - поведано было Мухаммеду в откровении. - Ведь расточители братья сатаны, а сатана своему Господу не благодарен.

И далее Аллах прямо указал, почему следует избегать греховной расточительности: "...дабы не остаться тебе обедневшим".

Все хорошо, только совершенно непонятно, о каком "расчете" идет речь, почему не дело Мухаммеда требовать от "них" отчета в чем-либо и не "их" дело требовать отчета от Мухаммеда.

Приказание "Не прогоняй" может относиться и к верующим с сомнительной репутацией, и к богачам, но смысл его, по-видимому, значительно шире. В первую очередь речь идет о людях, исповедующих единобожие не совсем так, как считал правильным Мухаммед. К ним относились последователи различных течений христианства и иудаизма, а также оппозиционно настроенные мусульмане внутри самой общины Мухаммеда.

Христианство и иудаизм в эти годы Мухаммед считал равноценными исламу религиозными системами, основанными на заповедях того же самого Аллаха, который посылал ему откровения для проповеди среди арабов. Последователей этих учений следовало не прогонять, так как они взывают к Господу утром и вечером, встречать их радушным пожеланием: "Мир вам!" - но вместе с тем не вступать с ними в дискуссии о вере. не требовать с них отчета и не отчитываться перед ними.

К оппозиции внутри общины верующих отношение Мухаммеда было сложнее. Тех, кто верил в "сотоварищей" Аллаха, надлежало, конечно, решительно изгонять. как многобожников, и это правило Мухаммед соблюдал неукоснительно. Так же следовало поступать и с "делителями", принимавшими одни откровения как истинные и отвергавшие другие. Однако тех, которые безоговорочно принимали коранические откровения, но истолковывали их по-своему, Мухаммеду приходилось терпеть.

- А когда ты увидишь тех, которые погружаются в пучину пустословия о Наших знамениях, то отвернись от них, пока они не погрузятся в какой-нибудь другой рассказ, - наставлял Мухаммеда Аллах. - И если сатана заставит тебя забыть, то ты после напоминания не сиди с людьми неправедными.

Итак, оставь, но не в смысле изгони, порви все отношения, а оставь только на время, и время весьма короткое, - пока они дерзают рассуждать о смысле коранических откровении. И никаких споров с ними, более того - их не нужно даже выслушивать: это козни сатаны.

Презрительное отношение к пустословам, рассуждающим о знамениях Аллаха, Мухаммед обосновал притчей о пророке Моисее и ангелах, вошедшей в сурю "Пещера".

Пророк Муса встречает ангела в человеческом образе, ангела, которому Аллах дал "познать высшее знание". Муса узнает ангела и хочет последовать за ним, чтобы научиться прямому пути.

- У тебя неостанет терпения быть со мной, - отвечает ему ангел. - И как ты вытерпишь то, о чем не имеешь знания?

Но Муса настаивает, он обещает быть терпеливым, выполнять любые приказания ангела. Наконец ангел соглашается при условии, что Муса не будет спрашивать ни о чем, пока сам ангел не захочет объяснить ему смысл происходящего.

Начинается совместное путешествие.

Когда они плыли на корабле, ангел продырявил его, чем привел пророка Мусу в недоумение.

- Ты продырявил его, чтобы потопить находящихся на нем? Ты совершил дело удивительное!
- сказал он ангелу.

- Разве я не предупреждал, что ты не в состоянии будешь со мной утерпеть? - ответил ему ангел и предложил расстаться. Но Муса просил прощения и обещал впредь никаких вопросов не задавать. И они пошли дальше.

Вскоре они встретили отрока, и ангел убил его.

- За что ты убил невинного, не сделавшего убийства? Ты поступил жестоко! - воскликнул Муса, вторично нарушив обещание быть терпеливым, и ангел хотел прогнать его, но Муса опять уговорил ангела проявить снисхождение - в последний раз.

Вслед за тем они пришли в город и попросили пищи, но жители города отказали им в гостеприимстве. В городе они увидели стену, которая готова была обрушиться, и ангел поправил ее.

- Если бы ты захотел, - опять не удержался Муса от комментариев, - то получил бы плату за подобную работу.

- Это - разлука между мной и тобой, - ответил ангел. - Я объясню значение того, в отношении чего у тебя не достало сил быть терпеливым. Делал я это не по своей воле.

Что касается корабля, то он принадлежал беднякам, промышлявшим на море. Я захотел испортить его потому, что позади них был царь, который насильно захватывал все корабли.

А тот отрок... его родители люди верующие, мы боялись, чтобы он не заразил их нечестием и неверием. Поэтому мы захотели, чтобы Господь дал им лучшего, нежели он, по чистоте и более близкого к ним по сыновней любви.

Стена же та - она принадлежала двум отрокам-сиротам из этого города, и был под нею для них клад, а отец их был праведен, и Господь твой хочет, чтобы они достигли совершеннолетия и вынули оттуда свое сокровище.

Вот объяснение того, что ты не в силах был перенести.

Только у Бога полное знание прошлого, настоящего и будущего, а также того, что скрыто в сердцах, потому-то (с точки зрения любой религии) пути Господни неисповедимы, а мудрость мира - безумие перед Господом. Даже великий пророк Муса не в силах был правильно судить о "знамениях Господа", что же говорить о простых смертных? Долг верующих - принимать все, ниспосылаемое Господом, безоговорочно, быть терпеливыми, памятуя, что они не обладают "высшим знанием", что их представлений о добре и справедливости совершенно недостаточно для того, чтобы постичь божественное Добро и божественную Справедливость.

К переживаемому мусульманами моменту приведенная притча имела, конечно, прямое отношение. Неудачи не свидетельствуют об ошибках Мухаммеда или верующих в целом, "знамения Господа" никто не вправе произвольно толковать, их надо просто терпеть, терпеть с полным убеждением, что все совершается по воле Бога. Критике не место среди общины верующих,

ни деяния Бога, ни поступки Мухаммеда, как пророка и посланника Бога, верующим неподсудны. Власть окутана тайной, в которую не следует проникать человеческому рассудку - это не только грешно, но и бессмысленно. Разум дан не для того, чтобы оценивать "знамения", а для того, чтобы убедить себя в их высшей справедливости. В этом, и только в этом смысле, вера и разум должны идти рука об руку, формируя активных и убежденных последователей ислама. Не слепое, а сознательное подчинение - вот идеал мусульманина, способного быть не исполнителем, а энергичным борцом за торжество начатого дела.

До поры до времени Мухаммед совмещал пророческую деятельность и руководство делами общины верующих с обычными житейскими заботами мелкого торговца, и это позволяло надменным курайшитам попрекать его тем, что он, так же как и все, ходит по рынкам в поисках заработка. Мухаммед же в ответ на насмешки язычников настаивал, что Бог любит людей, добывающих себе пропитание трудом, что труд есть важнейшая нравственная обязанность каждого верующего.

Такое равенство между руководителем и руководимыми не могло долго существовать, и характерно, что именно в годы бойкота Мухаммеду было ниспослано в откровении разрешение не заниматься повседневным трудом.

- Мы не требуем, чтобы ты заботился о житейских нуждах, - поведал ему Аллах. - Мы будем наделять тебя потребным для жизни: благочестием - успех!

Впервые всеобщность божественного закона была нарушена, и от имени Аллаха провозглашено, что пророк наделен особыми правами.

Бойкот, организованный курайшитами в 616 году, продолжался почти три года, и за все это время Мухаммед ни разу не дрогнул, не сделал ни одной существенной уступки язычеству. Активная проповедь мира и веротерпимости, отказ от публичного оскорбления курайшитских богов, от громких молений, раздражавших и тревоживших идолопоклонников, - все это были лишь тактические меры, призванные ослабить сплоченность врагов и подорвать их временное и непрочное единство. Этому же служил и торжественно провозглашенный принцип "отклонить злобу добротой", воздерживаться от всякого насилия, могущего оказаться для мусульман роковым.

Основные же положения ислама Мухаммед неустанно подтверждал все новыми и новыми откровениями. В напряженной обстановке, в которой жили мусульмане, при наличии противоборствующих течений внутри общины верующих самым важным было не развитие доктрины, не занимательность новых текстов, а утверждение незыблемости провозглашенной религиозной системы и правильности избранного пути. Довольно однообразные по форме и содержанию суры этого периода были ценны именно тем, что в них из месяца в месяц повторялось почти одно и то же - сколько ни длился бойкот, требование Аллаха и Мухаммеда было неизменным: стоять до конца, не идти ни на какие компромиссы.

Рассчитанные, как и весь Коран, на чтение вслух, на публичную декламацию, рахманские и пророческие суры воспринимались мусульманами как религиозные гимны, проникнутые пафосом грядущего торжества дела веры.

Бойкот хашимитов, чрезвычайно осложнивший жизнь в Мекке, не мог продолжаться вечно, он должен был завершиться либо решительным вооруженным столкновением, либо восстановлением подлинного мира в городе на тех или иных условиях. Стойкая, но неагрессивная политика Мухаммеда и мужественное упорство хашимитов в конце концов убедили курайшитов, что взять противников измором не удастся. Распространение ислама в Мекке было полностью приостановлено, оскорбления мусульманами языческих богов прекратились, и лозунг всеобщей борьбы с общиной Мухаммеда постепенно терял популярность среди язычников, уставших от внутриплеменной вражды.

Родственники и друзья хашимитов не замедлили воспользоваться происшедшей сменой настроений в городе, ослабившей еще больше временный и непрочный союз курайшитов, раздираемых постоянным торговым соперничеством и накопившимися издревле взаимными обидами. Они стали энергично выступать за отмену бойкота и восстановление мира и дружбы в племени курайшитов.

Движение против бойкота возглавил Зухейр - сын Атики, дочери Абд аль-Мутталиба, и, стало быть, родной племянник Абу Талиба и двоюродный брат самого Мухаммеда. Именно он предложил собранию курайшитов прекратить преследования кланов Хашим и аль-Мутталиб. Его поддержали на этом собрании несколько человек из кланов Амир, Азад и Науфал, в прошлом союзников хашимитов по Конфедерации Добродетельных. Их заранее подготовленное выступление показало, что могучей коалиции, организованной против хашимитов, пришел конец. Врагам хашимитов и Мухаммеда не оставалось ничего другого, как смириться с отменой бойкота.

В начале 619 года бойкот хашимитов был прекращен. Рассказывают, что объявление, вывешенное на дверях Каабы, в котором провозглашался запрет поддерживать любые деловые отношения с хашимитами, не пришлось даже снимать - время стерло весь текст, кроме первой фразы, содержащей простое славословие в честь милостивого и милосердного Бога. Мусульмане видели в этом чудо, сотворенное Аллахом, а враги мусульман - удобный повод не настаивать на продолжении бойкота.

Глава 15

После отмены бойкота

Смерть Абу-Талиба

Новая попытка курайшитов договориться с Мухаммедом.

Кончина Хадиджи

Исключение Мухаммеда из клана

Пророка побивают камнями в оазисе Таиф

В долине Нахла он читает Коран джиннам

Поиски покровителя в Мекке

Вдова Савда и новый брак Мухаммеда

Обручение с Айшей

Помолвка Али с Фатимой

Отмену бойкота, длившегося почти три года, мусульмане восприняли с радостью, и тем не менее 619 год получил у них название "года траура", так как вскоре последовали события весьма печальные.

Девяностолетний Абу Талиб, глава хашимитов, надежный покровитель Мухаммеда и всех мусульман, достиг предела своей жизни. Он умирал от старости, спокойно и величественно, посвящая последние часы бодрости и самообладания приведению в порядок неотложных дел. В дошедших до нас поэмах, сложенных им незадолго до смерти, он воспел своего племянника благородного Зухейра за энергичную и мужественную защиту хашимитов, которая в конце концов привела к прекращению бойкота.

Бойкот прекратился, а вражда с большинством курайшитов осталась, и нет ничего удивительного, что Абу Джахль с целой делегацией влиятельных мекканцев навел на умирающего Абу Талиба, чтобы попытаться в последний раз договориться о Мухаммеде. Требования язычников отличались умеренностью: пусть мусульмане поклоняются Аллаху и не мешают остальным почитать древних богов, и мир воцарится в городе. Не мешать означало, по-видимому, отказаться от пропаганды против язычества, признать равноправное положение ислама и идолопоклонства. Мухаммед на это не согласился - он отвечал якобы, что готов на любые уступки, если язычники сделают только одну: признают, что нет Бога, кроме Аллаха, и откажутся почитать иных богов.

Переговоры ни к чему не привели.

Абу Талиб покидал жизнь язычником, обреченным, с точки зрения Мухаммеда, на вечные мучения в аду, ибо грех неверия невозможно искупить ничем, и вся помощь, оказанная Абу Талибом пророку и посланнику Аллаха, не могла защитить его в День Суда от страшной кары.

- Опомнись и прими ислам, - умолял Мухаммед, - и я смогу заступиться за тебя в День Воскресения. Но Абу Талиб остался непреклонным.

- Если я сейчас приму ислам, - объяснял он опечаленному Мухаммеду, для которого обращение всеми уважаемого патриарха явилось бы крупной победой, курайшиты подумают, что я просто испугался смерти.

Он так и умер язычником, оставив по себе добрую память, незапятнанную репутацию и многочисленные поэмы.

Впрочем, адские мучения Абу Талибу все-таки не угрожают. Много лет спустя сложилась легенда, что перед самой смертью, прежде чем испустить дух, он стал беспокойно шевелить губами, и наклонившийся к нему Аббас явственно услышал, как умирающий произносит символ веры... Поэтому и поныне Абу Талиб почитается как мусульманин и небесный покровитель священного города Мекки. Вечное блаженство в раю ему, по-видимому, обеспечено.

Едва похоронили Абу Талиба, на Мухаммеда обрушилось новое несчастье: умерла Хадиджа, горячо любимая жена, верный и едва ли не единственный настоящий друг. Почти двадцать пять лет прожили они в мире и согласии. Хадиджа поддержала Мухаммеда, когда он всецело посвятил себя религиозным поискам, она первая уверовала в его пророческий дар и ни разу в нем не усомнилась. В самые тяжелые периоды гонений, травли и неудач преданная Хадиджа утешала Мухаммеда, помогала ему восстанавливать веру в себя и свою непоколебимую связь с Богом, веру в конечную победу.

Скромная Хадиджа оказала на реальную историю человечества, пожалуй, не меньшее влияние, чем многие "великие" правители, бессмысленно кроившие карту земного шара.

Умерла не Хадиджа - умерла Мать Верующих, память о которой поныне чтят сотни миллионов людей.

Горе Мухаммеда было безутешным, он рыдал на могиле Хадиджи и молился за нее. Память его хранила образ Хадиджи до самой смерти, как образ самого близкого, дорогого и любимого существа на земле - ни новая любовь, ни новые жены не могли восполнить понесенной им утраты. Говорят, скорбь его несколько смягчилась лишь от сознания, что в райской обители уготован для Хадиджи дом из полной жемчужины - сам ангел Джибрил явился к Мухаммеду, чтобы сообщить ему об этой неслыханной милости Аллаха.

Смерть Абу Талиба лишила Мухаммеда надежного защитника, а смерть Хадиджи разрывала

последние узы, привязывавшие его к неблагодарной Мекке. Никто и ничто больше не удерживало Мухаммеда в этом городе.

Утрата Хадиджи Мухаммедом предназначена была облегчить его уход из Мекки, сделавшийся со смертью Абу Талиба неизбежным.

После кончины Абу Талиба главой хашимитов стал его брат Абу Лахаб, непримиримый враг Мухаммеда, уже лет шесть безуспешно требовавший, чтобы новоявленный пророк был лишен поддержки и покровительства. Его отношение к Мухаммеду было настолько хорошо известным, что даже бойкот на Абу Лахаба не распространялся и лично ему дружба хашимитов с Мухаммедом никакого ущерба не причинила. Абу Лахаб был богат и надменен, он породнился путем брака с одним из самых состоятельных и могущественных курайшитов, Абу Суфианом, и именно достигнутое положение, а не приверженность к языческим богам определяло его резко отрицательное отношение и к исламу, и к Мухаммеду. Однако даже Абу Лахаб, став главой хашимитов, первоначально подтвердил прежнюю позицию клана - не выдавать Мухаммеда: лишить соплеменника защиты под угрозой санкций считалось крайне позорным поступком и явным свидетельством слабости и ничтожности клана, и на такой шаг, ответственность за который теперь падала прямо на него, Абу Лахаб не решился. Для исключения нужен был какой-нибудь благовидный повод, который бы позволял и от Мухаммеда избавиться, и честь соблюсти.

По совету Абу Джахля Абу Лахаб решил воспользоваться отношением Мухаммеда к языческим предкам курайшитов и спровоцировал "дело об оскорблении чести хашимитов". В присутствии достаточного числа свидетелей Мухаммеду был задан вопрос, куда после воскресения попадет прославленный родоначальник хашимитов и дед самого пророка, нежно заботившийся о нем, Абд аль-Мутталиб - в рай или ад? Ответ Мухаммеда, строившего свою общину на основе веры, а не на принципах кровного родства, мог быть только один: в ад, и Мухаммед дал этот ответ не колеблясь.

Публичное оскорбление чести хашимитов совершилось, сторонники поддержки Мухаммеда смогли лишней раз убедиться, что пророк единого Бога узы крови не ставит ни во что; для него язычники-родственники ничем не отличаются от язычников-неродственников.

Абу Лахаб без труда убедил хашимитов исключить Мухаммеда из клана, о чем торжественно возвестили у стен Каабы.

Мухаммед стал хали, человеком вне клана. Любое оскорбление, нанесенное ему, не считалось отныне оскорблением всех хашимитов, за любой причиненный ему ущерб клан в целом был не обязан и не вправе мстить. Даже долг кровной мести не распространялся автоматически на всех хашимитов. Впрочем, с кровной местью дело обстояло не так просто - эта обязанность лежала в первую очередь на ближайших родственниках, так что, когда Мухаммед превратился в хали, покушаться на его жизнь все-таки не рекомендовалось.

В том-то и проявлялся кризис языческого общества в Мекке, что священные законы уже не почитали, как в древности, - принадлежность к сильному клану не обеспечивала полную защиту всех интересов человека, а исключение из клана не означало совершенную беззащитность.

Обращение курайшитов с Мухаммедом после смерти Абу Талиба стало неслыханным - рассказывают, что хулиганствующие подростки с полного одобрения взрослых на глазах у всех бросали в него грязью и уличной пылью, когда он решался выходить из дома, а во дворе его дома соседи-язычники устроили помойку, заваливая нечистотами место, отведенное им для молитв. "Никогда курайшиты не обращались так со мной, пока был жив Абу Талиб", часто с горечью повторял Мухаммед.

Ему срочно нужно было искать нового сильного покровителя.

Дело ислама в Мекке было окончательно проиграно, и оставаться в ней не имело смысла. Сложность заключалась в том, что бежать Мухаммеду было некуда. Впрочем, "бежать" - не то слово, покинуть Мекку в одиночку Мухаммед не намеревался. Этого хотели враги-курайшиты, а не он. Мухаммед искал, куда выселиться из Мекки вместе со всей общиной мусульман, в любом случае - с большей частью верующих. Около ста семей мог увлечь Мухаммед за собой. Сто семей - это примерно сотня мужчин, преданных исламу, сто возможных воинов: сила немалая и опасная.

Внедриться с такой силой в кочевое племя или какой-нибудь оазис было непросто, особенно если учесть, что Мухаммед искал не убежище для мирной жизни, а опорный пункт для дальнейшей борьбы.

Отвергнутый хашимитами, Мухаммед тотчас же покидает Мекку и тайно, в полном одиночестве отправляется в оазис Таиф, расположенный к востоку, примерно в двух днях пути. В свои планы он посвятил лишь ближайших друзей из числа мусульман.

Чем руководствовался Мухаммед, избрав Таиф, мы не знаем. Этот богатый и плодородный оазис, в котором многие курайшиты, и среди них дядя пророка Аббас, владели землями и домами, населяло племя сакифитов. Когда-то сакифиты держали в своих руках торговлю между Йеменом и берегами Персидского залива, но после войны Фиджар, в которой еще отроком участвовал и Мухаммед, вынуждены были признать главенство курайшитов.

В Таифе продолжала существовать влиятельная партия, враждебная курайшитам и лелеявшая мечту покончить с зависимостью от Мекки, вернуть утраченные доходы от выгодной торговли с Йеменом и Персией. Между ними и союзными курайшитам кланами отношения были натянутые, но до открытых стычек дело не доходило, и внешне в оазисе царил мир.

Скорее всего, на союз с враждебной курайшитам партией и рассчитывал Мухаммед, отправившись в Таиф. Никем не признанный, достиг Мухаммед оазиса и укрылся в доме Абд Джалайла ибн Амра, человека влиятельного и богатого; с ним и его двумя братьями - Масудом и Хабибом - несколько дней вел Мухаммед тайные переговоры, убеждая их, по-видимому, принять ислам, Мухаммеда и общину мусульман.

Переговоры эти, заранее, очевидно, подготовленные, ни к чему не привели - сыновья Амра в последний момент не решились на такой рискованный шаг, чреватый неизбежным столкновением с курайшитами. Мухаммед просил их хотя бы сохранить в тайне его визит, но и это оказалось невозможным - молва просочилась в оазис, и толпы возбужденных сакифитов явились к дому Абд Джалайла, требуя немедленного изгнания Мухаммеда. С позором бежал Мухаммед из Таифа с его привольно раскинувшимися домами, купами могучих финиковых пальм, желтыми полями созревшего ячменя, виноградниками и садами и с его храмом богини аль-Лат, которую пророк в минуту душевной слабости и благодаря проискам дьявола некогда временно признал одной из дочерей Аллаха. Сейчас поклонники аль-Лат, не пожелавшие ни ислама, ни смуты в оазисе, торжествовали и вымещали на нем свою злобу - женщины, рабы и мальчишки преследовали его, выкрикивали оскорбления и бросали в него комьями земли и камнями.

...Только на самом краю оазиса Мухаммеда приютили Утба и Шейба - два брата-курайшита, владевшие в Таифе садом, и сакифиты оставили его в покое и повернули обратно. Хозяева сада были язычниками, к тому же принадлежали к враждебному клану Абд Шамс;

Мухаммеду они помогли только из сострадания.

Здесь в саду Мухаммед передохнул, подкрепился фруктами, вымыл разбитое в кровь лицо и помолился. Особенно нуждался он в молитве, чтобы прийти в себя после пережитого потрясения, горького разочарования и крушения всех надежд, возлагавшихся на Таиф.

- Господи! - взывал Мухаммед к Аллаху, воздев руки к небесам. - Призри мое ничтожество, слабость и незащитность перед людьми! О милосерднейший, ты - Господь слабых, и ты - мой Господь! Кому ты предал меня? Чужеземцу, который станет издеваться надо мной? Или врагу, которому ты даешь власть надо мной? Если ты не гневаешься на меня, я спокоен. Твоя благосклонность для меня важнее. Свет лика твоего рассеивает мрак, озаряет эту жизнь и будущую! Свет лика твоего - единственное мое прибежище, я не ищу другой защиты. Не покидай меня, не предавай врагу и чужестранцу! Да не упадет на меня твой гнев, да минует меня твоя ярость! Нет могущества, кроме твоего могущества, нет помощи помимо тебя!

Мухаммед каялся. Все, что произошло, свершилось по воле Аллаха, и те суетные чувства гнева, обиды и унижения, которые он испытывал, были греховными и недостойными пророка, полностью предавшегося Богу. Унынию и отчаянию не должно быть места в душе искренне верующего - все происходит по воле Бога, и вся земная, дольная жизнь - ничто; милость Бога - единственно достойная цель в этой жизни, гнев Всевышнего - единственное реальное несчастье, непоправимая беда. Будет милость Бога - все остальное приложится.

Так, помолвившись и очистившись, отправился Мухаммед в Мекку, прекрасно зная, что впереди него уже бежит молва о событиях в Таифе - событиях унижительных и зловещих. Беда была не только в том, что планы Мухаммеда рухнули - они раскрывались, обнаруживались, становились всем известными. Планы для курайшитов опасные, предательски направленные против благополучия Мекки, ясно выявляющие намерение Мухаммеда - найти сообщников и объединиться с ними в борьбе против родного города и своего племени.

Трудно и невесело было Мухаммеду возвращаться в Мекку.

Пройдя к вечеру половину пути, он достиг каменистой, выжженной солнцем долины Нахла, где некогда произошло единственное сражение, в котором он принимал участие, подавая стрелы своим дядьям. Здесь он и провел ночь, вдали от двух поселков, которые тоже назывались Нахла, и подальше от древнего храма богини аль-Узза, Б ограде которого обычно останавливались путники.

В середине ночи, после многих часов молитвы и громкого чтения отрывков из Корана, пережил Мухаммед радостное волнение - джинны столпились вокруг него, внимая Корану, и преклонились, и признали его пророком и посланником Бога, и уверовали в Аллаха...

Это событие описал Мухаммед в сурах "Пески" и "Джинны". Видел ли он джинов, ощущал ли их незримое присутствие или просто слышал их возгласы, мы не знаем; в Коране просто сказано, что Мухаммеду было "открыто".

- Скажи: "Открыто мне, что слушал сонм джинов, и сказали они: "Поистине, слышали мы Коран дивный!

Он ведет к прямому пути. И уверовали мы в него, и никогда не придадим мы нашему Господу никого.

И Он - да произнесено будет достоинство Господа нашего! - не брал Себе ни подруги, ни ребенка.

Говорил глупец среди нас (Иблис) на Аллаха чрезмерное...

Мужи среди людей прибегали к мужам среди джинов, и они прибавили им безумия.

Они думали, как думали и вы, что никогда Аллах не пошлет никого.

И мы коснулись неба и нашли, что оно наполнено стражами могучими и светочами.

И мы сидели около него на седалищах, чтобы слушать, но кто прислушивается теперь, тот находит для себя подстерегающий светоч.

И мы не знаем, зло ли желалось для тех, кто на земле, или желал им Господь прямого пути.

И есть среди нас благие, и есть среди нас те, кто ниже этого; мы были дорогами разными.

И мы думали, что никогда не обессилим мы Аллаха на земле, и никогда не обессилим Его бегством. И мы, когда услышали про прямой путь, мы уверовали в Него, а кто уверует в Господа своего, тот не боится обиды и безумства.

И среди нас есть предавшие себя Аллаху, и среди нас есть отступившие; а кто предал себя, те пошли прямым путем; а отступившие - они дрова для геенны".

- Вот, Мы направили к тебе толпу из джиннов, чтобы они выслушали Коран. Когда же они явились к этому, они сказали: "Внимайте!" Когда было завершено, они обратились к своему народу с увещанием.

Они сказали: "О народ наш! Мы слышали книгу, ниспосланную после Мусы, подтверждающую истинность того, что было ниспослано до него; она ведет к истине и к прямому пути.

О народ наш! Отвечайте призывающему Аллаха и уверуйте в Него: он простит вам ваши грехи и защитит вас от наказания мучительного".

Жители Таифа осмеяли претензии Мухаммеда на пророческую миссию и с позором изгнали его. Но зато джинны, по милости Аллаха, пришли и поклонились ему, как великому пророку и посланнику. Помогли ему восстановить поколебленную веру в себя.

Теперь можно было возвращаться в Мекку не только с дурными вестями и пошатнувшейся репутацией. Воинство Иблиса, стойко сражавшееся на стороне язычников, дрогнуло. Пусть некоторые из джиннов продолжают прибавлять язычникам безумия, толкать их на путь заблуждения - лучшие из джинов, достигающих неба, отвратились от Иблиса и прочно стали на сторону Аллаха, Мухаммеда и всех мусульман.

С этого момента отношение к джиннам, естественно, следовало изменить.

Несправедливо было бы одинаково относиться и к хорошим джиннам, искренне уверовавшим в Аллаха, и к плохим, служителям Иблиса.

Хорошие джинны, конечно, в человека не вселяются. Но обычай вселяться или воплощаться в животных сохраняют все джинны, и верные и неверные. И здесь-то нужно быть осторожным. Змею, заползшую в дом, учил якобы Мухаммед мусульман, не убивайте, не попросив ее сперва удалиться; если змея не поддается на уговоры, - значит, она либо неверный джинн, либо просто змея: и в том, и в другом случае ее нужно поскорее пристукнуть. Хороший же джинн послушается и сам уползет.

История с джиннами, уверовавшими в Мухаммеда, должна была поднять его престиж в глазах верующих или хотя бы сгладить неблагоприятное впечатление от омерзительного глумления сакифитов.

Однако на нечестивых язычников рассказ о джиннах никакого впечатления произвести не мог.

Возвращаться в Мекку было опасно.

Поэтому, достигнув города, Мухаммед в него не вошел, а предупредив о своем возвращении надежных мусульман, укрылся на горе Хира.

Отсюда с помощью своих друзей он начал переговоры с влиятельными язычниками о покровительстве. Очевидно, положение мусульман было настолько скверным, что ни Омар, ни аль-Акрам, ни Абу Бакр не могли оказать Мухаммеду полноценной правовой защиты:

большей частью они сами являлись клиентами язычников, а потому даже формально лишены были права кому-либо покровительствовать.

Получить покровительство для Мухаммеда оказалось делом непростым. Самые благожелательно настроенные к нему язычники либо не могли, либо не отваживались официально провозгласить его своим клиентом. Наконец друзьям пророка удалось уговорить аль-Мутима, главу клана Науфал. Настроение в Мекке было настолько угрожающим, что, отправляясь к Каабе возвещать о покровительстве Мухаммеду, аль-Мутим вооружился сам и привел с собой всех своих сыновей и племянников в полном вооружении.

Так в качестве клиента, которому патрон-язычник великодушно разрешил продолжать проповедь ислама и поклоняться Аллаху, вернулся Мухаммед в родной город после неудачного визита в Таиф. Отношение к нему курайшитов еще более ухудшилось, и только часть бедноты продолжала ему симпатизировать.

Курайшиты торжествовали. Дела у язычников действительно шли как нельзя лучше. Распри между отдельными кланами в самой Мекке были преодолены, а потому и никаких шансов на успех у Мухаммеда и его сторонников не предвиделось. Мухаммед перестал быть опасным, за ним следовало лишь присматривать и не давать ему объединиться с каким-нибудь потенциальным врагом курайшитов вне города.

Радовали мекканских язычников и вести, приходившие с далекого севера. Поклонников единого Бога, ромеев, громили и там. В 614 году персидские войска заняли Иерусалим, а затем вторглись в Египет. Казалось, многовековой спор язычества и единобожия решается чуть ли не в глобальном масштабе, и решается в пользу язычества. О том, что и Византии, и Персии суждено погибнуть под ударами ислама, что самые важные события для этого района мира происходят не на полях гигантских сражений, а здесь, в Мекке, никто, разумеется, не догадывался.

Для курайшитов победы языческой Персии являлись свидетельством превосходства язычества вообще над всеми разновидностями единобожия, в том числе и над исламом. Интересно, что и Мухаммед со своими сторонниками болезненно воспринимал известия о поражениях Византии, тоже видел в этом нечто унижительное для ислама и всемогущего Аллаха. Торжества язычества быть не могло, и Мухаммед получил в откровении предсказание самого Бога, что победы персов носят временный характер и ромеи в недалеком будущем разгромят язычников. Это предсказание, включенное в Коран, и через ряд лет подтвердившееся, показывает, что Мухаммед был неплохим политиком и трезво оценивал силы двух враждующих великих держав.

Всю вторую половину 619 года продолжались попытки Мухаммеда договориться о союзе и покровительстве с кочевыми племенами Центральной Аравии. Речь опять-таки шла не только о защите самого пророка - Мухаммед хотел, чтобы кочевники приняли к себе всю общину мусульман, взяли на себя обязательство сражаться против общих врагов и - если не все, то хотя бы шейхи - обратились в истинную веру, а стало быть, признали Мухаммеда пророком и посланником Аллаха - со всем, что из этого следует.

Мухаммед обращался к племенам, кочевавшим сравнительно близко от Мекки, и к племенам, пришедшим далеко с севера и востока, - вся Аравия стала полем его дипломатической и проповеднической деятельности.

Кругозор Мухаммеда расширялся.

Язычники из племени Бану Амир и насара из племени Кинда и Калб, с которыми встречался Мухаммед, были для него в первую очередь арабами. И себя он уже осознавал не столько курайшитов, сколько арабом.

Как пророк, посланный увещевать арабов, а может быть уже и не только арабов, выступал Мухаммед перед кочевниками.

Отдельные принявшие ислам кочевники разносили весть об арабском пророке по всему полуострову, но договориться о союзе с каким-нибудь кочевым племенем Мухаммеду не удавалось. Кочевники были невосприимчивы к исламу.

Их больше интересовала, так сказать, практическая сторона вопроса кому достанется власть, если удастся сокрушить врагов Мухаммеда? На это, по словам предании, Мухаммед отвечал в том смысле, что власть - от Бога, и кому Бог пожелает, тому ее и вручит. Странно было бы, если бы Аллах пожелал отдать власть кому-либо, кроме своего пророка, - это кочевники хорошо понимали, и такая перспектива их совсем не устраивала.

В конце 619 года, через несколько месяцев после смерти Хадиджи, Мухаммед женился на Савде, тридцатилетней вдове мусульманина, умершего в Эфиопии. Кроме благочестия, никакими иными достоинствами Савда не обладала она была сравнительно немолода, некрасива, бедна и лишена влиятельных родственников. Овдовев, Савда оказалась в отчаянном положении - без всяких средств к существованию, не защищенная от любых издевательств и притеснений. При царивших в Мекке порядках только новое замужество могло обеспечить Савде достойное место в обществе.

Женитьба Мухаммеда на Савде была демонстрацией проповедуемой им братской любви и солидарности - того милосердия и сострадания к ближнему, которыми должны руководствоваться истинно верующие в противоположность нечестивым и эгоистичным язычникам.

На общину верующих гуманный поступок пророка произвел, надо думать, самое благоприятное впечатление, умножая его славу бессребреника и нестяжателя, человека, который не стремится ни к каким материальным благам мира.

Для Мухаммеда брак с Савдой оказался неудачным. Он не любил Савду, они так и остались чужими и ненужными друг другу людьми. Даже близость с ней тяготила Мухаммеда настолько, что Савда не могла этого не замечать. Тем не менее брак с Мухаммедом она высоко ценила, главным образом за ту честь, которая выпала на ее долю, - быть женой пророка и посланника Бога. Когда через несколько лет Мухаммед предложил ей развод на условиях, обеспечивающих ей безбедное существование, Савда отклонила его - идя на уступки, она отказалась от своих супружеских прав на Мухаммеда, но настояла на том, чтобы и впредь оставаться женой пророка в глазах Бога и людей.

Брак с Савдой был заключен при деятельном участии благочестивой Хавлы, жены Османа ибн Махзума. Хавла же посоветовала Мухаммеду жениться на Айше, дочери Абу Бакра, ближайшего друга и соратника пророка. Айшу, умную и миловидную девочку лет семи-восьми, Мухаммед, часто бывавший у Абу Бакра, знал чуть ли не с пеленок, и она ему нравилась. Предложение Мухаммеда обрадовало и смутило Абу Бакра - он давно хотел породниться с пророком, о более выгодной партии для любимой дочери нельзя было и мечтать, но, к сожалению, Айша была уже помолвлена с мусульманином Ибн Мутимом. Колебания его, однако, длились недолго - он расторг помолвку с Ибн Мутимом и обручил Айшу с Мухаммедом.

Свадьбу отложили на два-три года - за это время, по понятиям арабов той эпохи, Айша должна была превратиться в достаточно взрослую девушку, против замужества которой не может быть никаких возражений.

Пока же Айша оставалась в доме своего отца, и ее воспитанием как-никак будущая жена самого пророка! - занялись всерьез. Говорят, что по своему образованию она не уступала девушкам из самых знатных курайшитских семей; к тому же ее научили читать и писать, в чем сказывалось уже влияние ислама - жене пророка негоже было оставаться неграмотной, способной лишь заучивать священные тексты божественного Корана с чужих слов.

Абу Бакр, многолетний друг Мухаммеда и один из первых курайшитов, принявших ислам, был человеком глубоко религиозным, и его недаром называли "совестью ислама". Свое состояние он щедро растрачивал на выкуп рабов и помощь неимущим мусульманам - так он понимал добровольно принятую им на себя обязанность творить милостыню, любить ближнего как своего брата. Когда Абу Бакр молился, сердце его "смягчалось", и слезы умиления лились из его глаз. Зрелище было настолько заразительным, что в период гонений патрон-язычник, под покровительством которого исключенный из своего клана Абу Бакр проживал в Мекке, запретил ему молиться публично - он-де одним своим видом соблазняет чувствительных язычников в ислам.

Абу Бакр, обручивший семилетнюю дочь с пятидесятилетним пророком, самая младшая дочь которого Фатима была почти в два раза старше своей будущей "мачехи", искренне полагал, что он блестяще выполнил свой отцовский долг, мудро и ко благу дочери устроил ее судьбу. Так же относились к состоявшемуся обручению и окружающие, а маленькая Айша была горда выпавшей на ее долю честью.

Обручение с Айшей было радостным для Мухаммеда событием, и ничто в предполагавшемся браке не возмущало его чуткую религиозную совесть. Он не считал себя стариком, и чудовищная, с нашей точки зрения, разница в возрасте между ним и будущей женой не казалась ему противоестественной. Во всяком случае, она не служила препятствием для счастья арабской девушки, единственным человеком, которому такая разница в годах грозила в будущем серьезными препятствиями, являлся он сам.

Мухаммеду предстоящий брак с дочерью Абу Бакра, за которым стояла сильная партия мусульман, был выгоден, в твердой поддержке Абу Бакра он нуждался особенно сейчас, когда переживал одно поражение за другим и его авторитет пророка пошатнулся. Брак с Айшей тоже был браком по расчету, на этот раз по расчету политическому. Единственным недостатком Айши - ее чрезмерной молодостью - перед лицом столь важных соображений можно было пренебречь.

Почти тотчас после обручения Мухаммеда с Айшей состоялась еще одна помолвка: Али с младшей дочерью пророка Фатимой. Двоюродный брат и воспитанник Мухаммеда готовился стать к тому же его зятем и тем самым еще больше возвыситься в общине верующих.

Из лидеров мусульманской общины только Омар и все более теряющий влияние Осман ибн Махзун оставались не связанными узами родства с пророком.

Несмотря на неудачи, преследовавшие Мухаммеда, ближайшие его соратники ни на минуту не усомнились в нем. Их вера выдержала все испытания. Они твердо стояли на указанном. Аллахом прямом пути и были уверены, что этот путь рано или поздно приведет их к победе.

Глава 16

Хиджра

Оазис Ясриб

Его население

Религиозные представления его жителей

Отношение Мухаммеда к поэтам

Учение об умме

Клятва ясрибитов

Распространение ислама в Ясрибе

Подготовка к переселению мусульман из Мекки в Ясриб

Видение в доме Хинды

Переговоры в долине Мина, договор с ясрибитами

Начало хиджры

Планы курайшитов

Кровавый заговор

Покушение

Бегство

Прибытие в Ясриб

В эти годы страсти бушевали не только в Мекке. Далеко на севере, в богатом и плодородном оазисе Ясриб (Йасриб), до которого из Мекки верхом добирались дней за пять-шесть, а пешком - дней за одиннадцать, многолетняя смута постоянно приводила к кровавым столкновениям.

Ясриб лежал в котловине, окруженной холмами и скалами вулканического происхождения, пересеченной вади - руслами временных потоков, которые лишь после сильных дождей наполнялись водой и грязью. Древние вулканы, сделавшие почву оазиса плодородной, местами покрыли ее пластами черной лавы, на которой ничего не росло. Пятьдесят пять квадратных километров пригодной для обработки земли - примерно пять с половиной тысяч гектаров - составляли все достояние жителей оазиса. Здесь посевы пшеницы и ячменя чередовались с посадками финиковых пальм, с садами, для полива которых приходилось доставать воду из глубоких колодцев.

Земля была сама жизнь, землю покупали и арендовали, делили и захватывали силой. От этого поля и сады не увеличивались, и растущему населению оазиса жить было все труднее, никакие кровавые столкновения проблему не решали и решить не могли.

Население Ясриба было пестрым. Когда-то, в незапамятные времена, в оазис переселились три племени, исповедующие иудаизм, а примерно за сто лет до описываемых событий в Ясриб из Йемена переселилось небольшое племя Бану Кайла и стало жить в нем под покровительством местных язычников. Однако вскоре пришельцы с юга размножились, почти без следа ассимилировали своих патронов и разделились на два родственных племени - Аус и Хазрадж, между которыми началась нескончаемая кровавая борьба.

В этой борьбе принимали участие и племена, исповедовавшие иудаизм Бану Курайза, Бану Надир и Бану Кайнука, ставшие клиентами племен Хазрадж и Аус.

Хазрадж, Аус, иудаистские племена Курайза, Надир, Кайнука и остатки древнего языческого населения составляли "народ" Ясриба, осознававший общность своих интересов только тогда, когда возникала угроза всему оазису со стороны кочевников.

Храм богини аль-Манат почитался язычниками Ясриба как святыня, но почитался меньше, чем Кааба, и не всеми. Многие хазраджиты и авситы были заражены различными толками христианства, что не мешало им, впрочем, чтить и Каабу.

Последняя вспышка междоусобицы в оазисе в 617 году завершилась кровопролитным сражением между хазраджитами, на стороне которых выступало племя Кайнука, и авситами, союзниками которых были племена Курайза и Надир. В этом сражении ни одна из сторон не достигла решающего перевеса, и было заключено перемирие. В условиях шаткого перемирия, с неоплаченными долгами кровной мести, с неразрешенными спорами из-за земли и продолжал жить оазис Ясриб.

Язычники устали от вражды и не видели из нее выхода.

О Мухаммеде и его учении в Ясрибе хорошо знали. Такие понятия, как единый невидимый Бог, путь индивидуального спасения, пророчество, священное писание, ниспосланное людям свыше, воскресение после смерти, были ясрибским язычникам, живущим бок о бок с насара и яхуди, хорошо знакомы. Более того, от яхуди язычники переняли представления о мессии - спасителе, который придет к избранному народу, чтобы не только вывести его на праведный путь, но и обеспечить ему торжество над всеми врагами. Некоторые язычники полагали, что Мухаммед, выступивший с проповедью в Мекке, и есть ожидаемый мессия, и считали, что нужно всех опередить и постараться переманить этого мессию к себе.

Следует напомнить, что Мухаммед, хотя и являлся курайшитом, был для жителей Ясриба не совсем чужим - его прабабка, мать Абд аль-Мутталиба, и предки его матери Амины происходили из этого оазиса.

Первая встреча Мухаммеда с язычниками Ясриба произошла в священные месяцы 620 года на одной из ярмарок в окрестностях Мекки, где Мухаммед заводил знакомства и вступал в разговоры на религиозные темы с разноплеменным людом, стекавшимся к Мекке во время ежегодного паломничества.

Пожалуй, нигде язычество не выступало в столь ненавистном Мухаммеду облике, как на этих ярмарках, где мирно уживались торговля, религиозное благочестие и светские развлечения.

В палатках, над которыми развевался кусок красной материи, шла бойкая торговля вином. Отсюда неслись пьяные песни, дикие выкрики, взрывы смеха. Веселье часто кончалось жестокими драками. Вокруг валялись грязные, потерявшие человеческий облик пьяные - прямо под палящими лучами солнца, облепленные мухами;

через них равнодушно переступали прохожие. Некоторые кочевники за несколько дней пропивали все - скот, одежду и даже оружие; голодом и нищетой оборачивалась для них пагубная страсть к вину. Среди зажиточных пьяниц особым молодечеством считалось истребить все привезенное торговцем вино, заставить его "спустить флаг" - снять с палатки кусок красной ткани, служившей вывеской питейного заведения.

Вином торговали день и ночь, здесь же на деньги и вещи играли в кости и стрелы.

Между шатрами паломников и торговцев разгуливали съехавшиеся со всех концов Аравии разносторонне образованные куртизанки - нарядные, бойкие, веселые, нисколько не стыдящиеся своей профессии и никем не презираемые. Они умели петь и плясать, знали стихи и забавные истории, могли своим присутствием украсить и развеселить компанию гуляк. По сравнению с женщинами из кочевых племен, неграмотными, грязными, худыми от постоянного недоедания, с огрубевшими от солнца и ветра лицами, они казались чуть ли не сказочными небожительницами, сулящими невиданные наслаждения - дорогие, не каждому доступные, а потому еще более заманчивые.

Для Мухаммеда и вино, и азартные игры, и блудницы - все это был грех, мерзость язычества, сплошное беззаконие. Реальный вред этих пороков связывался в его сознании с вредом духовным, с полной потерей интереса к религии, с наплевательским отношением к любым богам. И действительно, на людей, бездумно и беспечно пренебрегающих своим завтрашним днем ради наслаждения, игры и забавы, ради утоления сиюминутных страстей, обещанные Аллахом воскресение из мертвых и страшный суд вряд ли могли произвести глубокое впечатление; нелепо было рассчитывать, что эти слабовольные грешники изо дня в день и из года в год будут вести жизнь, ограниченную рамками религиозных законов, чтобы избежать посмертных мучений в аду и заслужить райское блаженство.

Сурово и непреклонно взирал пророк и на забавы иного рода - на толпы людей, собравшихся послушать бродячих поэтов и актеров, этих странствующих рыцарей пустыни, желанных гостей каждой ярмарки и каждого племени. Общепризнанная одержимость поэтов делала их в глазах арабов людьми неприкосновенными, людьми не от мира сего, людьми, которых так же недопустимо обижать, как юродивых и бесноватых. Несмотря на такое отношение, некоторые поэты имели нередко смертельных врагов и даже во время всеобщего паломничества к святыням Мекки скрывали свое лицо под маской и выступали инкогнито. В поэтических состязаниях, собиравших многочисленных слушателей, поэты оспаривали друг у друга всеарабскую славу, а потом в узком кругу подвергали представленные на конкурс произведения подробному и пристрастному разбору, по строчке, по слову перебирая длинные героические поэмы и лирические касыды. Впрочем, если всенародный приговор обжалованию не подлежал, то суждения собратьев по перу нередко категорически отвергались. Когда начинающей поэтессе Хинде прославленный патриарх поэтического цеха, прослушав ее стихи, сказал, что она самая талантливая "из баб", Хинда возмутилась этим приговором и самоуверенно возразила, что она первая не только среди баб, но и первая среди тех, кто отличается от баб некоторыми особенностями телосложения. Непристойный ответ Хинды, поразивший слушателей своим остроумием, увековечил ее имя в истории арабской поэзии.

Одержимость поэтов была для Мухаммеда нечестивой, а увлечение поэзией, пропитанной языческим индивидуализмом и языческой гордостью, делающей человека центром мироздания, - пагубной для истинно верующего. Пророк готов был признать лишь тех поэтов, которые уверуют в единого Бога и творчество которых проникнется духом ислама.

Только совмещение религиозных и торговых занятий во время паломничества не вызывало у Мухаммеда никаких возражений - оно казалось ему естественным, само собой разумеющимся; религия для него не была уходом от жизни, от будничной повседневности, наоборот, согласно его мироощущению, религия должна была пропитать собой все стороны жизни, вплоть до самых "низменных", и тем придать всему будничному и повседневному, каждому поступку и каждому помыслу "высший", чистый и религиозный смысл.

Конечно, духовные интересы торговцев-паломников не исчерпывались увлечением поэзией и актерским мастерством. Вопросы религии, неотделимые от вопросов политики, волновали всю Аравию. Желających встретиться с Мухаммедом и послушать его, а то и просто поглазеть на него было предостаточно - личность пророка, вступившего в многолетнюю борьбу с могущественным племенем курайшитов, вызывала не меньшее любопытство, чем суть его учения.

На одной из подобных ярмарок во время паломничества 620 года и произошла историческая встреча Мухаммеда с шестью хазраджитами из Ясриба. Эти шесть язычников представляли пять кланов своего племени - впрочем, в земледельческом Ясрибе кланов было больше ста, и они постепенно превращались в нечто похожее на многолюдные семьи.

Мухаммед, как всегда, подробно изложил пришельцам из Ясриба суть своего учения, основные положения которого он подкреплял цитатами из Корана словами самого Аллаха,

подлинными, неискаженными, обращенными непосредственно к арабам.

В учении Мухаммеда была важная и интересная для жителей Ясриба мысль уничтожение межплеменной и внутренней вражды. Мухаммед настаивал, что все верующие составляют один народ - единую умму, по его терминологии. Община верующих, сплотившихся вокруг него в Мекке, представляла такую умму как бы в зародыше - курайшиты не допускали, чтобы формирование уммы завершилось. Умма Мухаммеда в Мекке с самого начала мыслилась как внеплеменное объединение, готовое принять всех желающих - и "красных" и "черных", то есть и собственно арабов любых племен, и эфиопов. Чернокожий Биляль, бывший раб и затем верный телохранитель Мухаммеда, принял ислам в числе первых нескольких десятков и вошел в умму пророка без каких-либо возражений. Излагая в Коране историю древних пророков, Мухаммед также постоянно подчеркивал, что последователи каждого из них образовывали единую умму, единый народ, не знающий деления на племена и кланы.

Внутри уммы нет ни патронов, наделенных большими правами, ни клиентов, права которых ограничены,- перед законом равны все. Рабство тоже должно было постепенно исчезнуть, так как принявшего ислам раба следовало отпускать на волю. Рабами могли быть только иноверцы, то есть люди, не принадлежащие к умме. Один Бог, одна вера, один народ, один закон для всех - так мыслилось социальное устройство тех, кто предал себя богу, стал мусульманином.

Во главе уммы стоит пророк, руководимый самим Аллахом; на его суд и передаются все споры и разногласия между верующими. Право же самим чинить суд и расправу раз и навсегда отнималось у верующих - такова была цена за мир, единство и безопасность.

Представление о единстве и общественном равенстве верующих свойственно всем развитым формам единобожия. Подобно апостолу Павлу, провозгласившему, что "нет грека, нет иудея - есть христианин", Мухаммед настаивал, что все уверовавшие в Аллаха составляют единый народ, единую умму. Его учение было интернациональным в своей основе, несмотря на особую симпатию пророка сначала к курайшитам, а потом и ко всем арабам.

Встреча с Мухаммедом произвела сильное впечатление на ясрибитов. Их прельщал ислам, на основе которого решался широкий круг личных и социальных проблем; слияние в один народ, образование единой уммы вместе с последователями Мухаммеда из Мекки, казалось им заманчивым. Сам пророк покорила их твердостью и искренней убежденностью в торжестве дела ислама, и они вернулись в Ясриб, уверенные, что Мухаммед - тот человек, на которого можно положиться, человек, который не подведет.

Эти шесть хазраджитов стали яркими пропагандистами ислама в Ясрибе. Они убеждали язычников, пока Мухаммеда не переманило какое-нибудь другое племя, принять ислам и стать ансарами - помощниками пророка.

В следующем, 621 году, опять-таки во время традиционного паломничества к Каабе, представители Ясриба вновь встретились с Мухаммедом, на этот раз для более серьезных и ответственных переговоров. Делегация состояла из двенадцати человек - двух из племени Аус и десяти из племени Хазрадж; пятеро среди последних встречались с Мухаммедом в предыдущем году. Таким образом, уполномоченные обоих ведущих арабских племен Ясриба приняли участие в переговорах.

На склонах холма Акаба, недалеко от оживленной в священные месяцы дороги между горой Арафой и долиной Мина, двенадцать ясрибитов торжественно поклялись Мухаммеду поклоняться только Аллаху, не красть, не прелюбодействовать, не убивать новорожденных девочек, воздерживаться от клеветы и злословия. Они также поклялись повиноваться Мухаммеду, как пророку, во всем "одобряемом", то есть во всем, что потребует Аллах, хранить верность Мухаммеду в счастье и в горе.

Клятва, принесенная ясрибитами, знаменовала их вступление в общину мусульман - отныне они становились членами уммы Мухаммеда, единого народа, созданного верующими.

Клятва двенадцати из Ясриба получила название Первой клятвы при Акабе. Ее часто называют также "клятвой женщин", так как в ней ни словом не упоминается об обязанности защищать пророка с оружием в руках и сражаться вместе с ним против общих врагов.

Первая клятва при Акабе почти дословно повторяет отрывок из Корана, полученный Мухаммедом в откровении несколько позднее:

- О пророк! - приказывал ему Аллах, - Когда придут к тебе верующие женщины, присягая тебе в том, что они ничего не будут придавать Аллаху в сотоварищи, и не будут красть, прелюбодействовать или убивать своих детей, и не будут приводить лжи... и не будут слушаться тебя в одобряемом, то прими их присягу и проси для них прощения у Аллаха, - ведь Аллах прощающий, милосердный!

Арабские историки настаивают, что помощники из Ясриба потому принесли Мухаммеду "клятву женщин", в которой ни словом не упоминалось об обязанности защищать пророка с оружием в руках, что Мухаммед не получил еще разрешения от Аллаха прибегать к насилию в какой бы то ни было форме.

Действительно, до этого времени Мухаммед никогда не призывал к насилию - ни от имени Аллаха, ни от своего собственного. Проповедь мира не только прекрасно увязывалась с духом созданного им учения, но и являлась необходимой в сложившихся условиях. В окружении враждебных курайшитов только мир спасал Мухаммеда и его последователей от полного и безжалостного уничтожения. Было бы самоубийством с его стороны прямо или косвенно угрожать курайшитам расправой - он грозил им только гневом Аллаха, божьей карой, и даже не настаивал, что эта кара обязательно постигнет их в земной жизни. Таких угроз язычники, конечно, всерьез не принимали.

Были у Мухаммеда и более веские причины воздержаться пока от военного союза с ансарам. Явившаяся делегация была не очень представительной, хотя и выступала от имени обоих враждующих племен оазиса. Каково реальное соотношение сил в Ясрибе, Мухаммед не знал. Не знал он также, насколько далеко по пути ислама готовы пойти его сторонники в Ясрибе. Готовы ли они принять не только его, Мухаммеда, как пророка и посланника Бога, но и всех мекканских мусульман?

До решения всех этих вопросов ни о каком военном союзе с двенадцатью новообращенными мусульманами из Ясриба не могло быть и речи.

Поэтому "клятвой женщин" и закончились переговоры Мухаммеда с делегатами из Ясриба. Вместе с ними Мухаммед отправил верного мусульманина и своего дальнего родственника хашимита Мусаба ибн Умайра - обучать новообращенных чтению Корана, наставлять их в вопросах веры и растолковывать им тонкости ритуальной стороны ислама. В задачу Мусаба входило также ознакомиться на месте с настроениями в оазисе, выяснить, насколько реальна перспектива переселения туда всех мекканских мусульман, и доложить обо всем Мухаммеду.

Мусаб прекрасно справился с поручениями - как с официальными, так и с секретными. Ислам бурно распространялся в оазисе. Скоро почти в каждом клане авситов и хазраджитов имелись новообращенные. Только одна крупная ветвь племени Аус, известная под именем Аус-Манат, категорически отвергла ислам.

Мусаб, которого ясрибские мусульмане прозвали Чтецом, руководил общими молитвами новообращенных до тех пор, пока не подготовил себе надежную замену в лице Азада ибн Зурата из племени Аус. Говорят, что во время его пребывания в Ясрибе стали входить в обычай общие торжественные молитвы по пятницам. Однако ясрибские мусульмане с самого

начала довольно косо смотрели на то, что их религиозными делами распоряжается пришелец из другого племени, и как только Азад ибн Зурат достаточно хорошо освоил чтение Корана, Мусаба от руководства общими молитвами отстранили.

Примерно за год в Ясрибе была подготовлена почва для переселения мусульман из Мекки, о чем знали лишь немногие посвященные - весь проект надлежало хранить в тайне от курайшитов, а потому и большинству верующих ничего не сообщалось.

Тем временем в Мекке Мухаммед исподволь приучал своих последователей к нелегкой мысли о неизбежности выселения из родного города. За два года, прошедшие после неудачной вылазки Мухаммеда в Таиф, вызвавшей новую волну преследований мусульман, язычники более или менее успокоились, и многие рядовые верующие, не испытывая особых гонений, вовсе не горели желанием покинуть родину и идти на чужбину, навстречу полной неизвестности и нищете для них, торговцев, в земледельческом оазисе не предвиделось никакого занятия, которым они могли бы прокормить себя и свои семьи.

Против выселения из Мекки имелся и религиозный довод. Мусульмане привыкли почитать Каабу, которая для них была Домом Аллаха - единственным "домом" на земле того Бога, которому они поклонялись. Уход из Мекки одновременно был и уходом от величайшей святыни, опасным разрывом с Аллахом, который хотя и вездесущ и всевидящ, но все-таки не зря же избрал именно Каабу своим "домом", местом угодных ему молитв и жертвоприношений.

Через несколько месяцев после Первой клятвы при Акабе великий пророк и посланник Бога пережил фантастическое и, добавим, весьма своевременное видение, прочно вошедшее в историю ислама под названием аль-исра ва-ль-мирадж.

Видение посетило его ночью, после многочасовой молитвы, и его двоюродная сестра Хинда, дочь Абу Талиба, уверяла потом, что именно в ее доме, расположенном в квартале хашимитов, все и произошло.

...Мухаммед увидел себя спящим в самой Каабе. Его разбудил Джibriл, который приказал ему встать и выйти из храма. Когда Мухаммед вышел, он увидел перед собой Бурака (Борака), белоснежного зверя, наполовину мула, наполовину осла, но с человеческим лицом и огромными крыльями. Бурак означает "молниеносный". Джibriл посадил Мухаммеда на спину Бурака и вместе с ним мгновенно перенесся в иерусалимский храм, где Мухаммеда уже поджидали Ибрахим, Муса, Иса и другие пророки. Вместе с ними Мухаммед молился - он был самым главным среди них, имамом, руководителем общей молитвы.

Потом Мухаммеду поднесли чашу с водой, чашу с молоком и чашу с вином. Мухаммед выбрал молоко и Джibriл воскликнул: "Поистине ты на правом пути ты и твой народ! Вино запрещено для вас".

...К дверям иерусалимского храма с неба была опущена лестница, по которой Мухаммед, сопровождаемый Джibriлом, начал восхождение на небеса.

На первом, самом нижнем небе, путь на которое преграждали Врата Стражей, Мухаммеда встретил и приветствовал Исмаил, пророк и легендарный предок арабов. Под его началом было двенадцать тысяч ангелов, каждый из которых сам командовал двенадцатью тысячами ангелов более низкого звания. Эти сто сорок четыре миллиона ангелов, предводительствуемые Исмаилом, защищали нижнее небо от дерзких и любопытных джиннов.

"И никто не знает воинств Господа, кроме Него", - обычно замечал Мухаммед, когда, рассказывая о своем необычном путешествии, доходил до описания первого неба.

Все эти бесчисленные ангелы ласково улыбались, приветствуя Мухаммеда, и лишь у Малика, повелителя ада, ни тени улыбки не появилось на лице. Джибрил объяснил, что Малик никогда и никому не улыбается. Малик по просьбе Мухаммеда открыл одну из отдушин ада, откуда вырвалось нестерпимое пламя, и показал ряд пыток, уготованных для грешников. Грешник с губами верблюда, пожиравший при жизни имущество сирот "едой настойчивой", запихивал себе в рот раскаленные камни;

женщина, тайно родившая своему мужу ребенка, зачатого от греховной связи, висела на крючьях, вонзенных в ее грудь. Перед неким грешником лежали ломти сочного мяса и ломти жилистого, тощего, давясь, он пожирал отвратительное мясо, не смея прикоснуться к хорошему - так он был наказан за то, что в жизни не захотел жениться на женщинах, дозволенных ему законом, а брал себе в жены тех, кого Аллах запретил касаться.

Здесь же, на первом небе, обитал и праотец Адам, рассматривавший бредущие мимо души своих бесчисленных потомков. Души праведных испускали радующее Адама благоухание, а души грешников - нестерпимый смрад.

На втором небе Мухаммед встретил пророка Ису, сына Марьям, и его двоюродного брата Иоанна, сына Захарии.

На третьем небе его ожидал прекрасный, с лунообразным лицом, пророк Йусуф (Иосиф), сын Йакуба (Иакова), тот самый, который прославил себя мудростью в земле египетской, устоял перед домогательствами безнравственной госпожи и спас свой народ от голодной смерти.

На четвертом небе обитал Идрис, на пятом - Гарун (Аарон), брат пророка Мусы, на шестом - сам темнокожий Муса.

На седьмом, и последнем, небе на великолепном троне восседал Ибрахим. "Никогда я не встречал человека, более на меня похожего", - прибавлял якобы Мухаммед, доходя до описания любимого своего пророка.

Ибрахим провел Мухаммеда в рай, и пророк видел прекрасную небесную деву с пунцовыми губами, от которой узнал, что она предназначена Зайду, его приемному сыну.

Все пророки приветствовали Мухаммеда как своего великого собрата, а затем он предстал перед самим Аллахом, скрытым за бесчисленными занавесами.

Аллах обязал Мухаммеда и всех верующих совершать пятьдесят ежедневных молитв, и пророк беспрекословно принял божественное повеление. Но Муса, узнав, какой непомерный груз собирается взвалить Мухаммед на плечи верующих, ужаснулся и настоял на том, чтобы Мухаммед вернулся к Аллаху с просьбой о снисхождении. Милосердный Аллах уменьшил число обязательных молитв до сорока пяти, но и эта цифра показалась Мусе чрезмерной, и он опять уговорил Мухаммеда просить Аллаха о новом снисхождении. В конце концов, после девяти хождений к Аллаху число обязательных молитв было сокращено до пяти. Муса, который в свое время немало помучился, приводя жестоковыйный Израиль к единобожию, убеждал Мухаммеда, что и пяти молитв в день его паства не выдержит, но Мухаммеду было стыдно в десятый раз тревожить Аллаха. С приказанием пять раз в сутки становиться на молитву и вернулся Мухаммед на землю, к иерусалимскому храму, откуда Бурак мгновенно перенес его обратно в Мекку.

Такова легенда о ночном путешествии Мухаммеда - легенда, сложившаяся много лет спустя после смерти пророка, украшенная подробностями, никакого касательства к событиям в Мекке не имеющими. В ней слились два независимых сюжета - путешествие в "отдаленную мечеть" (иерусалимский храм) и восхождение на седьмое небо. Судя по ряду преданий, Мухаммед летом 621 года рассказывал только о путешествии из Мекки в Иерусалим и обратно, о чем и упомянул в Коране:

- Хвала тому, - поведано было Мухаммеду в откровении некоторое время спустя, - кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую, вокруг которой Мы благословили, чтобы показать ему из Наших знамений. Поистине Он - всеслышащий, всевидящий!

Говорят, что Мухаммед, рассказывая о видении, подчеркивал, что все свершилось почти мгновенно. По его словам, ангел Джибрил, улетаая с ним, опрокинул кувшин с водой, а когда Мухаммед пробудился, он успел подхватить падающий кувшин. Айша потом рассказывала, ссылаясь на Мухаммеда, что во время чудесного путешествия тело пророка оставалось неподвижным и странствовала по воле бога лишь его душа. "Глаза мои спали, в то время как сердце бодрствовало" - так или примерно так говорил Мухаммед.

О своем фантастическом путешествии Мухаммед на следующее же утро поведал нескольким мусульманам, и рассказ его ошеломил их.

Молча выслушали они Мухаммеда, не зная верить или не верить ему. Ведь рассказывал не кто-нибудь, а сам пророк, и сотворил чудо Аллах, которого потому и называют всемогущим, что для него нет ничего невозможного.

Для каждого мусульманина обязательна вера в то, что Мухаммед - пророк, говорящий о Боге и религии только истину, а Аллах - всемогущ. Без этого ислам как религиозная система просто не существовал, и каждый последователь Мухаммеда не раз клялся, что разделяет оба эти положения безоговорочно. В душах предавших себя Богу не могло оставаться места для сомнений в истинности рассказанного Мухаммедом происшествия.

И все-таки сомнения были, и сомнения мучительные. Когда известие о видении распространилось по городу, многих мусульман покинула вера, они так же, как нечестивые язычники, решительно заявили, что все рассказанное Мухаммедом - немыслимо: от Мекки до Иерусалима меньше чем за месяц не добраться, да месяц на обратную дорогу, итого два месяца; как же мог совершить Мухаммед путешествие туда и обратно за одну ночь? Ясно, что не мог! А раз не мог за целую ночь, тем более не мог за мгновение.

Даже Абу Бакр - "совесть ислама" - на какой-то миг был обескуражен.

- Что ты теперь думаешь про своего друга, Абу Бакр? - с такими словами обратилось к нему несколько мусульман, до которых дошла весть о видении Мухаммеда. - Он утверждает, что этой ночью побывал в Иерусалиме, молился там, а потом вернулся обратно в Мекку.

- Это клевета на пророка! - с возмущением закричал Абу Бакр, заподозривший, что курайшиты затевают очередную провокацию с целью опорочить Мухаммеда. - Не мог он утверждать ничего подобного!

Увы, это не было клеветой - явившиеся к Абу Бакру мусульмане только что слышали о ночном путешествии из уст самого пророка.

- Если он так сказал, - значит, это правда, - твердо и убежденно ответил Абу Бакр, успевший уже подавить навеянное дьяволом сомнение. - Да и что вас так удивляет? Мухаммед говорил мне, что послания Аллаха спускаются с небес на землю всего за один час дня или ночи, а ведь это, по-моему, более поразительно, чем то, о чем рассказал вам пророк!

Мудрые речи Абу Бакра не рассеяли сомнений мусульман, они нуждались в каких-нибудь весомых доказательствах, что ночное путешествие Мухаммеда действительно имело место, и пророку, которому верующие обязаны были верить на слово, пришлось-таки представить некоторое подобие доказательства.

На многолюдном собрании мусульман, инициатором которого являлся преданный Абу Бакр,

Мухаммед вновь подробно рассказал о своем ночном путешествии, особое место уделив детальному описанию "отдаленнейшей мечети" - иерусалимского храма - и самого Иерусалима. Собственно, никакого иерусалимского храма уже давно не существовало; почти шестьсот лет назад, после Иудейской войны, храм этот был сожжен и разрушен римлянами до основания. На месте его после победы христианства была воздвигнута церковь эту-то церковь, унаследовавшую святость храма, выстроенного царем и пророком Соломоном, имели в виду Мухаммед и его последователи, когда они говорили об "отдаленнейшей мечети".

Некоторые из слушателей Мухаммеда в Иерусалиме бывали, но в "отдаленнейшей мечети" наверняка никто не был. По мнению курайшитов, хорошо знал Иерусалим Абу Бакр, и он-то на протяжении всего рассказа Мухаммеда клятвенно подтверждал истинность каждой детали, громко восклицая:

- Совершенно верно! Свидетельствую, что Мухаммед пророк Аллаха.

- А ты, Абу Бакр, - сказал Мухаммед, когда закончил свой рассказ, Сиддик - "Свидетель Истины".

Итак, истинность ночного путешествия Мухаммеда была неоспоримо доказана с помощью Абу Бакра, который гордился оказанной пророку в критическую минуту услугой, за которую он был награжден почетным прозвищем ас-Сиддик.

Рассказом о фантастическом видении Мухаммед, преднамеренно или нет, подверг мусульман своеобразному испытанию - испытанию на прочность и полноту веры, испытанию на преданность.

Сомнения мусульман, конечно, были непростительны:

к рассуждениям о том, сколько времени требуется каравану, чтобы совершить путь из Мекки в Иерусалим и обратно, они просто не имели права прибегать, такой метод рассуждений находился в вопиющем противоречии с верой как таковой. Вера не нуждается в доказательствах, в основе ее не лежит ничего, кроме потребности верить.

Испытание на полноту веры с честью выдержал только Абу Бакр, за что Мухаммед его высоко ценил. Если на одну чашу весов положить веру Абу Бакра, часто говорил Мухаммед, а на другую - веру всех мусульман, вера Абу Бакра все-таки перетянула бы.

Остальным сподвижникам Мухаммеда было еще далеко до идеала. Сомнения глубоко коренились в их сознании и проявлялись в любой критической ситуации. Идеи единого всемогущего Бога, воскресения и загробного бессмертия еще не вошли в их плоть и кровь, не утвердились незыблемо в глубинах подсознания, не стали подлинной основой миропонимания. Только этим можно объяснить их малодушные колебания перед лицом такой безделицы, как ночное путешествие пророка из Мекки в Иерусалим. Но то, что, поколебавшись, они все-таки уверовали в истинность видения пророка, свидетельствует о многом, и прежде всего о преданности Мухаммеду, о готовности следовать за ним навстречу неизвестному и принимать как должное резкие изменения религиозной теории и тактики.

Мухаммед воочию убедился, что его умма, его народ, пойдет за ним в изгнание, если он потребует этого.

Рассказом о своем видении Мухаммед нанес чувствительный удар по престижу Каабы. Из Каабы, почитавшейся доселе единственным и исключительным Домом Аллаха, перенес его ангел Джibrил в "отдаленнейшую мечеть", и именно там, а не в Каабе, встретил Мухаммед всех прославленных пророков древности во главе с самим Ибрахимом и молился с ними. Не в Каабу, а в "отдаленнейшую мечеть" опустилась лестница с небес, по которой Мухаммед

взошел к самому Богу, и следовательно, именно оттуда идет дорога к небу. Мухаммед превратил иерусалимский храм в средоточие всех чудес, а Каабу сделал лишь пунктом, из которого началось путешествие.

Идея выселения из Мекки получила религиозное обоснование - ни в городе, ни в его окрестностях нет таких святынь, которые опасно и недопустимо покидать.

Большинство мусульман, признав истинность ночного путешествия пророка, тем самым как бы высказалось за выселение из Мекки.

Спор между сторонниками и противниками выселения был окончательно решен так, как этого хотел Мухаммед и его ближайшие сподвижники.

Сразу после ночного путешествия Мухаммед изменил киблу, направление молитвы. Он стал во время молитвы обращать лицо не в сторону Каабы, а в сторону Иерусалима, и его примеру последовало большинство верующих.

В начале 622 года во время традиционного паломничества в Мекку прибыли единомышленники Мухаммеда из Ясриба. Они совершили хадж вместе с язычниками-соплеменниками и вместе с ними раскинули лагерь в долине Мина для жертвоприношений, молитв и участия в ярмарке. В первую же ночь после окончания священных обрядов ясрибские мусульмане тайно пришли к холму Акаба, где их уже поджидал Мухаммед.

В глубоком овраге на склоне Акабы состоялись переговоры между Мухаммедом и семьдесятю пятью мусульманами Ясриба, представлявшими племена Хазрадж и Аус. Среди явившихся для переговоров с Мухаммедом были две женщины, что никого не удивило, так как в земледельческом Ясрибе женщины пользовались большими правами, чем в патриархальной торговой Мекке.

Переговоры завершились заключением договора, скрепленного клятвами. Согласно этому договору, ясрибские мусульмане принимали к себе Мухаммеда и всех мусульман, которые пожелают выселиться из Мекки. Ясрибские мусульмане ансары (помощники) вместе с мухаджирами - переселенцами из Мекки образуют один народ, одну умму, во главе с Мухаммедом. Ансары клялись не только почитать Аллаха, "не придавая ему сотоварищей", избегать греха и подчиняться Мухаммеду, но и защищать пророка и всех мухаджиров с оружием в руках, так же как они защищают своих детей и женщин. В договор, таким образом, был включен пункт о военном союзе между ансарами и мухаджирами, в связи с чем он получил название Второй клятвы при Акабе, или "клятвы войны".

Мухаммед в свою очередь поклялся ансарам, что никогда и ни при каких обстоятельствах он не покинет их, даже ради своего собственного племени.

- Отныне,- заверил пророк ансаров, - ваша кровь - моя кровь, я - ваш, и вы - мои.

Похоже, что Мухаммед и ансары скрепили договор кровью, по древнему языческому обычаю.

Двенадцать ансаров - самых влиятельных и почитаемых - Мухаммед назначил накибами; предполагалось, что эти накибы будут представлять интересы всех ансаров и образуют нечто вроде совещательного органа при Мухаммеде.

Предания утверждают, что в переговорах при Акабе самое деятельное участие принял и дядя Мухаммеда - богатый и умный язычник Аббас. Он выступил как представитель клана Хашим и подтвердил, что хашимиты снимают с себя ответственность за Мухаммеда и добровольно передают его ансарам, к которым отныне переходят все права на Мухаммеда и обязанность защищать его.

Мухаммед еще три года тому назад был исключен из клана Хашим и жил в Мекке в качестве клиента аль-Мутима, главы клана Науфал, а Аббас не являлся предводителем хашимитов и не имел законного права распоряжаться судьбой Мухаммеда. Поэтому участие Аббаса в переговорах при Акабе весьма сомнительно. Возможно, рассказ о благородном поведении Аббаса при Акабе был сложен много лет спустя с целью прославления Аббаса, потомки которого дали начало процветающей династии халифов. Следует, однако, учитывать, что Договор Мухаммеда с ясрибскими ансарами с точки зрения языческого права был совершенно незаконным. Как клиент клана Науфал, Мухаммед не имел права заверять ансаров, что "их кровь - это его кровь", а тем более не имел права распоряжаться судьбой других мусульман, у которых были свои вполне определенные "хозяева". Заключение с ансарами военный союз сильно отдавало предательством. Участие Аббаса могло придать свершившемуся некую видимость законности и добропорядочности. Язычник Аббас к вопросам религии относился с полным равнодушием, но он был дальновидный политик, а потому он мог оказать Мухаммеду, не терявшему шансы на успех, небольшую услугу и выступить в качестве представителя хашимитов во время тайных переговоров с ансарами.

Соглашение следовало хранить в глубокой тайне, а потому участники Второй клятвы при Акабе ночью же разошлись, соблюдая все меры предосторожности, чтобы не привлечь ничьего внимания. Ансары утверждали, что они вернулись в свой лагерь в долине Мина никем не замеченными и про их отсутствие язычники из Ясриба ничего не знали. Тем не менее уже на следующий день курайшиты проводили о секретных переговорах Мухаммеда с ансарами: говорят, их шпион, следивший за Мухаммедом, сопровождал его до самой Акабы, а затем наблюдал за переговорами с ее вершины. Версия о курайшитском шпионе снимала подозрения в излишней болтливости и с ансаров, и с мекканских последователей Мухаммеда, а потому всех устраивала.

Курайшиты знали, что переговоры состоялись, но содержание достигнутого соглашения оставалось им неизвестным. Они схватили одного из ансаров и продержали его некоторое время связанным, но потом вынуждены были отпустить, так ничего и не добившись. Курайшиты не на шутку встревожились, подозревая, что затевается серьезная враждебная акция против Мекки. Но подозрения ничем конкретным не удавалось подкрепить, и некоторое время курайшиты пребывали в нерешительности, ничего не предпринимая против Мухаммеда и мусульман.

Тем временем Мухаммед не терял времени даром. Сразу же после секретных переговоров с ансарами по его приказу началась хиджра - переселение мекканских мусульман в Ясриб, с тем чтобы там вместе с ансарами образовать единый народ - умму пророка и посланника божьего.

Началом хиджры принято считать 16 июля 622 года - этот день семнадцать лет спустя был провозглашен мусульманами началом нового летосчисления. Но выселение мусульман из Мекки началось раньше - некоторые ушли в Ясриб еще до Второй клятвы при Акабе. Они покидали Мекку небольшими группами и поодиночке, погрузив скарб и малолетних детей на верблюдов или ослов: лошадей ни у кого из обедневших мусульман не было. У многих не было даже ослов, и они пешком отправлялись на север, в расположенный более чем за триста километров Ясриб, через горы и сухие каменистые степи.

Курайшиты не чинили им никаких препятствий, они лишь зорко следили за самим Мухаммедом и его ближайшими друзьями. Но и Мухаммед, и Абу Бакр, и Али, и многие другие влиятельные мусульмане оставались на месте и делали вид, что никуда уезжать не собираются. Курайшиты, очевидно, полагали, что происходит нечто похожее на выселение части мусульман в Эфиопию; кстати, несколько десятков мусульман до сих пор пребывало в благословенной стране справедливого негуса, не доставляя курайшитам каких-либо хлопот. Поэтому и начавшееся выселение мусульман в Ясриб на первых порах не особенно встревожило курайшитов.

Но постепенно, по мере того как все новые и новые группы мусульман покидали Мекку и в городе опустел чуть ли не целый квартал, замысел Мухаммеда становился для них все более очевидным - курайшиты начали догадываться, что на этот раз дело идет к переселению всех мусульман вместе с Мухаммедом. И уйти они собираются не в далекую Эфиопию, а в Ясриб, мимо которого идут караванные дороги из Мекки в Сирию и к берегам Средиземного моря.

Когда же Мекку покинуло большинство мусульман, когда ушел Омар со всей своей семьей и Зайд, приемный сын Мухаммеда, курайшиты решили, что пора что-то предпринять. Старейшины и наиболее влиятельные представители многих кланов собрались, как обычно, на совещание в доме Кусая ибн Кулаба, в центре Мекки, вместе с несколькими шейхами союзных курайшитам племен, для того чтобы окончательно решить вопрос о Мухаммеде. Им уже было известно, что покинувшие Мекку мусульмане прочно обосновались в Ясрибе, и они поняли, что Мухаммед намерен в ближайшее время, опираясь на Ясриб, начать открытую войну против курайшитов. Медлить было нельзя.

Некоторые курайшиты предлагали заковать Мухаммеда в цепи и содержать его под стражей, но этот план был отвергнут из опасений, что сторонники Мухаммеда совершат внезапный налет и освободят пророка.

Изгонять Мухаммеда было поздно, так как теперь опасность в том и заключалась, что он сам намеревался покинуть Мекку и присоединиться к своим многочисленным последователям в Ясрибе.

Абу Джахль настаивал, что Мухаммеда нужно убить, другого выхода нет. Рассказывают, что Абу Джахлю помогал сам сатана, принявший облик почтенного шейха из далекого Неджда, который своими репликами возбуждал в собравшихся курайшитах ненависть к Мухаммеду и страх за свое будущее. Все же курайшиты долго колебались - никому не хотелось участвовать в деле, пахнущем кровной мезьтью. В конце концов Абу Джахль убедил курайшитов, что убить Мухаммеда необходимо, убедил, конечно, с помощью сатаны, что в значительной степени снимает ответственность с курайшитских старейшин в глазах их верующих потомков.

Чтобы кровная мезть не обрушилась на исполнителя приговора, решено было выбрать семерых молодых курайшитов благородного происхождения, по одному из каждого клана, которые должны были все вместе и одновременно вонзить мечи в Мухаммеда. При таком коллективном убийстве опасность отмщения со стороны родственников или друзей Мухаммеда казалась ничтожной, и Абд-Манаситам (которые, кстати, не присутствовали на собрании - даже Абу Лахаб на него не явился) не останется ничего другого, как удовлетвориться денежной компенсацией за Мухаммеда, так называемой ценой крови. Цену крови курайшиты согласились выплатить сообща.

Поздно вечером исполнители приговора отправились к дому Мухаммеда, но в дом не вошли - по-видимому, они ожидали, что Мухаммед, как обычно, будет ночевать во дворе. Один из курайшитов заглянул в замочную скважину и убедился, что Мухаммед дома - пророк лежал на кровати, завернувшись в свой зеленый плащ, хорошо знакомый мекканцам.

Тогда заговорщики решили подождать до утра.

Когда совсем рассвело, они обнажили мечи и ворвались в дом, чтобы прикончить Мухаммеда. Однако с постели поднялся не Мухаммед, а верный Али, одетый в плащ пророка. Не обращая внимания на обескураженных курайшитов, Али беспрепятственно покинул дом.

Пророк в это время был уже далеко.

Имели ли курайшиты твердое намерение убить Мухаммеда - неясно; судя по их действиям, они стремились в первую очередь арестовать его, а что с ним делать дальше, они, возможно,

и сами еще не знали.

- Вот ухищряются против тебя те, которые не веруют, чтобы задержать тебя, или умертвить, или изгнать, - так сам Мухаммед счел нужным изобразить позднее (от лица Аллаха, конечно) намерения курайшитов. - Они ухищряются, и ухищряется Аллах. А ведь Аллах - лучший из ухищряющихся!

Мухаммед, предупрежденный заранее кем-то из своих друзей, не стал дожидаться, чем кончатся ухищрения его врагов, когда курайшиты вынесут ему смертный приговор и приступят к осуществлению своего злодейского плана. Оставив преданного Али и снабдив его своим плащом, чтобы обмануть курайшитов и выиграть время, Мухаммед поздно вечером перелез в темноте через глинобитный забор, окружающий двор его дома, и глухими переулками, никем не замеченный, пробрался в верхнюю, южную часть города к дому Абу Бакра. Он сообщил Абу Бакру, что получил наконец позволение Аллаха покинуть город (о чем пророку поведал ангел Джибрил), и предложил бежать немедленно. Той же ночью они вдвоем выбрались из города, но чтобы запутать преследователей, направились не на север, к Ясрибу, а на юг, к известной им небольшой пещере на склонах горы Саур. В этой пещере Мухаммед и Абу Бакр провели три дня, пока курайшиты, объявившие большую награду (сто верблюдов) за поимку пророка, бесплодно рыскали в окрестностях города.

Абу Бакр, которому принадлежит основная заслуга в организации побега Мухаммеда из Мекки, опасался, что их обнаружат и убьют; Мухаммед же был спокоен, уверенный, что Аллах защитит его.

Пребывание в пещере вместе с Абу Бакром Мухаммед описал в Коране следующими словами, вложенными в уста Аллаха:

- Если вы не поможете ему, то ведь помог ему Аллах. Вот изгнали его те, которые не веровали, когда он был вторым из двух. Вот оба они были в пещере, вот говорит он своему спутнику: "Не печалься, ведь Аллах - с нами!" И низвел Аллах Свой покой на него, и подкрепил его войсками, которых мы не видели, и сделал слово тех, которые не веровали, низшим, в то время как слово Аллаха высшее: поистине, Аллах - могучий, мудрый!

- Мы были тогда только вдвоем! - с гордостью говорил потом Абу Бакр об этих тревожных днях...

По ночам пещеру на горе Саур навещали дочь Абу Бакра Асма и его сын Абдаллах, оставшийся язычником. Они приносили беглецам еду и воду, а также подробно рассказывали о действиях курайшитов. Днем поблизости от горы Саур пас овец Амир, вольноотпущенник Абу Бакра, также посвященный в план побега.

На третий день курайшиты прекратили поиски вблизи города, полагая, что Мухаммед находится уже на пути в Ясриб. В этом направлении и предпринимали курайшиты не очень энергичные попытки обнаружить Мухаммеда, что представлялось им практически безнадежным занятием.

Тогда к горе Саур вольноотпущенник Амир пригнал двух верблюдов, нагруженных необходимым запасом продовольствия и воды, и Мухаммед с Абу Бакром отправились в Ясриб. Их сопровождал Амир, а через некоторое время к ним присоединился также Абдаллах ибн Аркат из соседнего кочевого племени, взявший на себя роль проводника.

От Мекки Мухаммед и его спутники двинулись на юго-запад, к побережью Красного моря, и лишь вдали от города повернули на север. Ехали они ночами, старательно избегая обычных караванных дорог и троп, и без всяких приключений через пять-шесть дней благополучно достигли Ясриба.

Это произошло 24 сентября 622 года - в этот день Мухаммед прибыл в местечко Куба, расположенное на южной окраине оазиса, и остановился здесь.

Хиджра пророка и посланника Бога была завершена.

Глава 17

Ансары и мухаджиры

Первая мечеть

Дома пророка

Свадьба Мухаммеда и Айши

Свадьба Али и Фатимы

Борьба за власть и укрепление уммы

Преданность мухаджиров пророку

Нужда и лишения

Побратимство

Неприязнь между ансарами и мухаджирами

Сальман аль-Фариси

Абдаллах ибн Убайя

"Нет принуждения в вере"

Лицемеры

Столкновения с христианством и иудаизмом

Рассуждения об Ибрахиме и его "ханифии"

Снова лицом к Каабе

Конституция Медины

Итак, в конце сентября 622 года пророк и посланник Бога прибыл в селение Куба, расположенное на южной окраине оазиса Ясриб, на расстоянии двух арабских миль (около четырех километров) от центральной части оазиса, которую условно можно назвать городом.

Отсюда открывался вид на весь оазис, раскинувшийся в холмистой котловине, на севере которой возвышалась гора Оход (Ухуд). Центр котловины занимали посадки финиковой пальмы и сады, обнесенные невысокими каменными и глинобитными оградами. Среди них за высокими глухими заборами были разбросаны группы одноэтажных и двухэтажных домов с плоскими крышами и крошечными окнами, домов-крепостей, приспособленных для отражения внезапных нападений кочевников и соседей. На окраинах оазиса, среди полей уже убранного в это время года ячменя и пшеницы и черных потоков бесплодной лавы, вздымались укрепленные замки всех основных племен Ясриба многоэтажные, с узкими щелями-бойницами, достаточно просторные, чтобы укрыть за своими стенами все племя. В этих замках, в которых хранились постоянные запасы продовольствия, воды и оружия, каждое племя могло выдержать длительную осаду. Жители оазиса занимались не только

земледелием. Они владели обширными пастбищами, на которых пасли стада верблюдов и овец.

Для последователей Мухаммеда Ясриб с этого времени становится Городом пророка - Мадинат ан-наби, или сокращенно аль-Мадина, Медина (Город) - под таким названием он существует и поныне.

В селении Куба пробыл Мухаммед дня четыре, а возможно и больше, совещаясь с прибывшими ранее из Мекки переселенцами-мухаджирами и местными помощниками - ансарами. За это время к Мухаммеду присоединились последние мусульмане, остававшиеся в Мекке, среди них - Али, которому было поручено распорядиться имуществом пророка, в том числе и вещами, которые верующие отдавали Мухаммеду на хранение, и обширное семейство Абу Бакра с невестой пророка Айшей.

В Куба Мухаммед руководил первыми молитвенными собраниями мусульман, совершавшимися открыто и безбоязненно, без всяких помех со стороны язычников. Здесь же Мухаммед заложил и первую в мусульманском мире мечеть "Место поклонения". Мечеть в Куба представляла собой квадратную площадку, обнесенную стеной, вдоль которой шла крытая пальмовыми листьями колоннада. Крыши не было - молитвенные собрания происходили под открытым небом. Каждая сторона мечети была длиной в шестьдесят шесть - шестьдесят девять арабских локтей, то есть около тридцати четырех метров. Вход в мечеть был расположен в западной стене, к которой примыкала площадь с колодцем; поблизости от колодца находился большой плоский камень с углублением, на котором совершались омовения. Так как вход в мечеть был с запада, молились в ней, очевидно, лицом к востоку, а не к северу, где находился Иерусалим. Ориентировка на восток была характерна для христианских базилик того времени, а в Медине проживало немало насара (христиан); возможно, влияние почитателей Иисуса сказалось при строительстве мечети. Самому Мухаммеду, лишь недавно повелевшему молиться лицом к Иерусалиму, вопрос о кибле тем не менее не казался существенным - во всяком случае, не столь существенным, чтобы сделать из него препятствие для распространения ислама. Известно, что и несколько лет спустя, когда Медину посетила депутация насара из Наджрана, Мухаммед молился вместе с ними лицом к востоку.

После продолжительной остановки в Куба, во время которой выяснилось, что население оазиса действительно готово принять пророка и посланника Бога, состоялась торжественная церемония вступления Мухаммеда в Медину.

Мухаммеда, ехавшего на своей любимой верблюдице Касве в сопровождении Абу Бакра, Али, видных ансаров и военного эскорта, восторженно приветствовало несколько сот мусульман - мухаджиров и ансаров; огромные толпы язычников, насара и яхуди, собравшихся посмотреть на пророка, были настроены в целом благожелательно. Мухаммед вступал в Медину под девизом:

"Нет принуждения в вере!" - такова была воля Аллаха, поведенная Мухаммеду в откровении. Над головой пророка развевалось белое знамя - белый плащ, поднятый на копье одним из ансаров.

Почти в самом центре оазиса Мухаммед остановился - умная верблюдица Касва по велению свыше преклонила колени на том месте, где Мухаммед намеревался построить основную мечеть и поселиться сам. Это была ровная большая площадка на дне пологого оврага, образованного древним вади, непригодная для земледелия и использовавшаяся для сушки фиников. Она принадлежала двум сиротам, которые предложили подарить ее общине верующих, но Мухаммед отклонил их предложение и распорядился уплатить благочестивым сиротам стоимость их земли. Земля для мечети и домов пророка была куплена мусульманами вкладчину, а строительство велось общими силами, и Мухаммед работал

наравне со всеми.

- Нет жизни, кроме жизни грядущей! - часто пели строители, и Мухаммед вместе с ними. - Осени Бог своей милостью ансаров и мухаджиров!

Мединская мечеть, строительство которой полностью было завершено только через год, хотя молиться в ней начали раньше, по размеру и конструкции напоминала мечеть, заложенную в селении Куба, но имела несколько ворот, говорят, первоначально - три - с западной, северной и восточной сторон. Западные назывались "Воротами базара", так как с этой стороны к мечети примыкал базар; через восточные ворота обычно входил Мухаммед, руководивший общими молитвами. В центре мечети располагался бассейн для омовений, а вдоль стен шла крытая колоннада. Одна часть мечети отводилась для мужчин, другая для женщин; бок о бок мужчинам и женщинам молиться не полагалось - во избежание соблазна.

Одновременно мечеть служила приютом для бездомных мусульман.

Прямо к мечети примыкали "дома пророка" - однокомнатные глинобитные строения, крытые пальмовыми листьями. Двери этих домов выходили в общий двор. "Дома пророка" включали помещения для дочери Мухаммеда Фатимы, его жены Савды и будущей жены Айши.

Пока мечеть и "дома пророка" не были закончены, Мухаммед жил поблизости в двухэтажном доме Абу Айюба. Хозяева занимали верхний этаж и были вынуждены "попирать ногами пророка", что их немало смущало;

Мухаммед, однако, отказался переселиться на второй, почетный этаж, ссылаясь на то, что его посещает много людей и внизу ему удобнее. Хозяева приносили Мухаммеду и пищу, остатки которой, освященные прикосновением пророка, они съедали сами. От этих благочестивых мусульман мы знаем, что Мухаммед лук и чеснок оставлял нетронутыми, так как не хотел, чтобы от него дурно пахло.

В 623 году, примерно через год после переселения в Медину, дома пророка были готовы, и Мухаммед перебрался туда. Вскоре скромно отпраздновали его свадьбу с десятилетней Айшей. Мухаммед, согласно обычаю, преподнес свадебный дар - пятьдесят дирхемов. Айша несколько месяцев оставалась в доме отца, а затем поселилась рядом с Савдой. С собой Айша принесла и игрушки, в том числе деревянную лошадку, которую она называла лошадью Сулаймана (Соломона). По словам Айши, Мухаммед охотно принимал участие в ее детских играх, а лошадь Сулаймана его умиляла.

Айша до самой смерти пророка пользовалась его неизменной страстной любовью и дружеской привязанностью. Из-за этого, а также из-за высокого положения своего отца в общине верующих Айша, несмотря на свою молодость, стала главной и самой влиятельной женой пророка. Она была настолько уверена в любви Мухаммеда, что однажды даже спросила его, удалось ли ей заменить ему умершую Хадиджу? К ее огорчению, Мухаммед ответил, что Хадиджу ему никто заменить не может.

Почти тотчас после свадьбы Мухаммеда и Айши была отпразднована еще одна свадьба в доме пророка - шестнадцатилетняя Фатима стала женой двоюродного брата Мухаммеда и его воспитанника Али. Говорят, что Мухаммед в этот период был так беден, что во время свадебного пира гостей угощали только финиками, оливками и молоком. Ни вина, ни музыки не было - уже не из-за бедности, а из-за аскетических нравов, которые возобладали среди мусульман.

Брачная постель была покрыта простой овчиной, а приданое Фатимы состояло из двух юбок, головного убора, двух серебряных запястий, кожаной подушки, чаши для питья, ручной мельницы, двух кувшинов и медного котелка.

Фатима, по словам преданий, по своему душевному совершенству не уступала Хадидже и Марьям, матери пророка Исы. Тем не менее Али и Фатима часто ссорились и неделями не разговаривали друг с другом; Мухаммеду приходилось мирить их.

От этого брака вскоре родились Хасан и Хусейн - первые и единственные внуки пророка.

Вступление Мухаммеда в Медину иногда описывают как триумфальный въезд всеми признанного правителя и владыки. Увы, ничего похожего на самом деле не было! Знаменитая "клятва войны" при Акабе, точно содержание которой не было закреплено никаким письменным соглашением, вообще обходит стороной вопрос о правах Мухаммеда. За ним признается пророческая миссия, роль третейского судьи в спорах между мусульманами, но и только.

Власть в Медине предстояло завоевать.

Борьба за власть понималась Мухаммедом и его единомышленниками как борьба за распространение ислама и укрепление общины верующих, той уммы пророка, образование которой было провозглашено на склонах горы Акаба всего лишь за полгода до переселения Мухаммеда в Медину.

Эту умму, единый народ мусульман, не знающий деления на племена и кланы, еще нужно было создать, и создать так, чтобы власть в ней безраздельно принадлежала пророку и посланнику Бога - всякое иное решение находилось в вопиющем противоречии с представлениями, сложившимися не только у самого Мухаммеда, но и у его ближайших приверженцев из Мекки. Власть надлежало вырвать из "злых рук", в которых она, по уверению Мухаммеда, до сих пор пребывала, и сосредоточить в добрых, праведных руках. Кстати, отношение к власти, как таковой, в этот период у Мухаммеда резко меняется в откровении ему было поведано, что без власти не может существовать и религия, так как "если бы Бог не сдерживал одних людей другими, то были бы разрушены и монастыри, и церкви, и синагоги, и мечети".

Переселенцы из Мекки, мухаджире, являлись надежной опорой Мухаммеда, главной силой, на которую он мог рассчитывать. Мухаммед это хорошо понимал и настоятельно требовал, чтобы все мусульмане незамедлительно собрались в Медину:

- Поистине, те, которые уверовали и выселились, - провозглашал он, - и боролись своим имуществом и душами на пути Аллаха, и те, которые дали убежище и помогли, - эти близки друг другу. А те, которые уверовали, но не выселились, - нет у вас никакой близости к ним, пока они не выселятся!..

На его призыв откликнулись почти все мусульмане, бежавшие некогда из Мекки в Эфиопию: минуя Мекку, они высаживались на побережье Красного моря непосредственно против Медины, в порту Янбо (Йанбу), и беспрепятственно присоединялись к Мухаммеду.

Часть мекканских мусульман не подчинилась требованию пророка и не покинула город.

Некоторых мусульман задержали в Мекке курайшиты. Всего Мухаммед смог собрать в Медине не больше сотни мухаджире, способных носить оружие; общее же их число вместе с женщинами и детьми достигало, по-видимому, нескольких сот.

Большинство мухаджире уже около десяти лет исповедовало ислам, с его молитвами и постами, обрядами очищения и добрыми делами. Вера не была для них

пустым звуком. Их религиозная фантазия, однако, не всегда укладывалась в рамки, предписанные самим Мухаммедом, но порой выходила из них, проникала в неожиданные для основоположника ислама области и нередко диктовала пророку линию поведения.

Отрывки из Корана, например, уже в это время приобрели в глазах верующих и чисто магическое значение - их использовали как амулеты и талисманы, прикладывали кусочки ткани или пергамента с начертанными на них божественными словами к ранам, веря в их целительную силу. Мухаммед не препятствовал этим проявлениям суеверия, хотя нигде в Коране не предписывал их верующим. Он тоже признавал исключительную целебную силу за молитвой и чтением Корана вслух, особенно для защиты от злых духов и колдовства; болезни же все-таки предпочитал лечить лекарствами и молитвами, а не одними молитвами.

Многие ревностные мусульмане шли дальше пророка и в требованиях "чистоты" повседневной жизни. Мухаммед еще очень уклончиво говорил о вреде вина, отмечая и его полезные свойства и настаивая лишь на том, чтобы верующие не молились после выпивки, а для таких мусульман, как Омар, вопрос о недопустимости вина был уже окончательно решен - своего взрослого сына, посетившего питейное заведение, благочестивый Омар избил до полусмерти, и его поступок был встречен остальными мухаджирами с полным одобрением. Мухаммед не любил языческой поэзии, считая ее греховной и вредной, но поэтов, исповедующих ислам и прославляющих его в стихах и поэмах, слушал охотно. Однако и он, завидев приближающегося Омара, просил поэтов замолчать, так как знал, что Омару, как и некоторым другим мусульманам, интерес ко всякой поэзии представляется предосудительным.

Приходилось Мухаммеду бороться и с крайними проявлениями религиозного подвижничества, со злоупотреблениями тяжелыми и продолжительными постами, еженощными многочасовыми молитвами, подрывавшими здоровье верующих.

Но не только вера, порой исступленная и фанатичная, порой умеренная или даже поверхностная, связывала мухаджиров с Мухаммедом. Большинство переселенцев из Мекки были бедны, и многие из них - благодаря исламу. "Богач" Абу Бакр, состояние которого некогда достигало сорока тысяч дирхемов, к моменту переселения в Медину имел всего лишь четыре тысячи дирхемов, то есть потерял за это время девять десятых своего имущества. Обеднение Абу Бакра объясняется не тем, что он покупал рабов-мусульман и отпускал их на волю - рабы стоили сравнительно недорого, что-то порядка четырехсот дирхемов, и выкупил он рабов не больше десятка. Имущество Абу Бакра, как и многих других мусульман, было растрчено на нужды всей общины и попросту прожито в те годы, когда бойкот курайшитов лишил их возможности зарабатывать себе на жизнь торговлей.

Мухаджиры вложили в предприятие Мухаммеда все или почти все свое состояние. Они порвали со своим племенем и покинули по его приказу родину. Назад в Мекку для большинства из них дорога была закрыта. Только торжество ислама и успех Мухаммеда, только завоевание реальной власти могли вернуть им утраченное и оправдать понесенные ими жертвы. Для них Мухаммед был не только пророк, но и вождь, выразитель общих интересов, главная ударная сила и единственная надежда.

В Медине обедневшие мухаджиры попали в еще более отчаянное положение.

Доходы от торговли в земледельческом оазисе были ничтожны, и эти доходы местные торговцы не намеревались выпускать из рук. Оазис был перенаселен, и даже тяжелая и низкооплачиваемая поденная работа лишь изредка перепадала мухаджирам; она не могла прокормить ни их, ни их семьи. Рассказывают, что Али носил из колодца воду для приготовления кирпичей, получая за каждую бадью всего по одному финику, и заработал за день шестнадцать фиников. Половину он отдал Мухаммеду, и эти шестнадцать фиников составили всю их еду в тот день.

- Неделями мы питались только хлебом, финиками и водой и даже не разводили огня, так как готовить было нечего, - рассказывала Айша много лет спустя. - Изредка кто-нибудь присылал нам мясо. Иногда по два дня подряд у нас не было хлеба.

Мухаджиры плохо приживались на новом месте. Все в Медине казалось им чужим, чуждым, нередко отталкивающим. Их не покидала тоска по родине, по сухой, знойной, почти лишенной зелени Мекке с ее любимым, величественным и успокаивающе-надежным храмом; сады и рощи финиковых пальм Медины не радовали их, а вода в оазисе казалась невкусной по сравнению с солоноватой водой священного источника Замзам. Более влажный климат Медины действовал на мухаджиров угнетающе, и они часто болели. Особенно страдали мухаджиры от малярии, с которой они никогда не сталкивались у себя на родине и к которой местные жители были не особенно восприимчивы. Теперь мы на собственном опыте знаем, как умирают люди, утверждали они, после приступов малярии, сопровождающихся ознобом и жаром, бредом и потерей сознания. Во время болезни они так слабели, что не могли даже подняться для совершения обязательных ежедневных молитв и вынуждены были молиться сидя. Мухаммед, регулярно навещавший больных, призывал их преодолевать слабость и совершать молитву стоя - молитва в сидячем положении, по его словам, в глазах всевышнего стоит немного и особой пользы не приносит. Родственники поднимали больных по их просьбе и поддерживали, пока те совершали омовение и творили молитву.

Нравы Медины также казались мухаджирам чуждыми и неприятными. Особенно их оскорбляла большая свобода, которой пользовались женщины в оазисе, ведущая, по их мнению, к дерзости, непочтительности и безнравственности. Они опасались, что жительницы Медины будут дурно влиять на привыкших к покорности и безропотному подчинению курайшитов, и всячески препятствовали общению своих жен и дочерей с местными мусульманками. Избегали мухаджиры и жениться на них, так как местные уроженки были, на их взгляд, испорчены свободой до мозга костей и перевоспитанию не поддавались.

Мухаммед видел отчужденность, существующую между мухаджирами и ансарами, и его тревожило это препятствие на пути превращения всех верующих в единый народ.

- Господи! - часто молился Мухаммед. - Всели в наши сердца любовь к Медине! Сделай так, чтобы мы полюбили Медину, как свою родину и даже еще больше.

Об этом же молили Аллаха и мухаджиры, послушные воле пророка, но любовь к Медине в их сердца упорно не вселялась, а тоска по Мекке не ослабевала.

Неприязнь между мухаджирами и ансарами Мухаммед пытался преодолеть теми же способами, которые оправдали себя в Мекке, когда он столкнулся с проблемой глубоко укоренившегося недоверия, с которым относились друг к другу уверовавшие в Аллаха представители разных кланов племени курайшитов, настойчивой проповедью братской любви и милосердия, напоминаниями, что милостыня, далеко идущая готовность поделиться всеми излишками с единоверцами, составляет одну из самых существенных заповедей новой веры. Тот не с нами, тот не верующий, кто не готов накормить голодного, помочь нуждающемуся, дать кров лишенному собственного дома. Тот не мусульманин, кто не подкрепляет веру постоянной практикой добрых дел, не творит милостыню, не подавляет в себе неприязненного отношения к братьям по вере.

Проповедь братской любви и милосердия была дополнена Мухаммедом призывом к побратимству - узы побратимства арабы-язычники издавна почитали священными и нерасторжимыми, нередко дающими больше прав, чем узы крови. Побратимы обязаны были помогать друг другу и стоять друг за друга насмерть; долг кровной мести ложился на побратимов так же, как и на самых близких родственников, и человек имел право на наследование части имущества после смерти своего побратима. Мухаммед стремился, чтобы все мухаджиры стали побратимами ансаров, и, используя авторитет пророка, добился своего. Под его нажимом большинство мухаджиров стали "братьями" ансаров, скрепив союз торжественными и нерасторжимыми клятвами в присутствии свидетелей; побратимы, как правило, селились вместе, а так как у переселенцев из Мекки своих домов не было, побратим-мухаджир поселялся вместе с семьей в доме побратима-ансара. Мухаммед тоже

стал побратимом - правда, не ансара, а своего воспитанника, зятя и двоюродного брата Али. Чисто формально, но и он выполнил ниспосланное Аллахом повеление:

- Верующие ведь братья. Примиряйте же обоих ваших братьев и бойтесь Аллаха, может быть, вы будете помилованы.

Требование Аллаха "примирять братьев" было злободневным насильственным побратимством не оправдало надежд, которые возлагал на него Мухаммед, и лишь в редких случаях эти клятвенные союзы переросли в прочную и глубокую дружбу.

Выкуп рабов, принявших ислам, силами общины практиковался и в Медине. Как и прежде, национальная принадлежность раба никого не интересовала, для Мухаммеда и его последователей "своими" были уверовавшие в Аллаха, "чужими" - не уверовавшие; любовь же к родному племени считалась пережитком язычества.

Когда Сальман Персиянин (Сальман аль-Фариси), захваченный некогда кочевниками и проданный в Медину, принял ислам, на помощь ему немедленно пришли мусульмане - вместе с Мухаммедом они собрали деньги, которые хозяин потребовал за Сальмана, но хозяин не согласился отпустить Сальмана, пока тот не закончит порученную ему работу - не посадит какое-то число финиковых пальм. Тогда Мухаммед и другие мусульмане взяли лопаты и сообща за несколько дней выкопали требуемое количество ям и засадили их сеянцами финиковой пальмы. Новообращенный брат их, Сальман аль-Фариси, обрел свободу. В лице Сальмана аль-Фариси Мухаммед на всю жизнь приобрел верного друга и бесстрашного соратника.

Мусульмане Медины пришли к исламу несколько иным путем, чем мухаджиры. Ни трагического разрыва с родными и близкими, ни преследований соплеменников ансары не пережили. Ислам, несомненно, пользовался популярностью среди бедняков и "сирот" Ясриба, был принят обоими племенами - хазраджитами и авситами по обоюдному согласию и с целями не столько религиозными, сколько политическими. Если в Мекке каждый курайшит лично для себя решал вопрос, примкнуть ли ему к Мухаммеду или остаться с многобожниками, то в Медине этот вопрос решался племенем в целом - без особых страстей и без существенных конфликтов. Принимать ислам или нет, авситы и хазраджиты детально обсудили в своей среде до Второй клятвы при Акабе и, по зрелом размышлении, взвесив все "за" и "против", проанализировав сложившееся соотношение сил, учтя популярность нового учения в низах и общее стремление к миру в оазисе, прониклись убеждением, что ислам стоит принять - вместе с пророком и мухаджирами из Мекки. Богатые и влиятельные шейхи авситов и хазраджитов стали мусульманами наряду с бедняками и "сиротами", рассчитывая, что реальная власть останется в их руках и никакого ущерба их интересам ислам не нанесет. Лидером этих богатых и влиятельных ансаров, выразителем их общих интересов и политических устремлений был Абдаллах ибн Убайя, в прошлом признанный глава племени Аус; в торжественных случаях он появлялся на людях с золотой диадемой на голове, что давало повод обвинять его в стремлении узурпировать власть в Медине и стать "князем".

Ислам приняло большинство хазраджитов и авситов, однако далеко не все. Почти в каждом клане оставались язычники, а несколько кланов в полном составе отказались принять ислам и признать Мухаммеда пророком и посланником Бога. Язычники тем не менее не доставляли Мухаммеду хлопот, и борьба с мединскими многобожниками не особенно его занимала. Они были немногочисленны и раздроблены, они не выступали против Мухаммеда как организованная сила, и отношение пророка к ним было терпимым. Принцип "нет принуждения в вере", провозглашенный Мухаммедом при вступлении в Медину, почти не нарушался, и Мухаммед не делал попыток разрушать храм богини аль-Манат, почитавшийся язычниками. Единственной известной нам формой "притеснений" были самовольные действия некоторых благочестивых молодых мусульман, которые выкрадывали у язычников деревянных идолов и либо выбрасывали их на помойку, либо разбивали на куски и сжигали. Делалось это по

ночам, а стало быть, считалось, что эти ревнители веры поступают нехорошо, воруя и уничтожая чужую собственность.

Поэтому не с язычниками, а с влиятельной партией ансаров, возглавляемой ибн Убайей, начал Мухаммед вскоре по прибытии в Медину решительную борьбу.

Своих противников Мухаммед назвал мунафикун - "лицемерами". Выпады против "лицемеров", разоблачение их тайных умыслов и решительное осуждение их непокорности заняли в откровениях мединского периода почти такое же место, как некогда полемика с язычниками.

- И среди людей некоторые говорят: "Уверовали мы в Аллаха и в последний день". Но они не веруют, - обличал Мухаммед "лицемеров". - Они пытаются обмануть Аллаха и тех, которые уверовали, но обманывают только самих себя и не знают.

В сердцах их болезнь - пусть же Аллах увеличит их болезнь! Для них мучительное наказание за то, что они лгут.

А когда им говорят: "Не распространяйте нечестия на земле!" - они говорят: "Мы - только творящие благое".

Разве нет? Ведь они - распространяющие нечестие, но не знают они.

А когда говорят им: "Уверуйте, как уверовали люди!" - они отвечают: "Разве мы станем верить, как уверовали глупцы?" Разве нет? Поистине, они глупцы, но они не знают!

И когда они встречают тех, которые уверовали, они говорят: "Мы уверовали!" А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: "Мы ведь - с вами, мы ведь только издеваемся".

Аллах поиздевается над ними и усилит их заблуждение, в котором они скитаются слепо!

Любые попытки "лицемеров" договориться с ним о дележе власти Мухаммед категорически отклонял. Он согласен был лишь выслушивать советы, но право принимать решения принадлежало только ему. Верующие должны были подчиняться его решениям. "Повинуйтесь Аллаху и его посланнику!" - вновь и вновь требовал Мухаммед в Коране. Кто не повинуется, тот неверный, "лицемер". Мухаммед советовался с мусульманами о делах общины, но советовался только с теми, с кем считал нужным, - накибов, избранных представителями ансаров при Акабе, он просто-напросто игнорировал. "Лицемеры" с этим не мирились, и Мухаммеду снова и снова приходилось обличать их коварство и тайные умыслы.

- Когда приходят к тебе лицемеры, - поучал Аллах своего посланника в суре, которая впоследствии была названа "Лицемеры", - они говорят: "Свидетельствуем, что ты - посланник Аллаха". Аллах знает, что ты - Его посланник, и Аллах свидетельствует, что лицемеры - лжецы.

Они обратили свои клятвы в щит и отклонились от пути Аллаха. Поистине, скверно то, что они делают!..

А когда ты их увидишь, тебя восхищают их фигуры. Если они говорят, ты слушаешь их слова, точно они столпы поставленные. Они принимают всякий крик - против них. Они - враги, берегись же их! Пусть Аллах их поразит, до чего они обольщены!

Когда скажут им: "Ходите, посланник Аллаха попросит вам прощения!", они кривят свои головы, и ты видишь, как они отворачиваются, возвеличиваясь.

Все равно им, будешь ты просить им прощения или не будешь; никогда не простит им Аллах: ведь Аллах не руководит народом распутным!

Партия "лицемеров" боролась, по-видимому, не только за сохранение в неприкосновенности старого общественного уклада жизни, но и против требований безграничной милостыни, против попыток Мухаммеда заставить их поделиться накопленным богатством с бедняками-соплеменниками и переселенцами из Мекки:

- Они - те, которые вам говорят: "Не расходуйте на тех, кто у посланника Аллаха, пока они не разойдутся!" У Аллаха сокровищницы небес и земли, но лицемеры не понимают!

Власть и богатство - причина длительного конфликта Мухаммеда с партией "лицемеров" во главе с Ибн Убайей. Чтобы сохранить и то и другое, "лицемеры" готовы были предать Мухаммеда, объединиться с его врагами в Медине и за ее пределами, в том числе и с курайшитами. Это была могущественная и влиятельная партия, с которой Мухаммеду приходилось считаться. Сколько бы он их ни обличал, он никогда не доводил дело до открытого столкновения и разрыва, хотя мелкие стычки происходили, по-видимому, часто. В борьбу с "лицемерами" были вовлечены и мухаджиры, и часть преданных Мухаммеду ансаров, которые не всегда могли сдержать свою ненависть к откровенным противникам пророка. Известно, что между "верными" и "лицемерами" не раз происходили мелкие драки, некоторых "лицемеров" вытаскивали из мечети за бороду, и, возможно, делались попытки не допускать "лицемеров" к участию в общих молитвах и тем самым запятнать их в глазах всех мусульман, как тайных вероотступников.

По этой ли причине или по какой-то другой, но "лицемеры" в конце концов построили собственную мечеть - мечеть аль-Дирар, которую Мухаммед считал "нечестивой". Мухаммед за это обрушил на "лицемеров" новый поток проклятий и обличений:

- Разве они не знали, что, кто противится Аллаху и его посланнику, для того - огонь геенны на вечное пребывание в ней.

А если ты их спросишь, они, конечно, скажут: "Мы только погружались в беседы и забавлялись". Скажи:

"Не над Аллахом разве, Его знаменами и Его посланником вы издевались?"...

Лицемеры и лицемерки - одни от других: они внушают неодобряемое, и удерживают от признаваемого, и зажимают свои руки. Забыли они Аллаха и Аллах забыл про них. Поистине, лицемеры, они, распутники!

Обещал Аллах лицемерам, и лицемеркам, и неверным огонь геенны, - на вечное пребывание там. Довольно с них ее! И проклял их Аллах, и им постоянное наказание.

Но и проклятие Аллаха на "лицемеров" не подействовало, и нечестивая мечеть аль-Дирар, вопреки воле пророка, просуществовала многие годы.

Поведение "лицемеров" показало Мухаммеду, что некоторые идеи и требования ислама, выработанные в мекканский период, не находят сочувствия среди значительной части арабов - наиболее зажиточной, влиятельной и образованной, что пророк и ислам связаны не столь уж неразрывно, что ислам может существовать не только без пророка, но даже вопреки его воле. Мухаммеду угрожала опасность превратиться всего лишь в вождя второстепенной секты.

Совместное строительство мечети, кампания побратимства, настойчивые призывы к имущим мусульманам щедро творить милостыню, помогать беднякам, освобождение рабов - все это было продолжением того же утопического стремления создать религиозное братство, основанное на взаимной любви, лишённое противоречий. И это стремление на глазах у Мухаммеда терпело в Медине крах, встречало резкое и непримиримое сопротивление многочисленной и влиятельной группы мусульман, получивших название "лицемеров".

Необходимость видоизменять ислам Мухаммед понял не сразу - на это потребовалось много лет, и все эти годы он вел настойчивую борьбу с "лицемерами" - без заметного, правда, результата.

Бог Мухаммеда - единый творец всего сущего, единый владыка человеческой жизни, земной и загробной, принципиально не отличался от Бога насара и яхуди. Мухаммед был прав, когда рассматривал ислам не как новую религию, а как учение, по существу не отличающееся от христианства и иудаизма. Ислам был развитием единобожия и его видоизменением, но для самого Мухаммеда идея развития была чужда, несовместима с представлением о вечном, вездесущем и неизменяющемся Боге. Превосходство ислама над христианством и иудаизмом вытекало для Мухаммеда просто из того факта, что полученные им божественные откровения являлись самыми новыми, последними по времени приказаниями всевышнего. Поэтому все "люди писания", насара и яхуди, должны были, по его мнению, с радостью принять ислам или хотя бы признать его.

Действительность жестоко разочаровала Мухаммеда. В ислам обратилась лишь часть мединских насара, новообращенных же среди яхуди были единицы. Оказалось, что ислам, христианство и иудаизм несовместимы друг с другом.

- Поистине, те, которые уверовали, - провозгласил Мухаммед вскоре после прибытия в Медину, - и яхуди, и насара, и сабии, - кто уверовал в Аллаха и в последний день и творил благое, - нет страха над ними, и не будут они печальны!

- А если бы пожелал Аллах, - поведано было Мухаммеду, - то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! К Аллаху - возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чем вы разногласили!

Мухаммед признал христианство и иудаизм как законные, заповеданные самим Аллахом вероучения и рассчитывал, очевидно, на взаимность. Но насара и яхуди отвергли идею о равенстве их учений с исламом, они не признавали ни пророческой миссии Мухаммеда, ни божественного происхождения Корана. И те и другие были убеждены, что последователи Мухаммеда в рай не попадут.

- И никогда не будут довольны тобой ни яхуди, ни насара, - вынужден был весьма скоро с горечью признать Мухаммед, - пока ты не последуешь за их учением. Скажи: "Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!" - а если ты последуешь за их страстями после пришедшего к тебе истинного знания, то не будет тебе от Аллаха ни близкого, ни помощника.

Самим фактом своего существования христианство и иудаизм мешали распространению ислама, вносили путаницу в умы мусульман из-за опасного сходства их учений с учением Мухаммеда. Они сражались с Мухаммедом тем же оружием, что он сражался с язычниками, - божественным писанием, словами Бога, поведанными в откровениях. На стороне Мухаммеда была новизна божественных повелений - сомнительное преимущество перед лицом почтенной древности Ветхого завета.

Мухаммед был неграмотен и сам не читал священных книг. Его учителями являлись, по-видимому, бродячие проповедники-насара, сектанты из Восточной Сирии, с окраин Византии, и веру этих сектантов он считал наиболее характерной для всех насара - христиан. Отсюда его представления, что насара поклоняются троице в лице бога-отца, пророка Иисуса и девы Марии.

Многочисленными неточностями в изложении историй Ветхого и Нового заветов яхуди и насара не замедлили воспользоваться для энергичной пропаганды против Мухаммеда и его дискредитации как пророка. В ответ на это Мухаммед провозгласил, что священное писание насара и яхуди нарочито искажено, безнадежно испорчено, а потому не может

рассматриваться как равноценное Корану.

Обожествление насара Иисуса и девы Марии и почитание некоторыми яхуди Ездры как "сына божьего" дали Мухаммеду повод заклеить оба враждебные вероучения как полуязыческие, отступившие от чистого единобожия.

Мединские поэты, как некогда их мекканские собратья, высмеивали Мухаммеда и его претензии на пророческую миссию в сатирических стихах, пользовавшихся популярностью и среди части мусульман - тех самых "лицемеров", которые выступали против пророка. Их выпады не только мешали Мухаммеду утвердить свою власть в Медине, но и болезненно ранили его самолюбие.

Сначала произошел разрыв с яхуди, насара продолжали считаться "хорошими".

- Ты, конечно, найдешь, - поведал Мухаммеду Аллах, подводя итог первому этапу борьбы, - что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим яхуди и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили:

"Мы - насара!" Это - потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся.

Вместо того чтобы сближать ислам с христианством и иудаизмом, Мухаммед начал углублять существовавшие различия. Вновь упор был сделан на Ибрахима, чистую и незапятнанную веру которого проповедует Мухаммед:

- Скажи: "О обладатели писания! Приходите к слову, равному для нас и для вас, чтобы нам не поклоняться никому, кроме Аллаха, и никого не придавать Ему в со товарищи, и чтобы одним из нас не обращать других в господ, помимо Аллаха. Если же они отвернутся, то скажите: "Засвидетельствуйте, что мы - предавшиеся".

О обладатели писания! Почему вы препираетесь об Ибрахиме? Тора и Евангелие были ниспосланы только после него. Разве вы не уразумеваете?

Вот, вы - те, кто препирается о том, о чем у вас есть знание: почему же вы препираетесь о том, о чем у вас нет знания? Поистине, Аллах знает, а вы не знаете!

Ибрахим не был ни яхуди, ни насара, а был он ханифом предавшимся, и не был из многобожников.

Самые близкие к Ибрахиму люди, конечно, те, которые за ним последовали, и этот пророк, и те, которые уверовали. А Аллах - друг верующих...

О обладатели писания! Почему вы облачаете истину ложью и скрываете истину, в то время, как вы знаете?"

Почитание Ибрахима, праотца всех арабов, с именем которого исподволь связывалось строительство Каабы, ко времени Мухаммеда успело уже пустить глубокие корни среди язычников, и он был отнюдь не первый, кто назвал Ибрахима "ханифом", а его легендарное учение - чистой верой, ханифией. Тезис о тождестве ислама и веры Ибрахима мог рассчитывать на большую популярность среди арабов, чем тезис о близости и родстве ислама с учениями насара и яхуди. Шаг, который сделал Мухаммед, стратегически был правилен, хотя и чреват обострением положения в самой Медине. Кстати. и в Медине имелась сильная группа ханифов, приверженцев "веры Ибрахима", - во главе ее стоял Абу Амир - монах и воин, прославивший себя в недавнем сражении между авситами и хазраджитами. Абу Амир и его сторонники не признали Мухаммеда ханифом, а его религию - верой Ибрахима: по-видимому, ислам уже давно утратил связь с этой таинственной ханифией, и Мухаммед в чисто пропагандистских целях настаивал на том, что ислам и

загадочная вера Ибрахима - одно и то же. Разрыв между Мухаммедом и мединскими ханифами был настолько полным, что Абу Амир вместе с десятью приверженцами предпочел удалиться в языческую Мекку откуда через десять лет ему пришлось бежать сперва в Таиф, а затем, когда и туда победоносно вступил ислам, - в Византию. Там Абу Амир и умер, так и не примирившись с искажением чистой ханифии.

Через шестнадцать-семнадцать месяцев после переселения в Медину необходимость полного религиозного размежевания с "обладателями писания" стала Мухаммеду очевидной, и он от имени Аллаха вновь провозгласил перемену киблы!

- И Мы сделали киблу, которой ты держался, - пояснил Аллах свое прежнее приказание молиться лицом к Иерусалиму, - только для того, чтобы Нам узнать, кто последует за посланником среди обращающихся вспять. И это - трудно, за исключением тех, кого повел Аллах правым путем: ведь Аллах не таков, чтобы губить вашу веру!..

Мы видим поворачивание твоего лица по небу, и мы обратим тебя к кибле, которой ты будешь доволен. Поверни же свое лицо в сторону запретной мечети. И где бы вы ни были, обращайтесь ваши лица в ее сторону...

И если ты доставишь тем, кому даровано писание, всякое знамение, они не последуют за твоей киблой, и ты не последуешь за их киблой. И некоторые из них не следуют кибле других. А если ты последуешь за их страстями после того, как пришло к тебе знамение, ты, конечно, тогда - из нечестивых.

Запретная мечеть - это Кааба. Лицом к Каабе, лицом к покинутой Мекке повелено было отныне молиться всем мусульманам, где бы они ни находились. Мекка опять была провозглашена центром ислама, величайшей, единственной и непревзойденной святыней.

Перемена киблы имела не только религиозное, но и политическое значение. Она указывала ближайшую цель начатого Мухаммедом движения - захват Мекки, искоренение в ней язычества. Если у Мухаммеда и были намерения навсегда утвердиться в Медине, ограничить пределами оазиса свою деятельность (что весьма сомнительно), то уже через год после бегства из Мекки от таких намерений не осталось и следа. Медина - только этап, только база для дальнейшей борьбы.

Отдаленной же целью Мухаммеда было объединение всех арабских племен, погрязших в язычестве и бесконечной междоусобной борьбе, в единый народ, преданный исламу. Это завоевание Мухаммед намеревался вести не под чужими флагами, а под флагом национальным, близким и понятным арабам. Кааба, почитаемая арабами, - святыня ислама; легендарные предки арабов, Ибрахим и Исмаил, - самые великие пророки; учение Мухаммеда - не что иное, как вера Ибрахима - праотца всех арабов.

Почти одновременно с переменой киблы, в начале 624 года, был составлен и принят документ, получивший название "Конституция Медины". В этом документе, который дошел до нас в подлиннике, впервые было определено положение Мухаммеда в Медине и принципы, на которых осуществилось превращение разноплеменного населения оазиса в единый народ, умму пророка и посланника божьего.

Документ определен как "письменное соглашение между верующими из племени Курайш (мухаджирами) и верующими Ясриба (ансарами), а также теми, кто последует за ними или примкнет к ним". Все они составляют единую умму, отличную от всех других народов.

Мухаджиры рассматриваются как отдельная группа, нечто вроде самостоятельного клана во главе с Мухаммедом, который назван в этом документе пророком и посланником Аллаха. Тем самым его пророческая миссия впервые была официально признана, что являлось большой

победой Мухаммеда. Мухаджиры сами расплачиваются с долгами кровной мести (выплачивают цену крови - штраф за непредумышленное убийство) и на свои средства выкупают пленных. Ансары перечислены в документе по их отдельным кланам, каждый из которых имеет те же права решать свои внутренние дела, что и мухаджиры. Долги каждого верующего оплачивает его клан. С привычным для арабов делением на племена и кланы пришлось Мухаммеду смириться.

Ни один верующий не берет под свою защиту преступников, а также тех, кто сеет раздоры в общине. Верующие не убивают друг друга из-за неверных, ни один верующий не будет помогать неверному против верующего.

Все споры между верующими выносятся на рассмотрение Аллаха и его посланника, то есть Мухаммеда. Возможно, предполагалось, что в сложных случаях Аллах будет посылать Мухаммеду откровения, на основе которых он будет выносить справедливый божественный приговор.

Ни один верующий не решает лично вопросов войны и мира: состояние войны распространяется на всех верующих; если умма находится в мире с каким-нибудь племенем или кланом, этот мир признается всеми верующими.

В "Конституции" подробно определено положение кланов, исповедующих иудаизм, - все они входят в состав уммы и обладают теми же правами и обязанностями, что и кланы верующих, - до тех пор пока они "следуют за мухаджирами и ансарами" и "примыкают к ним". Интересно, что три крупнейших племени, исповедующие иудаизм, - Кайнука, Курайза и Надир - не упоминаются в документе. Возможно, они не вошли в умму Медины. Кланов, исповедующие иудаизм, перечислены по своим "хозяевам" - кланам авситов и хазраджитов, являвшихся их патронами.

В этом документе, дополненном впоследствии статьями, касающимися войны и непримиримой вражды с курайшитами, ни слова не сказано про обязанность верующих подчиняться Мухаммеду, не назван Мухаммед и правителем. Он признан пророком - человеком, получающим откровения от Аллаха. Он впервые назван апостолом - наместником Аллаха: отсюда и его должность третьей степени судьи. Наконец, он выступает как глава всех мухаджиров - в этом отношении он имел такие же права, как и главы других кланов.

Ни права решать вопросы войны и мира, ни права собирать с верующих налоги, ни права распоряжаться денежными средствами уммы Мухаммед не имел. Мухаммед не был правителем Медины. Власть его была значительна, но его лишь условно можно назвать предводителем уммы.

Реальную власть предстояло завоевать - положение главы сильного "клана" мухаджиров, признанный пророческий дар и роль судьи создавали для этого хорошие предпосылки, и только.

Против него в самой Медине готовы были ополчиться ансары-"лицемеры" и язычники, яхуди и насара. В борьбе с Мухаммедом они вполне могли рассчитывать на помощь курайшитов и их союзников среди окрестных кочевых племен. В лагере же Мухаммеда шли трения - мухаджиры и ансары косо смотрели друг на друга, авситы и хазраджиты, став ансарами, не забывали давних счетов между собой.

Проблема мухаджиров, которые не могли бесконечно существовать на милостыню и проживать ранее накопленное имущество, требовала самого безотлагательного решения.

Глава 18

Война

Первая вооруженная экспедиция под предводительством Хамзы

Дозволение войны за веру

Мухаммед сам возглавляет новый отряд

Нарушение священного мира

Негодование в Медине

Новые откровения о войне

Битва при Бадре

Смерть Абу Джахла

Мщение Биляля

Триумф Мухаммеда

Ранним мартовским утром 623 года из Медины выступил небольшой отряд не более тридцати человек. Половина из них ехала на верблюдах, нагруженных сверх того легкой поклажей, остальные шли пешком. Все они были мухаджирами, переселенцами из Мекки, и предводительствовал ими богатырь Хамза, дядя пророка. Мечи у пояса, луки и колчаны со стрелами за спиной, длинные копья в руках всадников - все это было обычное снаряжение араба, отправившегося в гости или по торговым делам. Но на спинах верблюдов, заботливо уложенные в тюки, находились начищенные боевые доспехи - кольчуга, шлемы и легкие поножья, а над головой Хамзы, привязанное к древку длинного копья, развевалось знамя - белый полотняный треугольник, врученный Хамзе самим пророком и посланником Аллаха, первое знамя ислама.

Согласно приказу Мухаммеда, отряд Хамзы отправился на запад, к Красному морю, близ берегов которого с севера на юг и с юга на север регулярно двигались караваны курайшитов. Все дороги из Мекки в Сирию и Палестину, из которой персы уже давно были изгнаны, как и предсказывал некогда Мухаммед, шли между Мединой и Красным морем, и как бы караван ни прижимался к его берегам, в конце концов он неизбежно оказывался в районе, удаленном от Медины всего на сто с небольшим километров, до Мекки же, откуда могла подоспеть помощь, оставалось почти двести пятьдесят километров.

В самый уязвимый для курайшитов район и вышел через несколько дней отряд Хамзы. Какие инструкции получил Хамза от Мухаммеда - неизвестно. Вместо каравана он встретил сильный отряд курайшитов во главе с Абу Джахлем - уверяют, что язычников было около трехсот, и хотя эта цифра явно преувеличена, у Хамзы были все основания избегать столкновения. Абу Джахль готов был напасть на мусульман, враждебные замыслы которых были очевидны, но тут вмешалось племя Джухайн, на земле которого встретились мусульмане и курайшиты: джухайниты находились в мире и с Меккой и с Мединой и воспрепятствовали стычке. Благодаря этому отряд Хамзы смог спокойно и с достоинством возвратиться в Медину.

Так закончилась первая вооруженная экспедиция мусульман против курайшитов, закончилась мирно, не было даже выпущено ни одной стрелы противники встретились и разошлись.

Через несколько недель Мухаммед отправил второй отряд в составе шестидесяти - восьмидесяти мухаджиров под предводительством Убайды ибн Хариса - некоторые историки утверждают, что именно Убайда, а не Хамза получил из рук пророка первое знамя. Убайда отправился тоже в сторону Красного моря, но несколько севернее, в прилегающие к морю горы Хиджаза. Здесь мусульмане опять наткнулись на отряд мекканцев - им командовал сын

Абу Джахля - Икрима. Очевидно, курайшиты зорко следили за военными приготовлениями Мухаммеда и через своих сообщников в Медине были хорошо осведомлены о его намерениях. Курайшиты и мусульмане сошлись на расстояние выстрела из лука, но сражения опять не произошло, так как Убайда отступил и вернулся в Медину. В этой экспедиции участвовали Абу Бакр и Саад ибн Ваккас - тот самый, который десять лет тому назад пролил первую кровь за веру, разбив верблюжьей челюстью голову язычнику, мешавшему мусульманам молиться. Воинственный Саад отличился и на этот раз - он пустил в курайшитов стрелу, которая, правда, никого не задела и не вызвала столкновения. Это была первая стрела, выпущенная в язычников, единодушно утверждают предания.

В мае 623 года Саад возглавил третий рейд мусульман к побережью Красного моря, но ему не удалось обнаружить ни караванов, ни вооруженных отрядов курайшитов.

Так началась эта малая война, которая вполне могла выглядеть как сведение счетов между курайшитами-мусульманами и курайшитами-язычниками, не затрагивающее коренное население Медины.

Почти тринадцать лет Мухаммед выступал с проповедью мира и ненасилия, и среди мусульман господствовало убеждение, что война противоречит заповедям Аллаха и всему духу ислама. Поэтому Мухаммед не мог начинать серьезные военные операции сразу, вдруг, без тщательной подготовки общественного мнения и перевоспитания своих последователей. Войну нужно было оправдать божественным авторитетом, и вскоре Мухаммед получает откровение, отменяющее ранее существовавший запрет войны:

- Поистине Аллах охраняет тех, которые уверовали!-провозгласил Мухаммед мусульманам.-Поистине Аллах не любит всякого изменника, неверного!

Дозволено (сражаться) тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены... Поистине, Аллах может помочь им, - тем, которые изгнаны из своих домов без права, разве только за то, что они говорили: "Господь наш Аллах". И если бы не защита Аллахом людей одних другими, то разрушены были бы и монастыри, и церкви, и синагоги, и мечети/в которых поминается имя Аллаха много.

Это было уже прямое разрешение войны. Пока - оборонительной. Война оправдывается тем, что мухаджиры "обижены" - изгнаны из своих домов, подвергались преследованиям за веру. Таким образом, война разрешается только переселенцам из Мекки, а не всем мусульманам, по точному смыслу этого отрывка из Корана;

право воевать преподносится скорее как право на справедливое отмщение. Но уже в этом отрывке проглядывает основной и более широкий взгляд на отношение Бога к войне. Она признается Богом неизбежной и законной, единственным способом защитить места поклонения. Тем самым война (насилие вообще) защищает веру от разрушения, она становится войной за веру. ради веры, ради высших помыслов Бога, войной за спасение человечества. В этой войне Аллах на стороне мусульман.

Война "дозволяется", прямого приказа подниматься на войну с язычниками еще нет. Ни слова не говорится еще и об ансарах - откровение составлено так, что ансары вполне могли считать, что к ним дозволение войны вообще не относится.

В августе 623 года во главе очередной, четвертой экспедиции становится сам Мухаммед. С шестьюдесятью мухаджирами он совершает многодневный рейд в горы Хиджаза, примыкающие к побережью Красного моря. Экспедиция опять направлена против курайшитов - путь Мухаммеда пересекал район, по которому обычно двигались караваны из Мекки в Сирию. Но и во время этого рейда ни караванов, ни вооруженных отрядов курайшитов мусульмане не встретили.

В сентябре и декабре Мухаммед совершает два новых рейда против курайшитов, на этот раз более крупными силами - в каждой экспедиции участвовало сто шестьдесят - двести человек. Поскольку мухаджиров, способных носить оружие, в Медине насчитывалось не более сотни, нужно полагать, что в этих походах впервые приняли участие ансары. Возможно, однако, что в преданиях число участников сильно преувеличено из почтения к пророку, который возглавлял оба рейда.

Курайшитов опять не обнаружили - может быть Мухаммед и не особенно их искал. С кочевыми племенами Мудлидж и Ад-дамра он заключил соглашения о дружбе и ненападении.

В сентябре того же года Мухаммед предпринял поход против кочевого племени Курз аль-фихрм, которое то ли по наущению курайшитов, то ли само по себе совершило несколько набегов на пастбища мединцев, расположенные далеко от оазиса, и угнало несколько стад верблюдов и овец. Кочевники уклонились от встречи с Мухаммедом, но внушительная демонстрация силы произвела на них должное впечатление, и набеги на пастбища Медины они прекратили.

Многодневные военные походы заставили Мухаммеда внести некоторые изменения в обрядовую практику ислама. Омовение водой он разрешил заменить "омовением" чистым сухим песком - чистоты это, конечно, не давало, но психологическую подготовку к молитве, к тому, чтобы очищенным предстать перед Богом, в какой-то мере обеспечивало. Установленные часы молитвы Мухаммед в походах нередко нарушал, приурочивая их ко времени привалов. Всадникам в виду неприятеля и в случаях, когда существует угроза внезапного нападения, он приказал молиться не спешиваясь или поочередно:

пока часть отряда молится, другая часть зорко следит за неприятелем.

Соблюдать пост - не принимать ни воды, ни пищи от восхода до заката - в походах не следовало, так как это снижало боеспособность мусульман. Для участников экспедиции пост переносился, они совершали его по возвращении домой.

В декабре 623 года в рейдах мусульман наступил перерыв - начались священные месяцы мира на всем Аравийском полуострове, месяцы паломничества к святыням Мекки, беспрепятственной торговли и многолюдных ярмарок.

Военные экспедиции не принесли мусульманам ни добычи, ни военной славы. Тем не менее значение этих почти мирных походов было огромно. Мухаммед продемонстрировал всем - и курайшитам и кочевникам - военную мощь мусульман и их готовность сражаться. Он обеспечил себе беспрепятственный проход по землям кочевников, в том числе и тех, кто находился в союзе с курайшитами. Кочевые племена начали понимать, что и пастбища Медины и самого Мухаммеда лучше всего оставить в покое, что в создавшейся ситуации нейтралитет для них - самое безопасное.

Экспедиции мусульман являлись своего рода маневрами, военным обучением торговцев и земледельцев. Пешком, лишь изредка присаживаясь на спину верблюда (обычно один верблюд приходился на двух-трех участников похода), покрывали мусульмане десятки и сотни километров, терпя дневной зной и ночной холод, недостаток воды и пищи. Чем дальше они удалялись от Медины, тем опаснее и тревожнее становился их путь - за каждым холмом могла таиться засада курайшитов, каждую ночь можно было ждать внезапного нападения. Постоянное ожидание опасности, постоянная готовность встретиться лицом к лицу с коварным врагом сплачивали и закаляли мусульман, воспитывали в них чувство локтя, боевого товарищества. Может быть, Мухаммед этими первыми военными походами, во время которых мусульмане чаще всего "не находили" курайшитов, и не преследовал иной цели, кроме превращения своих последователей в боеспособную силу.

Еще не истекли священные месяцы мира, как Мухаммед отправил из Медины небольшой отряд мухаджиров под командованием Абдаллаха ибн Джахша. В отряде было всего восемь человек, и по приказу Мухаммеда они двинулись, как обычно, на запад - в сторону Красного моря. Таков был официальный маршрут экспедиции, весть о которой тотчас же побежала в Мекку - курайшиты имели в Медине свои "глаза" и "уши", и их агенты регулярно доносили о всех планах мусульман. Но Ибн Джахш и сам не знал действительной цели похода - Мухаммед вручил ему письменный приказ, с которым он должен был ознакомиться, только удалившись от Медины на расстояние двухдневного перехода.

В письме Мухаммеда содержалось приказание отправиться в долину Нахла и напасть из засады на караван курайшитов, следующий из Таифа в Мекку; о движении каравана Мухаммед, очевидно, знал от своей агентуры. Задание было опасное, а вопрос о допустимости для верующего кровопролития все еще оставался в какой-то мере нерешенным, вернее, решенным лишь частично, в смысле законности и справедливости оборонительной войны. Поэтому Мухаммед предписывал Ибн Джахшу взять с собой только тех, кто, не зная содержания приказа, изъявит желание беспрекословно ему подчиниться.

- Кто готов принести себя в жертву исламу и выполнить приказание пророка и посланника Аллаха - пусть следует за мной, - сказал Ибн Джахш своим спутникам, ознакомившись с приказом Мухаммеда. - Кто не готов пожертвовать собой ради ислама - пусть возвращается в Медину.

Все изъявили согласие пожертвовать собой ради ислама, и Ибн Джахш повернул отряд на юго-восток, к долине Нахла.

Не все мухаджиры, поклявшиеся беспрекословно подчиниться приказу пророка, оказались стойкими до конца.

Известный уже нам Саад ибн Ваккас и еще один мусульманин по дороге покинули отряд - у них ночью сбежал верблюд, на котором они ехали поочередно, и они отправились на его поиски. Саад не был трусливым человеком - в дальнейшем он прославил себя во многих битвах. Верблюд потерялся, очевидно, потому, что религиозную совесть Саада смущала цель похода-убийство с целью грабежа, несправедливое (с точки зрения ислама) кровопролитие. К этому примешивалось предчувствие бесчестия, которое должно было покрыть всех участников похода: священные месяцы мира, почитаемые всеми арабами, еще не истекли, и нападение на караван в это время являлось святотатством и позором, а вовсе не молодецким подвигом.

В долину Нахла, где никто не ожидал появления мусульман, отряд вышел в конце месяца раджаб - последнего месяца священного мира. Здесь вскоре они выследили небольшой караван курайшитов, остановившийся на ночлег, - шесть груженных тюками верблюдов под охраной четырех человек. Караван вез в Мекку изюм, выделанные кожи и другие товары. Ибн Джахш разбил свой лагерь поблизости, что встревожило курайшитов; однако, посоветовавшись, курайшиты решили, что Ибн Джахш и его спутники - спешащие в Мекку паломники, и, уповая на ненарушимость священного мира, не приняли никаких мер предосторожности.

В это время мусульмане обсуждали вопрос - нападать или не нападать? Если мы не нападём на курайшитов этой ночью, говорили себе они, завтра курайшиты уже будут на священной территории Мекки, вне пределов досягаемости; если мы убьем их, то нарушим священный мир, совершим святотатство. Все-таки решили нападать, причем не только нападать, но по возможности перебить всех курайшитов - намерение странное, если учесть, что пленные являлись едва ли не самой ценной частью предполагаемой добычи. Может быть, ненависть мухаджиров к своим соплеменникам-язычникам заглушала в них жажду наживы, может быть, они рассчитывали, уничтожив свидетелей, отвести от себя обвинение в святотатстве - шел

уже последний день месяца раджаб, вместе с которым оканчивался всеобщий мир, и недозволенное становилось дозволенным, а ничем не оправдываемое злодеяние превращалось в доблестный подвиг.

Ночное нападение мусульман привело к полной победе, но намерение уничтожить всех курайшитов осуществлено не было - один из них был сразу же сражен стрелой, другой бежал, а двое сдались на милость победителей, и их пощадили. Мусульмане, напавшие врасплох, не понесли никаких потерь - их противники и не помышляли о сопротивлении. Не теряя времени, отряд поспешил в Медину вместе с захваченной добычей и пленными.

По дороге в Медину Ибн Джахш произвел раздел добычи - пятая часть ее предназначалась пророку и посланнику бога, остальное было поделено поровну между всеми участниками похода. Чем руководствовался Ибн Джахш, выделяя Мухаммеду пятую часть добычи, неизвестно; по обычаю, глава клана или племени получал четвертую часть добычи, то есть несколько больше.

Победоносное возвращение отряда мухаджиров вызвало в оазисе взрыв негодования - большинство ансаров-земледельцев войны не хотело; кроме того, религиозное чувство мусульман было грубо оскорблено - подобно язычникам, они считали нарушение мира в священные месяцы тяжким и непростительным грехом, позорным преступлением. Это преступление пятнало всех мусульман, и в первую очередь, конечно, самого пророка.

В создавшихся условиях Мухаммед счел необходимым решительно отмежеваться от "преступления" Ибн Джахша. Он заявил, что ни письменно, ни устно не приказывал нарушать мир в священное время, а потому никакой ответственности за кровопролитие не несет. Некоторые уверяют, что Мухаммед настаивал даже на том, что он вообще не приказывал устраивать в долине Нахла засаду - он-де приказывал лишь проследить за движением курайшитских караванов по дороге на Таиф, но ни в коем случае не нападать на них. Как бы то ни было, от своей доли добычи Мухаммед с гневом отказался. Единственными виновниками происшествия становились Ибн Джахш и остальные пять мухаджиров, поклявшихся безоговорочно выполнить приказ пророка и принести себя в жертву исламу.

Дело, однако, было сделано - нападение совершено, кровь пролита, добыча и пленные захвачены. Как ни велико было возмущение мусульман, уже через несколько дней оказалось, что ни возвращать добычу, ни платить крупный штраф за убийство "не по праву" никто не хотел. Более того, сторонников войны было тоже достаточно, не только мухаджиры, но и значительная часть ансаров рвалась в бой с язычниками-курайшитами.

Настроение мусульман быстро менялось в пользу Мухаммеда, а на участников удачной экспедиции все больше начинали смотреть с восхищением и завистью. И вскоре Мухаммеду было ниспослано откровение, в котором всемогущий и милосердный Аллах ясно и недвусмысленно разъяснил, каково должно быть отношение к войне в священные месяцы всеобщего мира.

- Спрашивают они тебя о запретном месяце - сражении в нем. Скажи: "Сражение в нем велико, а отвращение от пути Аллаха, неверие в него и запретную мечеть и изгнание оттуда ее обитателей - еще больше пред Аллахом: ведь соблазн - больше, чем убийство! А они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если смогут. А если кто из вас отпадет от вашей религии и умрет неверным, у таких - тщетны их деяния в ближайшей и будущей жизни! Эти - обитатели огня, они в нем вечно пребывают!"

Итак, сражаться во время запретного месяца - очень плохо, но не верить в Аллаха - еще хуже, а потому Ибн Джахш и его соратники поступили все-таки хорошо, что напали на язычников-курайшитов, хотя и совершили великий грех.

В ниспослании Мухаммеду откровения - откровения как нельзя более своевременного - речь

шла прежде всего о курайшитах, так как только они среди язычников изгоняли из запретной мечети ее "обитателей". Никакого предписания или разрешения нападать на всех прочих язычников нет, но вместе с тем уже в этом откровении на первое место среди прегрешений курайшитов ставится "отвращение от пути Аллаха и неверие в него" - черта общая всем без исключения язычникам.

Божественное откровение, несмотря на все оговорки и ссылки на то, что война во время запретного месяца есть все же великий грех, полностью оправдывало набег, совершенный отрядом Ибн Джахша, и тем самым оправдывало и Мухаммеда. Мусульмане приняли новое откровение с радостью и энтузиазмом, во всяком случае большинство из них, а Мухаммед со спокойной совестью и не роняя своего пророческого авторитета взял причитающуюся ему долю добычи пятую часть захваченных трофеев. Один из пленных курайшитов принял ислам, после чего был освобожден и остался в Медине. Другого отпустили в Мекку, получив за него тысячу шестьсот дирхемов выкупа - стоимость почти четырех рабов-мужчин.

По древнему языческому обычаю, часть добычи, которую получал глава племени или клана, поступала в его распоряжение, но не считалась целиком и полностью его личной собственностью. Она предназначалась для удовлетворения общественных нужд, включая дорогостоящее гостеприимство, так сказать гостеприимство на высшем племенном уровне, и поддержку беднейших соплеменников. Справедливый шейх брал себе из этих средств умеренную долю, не жадничал, несправедливый старался урвать побольше для себя лично и своих родственников. Мухаммед распорядился доставшейся ему добычей с наивысшей и заслуживающей всяческих похвал справедливостью - он почти целиком роздал ее беднейшим мусульманам, причем не только мухаджирам, но и ансарам. Вместе с тем в последнем удачном походе, как и в большинстве предыдущих, принимали участие только мухаджиры, и многочисленные кланы ансаров, по языческим представлениям, никаких прав на эту добычу не имели. И все-таки Мухаммед счел нужным раздать небольшие подарки и ансарам - вопреки обычаю и прежним представлениям о справедливости, подчеркивая тем самым, что мухаджиры и ансары составляют один народ, одну умму во главе с пророком. Одновременно он наглядно показал ансарам-земледельцам, все время колебавшимся, выступать им или нет против курайшитов, всю выгодность предстоящей войны.

Фантастическая эволюция в религиозном и чисто житейском отношении к войне с курайшитами совершилась в головах мусульман с поразительной скоростью:

смутные, тщательно подавляемые чувства мусульман прорвались наружу, и буквально за две недели негодование и смущение сменилось почти единодушным энтузиазмом и новым подъемом доверия к пророку - миролюбивые сподвижники Мухаммеда рвались в бой.

Примерно через три недели после возвращения Ибн Джахша с добычей Мухаммед получил сведения, что из Сирии в Мекку движется огромный караван курайшитов - более тысячи верблюдов, нагруженных дорогими товарами, в том числе оружием для мекканцев, не на шутку встревоженных рейдами мусульман.

Мухаммед созвал мусульман и предложил им немедленно двинуться в поход:

- Караван везет товары курайшитов, - сказал он. - Ударим же на него, и, может быть, Бог отдаст нам его как добычу.

Предложение Мухаммеда одни встретили с воодушевлением, но другие отнеслись к нему холодно. Тем не менее из добровольцев сформировался небывалый по численности отряд - в поход выступило более трехсот человек.

Экспедицию возглавил сам пророк. Рядом с ним Мусаб, который некогда столь успешно справился с пропагандой ислама в Медине, вез белый флаг, прикрепленный к древку копья. Мухаджиры и ансары двигались под черными флагами. Знаменосцем мухаджиров в походе

был Али. Полумесяц не украшал знамена мусульман - он стал символом ислама через много лет после смерти Мухаммеда под влиянием персов.

Почти все мухаджиры, способные носить оружие, последовали за Мухаммедом - отряд их насчитывал восемьдесят три человека. Ансары выступили далеко не все и, что самое главное, не решив окончательно, будут ли они и при каких условиях принимать участие в битве. Среди ансаров было сто семьдесят хазраджитов и около шестидесяти авситов; те и другие шли в поход со своими собственными предводителями и держались обособленно. Ибн Убайя и другие "лицемеры" участия в походе не приняли.

У мусульман было всего три лошади и лишь семьдесят верблюдов - по одному верблюду на четыре-пять человек. На верблюдах везли продовольствие и оружие и по очереди отдыхали. Мухаммед делил своего верблюда с Али и еще одним мусульманином.

Вооружены мусульмане были плохо-лишь у немногих имелись кольчуги и доспехи или хотя бы шлемы. Не все имели мечи, причем качество мечей было неважное. Большинство было вооружено только копьями и кинжалами для рукопашного боя. Верблюды мусульман были обыкновенными вьючными животными, для войны непригодными, поэтому мусульмане могли сражаться только в пешем строю.

Отряд Мухаммеда медленно двигался на запад к долине Бадр, богатой пресными источниками, ради которых туда должен был выйти караван курайшитов, спешивший с севера.

Караван, который сопровождало около семидесяти вооруженных курайшитов, вел давний противник Мухаммеда и один из самых богатых людей Мекки - Абу Суфиан. К нему на север в горы Хиджаза мекканские недоброжелатели Мухаммеда немедленно послали гонцов - по-видимому, еще раньше, чем мусульмане выступили в поход. Абу Суфиан сразу же послал гонца в Мекку за помощью, а сам стал продвигаться со всеми предосторожностями. В окрестностях долины Бадр разведчики Абу Суфиана наткнулись на свежий верблюжий помет и по мелким финиковым косточкам в нем (Медина славилась мелкокостными сортами финиковой пальмы) безошибочно определили, что здесь недавно прошли мусульмане.

Обнаружив присутствие мусульман, Абу Суфиан резко повернул, не доходя Бадра, на запад, к самому берегу Красного моря, причем его маневр остался не замеченным разведкой Мухаммеда.

Свою долю товаров в огромном караване, который намеревались захватить мусульмане, имели если не все мекканцы, то во всяком случае все кланы курайшитов, а потому стремление защитить его было почти единодушным. На выручку Абу Суфиану, забыв на время давние споры, выступили все кланы во главе со своими шейхами - более девятисот человек. Вместе с ними двинулся и небольшой отряд воинов-наемников - уроженцев Эфиопии, поселенных богатыми курайшитами неподалеку от Мекки на положении не то рабов, не то клиентов. Язычников сопровождали певицы-профессионалки, которые на привалах под аккомпанемент тамбуринов распевали героические баллады, призванные поднять боевой дух курайшитов и оживить в их сердцах жажду ратных подвигов и славы.

Возглавлял ополчение небезызвестный Абу Джахль, который по смерти аль-Валида являлся полуофициальным вождем курайшитов.

Через несколько дней после выхода из Мекки к курайшитам прибыл второй гонец Абу Суфиана - с известием, что караван благополучно избежал встречи с мусульманами и кружным путем в полной безопасности продвигается к городу. Это известие очень многие курайшиты встретили с радостью и огромным облегчением - воевать с мусульманами просто так, не ради защиты своего кровного добра, они решительно не желали. Напротив, Абу Джахль и другие крупные мекканские негоцианты горячо убеждали соплеменников

продолжить поход, столь дружно начатый, и примерно наказать мусульман, которые постоянно угрожают торговле города, совершают нападения и проливают кровь даже в священные месяцы всеобщего мира.

Однако безопасность караванных дорог всерьез волновала лишь зажиточную часть мекканцев. Остальные либо не принимали участия в караванной торговле, либо были так мало в ней заинтересованы, что не видели никакого резона рисковать своей жизнью и проливать кровь в угоду богачам. Несомненно, в ополчении находились и тайные мусульмане, симпатизировавшие Мухаммеду. Как бы то ни было, около трехсот курайшитов, в том числе несколько кланов, в полном составе покинули Абу Джахля и направились домой.

С Абу Джахлем осталось примерно шестьсот человек, согласившихся продолжать поход и попытаться разгромить мусульманский отряд. Среди них были и хашимиты во главе с Аббасом. Абу Лахаб, известный своей ненавистью к мусульманам, был тяжело болен и не принимал участия в походе.

Отряд курайшитов двигался в долине Бадр, не зная точно местонахождения мусульман и их планов.

Мухаммед же шел к долине Бадр, вообще не подозревая, что против него из Мекки выступило огромное ополчение. Не знал он также, что караван Абу Суфиана свернул в сторону и в полной безопасности огибает долину Бадр с запада.

Рассказывают, что об отряде курайшитов Мухаммед узнал от кочевников незадолго до прибытия в долину Бадр, а вслед затем разведка мусульман во главе с Али захватила в самой долине двух курайшитов, явившихся к источникам за водой. Курайшиты сразу же сознались, что они принадлежат к отряду Абу Джахля, но мусульмане им не поверили и стали их избивать, требуя сведений об Абу Суфиане. Курайшитам-водоносам ничего не оставалось, как сказать, что они являются спутниками Абу Суфиана, о местонахождении которого они ничего не знали. пытки прекратил сам Мухаммед, и только благодаря его вмешательству мусульмане не были введены в заблуждение. От этих курайшитов Мухаммед получил точные сведения о силах Абу Джахля и о маршруте, по которому тот следует.

Прежде чем что-нибудь решать, нужно было выяснить позицию ансаров захотят ли они сражаться с ополчением курайшитов, Мухаммед не знал. Поэтому он созвал военный совет, на котором Омар и Абу Бакр с жаром убеждали ансаров и мухаджиров не уклоняться от сражения. Ансары высказались в пользу битвы и заверили пророка, что будут верны ему до конца. На этом совещании было решено разбить лагерь в долине Бадр, перекрыть все источники и оставить врагов без воды.

Мусульмане вышли в долину Бадр 12-16 марта 624 года и тотчас приступили к осуществлению своего плана. За несколько часов были засыпаны колодцы, возведена земляная насыпь, перегородившая все ручейки, питаемые бьющими из-под земли ключами; образовавшийся водоем, наполненный пресной водой, позволил мусульманам спокойно ждать курайшитов, которые были вынуждены либо вступить в бой на выбранном мусульманами месте, либо, терпя лишения от жажды, срочно покинуть безводные окрестности Бадра и с позором возвращаться в Мекку.

Неподалеку от этого водоема для Мухаммеда соорудили шалаш из стволов низкорослой пальмы, заросли которой в изобилии имелись в долине. Около шалаша, в котором пророк намеревался укрыться во время битвы, была выставлена личная охрана Мухаммеда и стояли наготове оседланные верблюды на них в случае поражения мусульман пророк и его телохранители должны были немедленно бежать в Медину. На таких предосторожностях, согласно преданиям, настояли мухаджиры и ансары, которые понимали, что потеря пророка означает для них полную катастрофу, несоизмеримую по своим последствиям с проигранной

битвой. Уверенности в победе над вдвое превосходящими по численности курайшитами у них, очевидно, не было.

Мухаммед предоставил всю практическую сторону подготовки к сражению наиболее опытным ансарам и мухаджирам. Сам же он руководил молитвами, возбуждая в мусульманах веру в победу и готовность к самопожертвованию. Неверие в победу есть неверие во всемогущество Аллаха, убеждал Мухаммед ансаров и мухаджиров. Пасть, сражаясь на пути Аллаха, - величайший подвиг веры, мученичество, награда за которое - вечное райское блаженство. Не с курайшитами призывал Мухаммед сражаться мусульман - с воплощенным язычеством; воинство Аллаха против воинства Иблиса, извечного врага рода человеческого, - так рисовалась предстоящая битва. Поэтому героическая смерть в бою тотчас смыкает все грехи, распахивает перед верующим врата рая. У многих переселенцев из Мекки тошно становилось на душе при мысли, что им придется обнажить мечи против близких родственников, родных братьев и отцов. Все совершается по воле Бога, убеждал мухаджиров Мухаммед, каждому определен час его смерти, не вы будете проливать кровь - Бог сам направит вашу руку, только он дарует жизнь и смерть. Предавшие себя Богу будут простым орудием в его руках - нет на них вины за пролитую кровь.

Мухаммед знал, что среди мекканцев, оставшихся с Абу Джахлем, находятся и хашимиты - все его родственники-язычники, ближайшими из которых были Аббас и несколько племянников. Мысль о гибели их печалила пророка настолько, что вопреки собственным требованиям он даже обратился к ансарам и мухаджирам с просьбой по возможности щадить его близких. Просьбу пророка мухаджиры отвергли довольно грубо - хорошенькое дело, во всеуслышание заявил один из них, мы будем убивать своих родных братьев и отцов и щадить Аббаса. Говорят, что решительный Омар предложил отрубить наглицу голову - он, дескать, плохой мусульманин, но Мухаммед остановил его. "С этого дня я никогда не чувствовал себя в безопасности", - признавался потом мусульманин, осмелившийся возразить пророку.

Ночь перед битвой Мухаммед провел в молитве, и молитва его была услышана. Аллах ниспослал дождь, который был выгоден мусульманам, но затруднил движение курайшитов. Кроме того, Аллах ниспослал мухаджирам и ансарам крепкий сон, бодрящий и освежающий. Утром они совершили омовение, пользуясь изобилием пресной воды, усердно помолились Аллаху и плотно позавтракали финиками, ячменными лепешками и творогом. День они встретили отдохнувшими, готовыми к битве и уверенными в победе.

Курайшиты провели эту ночь всего лишь в нескольких километрах от лагеря мусульман, по другую сторону долины Бадр, от которой их отделял невысокий песчаный холм. Воды у них было мало, и они страдали от жажды. Битва их удручала, многих не радовала даже перспектива победы - не хотелось убивать родственников и бывших друзей.

Утром, перевалив через холм, они увидели лагерь мусульман и убедились, что перед сражением им не удастся даже напиться - построенная мусульманами плотина заперла все источники, пробиться к ним можно было только с оружием в руках. Стреножив верблюдов, курайшиты в пешем строю двинулись на мусульман. Впрочем, строя никто не придерживался. Каждый клан образовывал самостоятельный отряд во главе со своим предводителем, приказания которого ни для кого не были обязательными. Общее руководство всем ополчением осуществлял семидесятилетний Абу Джахль, рядом с ним находились и знаменосцы.

Мухаммед же настоял, чтобы мусульмане сражались в строю. Он сам выстроил их плотными рядами, стрелой начертив на земле линию, которую никто не должен был переступить, после чего покинул поле боя и удалился вместе с Абу Бакром в хижину из пальмовых веток - молиться за победу над язычниками. Говорят, у многих курайшитов дрогнули сердца, когда они увидели решительные лица мусульман, выстроившихся сомкнутыми рядами.

По обычаю, сражение началось с поединка. Со стороны курайшитов вышли братья Утба и Шайба - те самые, которые дали приют Мухаммеду на окраине Таифа; третьим был сын Утбы. Против них вышли трое ансаров, но курайшиты запротестовали - пусть выходят изменники нашего племени, кричали они, пусть они не прячутся за спины мединцев, к которым у курайшитов нет никакой вражды. Тогда вперед выступили Хамза, Али и Убайда ибн Харис - все вооруженные мечами, в кольчугах и шлемах, украшенных страусовыми перьями. Убайда, как самый старый, встал против Утбы, обоим им было за шестьдесят. Хамза вступил в схватку с Шайбой, а Али - с сыном Утбы. Хамза и Али одновременно прикончили противников и поспешили на помощь своему товарищу, которому Утба отрубил мечом ногу. Вдвоем они быстро справились с легкораненым Утбой и под восторженные крики мусульман покинули поле боя, унося истекающего кровью Убайду, который вскоре скончался от полученных ран. Говорят, перед смертью он спросил Мухаммеда, считается ли его смерть мученической? Да, ответил ему пророк, ты пал мученической смертью на пути Аллаха и заслужил вечное блаженство в раю.

После поединков началась перестрелка из луков, вызвавшая немногочисленные жертвы с обеих сторон, а затем вспыхнула рукопашная схватка. Строй мусульман смешался - каждый сам искал себе врагов, по собственной инициативе спешил на помощь товарищам. Чувство товарищества у мусульман было развито сильнее, чем у курайшитов, особенно сплоченно и решительно дрались мухаджиры, мстя язычникам за все прошлые обиды и издевательства. Это была их война по преимуществу, победа, и только победа, открывала для них путь к обеспеченной жизни, поражение же сулило еще большие лишения. Мединские ансары-земледельцы сражались более осмотрительно и несли меньше потерь, чем мухаджиры.

Мусульмане устремились в битву с криками: "Един! Един!" - предавая себя на волю Бога и испрашивая у него защиты. Многие мусульмане верили, что на их стороне будут сражаться посланные Аллахом ангелы и с помощью Бога враги будут неминуемо разбиты. В небесах, среди причудливых громадных облаков, им виделся сам ангел Джibrил в желтом тюрбане во главе неисчислимого небесного воинства. Джibrил восседал на волшебном коне Хайзум, и его громоподобные возгласы "Вперед, Хайзум!" разносились над полем боя.

В начале битвы курайшиты, вдвое превосходившие по численности мусульман, добились незначительного успеха, некоторым из них удалось даже пробиться к водоему и утолить жажду. По затем натиск мусульман усилился, лучшие воины курайшитов стали падать один за другим, и ряды их дрогнули. Вскоре мухаджир Муад ибн Амр пробился к Абу Джахлю и ударом меча перебил ему голень, в ответ он получил от сына Абу Джахля удар в плечо, и его левая рука повисла на лоскуте кожи.

Истекающий кровью Муад не покинул поля боя и продолжал мужественно сражаться. Болтающаяся рука мешала ему, он наступил на нее ногой и оторвал ее прочь;

как это ни странно, Муад выжил и принимал потом участие во многих боях. Раненого и беспомощного Абу Джахля, которого курайшиты не смогли унести с поля боя, обнаружил другой мухаджир, который и добил его.

Лишившиеся предводителя курайшиты не выдержали натиска мусульман и побежали к своему лагерю, где их ждали верблюды и спасение. Разгром их был полным. Около пятидесяти курайшитов пали во время сражения, и среди них знатные представители всех кланов; были убиты и шесть мусульман-вероотступников, предавших Мухаммеда и вернувшихся к язычеству; примерно столько же сдалось в плен.

Пленные считались добычей того, кому они сдались, поднося левую руку. Это была самая ценная добыча, так как за каждого пленного можно было получить богатый выкуп, равный примерно стоимости трех-четырех рабов. Пленными поэтому дорожили и зря их не убивали.

Однако у мухаджиров с курайшитами были свои счеты, и еще не кончилось сражение, как Биляль и другие бывшие рабы начали избивание и истязание пленных. Биляль нашел среди пленных своего бывшего хозяина, некогда подвергавшего его пыткам, отнял его у законного владельца и казнил мучительной казнью - по кускам обрубая ему руки и ноги, пока тот не испустил дух.

Мухаммеду и его ближайшим помощникам с трудом и не сразу удалось прекратить резню. По-видимому, запрещая убийство пленных, Мухаммед руководствовался не только гуманными соображениями, но и трезвым расчетом политика ненависти к богачам, давшая прекрасные результаты в первые годы проповеди, все больше мешала распространению ислама, вызывала резкое недовольство зажиточной части мусульман. Этой бесперспективной политике нужно было положить конец, сделав войну чисто религиозной. Сохраняя жизнь сдавшимся в плен знатным курайшитам, богачам и рабовладельцам, Мухаммед облегчал победу ислама над язычеством, показывал свою добрую волю и готовность забыть старые счеты.

Мусульмане потеряли всего четырнадцать человек - шесть мухаджиров и восемь ансаров. Половина убитых курайшитов пала от руки мухаджиров, которых было почти в три раза меньше ансаров. Торговцы-мухаджиры были не более искусными воинами, чем земледельцы-ансары; очевидно, они сражались с большим воодушевлением, и именно их мужеству и самоотверженности обязаны мусульмане победой при Бадре.

Среди мухаджиров невероятными ратными подвигами покрыли себя богатыри Хамза и Али - при их участии было повержено четыре десятка курайшитов. Хамза, с помощью которого был добит и Абу Джахль, получил прозвище Лев Ислама, а Али с этих пор стали называть Мечом Ислама.

Едва удалось прекратить резню пленных, вспыхнули разногласия по поводу богатой добычи. Мусульмане захватили сто пятнадцать верблюдов, четырнадцать лошадей, оружие, утварь и припасы. Мухаммед приказал собрать все трофеи - и подобранные на поле боя, и найденные в поспешно покинутом курайшитами лагере - и заявил, что он лично произведет раздел. Этому решению пророка мусульмане нехотя подчинились. Когда все было собрано, Мухаммед объявил, что раздел добычи будет произведен в соответствии с откровением, полученным им от Аллаха: пятая часть ее должна быть предоставлена в распоряжение пророка, остальное будет разделено поровну между всеми участниками похода, вне зависимости от поведения каждого из них в бою. Выкуп, который будет получен за пленных, будет поделен тоже поровну.

Речь Мухаммеда вызвала резкие возражения, в первую очередь со стороны мухаджиров, которых дележ поровну не устраивал - против доли пророка они не возражали, но они сражались лучше ансаров и рассчитывали по крайней мере на половину остальной добычи. Все участники сражения считали несправедливым, что телохранители Мухаммеда, в полной безопасности простоявшие у дверей его хижины, получали такую же часть добычи, как и те, кто рисковал своей жизнью. На это мусульмане, несшие охрану пророка, резонно возражали, что они не по своей воле не принимали участия в битве, а подчиняясь приказу Мухаммеда.

Пользуясь авторитетом пророка и опираясь на полученное от Аллаха откровение, при поддержке большинства ансаров, которым предложенный принцип раздела добычи был выгоден, Мухаммед после долгих препирательств настоял все-таки на своем. Всю ценную добычу, в основном оружие, доспехи и одежду, мусульмане принесли к Мухаммеду, а хлам, который не стоило тащить с собой в Медину, сожгли.

После этого выкопали яму и побросали в нее убитых курайшитов, среди которых Мухаммед увидел и одного из сыновей Абу Суфиана.

Отрубленную голову Абу Джахля бросили к ногам Мухаммеда, но он не узнал своего врага. В смерть Абу Джахля Мухаммед не верил до тех пор, пока не опознал его обезглавленный труп среди убитых - опознал по шраму на колене, шраму, причиной которого был сам Мухаммед: давным-давно, еще на заре юности, он нечаянно толкнул будущего Абу Джахля (который не был в те годы ни Отцом Безумия, ни врагом), и тот ранил себе колено.

Ансары смотрели на убитых курайшитов с равнодушным любопытством, для мухаджиров же бурная радость и торжество при виде поверженных врагов сменялись чувствами скорби и горя, когда они узнавали среди павших своих родственников и бывших друзей. Говорят, что один мусульманин поседел, опознав среди сволакиваемых в яму курайшитов родного отца. Проявление скорби по язычникам, врагам Аллаха и его посланника, не подобало людям, предавшим себя исламу, а молиться за язычников было запрещено. Все они после смерти попадали в ад - их засыпали землей без всяких почестей, и на этом обряд погребения закончился.

Только один курайшит не удостоился чести быть похороненным в братской могиле - мусульманам никак не удавалось снять с него кольчугу, и им пришлось буквально выковыривать убитого по кускам, чтобы сохранить ценный трофей неповрежденным. Останки врага не отнесли в яму, их просто забросали землей и камнями. В полночь Мухаммед пришел к яме.

- О люди ямы! О Утба! О Шайба! О Омейя! О Абу Джахль! - прокричал он, обращаясь к погребенным врагам и перечисляя их всех по именам. Удостоверились вы в истинности того, что обещал вам Господь? Я нахожу, что обещанное мне Господом - истинно!

Мусульмане удивились, услышав, что Мухаммед разговаривает с мертвецами. "Они слышат меня не хуже, чем вы, - объяснял им пророк, - но они не могут отвечать мне".

Павших на поле брани мусульман похоронили с подобающими почестями, но без языческих обрядов. Погибшие мусульмане приняли мученический венец, сражаясь на пути ислама, смерть их должна вызывать в сердцах оставшихся в живых зависть, а не скорбь, ибо они избранники Аллаха, им уготовано райское блаженство. Так поведано было Мухаммеду в откровении, которое он и сообщил верующим. Поэтому чрезмерные проявления скорби греховны - стричь волосы, разрывать на себе одежду, испускать вопли, расцарапывать в кровь лицо и грудь запрещалось. Только молитвы и слезы уместны при погребении. Мухаммед запретил даже омыть тех, кто пал мученической смертью, - кровь, пролитая ими, не грязь, она украшает их лучше, чем золото и пурпур. В день воскресения, который павшие воспримут как завтра, ибо время пролетит для них как единый миг, запекаясь на их телах и одежде кровь лучше всяких слов засвидетельствует их героическую смерть на пути Аллаха, послужит им пропуском в райскую обитель.

На следующее утро после битвы при Бадре мусульмане отправились в Медину, ведя с собой захваченных пленных. Среди них было много выдающихся курайшитов, в том числе один из сыновей Абу Суфиана. В толпе пленных, с руками, привязанными к шее, шли и родственники пророка - грузный Аббас, два племянника и зять Абуль Ас, муж дочери пророка Зайнаб, оставшейся в Мекке.

Мухаммед запретил мусульманам убивать пленных, но опасных противников ислама и своих личных врагов он не собирався щадить. Он приказал казнить Укбу, покушавшегося некогда на его жизнь в ограде Каабы. "Кто же позаботится о моих детях, о Мухаммед?" - якобы спросил приговоренный к смерти. "Ад позаботится о них!" - ответил пророк, и Али зарубил Укбу мечом. Другого пленного курайшита, ан-Надра, некогда утверждавшего, что Мухаммед пересказывает в Коране персидские легенды и сказки, также убил Али по приказу пророка. Преданный Омар порывался выбить передние зубы У захваченного в плен курайшита, некогда язвительно высмеивавшего пророка и посланника Аллаха, но Мухаммед запретил

увечить пленных.

На одном из привалов по пути в Медину Мухаммед поделил добычу, предварительно оцененную. Пятую часть ее он взял себе, остальное распределил поровну между всеми мусульманами, принимавшими участие в походе. Долю, предназначенную павшим в битве, отдали по возвращении в Медину их ближайшим родственникам.

По дороге ниспосланы были Аллахом обильные и вдохновенные откровения, которые вместе с откровениями, полученными до и во время сражения, составили суру "Добыча".

Победа, победа, победа! Небывалая, чудесная, над вдвое превосходящим врагом! Малой кровью! Великая победа! Впервые за четырнадцать лет проповеди обещания Аллаха начали наконец сбываться - полное торжество веры, торжество Мухаммеда над всеми скептиками и маловерами! Неудивительно, что сознанием непобедимости и сопричастности всемогущему Богу проникнуты многие стихи этой суры.

- Повинуйтесь Богу и его посланнику. Как вывел тебя Господь твой из твоего дома с истиной, а часть верующих противились, препираясь с тобой об истине, после того как она разъяснилась, точно их гонят к смерти, а они смотрят.

Все оправдалось - и непримиримость к курайшитам, и нежелание признать дочерей Бога и прочих идолов, и исход из Мекки, и призыв сражаться на пути ислама! Все оправдалось, во всем был прав Мухаммед - пророк и посланник Бога!

Сама битва при Бадре приобрела в откровениях Мухаммеда законченный образ божественного чуда:

- И вот, обещал вам Аллах один из двух отрядов, что он будет вам - это про то, как Мухаммед звал их в поход, обещая победу, а они колебались, - вы желали бы, чтобы не имеющий вооружения достался вам (вам хотелось захватить караван Абу Суфиана - еще бы! Тысяча нагруженных дорогими сирийскими товарами верблюдов и всего шестьдесят - семьдесят человек охраны, а вас собралось больше трехсот). А Аллах желает утвердить истину Своими словами и отсесть неверных до последнего, чтобы утвердить истину и изничтожить ложь, хотя бы и ненавистно было это грешникам. (Чтобы язычники не думали, что все дело в умении мусульман нападать из засады или тогда, когда на их стороне численное превосходство! Нет, не хитростью побеждают верующие, хотя хитрость тоже от Бога, а верой - сила их от Бога, от того, что они следуют по праведному пути, и они будут громить язычников, какими бы толпами те ни выступали!)

- И вот, взывали вы за помощью к вашему Господу (А кто взывал? Кто молился накануне битвы, когда все отдыхали, и во время самой битвы? Мухаммед, пророк, возносил свои молитвы к Богу!), и Он ответил вам: "Я поддержу вас тысячью ангелов, следующих друг за другом!" (Не очень-то вы верили этому, когда вас убеждал пророк. Стыдитесь же и помните, что и впредь будет сбываться все, что скажет вам пророк.)

- Сделал это Аллах только радостной вестью, и чтобы успокоились от этого ваши сердца. Ведь помощь - только от Аллаха; поистине, Аллах великий, мудрый!

- Вот он покрыл вас дремотой в знак безопасности от него и низвел вам с неба воду, чтобы очистить вас ею и удалить от вас мерзость сатаны и чтобы укрепить ваши сердца и утвердить этим ваши стопы.

- Вот, внушил Господь твой ангелам: "Я-с вами, укрепите тех, которые уверовали! Я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх; бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам.

Это - за то, что они откололись от Аллаха и Его посланника. А кто откалывается от Аллаха и

Его посланника... ведь Аллах силен в наказании! (Помните! Это и к вам относится - любителям спорить с пророком и противиться ему, подрывающим власть и авторитет пророка. И к тем, кто остался в Медине, "лицемерам", не пожелавшим идти в поход, противникам войны с курайшитами.)

Это-вам! Вкусите же его и что для неверных- наказание огня!

- О те, которые уверовали! Когда вы встретите тех, кто не веровал, в движении, то не обращайтесь к ним тыл.

А кто обратит к ним в тот день тыл, если не для поворота к битве или для присоединения к отряду, тот навлечет на себя гнев Аллаха. Убежище для него - геенна, и скверно это возвращение! (Вот так: храбрым - райское блаженство, трусам - вечные муки в аду, ибо трусы есть не верящие во всемогущество Аллаха, в то, что лишь он один определяет срок жизни человеческой, они ничем не лучше язычников, оттого и наказание для них одинаково - геенна огненная!)

- Не вы их убивали, но Аллах убивал их (пусть же ваша совесть будет спокойна - убийство в справедливой войне с язычниками вообще не является убийством, ибо не верующий убивает, а Аллах)...

- Если вы просили победы, то победа пришла к вам, - продолжал далее Аллах, обращаясь на этот раз к курайшитами. - Если вы удержитесь, то это лучше для вас, а если вы вернетесь, то и Мы вернемся. Но ни от чего не избавит вас ваше сборище, если оно и многочисленно, и ведь Аллах с верующими.

- О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и Его посланнику и не отвращайтесь от Него... Не будьте как те, которые говорили: "Мы слышали", а сами не слушают... Бойтесь испытания... Не изменяйте Аллаху и посланнику...

- О вы, которые уверовали! Когда встречаете отряд, то будьте стойки и поминайте Аллаха много, - может быть, вы получите успех.

И повинуйтесь Аллаху и Его посланнику и не препирайтесь, а то ослабеете и уйдет ваша мощь. Терпите:

ведь Аллах с терпеливыми!

Вновь и вновь варьирует Мухаммед в этой суре мысль о том, что повиновение пророку - победа, а неповиновение - поражение, поражение и в земной жизни, и в загробной. Все, что было возможно, извлек он из победы при Бадре для прославления ислама и утверждения своего пророческого авторитета. Победа при Бадре была триумфом его дальновидной и мудрой политики, и Мухаммед не намеревался принижать своих заслуг.

В этой суре (мимоходом и вскользь) впервые встречается в словах Аллаха некоторая неуверенность в осуществимости человеческого счастья на земле. Поступайте так-то и так-то, учит он верующих, а потом добавляет:

"Может быть, вы будете счастливы..." Это "может быть" в устах всемогущего Аллаха (не раз повторенное Мухаммедом в последующих стихах Корана) звучит несколько странно: все способен совершить Аллах - и уничтожить неверных, и сотворить мир. и воскресить мертвых, и обеспечить вечную загробную жизнь; любое чудо ему по силам, кроме земного счастья человека. Здесь он положительно пасует - "может быть, вы будете счастливы...". А может, и не будете - кто его знает? Это "может быть", вырвавшееся у Мухаммеда в минуту торжества и успеха, подводит как бы некоторый итог его личного опыта. Как-никак пятьдесят четыре года за плечами пророка, возраст не очень совместимый с юношеской восторженностью, с

простодушной верой, что стоит только переделать мир по определенной наилучшей программе, и пожалуйста - все будут счастливы. Ему ли занимать у кого-нибудь веру? Но и вера, увы, гарантирует лишь вечное загробное блаженство, в дольней же жизни и вера не обеспечивает счастья.

А что стоило бы, казалось, провозгласить Мухаммеду, что полнота веры дает полноту счастья уже в земной жизни? Ведь его никто бы не смог обвинить во лжи, так как не нашлось бы человека, который перед лицом своей совести смог бы утверждать, что он достиг полноты веры. Как бы от этой неправды выиграла привлекательность ислама - еще немного, еще одно усилие на пути Аллаха - и вот оно, воплощение земного счастья! Единственное учение, гарантирующее счастье, - ислам... А вместо этого - "может быть, вы будете счастливы". И только. Больше никаких обещаний.

Ничего не стоило бы Мухаммеду убрать, вычеркнуть, уничтожить и не допустить в Коране это пессимистическое "может быть", если бы он был только политиком, стремящимся к власти и реализации определенной религиозно-этической схемы. Но он был также и пророком, в первую очередь именно пророком, а не политиком, он сам верил тому, чему учил, - верил и в ангелов, помогавших мусульманам в битве при Бадре, и в Джibriла, являющегося к нему с посланиями Аллаха, и в то, что зарытые в землю курайшиты слышат обращенную к ним речь... То, во что он верил, очень часто было ему выгодно. но это совпадение веры и личной заинтересованности происходило где-то в таких тайниках его души, до которых его сознание не докапывалось. Для него этой связи просто не существовало, целесообразность божественных повелений доказывала лишь их истинность. Он верил в истину, шел по правильному пути, и действительность начинала подчиняться ему.

Успех в битве при Бадре вселил в Мухаммеда фантастическое представление о непобедимости мусульман.

- О пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни; а если будет среди вас сотня, то они победят тысячу тех, которые не веруют, за то, что они народ не понимающий.

Победу над десятикратно превосходящим врагом обещал Бог мусульманам! Впрочем, скоро Мухаммед понял, что эта рекомендация несколько нереальна, и если бы мусульмане ей последовали, ничего хорошего из этого не получилось бы. Аллах несколько умерил свои требования.

- Ныне облегчил вам Аллах. Он знает, что у вас есть слабость. А если будет среди вас сотня терпеливая, то они победят двести, а если будет среди вас тысяча, то они победят две тысячи с дозволения Аллаха: ведь Аллах - с терпеливыми!

В откровениях, полученных Мухаммедом, незамедлительно нашли отражение и сугубо практические вопросы, выдвинутые жизнью. Было поведано, во-первых, что, в отличие от пророков древности, Мухаммеду разрешено участие в военных походах, захват добычи и пленных. Те, кто, ссылаясь на ветхозаветные предания, считал, что пророку не к лицу подобная практика, были тем самым посрамлены. Прецеденты Аллаха несколько не связывают - предыдущим пророкам запрещал, а Мухаммеду счел нужным разрешить, и не только разрешить, но и вменить в обязанность. Ислам - самостоятельная религия, идеи, почерпнутые из христианства и иудаизма, для него не закон.

Доля добычи, выделенная пророку, получила полное одобрение Аллаха:

- И знайте, что если вы взяли что-либо в добычу, то Аллаху - пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику, если вы уверовали в Аллаха и в то, что Мы низвели Нашему рабу в день различения, в день, когда встретились два сорища. Поистине, Аллах мощен над всякой вещью!

Гуманное отношение к пленным, на котором настаивал Мухаммед, также отвечало замыслам Аллаха!

- О пророк! Скажи тем, в руках которых пленные:

"Если Аллах узнает про добро в ваших сердцах, Он дарует вам лучшее, чем то, что взято у вас, и простит вам:

Аллах прощающ, милосерд!"

Мухаммед призывал мусульман отпускать пленных без выкупа, особенно в тех случаях, когда они изъявили желание принять ислам. Этого требовало и милосердие, и здравый смысл - враги при таком отношении будут охотнее сдаваться в плен, зная, что им не угрожает ни расправа, ни разорение, но мухаджире и ансары на это не соглашались, и гуманное обращение с пленными вошло в Коран только как рекомендация, а не категорическое требование.

Глава 19

Продолжение войны

Смерть Рукайи, дочери пророка

Обращение с пленными

Переселение Зейнаб в Медину

Новая жена пророка - Хафса

Отношение мединцев к войне против курайшитов

Террор

Военные приготовления курайшитов

Конец Абу Лахара

Набег Абу Суфиана на Медину

Агитация против войны и пророка

Изгнание хайнукистов

Поход курайшитов против медины

Битва при Оходе

Ложный слух о гибели пророка

Гибель Хамзы

Торжество курайшитов

Неистовство женщин

Радость "лицемеров"

Мухаммед преследует курайшитов

Женитьба пророка на Умм Саламе

После победы при Бадре мусульмане беспрепятственно вернулись в Медину. Мухаммед во главе небольшого отряда прибыл туда на день раньше основных войск, обремененных пленными и добычей, и тотчас разослал гонцов в Верхнюю и Нижнюю Медину с известием о блестящей победе над курайшитами. Осман Ибн аль-Аффан узнал об этом радостном событии в тот момент, когда вместе с немногими родственниками предавал земле свою жену Рукайю. Мухаммед опоздал на похороны дочери.

Собравшиеся в мечети мединцы от самого Мухаммеда' услышали подробный рассказ об удачном походе и чудесно, по милости Аллаха, выигранной битве. Действительное и сверхъестественное причудливо совмещалось этом рассказе, призванном прославить истинную веру всемогущество Аллаха и непобедимость тех, кто вышел сражаться на пути ислама. Скептики и малoverы были посрамлены и унижены. Они не верили Мухаммеду, когда он обещал, что все затраты на войну Аллах возместит сторицей, так что смело расходующие свое имущество для победы ислама не понесут никакого убытка; напротив, достояние их, по милости Аллаха, возрастет, в убытке же окажутся скупые. Теперь предсказание Мухаммеда исполнилось, верные получили и славу и добычу - на зависть малодушным мусульманам, противившимся войне.

День возвращения в Медину стал для Мухаммеда днем небывалого триумфа. Победа умножала число его сторонников. Пятую часть богатой добычи пророк почти целиком обратил на дело веры, щедро роздал ее неимущим и колеблющимся мусульманам. Этим он приобрел горячих поборников войны с курайшитами и среди тех, кто лично не мог принимать участия в сражениях. Война становилась общим делом всех мусульман - больных и престарелых, женщин и детей, и вчерашних рабов, у которых не было ни оружия, ни припасов, чтобы участвовать в войне.

Перед каждым мусульманином обещанная и доказанная поддержка Аллаха открывала возможность покончить с бедностью - с помощью Аллаха война могла быть только победоносной, а потому каждый, отправившийся сражаться за веру, наверняка должен был получить и славу и богатство, если, конечно, уцелеет. Тем самым война решала проблему бедности. Из крайней нищеты можно было вырваться уже сейчас, не дожидаясь воплощения братской любви и справедливости на земле, когда богатые станут добровольно делиться своим имуществом с бедняками.

Выкуп, полученный мусульманами за пленных, по-видимому, намного превосходил стоимость захваченной добычи. Особенно большие деньги удалось выручить за самых богатых и знатных курайшитов. Аббаса, дядю пророка, отпустили за двенадцать укийа золотом - двенадцать тысяч дирхемов; немалые деньги получили и за племянников пророка, и за зажиточных представителей кланов Максум и Абд Шамс - наиболее последовательных противников Мухаммеда и ислама. За них брали по четыре-пять тысяч дирхемов. Зять Мухаммеда, богатый Абуль Ас, не пожелал принять ислам. Говорят, что в счет выкупа за него Зайнаб прислала из Мекки отцу и пророку ожерелье Хадиджи, подаренное ей в день свадьбы. Это ожерелье растрогало Мухаммеда, и он уговорил мусульман отпустить Абуль Аса без выкупа, если тот вернет ему Зайнаб. Преуспевающий торговец, которому принятие ислама грозило разорением, согласился на предложение Мухаммеда. Вернувшись в Мекку, он тотчас снарядил Зайнаб для отправки в Медину, несмотря на противодействие курайшитов, которым выгодно было оставить у себя дочь пророка в качестве заложницы.

Курайшит Хаббар угрожал пронзить Зайнаб копьем, когда она попыталась открыто покинуть Мекку, а потом нанес ей побои; через день Зайнаб, которая была на сносях, родила мертвого ребенка.

Узнав об этом, Мухаммед приказал сжечь Хаббара живьем, если он когда-нибудь попадет в руки мусульман. Позднее, однако, он отменил свой приказ - казнить огнем, пояснил он, имеет право только Бог, а потому Хаббару следовало отрубить голову. Это указание пророка послужило причиной того, что мусульмане, в отличие от христиан, не жгли своих врагов на костре.

Абуль Асу пришлось тайно вывезти Зайнаб из Мекки. В заранее условленном месте он передал ее Зайду, приемному сыну Мухаммеда, специально посланному, чтобы препроводить дочь пророка в Медину.

Брак язычника Абуль Аса и мусульманки Зайнаб, с точки зрения Мухаммеда, был греховным и незаконным. Тем не менее, когда Абуль Ас в годы гонений на мусульман отказался развестись с Зайнаб, Мухаммед был тронут его поступком. Теперь незаконное сожителство дочери пророка с язычником было наконец прекращено, правда вопреки воле Зайнаб. Насильно возвращенная к отцу, Зайнаб не вышла вновь замуж, несмотря на то что ее руки добивались многие. По-видимому, Мухаммед и не принуждал ее к этому шагу, который мог быть для него политически весьма выгодным. Примерно через шесть лет Абуль Ас вновь был захвачен в плен мусульманами и приведен в Медину - на этот раз вместе с караваном, снаряженным на его деньги. Зайнаб упросила Мухаммеда пощадить его - впрочем, не столько его, сколько его собственность. Спасенный своей женой, язычник Абуль Ас принял ислам, после чего Мухаммед разрешил своей дочери вновь стать женой собственного мужа.

Богатый выкуп не удалось получить только за сына Абу Суфиана - этому злейшему врагу Мухаммеда посчастливилось захватить в плен одного из мусульман, на которого он и обменял своего сына. Без выкупа отпускали на свободу и тех курайшитов, которые согласились принять ислам, впрочем, их к этому никто не принуждал, так как мусульманам такое "прозрение" язычников было попросту невыгодным. Вопреки требованию Корана, с некоторых новообращенных, в искренности которых Мухаммед сомневался, был все-таки взят выкуп - все равно после принятия ислама дорога в Мекку для этих курайшитов была закрыта. Одного пленного, которого родственники отказались выкупить, отпустили в Мекку под честное слово - этот пленник поклялся со временем сам выплатить стоимость своей свободы.

Несколько бедняков, обремененных семьями, Мухаммед отпустил без выкупа - они поклялись не поднимать оружия против мусульман.

Так было реализовано требование Мухаммеда о гуманном отношении к пленным. Нужно признать, что оно было действительно довольно человечным - в самой Медине пленных не истязали, их не продавали в качестве рабов (что, впрочем, было невыгодно), их не стремились держать в оковах вплоть до победы над курайшитами. Их отпускали за выкуп, размер которого зависел от зажиточности их самих и их родственников, и даже беднейшие среди пленных путем ли принятия ислама или под честное слово могли обрести свободу. Мира с курайшитами не предвиделось, и отпущенные на свободу пленные завтра могли выступить против мусульман с оружием в руках. И тем не менее их отпускали не только потому, "то мусульмане нуждались в деньгах, но и для того, чтобы плен не страшил курайшитов. Отпуская курайшитов на свободу, Мухаммед умножал число своих врагов, но подрывал их решимость сражаться насмерть.

Кончина Рукайи опечалила Мухаммеда как отца и озаботила как политика: равновесие сил в кругу его ближайших соратников нарушилось, влиятельный среди мухаджиров Осман ибн аль-Аффан, бывший зять, утратил родственную связь с пророком. В это же время овдовела Хафса, дочь Омара, - ее муж пал мученической смертью в долине Бадр. Омар, давно стремившийся занять прочное положение в руководстве общиной мусульман, предложил Хафсу в жены Абу Бакру. Хафсе было восемнадцать лет, она отличалась, по словам преданий, пленительной красотой, но, к сожалению, обладала столь же неистовым

характером, как и ее отец. По этой причине кроткий Абу Бакр, возраст которого приближался к шестидесяти, отклонил лестное предложение Омара. Отказ Абу Бакра был обусловлен в глазах Омара вполне уважительными причинами, но когда Хафсу отверг и Осман ибн аль-Аффан, Омар почувствовал себя кровно оскорбленным - по-видимому, он усмотрел в этом нежелание признать его, Омара, одним из ближайших соратников пророка, нарочитое умаление своих заслуг перед исламом, попытку оттеснить его на задний план. Оскорбленный и униженный в глазах всех мусульман, Омар отправился с жалобой к Мухаммеду. Грозивший разгореться в самых верхах мусульманской общины конфликт пророк погасил в зародыше - он предложил отдать Хафсу в жены ему самому: на большую честь Омар не мог и рассчитывать, он с радостью принял предложение пророка, и Мухаммед незамедлительно женился на Хафсе, которая была столь же честолюбива, как и ее отец.

Для Хафсы было пристроено помещение рядом с хижинами Савды и Айши, куда она и переселилась. Мухаммеду она пришлась по душе, но первенства Айши в его сердце не поколебала. Неистовый нрав Хафсы, которого так опасались Абу Бакр и Осман, Мухаммеду пришлось испытать на себе - говорят, что она являлась причиной многих ссор и скандалов в гареме пророка, глубоко его огорчавших. Тем не менее не какой-нибудь другой жене. а именно Хафсе передал Мухаммед сундук, в котором хранились накопившиеся к этому времени списки божественных откровений - священные тексты Корана.

За Османа ибн аль-Аффана, оставшегося "не у дел". выдал Мухаммед свою дочь Умм Кульсум, в результате чего Осман вновь стал зятем пророка. Нарушенное равновесие в руководстве мусульманской общины путем брачных комбинаций было восстановлено, ближайшие соратники Мухаммеда-Абу Бакр, Али, Осман и Омар-стали его родственниками и в какой-то мере уравнили свои шансы в борьбе за власть. Не следует думать, одна ко, что Мухаммед, женись на Хафсе, руководствовался только политическими соображениями чувствительность пророка к женской красоте была известна, и он не скрывал ее. Самое драгоценное для человека, говорил якобы пророк, - добродетельная жена, преданная вере, послушная и приятная своему мужу; он смотрит с восторгом на ее телесную и душевную красоту.

Победа при Бадре усилила власть и влияние Мухаммеда, привлекла на его сторону много колеблющихся мусульман, выступавших ранее против войны. Противники Мухаммеда в Медине были не на шутку встревожены. Партия "лицемеров" во главе с Ибн Убайей поспешила заверить курайшитов, что с агрессивной политикой Мухаммеда мирные мусульмане ничего общего не имеют. Войну против курайшитов ведут не мединцы, а только Мухаммед и его сторонники. Остальные жители Медины - мусульмане и язычники - намерены придерживаться нейтралитета.

"Лицемеры" совершенно не были заинтересованы в победах Мухаммеда. Успех при Бадре казался им временным и случайным, требование Аллаха сражаться с курайшитами они считали измышлением Мухаммеда, а помощь Аллаха мусульманам во время битвы - сказкой, придуманной для легковеров и фанатиков. Они не сомневались, что собравшиеся с силами курайшиты в скором времени нанесут Мухаммеду сокрушительное поражение, от которого мусульман не спасут ни сонмы ангелов, ни ангел Джибрил.

Встревожила победа при Бадре и племена Медины, исповедовавшие иудаизм, для которых усиление Мухаммеда представлялось крайне опасным.

Противники Мухаммеда делали все, чтобы возбудить недовольство мединцев неизбежными отрицательными последствиями войны с курайшитами - нарушением безопасности торговли, враждой с кочевыми племенами, союзными курайшитами, нехваткой продовольствия в оазисе, требованиями новых и новых добровольных взносов на войну. Они предрекали мединцам, что поддержка Мухаммеда может кончиться разорением и опустошением всего оазиса. Кааб ибн аль-Ашраф, поэт и один из шейхов племени ан-Надир, узнав о битве при Бадре,

отправился в Мекку, чтобы своими стихами и поэмами возбудить в курайшитах жажду мести, готовность продолжать борьбу и уверенность в победе над Мухаммедом.

В Мекке известие о поражении при Бадре произвело ошеломляющее впечатление, но не породило паники. Напротив, оно сплотило курайшитов родственники убитых призывали к отмщению, выкуп многочисленных пленных больно ударял по целым семьям и кланам, дорога в Сирию и Палестину вдоль побережья Красного моря была закрыта.

Попытка мекканцев отправить караван в Ирак кружным путем, обогнув Медину с востока, кончилась печально. Караван, груженный серебром, был перехвачен отрядом мусульман во главе с Зайдом, приемным сыном пророка, а сопровождавшие его курайшиты в панике бежали в Мекку. Борьба с Мухаммедом становилась делом большинства мекканцев.

После гибели Абу Джахля курайшитов возглавил Абу Суфиан - единственный из старых недругов Мухаммеда оставшийся в живых. Непримируемый Абу Лахаб, который из-за болезни не принимал участия в походе против мусульман, скончался через несколько дней после того, как известие о поражении достигло Мекки. Этот враг ислама, прославившийся ненавистью к пророку, ненавистью тем более непростительной, что пророк приходился ему родным племянником, публично проклятый Мухаммедом, умер мучительной смертью, явившейся как бы наказанием Аллаха за гнусное и нечестивое сопротивление исламу. Тело его покрылось нарывами, и он гнил заживо, всеми покинутый и брошенный родственники считали, что у него чума, и боялись подходить к нему. После смерти он несколько дней оставался непогребенным, и только общее возмущение заставило его сыновей позаботиться о похоронах. Тело Абу Лахаба, немытое и неоплаканное, отнесли за город и кое-как забросали землей и камнями сыновья даже не выкопали ему могилу. Позорное поведение сыновей как бы увенчало богомерзкую жизнь Абу Лахаба.

Абу Суфиан понимал, что поражение при Бадре вызвано тем, что силы Мухаммеда до сих пор легкомысленно недооценивались, поэтому он не призывал к немедленному походу на Медину, а начал тщательную и неторопливую подготовку к войне. Пока же делалось все, чтобы поднять боевой дух курайшитов. Оплакивание павших в битве было воспрещено - их кровь должна была взывать об отмщении. Они оставались как бы непогребенными, и долг кровной мести тяготел над их родственниками и друзьями.

Особенно неистово призывала к отмщению Хинда, жена Абу Суфиана, потерявшая в битве при Бадре отца, сына и дядю.

Абу Суфиан поклялся, что не будет пользоваться благовониями и совершать омовений (а стало быть, и прикасаться к женам), пока не отомстит мусульманам за смерть сына. Во исполнение клятвы, он с двумястами всадниками неожиданно для Мухаммеда появился в окрестностях Медины, чтобы продемонстрировать, что курайшиты не считают себя побежденными и не боятся мусульман. Здесь он встретил доброжелательный прием у шейхов племени ан-Надир, исповедовавшего иудаизм. Замок этого племени был расположен в нескольких милях от центра оазиса. Надириты, к которым он явился ночью, заверили Абу Суфиана, что их симпатии целиком на стороне курайшитов.

Наутро курайшиты убили одного ансара и несколько его родственников-язычников, обрабатывавших свои поля, сожгли как можно больше финиковых пальм (окутанные муфтой из черешков опавших листьев, стволы финиковой пальмы легко вспыхивали, а получившие ожоги деревья быстро погибали, поэтому проще было жечь финиковые пальмы, а не вырубать их), вытоптали поля мединцев и, набрав мешки почти созревшего ячменя, поспешно повернули обратно - сражаться с мусульманами они и не помышляли.

Мухаммед на следующий же день с отрядом мусульман устремился в погоню за Абу Суфианом, но не смог его догнать. Спасаясь от преследования, курайшиты побросали мешки

с награбленным зерном и савиком (ячменной крупой, проваренной с жиром, медом или финиками, а затем высушенной, - ее арабы брали с собой в дорогу); с этими "трофеями" и возвратился Мухаммед в Медину.

Набег на земли Медины был предпринят Абу Суфианом, чтобы укрепить мужество курайшитов и чтобы спасти их честь, запятнанную при Бадре. Никаких серьезных целей этот набег не преследовал. Абу Суфиан не собирался подменять решительную схватку с Мухаммедом партизанскими вылазками. Подготовка к настоящей войне шла в Мекке своим чередом. В городе копилась оружие и припасы для похода, формировались отряды кавалерии. Напуганные поражением, курайшиты учились, как следует владеть мечом, луком и копьем, биться в доспехах, сражаться в пешем и конном строю. Заранее подбирались военачальники, пусть не самые знатные, но зато самые искусные в военном деле. Кавалерию курайшитов готовил к походу молодой Халид ибн Валид, сын покойного аль-Валида-аль-Мугиры, враждебность которого к исламу и Мухаммеду нашла отражение в ранних сурах Корана.

Не довольствуясь собственными силами, курайшиты стремились привлечь к войне против мусульман дружественные им кочевые племена.

Поход против Мухаммеда, по расчетам курайшитов, должен был привести к решительному поражению мусульман и навсегда избавить Мекку от нависшей над ней угрозы. Они намечали провести его весной следующего, 625 года.

Тем временем Мухаммед, воспользовавшись победой при Бадре, энергично укреплял свое положение в Медине и за ее пределами.

Открытая агитация против войны, попытки подрывать власть пророка и посланника Бога и сеять сомнения в истинности и непреложности получаемых им свыше откровений стали отныне подавляться решительными мерами.

Среди первых жертв этой борьбы Мухаммеда был столетний поэт Абу Афак. Он высмеивал пророка и ниспосылаемые ему откровения, призывал соплеменников помнить о чести и славе хазраджитов и авситов. Когда Абу Афак во всеуслышание осудил убийство Мухаммедом одного из своих врагов, терпение пророка иссякло.

- Кто разделается с негодяем ради меня? - воззвал Мухаммед к мусульманам.

Роль палача добровольно принял на себя один из родственников Абу Афака - среди бела дня он отправился в дом поэта и заколол его мечом.

Вскоре та же участь постигла и поэтессу Асму, дочь Марвана. В своих стихах, подобно Абу Афаку, она взывала к языческой чести авситов и хазраджитов, высмеивала их малодушное поклонение "пришельцу" - Мухаммеду. Когда она осудила убийство Абу Афака, пробил и ее час.

- Кто избавит меня от дочери Марвана? вскричал пророк.

И Умайр, родственник Асмы, поспешил на помощь пророку. Ночью он ворвался в дом Асмы и убил ее.

- Ты помог Аллаху и его посланнику, Умайр! - воскликнул Мухаммед, когда убийца доложил ему об исполнении приговора. Он заверил Умайра, что тот может не беспокоиться о последствиях.

Действительно, Умайра никто не посмел тронуть - ни муж Асмы, ни ее пять сыновей. Более того, на следующий же день все ее родственники стали мусульманами - ибо, как говорят

предания, они воочию убедились в мощи ислама.

Для убийства своих врагов Мухаммед не случайно использовал их родственников - мусульман. Кровопролитие внутри клана считалось, так сказать, делом чисто семейным, никого не касавшимся, не влекущим за собой кровную месть. Формально Мухаммед не имел к этим убийствам никакого отношения - родственники сводят между собой счеты, уничтожают в своей среде "паршивых овец" и делают это сугубо добровольно, хотя и с одобрения пророка.

Итак, сразу после Бадра был начат террор - отныне в полной безопасности в Медине могли себя чувствовать лишь те, кто являлся "искренним мусульманином" и безоговорочно признавал власть пророка и божественность получаемых им откровений. На них, и только на них, распространялись законы "братской любви и милосердия" - остальные были, по существу, вне закона.

Последователи Мухаммеда хотели победить, начатый пророком террор проводился во имя победы. Большинство мусульман было заинтересовано в этих убийствах, одобряло их. Пророк осуществлял их коллективную волю - без суда и всеобщего голосования. Он целиком брал на себя моральную ответственность он и добровольные исполнители его приказов. Остальные могли тешить себя мыслью, что они непричастны к этим убийствам и не несут за них никакой ответственности.

Вскоре случай помог Мухаммеду расправиться с противником куда более серьезным. Молодой золотых дел мастер из племени Кайнука позволил себе непристойную шутку над замужней мусульманкой, сидевшей с товарами на рынке кайнуков, - шипами акаций он прикрепил подол ее платья к воротнику. Когда она встала, раздался дружный хохот, по-видимому, подобные выходки в прежние годы как-то сходили с рук, не считались тяжкими преступлениями, их можно было загладить уплатой штрафа или примерным наказанием несколькими десятками палочных ударов. Но то было раньше, во времена язычества, которые мусульмане начинали рассматривать как времена "невежества". Преступление кайнука было расценено как неслыханное оскорбление, которое может быть смыто только кровью - один из мусульман набросился на него и убил. В ответ родственники убитого прикончили мусульманина, после чего против племени Кайнука выступила с оружием в руках вся умма Мухаммеда.

Мусульмане осадили кайнуков в их укрепленном замке. В племени Кайнука было несколько сот мужчин, способных носить оружие, сторонников же Мухаммеда было намного больше, один на один кайнуки с мусульманами сражаться не могли. Они рассчитывали на помощь других племен, исповедующих иудаизм, и "лицемеров" - они жили в Медине на правах клиентов и союзников хазраджитов, возглавляемых Ибн Убайей. Племена Курайза и ан-Надир предпочли, однако, не вмешиваться, а попытки Ибн Убайи урегулировать конфликт ни к чему не привели. Ибн Убайя якобы угрожал Мухаммеду, что выступит на защиту кайнуков во главе трехсот одетых в доспехи воинов и четырехсот легковооруженных, но пророк с почерневшим от гнева лицом выгнал его прочь. Он знал, что силы Ибн Убайи велики и трогать его небезопасно, но он понимал также, что значительная часть мусульман-лицемеров" не пойдет на братоубийственную войну ради племени Кайнука, не осмелится выступить против пророка и посланника Аллаха.

Расчет Мухаммеда оказался правильным - Ибн Убайя не решился прийти на помощь осажденным. Оставленные на произвол судьбы, кайнуки из-за недостатка воды и пищи не могли выдержать длительную осаду. Через пятнадцать дней, поняв, что их положение безнадежно, они вступили в переговоры. Условия Мухаммеда были жесткими - племя Кайнука должно было либо принять ислам, либо навсегда покинуть Медину, оставив большую часть ценных вещей и дома (землей в оазисе они не владели) мусульманам. Кайнуки предпочли покинуть Медину. Они отправились в Хайбар, расположенный в трехстах километрах к северо-западу от Медины, - в этом оазисе проживали их соплеменники, оттуда их предки

некогда переселились в Медину.

Говорят, что переселенцы из Мекки, вступив на землю Медины, в первую очередь осведомлялись, где расположен рынок. Кайнукуты, торговцы и ремесленники, владевшие этим рынком, стояли мухаджирам поперек горла.

Изгнание Бану Кайнука, совершившееся всего через месяц после битвы при Бадре, в апреле 624 года, еще больше усилило позиции Мухаммеда. Дома достались переселенцам из Мекки, что облегчило положение многих ансаров, у которых эти переселенцы до этого проживали. В числе "трофеев", полученных Мухаммедом, было несколько дорогих мечей и украшенный серебром щит. Главное же, противникам Мухаммеда был нанесен чувствительный удар - его враг Ибн Убайя лишился семисот своих потенциальных союзников, партия мусульман-"лицемеров" была ослаблена.

Попытка мусульман, поддерживающих Ибн Убайю, выступить против пророка вместе с иноверцами была решительно осуждена от имени Аллаха как явное вероотступничество.

- О вы, которые уверовали! - возвестил Мухаммед. - Не берите яхуди и насара друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине Аллах не ведет людей неправедных!

Ваш покровитель - только Аллах и Его посланник и те, которые уверовали, которые выполняют молитву и дают очищение, и они преклоняются.

И кто берет покровителем Аллаха и Его посланника и тех, которые уверовали... они победят.

О вы, которые уверовали! Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву, из тех, кому до вас даровано писание, и неверных. Бойтесь же Аллаха, если вы верующие!

И когда вы зовете к молитве, они принимают это за шутку и забаву. Это потому, что они - люди, которые не понимают.

Политические убийства и изгнание племени Кайнука устроили не всех противников Мухаммеда - поэт Кааб ибн Ашраф, вдохновлявший курайшитов на войну против мусульман, осмелился вернуться в Медину, рассчитывая на силу соплеменников и друзей. Мухаммед тотчас призвал мусульман "избавить его от сына Ашрафа", и пять молодых ансаров немедленно вызвались устранить Кааба. Кааб держался, однако, настороже, напасть на него в открытую заговорщики не решались, его можно было выманить только хитростью, а для этого лгать и лицемерить, против чего чуткая религиозная совесть убийц восставала. Сомнения их разрешил сам пророк - делайте, что хотите, лгите и обманывайте, но убейте Кааба, ибо он противник ислама; грех не падет на вас.

Притворившись недругами Мухаммеда, заговорщики завоевали доверие Кааба настолько, что он вышел к ним ночью; на глухом пустыре они прикончили его и утром бросили его сердце к ногам пророка - пророк благословил их подвиг во имя веры.

Молодые фанатики-мусульмане были готовы выполнить любой приказ пророка - один из них сказал родному брату-язычнику, что отрубит ему голову не задумываясь, если этого захочет Мухаммед. "Воистину вера, которая толкает на подобное, - чудо!" - воскликнул язычник и немедленно принял ислам. Террор умножал силы Мухаммеда не меньше, чем блистательная победа при Бадре. "Внутренние враги" были подавлены и нейтрализованы, никто не осмеливался открыто встать на сторону курайшитов или порицать действия пророка.

Нечестивая мечеть аль-Дирар, проклиная Мухаммедом, продолжала, однако, существовать незыблемо, как и партия "лицемеров". Никто из мусульман не посягал и на

языческий храм богини аль-Манат. Уничтожались открытые враги пророка, "предатели", симпатизирующие курайшитами, и только. Не принимающие ислам жители оазиса чувствовали себя в безопасности, если они лояльно относились к пророку, и наивно считали, что и впредь им ничто не грозит. Этим себя успокаивали племена Курайза и Надир, не пожелавшие вступить за племя Кайнука, когда Мухаммед изгнал его из Медины.

Военные экспедиции мусульман после битвы при Бадре стали более многочисленными - они собирали двести, триста и даже четыреста пятьдесят добровольцев. Обычно походы возглавлял сам Мухаммед, оставляя всякий раз кого-либо из мухаджиров или ансаров управлять Мединой в его отсутствие.

Отгнав Абу Суфиана в мае 624 года, Мухаммед в июне совершает поход в Неджд против сильного кочевого племени Гатафан, союзного курайшитами; армия мусульман пробыла почти месяц в Неджде, но кочевники не посмели принять бой. В сентябре он возглавил новую экспедицию в тот же район, а в октябре совершил поход в горы Хиджаза, продолжавшийся два месяца, хотя Мухаммед и не удалялся очень далеко от Медины. Военная кампания 624 года завершилась упомянутым походом Зайда в ноябре против курайшитского каравана, рискнувшего отправиться в Ирак круглым путем, через горы, лежащие к востоку от Медины. Этот поход принес мусульманам внушительную добычу - около ста тысяч дирхемов.

Во время походов Мухаммеду ни разу не пришлось вступать в битву враждебными племенами, устрешенные мощью мусульман, уходили без боя, нейтральные принимали пророка с подобающим почетом и не мешали вести энергичную пропаганду ислама.

Походы мусульман распространили их влияние на обширные районы к северу, западу и югу от Медины, сорвали намерение курайшитов поднять против Медины все окрестные кочевые племена.

Военные операции прекратились с наступлением священных месяцев - на этот раз Мухаммед не стал их нарушать. Он ждал похода курайшитов против Медины, который должен был привести к решительному сражению между мусульманами и язычниками.

Войско курайшитов выступило в поход против Мухаммеда 11 марта 625 года во главе с Абу Суфианом. С курайшитами шли их союзники из кочевых племен Кинана, Тихана и некоторых других, а также сильный отряд воинов-эфиопов, живших неподалеку от Мекки. На Медину двигалась огромная по тем временам армия - три тысячи воинов, из них семьсот в полных боевых доспехах, двести всадников, три тысячи верблюдов. Армию сопровождали пятьдесят женщин родственниц павших при Бадре, возглавляемые Хиндой, женой Абу Суфиана, они пели, рыдали и взывали к отмщению. Самые почитаемые боги курайшитов покинули Каабу, чтобы участвовать в сражении, их богато украшенные каменные изваяния покачивались на спинах верблюдов в центре ополчения, растянувшегося на много километров. Близ селения Абва неистовая Хинда порывалась раскопать и осквернить могилу Амины, матери пророка, но ее удержали.

Курайшиты двигались короткими переходами и через десять дней, в четверг 21 марта, неутомленные и готовые к немедленному сражению, достигли Медины. Свои лагерь они разбили на северной окраине оазиса, среди садов и полей выколосившегося, но еще не убранного ячменя, близ обильных колодцев и источников. Их верблюды и лошади привольно паслись на полях мединцев, курайшиты жгли финиковые пальмы и рубили плодовые деревья, разоряя оазис; они были уверены, что сюда, на выбранное ими для сражения место, рано или поздно должен будет явиться Мухаммед со своими сторонниками.

Как только курайшиты выступили из Мекки, дружественные Мухаммеду кочевники немедленно послали к нему гонцов, но лишь после того, как курайшиты разбили лагерь на окраине оазиса, разведчики Мухаммеда принесли точные сведения о неприятеле. Всю ночь

дом пророка охраняли вооруженные ансары, боявшиеся внезапного налета курайшитов, а утром мусульмане устроили военный совет. Мухаммед, Абдаллах ибн Убайя и большинство других лидеров мухаджиров и ансаров, большей частью люди пожилые и не склонные рисковать, предлагали сражаться в самом городе, защищая жилые кварталы, и смириться с разорением полей и плодовых насаждений. Воинственная молодежь, опьяненная успехом при Бадре, требовала решительного сражения на открытом месте. Они утверждали, что оборона в самом городе - уже поражение, демонстрация слабости и позорной трусости мусульман.

В полдень после общей молитвы в мечети Мухаммед, вопреки своему первоначальному намерению, поддержал сторонников решительной битвы и призвал мусульман двинуться на лагерь курайшитов. К вечеру мединцы во главе с Мухаммедом выступили из города и подошли к лагерю курайшитов. Пользуясь темнотой и густыми садами, мусульмане беспрепятственно обошли его и достигли горы Оход, в трех милях к северу от города. На склонах этой горы Мухаммед и разбил свой лагерь. Курайшиты оказались между отрядом Мухаммеда и теми, кто остался в городе.

Отряд Мухаммеда насчитывал всего семьсот человек, в основном мусульман, язычников и яхуди было сравнительно немного - большинство их вместе с Ибн Убайей осталось защищать город.

План разделить силы и обойти курайшитов, чтобы они оказались между двумя отрядами мусульман, был выработан, по-видимому, сообща и заранее, но так как он оказался не очень удачным, мусульманские историки дружно обвинили Ибн Убайю в предательстве - он якобы в самый последний момент покинул Мухаммеда и вернулся в город вместе с тремястами своих сторонников, прекрасно вооруженных и большей частью снабженных кольчугами и шлемами, от помощи же племен Курайза и Надир, исповедующих иудаизм, Мухаммед якобы отказался сам, не доверяя их готовности биться с курайшитами всерьез. Тем самым и эти племена оказались изменниками и предателями.

Утром в субботу 23 марта мусульмане заняли выгодную позицию у подножия горы Оход. Пророк, надевший две кольчуги - одну поверх другой, - решил на этот раз лично руководить битвой; командный пункт он расположил на склоне горы Оход, откуда хорошо обозревалось будущее поле боя. Свой меч, отличавшийся всем известной остротой и прочностью, Мухаммед отдал Кузмону одному из язычников, искусному воину, согласившемуся сражаться вместе с мусульманами.

На левом фланге Мухаммед поставил пятьдесят стрелков из лука для защиты от конницы курайшитов; им было приказано ни в коем случае не покидать свои позиции. Правому флангу, защищенному оврагами, конница курайшитов, по-видимому, угрожать не могла. Центр заняли мусульмане, вооруженные мечами, копьями и кинжалами - для рукопашных схваток. Среди них только сто были защищены шлемами и кольчугами. Кавалерии у мусульман не было совсем.

Выстроившись у подножия горы Оход лицом к лагерю курайшитов, за которым к югу виднелась утопающая в зелени садов Медина, мусульмане стали ждать нападения численно превосходящего противника.

Абу Суфиан развернул курайшитов выгнутым в сторону мусульман полумесяцем. Сам он находился в центре рядом с ливой - древним знаменем курайшитов, нести и охранять которое было почетной привилегией небольшого клана Абд ад-Дар. В первых рядах шли тяжеловооруженные воины, в плетеных стальных кольчугах и остроконечных шлемах, делавших их неуязвимыми для стрел и дротиков. За ними располагались воины, не имевшие доспехов.

Непосредственно за боевым строем вели верблюдов, на спинах которых вздымались идола курайшитов. Женщины в нарядных одеждах, возглавляемые Хиндой, били в барабаны и ободряли воинов громкими криками.

- Смелее, сыны Абд ад-Дара! - кричали они. - Смелее, защитники женщин! Разите врагов! Смойте позор! Отомстите за павших при Бадре! Мы дочери Утренней Звезды! Жаркие объятия ждут героев! Презрение и отвращение - удел трусов!

Кавалерия под командой Халида (сына аль-Валида-аль-Мугиры) и Икримы (сына Абу Джахля) оставалась на фланге, на безопасном расстоянии от лучников Мухаммеда.

Сражение началось атакой курайшитов по всему фронту. Мусульмане не только выдержали натиск в два-три раза превосходящих сил язычников, но вскоре начали их теснить в центре. Знаменосцы курайшитов бились ожесточенно и падали один за другим под ударами Хамзы, Али и язычника Кузмана, сражавшегося мечом пророка. Атаки кавалерии на фланге были успешно отбиты лучниками.

Центр курайшитов начал отступать, и мусульмане с криками "Смерть! Смерть!" с удвоенной яростью ринулись в бой, уже предвкушая богатую добычу, которая ждет их в лагере курайшитов. Большая часть лучников, вопреки приказу Мухаммеда, с криками "Добыча! Добыча!" покинула свои позиции и тоже устремилась в бой, чтобы в числе первых пробиться к вражескому лагерю.

В этот момент Халид ибн Валид, успевший собрать и привести в порядок кавалерию, рассеявшуюся после первой неудачной атаки, нанес стремительный удар по левому флангу Мухаммеда, почти без потерь прорвал поредевший строй лучников и вышел в тыл наступавшим мусульманам. Мусульмане дрогнули и стали поспешно отходить к горе Оход. Кто-то закричал, что убит Мухаммед, после чего отступление сменилось паническим бегством.

Мухаммед не был убит - пал знаменосец Мусаб, похожий на пророка, что и послужило поводом к панике. Знамя подхватил Али. Пророк сразил одного из нападавших курайшитов копьем, после чего был сбит с ног камнем, пущенным из пращи. У него было разбито лицо, выбит передний зуб, ушиблена нога, в щеку вонзился железный наконечник стрелы, но серьезных ранений он не получил. Ансары, защищавшие пророка, почти все пали, и, если бы опомнившиеся мусульмане не вернулись за ним, он попал бы в руки курайшитов. Говорят, что мусульмане не сразу нашли поверженного пророка - надвинутый на глаза шлем, залитое кровью лицо делали его неузнаваемым. Преклонный возраст, тяжесть двойных доспехов и полученные раны не позволяли Мухаммеду карабкаться на гору, куда в поисках спасения устремились разгромленные мусульмане. По узкому ущелью его на руках перенесли на вершину горы Оход.

Покинув поле боя и отступив на крутые каменистые склоны горы Оход, мусульмане очутились в безопасности - курайшиты не могли их преследовать.

Мусульмане потеряли в битве почти семьдесят человек убитыми, около двухсот человек было ранено. Курайшиты потеряли всего двадцать четыре человека - десятерых поразил богатырь Кузман, смертельно раненного, его унесли с поля боя. Не желая терпеть ненужные страдания, Кузман вскрыл себе вены и тем ускорил смерть. Мухаммед, отдавая должное храбрости Кузмана, категорически заявил, однако, что тому уготован ад - грех язычества не может быть искуплен никакими подвигами.

Богатырь Хамза сразил трех курайшитов, столько же пало от руки Али. Омар, Абу Бакр и Осман получили ранения - наглядные свидетельства их мужественного поведения в бою.

Мухаджиры, потеряв четырех убитыми, уничтожили почти двадцать курайшитов. Ансары,

потерявшие шестьдесят человек, могли похвастаться уничтожением лишь нескольких врагов. По-видимому, избиение мусульман началось вслед за их паническим бегством; более дисциплинированные мухаджиры вышли из битвы организованно и почти не понесли потерь.

В битве при Оходе пал богатырь Хамза, прозванный Львом Ислама. Его сразил раб-абиссинец Вахши - за голову Хамзы хозяин обещал ему свободу. Вахши пробился к Хамзе и в честном единоборстве победил его.

На поле битвы, усеянном трупами мусульман, курайшиты торжествовали победу - позор поражения при Бадре был смыт наконец кровью, долг мести мог считаться оплаченным сполна - в обеих битвах мусульман пало значительно больше, чем курайшитов. С убитых мусульман не только сдирали доспехи, дорогую одежду и обувь, что считалось законными трофеями победителей. Курайшиты, дав выход ненависти, уродовали трупы поверженных врагов, отрезали им носы и уши, вспарывали животы. Особенно неистовствовали женщины - как фурии, они набрасывались на тела своих личных врагов, тех, кто был причиной смерти их мужей, сыновей и отцов в долине Бадр.

Хинда, жена Абу Суфиана, мстя за смерть сына и отца, с торжествующими воплями уродовала тело Хамзы - отрезанные уши его и других мусульман она повесила себе на грудь в виде ожерелья; сердце Хамзы, услужливо вырезанное для нее Вахши, Хинда попыталась съесть, но не смогла побороть отвращения.

Все это происходило на глазах у мусульман, столпившихся на склонах горы Оход, для вящего их позора. Может быть курайшиты надеялись, что надругательства над павшими, среди которых был и дядя самого пророка, заставят мусульман спуститься на равнину из своего безопасного убежища и продолжить бой. Мусульмане, однако, не собирались продолжать безнадежно проигранное сражение.

- Счастье войны переменчиво, - говорил довольный Абу Суфиан, - за Бадром следует Оход.

Радость его была, однако, в значительной степени показной. Мусульмане проиграли сражение, но не ради этого снарядили курайшиты огромное войско. Мусульмане не проиграли войну.

Мусульмане, отступившие на безводные склоны горы Оход, не смогли бы выдержать даже непродолжительной осады. Курайшиты, однако, не решились их осаждать - с тыла им угрожал Ибн Убайя с верными ему "лицемерами" и язычниками. По той же причине не осмелились курайшиты напасть на Медину, оставив в тылу шесть сотен мусульман, проигравших сражение, но не утративших боевого духа.

Расчет курайшитов строился, очевидно, на том, что появление огромного войска на окраинах Медины вызовет открытое выступление всех недовольных политикой Мухаммеда. Этого, однако, не случилось, - тыл мусульман оказался достаточно прочным, "оппозиция", славшая к курайшителям гонцов с уверениями в дружбе и готовности к совместной борьбе, на деле не обладала достаточным влиянием в оазисе.

Убедившись, что надежды на поддержку враждебных Мухаммеду мединцев не оправдались, курайшиты сразу же после битвы покинули свой лагерь и в тот же день поспешно двинулись в Мекку, опустошая по дороге поля и сады в окрестностях Медины.

Официально было объявлено, что цель похода достигнута, мусульмане наказаны, с Мединой же, как таковой, курайшиты вообще не находятся в состоянии войны.

Немедленно по уходе курайшитов мусульмане спустились с горы Оход и предали земле изуродованные тела своих павших товарищей. Их хоронили по двое-трое, не обмывая тел - все погибшие в битве мусульмане считались мучениками веры, заслужившими райскую

обитель. Врата рая - под сенью мечей.

Мухаммед рыдал над телом своего верного дяди, бесстрашного богатыря Хамзы. Говорят, что пророк несколько утешился лишь после того, как ангел Джibrил заверил его, что Хамзе уготовано место на седьмом небе, где за ним на веки веков сохранится славное имя Лев Ислама. Эта радостная новость была немедленно сообщена всем мусульманам.

Могилы мучеников украсили кусками гранита и разноцветного порфира - их по сей день показывают паломникам; имена мучеников веры не забыты, набожные экскурсоводы точно знают, где покоятся бесстрашные ансары и мухаджиры в ожидании воскресения, страшного суда и вечного блаженства в раю...

Лишь поздно вечером, удостоверившись, что курайшиты действительно покинули окрестности Медины, вернулся Мухаммед со своим отрядом в город. Вернулся, проиграв сражение, потеряв семьдесят мусульман убитыми.

На этот раз Аллах не пришел на помощь мусульманам, не послал Джibrила с сонмом ангелов сражаться на их стороне. Обещанная совсем недавно в Коране победа над многократно превосходящими силами язычников в войне за веру не состоялась. Тем самым священный характер войны становился сомнительным, поражение можно было истолковать и как прямой результат отступничества Мухаммеда и его сторонников от пути, указанного Аллахом.

Престиж пророка был поколеблен.

Ибн Убайя и другие мусульмане-лицемеры", оставшиеся в Медине, не скрывали своей радости, они открыто осуждали Мухаммеда и высмеивали его хвастливые обещания побед.

Но уже на следующее утро, в воскресенье 24 марта, глашатаи пророка разнесли по городу его приказ - всем участникам битвы при Оходе немедленно подниматься в поход против курайшитов. Это была демонстрация силы и непобедимости мусульман, их несгибаемой воли продолжать борьбу. Пешие мусульмане не могли догнать курайшитов, двигавшихся верхом на верблюдах и лошадях. Всем тем, кто во время битвы оставался в Медине с Ибн Убайей, пророк запретил участвовать в символическом преследовании курайшитов. Девятьсот человек (по другим сведениям - двести пятьдесят) двинулись вместе с Мухаммедом на юг, в сторону Мекки, вслед за отступившими курайшитами. Отошли они, однако, всего километров на двадцать и разбили лагерь у колодца Хамра аль-Ас,ад.

Курайшиты к этому времени были уже далеко, о чем Мухаммед прекрасно знал - кочевники регулярно оповещали его обо всех передвижениях Абу Суфиана. Если бы курайшиты повернули обратно, мусульмане легко могли укрыться под защитой Медины. Абу Суфиан не принял вызова, брошенного Мухаммедом, трехтысячное ополчение курайшитов спокойно возвратилось в Мекку.

У колодца Хамра аль-Асад Мухаммед простоял три дня, а затем вернулся в Медину. "Погоня" за курайшитами была официально провозглашена походом, и, стало быть, ее участники приобрели религиозную заслугу, совершили подвиг во имя веры. Устраненные от участия в этой безопасной и неутомительной экспедиции "лицемеры" были тем самым наказаны, им не позволили приобрести почет и славу. Абу Суфиан "бежал" от Мухаммеда, пророк и его соратники возвратились победителями, не так, как после сражения при Оходе.

Таким образом, за четыре дня после неудачного сражения с курайшитами Мухаммед в какой-то мере восстановил пошатнувшийся боевой дух мусульман, изолированных от пагубного воздействия враждебной пророку пропаганды "лицемеров". За это время печальные события у подножия горы Оход были Мухаммедом переосмыслены, а более шестидесяти коранических стихов, ниспосланных пророку в откровениях, сняли с него

ответственность за проигранную битву.

Поражение, правильно понятое, не опровергало тезиса о непобедимости мусульман, но подтверждало все сказанное ранее Аллахом.

Решение Мухаммеда выйти сражаться с курайшитами на склонах горы Оход было продиктовано самим Богом;

те, кто последовал за пророком, поступили правильно, те, кто остался в самом городе, - лицемеры и вероотступники, геенна огненная не минует их, господь накажет их со всей строгостью, кроме тех из них, которые раскаются, таких Аллах, может быть, простит.

Бог и на этот раз даровал бы победу мусульманам, как он сделал это при Бадре, если бы все из них сражались за веру, из любви к жизни грядущей, если бы они боялись Бога и слушались Мухаммеда. Но когда победа уже клонилась на сторону мусульман, в душах их пробудилась любовь к "ближней жизни", они устремились за добычей, лучники нарушили приказ Мухаммеда не покидать своих позиций, и Аллах наказал мусульман, дав перевес курайшитам. Но милостивый Аллах не допустил полного разгрома мусульман, он простил им их прегрешения. Многих они потеряли, немало получили ран, но ведь и курайшиты пострадали в битве, и их кровь обагрила поле боя.

Поражение при Оходе - испытание, которое послал мусульманам Аллах; он хотел удостовериться в прочности их веры: те, чья вера не пошатнулась, истинно верующие, награда Бога не минет их. Те, чья вера в Мухаммеда пошатнулась, кто поддался сомнению, прислушивается к словам "лицемеров", воочию обнаружили свое неверие, измену делу ислама. Много еще испытаний пошлет Аллах мусульманам, но праведные выдержат их и победят.

Резко осудил Аллах поведение тех, кто бросил раненого пророка на произвол судьбы, и тех, кто в смятении побежал, когда Иблис побудил кого-то крикнуть, что Мухаммед убит.

- Мухаммед - только посланник, до которого были посланники, - разъяснил Аллах. - Разве ж, если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять?

Впервые после Охода, когда Мухаммед увидел, какая паника охватила мусульман при ложном известии о его гибели, счел он нужным в Коране подчеркнуть, что он такой же человек, как и все, что он смертей, что в небесных книгах записан срок и его жизни. Война идет за веру, а не за пророка! По смерти пророка верующие должны продолжать дело ислама - до полного торжества истинной веры на земле. Что бы ни случилось.

Срок жизни Мухаммеда отмерен, как отмерен срок жизни каждого. "Останься мы в Медине, - говорили "лицемеры", - и сохранили бы свои жизни". - "Нет! возражал Мухаммед. - Не сохранили бы, смерть нашла бы вас везде, она бы нашла вас и за стенами домов, трусость никого не спасет. Вы умерли бы как трусы и вероотступники, срок земной жизни не удлинился бы, и в награду бы вы получили адские мучения".

А те, кто вышел на поле боя и пал смертью героев, - разве они убиты? Нет, нельзя считать тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми.

- Нет, живые! - провозгласил Мухаммед. - Они у Господа своего получают удел, радуясь тому, что даровал им Аллах из своей милости, и ликуют они о тех, которые еще не присоединились к ним, следуя за ними, что нет над ними страха и не будут они опечалены!

Говорят, что Мухаммед объяснял, что души умерших за веру немедленно отлетели в райские сады, испытывают полное блаженство. "Чего бы вы еще хотели, слуги мои верные?" - спрашивает их Аллах. Единственное желание блаженных мучеников - вновь возродиться в

земной жизни, чтобы еще раз пасть, сражаясь за дело веры... Других желаний у них нет.

В заключение этой серии откровений, последовавших после поражения при Оходе, Аллах заверил мусульман, что победа над язычниками обеспечена, если они не изменят истинной вере и будут повиноваться пророку и посланнику Бога - Мухаммеду.

По-своему Мухаммед был прав - мусульмане могли победить курайшитов в битве при Оходе, если бы все сражались так, как Хамза, Кузман, Али и другие герои, если бы каждый готов был скорее умереть, чем отступить. Даже кавалерия Халида ибн Валида, единственное реальное преимущество курайшитов, в пешем строю сражавшаяся хуже мусульман, была бы в этом случае не столь уж опасной. Отсутствие готовности принести себя в жертву ради общего дела, ради победы ислама, Мухаммед называл недостатком веры. С горечью должен был убедиться пророк, что большинство мусульман сражается не столько за веру, сколько ради добычи, ради прелестей земной жизни.

В битве при Оходе, как и в битве при Бадре, сражались добровольцы, с трудом подчиняющиеся приказаниям пророка, и то самым общим. Дисциплина в бою зависела только от готовности каждого упорно биться с врагом, командиры могли советовать, но не приказывать. Каждый мог бросить битву и убежать ему не угрожала за это смертная казнь, только порицание. В римских легионах, как и в других кадровых армиях, за трусость в бою, за неподчинение приказам командиров безжалостно казнили, дисциплина поддерживалась в значительной степени за счет того, что солдаты боялись своих начальников больше, чем неприятеля. О том, чтобы подобными методами насаждать дисциплину в армии мусульман, не могло быть и речи, арабы были свободными людьми. Только личная заинтересованность в исходе сражения и войны в целом плюс глубокая вера могли сделать мусульман непобедимыми.

Мухаммед требовал от своих последователей веры, граничащей с фанатизмом, и образцы такой веры, малопонятной нам и пугающей нас, не раз были продемонстрированы в истории ислама. События глубокой древности, которые так легко исказить и фальсифицировать, что они редко внушают нам доверие, не всегда являются убедительным примером той бесстрашной веры и готовности к самопожертвованию, которые породил ислам в сердцах многих. Но еще в XIX веке повстанцы в Египте, вдохновленные религиозными вождями, шли в атаки под убийственным огнем англичан в полной уверенности, что пули не страшны тем, кто сражается на пути Аллаха. И всемогущество Бога, и бессмертие в раю были для них реальностью.

Вера была главным преимуществом мусульман в борьбе с язычниками-курайшитами и их союзниками, и Мухаммед делал все для того, чтобы эта вера все время углублялась, становилась полнее.

Когда Мухаммед возвестил, что Аллах, подвергнувший мусульман суровому испытанию, смилостивился и непременно дарует им победу над язычниками, это было не только ловким политическим ходом, средством воодушевить мусульман на продолжение войны, укрепить свой пошатнувшийся авторитет пророка. Мухаммед видел слабость курайшитов и более, чем когда-либо, не сомневался в победе над ними. Поражение в битве при Оходе заставило его трезво оценить свои силы, но нисколько не обескуражило. Раны, полученные в сражении, были легкими, никакие сомнения не смущали его душу.

Вскоре после проигранной битвы сподвижники Мухаммеда вновь пировали на его свадьбе - пророк женился на вдове-мусульманке Хинде, курайшитке из славного и благородного клана Махзум, дальней родственнице Абу Суфиана. Ей было двадцать пять лет, ее муж погиб в Эфиопии, и она отличалась редкой красотой. Впрочем, почти все жены пророка, если верить преданиям, были красавицами - по-видимому, привлекательность такое же неотъемлемое их свойство, как и глубокая преданность исламу. Говорят, что Хинда, известная больше под

именем Умм Салама, так как ее старшего сына звали Салама, отвергла до этого сватовство Абу Бакра и Омара, и даже предложение Мухаммеда приняла не сразу. "Я уже немолода, - говорила она Мухаммеду, - и у меня дети". Но пророка это не смущало. "У меня очень завистливый характер", предупреждала его Хинда, пророк пообещал молиться, чтобы ее не мучила ревность.

Судьбой женщины распоряжались ее ближайшие родственники-мужчины, а так как у Хинды таковых не было, ее выдал за Мухаммеда собственный сын. Она поселилась рядом с остальными тремя женами пророка, в точно такой же, как у них, отдельной глинобитной хижине. От Мухаммеда она получила кровать с матрацем, набитым пальмовыми листьями, котелок, чашку и ручную мельницу.

Глава 20

Реформы

Образ жизни пророка

"Люди, сидящие под навесом"

Семейная жизнь

Новые откровения

Вдовы и сироты

Мухаммед в мечети

Откровение о наследовании имущества

Сколько жен разрешено иметь верующему

Осуждение кровосмесительных браков

Усложнение развода

Облегчение милостыни

Польза новых реформ для дела ислама

Предательское нападение на посланцев пророка у колодца ар-Раджи

Кровавая жертва близ Каабы

Новое нападение на проповедников у колодца Бир-Мауна

Коварный замысел надиритов

Племя ан-Надир покидает Медину

Встреча в долине Кадра

Когда солнце выкатывалось из-за гряды холмов правее фиолетово-серой горы Оход и его лучи, раздробившись о перистые кроны финиковых пальм, освещали дома Мухаммеда, пророк и посланник Бога уже бодрствовал. По давней привычке он просыпался перед рассветом, чтобы, совершив омовение, помолиться до восхода солнца. Раннее пробуждение и длительная молитва в первую треть ночи сокращали продолжительность его сна до четырех часов, но этого Мухаммеду, отдохавшему после полудня, было вполне достаточно.

Только ранним утром Мухаммед мог побыть немного в одиночестве.

Вскоре появлялись ахл ас-суффа - "люди, сидящие под навесом" неимущие, пожилые, одинокие мусульмане, проводившие все свободное время во дворе пророка.

Свободного времени у них было предостаточно, ибо они ничем не занимались; находиться рядом с пророком, видеть, слышать и размышлять - к большему они не стремились.

"Ансары отправлялись с утра в свои сады и поля, мухаджиры спешили на рынки, чтобы заниматься торговлей, мы же довольствовались той пищей, которой угощал нас пророк, и весь день проводили рядом с ним", - не без гордости вспоминали много лет спустя "люди, сидящие под навесом".

Эти мудрые философы, осознавшие брэнность труда и войны, часто являлись свидетелями тех странных состояний пророка, после которых в его сердце запечатлевались послания всемогущего Бога - бессмертные стихи Корана.

Но и вне этих коротких периодов прямого общения с Богом пророка Мухаммеда не всегда позволительно было рассматривать как обыкновенного человека, так как, по все больше и больше распространявшемуся мнению, многими его словами и поступками и в обыденной жизни исподволь и незаметно для окружающих руководил Аллах. Такие слова и поступки, вдохновленные свыше, могли и должны были стать со временем примером для подражания, основой для различения добра и зла, дозволенного и запрещенного, благочестивого и греховного.

Какими словами и поступками пророка незримо руководил Аллах, а какими не руководил, предстояло решить в будущем, и не "людям, сидящим под навесом" стоило ломать над этим голову. Им надлежало платить Мухаммеду добром за добро и мудро закрывать глаза на все случайное, ненужное, так сказать нетипичное и нехарактерное для пророка, не могущее послужить его славе и славе ислама. Так они и поступали, эти слишком близкие свидетели жизни Мухаммеда, с ее досадными промахами, опрометчивыми высказываниями и непоследовательностью. "Я рассказываю не обо всем, чему я был свидетелем, говорил один из "людей, сидящих под навесом", переживший Мухаммеда. - Если бы я рассказывал о пророке и посланнике божьем все, верующие перерезали бы мне горло..."

Постоянное присутствие "людей, сидящих под навесом", обращавшихся с пророком с привычной бесцеремонностью "братьев", с годами все больше тяготило его.

Верующие приходили к Мухаммеду посоветоваться, поделиться новостями или просто поболтать, когда им заблагорассудится, не дожидаясь приглашения и не заботясь о том, занят ли он или свободен.

- Мухаммед! - громко кричали они у дверей его дома, и кричали до тех пор, пока он не выходил к ним.

Жены Мухаммеда не вели жизнь затворниц - родственники и знакомые, по словам современников, толпились в их небольших домиках с утра до вечера. В том числе и мужчины, что не доставляло Мухаммеду особого удовольствия - жены его были молоды и привлекательны, ему же шел шестой десяток.

Мухаммед нуждался в уединении. В Мекке он периодически уходил на гору Хира, чтобы молиться, размышлять и предаваться созерцанию. И в доме его доме Хадиджи - господствовали порядок и тишина. Он не был в те годы ни главой огромного оазиса, ни судьей, ни военачальником.

В Медине Мухаммед не мог уединяться в своем доме, а о том, чтобы удалиться в пустынные

окрестности, нельзя было и помышлять - слишком много забот тяготело над ним, слишком много врагов поклялось убить его.

В Медине для религиозного уединения Мухаммед стал удаляться в мечеть там для него ставили палатку, в которой он и укрывался на два-три дня для молитвы, поста и созерцания. Во время такого уединения его не тревожили по пустякам.

Ко времени битвы при Оходе семья Мухаммеда уже не испытывала материальных трудностей - военная добыча и добровольные пожертвования новообращенных с избытком покрывали скромные потребности пророка. На пастбищах в окрестностях Медины паслось принадлежащее лично Мухаммеду стадо верблюдиц, у него было дорогое оружие, любимице Айше он подарил жемчужное ожерелье - надо думать, что и другие жены получали дорогие подарки, ибо пророк был справедлив и очень ценил покой в семье. И все же Мухаммед сохранил прежний образ жизни, отличавшийся умеренностью, едва не переходившей в аскетизм. Одежда его была столь же бедна, еда - столь же неприхотлива, как и в первые годы пророчества. Скромные глинобитные хижины, в которых разместились его семья после переселения из Мекки, не перестраивались и не расширялись, для новых жен их строили точно такими же с небольшой "гостиной" и крошечной спальней, такой крошечной, что, по словам Айши, ей приходилось подгибать ноги, когда во время ночных молитв Мухаммед должен был класть земные поклоны. "Удобств" не было ни в хижинах, ни во дворе; случилось, что во время ночных прогулок в расположенную поблизости рощу финиковых пальм с женами пророка, которых принимали за легкомысленных рабынь, пытались заигрывать молодые повесы, что было жестоким оскорблением и чести жен, и чести Мухаммеда. Возможность ошибиться не очень, однако, пугала повес - пророк не был окружен ореолом безусловной святости, а Мухаммед "правитель Медины" не обладал столь уж существенной властью.

Семейная жизнь Мухаммеда, осложненная наличием четырех жен, была строго регламентирована, подчинена раз навсегда установленному порядку, почитавшемуся как закон и женами, и Мухаммедом. Внимание его было поровну поделено между всеми, каждая жена имела свой день, в течение которого Мухаммед находился на ее полном попечении, и чередование этих дней не могло быть нарушено по желанию Мухаммеда. Когда Мухаммед надолго отправлялся в поход, его сопровождала одна из жен - ее везли в крытом паланкине, укрепленном на спине верблюда. Кому сопровождать Мухаммеда, жены определяли жребием - мнение самого пророка по этому поводу в расчет не принималось.

Такой строгий порядок, не оставляющий места произволу и капризу, чреватый неизменными ссорами и неудовольствиями, был основан на многовековом опыте взаимоотношений в полигамной семье. Вместе с тем достигалось требуемое Аллахом справедливое отношение к женам, одинаковая забота об их материальном и духовном благополучии, и в этом смысле домашняя жизнь Мухаммеда могла служить для верующих примером религиозного поведения в быту.

Но даже пророк, обогащенный многолетним нравственным совершенствованием, обладавший могучей способностью к самовнушению, не смог выработать в себе одинакового внутреннего отношения к женам. С годами он пришел к выводу, что мужчина не может заставить себя в равной мере любить своих жен, как то повелевает ему супружеский долг. Более того, неодинаковая привязанность к женам, уже сама по себе являющаяся отступлением от принципа справедливости, рано или поздно, в большом или малом неизбежно проявляется, что тотчас же нарушает мирное течение семейной жизни. О жемчужном ожерелье, которое Мухаммед подарил Айше, мы потому и знаем, что остальные жены расценили этот поступок пророка как явное свидетельство его душевной слабости и непростительное нарушение справедливости, в результате чего разразилась крупная ссора в семье пророка. В ссору были втянуты и влиятельные родственники обиженных жен. Эти родственники, кстати, не раз приходили Мухаммеду на помощь и всячески старались, чтобы ссоры, порожденные ревностью и соперничеством, не приводили к разрыву между пророком

и их "представительницей" в его доме.

Как итог личного горького опыта прозвучали в сердце Мухаммеда во время одного из откровений слова всеведущего Аллаха:

- И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого.

Увы! Полная гармония отношений недостижима в земной жизни, и Мухаммед понимал это. По его словам, даже самые праведные войдут в рай лишь после того, как Аллах очистит их души от всякой скверны, иначе, надо полагать, вечное блаженство в раю с его гуриями, подобными жемчугу хранимому, было бы невозможно.

...Когда в странах ислама начала развиваться современная промышленность и передовые слои общества осознали необходимость раскрепостить женщину, многие богословы, опираясь на приведенный выше отрывок из Корана, стали доказывать, что именно моногамия, а не многоженство провозглашена Аллахом как лучшая, а потому и наиболее добродетельная форма брака. Многоженство же лишь дозволено, а вовсе не рекомендовано Аллахом. Дозволено по многим причинам, в том числе и потому, что создан человек, как сказано в Коране, слабым.

Поражение при Оходе поставило перед Мухаммедом и его единомышленниками много проблем, требующих неотложного решения.

Более шестидесяти мусульман, павших у подножия горы Оход, оставили после себя чуть ли не двести сирот и вдов, сотни других родственников, претендующих на наследство.

Для Медины, все население которой вряд ли превышало десять тысяч, это было крупное потрясение, чреватое серьезным расстройством социальной жизни, упадком нравов, нескончаемыми распрями при дележе имущества.

Вдов нужно было пристроить, интересы сирот защитить, имущество поделить по справедливости.

Нет ничего удивительного, что примерно через месяц после битвы при Оходе в озабоченной душе Мухаммеда прозвучали слова божественного откровения, дававшего ясный ответ на поставленные жизнью вопросы. Шестнадцать стихов Корана получил Мухаммед в апреле 625 года, и он тотчас же, во время очередного пятничного богослужения в мечети, оповестил о новом послании Аллаха всех верующих.

Мухаммед входил в мечеть прямо со своего двора, через специальные ворота, примерно через полчаса после того, как Биляль с плоской кровли своего дома заканчивал призывать верующих к богослужению. В первые годы после переселения в Медину при входе пророка в мечеть навстречу ему поднимался величественный Абдаллах ибн Убайя, упорно продолжавший считать себя самой влиятельной персоной в оазисе. С вежливостью радушного хозяина он приветствовал Мухаммеда, а затем приглашал собравшихся внимательно выслушать пророка... После победоносной битвы при Бадре и изгнании из Медины племени Кайнука властолюбивый шейх хазраджитов стал вести себя скромнее и уже не разыгрывал роль хозяина в мечети Мухаммеда - хозяйничать он продолжал только в "нечестивой" мечети ат-Дирар, которую ни пророк, ни преданные ему мусульмане не посещали - там происходили сборища "лицемеров", которых Мухаммед неустанно проклинал.

В мечети, с небольшого деревянного возвышения, на котором он был хорошо виден всем, Мухаммед произнес проповедь, в которой довел до сведения и разъяснил новое откровение, ниспосланное Аллахом, касающееся сирот, брака и наследования имущества.

Главное внимание от уделял сиротам - тем, отцы которых погибли и власть над которыми переходила, по обычаю, к главам семей и кланов.

- Давайте сиротам имущество их, - сообщал Мухаммед повеление Аллаха, и не заменяйте дурным хорошего. И не ешьте их имущества в дополнение к вашему, - ведь это - великий грех!

Имущество следовало передавать сиротам, достигшим брачного возраста, и передавать при свидетелях, чтобы не было никакого обмана. И помнить, предостерегал Мухаммед, что нечестность не укроется от глаз Бога, ибо "Бог есть самый верный наблюдатель расчетов". О слабоумных же сиротах, неспособных к браку, надлежало опекунам заботиться пожизненно - питать их, одевать и обращаться с ними "благоприятливо".

Сироты могли стать обладателями имущества, только унаследовав его от родителей или близких родственников, и порядок наследования был изложен в ниспосланном Мухаммеду откровении особенно подробно.

- Мужчинам, - провозгласил Мухаммед, - удел из того, что оставили родители и близкие, и женщинам - удел из того, что оставили родители и близкие, - из того, что мало или много, удел определенный.

И вслед за этим точно указал, какой "удел" приходится на долю всякого, будь то мужчина или женщина, по смерти таких-то и таких-то родственников.

- ...Сыну - долю, подобную доле двух дочерей. А если они (дети) женщины, числом больше двух, то им - две трети того, что он оставил, а если одна, то ей - половина. А родителям его - каждому из двух - одна шестая того, что он оставил, если у него есть ребенок. А если у него нет ребенка и ему наследуют его родители, то матери - одна треть. А если есть у него братья, то матери - одна шестая... Родители ваши или ваши сыновья - вы не знаете, кто из них ближе вам по пользе, как установлено Аллахом. Поистине Аллах знающ, мудр!

В таком же духе определил Мухаммед "удел" многих других родственников, придерживаясь принципа, согласно которому близкие родственники получают больше, чем дальние, а при равной степени родства мужчина получает, как правило, в два раза больше, чем женщина.

Жадные опекуны, не желавшие выпускать из рук имущества сирот, часто препятствовали замужеству находящихся на их попечении девушек или выдавали их замуж по древним обычаям материнского рода - после замужества сирота не покидала родной семьи, муж либо поселялся в доме жены, либо лишь периодически навещал ее. И в том и другом случае имуществом женщины не распоряжались ни ее муж, ни его родственники - оно оставалось в руках опекуна. В Медине были распространены и временные браки - брак заключали на год или два, и по истечении этого срока он считался автоматически расторгнутым. Временный брак можно заключить на месяц, на неделю или всего на один день, одна женщина могла находиться в браке с несколькими мужчинами, а один мужчина - с несколькими женщинами.

Все подобные формы брака во времена Мухаммеда являлись уже явным анахронизмом. Они поддерживались все той же алчностью опекунов, не признававших за женщинами права уносить часть имущества из семьи, и нередко служили формой узаконенной проституции.

Мухаммед, выросший в торговой Мекке, все пережитки матриархата воспринимал как безнравственность, незаконие, разврат. Добродетельным, угодным Богу, нравственным супружеством было для него только такое, при котором жена поселяется в доме мужа и муж является главой семьи.

- Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества, - утверждал Мухаммед в Коране. - И порядочные

женщины благочестивы... А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте, и покидайте их на ложах, и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите против них, - поистине, Аллах возвышен, велик!

Чтобы покончить с безнравственными обычаями старины, Мухаммед предложил опекунам либо выдавать сирот замуж на сторону, выделив им законную долю имущества, либо... самим жениться на них:

- А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах - и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то - на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы... И давайте женам их вено в дар.

В приведенном отрывке из ниспосланного Мухаммеду откровения речь идет не только о сиротах - в нем впервые затронут вопрос о числе жен, разрешенных верующему, и дается на него точный ответ: четыре жены. Не больше. Ровно столько, заметим, сколько было в описываемое время у самого пророка.

Мухаммед не вводил многоженства, но он счел нужным узаконить его, освятить авторитетом новой веры. И сделал он это через месяц после битвы при Оходе, чтобы раз и навсегда решить проблему вдов и сирот, проблему для воинственной мусульманской общины немаловажную. Патриархальная семья с числом жен от одной до четырех признавалась отныне единственно законной; все прочие существовавшие формы брака объявлялись противоречащими исламу, греховным и безнравственным сожителем.

В апреле 625 года Мухаммед сообщил верующим шестнадцать ниспосланных Аллахом стихов Корана, в которых затрагивались вопросы брака, семьи и наследования. В последовавших затем откровениях все эти вопросы были уточнены и дополнены.

В них было точно определено, при каких степенях родства разрешено верующим вступать в брак. Все формы кровосмесительных браков Мухаммед решительно осудил - запрещено было жениться на матерях, сестрах, дочерях и племянницах. Такое запрещение носило явно рациональный смысл: очевидно, Мухаммед хорошо сознавал вред близкородственных браков. Но запрет основывался не только на рациональных соображениях. Для Мухаммеда понятия биологического родства и юридического родства почти совпадали. Поэтому он запретил жениться не только на матерях, но и на кормилицах, и на женах отца; не только на дочерях, но и на падчерицах, и на женах сына.

Запрещение жениться на овдовевшей снохе распространялось и на жен приемного сына. Таким образом, по точному смыслу провозглашенного от имени Аллаха закона Мухаммед не имел права, например, вступать в брак с женщинами, бывшими ранее замужем за его приемным сыном Зайдом.

Развод разрешался как по желанию мужа, так и по желанию жены, но был усложнен введением "испытательного срока" - в течение трех месяцев супруги, публично провозгласившие о разрыве, должны были оставаться вместе, и если за это время между ними возобновится близость, вопрос о разводе сам собой отпадал. При разводе муж обязан был возратить жене все ее приданое, разведенная жена уносила с собой часть имущества, которую семья мужа уже привыкла считать своей. В частности, поэтому право женщин на развод Мухаммед ограничил - они могли добиваться развода только по уважительным причинам таковыми признавались дурное обращение со стороны мужа, его слабоумие, отвращение к мужу и др.

Провозглашенные Мухаммедом от имени Аллаха законы были встречены большинством жителей Медины с удовлетворением.

Мухаммед не выдумывал их - задолго до его рождения эти законы были проверены жизнью и

многими признаны наилучшими. Но наряду с ними существовали и иные обычаи, иные неписанные законы. Новаторство Мухаммеда состояло в том, что он освятил авторитетом веры одни обычаи и решительно отверг множество других. Разнообразие законов и обычаев приходил конец. Жизнь должна была подчиняться отныне одному, равно обязательному для всех закону. Тем самым по племенной организации наносился еще один чувствительный удар - племена и кланы лишались права выступать творцами законов.

Права и обязанности каждого человека должны были определяться не его принадлежностью к тому или иному клану, племени, а его принадлежностью к умме Мухаммеда - единому народу верующих.

Для Мухаммеда закон являлся прямым приказанием всемогущего Бога, а потому нарушение закона он рассматривал прежде всего как грех ослушания и неповиновения - тяжкий грех. Он понимал, что законы не должны умножать грехи, что узаконить стоит только такие требования, которые не противоречат жизни и природе людей.

Никакой закон не мог, например, оградить рабыню от посягательств хозяина - и Мухаммед разрешил правоверным иметь наложниц из числа рабынь - и купленных и тех, которыми завладели их десницы, потребовав только, чтобы рабынь не принуждали к сожительству. Дети рабыни от ее господина считались свободнорожденными и наследовали имущество отца, а их мать становилась свободной по его смерти.

Права наложниц были невелики, но и наказания для них установил Мухаммед наполовину меньшие, чем для жен.

Запрещение временных браков встревожило купцов, которые убедительно доказывали пророку, что при многомесячных торговых поездках без временных браков им никак не обойтись, что это требование Аллаха невыполнимо. Многие верующие по сей день считают, что пророк в конце концов разрешил временные браки, другие же отрицают это.

Новые законы не разрушали уже сложившихся семей - если кто женится на своей мачехе до того, как Аллах ниспослал свои повеления, разъяснял пророк, то в этом греха нет, можете оставаться мужем и женой, разводиться не обязательно. Впредь же такие браки воспрещены.

Многомужество же и групповые браки с верой несовместимы, как бы давно они ни были заключены, все равно это мерзость в глазах Бога и непростительный грех, такие браки должны быть расторгнуты.

Власти расторгнуть подобные браки у Мухаммеда не было, но он запретил верующим жениться на "развратницах" и выдавать своих дочерей за "развратников", и этого оказалось достаточным.

Поражение в битве при горе Оход ухудшило положение Мухаммеда. И все-таки не проигранная битва тревожила его больше всего, а причины поражения. Только семьсот человек в тот роковой день последовало за пророком сражаться с курайшитами, всего семьсот человек... А три тысячи мужчин Медины, три тысячи воинов не пожелали рисковать жизнью за дело ислама. И это было самое страшное - ведь будущее сулило не мир, а решительную войну с язычниками.

Проигранная битва открыла Мухаммеду глаза на истинное положение дел несмотря на успешные походы и богатую добычу, большинство мединцев его учением не удовлетворено, и если пророк не прислушается к их пожеланиям, он рискует остаться в одиночестве.

Мусульмане с радостью и облегчением встретили новые откровения не только из-за того, что они решали проблему многочисленных вдов и сирот, но и потому, что в них признавалась

незыблемость прав собственности и узаконивался институт рабства.

Отсюда подробное перечисление, какая часть имущества наследуется каждым родственником, отсюда же упоминание о тех, "кем овладела десница", - о рабах и рабынях, купленных и захваченных на войне.

Требование гуманного отношения к рабам оставалось в силе, но освобождение рабов Мухаммед стал рассматривать не просто как благочестивый поступок, угодный Богу, но скорее как искупительную жертву - для покрытия тяжких грехов, например в случае непредумышленного убийства. Благочестивый мусульманин, не совершивший тяжких прегрешений, мог владеть рабами со спокойной совестью, ибо Аллах создал людей неравными и одних поставил над другими. Кстати, и стадо дойных верблюдиц, принадлежащее самому пророку, пасли в окрестностях Медины не наемные работники, а рабы.

Эпизод с Сальманом аль-Фариси, выкупленным переселенцами из Мекки и отпущенным на свободу, так и остался эпизодом, исключительным случаем среди земледельцев Медины подобные поступки не встретили сочувствия: им рабы в хозяйстве были нужны. Нужны они стали и мухаджирам, приобретшим уже кое-какую земельную собственность и рассчитывавшим в будущем еще больше обогатиться.

Биляль, Сальман и другие бывшие рабы поддерживали политику пророка свою личную свободу они уже завоевали.

Жизнь отвергла отмену рабства, и Мухаммед узаконил его - с гуманными оговорками, но узаконил.

Оговорки эти стоили немало - благодаря им в мусульманском мире утвердилось более человеческое отношение к рабам, чем в христианском.

Каждый верующий был обязан лично творить милостыню, а также отдавать часть своего имущества Мухаммеду для распределения среди бедняков. Размер этого налога в пользу бедных не был точно установлен, и это раздражало имущих мусульман, ибо над каждым из них тяготело постоянное подозрение в недостаточном усердии в делах веры, в преступной греховности, а очередной взнос не гарантировал, что вскоре не последуют новые настойчивые напоминания, что творить милостыню есть первейшая обязанность верующего.

Мухаммед счел нужным отказаться от такой практики. Он подразделил милостыню на обязательную (закат) и добровольную (садака) и установил, что размер заката не должен превышать двух-трех процентов стоимости имущества уплатив эту сумму, каждый верующий отныне знал, что на год пророк оставит его в покое.

Конечно, бедняки, для которых предназначался закат, от налога освобождались.

Закат собирали лица, назначенные самим Мухаммедом, и пророк следил, чтобы при сборе его не было злоупотреблений.

Закат и пятая часть военной добычи составляли общественный фонд, с помощью которого Мухаммед поддерживал неимущих - больных, престарелых и тех, кто, несмотря на все старания, не мог прокормить свои семьи. Тунеядцев же, не желавших трудиться, пророк решительно осуждал, прогонял от себя и лишал всякой помощи из общественных средств, ибо Бог любит тех, кто трудится, и не любит бездельников. Тем самым помощь неимущим не наносила никакого вреда ансарам-земледельцам, нанимавшим работников для ухода за своими полями и садами.

Меры, принятые Мухаммедом почти сразу же после битвы при Оходе, устранили главные

причины, порождавшие недовольство в лагере мусульман. Главные, но не все - война требовала все больших расходов, а многие земледельцы-ансары на войну расходоваться не хотели, не видя для себя особых выгод от ее продолжения и сомневаясь в победе. Требования пророка жертвовать жизнью и имуществом ради победы встречали упорное сопротивление "лицемеров".

Столь же упорно противодействовали "лицемеры" стремлению Мухаммеда слить всех мусульман в единый народ, не знающий деления на племена и кланы, - и хазраджиты и авситы продолжали отстаивать свою автономию внутри уммы, свое право вести самостоятельную политику, дружить и враждовать, с кем им заблагорассудится.

Даже ограничения кровной мести, введенные Мухаммедом, встречали среди ансаров противодействие.

Пророк от имени Аллаха запретил кровную месть за неумышленное убийство, но когда такое убийство произошло, ему с трудом удалось заставить брата погибшего принять денежную компенсацию и дать клятву не покушаться на жизнь случайного виновника случившегося. Примирение состоялось, но "позор" оказался для брата погибшего нестерпимым, он подстерег и прикончил убийцу, после чего бежал в Мекку.

За умышленное убийство Мухаммед разрешил мстить, но мстить не клану и племени, как это практиковалось с незапамятных времен, а только самому убийце - и то с оговоркой, что и в этом случае лучше всего "простить" убийцу, удовлетвориться денежной компенсацией и примириться. Такое ограничение казалось многим ревнителям племенной морали несправедливым (так как убийца мог представлять меньшую "ценность", чем убитый) и подрывающим принцип круговой поруки, которая сплавивала кланы. К последнему Мухаммед и стремился - во что бы то ни стало покончить с зависимостью мусульман от их кланов и племен, слить их в единый народ.

Мухаммед был безупречно предан Аллаху и как нельзя лучше выполнял возложенную на него миссию. Поэтому ни пророка, ни верующих не удивило, что вслед за общими законами о семье и браке Аллах ниспослал Мухаммеду особые законы, предназначенные только для него, законы, которые принимали во внимание высокое положение пророка в общине верующих и его не укрывшуюся от глаз всевышнего любовь к женской красоте.

- О пророк! - прогремели в сердце Мухаммеда слова Аллаха. - Мы разрешили тебе твоими женами тех, которым ты дал их награду, и тех, которыми овладела твоя десница из того, что даровал Аллах тебе в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей теток со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей твоих теток со стороны матери, которые выселились вместе с тобой, и верующую женщину, если она отдала самое себя пророку, если пророк пожелает жениться на ней, - исключительно для тебя, помимо верующих.

Аллах разрешил пророку иметь неограниченное число жен, не говоря о наложницах, и, кроме того, жениться на тех, кто "сами себя отдали пророку", - "сами собой" выходили замуж женщины тех кланов и племен, которые сохранили обычаи матриархата, решительно осужденные Аллахом. Своему же любимому пророку Аллах разрешил и такие браки (при которых жена продолжала жить отдельно от мужа) - все это ради того, чтобы "не было на тебе стеснения", пояснил Аллах.

Сколько у Мухаммеда было жен, которые сами собой вышли за него замуж, мы не знаем. Подобные браки вскоре стали считаться ужасно безнравственными, а потому компрометирующими пророка. Но уже весной 626 года он взял в дом пятую жену - тридцатилетнюю вдову мусульманина - Зайнаб, дочь Кузаймы. Эта новая жена умерла через несколько месяцев после свадьбы.

Мухаммед проводил в жизнь важные реформы не только для того, чтобы укрепить свое положение в Медине, одновременно он подрывал силы язычников, их готовность сражаться против ислама насмерть. А враги пророка, ободренные победой курайшитов при Оходе, немедленно подняли голову. Кочевые племена в окрестностях Медины, согласившиеся ранее принять ислам, заколебались, усомнившись в силах Мухаммеда.

Через четыре месяца после битвы при Оходе, в июле 625 года, к Мухаммеду явились представители кочевых племен Адал и аль-Кара. Они заверили пророка, что многие адалиты и алькариты уже приняли ислам, но нуждаются в сведущих людях, которые бы растолковали им все правила новой веры, объяснили им новые законы и научили их чтению Корана. По их просьбе Мухаммед послал к племенам Адал и аль-Кара шестерых мусульман во главе с Мурхадом. Во время привала близ колодца ар-Раджи, к востоку от Мекки, "хозяева" оставили приглашенных мусульман одних, а сами дали знать об их местонахождении союзному курайшитами племени Хузайл. Хузайлиты окружили мусульман и предложили им сдаться, обещая сохранить им жизнь. Положение было безнадежным, но Мурхад призвал своих соратников не полагаться на клятвы многобожников и с честью встретить смерть с оружием в руках. Он и два последовавших его примеру мусульманина пали мученической смертью у колодца ар-Раджи. Остальных хузайлиты связали и повели в Мекку. Что ждет их в Мекке, проявившие недостаточную преданность исламу мусульмане хорошо понимали, по дороге одному из них удалось освободиться от пут и завладеть мечом - только для того, чтобы погибнуть сражаясь, как то и подобает мужчине. Двоих мусульман за большие деньги купили курайшиты, родственники которых пали при Оходе, - для погашения неоплаченного счета кровной мести. Этим мусульман, не пожелавших отречься от истинной веры, публично казнили поблизости от Каабы. Впрочем, "казнили" не совсем точное слово, ибо их зарезали кремневыми ножами, которыми язычники издавна, со времен каменного века, резали приносимых в жертву верблюдов и овец в ограде храма. Кровную месть курайшиты воспринимали, по-видимому, и как священный обряд, как человеческое жертвоприношение, угодное не только душам умерших, но и богам.

Говорят, что на Абу Суфиана и других мекканцев сильное впечатление произвело мужественное поведение мусульман во время казни, их преданность исламу и любовь к пророку.

Второе избиение мусульман произошло почти одновременно с трагедией, разыгравшейся у колодца ар-Раджи.

Один из шейхов племени Амир, кочевавшего к западу от Медины, в предгорьях Неджда, уговорил Мухаммеда послать проповедников к амиритам, обещая полную безопасность мусульманам и обращение в ислам всего своего племени. Мухаммед послал к амиритам крупный отряд "проповедников" - молодых, преданных вере мусульман в полном вооружении. На привале у колодца Бир-Мауна, расположенного у самой границы земель племени Амир, отряд мусульман был застигнут врасплох и перебит кочевниками племени Сулайм по прямому наущению самих амиритов, которые не приняли участия в резне только потому, что боялись военного столкновения с Мединой.

Из всего отряда спаслось только двое. Одного тяжелораненого мусульманина кочевники посчитали сперва мертвым, а потом, когда возбуждение схватки улеглось, не стали добивать; второй пас верблюдов, на которых передвигался отряд, вдали от колодца и не принимал участия в сражении, его кочевники взяли в плен и отпустили.

С отрезанной прядью волос - позорным знаком недавнего освобождения из рабства - отправился этот мусульманин в Медину. По дороге он встретил двух амиритов, ничего не подозревавших о недавнем столкновении, и убил их, мстя за смерть товарищей у колодца Бир-Мауна. С известием о гибели отряда и своем подвиге во имя веры он явился к пророку.

Медина находилась с племенем Амир в дружбе, убийство мусульман произошло не на территории амиритов, и амириты не принимали участия в нападении на отряд - все было сделано руками сулаймитов. По закону убийство двух амиритов было "несправедливым" - Мухаммеду предстояло либо заплатить амиритам крупный штраф за непредумышленное убийство (убийца не знал истинного положения дел), либо начать войну с племенем Амир.

Мухаммед предпочел платить штраф.

Языческое племя Амир находилось в тесном союзе с проживавшим в оазисе племенем ан-Надир. К обнесенному стеной поселку надиритов и отправился Мухаммед, сопровождаемый Абу Бакром и Али, чтобы урегулировать возникший конфликт. По-видимому, он хотел добиться от надиритов уплаты большей части штрафа, который падал на всю умму мусульман.

Шейхи надиритов согласились обсудить с Мухаммедом этот вопрос, но попросили его подождать, пока будет приготовлено подобающее угощение.

Мухаммед, Абу Бакр и Али сидели, прислонившись к стене, в ожидании начала переговоров, как вдруг пророк поднялся и, не говоря ни слова, быстрым шагом направился в Медину. Назад он не вернулся.

Уже будучи в своем доме, пророк оповестил мусульман, что надириты готовили на него злодейское покушение - они собирались сбросить на него жернов с крыши и именно для этого стали затягивать начало переговоров. Об этом Мухаммеду сообщил "голос" с неба, когда он, ничего не подозревая, сидел у стены. Этот "голос" назвал даже имя надирита, вызвавшегося добровольно осуществить убийство.

В Медине все знали, что поэт-надирит Кааб аль-Ашраф был убит по приказу Мухаммеда и за смерть Кааба надириты до сих пор не расквитались. Знали мусульмане и о том, что в каждом племени и почти каждом клане есть у пророка свои "глаза" и "уши", с помощью которых содержание даже самых тайных бесед часто становилось известным пророку. Обвинению надиритов в злодейском покушении на жизнь пророка и посланника божьего большинство мусульман поверило, и в тот же день Мухаммед послал надиритам ультимативное требование - под страхом смерти покинуть в течение десяти дней оазис; принадлежавшие надиритам финиковые пальмы пророк соглашался оставить в их руках.

Племя ан-Надир проживало в оазисе на правах клиента племени Аус, и хотя с образованием единой уммы мусульман взаимные обязательства патронов и клиентов утратили силу, многие авситы из числа "лицемеров" были недовольны покушением пророка на древние права.

Лидер "лицемеров" и непримиримый противник пророка Ибн Убайя тотчас тайно заверил надиритов, что Мухаммед не осмелится на них напасть. Если же вооруженное столкновение все-таки произойдет, то "лицемеры", обещал Ибн Убайя, будут рука об руку с надиритами сражаться против сторонников Мухаммеда и либо изгонят пророка из Медины, либо вместе с надиритами покинут оазис. Сулил Ибн Убайя надиритам и помощь дружественных кочевых племен.

Племя ан-Надир, ободренное этими обещаниями, отклонило ультиматум Мухаммеда, и мусульмане немедленно осадили защищенный стеной поселок надиритов.

Ибн Убайя не смог поднять "лицемеров" против Мухаммеда, никакой помощи от него надириты не получили, кочевые племена не поспешили к ним на выручку. На седьмой день осады мусульмане по приказу Мухаммеда приступили к уничтожению принадлежавших надиритам финиковых пальм, и осажденные поняли, что сопротивление их становится бессмысленным: даже если кто-нибудь и придет им на помощь, они все равно будут разорены и не смогут оставаться в Медине. Они уведомили Мухаммеда, что согласны

покинуть Медину на предложенных им условиях, но теперь пророк потребовал большего: все оружие, дома и посадки финиковой пальмы должны были перейти в руки мусульман.

Надириты приняли эти более тяжелые условия и, погрузив свой скарб на верблюдов, с женщинами, детьми и рабами покинули оазис. Чтобы не радовать врагов проявлениями скорби и горя, они уходили с песнями, под звуки флейт и тамбуринов, надев праздничные наряды. В сердцах своих они уносили ненависть к Мухаммеду и мусульманам. Часть их выселилась в Хайбар, остальные отправились в Сирию. Племя ан-Надир стало активным союзником курайшитов, готовившихся к новому, на этот раз решающему походу против Медины.

В руки мусульман попала большая добыча, но пророк объявил, что, в соответствии с полученным им откровением, никакого дележа этой добычи не будет - она взята без крови, ради нее верующим "не пришлось гнать ни коней, ни верблюдов", а потому вся она целиком поступает в распоряжение пророка.

- Что дал Аллах в добычу посланнику Своему от обитателей селений, сообщено было Мухаммеду свыше, - то принадлежит Аллаху, и посланнику, и близким, и сиротам, и бедным, и путнику, чтобы не оказалось это распределением между богатыми у вас. И что даровал вам посланник, то берите, а что он вам запретил, от того удержитесь. И бойтесь Аллаха, ведь Аллах силен наказанием!

Поведанное Аллахом относилось не только к имуществу, оставленному надиритами, - это был новый закон, согласно которому и впредь все, отнятое у врагов в результате переговоров, а не захваченное в бою, поступает в полное распоряжение Мухаммеда.

С этим решением мусульмане согласились почти без споров. Они знали, что пророк справедлив, и не ошиблись в нем.

В соответствии с повелением Аллаха в первую очередь наделить "бедняков, выселившихся, которые изгнаны из своих земель", Мухаммед роздал дома и земли надиритов переселенцам из Мекки - мухаджирам. Тем самым проблема прочного обоснования мухаджиров в Медине была окончательно разрешена. От этой меры с облегчением вздохнули и ансары, в домах которых мекканские переселенцы жили на протяжении трех лет, с самого начала хиджры. Напомним, что жили мухаджиры в домах ансаров на правах побратимов, и ансарам приходилось постоянно "творить милостыню" - подкармливать и поддерживать семьи мухаджиров. Теперь это бремя Мухаммед с них снял - мухаджиры получили и дома, и финиковые пальмы, отныне они могли сами содержать себя, вне зависимости от торговли и переменчивого военного счастья. И содержать себя, и жертвовать свое имущество, сражаясь на пути, который указывал Аллах;

значительную часть урожая фиников благочестивые мухаджиры немедленно пожертвовали на военные нужды, для пропитания тех, кто отправляется в дальние походы против язычников.

Захваченное оружие Мухаммед роздал и ансарам и мухаджирам - тем, в мужественной готовности сражаться которых он не сомневался.

Землю же получили от пророка только два ансара. Сохранили свое имущество и землю и те из надиритов, которые согласились принять ислам таких оказалось немного: всего две семьи приняли ислам и остались в Медине на правах полноправных членов уммы пророка.

Интриги Ибн Убайя, который сослужил неплохую службу делу ислама, обострив конфликт с надиритами, Мухаммед высмеял в Коране.

- Разве ты не видел тех, которые лицемерят, как они говорят своим братьям из обладателей

писания, которые не уверовали: "Если вы будете изгнаны, то мы выйдем вместе с вами и не подчинимся из-за вас никогда никому. Если с вами будут сражаться, мы непременно поможем вам". А Аллах свидетельствует, что они лжецы!

Если они будут изгнаны, то они не выйдут вместе с ними; если с ними будут сражаться, то они им не помогут;

а если они и помогут, то обратят тыл, и не будет им помощи....

- Они не будут сражаться с вами все, - успокаивал Аллах мусульман, встревоженных, что изгнание племени ан-Надир сплотит против них всех "людей писания" полуострова, - а только в укрепленных селениях или из-за стен. Ярость их между ними сильна: ты думаешь, что они вместе, а сердца их врозь. Это - за то, что они - народ, который не понимает.

"Ярость их между ними сильна... а сердца их врозь" - сказанное относилось и к язычникам. Мухаммед видел, как раздроблены и разобщены язычники, и это вселяло в него твердую веру в победу.

Во время осады надиритов, когда от безделья и скуки вином стали злоупотреблять даже ближайšie соратники пророка, получил Мухаммед и еще одно важное откровение - откровение, окончательно запрещающее мусульманам вино и азартные игры. И то и другое, разъяснил впоследствии Мухаммед, - "мерзость из деяния сатаны", мерзость, при помощи которой "сатана желает зародить среди вас вражду и ненависть... и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы". Сторонитесь же этого, призывал пророк, - может быть, вы будете счастливы!

Изгнанием племени ан-Надир Мухаммед закончил военную кампанию 625 года. Наделение мухаджиров землей, умеренная налоговая политика и твердые гарантии права собственности настолько упрочили его положение в Медине, что в апреле следующего года в поход в долину Бадр с ним выступил небывалый по численности отряд - около полутора тысяч человек. Двухтысячный отряд курайшитов во главе с Абу Суфианом тоже явился в Бадр, но ни мусульмане, ни язычники ни решились вступить в битву. Поторговав на ежегодной ярмарке, привлекавшей в эту обильную источниками долину многочисленные кочевые племена, курайшиты и мусульмане разошлись.

Глава 21

Осада Медины

Новые походы мусульман

История красавицы Джуварийи

Ссора ансаров и мухаджиров

Сплетни об Айше

Ревность и печаль Мухаммеда

Аллах оправдывает Айшу

Наказание клеветников

Десятитысячная армия идёт в Медину

Строительство защитного рва

Дипломатия пророка

Взаимное недоверие среди язычников

Бессилие их армии

Их отступление от Медины

Осада Бану Курайза

Свирепый суд Саада ибн Муада

Женитьба Мухаммеда на Зайнаб

Курайшиты не надеялись в одиночку победить Мухаммеда и не искали встречи с мусульманами. Они сколачивали против Медины военный союз, куда должны были, по их замыслам, войти многочисленные кочевые племена, а также земледельческие иудаистские племена, населяющие оазис Хайбар.

Кочевников-язычников, довольно равнодушных и к вопросам веры, и к торговому соперничеству Мекки и Медины, курайшиты вовлекали в союз богатыми подарками, посулами обильной и легкой добычи, прямым подкупом. Племена Хайбара уже осознали, какую угрозу несет их благополучию распространение и усиление ислама. Кайнукиты и надириты, изгнанные из Медины и осевшие в Хайбаре, убедили своих единоверцев примкнуть к союзу против Мухаммеда. Торговцы и земледельцы Хайбара были неважными воинами и не собирались идти походом на Медину. Вместо этого они снабжали курайшитов оружием и деньгами, необходимыми для подкупа кочевников. Кроме того, они поклялись передать половину урожая фиников в своем оазисе тем кочевым племенам, которые примут участие в походе на Медину и сокрушат Мухаммеда. Они обещали также в решающий момент сражения поднять против мусульман последнее оставшееся в Медине иудаистское племя - Бану Курайза.

Походом в долину Бадр во главе полуторатысячного войска Мухаммед продемонстрировал кочевникам, обитавшим вдоль побережья Красного моря, возросшее могущество и сплоченность мусульман и принудил их отказаться от военного союза с курайшитами. Примерно через месяц с отрядом в четыреста человек он совершил далекий поход на восток от Медины против кочевых племен Гатафан, примкнувших к курайшитам. Поход этот не устрасил кочевников, их многочисленный отряд выступил навстречу Мухаммеду, но сражения не произошло, так как ни та, ни другая сторона не решилась начать битву.

В августе - сентябре 626 года Мухаммед во главе тысячи мусульман отправился на север, в сторону Сирии, против кочевников, заключивших союз с курайшитами. Кочевники уклонялись от встречи, и, захватив небольшую добычу, Мухаммед вернулся в Медину.

В конце этого же года Мухаммед с крупными силами двинулся к побережью Красного моря против племен Бану Мусталик, которые, по его сведениям, решили объединиться против Медины. Кочевники, на которых мусульмане напали, по-видимому, врасплох, почти сразу же обратились в бегство, оставив в руках победителей огромную добычу - женщин, детей, скот и имущество. Среди пленниц, тут же поделенных путем жребия, находилась и Барра, дочь самого влиятельного шейха мусталиков. Она досталась двум братьям-ансарам, которые не соглашались отпустить ее под залог письменного обязательства в ближайшее же время внести выкуп. С жалобой на этих ансаров Барра явилась к пророку. Она была настолько красива, что пленяла всякого увидевшего ее мужчину, и Айша, сопровождавшая пророка в этом походе, почувствовала, по ее словам, острую неприязнь к Барре, как только та переступила порог их шатра. Чутье не обмануло Айшу - Мухаммед немедленно предложил пленнице выкупить ее и жениться на ней. Барра не колеблясь приняла предложение пророка

и через несколько дней, получив новое имя - Джуварийя, стала его женой.

Ни одна женщина, говорили арабы, не сделала для своего племени столько, сколько решительная Джуварийя, ибо, узнав о ее браке с пророком, мусульмане сочли за лучшее без выкупа отпустить сотни захваченных в плен семей.

Как бы ни восторгала Мухаммеда красота Джуварийи, новый брачный союз был для него в первую очередь выгодной политической сделкой - глава Бану Мусталик становился его тестем, вражда с этим могущественным племенем, проигравшим сражение, но непокоренным, должна была сама собой прекратиться и смениться тесным союзом, скрепленным родственными связями. Все эти надежды Мухаммеда полностью оправдались. С богатой добычей, заключив военный союз с Бану Мусталик, державшим под своим контролем один из важнейших торговых путей к побережью Средиземного моря, мусульмане направились в Медину.

Поступок Мухаммеда был мудрым и дальновидным, добыча, взятая почти без крови, вполне достаточна, но мусульмане, особенно ансары, чувствовали себя ограбленными - сотни уже поделенных семей, которые по воле Аллаха захватили их десницы, внезапно оказались родственниками пророка, и с ними пришлось расстаться.

На одном из привалов мелкая ссора у водопоя между ансаром и мухаджиром едва не переросла в кровавую стычку - на помощь ансару с оружием в руках устремились мединцы, на выручку мухаджира - переселенцы из Мекки. Мухаджиров было почти в четыре раза меньше, и все же ансары не осмелились пустить в ход оружие.

- Ничего! - успокаивал ансаров Абдаллах ибн Убайя, когда вмешательство пророка заставило возбужденные толпы разойтись. - Мы еще сквитаемся! В Медине мы узнаем, кто сильнее, и, клянусь Аллахом, сильные изгонят слабых!

- Куда вы будете терпеть? - спрашивал лидер "лицемеров". - Вы позволили мухаджирам захватить свою страну, вы наделили их землей и имуществом, а теперь они командуют вами! Отберем же у них наши земли, и они уйдут из Медины!

Все это ибн Убайя говорил в кругу своих приверженцев, недовольных Мухаммедом, но его мятежные речи тотчас достигли ушей пророка - донес двенадцатилетний подросток, вместе со взрослыми принимавший участие в походе.

- Прикажи Аббаду ибн Бишру немедленно убить Абдаллаха! - посоветовал решительный Омар.

- И люди будут говорить, что пророк убивает своих соратников? - ответил Мухаммед. Что будут "говорить люди", его не так уж и волновало, но он знал, что даже самые преданные исламу ансары продолжают любить Абдаллаха ибн Убайю. И действительно, приближенные к пророку ансары встали на защиту Абдаллаха: мальчик мог и напутать, не разобравшись, о чем беседуют взрослые, убеждали они Мухаммеда, может быть, ничего подобного Абдаллах и не говорил...

Распоряжение убить Абдаллаха ибн Убайю отдано не было. Вместо этого лагерь мусульман, расположившийся на ночлег после утомительного дневного перехода, был поднят по тревоге - пророк приказывал немедленно выступить, и мусульмане не осмелились ослушаться. О такой дисциплинированности язычники, пожалуй, не могли и мечтать.

Всю ночь и начало следующего дня безостановочно шли мусульмане по приказу пророка и только в полдень, измученные и обессиленные, остановились на привал. Но отдых их был коротким - через несколько часов пророк их вновь поднял и повел форсированным маршем в Медину.

Когда войско вернулось домой, все были настолько измотаны, что не могли думать ни о чем, кроме отдыха;

Мухаммед мог несколько дней не опасаться козней "лицемеров" - каковы бы ни были намерения Абдаллаха ибн Убайи, поднять измученных ансаров против пророка он был не в силах.

Время и усталость притушили обиды ансаров, и Мухаммед быстро убедился, что большинство их по-прежнему верны ему. Говорят, что к пророку явился старший сын ибн Убайи с предложением убить своего отца, если Мухаммед этого хочет.

- О пророк и посланник Бога! - воскликнул этот верный мусульманин. Если кто-нибудь по твоему приказу убьет моего отца, долг кровной мести падет на меня, и я этот долг выполню. Если же я сам убью отца, мстить будет некому.

- Видишь? - сказал пророк Омару. - Если бы я тогда убил ибн Убайю, все были бы против меня. Прикажи я сейчас убить его - большая часть мединцев одобрит мой поступок.

И Мухаммед простил своего врага. Но только после того, как гордый лидер "лицемеров" пришел к нему оправдываться, он-де ничего похожего не говорил, клялся ибн Убайя, юный доносчик, в сердце которого Аллах вселил столь похвальную преданность исламу и пророку, немного напутал - не возбуждал он ансаров против пророка, а успокаивал. Именно с этой целью и напоминал он ансарам, что ведь сильные смогут легко изгнать слабых: "сильные" - это верные сторонники пророка, "слабые" - его противники, немногочисленные смутьяны и враги Аллаха.

Бывший глава хазраджитов смирился, он понял, что его судьба всецело в руках пророка, он перестал быть опасным для дела, которому Мухаммед посвятил свою жизнь, - дела ислама. И Мухаммед, готовый безжалостно уничтожить сотни и тысячи врагов, препятствующих распространению истинной веры, милостиво пощадил своего личного врага.

Постоянное общение с Богом вырыло между Мухаммедом и прочими смертными глубокую пропасть, пророк и Абдаллах ибн Убайя были несоизмеримы. Люди превратились для пророка в камни, из которых он возводил во славу Аллаха здание ислама. А камню нелепо мстить, камень не может глубоко уязвить самолюбие, даже если этот камень непрочный, кривой, готовый зашататься и обрушиться на строителя часть стены или все здание. Камни недостаточно прочные вынимают из фундамента и помещают на верхнюю часть стены, камни неправильной формы обтесывают и раскалывают и лишь совсем негодные камни отбрасывают

прочь.

Холодно и одиноко было жить пророку-строителю с этой далеко зашедшей отчужденностью от живых страстей человеческих, с глубоким презрением ко многим украшениям "дольней жизни", в мире, где убивают и прощают, руководствуясь не движениями сердца, а трезвым голосом рассудка.

Впрочем, близость к Богу не превратила Мухаммеда в человека совсем уж бесчувственного, неспособного испытывать горечь и разочарование, независимого от людского мнения и болезненных ударов судьбы.

По возвращении из похода против Бану Мусталик разыгралась в семье пророка неожиданная драма, заставившая его окунуться в мир обыденных человеческих страстей.

На один из привалов близ Медины закрытые носилки Айши прибыли пустыми, а саму Айшу лишь к утру привез на верблюде молодой воин-мусульманин. Айша объяснила, что, уже

войдя в носилки, она вспомнила о забытом в шатре ожерелье из морских раковин и вернулась, чтобы его разыскать. Поиски ожерелья заняли довольно много времени, и когда она его наконец нашла, носилки были уже далеко - благочестивые мусульмане, на обязанности которых лежала транспортировка жены пророка, деликатно держались в стороне, пока Айша размещалась со своими вещами в носилках, а потому и не заметили, что она вернулась в шатер. Привязав носилки на спину верблюда, они ушли вслед за войском.

Покинутая на произвол судьбы, Айша сидела у порога шатра чуть не весь день, до тех пор, пока ее случайно не увидел отставший от войска Савфан ибн аль-Муат-тал: в окутанной покрывалом Айше он узнал любимую жену пророка и опустил своего верблюда перед ней на колени, чтобы доставить ее в Медину. Сам Савфан пошел пешком, ведя верблюда в поводу, а Айша, само собой разумеется, не произнесла за всю дорогу ни единого слова. Догнали же они войска, как уже говорилось, лишь к утру.

Недрузи пророка и циничные любители сплетен немедленно распустили слух о распутном поведении Айши, потешаясь над ее рассказом о забытом ожерелье; что это было заранее подстроенное любовное свидание, они ни минуты не сомневались. Особенно усердствовала сестра Зайнаб, надеявшаяся, что по изгнании Айши из гарема пророка Зайнаб станет единственной, по-настоящему любимой и влиятельной женой. Она сочиняла про Айшу и Савфана непристойные сатиры, которые мединцы охотно подхватывали.

Вся эта история повергла Мухаммеда в глубокую печаль. Лишь на несколько минут в день заходил он проведать Айшу, серьезно заболевшую сразу по возвращении в Медину и укрывшуюся в доме своего отца Абу Бакра. О распущенных про нее слухах Айша, по ее словам, даже не подозревала и не могла понять, почему отношение к ней пророка столь резко переменилось раньше он любил подолгу беседовать с ней и всегда находил ее общество приятным.

Мухаммед же мучительно страдал, не зная, что ему делать. Скандал был чудовищным, честь его была запятнана, и, "простив" Айшу, он сделался бы посмешищем всех мединцев, и не только мединцев - вся Аравия потешалась бы над ним, а его собственные жены от души презирали бы его. Репутация пророка и посланника была бы непоправимо запятнана, а имя всемогущего Аллаха втоптано в грязь.

Не легче было и изгнать Айшу, поверив в ее измену. Мухаммед очень любил Айшу, а неизбежная ссора с ее отцом, могущественным Абу Бакром, ничего хорошего не сулила ни Мухаммеду, ни делу ислама. Ближайшие друзья, с которыми, по обыкновению, Мухаммед обсуждал и этот семейно-политический скандал, держались уклончиво и неопределенно, ибо действительно никто из них не мог знать, изменила ему Айша или нет: свидетелей ночного путешествия Айши и Савфана не было. Зайд советовал не верить сплетне, другие рекомендовали прогнать Айшу, примерно наказав, третьи считали, что на все нужно махнуть рукой и закрыть глаза. Али, заинтересованный в дискредитации Абу Бакра, утешал пророка тем, что неверность жен - вещь, увы, обычная, и никто не застрахован от подобного рода неприятностей, даже пророк... Мухаммед понимал, что в словах Али много здравого смысла, что Айше как-никак всего пятнадцать лет, а ему - почти шестьдесят, что обилие жен, его увлечение красавицей Зайнаб и недавний брак с Джуварией особенного восторга у Айши вызывать не могут. Но от всех этих соображений Мухаммеду легче не становилось.

Поправившаяся после болезни Айша, которой сообщили о возведенном на нее обвинении, дни и ночи рыдала и клялась в своей невинности. Все сказанное Айшей слово в слово клятвенно подтверждал и Савфан.

Точного ответа на вопрос, изменила Айша или нет, Мухаммед ниоткуда получить не мог, а потому он обратился к Богу и долгие ночные часы взывал к нему о точном знании, без которого он бессилён был поступить справедливо. И Аллах услышал его и утешил: Айша

невиновна, заверил он пророка, и подозревать ее в неверности преступно. Тех же, кто обвиняет жен и дочерей верующих в прелюбодеянии, но не может представить четырех свидетелей, что оное свершилось, надлежало отныне примерно наказывать плетьюми.

Так была доказана невиновность Айши; примерно через месяц после ее дорожного приключения, когда выяснилось, что и природа не свидетельствует в пользу ее грехопадения, Айша вновь заняла свое привилегированное положение в гареме и сердце пророка, а в душе пророка воцарился мир.

Самых же злостных сплетников по приказанию Мухаммеда и в полном соответствии с божественным откровением публично наказали плетьюми, в том числе и родную сестру Зайнаб, наделенную поэтическими талантами.

Новый божественный закон надежно защищал доброе имя дочерей и жен верующих, ибо добродетель в присутствии четырех свидетелей не нарушают, как правило, даже самые безнравственные люди. Истинных же прелюбодеев и прелюбодеек повелевал Бог наказывать плетьюми, изгонять из семей и заточать на долгий срок в отдельном помещении. Но не побивать камнями - этот жестокий обычай старины Мухаммед отверг, хотя он и принят был потом в большинстве стран ислама, как заповеданный самим Аллахом.

Военные походы 626 года заставили многие кочевые племена отказаться от союза с курайшитами и воздержаться от совместного с ними похода против Медины. К курайшителям примкнули только племена, кочевавшие к востоку от Медины, - сильное племенное объединение Гатафан, сулаймиты, устроившие избиение мусульман у колодца Бир-Мауна, и ряд малочисленных племен из окрестностей самой Мекки.

По приказанию пророка преданный ансар Абдаллах ибн Убайя с несколькими товарищами отправился в Хайбар, хитростью выманил видного шейха надиритов, принимавшего горячее участие в подготовке похода против Медины, и убил его. Этот же фанатичный исполнитель воли пророка пробрался на территорию сулаймитов и, убив одного из шейхов этого враждебного мусульманам племени, благополучно вернулся в Медину.

Террористические акции против надиритов и сулаймитов не запугали, однако, эти племена и не отклонили их от активного союза с курайшитами.

Курайшиты закончили приготовления к весне 627 года, и в середине марта против Медины двинулась огромная по тем временам десятитысячная армия. Язычники выступили тремя колоннами. От Мекки под предводительством Абу Суфиана шло четырехтысячное войско курайшитов и примкнувших к ним мелких кочевых племен; кавалерию курайшитов, насчитывающую триста всадников, возглавлял Халид ибн Валид, прославившийся в битве при Оходе.

С востока и северо-востока отдельными колоннами шли на Медину гатафаниты и сулаймиты со своей ударной силой - тремя сотнями всадников.

Мухаммед от многочисленных доброжелателей и агентов заранее знал и о времени похода, и о силах язычников. Армии мусульман, лишенной кавалерии, в открытом сражении грозил неминуемый разгром, а потому решено было подготовиться к осаде. Мединцы раньше обычного приступили к уборке урожая, и к середине марта все поля ячменя и пшеницы в оазисе и его окрестностях были сжаты. По совету Сальмана аль-Фариси пророк призвал мединцев выкопать для защиты оазиса ров - мера обороны, к которой арабы никогда доселе не прибегали.

На сооружение рва, начавшееся, как только курайшиты выступили в поход, вышло все население Медины - и сторонники Мухаммеда, и "лицемеры", и язычники. Только племя Бану Курайза, заинтересованное в поражении мусульман, объявило о своем нейтралитете и в

строительстве защитного рва участия не приняло.

Ров копали кирками и мотыгами к северу от центра оазиса - только с этой стороны мусульманам угрожал удар кавалерии язычников. Холмы, скалы и потоки каменной лавы с огромными валунами надежно защищали Медину с запада, юга и востока от кавалерийских атак. В пешем же бою дисциплинированное войско мусульман могло разгромить намного превосходящие по численности силы язычников - битвы при Бадре и при Оходе наглядно это доказали. У Мухаммеда были все основания рассчитывать, что на штурм Медины силами одной пехоты язычники не осмелятся.

Сооружение защитного рва было делом нелегким, и пророк для воодушевления своих сторонников принял личное участие в строительных работах. Вместе с ним от восхода до заката копали ров и Абу Бакр, и Омар, и все другие лидеры мусульманской общины. Пищу строителям рва приносили женщины и дети - всякие самовольные отлучки домой пророк строго-настрого запретил, и мусульмане ночевали тут же, у места работы. Только по личному разрешению пророка могли строители сходить домой.

Энтузиазм большинства мусульман, сознание страшной опасности, нависшей над оазисом, и строгие меры дисциплины привели к тому, что гигантский четырехкилометровый ров к приходу язычников был полностью готов. Он протянулся в трех километрах южнее горы Оход, перегородив единственную равнину, по которой могла устремиться в атаку конница язычников. Между рвом и центром оазиса возвышалась гора Сал - на ней Мухаммед разместил свой командный пункт.

Когда 31 марта язычники с севера подошли к Медине, они увидели перед собой ров, а за ним готовое к бою трехтысячное войско мусульман - не семьсот человек, как во время битвы при Оходе, а все способные носить оружие мужчины Медины встали на этот раз под знамя Мухаммеда. Реформы, предусмотрительно проведенные пророком, дали свои плоды, они, как никогда, сплотили мусульман, и лишь незначительное число "лицемеров" продолжало рассчитывать на победу курайшитов, предсказывая неминуемое поражение Мухаммеда, гибель его сторонников, разорение оазиса и настаивая на незамедлительных переговорах с язычниками, мире с неверными путем уступок и уплаты контрибуции.

Пророк укрепил боевой дух верующих проповедями, молитвами и напоминаниями о мощной поддержке Аллахом дела ислама. Поведение тех мусульман, которые перед лицом десятитысячного войска язычников проявили малодушие, нашло отражение в Коране - в откровениях, ниспосланных Мухаммеду вскоре после описываемых событий.

- Вот пришли они к вам и сверху и снизу вас (то есть и с севера и с юга; на юге стояли враждебно настроенные курайзиты), и вот взоры ваши смутились, и сердца дошли До гортани, и стали вы думать об Аллахе разные мысли.

Там испытаны были верующие и потрясены сильным потрясением!

И вот говорили лицемеры и те, в сердцах которых болезнь: "То, что обещал нам Аллах и Его посланник, только обман!"

И вот сказал один отряд из них: "О жители Ясриба! Не годится стоять вам, вернитесь!" А другой отряд просил пророка, говоря: "Дома наши обнажены". Но не были они обнажены. Они только хотели бежать...

А раньше они заключили с Аллахом завет, что не будут поворачивать спину. Завет с Аллахом будет спрошен.

Скажи: "Не поможет вам бегство, если вы бежите от смерти или от убиения; и тогда вы пользуетесь только немного".

Скажи: "Кто тот, кто защитит вас от Аллаха, если Он пожелает вам зла или пожелает вам милосердия?" Не найдут они себе, помимо Аллаха, ни покровителя, ни помощника!

Увещания пророка оказали свое действие на малодушных, ни один отряд мусульман не побежал при виде язычников, ни один не вышел из повиновения.

Реформы Мухаммеда, по-видимому, окончательно подорвали и без того невысокий боевой дух курайшитов. Священное право собственности ислам гарантировал, а во имя сохранения племенного строя и язычества почти никому из курайшитов не хотелось рисковать жизнью. По существу, курайшиты отправились на войну только для защиты торговых интересов Мекки. Кочевники же примкнули к курайшитам, движимые главным образом надеждами на легкую добычу. Ни те, ни другие не были готовы на самопожертвование, и выкопанный мусульманами неглубокий ров оказался для них непреодолимой преградой. На штурм его язычники не отважились. Они стали лагерем на северной окраине Медины и приступили к ее осаде. Около рва, бдительно охраняемого мединцами, происходила лишь перестрелка, да иногда смельчаки-язычники, конные или пешие, пересекали его, чтобы вступить в единоборство с мусульманами.

Когда Абу Суфиан и другие лидеры курайшитов убедились, что собранное ими десятитысячное воинство без поддержки кавалерии сражаться с мусульманами не желает, а их надежды на раздоры среди сторонников пророка не оправдались, они попытались воспользоваться последним шансом на победу - поднять против Мухаммеда племя Бану Курайза. К этому племени, проживавшему километрах в шести к юго-востоку от центра оазиса, отправился один из шейхов изгнанных из Медины надиритов. Курайшиты и гатафаниты не уйдут от Медины, пока не расправятся с Мухаммедом и его сторонниками, убеждал он предводителей племени Курайза, а расправившись с Мухаммедом, они уничтожат и вас - за то, что вы храните верность договору, заключенному с Мухаммедом. Докажите же, что вы не враги курайшитам, разорвите договор, ударьте на мусульман с тыла.

Пока курайзиты колебались, о переговорах сообщили Мухаммеду. Пророк прежде всего принял меры, чтобы сведения о возможной измене Бану Курайза не достигли мусульман - одного этого известия было бы достаточно, чтобы сторонники пророка устремились спасти свои семьи, запершиеся в укреплениях в центре оазиса, но никем не охраняемые от нападения курайзитов. После этого он послал к курайзитам кочевника Нуайма ибн Масуда из племени Гатафан, приверженность которого исламу хранилась в тайне. Нуайм убеждал курайзитов не выступать на стороне язычников, пока племена Курайш и Гатафан не пришлют им заложников, ведь после победы курайшиты и гатафаниты уйдут, а вы останетесь один на один с жителями оазиса, и вас уничтожат.

От курайзитов Нуайм с ведома пророка отправился к курайшитам и гатафанитам, чтобы убедить их в коварстве Бану Курайза - они-де требуют заложниками видных шейхов только для того, чтобы выдать их Мухаммеду и продемонстрировать этим свою лояльность.

Мухаммед потребовал, чтобы шейхи авситов предложили племени Гатафан треть урожая фиников Медины, если гатафаниты снимут осаду и покинут курайшитов. Авситы, не знавшие истинных намерений пророка, были возмущены его требованием. "Даже во времена невежества кочевники не получали ни одного финика Медины, неужели, став мусульманами и находясь под покровительством Аллаха, мы будем платить им дань?" - с негодованием спрашивали они пророка. Однако Мухаммед настоял на своем, и гатафанитам была предложена треть урожая фиников, если они предадут курайшитов. Одновременно Мухаммед, по-видимому, сделал все, чтобы курайшиты узнали о начатых им переговорах с племенем Гатафан.

В результате этих дипломатических шагов Мухаммеда курайшиты стали подозревать гатафанитов в измене;

Бану Курайза не решались выступить против Мухаммеда, пока они не получат заложников от племени Курайш и Гатафан, а те боялись предательства Бану Курайза и не посылали им заложников.

Время не прибавило язычникам готовности сражаться, взаимное недоверие еще больше подрывало их наступательный порыв, надежды их на удар Бану Курайза в тыл мусульманам все более слабели. Поля мединцев были убраны, и огромная армия язычников, имевшая при себе сотни лошадей и тысячи верблюдов, скоро начала страдать от острой нехватки продовольствия. В довершение всего через две недели после начала осады неожиданно для апреля резко похолодало, задули пронизывающие северные ветры, зачастили дожди.

- Сонмы ангелов, посланных Аллахом, спешат нам на помощь! - возвестил пророк, и мусульмане с воодушевлением приветствовали непогоду.

Язычники же совсем пали духом и решили прекратить осаду. Их гигантская армия оказалась бессильной и небоеспособной.

- О курайшиты! - воскликнул, по словам преданий, Абу Суфиан. - У нас нет постоянного лагеря. Бану Курайза нарушили свое слово и только затягивают переговоры. Наши верблюды и лошади гибнут. Ледяной ветер гасит наши огни и срывает палатки. Пора уходить!

Не тревожимые и не преследуемые мусульманами, язычники отступили от Медины.

Так бесславно закончилась последняя попытка курайшитов сокрушить Мухаммеда. Абу Суфиан и другие лидеры курайшитов понимали, что величю Мекки приходит конец. Не о разгроме и уничтожении Мухаммеда надлежало им отныне думать, а о соглашении и примирении с пророком и посланником Бога.

Поход курайшитов против Медины весной 627 года получил у арабских историков название "Битва у рва". В этой войне пали всего трое курайшитов и шестеро мусульман, и хотя курайшиты не понесли, как видим, почти никаких потерь, "Битва у рва" имела переломное значение для судеб ислама - это была решающая победа Мухаммеда над объединенными силами язычников.

Едва язычники отступили от Медины, как к Мухаммеду во время ночной молитвы явился Джибрил с категорическим приказанием Аллаха выступить против Бану Курайза. Об этом наутро пророк и возвестил верующим, прибавив от себя, что полуденная молитва запрещена всякому, кто не примет участия в походе. Ссылка на волю Аллаха и запрещение молиться оказали должное влияние на верующих, и в тот же день трехтысячная армия мусульман осадила укрывшихся за стенами своих замков курайзитов.

Осажденным неоткуда было ждать помощи. Семьсот мужчин этого племени, в сердца которых, по словам пророка, Аллах вселил страх, не осмелились на битву с намного превосходящими силами мусульман. Не рассчитывали курайзиты и отразить штурм мусульман, за которым неизбежно должна была последовать беспощадная резня. Только раздоры в лагере мусульман могли обеспечить им приемлемые условия капитуляции.

Мухаммед хотел, чтобы Бану Курайза сдались без боя, и он запретил Али и другим воинственным мусульманам идти на приступ. Однако ансарам сдача курайзитов Мухаммеду была невыгодна - ведь тогда вся добыча, согласно недавнему повелению Аллаха, поступала в полное распоряжение пророка.

Мухаммед направил для переговоров к осажденным одного из влиятельных шейхов племени Аус, к которому курайзиты, союзники и клиенты этого племени, питали доверие. Посол, однако, предал пророка - когда курайзиты спросили, на что они могут рассчитывать, сдавшись Абуль-Касиму (так они продолжали величать пророка и посланника Бога), посол Мухаммеда

молча провел ребром ладони по горлу, давая понять, что пророк намеревается истребить всех сдавшихся в плен.

Напуганные курайзиты отказались сдаваться Мухаммеду, а посол укрылся от гнева пророка в мечети;

только через несколько месяцев пророк простил предателя.

Пережитки племенного права, с которыми Мухаммед вел непрерывную борьбу, продолжали властвовать над умами мусульман, и неудивительно, что авситы с самого начала были возмущены, что судьбу "их" Бану Курайза собирается решать курайшит Мухаммед. Бану Курайза - клиенты авситов, и только авситы имеют право судить их за измену - об этом влиятельные шейхи авситов неустанно заявляли Мухаммеду; напоминания пророка, что они поклялись подчиняться "Аллаху и его посланнику", что они отныне являются членами единой уммы верующих, главой которой является он, пророк, особого впечатления на авситов не производили.

Отказ осажденных сдаваться пророку был болезненным ударом по его престижу, надежды Мухаммеда заполучить всю добычу в свои руки рухнули, противоречия с авситами обострились до предела. В лагере мусульман грозила вспыхнуть крупная ссора, выгодная всем врагам ислама, и в этих условиях Мухаммед, поборов гнев и смирившись с унижением, счел нужным уступить - он согласился, чтобы курайзиты сдавались не ему, пророку и главе уммы, а племени Аус и чтобы меру наказания за их "предательство" определил глава авситов - Саад ибн Муад.

Это известие Бану Курайза встретили с облегчением, и примерно на двадцать пятый день осады, после того как Мухаммед торжественно поклялся безоговорочно подчиниться любому решению Саада ибн Муада, курайзиты сдались на милость победителей. Мужчины, способные носить оружие, по одному покидали замок, их немедленно связывали и отводили в Медину, где в большом доме неподалеку от мечети должен был состояться "суд". "Судью" - Саада ибн Муада привезли на осле - именно привезли, ибо глава авситов тяжело страдал от ран, полученных во время одной из стычек у рва, - говорят, что курайзиты не знали об этом; Мухаммед - знал.

Саад чувствовал, что умирает, и виновниками своей смерти считал предателей-курайзитов. От его былых симпатий к ним, на которые рассчитывали пленники, не осталось и следа, и приговор его был безжалостен - всех мужчин казнить, женщин и детей обратить в рабов, все движимое и недвижимое имущество поделить между мусульманами.

Осужденных казнили на одной из площадей Медины, получившей название "Рынок Курайзитов", на глазах огромной толпы народа. Здесь был выкопан ров, в него спускались связанные курайзиты навстречу обнаженным мечам своих палачей. Саад ибн Муад с возвышения любовался этой бесчеловечной, многочасовой резней - всего казнили в тот день около шестисот курайзитов всех мужчин, способных носить оружие. Одного курайзита по просьбе пророка палачи готовы были оставить в живых, но пленник с презрением отверг дарованную ему победителями милость - он предпочел разделить участь своего народа. Вместе с курайзитами отрубили голову и надириту, подбивавшему их на измену. Не пощадили победители и женщину-курайзитку, которая во время осады камнем, сброшенным с крыши, насмерть поразила одного из мусульман.

Как же отнесся к разыгравшейся трагедии Мухаммед - пророк и посланник милостивого и милосердного Бога?

Кровавый приговор был для Мухаммеда верхом справедливости:

- Аллах вложил свое решение в уста Саада! - провозгласил он. Враги были уничтожены, идея

уммы восторжествовала в душе Саада над узкоплеменным эгоизмом - он предал бывших союзников на казнь, а добычу поделил между всеми мусульманами, не выговорив никаких особых прав своим соплеменникам- авситам. Когда через несколько дней после казни курайзитов Саад, у которого открылись раны, умер мученической смертью, небесные врата, по словам Мухаммеда, распахнулись, а трон Аллаха дрогнул - такой чести до Саада не достаивался никто из мусульман.

Мухаммед проводил Саада в последний путь и горячо молился на его могиле.

Контраст между суровым приговором Саада и гуманными приговорами самого Мухаммеда, изгнавшего, но не казнившего сдавшиеся ему племена Бану-Кайнука и Бану НаDIR, был разительным, и неудивительно, что молва об уничтожении всего племени Бану Курайза умножала славу пророка, вселила в сердца врагов убеждение, что если уж придется сдаваться, то сдаваться нужно самому пророку, полагаясь на "милосердие" ислама, а не на "милосердие" языческих законов старины.

Всю добычу, включая рабов, победители под руководством Мухаммеда поделили на примерно равные по стоимости доли и разыграли между собой жеребьевкой. Пешему воину полагалась одна доля добычи, а всаднику - три. В этот период в войске Мухаммеда насчитывалось тридцать шесть всадников.

Значительную часть женщин Баку Курайза отвели в Неджд и продали кочевникам - вернее, не продали, а обменяли на лошадей и оружие.

Мухаммед получил пятую часть добычи. Из пленниц он отобрал для себя Райхану - красивую вдову только что казненного шейха курайзитов. Райхана ненавидела ислам и наотрез отказалась стать женой пророка, а потому он сделал ее наложницей и держал отдельно от своих благочестивых жен. Года через два религиозное упорство Райханы было сломлено, и она обратилась в истинную веру, что очень обрадовало Мухаммеда. Но женой пророка она не стала - видимо, добровольный союз с истребителем всего ее народа казался Райхане чудовищным.

Примерно через месяц после описанной выше кровавой трагедии Мухаммед зашел навестить своего приемного сына Зайда и застал его жену, красавицу Зайнаб, легко, по-домашнему, одетую.

- Хвала Богу, покровителю сердец! - невольно воскликнул пророк, пораженный красотой невестки, после чего поспешно удалился, но Зайнаб заметила, какое впечатление она произвела на пророка, и не только заметила, но и сообщила обо всем Зайду.

Тридцативосьмилетняя красавица Зайнаб была умна и честолюбива. Дочь тетки Мухаммеда по матери и курайшитка по отцу, она гордилась своим высоким происхождением и презирала Зайда - бывшего раба и иноплеменника, о низком происхождении которого красноречиво свидетельствовал даже его облик, ибо Зайд, низкорослый и темнокожий, с плоским, как будто перебитым носом, мало походил на светлокожих "аристократов" Центральной и Северной Аравии. Брак с Зайдом, заключенный некогда по настоянию самого пророка, любившего своего приемного сына, Зайнаб считала для себя унижительным, и семейная жизнь ее протекала в непрерывных ссорах.

Зайд немедленно направился к пророку и сообщил ему о своем намерении развестись с Зайнаб - с тем чтобы дать возможность Мухаммеду жениться на ней.

Говорят, что пророк строго запретил Зайду разводиться.

- Разве она чем-нибудь провинилась? - спросил он, но вины за Зайнаб не было, а плохой характер пророк не мог признать серьезным поводом для развода. - Ступай же, - приказал он

Зайду, - и храни свою жену. Обращайся с ней хорошо, ибо Аллах повелел: "Заботьтесь о ваших женах и бойтесь Господа!"

Зайд понимал, что иначе пророк ответить и не мог. Но он любил Мухаммеда, а потому ослушался его и развелся с Зайнаб.

А Мухаммед женился на Зайнаб.

Принес ли Зайд ради пророка и приемного отца тяжкую жертву? Вряд ли. Он был политик и талантливый военачальник, человек мужественный, трезвый и решительный, женившийся и разводившийся в первую очередь по соображениям здравого смысла, а не по любви. С ним остались другие жены, не такие красивые, как Зайнаб, но зато более уживчивые и почтительные, а главное, рожавшие ему детей, - Зайнаб же была бездетна.

Мухаммед, Зайнаб и Зайд были довольны происшедшими переменами.

Недовольна была Айша - ее первенство в гареме пророка пошатнулось, между ней и Зайнаб надолго установились отношения соперничества и едва скрываемой (из почтения к Мухаммеду) вражды.

Недовольными оказались и верующие - очень многих из них брак пророка оскорбил, в нем они усмотрели недопустимое нарушение заповедей Аллаха, который совсем недавно запретил жениться на бывших невестках.

Напрасно Мухаммед объяснял, что Зайд ему не родной сын, а приемный, верующим этот довод не казался убедительным, и Мухаммеду доносили, что повсюду в Медине горячие приверженцы ислама порицают и осуждают его, а тайные враги его, многократно проклятые "лицемеры", всюду раздувают общее недовольство.

- Не бывает ни для верующего, ни для верующей, когда решил Аллах и Его посланник дело, выбора в их деле, - сообщил Мухаммед мусульманам новое откровение. - А кто не слушается Аллаха и Его посланника, тот впал в явное заблуждение.

Но непримиримые поборники чистоты веры не сделали должного вывода из этого откровения и не изменили своего отношения к совершенному браку.

- Мухаммед не был отцом кого-либо из ваших мужчин, а только посланником Аллаха и печатью пророков! - урезонивал пуритан Аллах, но и это откровение на них не очень подействовало.

- Нет на пророке греха в том, что установил Аллах для него, согласно обычаю Аллаха, относительно тех, которые были раньше его, - сообщил Аллах, а когда и этого оказалось мало, Аллах решил взять всю ответственность на себя.

- И вот ты говорил тому... кого ты облагодетельствовал, - поведал он Мухаммеду, который не замедлил обнародовать божественное послание, - "удержи при себе свою жену и бойся Аллаха!" И ты скрывал в своей душе то, что обнаруживал Аллах, и боялся людей, а между тем Аллаха следует больше бояться. Когда же Зайд удовлетворил свое желание по отношению к ней, Мы женили тебя на ней, чтобы для верующих не было стеснения с женами их приемышей, когда они удовлетворяют свои желания. Дело Аллаха свершается!

Опасное недовольство верующих было погашено, но погашено не до конца, и Мухаммед счел для себя за лучшее публично расторгнуть договор об усыновлении Зайда, который стал отныне величаться по своему настоящему отцу - Зайдом ибн аль-Харисом. Попутно Аллах запретил и другим верующим прибавлять к своему имени имя приемного отца.

Слова откровения: "Мы женили тебя на ней" - позволили Зайнаб утверждать, что ее выдал

замуж сам всемогущий Аллах, а потому она и не чета всем остальным женам пророка, в том числе и Айше. Айша же много лет спустя среди других доказательств правдивости пророка приводила и пример с Зайнаб если б Мухаммед был способен утаить хоть одно слово Аллаха, ниспосланное ему, об откровении, касающемся Зайнаб, он наверняка умолчал бы...

На новые и новые брачные союзы Мухаммеда, по-видимому, толкала не только здоровая и могучая чувственность (по словам все той же Айши, женам пророка было грех жаловаться на выпавшую им долю) и не только трезвые политические расчеты, хотя и то и другое играло свою роль. Похоже, что пророк и посланник Бога продолжал тосковать о сыновьях, наследниках его дела на земле, сыновьях, без которых, по понятиям арабов, жизнь мужчины может считаться прожитой впустую... Но судьба была безжалостна к нему - ни молодые и здоровые жены, ни красавица-наложница не радовали его даже надеждой - все его браки оставались пока бесплодными.

Такова была непонятная воля Аллаха.

Честолюбивую Зайнаб и неведомых мусульманок, которые "сами себя" отдавали в жены пророку, влекла волнующая мечта - родить сына от пророка и тем самым подняться выше всех смертных женщин. Но мечты эти не сбывались.

Свадьбу с Зайнаб Мухаммед отпраздновал с небывалой пышностью возможно, для того, чтобы умилостивить недовольных мусульман. Великое множество гостей наполнило его двор, они пировали и шумели до позднего вечера, перекидываясь благопристойными шутками с женами пророка, и вообще вели себя с обычной бесцеремонностью. Давно уже наступила ночь, они смертельно надоели пророку, мечтавшему о красавице Зайнаб, элементарная вежливость требовала от гостей, чтобы они поблагодарили хозяина и удалились, но они продолжали пировать. Только вмешательство Абу Бакра, Омара и других верных друзей пророка прекратило это затянувшееся безобразие. Погуляв на славу, гости разошлись наконец, с тем чтобы с глаз на глаз судачить о пророке и его новом браке.

Это происшествие дало возможность Абу Бакру, Омару и другим руководителям мусульманской уммы убедить пророка, что с побратимством пора кончать. Не то время, не то положение у Мухаммеда, чтобы пренебрегать внешними проявлениями власти и могущества, чтобы продолжать игру в демократизм. То, что было хорошо и полезно десять лет назад, сейчас становилось нетерпимым; принцип "Все верующие - братья" нисколько не пострадает, если Мухаммед потребует к себе должного уважения. Омар, по словам преданий, убеждал, кроме того, Мухаммеда ограничить для верующих свободу общения с его женами - он предложил повесить в домах жен занавеси, чтобы посторонние мужчины не разглядывали жен пророка и не любезничали с ними. Омар знал, что Мухаммеда это огорчает.

- О те, которые уверовали! - вскоре сообщил Мухаммед мусульманам новое откровение Аллаха. - Не входите в дома пророка, если только не будет разрешена вам еда, не дожидаясь ее времени. Но когда вас позовут, то входите, а когда покушаете, то расходитесь, не вступая дружески в беседу. Это с вашей стороны удручает пророка, но он стыдится вас. А Аллах не стыдится истины. А когда просите их (жен пророка) о какой-нибудь утвари, то просите их через завесу. Это вам чище для ваших сердец и их сердец. Не следует вам удручать посланника Аллаха, и никогда не жениться на его женах после него.

Так для сохранения чистоты сердец была повешена завеса между женами пророка и мусульманами, а затем Аллах рекомендовал женщинам скрывать под покрывалами свою телесную красоту и вне дома.

- О пророк! - приказал Аллах. - Скажи своим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытают они оскорблений.

Арабские женщины из богатых семей издавна закрывали лица, чтобы уберечь их нежность и белизну от жгучего солнца и иссушающего ветра. Этот обычай Мухаммед сделал религиозным и нравственным законом - в полном соответствии с чаяниями зажиточных мусульман, для которых порядки, установившиеся в патриархальных семьях мекканских купцов-язычников, оставались непревзойденным идеалом. И в полном соответствии со своей натурой, добавим, ибо пророк только что испытал на себе, сколь опасно для "чистоты сердец" открытое лицо и несближенные покрывала женщины.

От жен и дочерей пророка и влиятельных мусульман обычай скрывать свое лицо под покрывалом распространился и среди остальных мусульманок. Мухаммед в очередном откровении разъяснил, что верующие женщины должны скрывать лицо от всех мужчин, с которыми бог дозволил им вступать в брак.

Не случайно Аллах рекомендовал верующим разговаривать с женами пророка через завесу в том же откровении, которое запрещало мусульманам являться к пророку без приглашения и вступать с ним в дружеские беседы: простота и побратимство стали помехой власти пророка и его приближенных, завеса опускалась между Мухаммедом и мусульманами, между ведущими и ведомыми, и пришло время указать ведомым на их истинное место и напомнить о той разнице, которая существует между пророком и всеми прочими мусульманами.

- Поистине Аллах и его ангелы благословляют пророка! - сообщено было в откровении. - О вы, которые уверовали! Совершайте молитву над ним и приветствуйте его пожеланием мира. Поистине те, которые причиняют обиду Аллаху и его посланнику, - проклял их Аллах в жизни здешней и будущей и приготовил им наказание унижительное.

Отступление язычников от Медины, а затем уничтожение Бану Курайза резко изменили соотношение сил в пользу Мухаммеда. В самом оазисе у него уже не оставалось серьезных противников - партия "лицемеров" слабела с каждым днем, вера в мудрость и непогрешимость пророка крепла. Богатая добыча, захваченная ценой безжалостного истребления племени курайзитов, была использована мусульманами в первую очередь на покупку оружия, лошадей и верблюдов. Сотни тяжеловооруженных воинов в сверкающих шлемах и стальных кольчугах могла теперь выставить Медина, конные отряды мусульман готовы были двинуться в поход по первому требованию пророка, обилие верблюдов позволяло пехоте совершать ускоренные марши, преследовать и окружать кочевников.

Армия Мухаммеда - маневренная, прекрасно оснащенная, дисциплинированная и вооруженная верой - становилась самой грозной силой всей Центральной Аравии.

На запад, север и восток, оставляя на время в покое Мекку, двинулись из Медины дружины, осененные знаменами пророка, покарать недавних союзников Мекки, отомстить врагам мусульман, проложить путь в Византию и Персию мединским караванам и закрыть доступ в эти страны курайшитами. Письменными договорами о мире и союзе с Мухаммедом, пророком и посланником Бога. клятвенными заверениями о разрыве дружественных отношений с курайшитами и богатыми подарками покупают кочевые племена свою безопасность. Но самый надежный способ для кочевников заслужить дружбу Мухаммеда - это принять ислам. Его несут им закованные в доспехи дружины мусульман - воинов и проповедников новой веры одновременно. От них кочевники получают ислам, им же вручают налог в пользу бедных, добровольные приношения и подарки пророку от новообращенных.

Все это вместе с военной добычей стекается в Медину. Садака под надзором пророка расходуется на помощь беднякам и сиротам, больным и престарелым и на выкуп рабов-мусульман - прочих рабов выкупать не следует. Закат же, приношения новообращенных, подарки и пятую часть добычи тратит Мухаммед главным образом на военные нужды - на них покупаются боевые кони, оружие и доспехи.

За восемь месяцев после неудачной осады Медины объединенными силами язычников мусульмане совершили около двенадцати походов. Мухаммед лично руководил двумя из них. В июле он попытался отомстить за избиение мусульман у колодца ар-Раджи, но кочевники, заранее предупрежденные о движении его отряда, заняли выгодную позицию на склоне горы, и Мухаммед не решился их атаковать. В августе Мухаммед с отрядом в пятьсот человек преследовал гатафанитов, которые устроили дерзкий набег на пастбища Медины и угнали стадо дойных верблюдиц, принадлежавшее пророку. Во время этой экспедиции произошли незначительные стычки между мусульманами и кочевниками, но кочевников все же настигли и большую часть верблюдиц пророка у них отбили.

Семь походов по поручению Мухаммеда возглавил Зайд - бесстрашный воин, талантливый командир, преданный мусульманин. Удача всюду сопутствует Зайду, он кумир молодежи, под его руководством мусульмане сражаются с удвоенной силой, имя его наполняет сердца врагов страхом. Прославленному в единоборствах Али, получившему прозвище Меч Ислама, Мухаммед поручил командование только одной экспедицией - между пророком и его зятем все время происходят какие-то трения, нашедшие смутное отражение в Коране, многие мусульмане относятся к Али и дочери пророка Фатиме с нескрываемой неприязнью. Давние соратники пророка - Абу Бакр, Омар и Осман редко принимают участие в военных походах, они преимущественно политики и тонкие знатоки ислама.

Глава 22

Последняя уступка язычеству

Приказ Аллаха о поклонении Каабе

Курайшиты не хотят допустить пророка в Мекку

Лагерь в долине аль-Худайбия

Споры среди мекканцев

Клятва под деревом

Посольство от курайшитов

Договор о перемирии

Разочарование мусульман

Оазис Хайбар - награда за верность

Дележ добычи

Попытка отравить Мухаммеда

Его женитьба на Сафийе, а затем на дочери Абу Суфиана

На запад - до берегов Красного моря, на север - до плоскогорья Неджд и на восток - до границ племен Гатафан распространили влияние Медины победоносные дружины мусульман. На этой обширной территории только друзья пророка могли чувствовать себя в безопасности, и шейхи кочевых племен потянулись в Медину - в сопровождении отборных воинов - с подарками семье пророка и его влиятельным соратникам.

Сложные переговоры с кочевниками Мухаммед вел неторопливо и искренне. Часами длились бесконечные обмены любезностями, шейхи в стихах и прозе воспевали благородство и могущество своих племен, исподволь пытались выяснить дальнейшие планы Мухаммеда.

- Я такой же человек, как и вы, - говорил им пророк. - Я предал себя Богу, единому и всемогущему, и выполню любое его приказание. Разве я могу знать замыслы милосердного? Жизнь и смерть, настоящее и будущее - все в его власти. Идущие по пути Аллаха победят, ибо что на земле сможет воспротивиться воле его?

Тщетно пытались проникательные шейхи уловить малейшую ноту фальши в голосе Мухаммеда, хоть тень неискренности на его лице, сомнение в его глазах - о своей связи с Богом пророк говорил со спокойной уверенностью, как о деле привычном; ноша эта для него тяжела, но он снесет ее. Враги Аллаха останутся "с потерпевшими убытки", способствующие делу Аллаха своими душами и имуществом получают награду.

Убытки, которые терпели враги Мухаммеда, были налицо, а добыча, стекавшаяся в руки мусульман, лучше всяких слов убеждала в могуществе того, кто руководит пророком. Аллах ли это, как утверждает Мухаммед, или просто джинн - дело темное, и отказываться от собственных богов кочевники не торопились. Шейхи предпочитали и с Мухаммедом дружить и языческих богов не обижать. И Мухаммед, когда чувствовал, что шейхи не готовы принять ислам, оставлял религиозные проблемы в покое и готов был чисто по-деловому обсуждать условия договора о мире и дружбе.

Среди этих условий одно было обязательным - дружба с Мухаммедом означала и дружбу со всеми союзниками Медины, а потому старые тяжбы следовало урегулировать, кровную месть погасить, уплатив цену крови, а будущие споры решать с помощью Мухаммеда как третейского судьи.

Текст договора скрепляли подписями - Мухаммед прикладывал серебряное кольцо с печатью. "Мухаммед, посланник Аллаха" - было вырезано на печати.

Шейхи небольших племен приходили с намерением принять ислам не движимые верой, а просто не видя для себя иного выхода. Они безбожно торговались с Мухаммедом, чтобы требования новой веры были не слишком обременительны.

- Веруйте, что Бог един, поклоняйтесь только ему и не придавайте ему сообщников! - объяснял очередному новообращенному Мухаммед главнейшую заповедь ислама.

- Так, - задумчиво кивал шейх и сокрушенно умолкал, чтобы показать, как нелегко ему будет убедить соплеменников подчиниться этому тяжкому требованию. - И это все? - спрашивал он с надеждой.

- И совершайте молитву, - настаивал пророк. - Без молитвы нет веры.

- И это все? - опять спрашивал шейх.

- И творите милостыню! - добавлял пророк. Что такое "милостыня", шейх хорошо понимал. Так или иначе, налог в пользу бедных придется вносить, но хорошо бы добиться, чтобы размер милостыни был поменьше. И шейх начинал перечислять Мухаммеду все невзгоды, постигшие его племя за последние годы, пастбища у них скудные, а тут еще засуха, овцы и верблюды болеют; своих собственных бедняков и неимущих сирот еле-еле удается прокормить.

Но Мухаммед обладал превосходной памятью, положение всех племен знал досконально и умел отличать правду от выдумки. Знал он также, что жажда добычи томит сердца кочевников и что ради участия в будущих успешных походах они готовы смириться с необходимостью платить налоги.

- Не называйте себя мусульманами, - часто говорил Мухаммед новообращенным кочевникам.
- Вы только приняли ислам - вера не проникла еще в ваши сердца.

Большинство кочевников-мусульман не знало ни единой строки Корана. К концу 627 года Мухаммед завершил создание обширной, но непрочной конфедерации, в состав которой вошли кочевники-язычники, кочевники, принявшие ислам, и жители Медины. Все понимали, что эта сила весной будущего года придет в движение, но планов пророка никто не знал. Решение, единственное и непреложное, должно было снизойти от Бога, и Мухаммед, десятки и сотни раз продумывая различные варианты дальнейшей политики, терпеливо ждал той минуты озарения, когда замысел Аллаха станет ему предельно ясен. Эта минута провидения наступила во время поста в феврале 628 года - Мухаммед пережил ночное видение и наутро сообщил верующим волю Аллаха: всемогущий Бог повелевал, закончив пост, двинуться на поклонение Каабе.

Что скрывалось за этим неожиданным приказом, мы не знаем - содержание видения, пережитого пророком, не сохранилось, соратники пророка, вспоминая много лет спустя об этом событии, не считали нужным вдаваться в подробности. Официальная версия гласит, что никаких враждебных курайшитам намерений у Мухаммеда не было, совершить благочестивое и мирное паломничество к Каабе умру (малый хадж) -ничего больше он не хотел.

Ясно одно - впервые во весь голос провозгласил Мухаммед, что Кааба, "заповедная мечеть", является величайшей святыней новой религии, а древний языческий обряд паломничества к святыням Мекки заповедан самим Аллахом. Пророк возвращал Мекке утраченное величие, он открывал курайшитам дорогу к исламу.

Неожиданное решение пророка вновь обострило разногласия в лагере мусульман и их союзников. Почти все кочевые племена - и принявшие ислам и языческие - отказались следовать за пророком, ибо они понимали, что мирное паломничество приведет к кровопролитному побоищу у стен Мекки бессмысленному (не сулящему никакой добычи) и святотатственному. Против похода выступило и большинство мединцев - по словам полученного Мухаммедом впоследствии откровения, "они думали, что посланник и верующие никогда не вернуться к их семьям", причем не только думали эту "скверную думу", но и радовались предстоящему поражению сторонников пророка.

Задуманный поход во главе многотысячной армии вооруженных паломников провалился, но Мухаммед не отменил своего приказа - повеление Аллаха должно было быть исполнено. Прокляв в очередной раз "лицемеров и лицемерок, многобожников и многобожниц, думающих против Аллаха думы зла", посулив им наказание от Господа и геенну огненную, он выступил на юг с теми, кто остался ему верен, и таких набралось, по рассказам одних, человек семьсот, а по рассказам других - почти полторы тысячи. Верными оказались все переселенцы из Мекки, большинство же ансаров приняли сторону "лицемеров" и ослушались пророка. Вооруженные с ног до головы паломники вели с собой семьдесят украшенных цветами верблюдов, предназначенных для жертвоприношения.

Как следует выполнять паломничество в соответствии с волей Аллаха, никто не знал - идея паломничества озарила Мухаммеда внезапно, откровений, касающихся угодных и негодных богу обрядов, он не получил. Мусульмане шли вслепую за своим религиозным вождем и пророком, готовые следовать его примеру.

На первом же привале Мухаммед снял боевые доспехи и, совершив омовение, облачился в ихрам - белую набедренную повязку и белую накидку, - специально предназначенную для совершения паломничества одежду. Ихрам он препоясал мечом, и мусульмане последовали его примеру. В белых полотняных одеждах паломников, с мечами у пояса, погрузив оружие и доспехи на верблюдов, двинулись они по дороге к Мекке.

Через три дня пути Мухаммед получил достоверные сведения о реакции курайшитов - курайшиты поклялись не допустить пророка и его сторонников в Мекку, и их кавалерия под командованием Халида ибн Валида уже стережет выход из ущелья, по которому движутся

мусульмане.

- Горе курайшитам! - воскликнул пророк. - Война пожирает их! Доколе они будут мешать нам идти своим путем? Убьют ли они меня, или я одержу победу ведь они толпами устремятся в ислам! Но нет - они будут сражаться, пока у них хватит сил, но и я, клянусь Аллахом, выполню волю пославшего меня!

И он приказал найти проводника, который вывел бы мусульман к Мекке горными тропами. Проводника нашли, и паломники, свернув с главной дороги, двинулись в обход курайшитов.

Преодолев горы, они вступили в пределы священного мекканского округа и здесь, в долине аль-Худайбия, у заброшенного, но обильного колодца, Мухаммед приказал разбить лагерь.

Кочевники племени Хузаа, официальные союзники курайшитов и преданные друзья Мухаммеда, поспешили в Мекку с известием о том, что мусульмане в одежде паломников, с жертвенными верблюдами, украшенными цветами и ожерельями из цветных ремешков, мирно ожидают разрешения поклониться Каабе и выполнить древние обряды хаджа.

Политические страсти кипели в Мекке. Тайные мусульмане, которых среди курайшитов было немало, и сторонники немедленного и полного примирения с Мухаммедом призывали воспользоваться великодушием пророка и допустить его в город. Абу Суфиан, убежденный, что война с Мухаммедом уже проиграна, возглавлял партию умеренных - умеренные склонялись к тому, чтобы, не роняя престижа курайшитов в глазах кочевников, "разрешить" мусульманам совершить хадж. С теми или иными оговорками, но разрешить. Непримиимые язычники доказывали мекканцам, что Мухаммед явился самовольно и в этих условиях "разрешение" будет выглядеть как полная капитуляция. Никто не может поручиться, убеждали они колеблющихся, что за мирным паломничеством не скрывается коварный план беспрепятственно проникнуть в Мекку, а затем с оружием в руках обрушиться на курайшитов - ведь Бог Мухаммеда разрешил ему сражаться с язычниками и в священные месяцы мира и на священной территории. Непримиимые все еще надеялись выиграть войну с Мединой. Любой ценой преградить дорогу Мухаммеду, требовали они, и их точка зрения победила. Конница Халида ибн Валида отошла к Мекке, пропаганду в пользу Мухаммеда в городе грубо подавили, доступ мекканцам, симпатизирующим исламу, в лагерь Мухаммеда был закрыт.

Надежды Мухаммеда, что его появление в пределах мекканского округа во главе полутора тысяч вооруженных паломников вызовет в городе переворот, не оправдались - тайные его сторонники, на поддержку которых он рассчитывал, оказались недостаточно влиятельными. И все-таки пророк не терял надежды. Он предложил Омару отправиться в Мекку на переговоры с курайшитами, не пожелавшими прислать своих послов к нему в лагерь, но Омар отказался - всем известна моя ненависть к язычникам, объяснил Омар пророку, и в Мекке нет ни одного человека, который осмелился бы оказать мне покровительство; меня убьют, как только я покажусь в городе. Тогда Мухаммед отправил в Мекку своего зятя Османа ибн аль-Аффана.

Тревожно тянулось время в лагере Мухаммеда, и напряжение достигло предела, когда на второй или третий день кочевники принесли известие, что Осман, посол пророка и посланника Бога, предательски убит в Мекке. На мирные переговоры рассчитывать не приходилось, мусульманам оставалось либо с позором возвращаться в Медину, либо попытаться силой овладеть Меккой. Никто не знал, что прикажет пророк. Мухаммед же торжественно провозгласил, что он не уйдет от Мекки, не поразив врагов, и призвал верующих поклясться, что они будут биться насмерть.

- Кто присягает пророку, тот присягает самому Аллаху! - возвестил Мухаммед. Он стоял под плоской кроной аравийской акации, а мимо него нескончаемой лентой тянулись верующие, готовые сменить полотняные рубахи паломников на боевые доспехи. Каждый из них останавливался перед Мухаммедом и, глядя ему в глаза, внятно произносил слова клятвы, а

затем скреплял ее, ударяя своей ладонью по ладони пророка. Они клялись быть верными, подчиниться любому приказу пророка, ни при каких обстоятельствах не покидать его.

Долго длилась церемония присяги, всего лишь несколько человек из полуторатысячного войска Мухаммеда в этот критический момент уклонилось от клятвы. Большинство присягало с искренним воодушевлением, они радовались в душе, что паломничество отныне превращается, как они и надеялись, в военный поход, который даст им сразу все - и доступ к "заповедной мечети", и добычу, и пленных. Религиозный энтузиазм и жажду грабежа видел Мухаммед на лицах верующих.

Волнение в лагере мусульман улеглось, когда стало известно, что Осман не убит: курайшиты просто задержали его в Мекке, по-видимому, в качестве заложника. Они даже предложили Осману совершить обхождения вокруг Каабы, если он пожелает, но Осман отказался;

очевидно, тоска по Каабе не столь уж его мучила. Осман вновь заверил курайшитов в мирных намерениях пророка, и курайшиты послали к Мухаммеду для переговоров Сухайла ибн Амра в сопровождении вооруженной свиты.

Сухайл увидел в лагере все, о чем рассказывали в Мекке, - и предназначенных для жертвоприношения животных, и мусульман, препоясанных мечами поверх ихрама, и идеальный порядок, немислимую среди арабов дисциплину. Мухаммед встретил посла под тем же деревом, под которым он недавно принимал присягу, окруженный самыми влиятельными сподвижниками, которые оказывали ему поистине царские почести. Говорят, что, когда Сухайл, сидевший напротив Мухаммеда, случайно коснулся рукой его бороды, громкие крики возмущения раздались вокруг, ибо прикосновение поганого многобожника к особе пророка мусульмане расценивали как святотатство. Сухайл же делал вид, что нисколько не верит показному величию, которым окружен Мухаммед. Он убеждал пророка, что весь сброд, который тот привел против родного города и родного племени, покинет его, если дело дойдет до битвы. Курайшиты же, по словам Сухайла, все, как один, выйдут на защиту Мекки, если Мухаммед попытается силой пробиться к Каабе.

Впрочем, переговоры Мухаммеда с Сухайлом носили в значительной мере показной характер - с помощью Османа ибн аль-Аффана приемлемое для обеих сторон соглашение было уже подготовлено, оставалось только скрепить его письменным договором. Сухайл от имени курайшитов предложил заключить перемирие сроком на десять лет; что касается паломничества, то в этом году мусульмане от него воздержатся, а на следующий год курайшиты на три дня покинут Мекку, и Мухаммед беспрепятственно совершит хадж к Каабе, Мухаммед принял эти условия и приказал Али написать текст договора.

Это известие многие мусульмане встретили с негодованием. Даже преданный Омар воспротивился ему - разве не запретил нам Аллах вступать в соглашения с многобожниками, спрашивал Омар, обращаясь к Абу Бакру и Мухаммеду.

- Такова воля Аллаха, - ответил ему Мухаммед. - Я раб Аллаха и посланник его. Пиши, - приказал он Али. - "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного..."

- Нет! - запротестовал Сухайл, для которого введенные Мухаммедом такие названия верховного Бога были совершенно неприемлемы. - Пиши просто: "Во имя твое, о Боже!"

И Мухаммед уступил, несмотря на ропот мусульман.

- Далее пиши, - приказал он Али. - "Это договор между Мухаммедом, посланником Бога, и Сухайлом, сыном Амра..."

- Стой! - опять запротестовал Сухайл. - Если бы я верил, что ты посланник Бога, я бы не боролся с тобой! Поэтому укажи просто свое имя и имя отца.

И Мухаммед вновь уступил, не посчитавшись с негодованием мусульман, и в этом усмотревших оскорбление их веры.

- ... Между Мухаммедом, сыном Абдаллаха, и Сухайлом, сыном Амра..." продиктовал он Али. Договор провозглашал мир на десять лет, отказ мусульман от начатого паломничества и их беспрепятственный доступ к Каабе в следующем году. За кочевыми племенами признавалось право вступать в союз как с Меккой, так и с Мединой. Племя Хузаа тотчас же провозгласило себя союзником Мухаммеда, а племя Бакр, к которому принадлежала Халима, кормилица пророка, открыто присоединилось к курайшитам.

Мухаммед обязался выдавать курайшитам всех их соплеменников, которые без согласия своих патронов примут ислам и уйдут в Медину, курайшиты же, напротив, не обязаны были выдавать Мухаммеду тех, кто убежит от него в Мекку. Этот неравноправный пункт договора вызвал справедливое возмущение мусульман, однако Мухаммед подписал и его. Он знал притягательную силу победоносного ислама и оказался дальновиднее курайшитов. Точно выполняя условия договора, Мухаммед перестал отныне принимать в свою умму беглецов из Мекки, но многие из них обратно в Мекку не возвратились, а, сколотив крупную шайку, стали грабить курайшитские караваны на дороге вдоль Красного моря. Курайшиты не могли с ними справиться и обратились к Мухаммеду с просьбой обуздать занимающихся разбоем мусульман. Мухаммед им вполне резонно ответил, что это мусульмане не его, он не принял их к себе и не несет за них никакой ответственности. В конце концов курайшиты из двух зол выбрали меньшее и перестали требовать выдачи беглецов.

Вскоре Мухаммед получил и повеление Аллаха не возвращать мусульманок к их мужьям и опекунам - язычникам, а браки между мусульманами и язычниками запрещались. Многим мусульманам пришлось развестись со своими супругами, отказавшимися принять ислам. Омар развелся с двумя женами-язычницами, которые возвратились в Мекку.

Заклучив договор о мире с курайшитами, Мухаммед тотчас же объявил верующим, что паломничество будет закончено здесь же, на самом краю священного мекканского округа. И он стал молиться, обратив лицо в сторону Каабы, затем зарезал кремневым ножом предназначенных для жертвоприношения верблюдов, после чего Кихаш ибн Омейя бронзовой бритвой обрил ему голову.

Молча и сосредоточенно наблюдали мусульмане за действиями пророка, а затем нехотя и скрепя сердце последовали его примеру. Обряд жертвоприношения вдали от Каабы, источника Замзам и долины Мина ничего не говорил их уму и сердцу, они были унижены и разочарованы, но послушаться пророка не посмели. Впрочем, доходило и до открытого непослушания, и некоторые мусульмане не брили себе голову, а стригли, грубо игнорируя пример Мухаммеда. За это пророк их незамедлительно наказал:

- Господи! - воззвал он громким голосом во время очередной молитвы. Осени своей милостью бривших головы!

- И остригших?.. - с испугом напомнили ему непокорные мусульмане. Но Мухаммед, не замечая их, вновь призвал божье благословение на обривших головы, и только в третий раз воззвав к Господу, нехотя добавил: "...и на остригших".

- Я призывал милость на обривших потому, - объяснил он, окончив молитву, - что обрившие не ведают сомнения.

Уныло и разочарованно собирались мусульмане в обратный путь. Они не понимали пророка, заключившего мир с многобожниками, вырвавшего из их рук законную добычу, помешавшего им мечами проложить себе дорогу к Каабе. Простодушно они поверили обещаниям пророка, провозглашенным от имени самого Аллаха, что поход увенчается торжеством и победой, напрасно покинули они Медину и отправились в утомительное и дорогостоящее

паломничество, которое на поверку оказалось даже и не паломничеством. Выходило, что "лицемеры", благоразумно оставшиеся дома, оказались правы, они же, поверившие пророку, вели себя как глупцы.

- Аллах пощадил Мекку ради тех верующих курайшитов, о которых вы и не подозреваете, - объяснял Мухаммед. Что еще он мог им сказать, своим соратникам? Что любовь к родному городу и родному племени продолжает жить в его душе? Что курайшит-язычник, торговец и горожанин, ближе стоит к исламу, чем мусульманин-кочевник, полный предрассудков и суеверия, но лишенный веры в единого Бога, а главное, не испытывающий никакой потребности в едином Боге? Что ему нужно не истребить курайшитов, а завоевать их на сторону ислама?

Мухаммед был пророк и свой внутренний голос считал голосом Бога. Это было очевидно и в то же время необъяснимо. Он знал, что поступил единственно правильным образом, что он выполнил волю Аллаха, и свое убеждение стремился передать верующим. Но они не слышали голоса Бога, они были влюблены в жизнь ближнюю, они не понимали, что они лишь средство осуществления божественного провидения, как и он сам, Мухаммед, пророк и раб Бога.

- Кто присягал мне, - обрадовал Мухаммед мусульман, - тот присягал Аллаху. Рука Аллаха - над их руками. На них снизошла от Аллаха благодать чтобы ввести их в сады, где внизу текут реки, для вечного пребывания там и избавить их от дурных деяний, и это у Аллаха - великая милость!

- Был доволен Аллах верующими, когда они присягали тебе под деревом, и он узнал, что у них в сердцах, и низвел на них свою сакину (божественную благодать), и дал им в награду близкую победу и обильную добычу, которую они возьмут. Аллах - великий, мудрый!

Не знаем, как отнеслась дружина Мухаммеда к известию о снизошедшей на верных пророку божественной сакине, но полученное в откровении от Аллаха обещание близкой победы и обильной добычи мгновенно всколыхнуло лагерь. И Мухаммед не стал скрывать, какой подарок уготовил им Аллах - Хайбар, плодородный и богатый оазис Хайбар, давал Бог в награду верным. Только им, давшим пророку клятву под деревом, преданным и почти не знающим сомнения! Те же из мусульман, кто остался в Медине, и кочевники, которые не пожелали следовать за пророком, не получают ничего. Аллах запрещает брать их в поход против Хайбара, не получат они ни добычи, ни славы - таково наказание им за ослушание.

Предали курайшиты своих союзников из Хайбара! За перемирие с Мухаммедом, за временную безопасность Мекки. Мусульмане, роптавшие на уступчивость Мухаммеда, не знали, какую цену заставил Мухаммед заплатить курайшитов за сделанные им уступки, такие пункты соглашения не принято заносить на пергамент и диктовать при всех. Поистине для мусульман это был подарок Бога, неожиданный и щедрый, укрепляющий веру в Аллаха и в непогрешимость его пророка и посланника - Мухаммеда.

Бережно подбирали мусульмане пучки волос с обритой головы пророка и обрезки его ногтей, ибо действительно он был избранник Бога.

Празднично и победоносно вернулся Мухаммед в Медину после неудавшегося паломничества. Он не простил "лицемеров", и после полуторамесячного отдыха, в мае 628 года, повел против Хайбара только тех, кто приносил клятву при аль-Худайбии. Войско его насчитывало тысячу четыреста человек, в том числе двести всадников. Это была уже армия, достаточно дисциплинированная и сплоченная, поделенная на сотни, предводительствуемая талантливыми и бесстрашными командирами, среди которых были Али и Омар; группа незамужних мусульманок с разрешения Мухаммеда сопровождала войско, чтобы ухаживать за ранеными и помогать воинам; одна из них потом с гордостью рассказывала, что она целый

день ехала за спиной пророка. За несколько дней покрыли мусульмане расстояние до Хайбара и ночью вышли на окраину оазиса. Здесь пророк приказал остановиться и лишь наутро, получив счастливые предзнаменования, двинулся в глубь оазиса. Облако висело над мусульманским войском, солнце сверкало на шлемах и боевых доспехах, высоко над головами развевались боевые знамена белые, черные и украшенные изображением орла. В ужасе разбежались земледельцы Хайбара, с лопатами и корзинами вышедшие трудиться на свои поля, вопль "Мухаммед!" неся по всему оазису. Все спешили за стены укреплений.

- Аллах акбар! - кричал Мухаммед. - Аллах велик! Рушится Хайбар! Горе тем, кто был предупрежден и не внял!

- О Боже! - громко взывал он. - Господь небес, земли, духов и ветров! Даруй нам добро этого города, и добро его жителей, и все добро, которое в нем есть! И защити нас от зла этого города, и зла его жителей, и всего зла, которое в нем есть! Вперед, во имя Аллаха!

Многотысячное население Хайбара, земледельцы, ремесленники и торговцы, не могли противостоять мусульманам. Мелкие крепости оазиса падали одна за другой, а уцелевшие жители обращались в рабство. Некоторые селения сдавались без боя - за это их жителям разрешалось покинуть оазис, оставив все добро победителям. Дольше всего-десять дней-продержалась центральная крепость Хайбара. Под руководством Сальмана аль-фариси мусульмане подвели к ней рвы, а затем проломили стену тараном. Три дня после этого штурмовали они крепость - сперва Абу Бакр, а затем Омар со знаменами пророка устремлялись на приступ, но лишь Али удалось прорваться через пролом. Али, любимый герой мусульманских легенд. Лев Бога, потерял в битве щит, но не растерялся и, подхватив сорванные ворота крепости, устремился в пролом. Этого осажденные вынести не могли и тотчас же сдались.

В сражении за Хайбар, овеянном легендами и хвалебными гимнами, пало двадцать пять мусульман.

Расположенный к северу оазис Фудак сдался без боя - жители его предложили уплачивать Мухаммеду половину всего урожая ежегодно, и на этих условиях пророк обещал им мир и безопасность. Вся дань, которую обязался уплачивать Фудак, поступала в полное распоряжение Мухаммеда - это была добыча, взятая без боя, ради которой не пришлось гонять ни коней, ни верблюдов, личный подарок Аллаха своему пророку и посланнику...

Добыча была огромна - золотые и серебряные украшения, оружие, одежда, запасы зерна и фиников, скот и домашняя утварь, земля и финиковые пальмы, сотни рабов достались мусульманам. Но этого им было мало - среди развалин и пепелищ они искали зарытые сокровища яхуди, о существовании которых ходили упорные слухи. Тайну зарытых сокровищ пытались вырвать у плененных шейхов Хайбара с помощью пыток, но и это не помогло - сокровищ, по-видимому, просто-напросто не было. Кстати, пытали с ведома и согласия Мухаммеда, что не противоречило божественным откровениям, ибо Аллах требовал милосердного и братского отношения друг к другу, но беспощадного - к врагам.

Сложен был дележ огромной и разнообразной добычи, которым руководил лично Мухаммед - пророк и признанный третейский судья. Все захваченное без боя составляло его личную собственность. Ее он поделил на пять частей - одну часть Богу, вторую - себе, третью - своим родичам, сиротам, беднякам и путникам, четвертую - своим женам, пятую - мусульманам, которые помогли ему добиться мирной капитуляции оазиса Фудак.

Сам Хайбар и почти всю захваченную в нем добычу Мухаммед разделил на тысячу восьмьсот равных долей - все участники клятвы при Худайбии получили по одной доле, и каждый всадник еще дополнительно по две доли. Себе Мухаммед взял только красивую пленницу Сафийю, семнадцатилетнюю вдову недавно казненного по его приказу шейха и дочь

казненного за год до этого надирита; ее он заметил еще в разгар битвы и накинул на нее свой плащ, чтобы каждый знал, что она избрана для себя пророком. Обиженному мусульманину, считавшему, что Сафийя по справедливости должна принадлежать ему, Мухаммед уступил двух племянников Сафийи, также захваченных в плен.

Среди разгула победителей Мухаммед, как умел, выполнял свою миссию пророка и посланника Бога. Молился над павшими мусульманами - мучениками веры, для которых уготовано райское блаженство. Следил, чтобы не было пьянства и азартных игр. Чтобы не ели домашних ослов - мясо домашних ослов, пояснил он, запрещено мусульманам; верблюдов и лошадей есть можно, а осла нельзя, такова воля Аллаха, да и оазис разорять ни к чему - теперь это их же достояние, владеть им они будут всегда, и следует к нему относиться по-хозяйски. Пока одежда и верблюды не поделены - не трогать их, не портить, а то иной мусульманин, надев на себя трофейную одежду, глядишь, под шумок норовит ее утаить от справедливого дележа, а уличат его - отговаривается: взял, дескать, поносить на время, а присваивать ее и не собирался. Запретил Мухаммед менять золотые слитки на золотые монеты и серебряные слитки на серебряные монеты - менять подобное на подобное - ростовщичество, а ростовщичество - смертный грех в глазах Аллаха. А серебро на золото и золото на серебро менять можно - это честная торговля, обмен вещами разной природы.

Довел Мухаммед до сведения мусульман и новое повеление Аллаха, запрещавшее трогать беременных пленниц; а когда нет уверенности, беременна пленница или нет, то ждать, пока состояние ее не выяснится с несомненностью. Иначе, по представлениям Мухаммеда, может последовать недопустимое смещение чистого и нечистого мужского начала, ни права, ни обязанности родившихся детей невозможно будет определить.

Насколько действовали увещания Мухаммеда на праздновавших победу мусульман, сказать трудно. Все было - и пили, и в кости играли, и ослиное мясо ели. Но делали все это тайком и зная в душе, что совершают грех, а не с прежней языческой беззаботностью.

За четыре года походов и сражений соратники пророка незаметно превращались в воинов-профессионалов, не умеющих да и не желавших заниматься земледелием. Не о монотонном и тяжком труде мечтали они, а о новых удачных походах, о подвигах во имя веры, о добыче и славе. Селиться на захваченных в Хайбаре землях они не собирались. Это понимали племена Хайбара, купившие жизнь и свободу в обмен на обещание покинуть родные края, и они известили Мухаммеда о своем согласии остаться на тех же условиях, что и жители Фудака, - в качестве арендаторов, обязанных отдавать половину собранного урожая мусульманам. Мухаммед охотно принял их предложение, после чего по всем правилам был заключен письменный договор между Мухаммедом, пророком и посланником Бога, и племенами Хайбара. На их веру Мухаммед не посягал. Дела в Хайбаре были завершены, пора было возвращаться в Медину.

В один из последних дней пребывания в оазисе на Мухаммеда было совершено, если верить преданиям, очередное покушение. Пленница-рабыня, мстя за убитых близких, подала ему начиненное ядом жаркое из барашка. Мухаммед, ничего не подозревавший, выбрал себе лопатку, откусил большой кусок мяса и стал жевать. Но странный привкус насторожил его, и он поспешно выплюнул мясо. "Лопатка сказала мне, что она отравлена", - якобы рассказывал он впоследствии. Бишру ибн аль-Баре, который сидел рядом с пророком, кости барашка ничего не сказали, он проглотил отравленный кусок мяса и скончался; его причислили к тем, кто пал мученической смертью в борьбе за веру. Отравительницу отдали на казнь родственникам Бишра. Мухаммед остался жив, но порция яда досталась и ему, и здоровье пророка пошатнулось - именно с этих пор, по его словам, он стал страдать мучительными болями.

Отравили Мухаммеда в Хайбаре или нет - мы не знаем. Но болезнь его началась после похода в Хайбар. Бишр, деливший с пророком трапезу, умер, а Мухаммед считал причиной

своей болезни отравление. Возможно, он заболел тяжелой и не поддававшейся полному излечению формой плеврита.

Отравление не сразу сказалось на здоровье Мухаммеда, и по дороге в Медину он взял в жены или наложницы пленницу Сафийю, которая, очевидно по велению свыше, приняла ислам. Мусульманин Абу Айюб всю ночь ходил вокруг его брачной палатки с мечом в руках.

- Я боялся за твою жизнь, Мухаммед, - объяснил он наутро удивленному пророку. - Ведь ты убил ее отца и ее мужа, ты истребил весь ее народ, и еще недавно она была неверующей...

- Пусть тебя хранит Аллах, как ты хранил меня в эту ночь! - ответил ему Мухаммед. Опасения Абу Айюба были не лишены оснований, но совесть пророка была спокойна - все свершилось по воле Аллаха. Сафийя, которой по милости Всевышнего овладела десница Мухаммеда, была разрешена ему, его брак с ней был чист и безгреховен. И разве не Аллах руководил влечениями сердца своего пророка и посланника?

Возвращение в Медину было триумфальным. Лишенные добычи, "лицемеры" и кочевники искренне сожалели о своем недавнем ослушании, и Бог простил их участие в походах было вновь разрешено им.

- Вы будете призваны на народ, обладающий великой яростью! - пообещал Мухаммед бедуинам. - Вы будете сражаться с ними, или они предадутся. И если вы будете повиноваться, Аллах дарует вам хорошую победу, а если отвернетесь, как отворачивались раньше, Он накажет вас мучительным наказанием.

Во время похода в Хайбар из Эфиопии по требованию Мухаммеда прибыли последние остававшиеся там мусульмане - человек тридцать, считая женщин и детей, во главе с двоюродным братом пророка Джафаром ибн Абу Талибом. Среди вернувшихся, которые, как верные мухаджиры, получили долю добычи от завоевания Хайбара, была и родная дочь Абу Суфиана - Умм Хабиба, мусульманка почти с пятнадцатилетним стажем, овдовевшая в Эфиопии и там же просватанная за Мухаммеда. Пророк незамедлительно женился на ней - прочная нить родства связала его с многочисленным, богатым и влиятельным домом Омейядов.

Глава 23

Падение Мекки

Послания Мухаммеда

Приготовления к хаджу

Мухаммед исполняет древний обряд у стен Каабы

Брак пророка с Маймуной, свояченицей Аббаса

Поход на север

Смерть Зайда

Курайшиты нарушают перемирие

Поход на Мекку

Абу Суфиан принимает ислам

Войско пророка торжественно вступает в город

Принятие ислама мекканцами на холме ас-Сафа

Очищение Каабы от идолов

Милосердия Мухаммеда

Ещё за год-полтора до клятвы при Худайбии направил Мухаммед торжественные и исполненные достоинства послания правителям окрестных государств - эфиопскому негусу, византийскому императору Ираклию, владыке персидской державы Хосрою Ануширвану, византийскому наместнику в Египте Муковкису, правителям Йемена, Омана и Хадрамаута. "От Мухаммеда, посланника Аллаха, Негусу аль-Ашхаму, королю Эфиопии - мир тебе!" "От Мухаммеда, пророка и посланника Аллаха, - Ираклию, князю ромеев, - мир тебе!" - так начинал, если верить преданиям, свои послания Мухаммед. Далее он якобы призывал их всех принять ислам и не нарушать мира и дружбы с Мединой. "Свидетельствую, что Иса, сын Марйам, есть дух Бога и Его слово", - заверял Мухаммед христианских правителей, которые, по-видимому, рассматривали его как сектанта, успешно начавшего проповедь единобожия среди язычников, и относились к нему благосклонно. Как воспринял послание Мухаммеда император Византии, мы не знаем, но правитель Египта в знак своего расположения прислал Мухаммеду богатые подарки - драгоценные камни, масло и мед, белую ослицу, белого мула, прекрасного скакуна и двух красивых рабынь - сестер Марйам и Ширену.

Марйам-коптянку Мухаммед оставил себе в качестве наложницы, а ее сестру подарил кому-то из своих сподвижников, ибо закон запрещал ему объединять родных сестер.

Хосрой, по словам преданий, был возмущен наглостью Мухаммеда, осмелившегося обратиться к нему, великому государю, как равный к равному; он разорвал его послание и написал своему наместнику в Йемен:

"Дошло до меня, что в Ясрибе появился сумасшедший, возомнивший себя пророком; пришли мне его самого или его голову".

Напрасно возгордился правитель персов! Не прошло и года - и вот он уже убит собственным сыном, а держава его объята смутой. История, казалось, сама расчищала дорогу исламу - не протянут персы руку помощи курайшитам из Мекки, не пошлют своих наместников обуздать опасно усилившегося Мухаммеда...

По-арабски и по-сирийски, по-гречески и по-персидски заносят писцы на пергамент послания Мухаммеда шейхам кочевых племен и правителям оазисов. По-разному обращается пророк к сильным и слабым, к язычникам и людям писания - яхуди и насара.

- Посланник Аллаха - племенам Джухайна и Джур-муз, - диктует Мухаммед, - если вы станете мусульманами и будете выполнять обряды, и давать закат, и повиноваться Аллаху и Его посланнику, и давать пятую часть добычи и долю пророка; если вы провозгласите ислам открыто и отойдете от многобожников - безопасность ваша под покровительством Аллаха и под покровительством Мухаммеда. Размер милостыни, причитающейся с вас, - десятая часть урожая и приплода от стад...

- Посланник Аллаха - племени Джанбах и всем яхуди города Магна, диктует Мухаммед по-арабски, и писец записывает по-арамейски.- Как только мое письмо дойдет до вас, вы в безопасности: вам покровительство Аллаха и покровительство Его посланника. Посланник Аллаха будет защищать вас, как самого себя. Посланнику же Аллаха принадлежат все дорогие одежды ваши, и все рабы ваши, и все лошади, и все оружие - кроме того, что не потребуется посланнику Аллаха и посланникам посланника Аллаха. Посланнику Аллаха четвертая часть того, что соткут ваши женщины. А после этого вы свободны от всех налогов...

- Посланник Аллаха - епископу племени аль-Харис и епископам Неджрана, диктует Мухаммед обращение к насара, чтящим Иисуса, сына девы Марии. - И их жрецам, и их последователям, и их монахам - всех церквей и монастырей, больших и малых. Если вы будете хранить мир и добросовестно выполнять принятые на себя обязательства - ни один епископ не будет изгнан из своей епархии, ни один монах - из своего монастыря, ни один священник не лишится своего алтаря...

Во все стороны от Медины через горы и пустыни движутся гонцы Мухаммеда. Со всех сторон тянутся к городу караваны, груженные данью, милостыней и подарками - на прокормление беднякам-мусульманам, на покупку оружия и доспехов, на содержание семьи пророка и его бесчисленных родственников. Финики и зерно, сухой овечий сыр сносят в общественные закрома - это запасы для будущих походов, они предназначены и для тех, кто отправится сражаться во имя веры, и для их семей - когда мусульманин уходит воевать, семья его не остается брошенной на произвол судьбы, умма пророка печется о ней. Сражайтесь спокойно, воины ислама! Семьи ваши не умрут от голода, ежемесячно будут выдавать им зерно или финики, и мясо, если оно есть, и кусок материи, чтобы не ходили оборванными и не были унижены. Правда, нередко приходится помогать беднякам и семьям воинов не финиками и мясом, а всего лишь финиковыми косточками - это тоже ценность, их размалывают и скармливают верблюдам, в голодное же время пекут из них лепешки.

Вторую половину 628 года и начало 629 года провел Мухаммед в Медине. В гористый Неджд и выжженную солнцем Тихаму отправляет он дружины мусульман против непокорившихся еще кочевников, против жителей мелких оазисов. Каждый отряд напутствует Мухаммед пророческим благословением, каждому лично вручает боевое знамя. Башир ибн Саад, Омар, Абан ибн Саад ведут в бой верующих именем Бога и его посланника.

Союзников курайшитов Мухаммед на время оставил в покое - перемирие не нарушают ни курайшиты, ни мусульмане, мекканские караваны вновь получили доступ в Сирию, мединцы беспрепятственно торгуют с Йеменом.

Главная забота Мухаммеда - хадж, предстоящее паломничество к Каабе. То, что Кааба - запретная мечеть и величайшая святыня в глазах Аллаха, то, что ее построили Ибрахим и Исмаил по указанию Бога и под руководством ангела Джibriла, - все это Мухаммед осознал уже давно, вскоре после переселения в Медину и полного разрыва с яхуди и насара, не пожелавшими признать его пророком. Полученные им откровения засвидетельствовали это с несомненностью, паломничество к Каабе не только угодно Богу, это обязанность каждого верующего.

Медина гудит от споров - предстоящий хадж волнует всех, путаница и многообразие разноплеменных обрядов паломничества смущают души мусульман. Что унаследовано от Ибрахима, то есть чисто и угодно Аллаху? Что есть мерзость языческая?

Больше всех мучается Мухаммед - он пророк, на нем лежит главная ответственность. К истине он идет испытанным путем - единственно возможным и единственно правильным: размышлениями, молитвами и созерцанием доводит он себя до тех состояний, когда в душе его начинают звучать слова Бога.

Скорчившись, лежит он на полу своей хижины по окончании ночной молитвы, и дрожь пробегает по всему его телу, и сквозь звон и гул в ушах доносятся до него слова:

- Хадж - известные месяцы, и кто обязался в них на хадж, то нет приближения (к женщине), и распутства, и препирательства во время хаджа...

Утром в мечети Мухаммед сообщит верующим, что время хаджа определено с несомненностью - паломничество, удобное Аллаху, следует совершать в месяцы шаввал, зу-л-каада и зу-л-каджжа. И разовьет в проповеди скупые слова Аллаха - очистите свои тела

и души, призывает он верующих, проникнитесь намерением совершить угодное Богу, не допускайте нечестивых поступков и злых дум во время паломничества! Проповедь все время прерывает Мухаммед молитвой, и верующие молятся вместе с ним. Уместно напомнить верующим и о прежних повелениях Аллаха, касающихся Каабы, об Ибрахиме и Исмаиле, а заодно и о поганых многобожниках, все еще владеющих запретной мечетью.

- Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, - напоминает пророк, - но не преступайте, поистине Аллах не любит преступающих!

И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн - хуже, чем убиение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных... И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения!

И опять короткая молитва. Иногда, закончив ее, пророк неожиданно начинает выкрикивать проклятия врагам веры и своим врагам - "лицемерам" и многобожникам, спорщикам и упрямам - или торжественно призывает милость Аллаха на преданных вере, на тех, кого все еще мучают курайшиты...

Страшно проклятие пророка, устами которого вещает Бог, радостно его благословение.

Скупые и лишенные поэзии слова откровений не всегда даются Мухаммеду так просто. Иногда не легкая дрожь, а мучительные судороги сводят его тело, и пена течет из его рта, и стоны вырываются из его больной груди... И все эти страдания - ради крохотного отрывка божественного Корана. Но иного пути к истине нет, все остальное - зыбко и ненадежно.

Постепенно вырисовывается общая картина угодного Аллаху паломничества.

- Ас-Сафа и аль-Марва - из примет Аллаха:

нет греха на том, кто обойдет кругом обоих... Новолуния - определение времени для людей и для хаджа:

исправление лунного календаря Аллах запретил.

- Совершайте хадж ради Аллаха и просите у Господа добра не только в ближней жизни, но и в последней! Если вы бедны - то из жертвенных животных, что легко. А кто из вас болен или у него страдание в голове, то выкуп постом, или милостыней, или жертвой. И не брейте своих голов, пока жертва не дойдет до своего места.

- Одежда паломника - ихрам, - учил Мухаммед. - Игла не должна касаться ихрама, сшивать куски материи - грех. В ихраме нужно совершать обхождения вокруг Каабы, а не в обычной одежде, тем более не обнаженными, последнее мерзость в глазах Бога, как и свист, и крики, и рукоплескания. Все это невежество. С молитвами и стихами Корана должны идти верующие к Каабе. И возвращаться после паломничества в свой дом через окно - предрассудок, выдумка многобожников, Аллах не учит этому. И поклонение священным верблюдцам, пасущимся на воле, и священным коровам, и священным овцам заблуждение языческое, тяжкий грех...

Бесчисленные вопросы верующих, жаждущих придать действенность религиозному и одновременно магическому обряду паломничества, избежать роковых ошибок. В каждом глубоко укоренилось собственное представление об угодном Всевышнему, нет конца спорам, не всегда ответы пророка звучат для верующих убедительно. И не все ответы Мухаммеда дошли до нас, нет еще у пророка полной ясности - молчит предание о том, как относился он в описываемое время к посещению других святынь Мекки - долины Мина, гор Арафат и Мудзалифа.

В марте 629 года две тысячи верующих во главе с пророком двинулись на юг, по мекканской дороге, ведя за собой верблюдов, быков, козлов и баранов для жертвоприношения. Паломники сняли, как и обещали курайшитам, оружие и доспехи и оставили на себе только мечи, препоясанные поверх ихрама.

Никто не собирался мешать им. Язычники должны были прийти на поклонение святыням недели через две, и окрестности Мекки были пустыни. Лишь немногие курайшиты покинули Мекку, когда к ней подошли паломники-мусульмане; остальные, столпившись у дверей Дома собраний и взобравшись на крыши домов, с интересом наблюдали за тем, как Мухаммед и его сторонники будут совершать обряды.

Мухаммед, подойдя к Каабе, закинул полу ихрама на левое плечо, так что правая его рука обнажилась. Он прижался грудью к стене между дверью храма и Черным камнем, приложился к Черному камню и побежал вокруг Каабы, часто перебирая ногами и слегка подпрыгивая, как это издревле и полагалось делать. Незаметно для следовавших за ним на некотором расстоянии мусульман пророк прикоснулся правой рукой к южному углу Каабы, а затем поцеловал руку: это был чисто курайшитский обычай, не распространенный среди других племен и необязательный для верующих.

Три раза обежал Мухаммед вокруг Каабы, прикладываясь каждый раз к Черному камню, а остальные четыре обхождения совершил шагом.

На этом главная церемония была завершена. Курайшиты остались довольны древний обряд Мухаммед выполнил правильно, ничто в его действиях не оскорбляло языческих представлений о достойном поклонении Каабе. Потом пророк заклал предназначенных для жертвы козлов и баранов, обрил голову, остриг ногти и снял ихрам - хадж был выполнен.

Как вели себя остальные мусульмане во время этого первого в исламе хаджа - предания умалчивают. Надо полагать, что самые верные и преданные среди них точно подражали пророку и в долину Мина не ходили.

Свое пребывание в Мекке намеревался Мухаммед завершить бракосочетанием с Маймуной - вдовой-мусульманкой, свояченицей Аббаса, связанной узами тесного родства с влиятельными семействами Мекки. Этот полезный Мухаммеду союз подготовил Аббас, в это время уже тайно принявший ислам. На дружеском пиру хотел встретиться Мухаммед с язычниками-курайшитами, чтобы ускорить их обращение на праведный путь, но партия непримиримых вновь сорвала его планы.

- Время твое истекло, Мухаммед, уходи, - заявили ему посланцы курайшитов, как только окончились третьи сутки его пребывания в Мекке, а его приглашение на брачный пир решительно отклонили.

И Мухаммед подчинился их требованию, ибо таково было условие договора, заключенного между ним и курайшитами при Худайбии: три дня и ни часом больше могли мусульмане пробыть в Мекке. Он удалился из города, на краю священного округа отпраздновал свою свадьбу с Маймуной, а затем возвратился в Медину.

Мухаммед не торопился - дни Мекки были сочтены. Тщетно пытались непримиримые из курайшитов, все еще возглавлявшие Мекку, заручиться поддержкой персидских наместников на юге Аравии - междоусобная борьба охватила персидскую державу после падения Династии Сасанидов, и никому не было дела до судьбы Мекки. Далекое кочевали враждебные Мухаммеду племена Гатафан, с трудом отбивая атаки мусульман, и не могли они, бросив на произвол судьбы семьи и стада, в критическую минуту прийти на помощь курайшитами. Своего самого искусного дипломата - Амра ибн аль-Аса отправили курайшиты с посольством в Эфиопию, но и эфиопский негус отказался им помочь.

Боги Каабы перестали покровительствовать Мекке, неумолимое движение истории доказывало могущество Аллаха и правоту ислама, и наиболее дальновидные курайшиты поспешили воспользоваться миролюбием Мухаммеда - одни тайно принимали ислам, как Аббас, другие сообщали пророку о своей готовности оказать ему поддержку, когда он открыто выступит против Мекки, третьи спешили в Медину.

Браки Мухаммеда с дочерью Абу Суфиана и Маймуной сделали дорогу в Медину для многих курайшитов безопасной - как родственники пророка шли они принимать ислам, не страшась ненависти мусульман.

Вскоре после паломничества явился к Мухаммеду прославленный Халид ибн Валид, ударом своей конницы решивший некогда исход битвы при Оходе, сын давнего врага Мухаммеда - аль-Валида-аль-Мугиры, удостоенного проклятий в Коране. Маймуна приходилась Халиду теткой, и Мухаммед с радостью принял его. Вместе с Халидом пришел и Амр ибн аль-Ас - истинная вера проникла в его сердце, когда он возвращался после неудавшихся переговоров в Эфиопии, и прямо из Джидды, не заезжая в Мекку, он поспешил к Мухаммеду.

Осман ибн Тальха, и сын Сухайла, заключившего с Мухаммедом договор при Худайбии, и сын такого-то, и сын такого-то - длинный перечень беглецов из Мекки. Все самое талантливое и энергичное уходит из города, отрекается от никчемной веры отцов, стремится под победоносное знамя Аллаха.

Недаром Мухаммеда враги называли поэтом и прорицателем, человеком, в которого вселяется джинн. позволяющий ему постигать скрытое и тайное в людских душах. Опытным взглядом пророка смотрит он на Халида ибн Валида, и на Амра ибн аль-Аса. и на других недавних язычников, принявших ислам накануне падения Мекки, и убеждается, что вера их чистосердечна, а готовность сражаться на пути Аллаха безмерна. Незачем ему, пророку, сдерживать их пыл, ни к чему вспоминать старые обиды - все верующие братья! Богатыми подарками и доверием награждает Мухаммед новообращенных, и широкое поле деятельности открывает он перед ними. Пусть ропщут ветераны ислама Мухаммеду нужны талантливые люди, не колеблясь назначает он Халида ибн Валида и Амра ибн аль-Аса предводителями мусульманских дружин, и весть об этом бежит в Мекку, рассеивая последние опасения язычников. Не будете вы унижены, казалось, говорит им пророк, если покоритесь, не ждет вас казнь, если сдадитесь и примете ислам! Смело рассчитывайте на готовность милосердного Аллаха простить вас - всех, кроме немногих...

Догадывался ли Мухаммед, что Халид ибн Валид пронесет знамя ислама до пределов далекого Китая? Что под ударами конницы Амра ибн аль-Аса падет Египет? Вряд ли. К арабам послал его пророчествовать Аллах, Аравия поглощает его внимание, и в мечтах о торжестве ислама грезятся ему лишь Йемен и Оман, Хадрамаут и Бахрейн да северные арабские княжества, подпавшие под влияние Византии и Персии. Именно к походу на север, к границам Византии, готовит Мухаммед своих соратников сейчас, летом 629 года, по возвращении из Мекки. Гассаниды, союзники Византии, убили его посла, и Мухаммед намеревается заставить их дорого заплатить за это. Добыча, захваченная в Хайбаре, и дань, поступающая из Фудака, и милостыня, присылаемая кочевниками, - все брошено им на снаряжение гигантской армии, которую он намеревается возглавить. К сентябрю трехтысячное войско мусульман готово к походу, но усилившаяся болезнь, вызванная отравлением в Хайбаре, заставляет Мухаммеда остаться в Медине.

Командование он поручил любимому Зайду ибн аль-Харису, а своего двоюродного брата Джафара ибн Абу Талиба, недавно вернувшегося из Эфиопии, и Абдаллаха ибн Раваха назначил его заместителями. Только им троим объясняет пророк цели и задачи экспедиции.

В черной чалме и черном плаще провожает Мухаммед самую крупную армию верующих, которую до сих пор ему удавалось собрать, в далекий поход на север. Авситы и хазраджиты,

мухаджиры и кочевники проходили мимо него каждое племя, каждый крупный клан выступал отдельно, со своим предводителем, под своим стягом, с имевшимися у него верблюдами и оружием. Сложное и громоздкое ополчение, которым трудно руководить в бою; но иначе арабы не воевали. Отряд за отрядом напутствовал пророк благословением.

- Аллах акбар! Аллах велик! Победа и смерть в бою равно прекрасны! неслось ему в ответ.

- Бог един! - кричал, прощаясь с пророком, новообращенный Халид ибн Валид, отправлявшийся навстречу своей первой битве на пути Аллаха. Ему Мухаммед поручил командование конницей.

Бесславно закончился первый великий поход на север. Близ реки Иордан, в долине Мута, встретились мусульмане с регулярными войсками Византии и отрядами арабов-гассанидов - стотысячная армия, по словам преданий, преграждала им путь. Но численность врагов не смутила полководцев пророка не дрогнув, повели они мусульман в бой. А мусульмане... не пошли. И пали в первой же стычке и Зайд, и Джафар, и Абдаллах - все предводители армии и с ними еще пять или семь мусульман. Остальных сплотил вокруг себя Халид ибн Валид и привел обратно в Медину.

Мединцы осыпали вернувшихся насмешками и оскорблениями - за трусость, за то, что не расплатились за кровь убитых. Особенно порицали Халида Мухаммед же был ему благодарен за спасение армии.

Горе в доме Мухаммеда - убит его бывший приемный сын, любимый и верный Зайд, убит двоюродный брат Джафар. При всем народе обнимает он осиротевших детей Зайда и Джафара и торжественно обещает заботиться о них. Прижав к себе самого старшего сына Зайда, Мухаммед клянется, что смерть Зайда будет отомщена. В видении открыто пророку, что и Зайд, и Джафар, и Абдаллах, павшие смертью мучеников, уже находятся в райских садах, покоясь на золотых ложах. Велика милость Аллаха! Всего десять самых преданных героев-мучеников удостоил Бог при жизни Мухаммеда такой награды. А во сне пророк видел Джафара, летящего на юг, и кровь капала с его белоснежных крыльев.

Поражение при Муте - не первая неудача мусульман и не последняя. Победы и неудачи давно уже стали буднями, они следуют друг за другом нескончаемой чередой, множится число павших за веру. Мелкие поражения сменяются крупными победами, силы Мухаммеда растут, понемногу мусульмане теснят племенные союзы кочевников-язычников.

Лишь договор о перемирии на десять лет, заключенный при Худайбии, мешает Мухаммеду немедленно покончить с Меккой. Под этим договором стоит его имя - имя пророка и посланника Аллаха, а верность данному слову представляет для Мухаммеда огромную ценность. Именно полагаясь на нерушимость его слова, сдаются ему без боя и многобожники, и яхуди, и насара, безукоризненная честность служит порукой истинности и неискаженности посланий Аллаха, которые Мухаммед передает верующим. Не может пророк нарушить договор о перемирии, и Мухаммед терпеливо ждет, когда курайшиты первыми обнаружат свою враждебность.

Ждать приходится недолго. В ноябре люди из союзного курайшам племени Бану Бакр, платя по давним счетам кровной мести, убили несколько человек из племени Бану Хузаа, дружественного Мухаммеду. На хузаитов напали ночью, на территории мекканского округа, где они чувствовали себя в безопасности благодаря перемирию, и в нападении участвовало несколько курайшитов.

Нарушение договора, заключенного при Худайбии, налицо, и встревоженный Абу Суфиан спешит в Медину улаживать конфликт. Но Мухаммеду не нужен мир с Меккой, он даже не допускает к себе Абу Суфиана. От Абу Бакра к Омару, от Омара к Осману ибн аль-Аффану мечется Абу Суфиан - никто не хочет с ним разговаривать, никто не намерен содействовать

его встрече с Мухаммедом. Даже родная дочь Абу Суфиана, благочестивая жена пророка Умм Хабиба, пускает его в свой дом только из вежливости - он многобожник, нечистый, его прикосновение оскверняет ковер, на котором иногда сидит пророк...

Никто не хочет помочь Абу Суфиану. Только Али, сжалившись, бросает ему многозначительный намек - не настаивай на встрече с Мухаммедом, возвращайся в Мекку, для тебя это самое лучшее...

И Абу Суфиан поспешно возвращается в Мекку и рассказывает курайшитами, что ему не удалось повидать Мухаммеда.

Тем временем в Медине и ее окрестностях по призыву Мухаммеда накапливаются силы мусульман. Всем ясно, что готовится крупная экспедиция, но никто не знает, куда пророк направит удар - на север, отомстить убийцам Заида и Джафара? На восток - против племени Гатафан или Хавазин? На юг-против курайшитов? Холодными ночами горят в окрестностях города костры, закутавшись в плащи, греются около них кочевники, созданные Мухаммедом. А пророк и его ближайшие соратники хранят молчание - только слухи, противоречивые и порой фантастические, долетают до курайшитов.

Постепенно, неведомыми путями, вырисовывается цель готовящегося похода - Мекка. И сейчас же по приказу Мухаммеда перекрываются все дороги и тропы, ведущие на юг.

- Боже! - молился Мухаммед. - Лиши курайшитов ушей и глаз, чтобы мы могли захватить их врасплох!

Преданные пророку люди следят, чтобы никто не подал вести курайшитами, обо всех подозрительных ему немедленно доносят. Мусульманин Хатиб ибн Абу Балтаа уговорил певицу-вольноотпущенницу отнести его письмо в Мекку и заплатил ей за это немалые деньги, но "голос с неба" почти тотчас же уведомил об этом пророка, он посылает вдогонку Али. Певица схвачена, но в ее вещах письма не находят. "Голос с неба" не мог обмануть пророка, в этом Али убежден. Или ты сама отдашь письмо, или тебя разденут, грозит он женщине, и та сдается: скинув покрывало, она достает спрятанное в волосах письмо Хатиба к курайшитами.

Хатиба ведут на суд к пророку.

- Я не хотел причинить вред, - клянется Хатиб. - Я хотел только спасти свою семью, оставшуюся в Мекке. Кто защитит ее от ярости курайшитов, когда они узнают, что мы идем на них?

Омар требует смертной казни для изменника, но Мухаммед прощает Хатиба.

- Бог благосклонен к тем, кто сражался при Бадре, - объясняет он свое великодушие, - а Хатиб сражался. Не было у Хатиба злого умысла. Вина его - в другом: все эти годы он таил в душе любовь к своим родным, оставшимся с многобожниками. Многие ли верующие побороли в себе любовь к врагам Аллаха и нашим врагам?

- О вы, которые уверовали! - сообщил Мухаммед после прощения Хатиба новое послание Аллаха. - Не берите друзьями Моего и вашего врага. Вы обращаетесь к ним с любовью, а они не уверовали в то, что пришло к вам из истины. Они изгоняют посланника и вас за то, что вы веруете в Аллаха, Господа вашего. И когда вы вышли сражаться на пути моем и искать моей милости, вы скрываете к ним любовь.

Если они встретят вас, то будут вам врагами и протянут к вам руки и языки со злом. И не помогут вам ни ваши родственники, ни ваши дети в день воскресения - Аллах разделит вас.

Может быть, Аллах установит между вами и теми, с кем из них вы враждуете, любовь - ведь

Аллах мощен, Аллах прощающ и милостив! Он не запрещает вам быть справедливыми к тем из них, которые не сражались с вами из-за веры и не изгоняли вас из ваших жилищ, - Аллах любит справедливых!

Таково было напутствие Аллаха тем, кто отправлялся в поход против Мекки, - беспощадность к врагам, благосклонность к многобожникам, не принимавшим участия в гонениях на мусульман, обещание установить любовь между мусульманами и курайшитами, все еще пребывающими в язычестве... Напутствие, обнимающее все случайности, которые могли ожидать мусульман при завоевании Мекки,- от отчаянного сопротивления до полной покорности.

В начале рамадана наступил пост, и многие решили, что поход на Мекку откладывается. Но уже на девятый день поста Мухаммед отдал приказ выступать - неожиданно для всех, даже для самых близких своих соратников; Айша уже собирала в дорогу вещи пророка, а Абу Бакр еще ничего не знал.

10 рамадана (1 января 630 года), в годовщину смерти Хадиджи, повел Мухаммед мусульман на Мекку. Сам он ехал на белом муле, подаренном правителем Египта, окруженный, как всегда, ближайшими сподвижниками, а впереди и позади него по главной мекканской дороге двигались отборные сотни закованных в доспехи мухаджиров и ансаров. Кочевники, мусульмане и язычники, собранные в окрестностях Медины, шли на юг караванными тропами справа и слева от главной дороги. В походе Мухаммед и мусульмане продолжали пост,

и лишь с заходом солнца им была дозволена еда и питье. Тускло светились редкие костры на ночных стоянках - Омар, руководивший многотысячной армией на марше, следил, чтобы не трубили трубы, чтобы зарево огней на привалах не дало знать многобожникам об уготованном для них наказании. В Марр аз-Захран, на расстоянии двухдневного перехода от Мекки, Мухаммед распорядился прекратить пост и разбить лагерь - город курайшитов лежал перед ним беззащитным.

Паника охватила Мекку, когда 17 рамадана узнали ее жители, что Мухаммед с огромным войском уже находится вблизи. Семнадцатое число месяца рамадана о многом напоминало курайшитам - это был день их поражения при Бадре, день беспощадной резни. В той знаменательной битве один мусульманин сражался против трех курайшитов, и все-таки мусульмане победили. Сейчас же десятитысячная прекрасно вооруженная и закаленная в боях армия идет на них, а среди жителей Мекки так много друзей Мухаммеда, так мало людей, готовых сражаться... Аббас бежал тайком в лагерь пророка и принял ислам, другие готовились последовать его примеру.

Лишь ужас перед резней, которая начнется в городе, когда в него ворвутся приведенные Мухаммедом кочевники, когда мухаджиры, изгнанные курайшитами и разоренные ими, начнут сводить старые счеты, когда родственники павших в битвах начнут взыскивать кровь с курайшитов, толкает жителей Мекки на отчаянное сопротивление.

Спасти Мекку и племя курайшитов может только немедленная и добровольная капитуляция - это понимают самые дальновидные отцы города, и Абу Суфиан, который обязан предводительствовать на войне, поспешно направляется в лагерь Мухаммеда. С собой Абу Суфиан ведет сына-подростка - как заложника и свидетеля искренности его визита. Абу Суфиана сопровождает Будайл - один из шейхов хузаитов, мусульманин и друг Мухаммеда.

С опасностью для жизни пробравшись ночью мимо сторожевых постов и шатров мусульман, многие из которых готовы его прикончить на месте, Абу Суфиан достигает наконец палатки Мухаммеда, в руках которого судьба Мекки.

Склонившись перед ним, Абу Суфиан твердо произносит исповедание веры:

- Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха! Свидетельствую, что ты пророк и посланник божий!

С непреклонной ненавистью смотрит на него Омар, враждебны лица приближенных к пророку ансаров - многие, слишком многие мусульмане считают смерть Абу Суфиана и безжалостное наказание курайшитов справедливым и желательным.

Абу Суфиан, как умеет, помогает в эту минуту Мухаммеду обуздать ненависть мусульман.

- Я сделал все, чтобы изгнать тебя, я боролся с тобой, как мог! кается он. - Но ты и Бог, который руководит тобой, непобедимы! И вот я свидетельствую, что ты - пророк и печать пророков! С этой минуты ты дороже мне отца и матери. Если бы существовали другие боги, в которых я верил раньше, они помогли бы нам - но нет других богов, кроме Аллаха! Свидетельствую, что наше поражение - от Бога, и ваша победа - от Бога, и нет с этой минуты сомнений в моей душе! Курайшиты ждут от тебя милосердия, Мухаммед! Они готовы принять ислам и присягнуть тебе, пророк и посланник Бога! Они готовы сражаться на пути Аллаха своими душами и своим имуществом, клянусь тебе! Никто не выступит против тебя, если я скажу курайшитами, что они могут рассчитывать на твоё милосердие!

- Аллах милостив и милосерден, Абу Суфиан! Возвращайся к курайшитами те, кто покорится, будут прощены. Укрывшимся в твоём доме - безопасность;

укрывшимся в Каабе - безопасность; и укрывшимся за дверями домов своих - безопасность. Но не будет пощады врагам Аллаха, даже если они спрячутся от меня под пологом Каабы!

Таковы условия Мухаммеда - пощада всем, кроме немногих.

На рассвете Абу Суфиан, оставив заложником своего сына, отправляется в Мекку, чтобы убедить курайшитов сдаться без боя. На много километров раскинулся лагерь мусульман - десятки знамен реют над стоянками отдельных племен и кланов.

- Мухаджиры, - объясняет Абу Суфиану сопровождающий его Аббас, показывая на сидящих у костров воинов, с ног до головы закованных в доспехи - только глаза блестят из-под шлемов. - Здесь они все до одного. Ансары выступили тоже все - их здесь тысячи и тысячи. И сулаймитов не меньше тысячи, они тоже мусульмане. А это племя музайна - мусульмане и многобожники - все они устремятся в битву по слову Мухаммеда; их тоже до тысячи. И остальные кочевые племена тоже здесь. Кто остановит их? Что будет с Меккой, если они ворвутся в нее?

Опытным взглядом охватывает Абу Суфиан ряды палаток и шатров, дымящиеся на равнине костры, стреноженных верблюдов и лошадей - и убеждается:

больше десяти тысяч воинов собрал здесь Мухаммед, всякая попытка противиться этой силе - безумие и самоубийство.

- Курайшиты! - обратился к мекканцам Абу Суфиан по возвращении в город. - Мухаммед завтра будет здесь - с ним все мухаджиры и ансары, тысячи кочевников. Нет такой силы, которая защитила бы нас! Судьба наша решена пора признать власть Мухаммеда. Положитесь на его слово - оставайтесь по домам, не поднимайте против него оружия, и он пощадит вас - вас, и ваши семьи, и ваше добро! Кто боится - идите в мой дом: Мухаммед поклялся, что они будут в безопасности! Идите в храм - Мухаммед поклялся, что укрывшиеся в храме будут невредимыми!

Каждый, кто поднимет оружие против Мухаммеда, поднимает его против нас, курайшиты! Если мусульмане силой ворвутся в город - кто тогда поручится за безопасность наших женщин и детей? Мухаммед не сможет тогда поручиться за безопасность наших женщин и

детей! Мухаммед не сможет тогда остановить побищца. Не давайте безрассудным погубить нас, о курайшиты! Если не будет сопротивления, кочевники не войдут в Мекку!

Оскорбительные выкрики неслись в адрес Абу Суфиана, исступленные проклятия посылали ему матери тех, кто бессмысленно погиб в битвах с мусульманами - в битвах, на которые призывал их раньше Абу Суфиан. Но большинство понимали, что Абу Суфиан прав - сдаться без боя и покориться Мухаммеду - другого выхода нет. Слово Мухаммеда нерушимо, родственники-мухаджиры не оставят своих на произвол судьбы, если в город не ворвутся кочевники, все кончится хорошо.

И ислам их уже давно не пугает - разве те, кто принял ислам, не благоденствуют? Что потеряли Халид ибн Валид и Амр ибн Ас и многие другие, признав Мухаммеда пророком? Бессильны боги Каабы перед Богом Мухаммеда.

И курайшиты решили сдаваться.

Недалеко от города, в долине Зу Тува, Мухаммед разделил свои силы. Левое крыло мусульман под командованием аль-Зубейра начало охватывать Мекку с северо-востока. На правом фланге Мухаммед собрал кочевников - самых опасных своих союзников, на послушание которых он не особенно рассчитывал. Начальником над ними он поставил Халида ибн Валида - пророк был убежден, что Халид сделает все, чтобы удержать кочевников от ненужного кровопролития.

В центре выступали ансары и мухаджиры - их повел Саад ибн Убайда.

- Нет святынь в день битвы! - радостно воскликнул, по словам преданий, Саад, получив из рук пророка боевое знамя, и Мухаммед его немедленно сместил, опасаясь за судьбу Мекки. Вместо Саада он назначил командиром Али.

- Поражайте только тех, кто окажет сопротивление! - настоятельно требовал Мухаммед.

Курайшиты не сопротивлялись. Несколько случайных стычек, спровоцированных кочевниками, и войска мусульман торжественно и беспрепятственно вступили в город. Мекка пала 19 числа месяца рамадан в восьмой год хиджры, 11 января 630 года по нашему летосчислению.

Многотысячная армия разбила лагерь поблизости от Мекки, в городе Мухаммед оставил лишь небольшие отряды мухаджиров и ансаров. Никто не угрожал жизни курайшитов - лишь на несколько случаев мелкого мародерства в самый момент взятия города могли пожаловаться они пророку, клятву свою Мухаммед свято выполнил.

Наступила очередь курайшитов исполнить обещанное - группами и поодиночке мужчины потянулись к Мухаммеду принимать ислам. На холме ас-Сафа, на том самом месте, с которого он обратился семнадцать лет назад с первой проповедью к курайшитам, выслушивал теперь Мухаммед клятвы многобожников.

Он сидел на верблюде и пристально вглядывался в лица проходивших - но самые злостные его враги попрятались, их не было среди принимающих ислам.

С радостью провозглашали приверженность Аллаху тайные мусульмане, дрожа от страха приближались курайшиты, помнившие, как они насмеялись над Абуль-Касимом. Куцым, припадочным, одержимым называли они его, рассказчиком сказок, лжецом...

- Свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед - посланник Аллаха! - один за другим повторяли они теперь. - Клянусь повиноваться Аллаху и его посланнику!

...Нечистотами заваливали они двор его дома, комьями грязи украдкой кидали в него на улицах, гнали от Каабы и из города, угрожали убить...

- Иди с миром! - отвечал пророк, пристально взглядевшись в лицо давнего недруга и протягивая ему ладонь; ударив по ней, тот с облегчением отходил прочь, радуясь, что Мухаммед простил его.

Здесь же на вершине ас-Сафы он принял клятву от курайшиток. Женщины обещали не придавать Аллаху сотоварищей, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не убивать своих детей и слушаться наставлений пророка. Присягнув, женщина окунала руку в сосуд с водой, поставленный перед Мухаммедом; и он касался пальцами поверхности воды: так скреплялась клятва.

Хинд, жена Абу Суфиана, надругавшаяся над телом Хамзы, павшего у подножия Охода, опасаясь мести Мухаммеда, явилась присягать, скрыв лицо под покрывалом.

- Разве про свободную женщину можно сказать, что она прелюбодействует? - возразила Хинд, когда дело дошло до клятвы. - Разве она рабыня, а не госпожа себе?

Но нравственные законы новой веры были одинаковы для свободных и рабов, и Хинд поклялась не прелюбодействовать.

- И не убивайте своих детей! - потребовал пророк.

- Мы не убивали своих детей! - сказала Хинд. - Мы их рожали и растили это ты убивал их при Бадре!

Омар, стоявший рядом с Мухаммедом, не смог удержаться от смеха, ничего не скажешь, здорово женщина ответила пророку.

Мухаммед узнал Хинд, принял от нее исповедание веры и отпустил с миром.

"Нет принуждения в вере!" - повелел некогда Аллах, и это повеление не было отменено: кто не хотел принимать ислам, могли оставаться язычниками, не опасаясь гнева Мухаммеда. Многие самые богатые мекканцы предпочли подождать с переменой веры - Мухаммед их не торопил.

И все-таки большинство мекканцев принесло присягу Мухаммеду - истинная вера проникла в них, пророк завоевал их сердца и души, и радостно было ему смотреть на эти толпы многобожников, умножающих ряды единого народа верующих - его народа, его уммы.

Богатые мекканские купцы - и уверовавшие в Аллаха, и оставшиеся многобожниками - с готовностью ссудили Мухаммеда деньгами - по десять и сорок тысяч дирхемов давали они ему в долг, хорошо зная, что пророк безукоризненно честен и деньги их не пропадут. Деньги эти пошли участникам похода против Мекки - по пятьдесят дирхемов роздал пророк нуждающимся, вознаграждая их за преданность, послушание и ратные труды. Те, кто роптал на пророка, пощадившего Мекку и вырвавшего из их рук законную добычу, были удовлетворены.

Ни одного протеста не раздалось в Мекке, когда Мухаммед, выполняя волю Аллаха, приказал очистить Каабу от ненавистных идолов, оскверняющих ее. Их выволакивали из храма и сбрасывали с его кровли, каменных и деревянных, высеченных и нарисованных, - всех их следовало уничтожить без следа. Каменных разбивали на мельчайшие кусочки, деревянных сжигали - не прошло и дня, как в самой Мекке и ее окрестностях не осталось ни одного идола. Их действительно уничтожили без следа - через пятьдесят лет никто уже не помнил, как выглядели боги Каабы, откуда они появились в ней, с какими обрядами было связано их

почитание...

Ключей от Каабы домогался Али, но Мухаммед оставил их в руках клана Абд ад-Дар, издревле выполнявшего почетную роль хранителя святыни, а снабжение паломников водой - в руках Аббаса и его потомков. Остальные привилегии курайшитов, связанные с паломничеством и поклонением Каабе, он отменил.

Как никогда, проникся Мухаммед сознанием своей высокой пророческой миссии, и суд его над врагами был справедлив и милостив. Большинство тех, кого он поклялся уничтожить, даже если они спрячутся под полог Каабы, Мухаммед, умиротворенный завоеванием курайшитских сердец, простил - простил и тех, кто призывал к борьбе до победного конца с мусульманами, и тех, кто оскорблял его в первые годы паломничества, и сына Абу Джахля - Икриму, бежавшего от гнева Мухаммеда в Йемен...

Сурово и нелицеприятно судил Мухаммед двух бывших мусульман. Один из них убил своего раба, что по языческим законам не считалось серьезным преступлением. Но в умме Мухаммеда были другие законы, и убийца бежал в Мекку, отрекшись от веры. Второй тоже совершил убийство в Медине - он принял выкуп за случайную смерть своего брата, но не удовлетворился этим и прикончил мусульманина, от руки которого по неосторожности погиб брат. Вернувшись к язычеству и множа свои преступления, он сочинял про Мухаммеда непристойные песни, а принадлежавшие ему рабыни-певицы мастерски исполняли их.

Обоих убийц Мухаммед приказал казнить, и приговор его курайшиты одобрили. Одну из певиц тоже казнили, другую Мухаммед простил.

Аль-Хувайриса и Хаббара ибн аль-Асвада казнил Мухаммед за побои, которые они некогда нанесли его дочерям.

Пока самые злостные враги пророка прячутся, родственники их неустанно хлопчут: через его ближайших соратников и жен атакуют они Мухаммеда настойчивыми просьбами о помиловании, клятвенными заверениями в преданности исламу. "Прости, они раскаялись, - несутся к Мухаммеду просьбы, - выслушай их - они готовы предать себя на твой справедливый суд".

И вот перед Мухаммедом стоит Абдаллах ибн Саад - бывший секретарь его, отрекшийся от веры, бежавший из Медины в Мекку, чтобы порочить Мухаммеда рассказами о своем участии в "сочинении" Корана. За негодяя, уличенного в исправлении священных стихов Корана и изгнанного из Медины (такова официальная версия), просит его молочный брат Осман ибн аль-Аффан, зять

Мухаммеда, это он добился, чтобы пророк выслушал оправдания Саада и решил его участь.

Молча слушает Мухаммед эти "оправдания" - благоразумный Саад все осознал, раскаяние гнетет его, пылко клянется он быть верным до конца.

Молчит Мухаммед - тошно слушать ему Саада, никто так не обманул его, как Саад, никто не нанес ему такого болезненного удара - его пророческое признание, божественность Корана запятнал Саад. Основательно запятнал, ничего не скажешь, личный секретарь - ему ли не знать, как записывались слова Аллаха?

Все доводы и клятвы исчерпал Саад - молчит Мухаммед, сурово его лицо, не хочет он смотреть на Саада. Не верит он Сааду, и чем дольше молчит пророк, тем ближе придвигается к Сааду смерть.

- Уходи, - после долгого и жуткого молчания тихо говорит Мухаммед; лицо его почернело, жилы вздулись на лбу, но он овладел собой. Саад помилован.

- Я - пророк, я не мог не простить его. Почему никто из вас не отрубил мерзавцу голову - ведь я долго молчал? - с упреком спрашивает он своих соратников. Стыдно соратникам - никто из них не догадался о борьбе человека и пророка в душе Мухаммеда, ни один из них не помог ему... Или не захотел помочь.

Обнадеженный помилованием Саада, является к Мухаммеду Вахши - тот самый, который убил Хамзу, Льва Бога, в битве при Оходе. Теперь он принял ислам и мечтает сражаться на пути" Аллаха.

- Расскажи, как все было, - требует Мухаммед. И Вахши красноречиво, все больше воодушевляясь, рассказывает о великом подвиге своей жизни, как он с самого начала битвы искал встречи с Хамзой, за голову которого ему была обещана свобода; как он приблизился к нему - страшен был богатырь Хамза, все бежали перед его мечом, страусовые перья украшали его сверкающий шлем; но Вахши не задрожал от страха - смело ринулся он на Хамзу и метким броском дротика поразил его; прямо в шею вонзился дротик. И рухнул замертво Лев Бога прямо к ногам Вахши. Потом он вырезал его сердце и отнес Хинд, как обещал; сердце было огромное, богатырское, оно все еще билось, когда я принес его Хинд. Прости, Мухаммед, просит Вахши, спохватившись, я был тогда поганым многобожником... Смерть Хамзы не отомщена, долг кровной мести гнетет Мухаммеда, и убийца Хамзы в его руках.

- Уходи, Вахши, мир тебе, - с трудом произносит Мухаммед. - Мир тебе, но не попадайся мне на глаза:

я не ручаюсь за себя...

Мухаммед сдержал слово: никто не тронул Вахши, никто не попрекал его убийством Льва Бога до конца его дней. Вахши, сражаясь за дело ислама, с благоговением вспоминал пророка и следил за тем, чтобы Мухаммед никогда его больше не видел, что такое долг кровной мести, Вахши хорошо понимал.

Сильна любовь Мухаммеда к родному городу, непобедимы воспоминания о юности, Хадидже, любившей и знавшей его душу, первых откровениях и первых годах пророчества. Ни власти, ни крова не было в те годы - они молились, и очищали себя, и верили... О Господи, как верили!

Когда в Мекку пришли хузаиты, чтобы взыскать с курайшитов кровь своих соплеменников, Мухаммед не допустил казней.

- Я казнил по воле Аллаха, - заявил он. - Мекка священна, и священен мекканский округ, и кровь людей не должна проливаться здесь. Отныне и навеки.

Хузаитам Мухаммед из своих средств уплатил цену крови, и те покорились его решению.

Любовь пророка к Мекке и курайшитами все больше беспокоит ансаров.

- Ты не покинешь нас, пророк? - с тревогой спрашивают они.

- Разве я не поклялся при Акабе? - отвечает Мухаммед. - Я - ваш, и вы мои. Я никогда не покину вас.

Обещание Аллаха исполнилось - спор между Мухаммедом и курайшитами решен, решен навеки. Не сила, но божественная истина покорила Мекку священную, прекрасную и любимую. Но оставаться в ней не надо - слишком сплочены курайшиты, слишком богаты и могущественны.

Через двадцать дней после падения Мекки Мухаммед уводит огромную армию мусульман на

восток, навстречу новым битвам с многобожниками.

Глава 24

Священная война

Разгром кочевников

Осада Таифа

"Завоевание сердец"

Ансары недовольны Мухаммедом

Рождение Ибрахима, сына пророка

"Год депутаций"

Скандал в семье пророка

Изгнание Марйам

Новый поход на север

Для противников пророка "стесняется земля"

Разрушение нечестивой мечети аль-Дирар

Аллах повелевает начать священную войну

Грозная опасность нависла с востока - кочевники Хиджаза объединились в могучий союз во главе с племенами Хавазин, одинаково враждебный и Медине и Мекке. К ним примкнули сакифиты, населявшие оазис Таиф и его окрестности, давние враги курайшитов, они воспользовались ослаблением Мекки и спешили восстановить свою былую независимость. Двадцатитысячная армия собралась в горах к северу от Таифа; за ее спиной раскинулся огромный табор - шейхи кочевых племен, не очень доверявшие друг другу, договорились выступить в поход вместе с семьями и стадами - так было больше надежды, что кочевники не побегут с поля битвы.

Навстречу объединенным силам кочевников и сакифитов повел Мухаммед свою армию, в ряды которой влились две тысячи курайшитов, новообращенных мусульман и многобожников. За три дня двенадцатитысячная армия пророка достигла предгорий Хиджаза и по долине Хунайн стала приближаться к вражескому лагерю. Впереди, растянувшись чуть ли не на километр, шли кочевники под командованием Халид ибн Валида. За ними двигался Мухаммед с мухаджирами и ансарами. Курайшиты находились в арьергарде.

В нескольких километрах от лагеря отряд Халида попал в засаду хавазиниты внезапно ударили по нему с флангов из боковых ущелий. В считанные минуты ряды мусульман смешались, воины потеряли своих шейхов и знаменосцев, отряд Халида превратился в панически бегущую толпу, в которой каждый помышлял только о собственном спасении. Три тысячи обезумевших от страха кочевников галопом понеслись вниз по долине, сминая по пути ряды ансаров и мухаджиров, с которыми продвигался Мухаммед.

Все потонуло в пыли, рев верблюдов заглушал голоса, ансаров и мухаджиров охватила паника, они побежали, бросая на произвол судьбы пророка.

- Теперь они не остановятся, пока не добегут до моря, - с презрением сказал Абу Суфиан.

- Остановитесь! - кричал Мухаммед. - Ко мне! Я посланник Бога! Я Мухаммед ибн Абдаллах!

Никто не слышал слабого голоса пророка, лишь человек десять родственников и соратников тесно окружили его - Абу Бакр, Омар, Али, Аббас, Абу Суфиан, Осама, сын Зайда и немногие другие.

- Ансары! - закричал Аббас, и его могучий голос покрыл шум битвы. Побратимы! Люди клятвы! К пророку! Ко мне, хазраджиты!

Призыв Аббаса многих образумил. Ансары, мчавшиеся мимо, останавливали разгоряченных верблюдов и спешили туда, где развевалось знамя Мухаммеда. Когда показались увлекшиеся погоней хавазиниты на красных верблюдах, с черными знаменами на концах длинных пик, их встретила сотня отборных воинов, закованных в доспехи и прекрасно вооруженных, простодушно верящих, что смерть на поле боя открывает дорогу в рай. Короткая схватка, стоившая жизни трем мусульманам, и кочевники поспешно повернули обратно.

- Жаль, что Мухаммеда не прикончили, - говорили некоторые мекканцы, но таких было немного.

- Уж лучше Мухаммед, чем хавазиниты, - возражали им более благоразумные язычники.

Менее чем за час предводители мусульман привели войска в порядок и повели их вверх по ущелью. Около вражеского лагеря вновь вспыхнул бой. Хавазиниты и их союзники из других кочевых племен обратились в бегство при первом же натиске мусульман. Бросив на произвол судьбы стада и семьи, они рассеялись по окрестности. Сакифиты сражались упорно; потеряв более сотни убитыми, они медленно отошли к Таифу.

Добыча была огромна - свыше шести тысяч женщин и детей, тысячи верблюдов и десятки тысяч овец захватили мусульмане в лагере кочевников, не считая оружия, утвари, золотых и серебряных украшений. Все жаждали немедленного дележа, но Мухаммед оставил добычу под надежной охраной и повел войска к Таифу. Сакифиты не стали защищать свои сады и поля, они укрылись в крепости. Под руководством Сальмана аль-Фариси были построены стенобитные машины и катапульты, и мусульмане, прикрываясь кожаными щитами, несколько раз шли на штурм Таифа. Осажденные осыпали их тучами стрел и камней со стен, поливали расплавленным свинцом, и каждый раз они откатывались, понеся большой урон. Во время одного из неудачных приступов Абу Суфиан лишился глаза.

Мухаммед не принимал участия в сражениях. Из своего лагеря, куда иногда долетали стрелы, пущенные сакифитами со стен крепости, он руководил осадой и молился - молился он между палатками Зайнаб и Май-муны, сопровождавших его в походе. На этом месте спустя несколько лет построили мечеть. Он возвестил, что все рабы Таифа, принявшие ислам, получают свободу. Некоторые рабы бежали из крепости и получили свободу, но упорство сакифитов не ослабло. Он посулил богатые дары шейхам, которые перейдут на его сторону, но сакифиты заключили под стражу всех, кто симпатизировал Мухаммеду, и смуту среди осажденных посеять не удалось. Абу Суфиан и другие мекканцы зывали к своим дочерям, отданным замуж за сакифитов, но те не покинули свои семьи. Тогда Мухаммед приказал начать рубить виноградники и финиковые пальмы, но и это не сломило сакифитов.

Каждый день промедления под стенами Таифа охлаждал боевой пыл мусульман, воодушевленных недавней легкой победой при Хунайне, они все более неохотно шли на приступы, все настойчивее требовали дележа захваченной у кочевников добычи. Каждый день промедления развеивал миф о непобедимости Мухаммеда, и кочевники, рассеянные в горах, но не истребленные, начали мало-помалу обретать боевой задор.

Положение становилось все более опасным.

Когда надежды на взятие Таифа окончательно рухнули, Мухаммед понял, что нужно срочно мириться с кочевниками. В его руках находилось около шести тысяч женщин и детей; он предложил вернуть их без выкупа в обмен за мир и дружбу.

Мухаджиры и ансары, несмотря на недовольство многих из них, поддержали пророка - то, что принадлежит им, принадлежит Мухаммеду, заявили они. Но кочевники, участвовавшие в войне на стороне мусульман, возмутились - вопросы высокой политики их не интересовали, они требовали свою долю пленных и не собирались уступать ни пророку, ни самому Аллаху. Их упорство расстраивало все планы Мухаммеда, но справедливость была на их стороне, и ему пришлось уступить: за каждого пленного он пообещал по шести верблюдов из ближайшей добычи, и на этих условиях они нехотя уступили ему свою долю.

Послы хавазинитов охотно согласились на предложенные условия мира: они получили свои семьи без выкупа, признали власть Мухаммеда и обязались впредь оставаться его друзьями; шейхам, порывавшим с идолопоклонством, Мухаммед делал богатые подарки. Мухаммед вернул почти всех пленных - нескольких девушек он успел к этому времени подарить своим ближайшим соратникам - Али, Осману, Омару и некоторым другим, но себе лично не взял на этот раз никого.

Говорят, среди пленниц находилась и дочь Халимы - племя Бану Бакр выступало в союзе с хавазинитами. Мухаммед, конечно, не узнал свою молочную сестру, но старушка напомнила ему, как она носила его за спиной и как он укусил ее, за что-то рассердившись, и в доказательство показала оставшийся с тех пор шрам. Мухаммед принял ее с почетом, ласково расспрашивал про Халиму и отпустил с подарками.

Таиф, откуда некогда с позором изгнали Мухаммеда, упорно держался, но мир с кочевниками был заключен, опасный союз между сакифитами и хавазинитами разбит, и на двадцатый день Мухаммед приказал снять осаду.

Он был до того подавлен и раздражен неудачей, что потерял самообладание. По дороге верблюд одного из ансаров случайно придавил ему ногу, и это незначительное происшествие совершенно вывело Мухаммеда из себя.

- Держись сзади! - грубо закричал он неловкому ансару и стегнул его кнутом, и тот в страхе поспешил замешаться в толпу. Наутро Мухаммед приказал разыскать провинившегося, тот явился с повинной. Но Мухаммед уже осудил себя за вспышку гнева и высокомерия, не приличествующих пророку и посланнику Бога, он просил ансара забыть обиду и принять от него богатый подарок. "Восемьдесят верблюдов получил я от пророка за удар кнутом по ноге!" - с восхищением вспоминал потом ансар об этом происшествии.

Возвращение пленных взбудоражило всех и посеяло недоверие к пророку. Некоторые начали тайком расхищать трофеи. На одной из остановок ансары и мухаджиры плотно окружили Мухаммеда, громко требуя немедленного дележа. Они вели себя бесцеремонно, прижали его к стволу акации, размахивали руками и кричали о справедливости, сорвали с него плащ...

- Верните плащ! - кричал возмущенно Мухаммед. - Клянусь Богом, будь у меня столько же овец, сколько деревьев в Тихаме, я бы всех их распределил между вами! Никто не может обвинить меня в скупости, несправедливости и трусости!

Когда его отпустили, он взобрался на своего верблюда и стал увещевать толпу:

- Воины! - кричал он. - Я никогда не брал больше положенной мне пятой части! Хоть на такой волосок! - Он протянул руку с вырванным верблюжьим волоском. - И эту пятую часть я отдавал вам же! Верните все до последней иголки и нитки - несмываемый позор в день воскресения ждет нечестных! В адском пламени будут гореть те, кто утаит хоть крупицу общей добычи!

Говорят, что напоминание о страшном суде заставило мусульман принести большую часть похищенного, и на следующий же день Мухаммед приступил к дележу добычи, которая даже после возвращения пленных продолжала оставаться огромной - скот, оружие, украшения и утварь составляли стоимость шестидесяти тысяч верблюдов. Верблюд был основной мерой всех ценностей, и каждый участник похода получил по четыре "верблюда", а всадники - по двенадцати "верблюдов". Кроме того, всякий, убивший врага, получил его оружие, доспехи и одежду - это было новшество, которое Мухаммед ввел для поощрения активных участников битв. Поощрение немаловажное - по словам одного из мусульман, оружие и доспехи, снятые с кочевника, убитого при Хунайне, позволили ему купить участок с несколькими десятками финиковых пальм, и это была первая собственность, которую он приобрел в своей жизни.

Мухаммеду досталось более десяти тысяч "верблюдов"-неслыханное богатство. Неудивительно, что мусульмане с нетерпением ожидали, как он распорядится им.

Поведение пророка поразило всех - он стал щедро раздавать свою долю курайшитам, многобожникам и тем, кто лишь недавно принял ислам. Абу Суфиану и его сыновьям - по сто "верблюдов", и ревностному многобожнику Сухайлу ибн Амру, подписавшему с пророком договор при Худайбии, - сто "верблюдов"; и Икриме, сыну Абу Джахла, бежавшему из Мекки и лишь под стенами Таифа явившемуся к пророку с повинной, - сто "верблюдов"; и многим другим курайшитам - вчерашним врагам и богохульникам, клеветникам и организаторам похода против Медины - по сто "верблюдов" и по пятьдесят "верблюдов"; и нескольким предводителям кочевых племен - такие же щедрые подарки. А ансарам и мухаджирам, тем, кто уже десять лет следовал по пути Аллаха, кто сражался с Мухаммедом при Бадре и Оходе, защищал Медину во время "Битвы у рва" и покорял Хайбар, - ничего.

- В том, что ты делаешь, Мухаммед, нет справедливости! - открыто заявили некоторые мусульмане.

- Где же вы собираетесь искать справедливость? - с гневом отвечал им Мухаммед. - Если не у Аллаха и его посланника, то где же?

Мусульмане хмуро молчали - они не собирались посягать на принцип веры и все же считали, что Мухаммед поступил несправедливо. Омар, убежденный сторонник решительных действий и суровой дисциплины, немедленно предложил отрубить наглецам головы.

Особенно были возмущены ансары. Возмущены несправедливостью и встревожены за свою дальнейшую судьбу - милостивое отношение Мухаммеда к курайшитам после взятия Мекки, щедрые дары, которыми он их осыпал, - все, казалось, свидетельствовало о намерении его покинуть Медину. "Мухаммед возвращается к своему племени! Медина будет подчинена Мекке! Курайшиты станут теперь командовать нами, как покоренным народом!" - в испуге и негодовании кричали ансары.

Когда об их волнении донесли Мухаммеду, он немедленно отправился в их лагерь. Здесь он восславил Аллаха - милостивого, милосердного, а затем обратился к ансарам с пылкой и проникновенной речью.

- Ансары! Помощники мои, что слышу я о вас? В ваших ли сердцах думы зла обо мне? Вы были заблудшими и грешными, когда я пришел к вам, и с тех пор Господь руководит вами! Вы были бедны - Господь обогатил вас! Вы ненавидели друг друга - Господь смягчил ваши сердца! Разве не так? Почему же вы молчите, ансары? Почему не отвечаете мне?

Вы могли бы ответить, если бы захотели! Тебе никто не верил, могли бы вы ответить мне, когда ты пришел к нам - мы поверили тебе; ты был всеми покинут - мы помогли тебе; ты был изгнанный - мы приняли тебя к себе; ты был нищим - мы дали тебе все необходимое! Свидетельствую-все это правда! Покинутым, нищим, оклеветанным и беспомощным пришел я к вам, и вы помогли мне, ансары!

Что же вы расстроились из-за благ дольней жизни, с помощью которых я пытаюсь завоевать сердца людей, не предавших еще себя Богу? В надежде, что они станут мусульманами? Пока я веду вас чистым путем ислама - милость Господа на вас, награда вам и в этой жизни и в будущей! Они уведут с собой овец и верблюдов; вы же возьмете с собой посланника Бога - вам мало? Клянусь тем, в чьих руках душа Мухаммеда, не родился я в Мекке, я был бы одним из ансаров! Если все люди пойдут одним путем, а ансары - другим, я буду с ансарами! Господь осеняет ансаров, и сыновей их, и сыновей их сыновей!

Так или примерно так взывал Мухаммед к ансарам, и сердца их смягчились, обиды улеглись, многие рыдали, слушая его.

- Мы довольны своей долей, Мухаммед! - кричали ансары, когда он закончил свою речь.

Считается, что богатыми дарами Мухаммед завоевал сердца курайшитов завоевал для ислама, для истинной веры. Завоевал прочно - с тех пор постепенно оставили курайшиты свое язычество и храбро сражались на пути Аллаха.

От Таифа направился Мухаммед в Мекку, где совершил умру - поклонение Каабе, малое паломничество, а затем, оставив в городе своим наместником молодого курайшита, родственника Абу Суфиана, вернулся в Медину. По дороге он навестил селение Акбу, где была похоронена его мать Амина, и горько рыдал на ее могиле. Амина умерла язычницей, и мусульмане с недоумением смотрели на странное поведение пророка.

- Я просил у Аллаха разрешения посетить могилу матери, и он разрешил мне, - объяснил им Мухаммед. - Но молиться мне было запрещено, и я не молился. Оплакивать же близких Аллах не запрещает.

В Медине ожидало Мухаммеда радостное известие - Марйам, наложница-коптянка, родила ему сына. Аллах явно был доволен своим пророком и посланником. Сына, наследника, подарил он ему, продолжателя его дела. Никто не посмеет назвать теперь Мухаммеда "куцым", "бесхвостым". Род пророков утвердился на земле;

впрочем, с родом пророков не все было ясно, ибо Мухаммед являлся "печатью пророков", последним посланником Аллаха, до дня суда и воскресения не будет ни одного пророка. Мухаммед назвал сына Ибрахимом - в честь праотца всех верующих, великого пророка и любимца Аллаха, ханифа, религия которого была чиста, как ислам. Себя Мухаммед считал потомком Исмаила, сына Ибрахимова.

Мухаммед был счастлив, но радости его не разделял никто - печальны были лица жен, униженных рождением Ибрахима, неискренни их поздравления, хмуро смотрели верные "спутники" пророка. Рождение Ибрахима чревато было для них в будущем серьезными осложнениями, привычное соотношение сил и партий рушилось, беспомощный младенец грозил превратиться в могучего соперника, наделенного в глазах верующих неоспоримыми правами на власть. Все заслуги соратников пророка могли померкнуть рядом с сыном пророка. Фатима и Али тоже были опечалены рождением маленького Ибрахима - их сыновья, Хасан и Хусейн, лишались привилегии быть ближайшими наследниками пророка. Пожалуй, один человек мог бы разделить радость Мухаммеда - верный Зайд ибн Харис. Но нет его уже - смертью мученика пал Зайд в долине Мута, у пределов Византии. "Вы не можете даже понять, как мы любили друг друга", - печально говорил Мухаммед.

Марйам, мать Ибрахима, окружил Мухаммед нежной заботой, но виделся с ней лишь изредка, не рискуя обострять отношения с женами, родственниками и влиятельными мусульманами. Его деликатное поведение не помогало - в доме его назревал крупный семейно-политический конфликт.

630 год получил в истории ислама название "года deputаций". Мекка пала, хавазиниты

покорились власти пророка, и, хотя Таиф продолжал упорствовать, во всей Центральной и Южной Аравии не было такой силы, которая могла бы поспорить с мощью мусульман. Люди всех племен и оазисов поодиночке и группами приходили к Мухаммеду принимать ислам. Чаще всего они не были ни депутатами племен, ни послами - от своего, и только от своего имени клялись они пророку порвать с язычеством и поклоняться одному Аллаху. Приняв ислам, они становились членами уммы - единого народа верующих, и с помощью этих новообращенных умма Мухаммеда пронизывала весь полуостров, вплетаясь в сложную систему кланов, племен и межплеменных союзов.

Требования Мухаммеда к покорившимся племенам оставались прежними прекращение всякой междоусобной борьбы, грабежей и убийств, соблюдение установленных мусульманами законов, мир со всеми союзниками Медины и готовность выступить против любого ее врага. За это они получали от Мухаммеда гарантию неприкосновенности жизни, свободы и имущества. Разрыва с язычеством Мухаммед от них не требовал, но положение язычников и мусульман не было одинаковым: мусульмане платили только закят, налог в пользу бедных, все немусульмане обязаны были вносить подушную подать. Размер этой подушной подати определялся в момент заключения письменного договора. С жителей оазисов Мухаммед чаще всего брал по одному дирхему с человека в год, и этот налог можно было вносить натурой - зерном, финиками, тканями и оружием. Кочевники платили подать скотом.

Впрочем, взыскать с кочевников налоги было почти невыносимо: испокон веков они никому не платили налогов, сама идея налога оскорбляла их честь. Мухаммеду приходилось довольствоваться теми "подарками", которые присылали шейхи племен.

На этих условиях Мухаммеду подчинились многие районы юга полуострова Йемен, Хадрамаут и Оман. Почти без кровопролития отряды мусульман численностью в десять - двадцать человек приводили к покорности могучие племена, многолюдные города и обширные оазисы, опираясь на тех, кто уже связал себя союзом с Мухаммедом, и на грозную силу, готовую двинуться из Медины и безжалостно расправиться с теми, кто отвергал "дружбу" с пророком.

На восток влияние Мухаммеда распространилось до середины полуострова племя Хавазин и его союзники хранили верность заключенным с пророком договорам, враждебное племя Гатафан, оставшись в одиночестве, поспешило установить с Мухаммедом дружеские отношения, а к концу года покорился неизбежному и Таиф. Окруженный со всех сторон союзниками Мухаммеда, поставленный вне закона и постоянно тревожимый набегами, оазис запросил о мире. С жителями Таифа у Мухаммеда были особые счеты - он потребовал, чтобы сакифиты приняли ислам и своими руками уничтожили капище богини аль-Лат, святыню племени. Послы Таифа доказывали Мухаммеду, что пять ежедневных молитв - дело невыносимое и непереносимое, а на богиню аль-Лат ни у кого не поднимется рука. Какие-то уступки - то ли в числе, то ли в продолжительности молитв - они для себя выторговали, и Мухаммед послал для разрушения храма Абу Суфиана с отрядом курайшитов. Курайшит аль-Мугира, родственник жрецов аль-Лат, под горестный вой женщин кузнечным молотом расколол на куски белый камень, символизировавший богиню, а все драгоценности, пожертвованные аль-Лат, отослал пророку. Привязанность такифитов к своей богине была сильна, и даже через тысячу лет их потомки, ревностные мусульмане, продолжали чтить белые камни, оставшиеся от аль-Лат: они верили, что молитвы, обращенные к этим камням, хорошо помогают от болезней.

По приказу Мухаммеда разрушили и храм богини Манат близ Медины; немногие оставшиеся в городе язычники не посмели протестовать, а клан ансаров Аус-Манат стал именовать себя Аус-Аллах, что, конечно, более приличествовало помощникам посланника Бога.

Разноплеменное население покорившихся исламу земель Мухаммед намеревался

превратить в единый народ. Мир и законность водворил он в завоеванных областях. Бесконечные распри и междоусобицы, грабительские набеги на соседей и делящаяся из поколения в поколение кровная месть были несовместимы с верой и искоренялись. "Пройдет несколько лет, - утверждал Мухаммед, - и верующая женщина сможет в одиночку пойти из Медины в Мекку, ничего не опасаясь".

Всюду Мухаммед разослал своих агентов - для надзора за многобожниками и людьми писания, для сбора налогов, для наставления мусульман в вопросах веры, для правильного суда, не противоречащего Корану и обычаю, утвердившемуся в Медине. Полиции не было, и на обширных пространствах степей, пустынь и гор не так-то легко было добиться соблюдения законности, обеспечить прежде всего личную безопасность каждому человеку. Запрещение кровной мести оказалось преждевременным, и Мухаммед разрешил родственникам убитого своей рукой казнить убийцу - если убийство было преднамеренным, а "цена крови" их не удовлетворяет. Но только убийцу, а не его родственников или соплеменников, как это практиковалось издревле. Так повелевал Аллах.

Пророк сдержал слово, данное ансарам, - Медина стала столицей и главным торговым центром всех покоренных земель. Могущество Мекки было подорвано, запрещение ростовщичества болезненно отразилось на крупных мекканских торговцах, они покидали священный город и перебирались в Медину.

Желанный мир, заповеданный Аллахом, поставил умму Мухаммеда перед сложными проблемами: иссяк источник добычи, за счет которого удалось Мухаммеду поднять благосостояние ансаров и мухаджиров, а ряды мусульман стремительно умножались. Переход от многобожия к истинной вере не повлиял и не мог повлиять ни на продуктивность пастбищ, ни на урожайность полей и плантаций финиковой пальмы.

Налоги не покрывали расходов уммы, Мухаммеду приходилось платить и своим агентам, собиравшим закат и дань, и наместникам, и наставникам в вопросах веры - платить или делать подарки, семьи их не должны были страдать. Нужно было поддерживать мусульман-бедняков, и семьи мучеников, павших за дело веры, и семьи ветеранов ислама - тех, кто уверовал в него еще до битвы при Бадре, и тех, кто выселялся в Эфиопию. Нужно было одаривать шейхов кочевых племен, язычников и мусульман, завоевывая их сердца на сторону Аллаха. И бесчисленных родственников нужно было кормить.

Поступления от налогов росли, а средств все время не хватало.

Только новые походы и новая добыча могли решить проблему.

Дорога была одна - на север, к границам Византии и Персии, где кочевали сильные племена арабов и простирались плодородные оазисы.

К походу на север начал Мухаммед готовить мусульман, но для этого опять-таки требовались средства.

К Мухаммеду приходили новообращенные мусульмане, жаждущие сражаться за дело веры, - в жалких лохмотьях, босые, голодавшие всю жизнь и безоружные лишь прадедовский кинжал гордо торчал за поясом ветхого плаща. Они рвались в бой более ревностно, чем те, кто уже вырвался из нужды. Он, пророк и руководитель уммы, обязан был вооружить их и одеть, снабдить продовольствием и верблюдами, без которых в дальние походы отправляться было немислимо.

- Я не нахожу, на чем вас отправить, - часто приходилось отвечать Мухаммеду. Они отворачивались, уверял Мухаммед, и глаза их были полны печали, оттого что нечего было им пожертвовать Аллаху и не могли они сражаться на его пути.

- Расходуйте имущество на пути Аллаха! Очищайте себя милостыней! призывал Мухаммед зажиточных мусульман.

- Верующие! - требовал Аллах. - Когда беседуете тайно с пророком, то выдвигайте перед вашей беседой милостыню. Это лучше для вас и чище.

Требования новых и новых видов милостыни вызывало недовольство мусульман, подарки пророку они делали скупой, от подготовки к военным походам многие старались уклониться.

Всегда находились обиженные дележом милостыни, они называли Мухаммеда несправедливым, и Аллаху приходилось брать под защиту своего пророка.

- Среди них есть и такие, кто клеветает на тебя из-за милостыни. Если им было дано что-нибудь, они довольны, а если им не дано, то вот - они сердятся.

Если бы они были довольны тем; что дал им Аллах и Его посланник, и сказали: "...Мы ведь устремляемся к Аллаху!"

Милостыни - только для бедных, нищих, работающих над этим, - тем, у кого сердца привлечены, на выкуп рабов, должникам, на пути Аллаха, путникам...

Настраивало многих против Мухаммеда и то, что ему доносили о каждом слове, произнесенном в оазисе.

- Мухаммед - ухо, - говорили недовольные постоянной слежкой.

- Да - ухо! - отвечал им Аллах. - Ухо блага для вас! Пусть не беседуют тайно те, которым запрещена тайная беседа, пусть не переговариваются о грехе, и вражде, и неповиновении посланнику! Тайная беседа - от сатаны, чтобы опечалить тех, которые уверовали! Беседуйте о добродетели, богобоязненности и бойтесь Аллаха, к которому вы будете собраны!

Многие выражали недовольство родственниками Мухаммеда, после завоевания Мекки число их умножилось, и все они кормились за счет пятой части добычи, которая предназначалась "Богу и его посланнику". Сторонники Омара и Абу Бакра были резко настроены против Али, аз-Зубайра, племянника Хадиджи, Аббаса, переселившегося в Медину. Почти все влиятельные мусульмане дружно ненавидели только что родившегося Ибрахима.

Мухаммеда нарастающая вражда к его родственникам огорчала и страшила до того, что он обратился к мусульманам со специальным посланием Аллаха.

- Кто стремится к посеву для будущей жизни, тому Мы увеличим его посев, а кто желает посева для ближней - Мы дадим ему его, но нет ему в последней никакого удела!.. Для несправедливых - наказание мучительное!.. А те, которые веровали и творили благое, - в цветниках рая. Для них - все, что они пожелают, у их Господа. Это - великая милость!..

Скажи: "Я не прошу у вас за это награды, а только любви к ближним; кто совершит доброе, тому Мы прибавим к этому благое". Поистине, Аллах прощающ и благодарен.

И почтения требовал Аллах к посланнику своему - не называйте его по имени, как вы называете друг друга, и уступайте ему дорогу в мечети, и вставайте, когда он входит, и расходитесь, когда проповедь окончена.

Летом 630 года разразился-таки всеми ожидаемый скандал в семье пророка. Поводом послужила, конечно, Марйам-коптянка, мать Ибрахима. Мухаммед привязался к ней, но виделся с ней лишь изредка и, по-видимому, тайком. Предания рассказывают, что одна из таких встреч произошла в день, который всецело принадлежал Хафсе, дочери Омара, и Хафса, ходившая навещать отца, вернувшись, застала Мухаммеда и Марйам вместе. Права

Хафсы были попорчены, а честь грубо оскорблена, и все это ради жалкой рабыни-наложницы, которая, вопреки всякой справедливости, уже родила сына пророку и могла родить еще. Этого благородная дочь Омара перенести не могла - она намеревалась тотчас же разразиться громкими воплями, кричать, переполошить весь гарем, ославить пророка на всю Медину. Угроза скандала, безобразного и неприличного для посланника Аллаха, образца чистоты и справедливости, нависла над Мухаммедом. Этого скандала нужно было избежать любой ценой - и Мухаммед поклялся Хафсе только бы она замолчала, - что он прогонит Марйам, что он удалит ее и никогда в жизни не прикоснется к ней больше; что он еще обещал Хафсе, никто не знает, но он клялся страшными клятвами и призывал в свидетели Аллаха, и Хафса согласилась молчать о случившемся.

Вскоре она, однако, пожалела о своей уступчивости - слишком хорош был повод для устранения опасной Марйам вместе с ее сыном, а клятвы, данные наедине, со временем вполне могли потерять свою силу. И она рассказала обо всем Айше и другим женам, все они, дружно ненавидевшие Марйам, ополчились против Мухаммеда и сделали его жизнь невыносимой.

За спинами Айши и Хафсы стояли Абу Бакр и Омар. Ибрахим мешал всем, Мухаммеду же не на кого было рассчитывать и неоткуда ждать помощи. Он оказался в одиночестве, и ему пришлось уступить - Марйам, с ее опасной плодовитостью, была удалена, но за это Аллах послал ему много откровений, расширяющих его власть в семье.

Он освободил Мухаммеда от необдуманно данных клятв, он разрешил ему не соблюдать удручающую очередность в общении с женами:

- Ты можешь отсрочить той из них, кому ты желаешь, и дать приют той, кому пожелаешь и кого захочешь из тех, что ты отстранил. Нет на тебе греха;

это - наиболее подходящее, чтобы глаза их прохлаждались; пусть они не печалются и будут довольны тем, что ты им дашь, - все они. Аллах знает то, что в ваших сердцах. Аллах - знающий, кроткий!

После этого тебе не дозволяется больше женщин и заменять другими женами, хотя бы тебя и поражала их красота.

Кроме того, Аллах в специальном откровении напомнил женам пророка, что если они и впредь станут безобразничать, то пророк их выгонит всех, а он, Аллах, даст ему других жен, вдов и девиц, послушных и богобоязненных.

Считается, что Мухаммед обуздал своеволие жен и с честью вышел из разыгравшегося скандала. На самом деле его заставили расстаться с Марйам и связать себя откровением, запрещающим ему брать новых жен. На этих условиях Абу Бакр и Омар пришли ему на помощь и помогли утихомирить своих дочерей, зачинщиц скандала.

Мухаммед проиграл; освобождение от суровых законов гаремной жизни было мелкой уступкой его пророческому самолюбию и почтенному возрасту, уступкой, которая для таких серьезных людей, как Абу Бакр и Омар, ничего не стоила.

Все лето готовил Мухаммед великий поход на север и в сентябре призвал верующих "выступить на пути Аллаха". Его призыв не вызвал энтузиазма. Поход на север страшил мусульман - лето выдалось на редкость жаркое и засушливое, в оазисе созрели финики.

- Мухаммед думает, что война с ромеями - то же самое, что война с кочевниками! - твердили одни.- Идите, идите, если вам хочется ходить закованными в цепи!

- Кто же начинает поход в такую жару и засуху? - спрашивали другие.

- Сперва уберем урожай, а потом пойдем за пророком, - настаивали третьи.

На успех похода мусульмане не надеялись. Причин недовольства существовало много, но за всеми ними Мухаммед видел главную - недостаток веры.

- Поистине Аллах купил у верующих их души и их достояние за то, что им - рай! - напоминал Мухаммед. - Они сражаются на пути Аллаха, убивают и бывают убиты, согласно обещанию от Него, истинному в Торе, Евангелии и Коране... Радуйтесь же своей торговле, которую вы заключили с Ним. Это ведь - великий успех.

Но мусульмане не радовались. Откровение за откровением обрушивал на них пророк, чтобы сломить их упорство. Не о финиках вы должны думать, а о приближении к Аллаху; и каждый шаг ваш в походе, каждое усилие, и потраченное имущество, и пролитая кровь - все это приближение. И повиновение посланнику Аллаха - приближение. Жара? Огонь ада пылает жарче! Сколько раз вы обещали: "Если Аллах дарует нам от своей щедрости, мы будем давать милостыню и будем праведными!" И вот Аллах даровал вам, а вы стали скупиться, и отворачиваться, и уклоняться.

- Упорствующие - лицемеры! - провозгласил Мухаммед. - В сердцах их болезнь; мучительное наказание ждет их в тот день, когда они встретятся с Аллахом. И тем, кто порицает верующих, щедро дающих средства на поход, болезненное наказание! Никогда пророк не будет молиться за тех, кто уклоняется от пути Аллаха, а если и будет молиться - не примет Аллах эти молитвы!

Угрозы и увещевания действовали не на всех. Завет с Аллахом никто не отрицал, обязанность подчиняться пророку не оспаривали, но выступить в поход не хотели. Нескончаемой чередой потянулись мусульмане к Мухаммеду за разрешением остаться. У одного нет средств, другой только что построил дом и не успел его обновить, третий женился - испокон века, бросив молодую жену, воевать не ходили. Некоторые срочно заболели, некоторым не на кого было оставить попечение о семье. Говорят, один из ансаров сослался даже на свою неумеренную страсть к женщинам - в поход ему никак нельзя идти, убеждал он Мухаммеда, если он увидит ромеянок, он тотчас же потеряет над собой всякий контроль; пусть уж пророк позволит ему остаться...

У многих, слишком многих оказались веские причины не идти за пророком.

- Нет тягости ни на слабых, ни на больных, ни на тех, которые не находят, что расходовать, если они искренни пред Аллахом и Его посланником! - говорил Мухаммед.

Все же остальные, уклонявшиеся от похода, впадали в тяжкий грех ослушания.

Не было особого смысла заставлять недовольных. Они будут только сеять сомнение и смуту в наших рядах, объяснял Мухаммед, они побегут в день битвы, для нас же лучше, если они останутся с "сидящими". Многих пророк освободил от участия в походе, но неверия им он не простил.

Даже ансары и мухаджирсы колебались, следовать ли им за пророком. Бедуины же оказались, по словам Мухаммеда, хуже мединских "лицемеров", "еще сильнее в неверии и лицемерии и способнее не знать границ того, что низвел Аллах своему посланнику". Некоторые кочевые племена вообще отказались участвовать в походе, другие прислали небольшие отряды.

В начале октября Мухаммед повел мусульман на север. Всего под его знаменами собралось тысяч пятнадцать - мухаджиров и ансаров, курайшитов и кочевников. Намного меньше, чем он рассчитывал.

Многие, слишком многие отправились в поход, лишь страшась гнева Мухаммеда, они

продолжали пререкаться с пророком, пророчили поражение при встрече с регулярными войсками Византии.

С дороги началось бегство. Первым, если верить преданиям, повернул обратно престарелый вождь "лицемеров" Абдаллах ибн Убайя - с ближайшего же ночного привала он увел своих сторонников в Медину. Каждое утро Мухаммеду доносили - ушли такие-то и такие-то.

- Тем лучше, - упрямо повторял пророк, но известия о непрекращающемся дезертирстве его не радовали. Особенно больно ему было слышать, что среди беглецов есть и ансары и мухаджире, на верность которых он надеялся больше всего.

Армия понемногу таяла, в рядах оставшихся не было воодушевления и готовности к самопожертвованию.

Мухаммед дошел до Табука, в трехстах пятидесяти километрах к северу от Медины, и здесь остановился.

Табук и ближайшие его окрестности покорились без боя, и проживавшие на этих землях арабы-христиане обязались платить дань; за это им была гарантирована безопасность от лица Аллаха и его посланника. Покорился и населенный христианами город Айла, расположенный на берегу Аккабского залива.

За Табуком начинались земли Гассанидов, союзников Византии, и Мухаммед собрал военный совет, чтобы решить, двигаться ли дальше.

Самые преданные соратники пророка были настроены мрачно: армия не хотела вторгаться в пределы Византии, если заставить мусульман продолжать поход, добром дело не кончится. У всех на памяти была печальная история с походом в долину Мута, когда погибли Зайд и Джафар. Но соратникам пророка не хотелось и посягать на волю Аллаха.

- Зачем ты нас спрашиваешь? - сказал Омар. - Поступай так, как приказывает Аллах.

Аллах приказал идти походом против Византии, а теперь пророк пытался переложить ответственность на них.

- Если бы я получил откровение, я не спрашивал бы вас, - с упреком ответил Мухаммед. И так, откровения не было.

- Тогда нужно возвращаться, - сказал Омар, и все его поддержали. За продолжение похода, о котором мечтал Мухаммед, не высказался ни один из его соратников.

Великий поход на север не состоялся. В декабре армия вернулась в Медину. Захваченной добычи едва хватило на то, чтобы покрыть, хоть частично, расходы, понесенные теми, кто последовал за пророком. Но потерь не было, обширные области покорились Мухаммеду, богатство земель Сирии и Палестины воочию убедило мусульман, что путь, указанный Аллахом, - истинный путь. Мухаммед был прав, призывая их к походу на север, но малодушный недостаток веры сорвал его планы - Аллах не руководит народом распутным.

Верные пророку мусульмане совершили утомительный поход, ничем их не обогативший, напротив, они понесли убытки, а "оставшиеся с сидящими", слушники пророка и малoverы, торжествовали. Но они рано торжествовали участники похода были раздражены против них, и Мухаммед не собирался их прощать, справедливость требовала примерно наказать дезертиров.

- Отвратитесь же от них, - приказал Мухаммед верующим. - Ведь они мерзость, и убежище их - геенна, в воздаяние за то, что они приобретали!

Так повелевал Аллах.

- Не извиняйтесь! Никогда мы не поверим вам! - велено было Мухаммеду отвечать слушникам. - Никогда вы не выйдете со мной и никогда больше не будете сражаться со мною против врага!

Все отвернулись от дезертиров, никто с ними не говорил ни слова, им не отвечали даже на приветствия, их не замечали в мечети, а пророк даже не смотрел на них, если они подходили к нему.

Бойкот был дружный, и "земля стеснилась" для противников Мухаммеда. Униженные и напуганные, они взмолились о пощаде, и Аллах, справедливый и милосердный, сжалился наконец - Мухаммед с радостью оповестил верующих, что ему разрешено прощать "оставшихся с сидящими", но только взяв с имущества их милостыню, "которой он очистит и оправдает их". Поодиночке пришлось исключенным из уммы мусульманам испрашивать прощение и платить за него немалую милостыню - иногда до трети своего имущества.

Дольше всех тяготело наказание над тремя мусульманами. Сорок дней никто их не замечал, а потом Мухаммед приказал, чтобы они удалились даже от своих жен. И лишь на пятидесятый день Аллах позволил Мухаммеду простить их, взяв, конечно, милостыню с их имущества.

Лишь Абдаллах ибн Убайя избежал наказания - Мухаммед застал его по возвращении в Медину тяжелобольным и умирающим. Он навещал Абдаллаха во время болезни, а затем проводил его на кладбище и молился на его могиле. Многие мусульмане не понимали милости пророка к вождю "лицемеров".

- Сколько бы я ни молился над лицемерами, - успокоил их Мухаммед, улыбаясь, - молитва моя не принесет им никакой пользы.

С кончиной Абдаллаха ибн Убайи так называемые "лицемеры" перестали быть организованной силой, с которой Мухаммеду волей-неволей приходилось считаться. И нечестивую мечеть аль-Дирар, в которой "лицемеры", по свидетельству самого Аллаха, издевались над пророком и знаменами божьими, Мухаммед не намеревался больше терпеть. По его приказу мечеть аль-Дирар разрушили до основания. В Медине осталась одна мечеть - та, в которой молился пророк. Заодно разрушили и дом, служивший местом частых сборищ "лицемеров". Порядок в Медине был наконец наведен. Пора было наводить порядок на покоренных землях. В марте 631 года Абу Бакр по поручению пророка возглавил паломничество мусульман в Мекку - к Каабе и окрестным святыням. Сам Мухаммед остался в Медине - то ли усилилась его болезнь, то ли он не хотел смешиваться с многобожниками, которые в это же время совершали хадж по своим нечестивым обрядам.

В Медине остались и все противники Абу Бакра, в том числе и Али. Пока Абу Бакр с несколькими сотнями мусульман двигался к Мекке, явлены были Мухаммеду новые, неожиданные откровения. Откровения столь важные, что он поручил Али немедленно отправиться вслед за паломниками и обнаружить их в долине Мина, после жертвоприношений.

- О люди! - возвестил Али. - Слушайте повеление Аллаха милостивого, милосердного!

- Отречение от Аллаха и Его посланника - к тем из многобожников, с кем вы заключили союз.

Странствуйте же по земле четыре месяца и знайте, что вы не ослабите Аллаха и что Аллах опозорит неверных!

И призыв от Аллаха и Его посланника к людям в день великого хаджа о том, что Аллах

отрекается от многобожников и Его посланник... Они не соблюдают в отношении верующих ни клятвы, ни условия. Они - преступники.

- А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! А если они обратились и выполняли молитву и давали очищение они братья ваши!

Мухаммед призвал верующих начать через четыре месяца священную войну джихад - против многобожников; кроме тех, кто заключил с ним союз, а потом ни в чем его не нарушил и никому из врагов мусульман не помогал. Шаткая оговорка - ведь о точности соблюдения договора имел право судить только сам пророк, и никто другой.

По истечении четырех месяцев доступ многобожников к Каабе и другим мекканским святыням запрещался - ибо не годится многобожникам оживлять мечети Аллаха, и свидетельствовать в них о своем неверии, и подвергать верующих искушению.

Начинать войну Аллах приказывал с теми из неверных, которые находятся поблизости. Конец священной войне должен был наступить тогда, когда неверие будет вырвано с корнем и не останется на земле соблазна.

Что касается людей писания, то Аллах приказывал вести войну и с ними до тех пор, "пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными".

Новое требование Аллаха - джихад - было обращено не к каждому верующему лично, а ко всему народу верующих. Умма в целом должна была вести войну за веру, и Мухаммед предупреждал, что не следует верующим выступать всем сразу. Обязанности отдельного мусульманина не изменились - он по-прежнему должен был очищать себя милостыней, очищать милостыней свое имущество (платить налог-закат), поститься в месяц рамадан (саум), совершать хадж и молиться, памятуя о главном исповедании веры - "свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед - посланник Аллаха" (шахада). Таковы пять рукн - пять столпов, на которых основан ислам.

- Нет принуждения в вере! - провозгласил некогда Аллах. - Скажи многобожникам, - учил он, - "у вас своя вера, у нас своя вера", и отвернитесь от них красивым оборотом!

Отныне все подобные откровения отменялись - отменялись самим Аллахом, отменялись навсегда. Противникам войны не удастся в будущем сослаться на волю Аллаха. От новых походов на север никто не сможет уклониться, когда их призовет пророк.

А противники бесконечной войны были - земледельцев Медины война тяготила; и строгих ревнителей чистоты веры, наследников старых ханифов, предписание войны за веру смущало. "Кому добавит веры новая сура?" спрашивали они. Но Мухаммед был убежден, что добавит.

- В тех, которые уверовали, она увеличит веру,- убеждал он, - и они радуются. А тем, в сердцах которых болезнь, они прибавят скверну к их скверне, и они умрут, будучи неверными. Разве вы не видите, что подвергаетесь искушению каждый год?

Мухаммед знал, что вера не проникает в сердца людей, принимающих ислам под угрозой или из соображений выгоды. Но он знал также, что дети насара вырастают тоже насара, а дети яхуди становятся яхуди. И он был убежден, что дети насильственно обращенных мусульман вырастут истинными мусульманами.

Некогда, говорил Мухаммед, Бог предложил земле принять на себя бремя веры. И, содрогнувшись от ужаса, отказалась земля. А человек принял в себя веру и заключил завет с Аллахом. Разве он, Мухаммед, учил когда-нибудь, что бремя веры - легкое? Нет, не учил. Рай

не покупается дешевой ценой - вы будете бороться на пути Аллаха и распространять истину по земле, вы будете убивать и находить смерть в сражениях - и за это вам рай!

Глава 25

" Я выбрал смерть..."

Племя за племенем принимает ислам

Внезапная болезнь и смерть Ибрахнма

Болезнь Мухаммеда усиливается

Последний долг его жизни - хадж

Прощальное паломничество

Проповедь на горе Арафат

Религия завершена

Ночная молитва на кладбище

Борьба со смертью

Медина присягает Абу Бакру - первому халифу

Мусульмане прощаются с прахом Мухаммеда

Четыре месяца милостиво даровал Аллах многобожникам на размышление, и этого им оказалось достаточно. Племя за племенем принимало ислам. вместе с женщинами и детьми, шейхами и рабами. Немногие предпочли остаться в язычестве и платить дань. вечно дрожать за свою судьбу - все ли условия договора с Мухаммедом выполняют они точно и неукоснительно, не обидели ли ненароком соседей-мусульман? До берегов Индийского океана и Красного моря, до пустынь Центральной Аравии разлился по полуострову ислам. Всюду уничтожали языческие капища, беспощадно вырубали священные деревья, в щебень обращали бетилы - вертикально торчащие из земли камни, идолов кочевников.

- Семя веры проросло! - радовался Мухаммед. - Из крошечного семени быстро растет могучее древо! Пришла помощь Бога и победа, и люди толпами устремляются к вере!

Даже разбойничьи шайки, укрепившиеся в горах Хиджаза и грабившие все и вся без разбора, смирил Мухаммед строгостью и милосердием. Вся кровь и преступления, совершенные в язычестве, предал он забвению, беглым рабам среди них дал свободу, и разбойники приняли ислам и вернулись к мирной жизни.

Люди писания в городах и оазисах давно привыкли к государственности и связанным с ней налогам;

испокон веков они платили кому-нибудь дань - собственным князьям и царькам, персам и арабам, грекам и эфиопам. Теперь они платили Мухаммеду примерно столько же, и особой перемены в своей судьбе не ощущали; причин для враждебного отношения к исламу у них не было, на их веру Мухаммед не посягал, на их внутренние дела тоже - как и встарь, должны они были жить и творить суд по предписаниям своих священных книг.

Язычество не находило в себе сил для отпора исламу - оно уже умирало в сердцах людей. Священной войны с язычниками не было - достаточно оказалось одной угрозы, чтобы язычество пало.

К концу 631 года на покоренных Мухаммедом землях с язычеством было покончено, и умножившая свои силы умма пророка стала готовиться к новому походу на север - против Византии и зависимых от нее племен арабов-христиан была направлена в первую очередь выдвинутая пророком программа войны за веру - пока не покорятся люди писания и не станут платить

дань.

Могущество и слава Мухаммеда росли, а реальная власть... падала. По необходимости он вынужден был все больше и больше важных дел перепоручать "спутникам" - его неизменным советникам со времен выселения из Мекки, верным мусульманам, авторитет которых рос с каждым годом. "Спутники" привыкли к власти и считали своим долгом следить, чтобы пророк кому следует поручал предводительство в походах, правильно назначал наместников и сборщиков налогов, справедливо делил добычу и распределял милостыню. Если Мухаммед поручал ответственное дело стороннику Али, Абу Бакр и Омар чувствовали себя обиженными и требовали от него объяснений и равной по значимости должности для своих сторонников. Когда Мухаммед возглавил поход на север, его сопровождали Абу Бакр и Омар, а Али пришлось оставить в Медине.

Для Али это было унижением и умалением заслуг, Мухаммед с трудом уговорил его подчиниться. Он потом поручил Али приводить к покорности Йемен, что вызвало недовольство других "спутников" и новые неприятные объяснения с ними. Абу Бакр возглавил паломничество 631 года, но возвестить верующим новые важные откровения Мухаммед поручил Али - новый скандал: Абу Бакр, обиженный и разгневанный, явился в Медину, требуя объяснений - почему пророк унижил его в глазах верующих, почему не ему доверил зачитать новые послания Аллаха?

Умма пророка охватывала сотни тысяч людей, ислам стал непобедим, начатое пророком дело уже давно двигалось усилиями тысяч людей. Мухаммед перестал быть нужен исламу.

Покорение Мекки и обращение курайшитов нанесло удар былой сплоченности мухаджиров. Вера не разделяла больше соплеменников, никогда не угасавшее чувство принадлежности к разным кланам пробудилось в них с новой силой. Они радели теперь о многочисленных родственниках, их волновало, как и встарь, положение хашимитов и омеядов, преуспевание максумитов и науфалитов...

Мухаммеду приходилось примирять соперничавшие партии и группы, внимательно следить, чтобы неосторожным словом или поступком не нарушить сложившееся соотношение сил. Все "спутники" были преданы исламу, они знали наизусть важнейшие откровения Аллаха, они помнили обо всех решениях и поступках пророка и посланника божьего, служивших для них образцом угодного Аллаху поведения и справедливости. И все-таки у Абу Бакра было свое представление об исламе, у Омара-свое, у Али, аз-Зубайра, Османа-тоже свое. С этим Мухаммед ничего не мог поделать.

В январе 632 года внезапно заболел Ибрахим. Внезапно - ибо мальчик до этого не отличался хилостью, он рос крепким, уже начинал ходить и произносить первые слова. Мухаммед любил держать его на коленях, радовался, глядя на сына, с нежностью нюхал маленького Ибрахима, всегда вымытого и помазанного растительным маслом к его приходу. "Мухаммед нюхает Ибрахима, как мать нюхает свое маленькое дитя", - говорили про него.

Теперь Ибрахим опасно заболел, и тоскливые предчувствия овладели Мухаммедом; он бросился спасать его. Марйам и другие женщины поили метавшегося в жару Ибрахима настойками трав и мазали его целебными мазями, Мухаммед не мешал им. Он сидел у постели своего единственного сына и молился - власть над жизнью и смертью в руках Бога, к нему он обращал свои молитвы, не молитвы - мольбы, просьбы о пощаде, милости и

милосердии.

- Бог - свет земли и небес, - шептал Мухаммед. - Свет его подобен светильнику в нише, светильнику в стеклянном сосуде, сияющем, как жемчужная звезда. Зажигается от дерева благовонного, неземного; масло в нем вспыхивает без прикосновения огня. Свет к свету! Бог ведет к своему свету, кого захочет, Бог всемогущ. Спаси же, Господи, сына моего единственного!

Ты всемогущ! Людям, которых ни продажа, ни купля не отвлекают от призывания имени твоего, от молитв и очистительной милостыни, которые боятся дня суда твоего, ты посылаешь награды. Ты посылаешь свои дары, кому пожелаешь, без счета - спаси сына моего.

День сменялся ночью, тускло тлел фитилек масляной лампы.

- Прибегаю к Господу рассвета, - молился Мухаммед, - от зла того, что он сотворил, от зла мрака, когда он покрыл, от зла дующих на узлы, от зла завистника, когда он завидовал! Прибегаю к Господу людей, царю людей, Богу людей, от зла наущателя скрывающегося, который наущает груди людей, от джиннов и людей!

Молитвы не помогали, и лекарства не помогали. На третий день стало очевидно, что жизнь покидает Ибрахима.

- Помни! - обливаясь слезами, шептал Мухаммед умирающему сыну. Господь твой - Аллах, отец твой - пророк божий, вера твоя - ислам! Так и отвечай, когда спросят.

- Сын мой! - рыдал Мухаммед. - Все мы от Бога - и к нему возвращение! Скоро я последую за тобой, сын мой! Скоро я последую за тобой.

Многие порицали Мухаммеда за неумеренную скорбь по умершем сыне, им чудилась в ней непокорность воле Аллаха, в руках которого - жизнь, и смерть, и судьба каждого. Но Мухаммед был покорен, к горю его не примешивался грех ослушания.

- Бог не запрещает нам оплакивать близких и изливать скорбь слезами, отвечал он тем, кто его попрекал.

Говорят, что Ибрахим умер 27 января 632 года, в день, когда солнце померкло и мрак на несколько минут опустился на Аравию.

- Небеса скорбят о смерти твоего сына, пророк!- говорили Мухаммеду верующие.

- Солнце, луна и звезды во власти Бога, - отвечал им Мухаммед. - Им нет дела до людских судеб.

Сколько он ни внушал верующим чистое однобожие, языческие предрассудки продолжали прочно сидеть в них...

После похорон Ибрахима спокойствие вернулось к Мухаммеду, но он понял, что означала эта смерть: дело его жизни завершилось и Бог собирался призвать его к себе. Скоро он последует за Ибрахимом и встретится с ним в раю. И с Хадиджей. И с Зайдом. Со всеми, кого он любил и потерял.

На земле же у него оставались только Фатима и Айша; и, конечно, Али, отец его внуков, Хасана и Хусейна.

- Я скоро умру, - сказал он как-то Фатиме, и она заплакала.

- Не плачь! - улыбнулся Мухаммед. - У меня был выбор, и я выбрал смерть.

Фатима часто болела, Мухаммед вполне мог пережить и ее, последнюю оставшуюся у него дочь.

- Хотела бы ты умереть раньше меня? - спросил он Айшу.

- Нет! - не задумываясь, ответила Айша, и, заметив, что пророк огорчен, добавила: - Ты похоронишь меня, и будешь плакать на моей могиле, и молиться обо мне, а потом вернешься к женам и будешь проводить с ними мои ночи!

Мухаммед, по словам Айши, улыбнулся и больше к разговорам о смерти не возвращался. Он очень любил Айшу и был по-дружески привязан к ней, но Хадиджа бы ему так не ответила.

Смерть Ибрахима подорвала в Мухаммеде волю к жизни, болезнь его усилилась, мучительные головные боли повторялись все чаще, "яд Хайбара" сжигал его изнутри.

Аллах выбрал его, Мухаммеда, своим пророком и посланником. Выполнил ли он волю Аллаха? Все ли сделал для распространения истинной веры? Пожалуй, все. Через него поведал Аллах обо всем, что необходимо людям, чтобы жить на земле справедливо и заслужить счастливое бессмертие в раю. Греховное отделено от добродетельного, чистое от нечистого, запретное от дозволенного. Известно теперь, как молиться и как соблюдать пост, как судить и как наследовать имущество, как торговать и вступать в брак, как относиться к женам и рабам, что есть и что пить, как одеваться. И о том, сколько времени кормить грудью младенцев, не забыл поведать людям Аллах. О каждой опасности, подстерегающей человека в жизни, поведано людям через Мухаммеда. Никто в день страшного суда не сможет сказать, что грешил он по неведению - все грехи перечислены, все известно.

Осталось теперь лишь нести веру по земле - об этом поведано верующим еще год назад, они это знают. Не все понимают мудрость Аллаха, предписавшего войну с людьми писания и распространение власти ислама, мир кажется им лучше войны. А что дал бы мир? Кровавой мести не будет, бесконечных междоусобных войн не будет, новорожденных девочек убивать Бог запретил, нищих и бедняков повелел кормить за счет милостыни. К чему это приведет в условиях мира? К голоду, и только к голоду! Тесно станет кочевникам на земле, и вновь вернуться они к нескончаемой вражде и набегам на оазисы. Запрещение войны не даст мира. Даже лжепророк Мусейлима понимает это - провозглашает мир, но требует, чтобы не прикасались его последователи к женам, если у них уже есть один сын. Мерзкое и невыполнимое требование, не примут его арабы.

Поистине те, кто противится войне, не только впали в грех послушания, но и лишились рассудка, не могут они понять справедливость и мудрость предписанного Богом.

Все существенное поведал Аллах через Мухаммеда, посланничество его завершается, пора Мухаммеду возвращаться к Богу. Не ждут уже верующие с нетерпением новых откровений, пожалуй даже страшатся их. "Кому прибавит веры новая сура?"-спрашивают они тайком друг друга, об этом Мухаммеду не раз доносили.

Один долг тяготил Мухаммеда - хадж. Лишь недавно осознал он, что почитание не только Каабы, но и древних святынь в окрестностях Мекки угодно Аллаху и является обязанностью каждого верующего. Это новшество, радостно принятое язычниками, смущало многих ветеранов ислама. В прошлом году хадж возглавил Абу Бакр, и за ним последовало менее четырехсот мусульман. Подробного описания обрядов Мухаммед в откровениях не получил, пример Абу Бакра для верующих значил немного. Нужно было самому пророку возглавить хадж и подтвердить удобное Аллаху, да заодно разобраться окончательно, какие же из древних обрядов "чистые". Сердцем и разумом Мухаммеда руководил Бог, и Мухаммед не сомневался, что, очутившись на месте, он выполнит все угодные Богу обряды и воздержится

от неугодных.

В марте наступило время паломничества, и Мухаммед отправился в Мекку. Весть о том, что сам пророк возглавит хадж, разнеслась повсюду. Толпы мусульман примкнули к нему - из одной Медины, уверяют благочестивые историки, поклониться святыням вышло шестьдесят тысяч верующих. Может быть, их было не шестьдесят тысяч, а всего лишь тысячи три - историки ревниво относились к славе пророка. Хаджиев было множество, бесчисленные толпы следовали за Мухаммедом, а каким числом выразить этот взрыв энтузиазма и доверия к пророку - несущественно.

Все "спутники" пророка, сопровождавшие его, все девять жен следовали за ним - в носилках, укрепленных на спинах верблюдов, как и подобало знатным дамам.

После первой же ночной стоянки Мухаммед снял обычную одежду и облачился в ихрам - с этой минуты он предстал перед Богом и все мирское и нечистое стало для него запретным. Все хотели последовать его примеру, но Мухаммед потребовал, чтобы ихрам одевали лишь те, кто ведет с собой предназначенных для жертвоприношения животных. Жены его подчинились этому требованию, как вели себя остальные - неизвестно; в дальнейшем верующие отвергли эту рекомендацию пророка.

- Здесь я служу тебе, Боже! - воскликнул Мухаммед, надев ихрам. - Здесь я служу тебе! Нет тебе равного! Одному тебе - поклонение, от тебя - все благое! Нет царства, кроме твоего царства, нет власти, кроме твоей власти!

Слова этой древней молитвы были хорошо известны:

но во времена невежества язычники исказили их, а теперь Мухаммед очистил ее, вернул ей святость - точно так молился праотец Ибрахим, предстая перед Господом.

Очистить угодный Аллаху хадж от искажений, подсказанных сатаной многобожникам, и было его апостольским долгом.

В Мекке пророк совершил умру - поклонение Каабе. Болезнь измучила его, совершать обхождение вокруг храма и бегать между ас-Сафой и аль-Марвой ему было не по силам. На верблюдице аль-Касве объехал он семь раз вокруг Каабы, тросточкой прикасаясь к Черному камню, на ней же совершил "бег" между священными холмами. Исполняя чти древние обряды, он молился, и молитвы были обращены к единому Богу: тем самым умра очистилась от языческой скверны и стала служить исламу.

Мухаммед смазал волосы специальной мазью, приготовленной из камеди; мазь эта придавала голове опрятный вид, помогала против насекомых и делала не столь мучительным последующее бритье головы. Но бриться Мухаммед не стал - никто не должен брить голову, объяснял он, пока жертва не дойдет до своего места;

ему же еще предстояло поклониться окрестным святыням и совершить жертвоприношение.

Завершив умру, Мухаммед снял ихрам и переделся в обычную одежду, чтобы немного передохнуть. Вместе с ихрамом он снял с себя все обязанности паломника - все мирское стало для него дозволенным, он мог видаться с женами, заниматься делами. Омар открыто осудил его за это; что бы Мухаммед ни делал, всегда находились недовольные, всегда его осуждали.

Отдохнув, он вновь надел ихрам и отправился исполнить самое трудное - очистить от скверны долины Мина и Муздалифа и гору Арафат. Здесь были главные святыни кочевников, многобожники чтили их больше, чем Каабу. Теперь кочевники приняли ислам и должны были чтить на этих местах, насквозь пропитанных язычеством, Аллаха.

Через долины Мина и Муздалифа проследовал Мухаммед во главе многотысячной толпы паломников к горе Арафат, древнему месту предстояния, встречи людей лицом к лицу с Богом или богами. Идолы были уничтожены, но места, на которых они еще недавно стояли, запомнились и почитались мусульманами особенно священными. В этом гнездились язычество.

- Весь Арафат - место предстояния! - громко возвестил Мухаммед. - Весь, целиком!

- Здесь служу я тебе, Господи! Здесь я служу тебе! - стали кричать мусульмане знакомые слова молитвы, положенной в местах предстояния. Эту молитву, лаббайку йа рабба, как ее называют арабы, выкрикивали как можно громче и повторяли многократно.

С вершины Арафата, сотворив полуденную молитву, обратился Мухаммед с проповедью к паломникам. Он восседал на аль-Касве, а Рабия ибн Убайя, наделенный могучим голосом и четким произношением, был его глашатаем.

- О люди! - кричал Рабия многотысячной толпе. - Посланник Бога говорит: знаете ли вы, какой сейчас месяц?

- Священный месяц! - кричали хаджи.

- Посланник Бога говорит, - кричал Рабия, - Бог освятит вашу кровь и ваше достояние до дня встречи с ним, как он освятит этот месяц!

Фразу за фразой повторял Рабия слова Мухаммеда, голос которого не мог долететь до толпы.

- О люди! Не знаю, встретимся ли мы через год - внимайте же словам моим! - говорил Мухаммед. - Ваша кровь и ваше достояние - священны до встречи с Господом вашим, и этот день, и этот месяц, и этот хадж - священны!

Верните клятвы тому, кто вам доверился, клятвы запретил Господь! Рост запретил Господь - проценты уничтожаются. Не должно быть никакого ростовщичества, и проценты Аббаса ибн аль-Мутталиба уничтожены!

... За кровь, пролитую во времена неведения, Бог запретил мстить! И я не буду судить ее!

О люди! Сатана теряет власть над всяким, молящимся на вашей земле. Но если вы станете поклоняться ему, он будет расставлять вам сети и сделает ничтожным в глазах Бога все ваши деяния - берегитесь же сатаны!

Время принадлежит Богу - так было в день, когда он создал небеса и землю, так есть, и так будет! Число месяцев у Бога - двенадцать, и вставка увеличение неверия, деяние сатаны!

Ваше право - на жен ваших, и право ваших жен - на вас! Вы вправе требовать, чтобы они не оскверняли ложе ваше и избегали непристойного. Если они не воздержатся - Бог разрешает запирает их и наказывать ударами, но без жестокости! Если они воздержатся - их право требовать, чтобы вы питали их и одевали их с добротой! Будьте снисходительны к поступкам жен ваших - ведь они пленницы ваши, не умеющие обуздывать себя; вы взяли их по закону Господа, вы обладаете ими по слову Господа - слушайте же мои слова, о люди!

О люди! Верующий - брат верующего, и все верующие - братья! Берите же от брата своего только то, что он дает вам, дает по доброй воле, - и не ошибетесь вы! Поняли ли вы слова мои?

- Поняли! - кричали верующие.

- Посланник Бога сказал, - кричал глашатай Мухаммеда, - Бог - свидетель того, что вы поняли!

- О люди! Придерживайтесь того, что я оставляю вам, и вы не ошибетесь! Ясное указание, Книгу Бога, оставляю я вам - внимайте же тому, что я говорю вам! Веруйте: Бог - един, смерть и воскресение - несомненны, и предопределено время, когда восставшие из гробов будут призваны на суд! Веруете ли вы?

- Веруем! - кричали в ответ хаджи... Так или примерно так проповедовал Мухаммед во время хаджа.

Когда солнце опустилось к самому горизонту, хаджи заволновались - они хотели, как встарь, с воплями кинуться к горе Муздалифе, чтобы скорее зажечь костры у ее подножия... Но Мухаммед оставался неподвижным - ему не надо было откровений Аллаха, чтобы видеть в этих воплях по умирающему солнцу языческую мерзость, несовместимую с верой. Он заставил их подождать, пока солнце полностью скрылось за горизонтом, а затем нарочито медленно - никаких оснований спешить не было! - повел их к Муздалифе. То, что хаджи начали кричать, и хлопать в ладоши, и свистеть, его не смущало - пусть теперь кричат сколько душе угодно, солнце-то ведь село...

У Муздалифы паломники разожгли огромные костры и продолжали свои крики. Здесь они привыкли поклоняться Кузаху-громовержцу, повелителю гроз и дождей, оплодотворяющих поля и пастбища. Его вызывали язычники кострами и криками, ударами в бубны и свистом. Исправляя лунный календарь вставками, они приурочивали время великого хаджа к весне, ко дню весеннего равноденствия одновременно это был и праздник солнца. Около того места, где всего лишь два года назад высился идол Кузаха, хотели мусульмане предстать перед Аллахом, но Мухаммед не допустил этого - вся Муздалифа есть место предстояния, объявил он, отсюда надо взывать к Богу: "Здесь я служу тебе, Господи!.." Он не позволил хаджиям дожидаться восхода солнца и еще в темноте, восславив Аллаха, повел их в долину Мина.

Хадж, который возглавил Мухаммед, происходил в марте, и чистое поклонение Аллаху невольно связывалось в сознании паломников, лишь недавно принявших ислам, с привычным поклонением солнцу, весне и Кузаху-громовержцу. Но скоро этой мерзости должен был наступить конец - Бог не случайно запретил исправлять лунный календарь, время хаджа будет отныне приходиться на разные времена года, хадж навсегда потеряет связь с язычеством, почитанием солнца и планет. Многие жаловались Мухаммеду, что в летний зной мучительно трудно будет совершать паломничество. "Хадж - это жертва Богу, - отвечал им Мухаммед, - а жертва и не должна быть легкой".

В долине Мина были оставлены только три идола - отныне они стали символами сатаны, которого Исмаил некогда отгонял камнями. И древний обряд бросания камней наполнился новым содержанием - мусульмане отрекались от всякой связи с сатаной, бросая в каждого идола по семи камней, подобранных на склонах Муздалифы. Бросание камней они сопровождали лаббайкой: "Здесь служу тебе, Господи! Здесь я служу тебе!" - ибо Мина тоже была местом предстояния. Жертвоприношения в долине Мина верующие совершали теперь в память об Ибрахиме, который собирался здесь принести в жертву Богу своего сына.

- Вся долина Мина - место жертвоприношения! - объявил Мухаммед, ему важно было отучить мусульман от заклятия животных на местах, где недавно стояли идолы, ибо жертвы их принадлежали Аллаху.

После жертвоприношения большинство паломников заканчивали хадж - они брили головы, снимали ихрам и возвращались к обычной жизни.

- Пейте, и ешьте, и наслаждайтесь - так повелел Аллах! - возвестил им Мухаммед; любимый язычниками праздник не таил в себе угрозы чистоте ислама.

Кругом уже были расставлены бесчисленные палатки и шатры, торговцы разложили свои товары, фокусники, поэты и певцы собрались сюда со всей Аравии - знаменитая ярмарка в долине Мина началась. Третью часть мяса жертвенных животных предназначалась беднякам, все могли есть досыта и веселиться.

Мухаммед принес в жертву шестьдесят три верблюда - по одному верблюду за каждый год своей жизни. В честь своих жен он принес в жертву коров. Сюда, в долину Мина, прибыл к нему из Йемена встревоженный Али - Мухаммед совершал хадж без него, и это могло серьезно отразиться на его репутации в глазах верующих. Мухаммед купил верблюдов и для Али - тридцать семь верблюдов принес Али в жертву, если верить преданиям, - тоже по числу лет своей жизни. Неслыханно щедрое угощение устроили Мухаммед и Али для паломников.

Судьба Али тревожила Мухаммеда: слишком многие влиятельные мусульмане относились к двоюродному брату, воспитаннику и зятю пророка враждебно. Кочевникам же Али нравился - бесстрашный воин, щедрый и прямодушный, он был им ближе и понятнее, чем политики типа Абу Бакра и Омара. Мухаммед часто поручал Али улаживать дела кочевников и наводить порядок среди них, зная, что это умножает число его друзей. Хадж Мухаммед использовал и для того, чтобы прославить Али еще больше - он совершил вместе с ним жертвоприношение, он всячески выказывал свою привязанность к нему и, говорят, даже призывал верующих любить Али - отца его единственных внуков - Хасана и Хусейна.

Из долины Мина пророк вновь вернулся в Мекку;

здесь он поклонился Каабе, выпил воды из священного источника Замзам, а затем уже обрил голову и снял ихрам - на этом его паломничество было закончено, и он возвратился в Медину.

Пророческая миссия его приходила к концу.

- Сегодня я завершил вероустав ваш, - сообщил Мухаммеду в конце хаджа Бог, - полностью проявил мою милость вам. Ислам - предание себя Богу сделал я верой вашей.

Хадж не принес ему облегчения - болезнь его усилилась, головные боли повторялись чаще. Все-таки он продолжал заниматься делами каждый день и являлся в мечеть руководить молитвами верующих. И он готовил мусульман к новому походу - опять на север, к берегам Иордана, в пределы Византии. Возглавить этот поход он поручил Осаме - сыну любимого Зайда ибн Хариса, павшего смертью мученика в долине Мута. Мухаммед поклялся тогда, что Осама, а не кто-нибудь другой отомстит за смерть Зайда. Осаме было всего двадцать лет, и верующие негодовали, что Мухаммед поручает ему руководить походом, по их мнению, достаточно было людей более опытных, чем Осама, а главное - более заслуженных. "Они всегда не любили Зайда, - с грустью говорил Мухаммед, они всегда противились, когда я давал Зайду важные поручения. Теперь они перенесли неприязнь на сына Зайда, им обидно подчиняться сыну вольноотпущенника". Так уж получилось, что почти всех, кого пророк любил, верующие не любили. Но Мухаммед не отменил своего назначения - войска на север поведет Осама.

В конце мая у Мухаммеда еще хватило сил проводить в поход Осаму. Армия не ушла, однако, далеко - все были встревожены болезнью пророка, все понимали, что в случае его смерти начнется борьба за власть, и далеко уходить не следует. На расстоянии дневного перехода от Медины армия разбила лагерь.

Чуть ли не на следующий день после проводов Осамы состояние Мухаммеда резко ухудшилось. Ночью его мучили кошмары, а затем он явственно услышал голоса, которые звали его: мертвецы требовали, чтобы он помолился за них. Сейчас же, немедленно.

Он очнулся в ужасе от того, что не выполнен важный долг. С тех пор как Аллах призвал его,

он ни разу не послушался его воли, не искажил ни одного слова, не утаил ничего. Он всегда провожал верующих и молился на их могилах. Но кто-нибудь мог умереть в его отсутствие, ему могли не сказать об этом или сказали, а он забыл. За десять лет умерли сотни людей - женщины, дети, рабы, он даже не знал их имен. Нет, обо всех он не молился, свой долг пророка не выполнил. Нужно было спешить.

Мухаммед позвал раба и приказал немедленно вести себя на кладбище.

- Мне приказано помолиться об умерших на кладбище, - объяснил он.

Поддерживаемый рабом, он отправился по улицам спящей Медины на окраину, к общественному кладбищу. Была середина ночи, молодой месяц корабликом висел над далекими горами, ярко пылали звезды на черном небе, белели камни на могилах. По словам раба, окончив молиться, Мухаммед воскликнул:

- Мир вам, люди могил! Счастье для нас, что вы умерли! Волнами мрака надвигаются беды, и каждая последующая будет ужаснее предыдущей!

Тревожное время близилось для уммы Мухаммеда. Язычество было сломлено, но в разных частях полуострова стали появляться новые пророки Аллаха, противопоставляющие себя Мухаммеду. Для мусульман это были лжепророки и колдуны, которых следовало уничтожать без пощады.

На юге, в Йемене, власть захватил лжепророк аль-Асвад. На востоке, в Йемене, прочно утвердился лжепророк Маслама, которого мусульмане презрительно звали Мусайлима, то есть "Масламишка", - он получал откровения и творил свой "Коран". "От пророка Масламы пророку Мухаммеду - мир тебе" так якобы начинал свои послания этот лжепророк, предлагая Мухаммеду сотрудничать и поделить власть в Аравии. К северу от Йемена сеяла смуту лжепророчица Саджах, племена Центральной Аравии подбивал на восстание лжепророк Тулайха (Талха).

А кочевники не хотели платить закят и были чувствительны ко всяким течениям ислама, напоминаям первые проповеди Мухаммеда в Мекке...

Время было действительно тревожное.

С этой ночи состояние Мухаммеда стало стремительно ухудшаться. Он едва добирался до мечети, чтобы руководить молитвами, с трудом пересекая двор, чтобы отдать себя заботам очередной жены. Наконец болезнь осилила его - в домике Маймуны он впервые потерял сознание, а очнувшись, не мог подняться. Он попросил, чтобы его освободили от этих ежедневных переходов из дома в дом и отдали на попечение Айши.

Али и сын Аббаса с трудом перевели - скорее, перенесли - Мухаммеда через двор, ноги его волочились по земле, голова упала на грудь.

Маймуна хотела лечить его какими-то снадобьями, привезенными из Эфиопии. Мухаммед отказался их принимать; он попросил принести воды из семи колодцев Медины и облить его. Воду принесли, его усадили на чурбан и стали поливать голову холодной водой - он терпел эту пытку, хотя и кричал от боли, но лечение не помогло.

На следующий день он уже не мог встать на молитву - молиться нужно было стоя. Ему помогли совершить омовение и подняли, но он сразу же потерял сознание и упал. Очнувшись, он вновь попросил, чтобы ему помогли встать; его поставили, и он опять упал. Так повторялось несколько раз.

После этого он смирился. До мечети ему было не дойти, руководить молитвой попытался

вместо него Омар, но верующие не приняли Омара. Тогда Мухаммед поручил эту обязанность Абу Бакру. А может быть, и не поручал:

все чувствовали, что он скоро умрет, власть ушла из его рук.

От него всех удалили, даже жен. Только Айша видела его и ухаживала за ним. К нему перестали пускать. Абу Бакр, Омар, Али и другие "спутники" его заглядывали на минуту и сейчас же исчезали - им было не до него. Они спешно совещались со своими сторонниками, слали гонцов к дружественным кочевникам, настороженно следили друг за другом. Их заботила судьба уммы и судьба ислама, вопрос о том, кто станет преемником пророка, был для них вопросом жизни и смерти.

Кого хотел видеть Мухаммед главой верующих после себя? Никто не спрашивал его об этом, а он молчал. Он знал, что ничего не может сделать: верующие не подчинятся его выбору, они будут решать этот вопрос сами. Хуже того, если избранный Мухаммедом не получит власти, его убьют. Никто не рискнет оставить в живых человека, которого сам пророк считал своим достойным преемником...

Мухаммед молчал, но все-таки его боялись. Боялись его последней воли, необдуманного слова, ненужного откровения. Он бредил и впадал в забытие, временами теряя способность говорить. Один раз, когда сознание вернулось к нему, он попросил принести принадлежности для письма - что-то хотел продиктовать. Никто не ответил ему, никто не пошевелился. Все. Конец. Больше он уже ни о чем их не просил.

Слухи о смертельной болезни пророка вызвали среди мусульман опасное волнение. Некоторые настойчиво утверждали, что Мухаммед умер, другие были убеждены, что пророк не может умереть, что пророк бессмертен. Абу Бакр и Омар, по-видимому, всячески успокаивали мусульман - болезнь пророка не опасна, утверждали они, он уже поправляется, скоро он будет здоров. Утром 8 июня, когда верующие собрались в мечети, двери хижины Айши распахнулись, занавес отдернулся, и на пороге показался Мухаммед. Его поддерживали, но все-таки он стоял - живой и невредимый. От дверей Айши до мечети было всего метров сорок, верующие хорошо видели пророка, некоторые утверждали, что он улыбался. Постояв минуту, Мухаммед слегка помахал им рукой, дверь захлопнулась. Все успокоились и разошлись по своим делам.

Через несколько часов Мухаммед умер. По словам Айши, голова его покоилась у нее на коленях, когда она увидела, что глаза его остановились. На крик Айши сбежались остальные жены пророка, они огласили дом дружными воплями, раздирали свои одежды и царапали себе щеки.

Вопль их возвестил Медине о смерти Мухаммеда, все бросились к мечети.

Омар кричал, что Мухаммед не умер - он просто ушел на время к Аллаху, как уходил пророк Муса; он скоро вернется! Омар грозил мечом всякому, кто распускает ложь о смерти пророка.

Абу Бакр, заглянув в дом Айши и убедившись, что Мухаммед мертв, поспешил обуздать Омара.

- О люди! - закричал он. - Если кто-нибудь поклоняется Мухаммеду, пусть знает - Мухаммед умер. Но Аллах, которому мы поклоняемся, жив и бессмертен! О люди! Вспомните слова Аллаха: "Мухаммед только посланник. Нет уже посланников, которые были прежде него; ужели вы обратитесь вспять, если он умрет или будет убит!"

Никто из собравшихся не помнил этих слов Корана... Но волнение понемногу улеглось, опасные мечтания о вознесении на небо и скором воскресении Мухаммеда были пресечены.

Сподвижникам некогда было оплакивать Мухаммеда. Двор Мухаммеда заперли и никого туда не пускали. Хижину Айши заперли тоже. Жены пророка и родственники Аббаса притихли.

В пустом домике Айши всеми покинутый лежал мертвый пророк. К ночи выяснились главные претенденты на власть. Али, которого поддерживали аз-Зубайр и Тальха, собирал сторонников в доме Фатимы. Ансары сплотились вокруг Саада ибн Убайда и с оружием в руках засели в квартале Бану Сайда. Остальные мухаджиры раскололись на сторонников Абу Бакра и сторонников Омара. По словам Омара, раскол среди мухаджиров привел его в ужас: кандидатура Али была для него совершенно неприемлема. Омар немедленно отправился к Абу Бакру, и они объединились. Той же ночью Абу Бакр, Омар, их сторонники пришли в дом Бану Сайда, где собрались предводители ансаров.

- Мы - помощники Бога! - сказали ансары. - Вы, о мухаджиры, часть нас и нашего народа, среди которого вы поселились. Главой верующих должен быть ансар.

- Все, что вы сказали, правильно, - ответил им Абу Бакр. - Но арабы признают власть только курайшита. Я предлагаю вам на выбор - Омара или Абу Убайду.

- Пусть у нас будет свой глава, а у вас - свой, курайшиты! - сказал один из ансаров.

- Протяни руку, Абу Бакр! - закричал Омар. - Я присягаю тебе!

За ним тут же принесли присягу Абу Бакру и остальные мухаджиры, а потом и ансары. "Мы готовы были тут же прикончить всякого, кто отказался бы присягать Абу Бакру", - говорил потом Омар.

Среди ансаров, как всегда, не было единодушия, их вождь - "лицемер" Абдаллах ибн Убайя - умер. За спиной мухаджиров стояла Мекка, слова "арабы признают власть только курайшита" не были выдумкой - лишь опираясь на мощь курайшитов, можно было сохранить завоевания ислама. В создавшихся условиях осторожный и благочестивый Абу Бакр устраивал их больше, чем Омар или Али. Присягу, данную Абу Бакру чуть ли не под угрозой смерти, ансары не собирались нарушать.

Али и его сторонники поняли, что они не могут противостоять объединенным силам Абу Бакра, Омара и ансаров.

Утром в мечети все верующие Медины присягнули Абу Бакру - он стал "заместителем посланника Бога" - первым халифом, главой мусульманской уммы.

- Повинуйтесь мне, пока я повинуюсь Богу и его посланнику! - сказал он мусульманам.

Халиф был избран, пора было позаботиться и о теле пророка, пролежавшем почти сутки необмытым и неприбранным.

Как нужно хоронить пророка, никто не знал, в Коране об этом не сказано. Жен пророка не допустили обрывать его тело, его тело омыли Аббас, Али и другие родственники-мужчины, омыли, не снимая одежды, в которой он умер. Потом его завернули в три плаща - верхний был из полосатой йеменской ткани и уложили на ложе, на котором застигла его смерть.

Во вторник после полудня началось прощание мусульман с пророком сперва мужчин, потом женщин, детей и рабов. Они переступали порог хижины Айши, произносили слова молитвы и быстро уходили - нужно было успеть дать попрощаться всем. К вечеру несколько тысяч мусульман простились со своим пророком и заодно убедились, что он действительно мертв.

Спорили, где хоронить Мухаммеда, пока не вмешался Абу Бакр.

- Я точно помню, как пророк Аллаха сказал: "Не было ни одного пророка, которого бы не

похоронили на том месте, где он скончался". И еще пророк Аллаха сказал: "Проклят народ, который поклоняется могилам пророков".

Некому было ни подтвердить, ни опровергнуть слова Абу Бакра. Но Мухаммед вполне мог высказать подобные мысли - всякие проявления идолопоклонства были ему ненавистны.

"Пророк Аллаха сказал..." - отныне это стало звучать как закон.

Итак, пророк Аллаха сказал, что хоронить его нужно на том месте, на котором его застигнет смерть. Поэтому кровать, на которой он скончался, отодвинули и на ее месте выкопали могилу с нишей. В среду ночью тело Мухаммеда поместили в нишу, могилу засыпали и пол в комнате выровняли.

Мухаммед умер, оставив тысячи ревностных последователей, которые продолжили его дело.

Абу Бакр возглавлял умму, созданную Мухаммедом, два года. При нем были подавлены восстания кочевников, не желавших смириться с налогами, уничтожены все пророки и пророчицы, сеявшие смуту.

Весь полуостров - от устья Евфрата до берегов Мертвого моря - покорился исламу.

Наиболее знаменитого лжепророка - Мусайлиму сразил во время решающей битвы Вахши - тот самый, который победил Хамзу в битве при Оходе. "Я убил самого лучшего и самого худшего из людей", - говорил Вахши. До конца своей долгой жизни Вахши сражался на пути Аллаха и не раз бывал наказан плетью за пьянство, что ничуть не умаляет его славы великого воина.

По смерти Абу Бакра халифом был выбран Омар. Он поклялся, что из уст самого Мухаммеда слышал откровение Аллаха, повелевающего побивать прелюбодеев и прелюбодеек камнями, и помнил это место из Корана наизусть.

В списках Корана такого откровения не нашли - напротив, там говорилось не о смертной казни за подобное преступление, а о ста ударах палками. Один из самых полных списков Корана хранился в сундуке Хафсы, жены пророка и дочери Омара, - в нем тоже не нашли повеления побивать камнями. И все-таки Омар настоял на своем - было решено считать, что коранический текст, о котором он говорил, существовал, но его съели мыши. Характерно, что халифу Омару, который был грамотен, и в голову не пришло записать короткий стих, который он помнил наизусть, и выдать эту запись за сделанную со слов пророка и при жизни пророка. Омар по-своему понимал ислам, но он предал себя Богу и на подобное святотатство был не способен.

Омар прославился простотой, суровостью и справедливостью. Говорят, что он выслушивал советы даже от женщин, настолько он смирил свою гордыню, став заместителем посланника Бога на земле. И доподлинно известно, что он не обогащался за счет уммы, хотя через его руки проходили колоссальные средства. Сам не обогатился и родственникам не дал - случай очень редкий в истории халифов.

Омар руководил верующими двенадцать лет, и при нем полководцы ислама покорили Палестину и Сирию, Египет и Ливию, большую часть Персии.

При Османе ибн аль-Аффане, племяннике Хадиджи и зяте Мухаммеда, который был избран халифом по смерти Омара, продолжалось наступление ислама на Византию, полностью была покорена Персия, отряды мусульман захватили Дербент и весь Дагестан и вышли на берега Амударьи...

Но мусульмане были недовольны правлением Османа - его обвиняли в несправедливом

дележе добычи и милостыни и явном пристрастии к близким родственникам, которых он назначал наместниками в важнейшие покоренные города. Посланные Амром ибн Аасом, завоевателем и наместником Египта, ревностные мусульмане, явившись в Медину, ворвались в дом Османа и убили его. Осман встретил их с Кораном в руках, и кровь его впервые обагрила страницы священной книги.

При Османе завершилось начатое еще Абу Бакром собрание Корана. При жизни Мухаммеда по рукам ходили лишь записи отдельных откровений и некоторых сур, часто отрывочные и неполные. Никто не заботился о том, чтобы собрать и сохранить все откровения, полученные пророком от Аллаха. Но время шло, люди, знавшие наизусть весь Коран или большую его часть, гибли в битвах, угроза забвения божественных строк становилась все более реальной. И угроза кровавой смуты тоже - нельзя было допустить, чтобы существовали разные тексты Корана, разночтения уже начинали приводить к мелким стычкам. Поэтому все записи коранических текстов, сделанные на пергаменте и пальмовых листьях, на глиняных черепках и плоских костях, на камнях и кусках ткани, были собраны и сверены, все знатоки Корана опрошены, и специальная комиссия, куда входили и секретари Мухаммеда, составила окончательный текст божественной книги. Остальные же списки ведено было уничтожить.

Тексты, вошедшие в Коран, несомненно, создал Мухаммед, и многие из них еще при его жизни были объединены в специальные главы - суры. Многие, но не все. Остальные откровения составители Корана объединили в суры, руководствуясь памятью знатоков, набожным воодушевлением и здравым смыслом, учитывая содержание откровений, ритм и рифму отдельных "строф". Не всегда сходились концы с концами, но составители все-таки объединили все сохранившиеся откровения в его четырнадцать сур и дали каждой суре название. Определить порядок расположения сур им было нелегко - Мухаммед не создавал книги как таковой, откровения и суры существовали для него совершенно независимо друг от друга, связанные лишь тем, что все они являлись частями небесного Корана, словами Аллаха. Составители не дерзнули навязывать свою волю Богу; поместив в начале Корана "Фатиху", давно ставшую любимой молитвой мусульман, расположили остальные суры просто по их длине - длинные впереди, самые короткие позади.

Почти каждая сура оказалась составленной из откровений, полученных в разное время и по разным поводам. В этом виде Коран и дошел до нас. Многие откровения, полученные Мухаммедом, конечно, не вошли в Коран - одни были "отменены" еще при его жизни, другие просто забылись.

После Османа, правившего двенадцать лет, Медина провозгласила халифом Али. Фатимы уже давно не было - она всего на два года пережила Мухаммеда и, умирая, требовала, чтобы ее похоронили рядом с пророком. Но ее просьбу не уважили - рядом с Мухаммедом похоронены Абу Бакр и Омар.

Али два года провел в непрерывных войнах с соперниками - против него выступили аз-Зубайр и Тальха, которых поддерживала Айша, его власть не признал Муавия, наместник Сирии, сын Абу Суфиана. Али разгромил войска аз-Зубайра и Тальхи, нанес несколько поражений Муавии, а затем был убит одним из фанатиков-сектантов, мечтавших возродить первоначальную чистоту ислама.

Пятым халифом стал Муавия, положивший начало династии Омейядов. Он придал власти халифов более светский характер, назначил высокие пенсии поэтам-язычникам. Его противники утверждали, что, пируя с близкими друзьями, он иногда приказывал принести Коран и с удовольствием плевал на него... Но что бы Муавия ни думал о Мухаммеде и Коране, он вынужден был на людях торжественно клясться, что верен каждому слову пророка и каждой букве Корана, а каждый поступок пророка для него образец и закон. И также клялся любой правитель и деспот после него - ислам победил.

Девять жен было у Мухаммеда в год смерти. Всех он обеспечил еще при жизни богатыми наделами земли в Хайбаре, а халифы выплачивали им щедрые пенсии. Коран запретил им вступать в новый брак, зато их почитали верующие. Их рассказы о Мухаммеде высоко ценились, с ними советовались судьи и богословы. Они были священны, им не рубили голов, даже если они вмешивались в кровавые политические интриги. Благочестивая Зайнаб, отданная пророку в жены самим Аллахом, на восемь лет пережила Мухаммеда; наследники ее не получили ничего - все средства, в том числе двенадцать тысяч дирхемов, подаренных ей халифом Омаром, она раздала беднякам. Напротив, Сафийя, плененная в Хайбаре, прожив после смерти Мухаммеда почти пятьдесят лет, приумножила свои богатства и оставила наследникам почти сто тысяч дирхемов. Рукописи, хранившиеся в сундуке Хафсы, помогли, как уже говорилось, составить Коран.

Любимая жена пророка Айша, которой в год его смерти было всего восемнадцать лет, прожила долгую и бурную жизнь. Она участвовала в заговоре против Османа и боролась на стороне аз-Зубайра против своего давнего врага Али. Говорят, она не простила ему попыток развести ее с пророком. Решающая битва отрядов Али и аз-Зубайра получила в честь Айши название "битвы верблюда" - ее вывезли на верблюде в защищенной броней паланкине, и она, "мать верующих", вдохновляла соратников аз-Зубайра стоять насмерть. Вокруг Айши разгорелась одна из самых ожесточенных схваток, семьдесят воинов пали, защищая ее, но сторонники аз-Зубайра потерпели поражение, священный верблюд Айши был убит, и она попала в плен к Али. Аз-Зубайр и Тальха пали в этой битве, и Айша предложила Али объединиться вместе против Муавии. Но Али отклонил это предложение и отправил ее обратно в Медину.

Айша прославилась рассказами о пророке. Тысячу двести хадисов рассказов о том, как поступал пророк в таком-то случае и что он говорил по такому-то поводу, - запомнили верующие со слов Айши. Из таких рассказов слагалась сунна пророка - основа поведения и законодательства для верующих, ибо в Коране многих важных сведений благочестивые юристы и богословы не находили. Составленные позднее сборники включают до шестидесяти тысяч хадисов, а в народе ходили сотни тысяч рассказов о Мухаммеде - самых фантастических и друг другу противоречащих. Специалисты хадисной науки и по сей день особенно ценят рассказы, которые восходят к Айше.

Что сказать о других современниках пророка? Тысячи верующих, видевших и слышавших Мухаммеда, сражались на пути Аллаха. Они были среди тех, кто победоносно прошел через всю Северную Африку до берегов Атлантического океана. Испания приветствовала их как освободителей от ига готов. Сыновья и внуки современников Мухаммеда, перевалив Пиренеи, тревожили набегамии окрестности Бордо. Большинство их не знало ни строки Корана, но они верили, что Бог един, Мухаммед - пророк, законы Аллаха - единственно справедливые, а смерть в бою - венец благочестивой жизни и прямая дорога в рай.

Десятки раз в истории человечества кочевники покоряли обширные области с высокой цивилизацией, и военные успехи арабов не кажутся чем-то поразительным. Поразительны лишь их последствия - ни до, ни после завоевательные походы кочевников не создавали новой цивилизации. На покоренных же арабами землях возникла новая цивилизация, которая по праву называется арабской. Пятая цивилизация земли, существующая и поныне. В рождении ее участвовал Мухаммед - сын Абдаллаха, курайшит из крошечного города Мекки, понявший на сороковом году жизни, что он пророк и посланник Бога.

Послесловие

...Несть числа вопросам и проблемам, когда мы сегодня мысленно соприкасаемся с понятием "ислам".

Для последователей этой религии воля, мудрость и любовь Всевышнего к людям составляют

сокровенную сущность тех событий, попытка описать которые представлена в настоящей книге. Некоторых верующих мусульман может оскорбить даже само прикосновение человека неверующего к тайне рождения ислама, лежащей вне рационального, рассудочного восприятия мира, того восприятия, которое мы привыкли называть научным мировоззрением. Тем не менее рискну со всей осторожностью затронуть ряд вопросов, не нашедших отражения в книге "Жизнь Мухаммеда", написанной почти четверть века тому назад.

Ислам пришел на территорию нашей страны в середине VII века, и по сегодняшний день ясно различимы области, населенные народами, культура которых формировалась в рамках (или под сильнейшим воздействием) исламской цивилизации, и области проживания народов, в культуре которых доминируют черты других цивилизаций - восточноевропейской, развивавшейся под сильнейшим воздействием православного христианства, и западноевропейской, религиозным проявлением которой для нас служит католицизм и протестантизм. Я перечислил лишь три основные цивилизации из выделенных историком А. Тойнби, но не надо, конечно, забывать ни о дальневосточной цивилизации, ни об индийской. Как не надо забывать и о том, что каждая из перечисленных цивилизаций представлена множеством своеобразно развивающихся культур и уникальных этносов, сохранивших с древнейших времен чрезвычайно интересные черты тех религиозных представлений, которые обычно называют "языческими" (от "языцы" - народы, племена) и которые напоминают нам ту эпоху в развитии человечества, когда каждый народ, каждое племя обязательно имели свою систему религиозных идей и религиозной практики.

Эти цивилизации развивались и развиваются по своим законам - в чем-то общим, а в чем-то чрезвычайно своеобразным. Их можно уподобить континентальным плитам, находящимся в постоянном движении. В местах контактов таких плит располагаются зоны повышенной сейсмической активности, земная кора содрогается, изменения облика нашей планеты ускоряются. Сходная картина, по справедливому замечанию А. Тойнби, наблюдается и в зоне контактов разных цивилизаций. Значит ли это, что наличие разных цивилизаций в пределах нашей страны, иногда территориально разобщенных, но чаще причудливо проникающих друг в друга, следует рассматривать как явление негативное? Автор убежден, что ни в коем случае. Помимо того обстоятельства, что подобное многообразие сложилось отнюдь не случайно и что произвол при этом играл второстепенную роль, многообразие цивилизаций, как и многообразие населяющих нашу страну народов, составляет ее несомненное богатство. Это богатство и в прошлом реализовалось в удивительных по красоте проявлениях духовной и материальной культуры, оно украшает нашу сегодняшнюю жизнь, а в будущем обещает неожиданные открытия, ведущие к разрешению тех проблем, с которыми неизбежно будет сталкиваться человечество в своем развитии. Просто надо учитывать, что разными народами нашей страны унаследованы традиции не одной цивилизации, а нескольких, и вести строительство жизни в районах их активных контактов с повышенной осторожностью, с повышенным запасом прочности, и тогда никакой неожиданный кризис не поколеблет стен нашего общего дома.

Для строительства такого надежного дома необходимо, чтобы люди, выросшие в условиях культурных традиций разных цивилизаций, уважали и понимали друг друга. Углубить взаимопонимание и составляло одну из основных целей создания книги о пророке Мухаммеде.

Стала ли эта цель менее актуальной за прошедшую почти четверть века? Я думаю, что нет. И не только из-за того, что перемены в нашем обществе сопровождаются нередко столь драматическими событиями. Взаимопонимание между людьми, народами, социальными группами - цель, к которой стремились, стремятся и будет стремиться человечество.

Читателям, осознающим свою культурную общность с восточноевропейской цивилизацией, развивавшейся под воздействием православного христианства, и читателям, для которых близки традиции исламской цивилизации, я хочу напомнить, что ислам формировался в

тесном взаимодействии с различными течениями именно восточного (православного) христианства, а потому взаимопонимание между православными и мусульманами в значительной степени облегчено. Так было на протяжении более чем тысячелетней истории нашей страны, и в наши дни можно видеть черты сходного отношения ко многим явлениям жизни у представителей этих цивилизаций.

Соприкосновение цивилизации и культур вызывает соревнование между ними, борьбу за свои приоритеты, пропаганду своих ценностей и достижений и попытки умалить значение ценностей и достижений "соперников". Так была разработана в недрах западноевропейской цивилизации "черная легенда о России" (Л. Н. Гумилев), с проявлениями которой мы сталкиваемся по сию пору. В результате сходных процессов среди христиан много веков насаждалось предвзятое отношение к исламу, который рассматривался как религиозная система менее развитая, чем христианство. Такой взгляд, некогда обусловленный вполне исторически объяснимой пристрастностью христианских авторов, поддерживается и в настоящее время теми учеными, которые заражены "европоцентризмом". Западноевропейская цивилизация представлялась им "универсальной и единственной, весь же остальной мир варварским" (Н. А. Бердяев). Подобные представления, на мой взгляд, являются совершенно ненаучными. Все цивилизации Земли уникальны, целостны и самодостаточны. Критерии "более прогрессивный - менее прогрессивный", "передовой - отсталый", "хуже лучше", а тем более использование этических категорий неправомерно при сопоставлении цивилизаций как системных целостностей, которые, взаимодействуя между собой, развиваются каждая по своим собственным законам и находятся на разных этапах этого процесса.

Очень трудно дать определение понятию "цивилизация" или тем или иным конкретным цивилизациям, но, поскольку они выступают перед нами как историческая данность, нет оснований сомневаться в их реальном существовании. В основе духовной культуры каждой цивилизации лежит своеобразное (и отнюдь не случайное) сочетание исходных принципов, которые можно уподобить аксиомам - положениям, принятым без доказательств ввиду их "самоочевидности" (грубо говоря - "на веру"). Разные основополагающие принципы создают как бы разные системы координат, в рамках которых протекает развитие духовной культуры каждой цивилизации и дается оценка явлений духовной и материальной жизни.

Наличие разных систем координат создает исключительные трудности для взаимопонимания людей, выросших в условиях разных цивилизаций. Недостаточное знание или полное незнание языка (в случае исламской цивилизации - в первую очередь арабского) не составляет основную трудность. Каждая цивилизация использует свой, только ей свойственный набор понятий, которые без очень существенных потерь информации нельзя "перевести" на язык другой цивилизации. С помощью специалистов мы можем, например, с той или иной глубиной вникнуть в смысл понятий "дхарма", "атман", "прана", присущим индийской цивилизации, но попытки перевести собственный духовный мир на язык этих понятий для подавляющего большинства людей заканчиваются полнейшей неудачей.

Что дело тут не только в языке как таковом, свидетельствуют трудности взаимопонимания, которые вот уже более двухсот лет можно наблюдать между представителями западноевропейской и восточноевропейской цивилизаций внутри самого русского народа. Ожесточенные споры "западников" и "незападников" нередко и в наши дни превращаются в грубую перепалку, дышащую злобой, и общность языка мало помогает делу - одни и те же слова, одни и те же понятия в культуре этих цивилизаций входят в различные системные целостности, они давно приобрели существенно неодинаковое содержание. Будем же помнить, что слова Ф. И. Тютчева: "Умом Россию не понять, аршином общим не измерить..." справедливы и для цивилизации ислама в целом, и для культуры народов, развивавшихся в рамках этой цивилизации.

Значит ли сказанное, что проблема глубокого взаимопонимания разных цивилизаций

неразрешима? Нет, конечно, - просто путь к взаимопониманию лежит не только через "ум", рациональное знание (здесь уместно вспомнить предостережение Ф. М. Достоевского и не впадать в "лакейство уму") - для понимания нужны и интуиция, и стремление видеть красоту мира, и любовь к миру и человеку. Каждый человек потенциально шире, чем рамки той цивилизации, в условиях которой он формировался в силу случайности рождения, а общечеловеческая культура богаче и разнообразнее культуры любой цивилизации.

Своего рода эйфория, которой в своей массе были охвачены работники науки начиная с конца XVIII века, сменяется в наши дни заметным отрезвлением. Упрощенные представления о природе человека и общества как неких сложных механизмах, устройство которых в общих чертах уже достаточно познано, чтобы приступить к их радикальному улучшению по заданной программе - после череды невиданных в истории актов насилия над человеком и природой, принесших очень много бед, - уступает место более трезвой оценке роли науки.

Я полагаю, что назревшее изменение отношений между наукой и религией будет происходить под заметным влиянием идей, развитых нашим выдающимся естествоиспытателем В. И. Вернадским, создавшим учение о ноосфере - сфере Разума. Он показал, что появление человека принципиально изменило тот "монолит жизни", который составляет биосферу нашей планеты и частью которого является сам человек. "С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа, - писал В. И. Вернадский, - планета переходит в новую стадию своей истории. Биосфера переходит в ноосферу". Специфика ноосферы определяется наличием новой "силы", которая "есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного". "Человеческий разум. организованная им деятельность человека меняют ход природных процессов в такой же степени, как меняют их другие известные нам проявления энергии, но меняют по-новому". Следует подчеркнуть, что наука, по мысли В. И. Вернадского, - лишь одна из форм человеческого разума, который включает "все духовные проявления личности человека". Искусство и другие формы "духовных проявлений личности человека" также являются частью того Разума, который определяет закономерности развития ноосферы, и информация о человеке, полученная средствами искусства, обладает такой же, если не большей, ценностью, как и информация, добытая строго научными методами.

Сказанное тем более справедливо, когда речь идет о религиозных системах, возникновение, развитие и существование которых связано со столь очевидными и мощными "духовными проявлениями человека". И религия есть часть того Разума, который определяет лицо ноосферы, и религиозные методы познания человека играли и играют очень важную роль в формировании нашего "монолита жизни". Роль искусства и религии в усвоении и понимании целого ряда явлений бытия и сознания, которые до сих пор не могут служить объектами научного исследования (что, конечно, нисколько не ставит под сомнение реальность подобных явлений), нельзя преуменьшать. Как мне кажется, неверующим следует постоянно помнить, что "борьба с религией" таит в себе угрозу нарушения "экологии культуры" со всеми неблагоприятными последствиями для человека, общества и природы, в то время как ожидаемые положительные результаты весьма проблематичны.

Кризис, который переживает современный мир (и Запад, и Восток), несмотря на очевидные успехи науки и бурный прогресс в области материального производства, ставит перед человечеством новые проблемы, разрешение которых потребует объединения всех духовных сил. Преодолеть раскол между верующими и неверующими, между людьми различных вероисповеданий и между людьми, придерживающимися различных взглядов на желательное социальное устройство общества, - настоятельная необходимость нашего времени.

Я надеюсь, что предложенная читателю книга о пророке Мухаммеде послужит этой цели.

Ю. Б. Вахтин

Ленинград, май 1990 г.